А. В. НИКИТЕНКО

ДНЕВНИК

А. В. НИКИТЕНКО

ДНЕВНИК

III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. НИКИТЕНКО

ДНЕВНИК

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 3

1866—1877

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1956

Подготовка текста и примечания
И. Я. Айзенштока

ДНЕВНИК
1866—1877

1866

Январь 2. Воскресенье. Обед в клубе сельских хозяев. Обедало человек сто тридцать. Обед был хорош, но вял и не оживлен.

3. Понедельник. Как медленно искореняется зло, но еще медленнее возрастает добро.

Разбои и грабежи самые возмутительные и дикие злодейства совершаются открыто не в одном Петербурге, но в целой России. Администрация утешается или утешает других тем, что это и прежде всегда бывало, да только не печаталось. Впрочем, положение, принятое правительством в этих обстоятельствах, совершенная загадка. Почему администрация смотрит на все это с полным равнодушием и не принимает никаких мер, как будто интересы общества ей совершенно чужды? Во всяком сколько-нибудь устроенном государстве администрация, даже самая слабая, всегда по крайней мере показывала вид, что она действует. А тут даже можно было бы усомниться, что она существует, если бы от времени до времени она не давала о себе знать какими-нибудь мерзостями, вроде казенных краж, какой-нибудь вопиющей несправедливости, какой-нибудь странной меры, полезной для воров и бесполезной для мирных граждан.

4. Вторник. Вечер у ‹И. Т.› Глебова, где встретился со Срезневским и ‹Н. М.› Якубовичем, профессором физиологии в Медицинской академии. Я уехал до ужина.

5. Среда. На панихиде по *** ‹Плетневе›, которая совершена была в университетской церкви. Священник Полисадов сказал маленькую речь о заслугах покойного. Присутствующих было немного. Из академиков, кроме меня,

только Грот и ‹К. С.› Веселовский. Профессоров человек пять да несколько старых знакомых *** ‹Плетнева›. Тут, между прочим, встретил я князя ‹П. А.› Вяземского, Любимова и Делянова.

На днях по Екатерингофскому проспекту, часу в одиннадцатом вечера, проходила молодая, весьма приличного вида дама. Вдруг на нее нападают восемь переодетых молодых людей, произносят ей в лицо скверные слова, оскорбляют ее и теснят к забору вдоль тротуара. На крик ее, к счастью, подоспели два прохожих; негодяи рассыпались в разные стороны; одного из них, однако, успели схватить. Бедная женщина, почти без чувств, была доставлена в часть. Потребовался доктор, и она только с его помощью пришла в себя. Однако домой ее доставили совсем больною.

Земские учреждения наши важны не потому, что они есть, а потому, что они могут проложить путь тому, что должно быть.

Замечательная телеграмма государя к ‹К. П.› Кауфману, посланная в ответ на его поздравления с Новым годом. В ней изъявлена благодарность за твердую деятельность генерал-губернатора в западных губерниях.

Пока государства нужны, пока они составляют необходимую форму общественности, надо, чтобы Россия существовала, развивалась и зрела как государство, а это невозможно, если поляки снова будут господствовать в Западном крае. Я сердечно, искренно сочувствую их бедствиям. Но, во-первых, кто ошибся, тот должен нести и последствия своей ошибки; такова логика человеческой судьбы. А во-вторых, чем засвидетельствовали поляки, что они лучше устроят и поведут государство, чем мы?

8. Суббота. Говорят, что шепнуто кому подобает, чтобы здешнему суду было внушено, да не придерживаются они очень строго закона в оправдании проступков по делам печати. Это и есть обещанный суд, правый и нелицеприятный. [1]

9. Воскресенье. Возникла полемика между земскими учреждениями и администрацией, то есть министерством внутренних дел. Статьи последнего напечатаны в «Северной почте». Некоторые земские собрания, особенно петербургское, выразили свое неудовольствие на стеснения, коим они подвергнуты постановлениями со стороны административных властей, и положили просить о расширении своих

прав, а больше всего о невмешательстве этих властей в свои распоряжения. Может быть, эти домогательства земских собраний и не во всем справедливы, может быть, они и преждевременны, как замечает «Северная почта»; но дело в том, что наша администрация не пользуется доверием, что ее произвол и злоупотребления всем страшно надоели, а потому неудивительно, что общество старается всячески ее ослабить и по возможности иметь с нею меньше дела в устройстве и ограждении своих интересов.

Замечания и возражения, напечатанные в «Северной почте», изложены в очень умеренном тоне, и по некоторым признакам и оборотам речи можно догадываться, не писал ли их сам Валуев. [2]

10. Понедельник. Второе предостережение «Русскому слову», преимущественно за статью Писарева об учении Конта («Северная почта» № 6). [3] Это уже придирка. Мы, значит, поворачиваем назад к прежнему архицензурному времени. Я далеко не сочувствую всему, что проповедуется в «Русском слове». Но одно из двух: или надо при расширении свободы печати допустить разные воззрения и толки о таких предметах, о которых прежде толковалось не иначе, как официальным образом, и предоставить другим воззрениям и толкам опровергать и парализировать первые — или остаться при прежнем ходе подцензурной литературы и при прежних стеснениях печати.

Лучше бы не издавать нового положения и не обманывать таким образом публику и печать, будто бы предоставляя последней больше свободы, а на самом деле подвергая ее тягчайшему игу.

Выходит на поверку, что, дав свободу народу, мы хотим сковать всякую свободу мысли. Опираясь исключительно на чернь, не воздвигаем ли мы такое здание деспотизма, которое подкопать после вряд ли будет в состоянии умственная сила без какого-нибудь страшного взрыва?

11. Вторник. Сегодня в заседании академического правления совершенно неожиданно получил 300 рублей, которые президент определил выдать каждому из членов Второго отделения. Это служит мне большим подспорьем.

Однако мне и тут пришлось лишиться 90 рублей, которые вычли у меня в счет уплаты за чин, за который внести всего я должен 240 рублей. Хотели было удержать все, но добрейший ‹А. Н.› Власов устроил так, что я на этот раз успел сохранить большую часть этой неожиданной

манны. Чин тайного советника мне не по плечам: он сильно давит их.

14. Пятница. Общее собрание в Академии наук. Выбрали в экстраординарные академики по Второму отделению библиотекаря императорской Публичной библиотеки ‹А. Ф.› Бычкова, а в почетные члены ‹А. Ф.› Постельса за пожертвованную им Академии значительную коллекцию рисунков по части зоологии и ботаники, собранную им во время кругосветного путешествия с Литке.

Речь графа ‹А. Г.› Строганова в одесской думе делает много шуму. Она напечатана в № 4 «Вести».[4]

15. Суббота. Первое предостережение «Вести» за статью в № 3 по поводу мысли об общем земском собрании.[5] Но ведь об этом было говорено и печатано уже не раз во время земских собраний в Петербурге. Вообще министерство очень щедро на предостережения. Им, кажется, вполне овладела мысль уничтожить те приобретения, какие сделала печать в последнее десятилетие, — приобретения, из которых многие утверждены и гарантированы высочайшею волею. Разумеется, все это имеет вид пресечения злоупотреблений в печати. Но в том-то и дело, что то, что кажется министру внутренних дел злоупотреблением, то составляет только естественное последствие совершившегося факта и настоятельную потребность общества, допущенную самим правительством. Такой образ действий ничего не в состоянии произвести, кроме общего ‹негодования› и стеснения нашей бедной мысли и образованности.

14-го числа происходил суд над Краевским, о чем объявлено в № 15 «С.-Петербургских ведомостей». Приговор еще не постановлен.[6]

16. Воскресенье. Задача наблюдения за печатью — одна из труднейших правительственных задач. Трудность ее увеличивается, когда правительство не установило для себя твердых начал, которым оно намерено следовать, и не сделало их общеизвестными, когда оно колеблется между допущением большей свободы и страхом, что слишком много дозволило. Тогда писатели, самые благоразумные и благонамеренные, не знают, чего им держаться. То им кажется, что они могут высказать нечто более, кроме общих мест, то, чувствуя над собою Дамоклов меч, смущаются, и перо, обмакнутое в чернила, замирает в их руке из опасения подвергнуться тяжелым и незаслуженным взысканиям. Таково точно теперь положение нашей печати. Пра-

вительству следовало: или приостановить еще на несколько времени издание нового закона о печати, имеющего либеральный вид, и остаться при цензуре предупредительной, устроив ее по возможности разумнее, — или, издав новый закон, допустить и неизбежные его последствия. Закон без применения, закон только для виду есть обман и ловушка, недостойная хорошего правительства. Говорят, что правительство не может же дозволить того-то, того и того. Но чего именно? Вот в этом-то и задача. Ведь всякий гражданин очень хорошо понимает, что не должно восставать против бога и христианства, против государя и существующей формы правления, против чести и безопасности других граждан; но что именно считать посягательством в мысли и печати на эти священные предметы, если оно не высказывается и не прокламируется явно? Это уж будет зависеть от толкований. И вот где обширное поле для всякого рода недоумений, недоразумений, произвола и личностей. А между тем из этого может вырасти страшная кара и гнет, который грозит остановить всякое движение мысли. Вот, например, Краевский отдан под суд, который угрожает ему не более не менее, как каторгою, а между тем, когда он говорил о притеснении администрациею раскольников, он основывался на высочайшей воле, выраженной государем во время польского восстания и не оставлявшей никакого сомнения в том, что раскольников отныне у нас уже больше не будут преследовать за их верования. Все, за что можно упрекнуть редакцию, это два-три резкие слова, которые лучше было бы смягчить, но каторга за это — страшное дело! А ведь министр внутренних дел, мотивируя свое решение о предании редактора суду, ссылается именно на этот закон. В статье Краевского самые сильные выражения следующие: «давно ли у нас объявлена свобода вероисповедания для старообрядцев» и таким образом, то есть волею царскою, дарованная «льгота». Министр толкует эти выражения так, как будто автор восстает против правительства и осмеливается объявлять высочайшую волю. Но разве эта воля не была объявлена самим государем в словах, обращенных к раскольник[illegible], и ссылку на эти слова разве можно считать объявлением высочайшей воли, как на то уполномочиваются министры, генерал-адъютанты и проч.? Во втором предостережении «Русскому слову» приведена причина: косвенное намерение дать практическое приложение коммунизму. Это одно слово: косвенное —

в состоянии привести в отчаяние всякого пишущего, ибо чего нельзя представить в виде косвенного нападения на бога, царя и т. д.

На вечере у ‹А. Г.› Тройницкого. Продолжительный разговор с сенатором * ‹В. А. Цеэ›, который некогда был председателем цензурного комитета. Он совершенно одного мнения со мною насчет дел о печати. Он, между прочим, тоже думает, что уже лучше было бы на некоторое время оставить предупредительную цензуру, чем вести дело так неловко. Насчет поспешности и неловкости, с какой введена была эта цензурная реформа, я еще месяца полтора тому назад говорил графу ‹В. Ф.› Адлербергу в Царском Селе.

У Тройницкого было много гостей. Отовсюду слышалось сильное неодобрение применению наказания к Краевскому каторжной работы. Находят, что закон этот не имеет никакого отношения к факту. Предостережение «Вести» тоже никем не одобряется. Все говорят, что управление по делам печати находится в очень дурных руках. С нетерпением ожидают, что сделает суд по делу Краевского. Сам товарищ министра видит большой промах в этом деле со стороны министерства. Он с жаром выговаривал это ** ‹И. А. Гончарову›, который был тут же и отвечал, что же ему было делать? У него ни горла, ни легких не хватило кричать против решения совета, да и притом, как тут поступать, когда делается внушение свыше, то есть со стороны министра. Тройницкий сильно напал на это последнее выражение. Мне даже жаль стало бедного ** ‹Гончарова›.

18. Вторник. У нас с папой ‹Пий IX› серьезная размолвка. ‹Е. Ф.› Мейендорф имел с ним крупный разговор. В первый день нового года наш посланник приехал с поздравлениями к святому отцу. Последний начал упрекать русское правительство за обращение с католиками в Польше и, возвысив голос, прибавил, что оно, русское правительство, кажется, решилось совсем уничтожить там католическую веру. Мейендорф на это возразил, что его святейшеству доставляют неверные сведения, что русское правительство никогда не помышляло об искоренении какой бы то ни было веры, но что оно не могло не принимать мер против духовенства, которое стало во главе бунта и возбуждало политические страсти.

— Это ложь! — воскликнул с жаром и негодованием папа.

Тогда посланник с серьезным видом отвечал, что его правительство не лжет и что он, как представитель своего государя, не может оставить этого обвинения без ответа.

— Вы забываете, с кем вы говорите, — заметил папа.

— Ваше святейшество, я вполне понимаю, с кем имею честь беседовать, но не могу не исполнить моего долга в отношении к моему государю.

Тогда папа страшно разгневался и, указав посланнику на дверь, крикнул: «Уйдите».

Мейендорф сообщил об этой сцене Антонелли, который взялся было уладить дело, но потом объявил, что святой отец ничего слышать не хочет и уверяет, будто он никогда не обвинял русского правительства во лжи, но что посланник перед ним забылся.[7]

Разумеется, двор наш поставлен этим в большое затруднение. Наполеон старается всячески раздуть искру, представляя из себя защитника папы в глазах всего католического мира, и легко может принять этот случай за предлог к неприязненным отношениям с нами. Дела его в Мексике идут очень дурно, и ему, для поправления своего кредита в глазах французов, необходимо выкинуть новый фокус.[8] К тому же ему надо чем-нибудь отвлечь внимание подданных и от внутренних дел и опять словить их на приманке новой военной славы. Недаром вступил он в тесный союз с Австрией.

21. Пятница. Вечером, между прочим, был у меня Б — в ‹?›, в первый раз ко мне приехавший и с которым я теперь только познакомился. Он кажется приятным, умным и сведущим человеком. Он техник и преимущественно механик, ездил во Францию и Англию с поручениями по части железного производства, а во время польского восстания управлял частью Варшавской железной дороги. Он рассказывал много любопытного из истории восстания и о ‹М. Н.› Муравьеве. По словам его, Муравьев вовсе не был недоступен чувству милосердия, но он неутомимо преследовал главную цель — подавление восстания и на этом пути сокрушал все преграды. О поляках говорил Б—в, что у них, при сильном патриотическом чувстве, во всем проглядывала большая безалаберность. Он был свидетелем нескольких военных действий и получил высокое понятие о нашем солдате, о его несокрушимой храбрости, чуждой всякой хвастливости, и о его добродушии. Казаков Б—в не хвалит. По его словам, они воры.

22. Суббота. Говорят, мнения в суде о Краевском разделились. Одна часть судей не находит решительно никаких поводов к его обвинению, а другая полагает приговорить его к 25 рублям штрафу. Во всяком случае выходит, что Валуев потерпел жестокое поражение. Общий голос в публике и суде против него и против его чиновников. Не постигают, как можно было поднять всю эту бурю и написать такое нелепое обвинение с подведением законов, не имеющих ни малейшего отношения к делу.

Заходил навестить поутру все еще больного Чивилева. Там познакомился с графом ‹Б. А.› Перовским, состоящим при наследнике. Он показался мне добрым человеком. Тут узнал я о проекте образовать общество ученых для разработки государственного архива и издания его актов, чему весьма покровительствует князь ‹А. М.› Горчаков. Я заметил, что мера эта очень полезна для отечественной истории и должна так же много содействовать успеху ее, как и знаменитая археографическая комиссия.[9]

23. Воскресенье. На бале у Тройницкого. Множество гостей всяких — и звездоносных и простых смертных. Гончаров свел меня с ‹М. П.› Щербининым, который изъявил мне свое глубокое сожаление, что меня нет в совете. Я отвечал на это, что уже довольно послужил делу печати, и поспешил переменить разговор. Он показался мне жалким стариком, которому очень тяжко под бременем его председательства. Он жаловался на то, что судьи их не поддерживают. Потом я говорил с бароном ‹М. А.› Корфом, который обещался доставить мне некоторые материалы для биографии Галича.

26. Среда. Все зимы нет. Вчера дождь и всяческая мокрота, сегодня тоже. Доктора, однако, говорят, что общее состояние здоровья в городе лучше, чем обыкновенно бывает в это время года.

28. Пятница. Собрание у А. С. Норова из нескольких членов Академии наук для совещаний о проекте нового устава. На меня возложено составить по этому предмету записку.

Февраль 1. Вторник. Какой скачок! Сегодня 18° мороза.

2. Среда. Всякая пошлость, всякая бездарность прячется ныне за факты, за положительность. Собрав горсточку фактов или фактиков, бездарность громко восклицает: «Вот труд науки!» и с гордым презрением смотрит

на всякое движение ума, который требует в фактах смысла и цели, с презрением слушает всякое живое или изящное слово.

Годичное собрание Общества для пособия литераторам. Я обыкновенно стараюсь на нем присутствовать, как один из основателей Общества. Оно в упадке. Никто ничего не жертвует, да и члены не платят годичных взносов. Однако у Общества все-таки старого капитала тысяч до тридцати пяти. В нынешнем заседании ‹В. С.› Курочкин, издатель «Искры», предложил странную мысль — дать пособие рисовальщику карикатур, тогда как Общество учреждено исключительно для пособия литераторам. Некоторые согласились с этим; согласился и сам председатель, ‹Ег. П.› Ковалевский, по обычной своей слабости. Я первый формально этому воспротивился, сказав, что таким образом произвольно расширять пределы пособий значит совершенно противоречить принципу и основному закону Общества. Собрали голоса. Значительное большинство оказалось против предложения Курочкина.[10]

3. Четверг. В одном из балаганов на Исаакиевской площади учинился разгром. Содержатель балагана пригласил к себе конькобежца, и это привлекало к нему много публики. А чтобы побольше раздавать билетов, он заставлял конькобежца забавлять публику только по пяти минут, а в заключение конькобежец почему-то и совсем покинул свою ледяную арену. Публика рассвирепела и по знаку какого-то молодца, кликнувшего «ура», бросилась ломать скамьи, стулья, перегородки. Тогда содержатель балагана начал уже честно давать свои представления. Итак, народ сам начинает искать себе управу.

6. Воскресенье. Ночью всякая чертовщина: толчки, холод, бессонница. Как часто приходится колебаться между сожалением о человеке и презрением к его судьбе.

8. Вторник. Студенческий обед. Обедало человек сто у Демута. Сытно, пьяно, дымно, шумно и тесно!

Я воротился домой с обеда около семи часов и нашел у себя записку князя П. А. Вяземского с приглашением на вечер для слушания чтения «Смерти Иоанна Грозного». Я поехал. Тут было несколько княгинь, графинь и проч. Из знакомых князь ‹Д. А.› Оболенский, князь ‹С. Н.› Урусов и Карамзин Владимир. Читал ‹Б. М.› Маркевич, и читал прекрасно. У него особый дар чтения.

9. Среда. Вчера отдал Аврааму Сергеевичу перебеленные и выправленные листы моих замечаний к проекту академического устава, которые он намерен защищать в Государственном совете.

Если рассудить основательно, то жалобы и сетования на безнравственность, разные беспорядки и пороки людские окажутся весьма неосновательными. Жаловаться и сетовать можно только на ненормальное положение вещей, а такое состояние нравов, какое существует ныне, да и всегда было, не есть ли настоящее нормальное состояние человеческого быта? Все отношения человеческие основаны на двух началах: нападения и обороны. Сила грубая нападает на ваши карманы, на вашу жизнь; более утонченная, цивилизированная нападает на ваше имя, на ваше сердце, ваши убеждения и т. п. Если вы не хотите нападать, то берегитесь и обороняйтесь — и вот, кажется, все, чего можно требовать от человеческой природы и добродетели.

12. Суббота. Вчера заседание в общем собрании Академии и в комиссии об Уваровской премии. С‹резневск›ий выбрасывал из своих уст престранные мнения о поэзии и драме. Другие молчали. Против драмы Толстого «Смерть ‹Иоанна› Грозного» составляется, кажется, сильная коалиция.[11] И поделом ему! Зачем он не принадлежит ни к какому литературному кружку, да еще и аристократ, по крайней мере по имени и по положению при дворе. А что это человек с большим талантом и написал очень хорошую вещь — какое до этого дело гробокопателям или самозванным вождям юного поколения!

13. Воскресенье. Как грубо обращаются они с душою человеческою, эти господа естествоиспытатели, считая ее таким же куском мяса, как и все остальное в человеке. Они без церемонии пялят на нее глаза в свой микроскоп, запускают в нее свой нож и чего не допытываются ни микроскопом, ни ножом, того и знать не хотят. Оно, конечно, хорошо верить только своим чувствам; но все познаваемое познается ли только ими одними? Нет ли, друг Горацио, чего-нибудь такого в природе, что не может и сниться нашим мудрецам, что сокрыто в такой глубине или заключает в себе такие элементы, до которых не досягнуть нам никакими чувствами, никакими орудиями, а в таком случае как же, по совести, могу я сделаться материалистом? Почему же материализм имеет более права на доверие в том,

что касается существеннейшей части человека, нежели идеализм? Оба они ничего здесь не знают. Но с последним по крайней мере уживаются наши нравственные интересы, без которых человек — и зверь, и подлец, и самое жалкое существо.

25. Пятница. Если хочешь, чтобы для тебя не пропал нынешний день, не думай о завтрашнем.

Наука подготовляет почву для убеждений, но сама не дает их.

Март 2. Среда. Ум специалиста тупеет по мере того, как все глубже и глубже уходит в свой предмет. Им овладевает дух исключительности, и он, по выражению одного умного грека, от великой учености становится дураком. Примеры налицо. Вот ‹Ю.› Либих, который химиею хотел объяснить всю историю человечества. Если ему верить, все зло и добро на земле происходят от уменья или неуменья обращаться с почвою. Или другой пример — знаменитый, боготворимый нашими нигилистами ‹Г.-Т.› Бокль, который все изъяснял влиянием естественных причин и историю их выводил из будто бы часто случавшихся в Испании землетрясений. Рису и кукурузе в Индии он также давал великое значение и приписывал им влияние на весь экономический и политический быт Индии.[12]

5. Суббота. Здешнее дворянство проектировало адрес по случаю отказа князя ‹Г. А.› Щербатова принять на себя звание предводителя.

У Валуева — благодарил за содействие в устройстве моих дел. Петр Александрович не мог-таки обойтись без некоторого выкрутаса.

— Вы пожаловали, — сказал он, увидев меня, — изъявить мне ваше благоволение!

— Не благоволение, ваше высокопревосходительство, а мою искреннюю благодарность.

— Очень рад и т. д.

Затем мы еще немного поговорили, на том и расстались. Он очень переменился — похудел и постарел. В последнее время положение его сделалось очень трудным. Его сильно теснили и теснят земские дела, польские и дела по печати. Три порядочные тяжести. Тяжела ты, шапка Мономаха! Вероятно, это последнее мое свидание с ним. Едва ли мне приведется еще с ним встретиться. Незачем и не для чего.

Статистические цифры способны отуманить самую светлую голову, если она расположена объяснять механически все общественные и человеческие явления. Так, Бокль уверяет, опираясь на некоторые цифровые данные, что в известные периоды времени непременно должно совершиться известное число преступлений или что в английском почтамте так же периодически накопляется известное число писем с неозначенными адресами. Вот вам и положительные данные, на которых позитивисты строят историю человечества и общественный порядок.

6. Воскресенье. Вечер у Тройницкого. Разговоры о бывшем дворянском собрании, об адресе для исходатайствования дворянству новых прав, особенно о дозволении посылать в Петербург депутатов для представления правительству о своих нуждах. На адрес уже последовал ответ: «Оставить без последствий».

8. Вторник. Поутру был у начальника Северо-Западного края, Кауфмана, по моему личному делу... Затем он начал беседовать о польских делах. Он жаловался, что его действия сильно парализуются партиею, покровительствующей полякам. «Мне гораздо легче, — говорил он, — справляться с тамошними противниками, чем с здешними. Поляки, — продолжал он, — пропитаны к нам враждою. Никакого доверия нельзя иметь к наружной преданности их, и теперешнее успокоение края есть чисто внешнее».

Я пробыл у него с полчаса и нашел в нем человека обходительного и готового действовать неутомимо.

9. Среда. Предводителем здешнего дворянства утвержден граф ‹В. П.› Орлов-Давыдов. Это очень хорошо со стороны государя, который, таким образом, не помянул грехов его. [13]

10. Четверг. Читал в Академии мою рецензию на драму Писемского «Екатерининские орлы». В ней я вообще порицаю слепую прилепленность к фактам в науке и в искусстве, которою заражены и наши писатели-реалисты и наши академики. Рецензия была выслушана, повидимому, со вниманием и похвалена, хотя, само собою разумеется, не всеми одинаково искренно. [14]

В № 68 «С.-Петербургских ведомостей» напечатано описание обеда, данного здешним дворянством князю Щербатову. Тут было выпито и провозглашено обедавшими бесчисленное множество тостов в честь князя и друг за

друга. Взаимным восхвалениям и прославлениям не было конца. Все это похоже на какое-то детство, так что становится и жалко и смешно. Как дети, обрадовавшиеся, что им можно пошуметь и поскакать на воле и без гувернеров, почтенные дворяне кричали, пили, шалили, играя в либерализм в полном веселии и самодовольствии. Вот что называется пробуждением духа свободы и самостоятельности! Положим, что это так, но некоторая сдержанность, рассудительность и спокойствие были бы здесь гораздо больше у места, чем вся эта буря пустых восклицаний и восторгов. Так ли понимаются и устраиваются серьезные вещи? Князь Щербатов поставлен на такую высоту, как будто он спас отечество, между тем он только проектировал адрес о допущении депутатов от дворянства в Государственный совет с правом голоса. Что такое право голоса в данном случае в сущности я не знаю. Но ведь московские дворяне писали адрес о земской думе. И эта идея гораздо основательнее: по крайней мере она находит себе опору в нашей истории. Еще князь Щербатов восхвалялся за свое гражданское мужество. Правду сказать, нетрудно мужествовать с ста двадцатью тысячами годового дохода и когда знаешь, что в нынешнее царствование тебя за то ни в крепость не посадят, ни в Сибирь не сошлют. Нет, уж когда так, то гораздо мужественнее вот эти мальчуганы, пишущие зажигательные статьи и подвергающиеся запрещениям и опасности остаться без куска хлеба. Если мы возрождаемся и преобразуемся, то, правду сказать, начинаем это при довольно неблагоприятных предзнаменованиях. При нашей незрелости и безалаберности мы готовим себе еще худший разлад и еще много разочарований.

11. Пятница. Вчера также был у Модеста Андреевича Корфа. Он подарил мне несколько своих брошюр, а главное — обещался отыскать в своих бумагах и сообщить мне некоторые подробности о Галиче.

Меня выбрали в члены Общества для пособия бедным женщинам. Посмотрим, что это за общество. Я вообще мало доверяю нашим обществам. Тут участвует много женщин: может быть, от этого будет лучше.[15]

Самый опасный враг человека — в нем самом, враг тем опаснейший, что человек не должен с ним бороться, так как если бы ему удалось его победить, то это было бы его самым позорным и самым скверным делом. Враг этот — стремление к лучшему.

*

13. Воскресенье. Все либералы ужасно любят лакомиться властью.

Зима упорно отстаивает свои права, нарушенные предшествовавшими месяцами. Но все мартовские дни почти постоянно от 5—10° мороза, а солнце сияет по-весеннему.

Заседание в общем собрании Общества пособия бедным женщинам. Множество длиннохвостых княгинь и графинь. Встретил знакомую сотрудницу по Обществу посещения бедных, графиню ‹Е. Ф.› Тизенгаузен, которая некогда усердно занималась его делами. Общество пособия бедным женщинам еще очень молодо: оно как-то ощупью ступает, хотя и с большими претензиями. Программу оно начертало себе такую обширную, что для исполнения ее нужны огромные средства, а у него и капиталу всего не хватает даже до тысячи рублей. Общество похоже на те начинающиеся города Северной Америки, которые раскидываются по обширному плану. Тут множество улиц, площадей, публичных зданий — на бумаге, а на деле торчат несколько плохоньких домов. Но известно, что там эти пустые пространства и застраиваются очень быстро. Хорошо, если бы и с нашим Обществом случилось то же.

14. Понедельник. Если это правда, то этим не следует оскорбляться, потому что это правда. Если это ложь, то этим не следует оскорбляться, потому что это ложь.

15. Вторник. Вечер у князя ‹П. А.› Вяземского. Граф ‹В. А.› Соллогуб читал свою статью о русской литературе вообще и о характере стихотворений князя Вяземского в особенности. [16] Собрание было большое. Много дам. Между ними встретил я графиню ‹А. Д.› Блудову, перед которой извинился, что до сих пор у ней не был. На днях только кончился у меня карантин — у меня в доме была больна скарлатиною племянница; а во дворец в таких случаях являться нельзя. После князь Вяземский читал отрывки из «Нигилиста» графа Соллогуба. Умно, остроумно и легкие живые стихи, какими Соллогуб обыкновенно не пишет. [17] Беседовал также с ‹В. П.› Титовым, которого не видал очень давно, с ‹В. Н.› Карамзиным и проч.

17. Четверг. Последние три ночи прошли почти совсем спокойно. Не гомеопатические ли капли уж действуют, которые мне прописал Вальц: арника и аконит?

Виделся с князем В. Ф. Одоевским, который на несколько дней приехал сюда. Лет восемь как я не видал его. Он мало изменился наружностью, а душою нисколько.

Он такой же умный, склонный к умозрениям человек, такой же благородный, честный, такой же хлопотун, как и прежде, с моложавым лицом. Только ноги отказываются ему служить, говорит он. Я просидел у него довольно долго.

27. Воскресенье. Праздник пасхи. Заутреня в Первой гимназии.

Есть люди мысли без науки: это обыкновенно мечтатели и фантазеры. Есть и люди науки без мысли: это тупые гробокопатели, собиратели фактов, непонимающие их, каменщики, не дающие себе отчета в том, над каким зданием они трудятся.

28. Понедельник. Утром был у ‹Н. И.› Греча. Ему уже 80 лет, но он еще довольно бодр духом, с замашками на прежнее остроумие. Жалуется на слабость ног. Его теперь содержит жена, Евгения Ивановна, которая сделана инспектрисою института глухонемых, куда первоначально поместил ее я через графа М. Ю. Виельгорского, с которым был в очень хороших отношениях. Сперва она пробыла там шестнадцать лет в должности классной дамы или, лучше сказать, начальницы, хотя и не называлась ею. Она приобрела себе тут отличную репутацию, несмотря на кокетство, которого не была чужда всю жизнь. Потом вышла замуж за Греча и оставила институт, а теперь вот опять приняла его в свое ведение. Греч очень обрадовался мне и припомнил наше первое знакомство в 1825 году, когда принял с большим одобрением и напечатал у себя в «Сыне отечества» мое первое сочинение. Я был тогда студентом, и, разумеется, это много для меня значило. Припомнил он и письмо к нему обо мне по этому случаю Ф. Н. Глинки, сосланного в Петрозаводск после 14 декабря, который писал ему, что моя статья произвела на него глубокое впечатление и послужила ему утешением.

Апрель 1. Пятница. Первое предостережение «Московским ведомостям». Каково бы ни было правительство, но пока оно не свергнуто, рядом с ним не может быть терпима сила, стремящаяся заодно с ним управлять государством. «Московские ведомости», поощренные успехом, в последнее время именно приняли такой характер. Приверженцы их даже распускали слухи, что правительство не осмелится поступить с «Московскими ведомостями» так, как оно поступает с другими газетами, и были уверены, что если это случится, то в Москве произойдет нечто вроде бунта. Противники же их, напротив, находят, что пора

вылить ведро холодной воды на головы опьяневших от успеха издателей.

Предостережение сделано за статью, помещенную в № 61. Но, кажется, это был только предлог. [18]

2. *Суббота.* Вот какие слова напечатаны в «С.-Петербургских ведомостях» в статье о лекциях ‹Н. М.› Якубовича:

«Всестороннее же развитие нервной системы идет в разрез с животным эгоизмом и животною неразвитостью. Оно совершенствует понятие о цели и дает средства к ее достижению. Если развитие человека не соответствует этому назначению, если оно направляется в одну сторону и ведет не к сознанию его роли в ряду других существ, не к пониманию окружающей его обстановки, а к поддержанию старых предрассудков и ложно развитых чувств предыдущего поколения — то такое воспитание является ужасающим злом человеческой породы. К несчастью, это зло почти повсеместно».

Слушайте, слушайте! А вот Петр Лаврыч кричит: нам нужно крови, крови! И его слушают три-четыре медицинских студента да две-три девочки, им же обращенные в нигилисток, и все они громко аплодируют Лаврову. [19]

3. *Воскресенье.* Вы жестоко ошибаетесь, принимая за умных людей тех, которые бойко и яростно говорят о цивилизации, о прогрессе, о новейших открытиях в естественных науках и прочих материях важных. Это люди с претензиями на ум. Они загораются, как серные спички, от прикосновения с другими умами, горят минутку и тухнут с чадом, не оставляя по себе ничего, даже щепотки золы.

Ум есть нечто господствующее, направляющее и управляющее, так что человек с умом знает, куда, зачем и почему он идет. Он рассуждает, взвешивает и решает на основании многих разнообразных и даже противоположных мнений и причин, а не стремится только как животное, движимое грубым инстинктом, или как слепая сила, приходящая в движение от первого внешнего толчка.

4. *Понедельник.* Иное дело изучать механизм человеческих психических отправлений, и иное дело изучать то, что движет и направляет этот механизм.

Обругать-то они в состоянии, но разобрать и оценить не в состоянии.

С первого дня праздника до сегодня была удивительная, светлая, ясная погода. Сегодня небо хмурится.

Девять часов вечера. Сию минуту услышал ужасающую весть о покушении на жизнь государя во время прогулки его в Летнем саду, около трех часов. Подробности, разумеется, пока еще неизвестны. Завтра узнаем.[20]

Вот, наконец, до чего дошла Россия. Поляки это? Или наши нигилисты?

«Московские ведомости» не приняли предостережения и решаются платить штраф в течение трех месяцев. Они отвечали на предостережение большою статьею, сущность которой следующая: ведь я гораздо сильнее нападал на вас, и не раз, и вы молчали. Любопытно, что-то делает Валуев. Говорят, однако, что предостережение дано по высочайшему повелению, чего Катков не мог не знать. Мне кажется, Катков играет нехорошую роль. Он ищет всячески затруднить правительство, хотя не может не знать, как это вредно в настоящее время. Успех совсем отуманил его и сделал высокомерным до потери всякого доброго чувства.

5. Вторник. Подробности о вчерашнем прискорбном событии я еще не слышал. Газеты только сообщают, что на жизнь государя было сделано покушение, когда он после прогулки в Летнем саду садился в коляску. Спас его от очевидной смерти мастеровой Комиссаров, который ударил под локоть злодея в то самое время, когда тот наводил пистолет на государя. Но кто этот злодей и что его побудило на такое гнусное дело — еще неизвестно. Сегодня я ездил в Римско-католическую академию через Николаевский мост и видел, что вся Дворцовая площадь была залита народом. В академии я объявил, что читать лекции сегодня не в состоянии. Молодые люди, повидимому, искренно разделяли и мою скорбь, а вслед за тем — и мою радость, что зло не совершилось. Одни говорят, что это недоучившийся гимназист из нигилистов, другие — что это студент Медико-хирургической академии. Разумеется, все это только слухи.

Ничего еще не добились: злодей путается в своих показаниях.

Государь, благодаря во дворце собравшихся его поздравить, сказал: «Верно, я еще нужен России», а наследнику,

который с рыданием бросился ему на шею: «Ну, брат, твоя очередь еще не пришла».

Был у Тютчева, где встретился с Деляновым. Разговор, само собою разумеется, все о покушении. Потом перешли к «Московским ведомостям», которым готовится второе предостережение. Даже Тютчев, который до сих пор всегда держал их сторону, теперь недоволен ими.

Был в клубе. Те же толки, о том же. Поздно вечером получил от секретаря Академии ‹наук› извещение, что мне поручено написать адрес государю вместе с Г‹ротом›. Как писать адрес вместе?

6. *Среда*. Государь, конечно, утешен выражением беспредельной к нему преданности всех классов народа, но цвет сердца его увял: чувство безопасности среди своего народа должно в нем исчезнуть. Ведь поневоле такие горькие опыты подрывают доверие и уважение к человеку. Говорят, один случай ничего не доказывает, но ведь возможность гнусного дела зарождается и вырастает среди многих и самых разнообразных мерзостей — самолюбия одних, слабодушия других, гордости третьих, черной неблагодарности тех-то и тех и так до бесконечности.

Сегодня в девять часов утра я был уже у ‹К. С.› Веселовского с моим проектом адреса... Г‹рот› выслушал мой адрес и объявил, что сам находит его лучше своего и нимало не огорчится, если он будет предпочтен его проекту...

Вечером мне доставлен был уже переписанный адрес и подписанный всеми членами. Я также подписал его. Завтра он будет у государя.

7. *Четверг*. Много добра, конечно, происходит от тесных связей и сношений между собой государств в Европе; но отсюда возникает также и великое зло. Связи эти и отношения до того усложняются и запутываются, что дипломатия часто находится в невозможности их распутывать и является, наконец, необходимость разрубать их мечом.

Обедал у Марка ‹Любощинского›. Там были сенаторы: ‹Г. А.› Гизетти, ‹С. И.› Зарудный и ‹Ю. А.› Гагемейстер. Разговор, конечно, о современном важном, печальном и радостном событии. Ничего нового не открыто. Преступник все путается и путается в показаниях. Но, кажется, не подлежит сомнению, что он только орудие замыслов какой-то шайки, нити которых надо искать, может быть, даже за границей. Один из собеседников так далеко простер свои догадки, что даже обвинял Наполеона.

9. Суббота. ‹М. Н.› Муравьев назначен председателем следственной комиссии по делу о покушении на жизнь государя императора. В обществе этим довольны. Прежняя комиссия, говорят, действовала слабо и вряд ли бы что открыла.

Князь ‹В. А.› Долгорукий, шеф жандармов, уволен от должности. На место его назначен граф ‹П. А.› Шувалов, генерал-губернатор остзейских провинций. Толкуют об учреждении министерства полиции. Говорят также о близком увольнении Валуева и Головнина.

Овации и демонстрации по случаю спасения государя превосходят все, что до сих пор казалось доступным русскому воображению и патриотизму. И в Петербурге и в Москве одинакий восторг.

Комиссарова чуть не в буквальном смысле носят на руках.

Ему, говорят, дан флигель-адъютант для научения его дворянским приемам обращения.

Беспрестанные вопросы: кто он? ‹преступник› — поляк или русский? Общее желание, чтобы это не был русский.

Но в хаосе толков, предположений и догадок ничего не разберешь. Никогда еще, кажется, в России умы не были так возбуждены.

Я все продолжаю думать, что это орудие нашего нигилизма в связи с заграничным революционным движением. Тут очевидна цель произвести в России сумятицу, а там, дескать, пусть будет что будет.

10. Воскресенье. Второго предостережения «Московским ведомостям» не сделано, хотя Совет его уже заготовил. Министр не согласился. Приверженцы «Московских ведомостей» торжествуют победу.

Злодеяние, которое чуть было не облекло в траур всю Россию, заставляет призадуматься философа-наблюдателя нашего современного умственного и нравственного состояния. Тут видно, как глубоко проник умственный разврат в среду нашего общества. Чудовищное покушение на жизнь государя несомненно зародилось и созрело в гнезде нигилизма — в среде людей, которые, заразившись разрушительным учением исключительного материализма, попрали в себе все нравственные начала и, смотря на человечество как на стадо животных, выбросили из души своей все верования, все возвышенные воззрения.

Какая ужасающая, чудовищная дерзость делать себя опекунами человечества и распоряжаться судьбами его без всякого иного призвания, кроме самолюбия своего.

11. Понедельник. Был на том месте у ворот Летнего сада, где произошло страшное покушение на жизнь государя. Там теперь стоит маленькая деревянная часовенка, которая должна уступить место другой, более великолепной. Я подошел к ней. Толпы народа приходили и уходили, набожно крестясь на образа часовенки. Некоторые из посетителей клали деньги в кружку, и я положил туда мою убогую лепту.

Чем больше я вдумываюсь в это происшествие, тем мрачнее оно становится в моих глазах. Не есть ли оно роковое начало тех смятений, какие должна вытерпеть Россия, пока она не упрочит и не определит своего нравственного и политического существования? Но неужели ей необходимо пройти этот путь? Неужели необходимо, чтобы двигатели ее будущности возникли из гнездилища всякого рода безобразных умствований, утопий, из воспаления незрелых голов?

Говорят, арестовано много студентов Медико-хирургической академии.

Муравьев на обеде дворянства сказал: «Я стар, но или лягу костьми моими, или дойду до корня зла».

Говорят, первая мысль о назначении Муравьева пришла в голову Антонине Дмитриевне Блудовой.

12. Вторник. В сегодняшнем номере «С.-П‹етербургских› ведомостей» напечатана жестокая статья против полиции и вообще против администрации. В ней сказано, что одно земство предано государю, а что администрация думает только о расширении своей власти и об утверждении своего произвола. ‹Н. П.› Колюбакина, заменившего Корша на время отсутствия последнего, призывали для нотации в III отделение. [21]

Толки о том, кто преступник, продолжают распространяться в несметном количестве и, разумеется, противоречат одни другим. Теперь говорят, что это какой-то помещик. Это с руки демократизирующей партии, которая, вероятно, и распускает это.

13. Среда. Князь Долгорукий поступил честно. Он просил государя уволить его от должности жандармского шефа не по просьбе его, но как человека неспособного, не умевшего принять мер к охранению особы государя. Хо-

рошо бы, если б так же поступили и другие, особенно генерал-губернатор.

Посягнувший на жизнь государя — уроженец Саратовской губернии, Сердобского уезда, сын помещика, Димитрий Владимиров Каракозов. Это татарская фамилия, означающая «черный глаз». Он был вольнослушателем Московского университета. Об этом напечатано в № 93 «Русского инвалида».

14. Четверг. Отвратительное состояние духа и головы. Всю ночь сильно барабанило в последней. Несколько сквернейших толчков в правый висок, где постоянный шум в ухе, а потом и во всю голову.

15. Пятница. Министр народного просвещения не хотел, чтобы адресы государю, шедшие через его руки, печатались. «К чему печатать, — сказал он: — ведь это все риторика». Итак, он не верил искренности чувств, выраженных в этих адресах.

Комиссаров не пьет никакого, даже самого легкого, вина. Во время обедов, на которые его приглашают, ему в бокал для тостов обыкновенно наливают меду. Его посетили земляки и начали уговаривать выпить с ними рюмочку. «Нет, братцы, — отвечал он им, — пить я не буду. Я должен гореть чисто, как свеча пред образом».[22]

Головнин уволен от должности министра народного просвещения, и на место его определен министром граф Димитрий Андреевич Толстой, с оставлением его вместе и обер-прокурором св. синода.

С графом Толстым я лет восемнадцать очень хорошо знаком. Живя на даче за Лесным корпусом, мы часто бывали друг у друга и делились дружески мыслями нашими и даже мечтами. Мы тогда были помоложе.

16. Суббота. Головнин, кажется, вовсе не ожидал такого скорого низвержения. Во вторник государь позвал его к себе и с обычной своей ласковой манерой сказал ему:

— Благодарю вас за вашу службу. Но теперешнее время требует другой системы управления министерством, других начал и большей энергии. Я назначил на ваше место графа Толстого. Вы не огорчайтесь этим. Вот и друг мой, князь Долгорукий, сам просил меня уволить его прямо, даже без просьбы его. Впрочем, я оставлю вас членом Государственного совета и статс-секретарем.

Головнин уволен *не по прошению*, хотя и не просил этого, как князь Долгорукий.

Увольнение Головнина все приписывают влиянию Муравьева. Ему также сильно подгадила история московских студентов. Открыто, что между последними существует общество с целью распространять в народных массах демократические и социалистические идеи. Несколько человек из них привезено сюда в следственную комиссию.

Вот, говорят, и Петр Лаврыч Лавров взят, а также и ‹Г. Е.› Благосветлов, редактор «Русского слова».[23] Что касается первого, то я этого и ожидал. Это слишком ярый коновод нигилистов и пропагандист всяких эмансипаций. Мне казался он всегда дураком, ум которого не в состоянии был переварить ни одного из нахватанных им отрывков всех новейших учений, но непомерное самолюбие которого требовало непременно пьедестала, где он мог бы стоять и рисоваться перед изумленною толпою. Хотя таких глупцов у нас и без него не мало, но он очевиднейший из них.

17. Воскресенье. Великолепнейшая иллюминация.[24] Я дошел до Думы. Дальше непроницаемая толпа заградила дорогу. От угла Невского проспекта и Литейной до Думы было расположено четыре оркестра музыки, которые играли не умолкая и чаще всего повторяли «Боже, царя храни». Ночь была лунная, с небольшим ветерком, но вообще благоприятная для торжества. Мы проходили до половины одиннадцатого, все поджидая проезда государя. Однако он не показался на иллюминации.

18. Понедельник. На бале во дворце. Этот раз было огромное стечение гостей. Я встретился со многими знакомыми и говорил с ними, как то: с ‹Карниолин-› Пинским, сенатором, Милютиным Н. А., ‹А. И.› Войцеховичем, Княжевичами и проч. Из академиков были: ‹К. М.› Бэр, ‹В. Я.› Буняковский, ‹Г. П.› Гельмерсен и камергер ‹В. В.› Вельяминов-Зернов. Но любопытнее всего для меня была встреча с графом Толстым, нынешним министром народного просвещения. Меня интересовало, как он обойдется со мной: попрежнему ли, как добрый приятель, или как министр. На этот раз вышло первое. Он как будто даже мне обрадовался и оказался совершенно таким, каким уже был лет семнадцать в отношении ко мне. С прежним своим добродушием он спросил у меня, нахожу ли я, что он в состоянии поднять новое наложенное на него бремя? Я отвечал на это: «Я думаю, у вас на это хватит ума, характера и выдержки, но нельзя отрицать, что настоящее положение министерства очень серьезное, и выдержат ли

ваши физические силы?» Граф никогда не отличался крепким здоровьем. Он просил меня передать ему некоторые мои наблюдения и замечания, если возможно, письменно. Я остался ужинать. Замечательно, что на этот раз трех блюд ужина на многих не хватило, и эти многие сильно на это возроптали.

26. Вторник. Вот что передано мне из верного источника. Муравьев просил министра внутренних дел как-нибудь окончить скандальное дело с «Московскими ведомостями». К этому он прибавил, что прекращение этой газеты считает просто невозможным.

Как Валуев извернется в этом действительно скандальном деле? «Московские ведомости» так далеко зашли в своем сопротивлении министерству, что уступить им значит сильно скомпрометировать последнее.

Наблюдение, опыт, собирание материалов, фактов, само собою разумеется, необходимые вещи в науке и составляют ее современное направление и заслугу. Но они же породили и моду между мелочными учеными, которые на основании ее всякий сор, всякие фактические пустяки принимают за материал и с важностью подбирают в свои сокровищницы какой-нибудь кусок мостового булыжника, как будто он был произведением отдаленных геологических переворотов, и так далее.

Какую важность и какое значение для науки и жизни могут иметь иные из наших педантских академических занятий — болтовня о вариантах какого-нибудь пролога XV или XVI века, о большом или малом юсе и другие мельчайшие и исключительные изыскания о вещах, не входивших в национальную жизнь, не действовавших ничем на национальный дух и не содействовавших нимало умственному успеху? Это просто куски валяющейся в веках глины или камней, из которых ничего не было построено. Иное дело, когда бы это была народная песнь или народное сказание, которыми некогда возбуждалось и воодушевлялось народное чувство. Да беда в том, что их мало, а что и было, то уже известно. Впрочем, я готов допустить необходимость и всех этих мелочей в общей экономии науки, но мне невыносимо, когда эти мелочи провозглашаются ее главным и единственным достоянием и ими стараются задушить смысл и идею более крупных явлений.

Вечером, часов в девять, Ф. В. Чижов дал знать мне, что он болен. Я тотчас отправился к нему, но нашел его

хотя в постели, но вовсе не опасно больным. Он как-то зашиб ногу, и ему придется несколько дней пролежать.

27. Среда. Наши демагоги большею частью космополиты. Они затевают всякие смуты в России не для России, а во имя всемирной социалистической революции. Конечно, из этого надобно исключить «Московские ведомости», но они, в свою очередь и с своей стороны, грешат чересчур возвышенным диапазоном, чем тоже подают повод к неурядицам.

30. Суббота. В заседании Академии ‹наук›. Вот что дело, так дело! Срезневский занимается составлением словаря русско-славянского языка по древним памятникам и сегодня представил отделению начатки своего труда. Это будет действительно полезная вещь. Срезневский занимается этим делом добросовестно и умно уже лет двадцать, по его словам. Познания его тут несомненны и обширны. [25]

Лавров окончательно арестован. Говорят, из Москвы привезена еще серия нигилистов для допроса.

В Бисмарка стреляли в Берлине, но не попали; а сегодня между тем разнесся слух, что он убит. Убийцею называют некоего Вульфа. [26] Ныне, кажется, вошло в обычай убивать тех, чьи меры или идеи не нравятся известным партиям. Нечего сказать, простое и убедительное средство! Надо, чтобы общества были глубоко деморализованы, если каждый считает себя вправе произвольно распоряжаться их судьбами и для того пускать в ход пули, яд и нож.

Май 1. Воскресенье. Вот первый прелестнейший, истинно весенний день.

2. Понедельник. Ночь без толчков. Уж не аконит ли это действует, которого я принимаю по две капли на ночь?

Слухи о смерти Бисмарка не оправдались.

3. Вторник. Сильнейшие толчки в оба виска. В голове всю ночь страшная сумятица. Вот тебе и аконит!

6. Пятница. Вечером, между прочим, был у меня ‹Н. И.› Соловьев, автор статей против нигилизма в «Отечественных записках». [27] Я теперь только узнал от него, что это его брат — герой отвратительной нигилистической истории, случившейся месяцев восемь тому назад. Он хотел убить свою жену, а когда та от него ушла, он пришел с ней мириться и откусил ей нос. У сегодня бывшего у меня Соловьева два брата — оба отчаянные нигилисты, с которыми он поэтому находится в сильнейшей вражде.

Чудные, говорят, вещи открывает следствие по делу о покушении на жизнь государя. В этом ужасном деле открыты еще три или четыре соучастника. В своих показаниях они говорят, что действовали в видах правительства. Правительство явно показывало расположение к демократии и стремление подавить, ослабить или даже уничтожить дворянство. Но глупый и необразованный народ не понимал того, что для него хотели сделать, и тогда положено было убить лицо, которое одно могло сдерживать народ, который уже нетрудно будет после того поднять на дворянство, или, лучше сказать, на весь образованный класс. Муравьев поэтому требовал экстренного собрания Совета министров, которое на днях и состоялось. Была, говорят, как бы сделана ревизия правительственных лиц, которые демократизировали народ или держатся этой системы, вследствие чего фонды, например Милютина (Николая), говорят, сильно упали. Учрежден комитет для исследования положения России, вроде Комитета общественной безопасности. Разумеется, из этого ничего толкового не выйдет, потому что люди, составляющие комитет, не такого свойства и по уму и по характеру, чтобы делать серьезные патриотические дела, а не устраивать свои собственные. Все это государственные и моральные ничтожества. [28]

7. *Суббота.* Ничто так не вредит самостоятельности нашей мысли, как сильно распространившаяся у нас страсть к чтению. Чтение решительно убивает решимость и силу действовать своим умом. Этот последний привыкает к плавному течению по реке чужих мыслей, которая несет его на себе, не позволяя ему или очень мало позволяя употреблять при движении свои собственные силы.

Все в городе очень довольны увольнением Суворова от звания генерал-губернатора и сменою обер-полицеймейстера ‹И. В. Анненкова›. Оба тем только и были замечательны, что производили страшную инерцию в полицейском управлении и отличались гуманным обращением с ворами и мошенниками. Никогда в Петербурге не было столько беспорядков всякого рода, как в их управление, а мирные граждане не пользовались меньшею безопасностью. Теперь многого ожидают от ‹Ф. Ф.› Трепова.

Первые два дня мая были прелестны. Зато теперь он сделался свирепее октября. Всего 3° тепла, и с ног валящий ветер.

Пекарский читал в отделении выписанную им в академическом архиве просьбу Тредьяковского об увольнении его от службы при Академии. Просьба очень любопытна, как изображение бедственного положения Тредьяковского и гонений, им претерпенных от своих собратий-ученых.[29]

Великое прение в заседании Второго отделения Академии о том, должно ли принять отделение участие в постройке памятника Востокову, на который оно собрало деньги по подписке, или предоставить это его жене. Я утверждал, что отделение должно принять участие из уважения к памяти Востокова и из уважения к публике, у которой оно выпросило деньги. Прочие желали, чтобы деньги были отданы жене — и пусть она делает как знает. Срезневский колебался между тем и другим мнением. Мне, наконец, надоела эта буря в стакане воды. Дело осталось нерешенным. «Вот вам, господа, — сказал я, — образчик наших конституционных будущих собраний», — и ушел.

8. *Воскресенье*. Два предостережения разом в № 98 «Северной почты»: одно «Московским ведомостям», другое «Голосу».[30]

«Московские ведомости» возбуждают неприязнь и недоверие в обществе к правительственным лицам. Это настоящая конституционная оппозиция. Конечно, наши государственные люди не отличаются ни способностями, ни характером, но обвинять их чуть ли не в измене, как то делают «Московские ведомости», это уж чересчур крепко и значит взывать к анархии. Кем же заменить их? Земским собранием? Но при всеобщем нынешнем хаосе вряд ли бы и оно оказалось на высоте своего призвания. Другими лицами? Но где их взять и где ручательство, что они поведут дела лучше? Как ни велики ошибки и неспособность нашей администрации, мы теперь, однако, не столько от них страдаем, сколько от всеобщей разладицы, потрясений — от кризиса, который переживает наше государство.

Побудить правительство к избранию государственных чинов? В какой форме, с какими правами и ограничениями? Кто среди всей этой сумятицы будет направлять умы и поддерживать единство?

Вечером заезжал ко мне Чижов, и мы пробеседовали с ним часа два. Ему не хотят дать гарантии на железную дорогу от Троицкой лавры на Ярославль. Им уже построена дорога от Москвы до Троицкой лавры и идет прекрасно. Завтра он должен быть у Рейтерна за последним словом.

Жена нашего доктора Вальца на днях уехала за границу. Она взяла с собою 100 рублей нашими ассигнациями и двести железнодорожными бумагами, гарантированными правительством. Вчера Вальц получил от нее письмо, где она просит его прислать ей каких-нибудь других денег, потому что тех, которые у нее есть, у ней не принимают. Она была у семи банкиров, и ни один не согласился обменять ей ее бумаги на звонкую монету. Один из них ей сказал: «Как можем мы дать вам на них монету, когда неизвестно, что будет через несколько месяцев в вашей империи?» Они там уверены, что у нас начинается революция.

11. Среда. Однажды Гоголь просил Жуковского выслушать какую-то вновь написанную им пьесу и сказать о ней свое мнение. Это, кажется, было за границей, в Дюссельдорфе, где находился Жуковский. Чтение пришлось как раз после обеда, а в это время Жуковский любил немножко подремать. Не в состоянии бороться с своею привычкою, он и теперь, слушая автора, мало-помалу погрузился в тихий сон. Наконец он проснулся. «Вот видите, Василий Андреевич, — сказал ему Гоголь, — я просил у вас критики на мое сочинение. Ваш сон есть лучшая на него критика». И с этими словами бросил рукопись в тут же топившийся камин. Этот анекдот передал мне Ф. В. Чижов со слов самого Гоголя.[31]

У нас в этом году два года: один календарный, или академический, в котором все обстоит благополучно, месяцы все как следует, и май, и июнь, и июль; и настоящий, действительный год, который весь состоит из одних октябрей и сентябрей.

За что «Голосу» дано предостережение — непостижимо. Я прочитал те два фельетона (№№ 109 и 114), на которые ссылается предостережение, но решительно не понимаю законности последнего. Оно понадобилось министерству разве только на то, чтобы показать публике, что оно преследует не одни «Московские ведомости», а на всех равно распространяет свои дары. Но ведь в таких предостережениях становится невозможным издавать газету. Как предвидеть, за что она может подвергнуться ответственности и как ей от нее уберечься?

А «Московские ведомости» чуть ли не окончательно прекращаются. А жаль, что они привели себя к самоубийству. Если у них была определенная роль и они ясно давали себе в ней отчет, им надлежало не яриться, не увлекаться

личными страстями, а вести свое дело умно и с выдержкою. Успех ослепил их, сделал высокомерными, заносчивыми, капризными. А между тем общество лишается с ними лучшего, полезнейшего своего органа.

В падении «Московских ведомостей» заключается еще один важный смысл — тот, что ненавистная тупая бюрократия одерживает победу над общественным умом и сочувствием. И это торжество доставлено ей невоздержанным образом действий Каткова и Леонтьева.

12. Четверг. № 99 «Северной почты» гласит: «Московские ведомости» приостановлены на два месяца; суду или судебному преследованию преданы «С.-П‹етербургские› ведомости» за статьи: в № 106 «Судебные порядки в Прибалтийских губерниях», в № 107 «Труд» и в № 114 «Наше оправдание»; а «Современник» за статью в третьей книжке: «Вопрос молодого поколения». [32]

14. Суббота. Вчера вечером были Чижов, Гончаров и ‹А. С.› Воронов.

Разнеслись по городу слухи, что ‹М. Х.› Рейтерн увольняется, а на место его министром финансов назначается ‹К. И.› Фишер. Однако слухи эти не подтверждаются.

Чижов рассказывал о некоторых банковых проделках ‹А. Л.› Штиглица, о которых он имеет точные сведения. Выходит, что Штиглиц — один из деятельнейших наших разорителей. Как у нас его терпят — непостижимо. Впрочем, о Штиглице у нас в обществе уже давно сложилось самое дурное мнение. Не поэтому ли он и силен? [33]

Поутру диспут из философии ‹М. И.› Владиславлева на звание магистра. Это первый диспут по этой науке в С.-П‹етербургском› университете с его основания. Диссертация «О душе». Оппонентами были Полисадов и Сидонский. После я тоже возражал магистранту, который, правду сказать, защищался хорошо. И вообще он обещает порядочного преподавателя философии. Публики было довольно, в том числе и несколько дам. [34]

Университет давал сегодня прощальный обед бывшему своему попечителю Делянову, который сделан товарищем министра народного просвещения. Я получил от совета весьма любезное приглашение, как почетный член университета. Я не охотник до подобных обедов, сильно у нас опошлившихся, но на этом решился присутствовать. Народу было много, в том числе и министр. Тостов и речей бесчисленное

множество. Последние отличались больше усердием и благонамеренностью, чем красноречием. ‹И. И.› И‹вановский› хотел сказать что-то особенное, но так запутался в извилинах своих мыслей, что почти никто не понял общего содержания его речи. Ректор Воскресенский говорил несколько толковее, относясь к министру, но в речи его не было ни запаху, ни вкусу. Бедный ‹В. В.› В‹асильев?› проговорил несколько фраз, потом начал сильно путаться, изнемог в борьбе с неподатливым словом и кончил тем, что не кончил своей речи. Все прочие речи состояли решительно из одних общих мест. Делянов старался казаться тронутым и тоже произнес несколько речей, которые были едва ли не лучше всех профессорских. Вообще профессора доказали, что они плохие ораторы, хотя шампанское пилось исправно. Меня тоже удостоили тоста, и я, в свою очередь, предложил другой по поводу нынешнего диспута в честь философии и ее профессора, ‹Ф. Ф.› Сидонского, сидевшего рядом со мною. Граф Димитрий Андреевич ‹Толстой› был, по обыкновению, очень дружелюбен ко мне. Между прочим, он рассказал мне, как ему удалось отстоять у государя «Московские ведомости», которые, однако, теперь будет издавать не Катков, а Любимов ‹Н. А.›.[35] Я и доволен графом Димитрием Андреевичем и недоволен. Доволен тем, что он тот же, как и прежде, благородный, честный, образованный, мыслящий человек; недоволен... однако подождем, посмотрим и дадим ему осмотреться.

В № 102 «Северной почты» рескрипт на имя князя ‹П. П.› Гагарина.[36]

15. Воскресенье. Барон Модест Андреевич Корф заезжал ко мне, но не застал меня дома и оставил у меня свою записку о Галиче, который был в числе его профессоров в Лицее.[37]

Рескрипт произвел неприятное впечатление. Полагают, что он еще больше уронит наш кредит за границей, а внутри он может подать повод к злоупотреблениям власти. Я думаю, что главное его неудобство — неловкое положение, если уж сочтено нужным излагать то, что в нем содержится.

16. Понедельник. Буря с дождем, градом и громом. Но удивительная теплота и благорастворенность воздуха.

Люди первобытных времен смешивали в своих понятиях то, что есть и что было, с тем, что должно быть, д е й с т в и-

тельность с идеалом. Оттого в их сагах, сказаниях, в их эпосе история смешивается с вымыслом и мифами.

19. Четверг. Вчера у ‹В. И.› Фребелиуса советовался о глазах.

Делянов давал обед университету. На нем присутствовали все те же лица, что и на университетском обеде, в том числе и министр. Опять произносились речи, только их было меньше, чем в прошлый раз. Первый произнес речь сам Делянов. Он призывал университет к единодушию и благодарил его за его прежнюю деятельность. Вообще речь Делянова была хороша. Замечательно, что он привел несколько текстов из св. писания. Пришлось говорить и мне, несмотря на мое отвращение к обеденным речам. Я основался на слове единодушие, которое было так горячо провозглашено и на прежнем обеде и теперь, и выразил уверенность, что это единодушие действительно состоится между членами, ныне налицо находящимися. Ручательством тому служат качества тех сил, которые вступают в соединение. Я сказал несколько одобрительных слов о нынешнем министре, которого знаю лет восемнадцать, о бывшем попечителе и, наконец, об университетском сословии. Потом заключил, что желанное единство и единодушие находятся под покровительством великого общего стремления к единству и благу России, и предложил тост за это несокрушимое единство и за благоденствие России. Все это было принято с рукоплесканиями, чему и быть подобало. Затем я ушел с графом Толстым.

20. Пятница. Сколько в беспорядках и страданиях человеческих, зависящих от неотразимого хода вещей и условий жизни, приходится на долю собственного безумия, глупости и страстей самого человека.

Война непременно будет, потому что для нее нет основательных разумных причин.

Ужасная возня с переездом на дачу.

21. Суббота. Переехали на дачу, на ту самую, которую занимали в прошлом году в Павловске, у генерала Мердера, за двести пятьдесят рублей.

26. Четверг. Сегодня мне предстояло быть на похоронах П‹летнева›, тело которого привезено из Парижа и поставлено в Александро-Невской лавре. Но со вчерашнего вечера у меня начал болеть глаз. В нем было какое-постороннее тело; я думал поправить дело натягиванием века, но

сделал хуже, так что вместо поездки в лавру пришлось ехать к доктору... Я поручил Пинто сказать в церкви Г‹роту?› о причине моего неприбытия на похороны, а то приятели не замедлят приписать мое отсутствие невниманию к памяти умершего. Отправил об этом также записку Гроту.

29. Воскресенье. Есть страсти и влечения естественные или по крайней мере имеющие корень свой в природе человека; другие — искусственные, слагающиеся в обществе из разных общественных отношений, условий и проч. Надо различать их для надлежащего изучения и правильного понимания человека.

31. Вторник. Обычный экзамен в Римско-католической академии и обычные изъявления мне приязни, благодарности и проч. Я даже готов подумать, что ко мне здесь действительно привязаны.

Июнь 2. Четверг. Любовь есть такое великое счастье, которого надо сделаться достойным и которое надо уметь заслужить.

3. Пятница. Отослал графу Толстому, министру народного просвещения, мои заметки и наблюдения по части народного образования, которые он у меня просил. Затем отправился в Академию наук, где члены представлялись новому министру в первый раз. Граф благодарил меня за доставленные ему заметки и, между прочим, сказал, что дня через три едет в Казань осматривать университет, а затем к себе в деревню, где и займется чтением моей рукописи.

5. Воскресенье. Кто любит и старается думать о вещах хорошо, тому всегда придется что-либо поправить в своих первоначальных мыслях.

Приятная прогулка в Славянку, где, между прочим, проживающий там Ник. Ник. Тютчев показывал нам дворец. С башни чудесный вид. Внутри собрание портретов лиц екатерининского и елисаветинского времени. Здесь видел я и портрет Ломоносова в полном мундире статского советника. Портрет этот мало похож на наш академический и на тот, который подарен мне Раевскою.

Ум человеческий, конечно, может многое, но сам человек ничто.

10. Пятница. Человек, как музыкальный инструмент, приходит в расстройство от продолжительного употребления или от разных внешних влияний, перемены температуры

и проч. Время от времени приходится настраивать себя, чтобы снова быть годным для хорошей игры.

Когда охотник намеревается застрелить птицу, он не идет на нее прямо, а подкрадывается и ползет.

Бессильному и удовольствие недоступно.

Всякий народ развивается до тех пределов, до каких позволяют силы его духа и способностей. Развитие это и есть его история, его образованность.

Народ нельзя выучивать, как выучивают неделимое. Какую бы и как бы сильно ни навязывали ему программу образования, он будет развиваться не по ней. Тут есть судьба, но не внешняя, а та внутренняя судьба, которая заключается в коренных силах и стремлениях народного гения. В круг его деятельности входят разнообразные явления, из которых иные могли бы и не быть, другие бывают вследствие стечения разных обстоятельств; но здесь нет роковой необходимости, — необходимость заключается в степени, до которой достигает его развитие, и в форме, в какую отливается вся его деятельность.

Намерения, проекты, решимость — все это в нашей власти. Результаты же слагаются из присоединения к ним тех причин, какие заключаются в законах вещей и в общем ходе соприкосновенных с деяниями человеческими событий. И большею частью результаты эти бывают вовсе не те, каких мы хотели достигнуть усилиями нашей воли.

12. Воскресенье. Стремление популяризировать знание сделало и делает много зла. По необходимости сообщая только поверхностное знание, оно как бы покровительствует полузнанию и возбуждает умственное высокомерие, которое, благодаря кое-каким сведениям, приобретенным легко, без настойчивого труда, мечтает, что оно уже обладает глубиною премудрости. В этом заключается объяснение и многих глупостей, которые наделаны и нашим молодым поколением. Только то знание прочно, которое добыто трудом собственной мысли и которое состоит не из одних результатов, но и из генетического его движения. Потому оно всегда и будет исключительным достоянием людей призванных, специально посвятивших себя умственной деятельности. Что делать, если это несогласно с демократическими тенденциями нашего времени и вынуждает у истории своего рода аристократию? Такое популярное знание особенно вредно для тех юношей, которые по положению своему должны учиться. Прочитав несколько легких сочинений о важнейших вопро-

сах науки, они уже не хотят учиться правильным методическим образом. К чему? Ведь они уже знают всё, что обещает им школа. Что нового скажут им учителя? К чему длинный путь, когда они разом, скачком достигли цели? Но вот тут-то, у этой мнимой цели, они не видят бездны.

14. Вторник. В воскресенье был у меня профессор ‹А. П.› Чебышев-Дмитриев, с которым я недавно познакомился, и принес мне свою книгу о покушении.[38] Он мне кажется человеком умным и дельным.

Австрийцы уже дерутся с пруссаками.[39] Как бы ни устроилась Германия, а для нас это едва ли будет выгодно. Пруссия без сомнения усилится, и тогда у берегов Балтийского моря, возле наших немецких провинций и Польши, воздвигнется опасная сила.

Всякий обязан развить в себе и выработать силу, годную для борьбы с самим собою и с окружающим порядком вещей.

В городе, в заседании академического правления.

В «С.-П‹етербургских› ведомостях» напечатано известие, что на Васильевском острову появилась холера. В одиннадцатой линии захворал один дворник и через три часа умер.

15. Среда. Кто не напоминает о себе, тот скоро бывает забыт.

Где существует разнообразие жизни, там существуют и ее противоположности; где есть противоположности, там есть борьба; где есть борьба, там есть торжество одного и падение, гибель другого. Вот где заключается причина зла. Оно само собою вытекает из сущности жизни. Бога приплетать сюда не следует. Источник жизни, как сделал бы он, чтобы жизнь была и не была жизнью, то есть чтобы она проявлялась и не двигалась; двигалась и не развивалась в разнообразии?

17. Пятница. Вы желаете успеха правой стороне? Будьте уверены, что, восстав от падения, она поспешит сделаться неправою. В этом вечном антагонизме человеческих стремлений, интересов, страстей надо желать одного — равновесия. Иначе притесненный вчера делается притеснителем сегодня.

Куда как все это ничтожно: и человек, и его цивилизация, и прогресс, хотел бы сказать — и литература, если бы значительная часть ее не состояла из поэзии. Если бы я не веровал в нее как в единственную земную *положительность* и в величайшего поэта, творца всяческих благ,

право, пришлось бы мне оставаться с одним глубочайшим презрением к людям и жизни, а отсюда, кто знает, куда угораздило бы меня. Но, опираясь на эти два принципа, мужество мое, смею сказать, непреодолимо — и да будет все так, как иначе быть не может.

Есть правительства, которые могут быть терпимы только как необходимое зло.

23. Четверг. В Петербурге холера.

Я не помню давно, чтобы правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее негодование, как пресловутый известный рескрипт и запрещение двух журналов: «Современника» и «Русского слова» — последнее, впрочем, потому, что сделано помимо закона.[40]

28. Вторник. Сквернейшее состояние духа, отсутствие всякой энергии, вялость, полная неспособность к какому-нибудь движению, даже физическому.

Да и природа начала изменять нам. Дни мрачные и бурные.

Холера распространяется в Петербурге. Ходят печальные слухи о ее жестокости: умирают и скоро и несмотря на медицинские пособия.

29. Среда. Это совершенно в порядке вещей, но не надо же толковать про дружбу и прикидываться любящим. Что человек думает больше всего о себе, а меньше всего о других — это натурально, а потому и не отвратительно. Но уверения в дружбе и самоотвержении — это уже ложь и лицемерие и потому гадко и ненавистно.

Июль 1. Пятница. Ездил в город. Холера усиливается, хотя не в таких размерах, как в 30-м и 48-м годах, однако умирают беспощадно, и выздоравливают немногие из заболевших.

Вот прошло уже полтора месяца, как мы на даче. Погода все это время была прекрасная, только в последние дни задул сильный северо-западный ветер и начал нагонять огромные тучи. Все время пребывания на даче я чувствовал себя как-то неудовлетворительно и в физическом и в нравственном отношении. В теле какая-то вялость и усталость, в духе отсутствие энергии, частые разладицы с самим собою, нерасположение к труду и даже упадок духа.

Я принялся опять за мои записки, прерванные с 1854 года. Дело это идет успешно благодаря моей хорошей памяти и моему дневнику.[41] Но я не принимался еще за капитальную работу — за окончание биографии Галича.

Политический горизонт, как говорится, все более и более заволакивается тучами. Наполеон III совсем входит в тон своего дяди. Вся Европа в страшном напряжении. В Италии, особенно в Германии бьются напропалую. Австрийцы, сильно побитые, прибегли к удивительному дипломатическому маневру: они подарили Венецию Наполеону. Вообще дела до крайности запутаны. Человечество терпит и гибнет вполне прогрессивно. А тут еще холера, которая на Западе свирепствует гораздо сильнее, чем у нас, — во Франции, в Германии, более же всего в Берлине.

Обойдемся ли мы без войны? В Европе, по милости нашей пассивной и вялой политики, кажется, укореняется мысль, что с нами справиться нетрудно.

Менее всего можно доверять тому, что называется счастием человеческим и добродетелью.

13. Среда. Холера, говорят, немного ослабевает. Но этому нельзя доверять так же, как и наполеоновской политике. У первой нет никакой логики, а у второй логика, которую сам черт не разгадает.

Много работал над своими записками. Хочется довести дело до прибытия в Петербург, а там примусь за биографию Галича.

Был в Царском Селе у князя ‹П. А.› Вяземского, с которым часто вижусь в Павловске, куда он приезжает на музыку и иногда заглядывает и ко мне. Беседа с ним очень приятна. Он дал мне стихи свои на Каткова. Остроумно, но, конечно, не для печати. [42]

14. Четверг. Получил очень милое письмо от министра, графа Толстого, в ответ на мои заметки и наблюдения. Он очень благодарит меня за них и таким тоном, который даже меня убедил в небесполезности их.

15. Пятница. Дело не в книге, а в уме, который и книгу производит и умеет обойтись без нее.

Гимназии должны удовлетворять трем потребностям: 1) приготовлять молодых людей для университетов; 2) приготовлять их для дальнейшего технического образования и 3) давать окончательное общее образование тем лицам, которые не имеют никакого специального призвания.

Существенная разница между защитниками классического образования и реального состоит, кажется, в том, что одни ищут самого основания, так сказать, отвлеченной базы для него, другие же хотят удовлетворять текущей потреб-

ности общества. Одни говорят: надо позаботиться о том, чтобы воздвигнуть начало и опоры умственного развития, с которыми бы оно могло идти навстречу будущему, не колеблясь, не шатаясь из стороны в сторону. Одним словом, здесь имеется в виду дрессировка, общее воспитание ума. Другие проповедуют, что мы нуждаемся в самых насущных знаниях, приложение которых требуется на каждом шагу в общественном и житейском быту и без которых мы решительно не в состоянии следовать за всеми успехами цивилизации, истекающими только из реальной науки — науки, объемлющей существенные, или, лучше, вещественные, интересы людей. Кто прав, кто виноват? Правы и те и другие. Но на чьей стороне больше правды? Чуть ли не на стороне защитников классического образования. Они правы именно в том отношении, что требуют основы, корня, тогда как реалисты хватаются за ветви, которые каждый час готовы сломиться или на которых можно повиснуть и болтать ногами в воздухе. Но из этого не следует, что реальными знаниями должно пренебрегать. Надо согласить оба требования. Дать обоим нужный простор: вот в этом и задача умного правительства.

Но реальное образование немыслимо без технических школ.

Гимназия, говорят, должна дать общее образование. Но это не устраняет вопроса: на каком — классическом или реальном основании? [43]

20. Среда. Завтра в шесть часов утра еду к Марку в имение его жены, Выру, за Гатчиной.

22. Пятница. В Выре. Сюда приехали еще Зарудный (Сергей Иванович) и Гизетти (Герман Антонович). Беспрерывный дождь мешал всяким прогулкам.

23. Суббота. Завтрак у сенатора ‹Д. Н.› Набокова, который живет отсюда верстах в двух. Весьма комильфотный сенатор, комильфотная семья, комильфотный дом.

Зарудный говорил мне, что проект Валуева о расширении власти губернаторов — это уродливое детище рескрипта — окончательно провалился в Комитете министров. Его сильно побивали Гагарин, ‹Н. И.› Бахтин и ‹Д. А.› Милютин (военный министр). Записку по этому делу составлял Гагарину Зарудный. Валуев принужден был взять свой проект назад.

В два часа мы с Гизетти отправились на Сиверскую станцию, откуда в половине четвертого и поехали: он в Пе-

тербург, а я в Царское Село. От Царского Села до Павловска меня преследовал проливной дождь.

У нас до того неразвиты чувства долга и законности, что мы готовы очень снисходительно извинить всякое преступление и еще тщеславимся этою снисходительностью, считая ее признаком гуманности и великодушия.

Когда кончится изучение жизни и человека, — что обыкновенно бывает очень поздно, то есть незадолго до смерти, — тогда только ты узнаешь, что они этого не заслуживали — ни тех усилий, ни тех жертв, каких оно требовало.

Все лучшее в человеке, подобно сверканию молнии, лишь на минуту озаряет глубокий мрак нашего ума и сердца.

31. Воскресенье. Наполеон требует Рейнских провинций, чего и надлежало ожидать. [44]

На днях явилось в Петербург посольство Северо-Американских Штатов. Им оказан великолепный прием и овации. [45]

Август 3. Среда. В понедельник вечером американский посол был в Павловске. Огромное стечение публики. Пышная иллюминация. Публика вела себя прилично, а американцы, кажется, остались очень довольны.

4. Четверг. В № 210 «С.-П‹етербургских› ведомостей» напечатаны некоторые результаты, добытые следственной комиссией о Каракозове. Из них видно, до какой степени изгажено, перепорчено, изуродовано молодое поколение. Это не усилия расширить круг своей деятельности, внести в общество новые начала, хотя бы ошибочные, но проникнутые желанием лучшего, руководящие к определенной цели, имеющие характер заблуждений высокого и благородного духа, — это грубый и пошлый разврат ума и сердца, отсутствие всяких нравственных убеждений и верований, полный разгул страстей с присвоенным себе правом все ломить и уничтожать, чтобы на просторе предаваться всевозможным крайностям. Это осадки, подонки века, с его безвкусием и материалистическим воззрением на жизнь и человечество, — века, носящего в себе с пышными и громкими воззваниями к прогрессу и цивилизации полное отчаяние во всем великом и прекрасном. Эти подонки и осадки воплотила в себе известная часть нашего молодого поколения — и что из этого выйдет, богу единому известно! В напечатанном акте поражает еще одно обстоятельство: что же делали наши правители, когда они не знали и не заботились о том, что

происходило у них под носом, — что они делали, все эти блестящие истуканы, эти Долгоруковы, Суворовы, Валуевы? О бедное, бедное мое отечество! И с государем, исполненным такой благости, таких добрых стремлений!..

14. Воскресенье. Статью об «Отрезанном ломте» кончил, теперь начал об «Иоанне Грозном». Вчера и сегодня, однако, худо работается.[46]

Открыть смысл в человеческих делах почти так же трудно, как открыть квадратуру круга.

16. Вторник. Общество делает людей такими или иными: но кем же делается само общество?

Уничтожая в человеке все высшие стремления и вызывая и узаконивая одни животные инстинкты, какими же силами хотите вы устроить дела человеческие?

«Мы хотим, — говорите вы, — действовать ни под чьим руководством, ни под чьим началом, кроме своих собственных».

— Но ведь это открывает путь к деятельности всякому вору, разбойнику, злоумышленнику.

«Нет! — опять говорите вы: — наши цели благородны, возвышенны, мы стремимся ко благу всего человечества».

— Но всякий фанатик это говорит. Люди со слабым умом всегда смешивают теоретическую возможность с возможностью практическою, то, что должно быть по идеалу, с тем, что может быть по закону вещей.

«Мы предтечи грядущего, мы расчищаем путь этому грядущему, мы запечатлеваем мученичеством наше рвение. Не начни мы, ничего бы не было».

— Но как же вы начинаете? Какие средства вы употребляете?

«Цель освящает средства», — говорите вы.

— Ну, в таком случае разум уж ничего больше не может вам сказать, и против вас приходится выдвигать такую же грубую силу, как вы сами.

Но вот другая сторона дела. Вы говорите: «Мы и не думаем ни о праве, ни о нравственных принципах. Мы просто объявляем войну: мы не хотим жить с вами, не хотим жить в настоящем, и вы и оно противны нам. Война, война! Будет прав тот, кто победит».

— Ну, в этом по крайней мере есть смысл. Так не прикрывайтесь же личиною блага человечества. Вы такие же лжецы, мнимо защищающие интересы человечества, как

и те, которые отстаивают самые закоснелые предрассудки и предания.

19. Пятница. Нам надо заботиться не столько о перемене правительства, сколько об утверждении в умах идей законности и правды. Нам худо не столько оттого, что нами худо управляют, сколько оттого, что мы сами не умеем управлять собою. Нелепо все сваливать на правительство, которое к тому же плоть и кровь от нашей плоти и крови.

Наши мальчуганы начали борьбу, но, как свойственно мальчуганам, они борются не за дело, а за утопические свои мечты и грезы. Общество нуждается именно в том, что они стараются разрушить, — в твердых нравственных принципах.

Дело не в том, чтобы кричать: пусть такого-то предрассудка и злоупотребления не будет, — а в том, чтобы развитием здравых понятий и знания сделать невозможным существование этого предрассудка и злоупотребления.

28. Воскресенье. Этот человек ‹?› отличается чрезвычайно живописною наружностью; все его движения похожи на движения натурщика, позирующего перед художником. Между тем в нем ничего, кроме гадостей. Он далеко и не так умен, как хочет казаться, а благородства и доброты в нем и тени нет. Вывеска вас прельщает. Но войдите внутрь здания, и вы очутитесь в скверной харчевне или мелочной лавочке.

Говорят о приговоре над Каракозовым.[47]

30. Вторник. Кое-кто, по обыкновению, у меня обедал, а другие посетили вечером. Комнаты мои были буквально завалены цветами.

Сентябрь 1. Четверг. Умер ‹М. Н.› Муравьев с 28 на 29 августа ночью, скоропостижно, в имении своем Сырцы, Лужского уезда.

31-го объявлен Каракозову приговор Верховного уголовного суда. Он осужден на смерть через повешение.

2. Пятница. Третье предостережение «С.-П‹етербургским› ведомостям», причем издание их приостановлено на три месяца. Итак, Валуев, не одолев медведя в лесу ‹Каткова›, набросился на бедного беззащитного зайца и немилосердно травит его с Щербининым и Ф‹уксом›.[48]

3. Суббота. Повешен Каракозов на Смоленском поле. Говорят, стечение народа было несметное. Следует ли совершать казни публично?

9. Пятница. Заседание в Академии наук комиссии для присуждения Уваровских премий за драму. Я прочитал мою рецензию трагедии графа ‹А. К.› Толстого «Смерть Иоанна Грозного». Я требовал присуждения автору полной премии. Нас было семь членов: ‹К. С.› Веселовский как председатель, Устрялов, Грот, Срезневский, Пекарский, Куник и я. Четыре голоса были в пользу награды, то есть голоса Веселовского, мой, Устрялова и Грота, остальные против. Итак, трагедия не увенчана. Вышло дело постыдное и забавное. Наибольшие невежды в деле изящной литературы помешали награде, ибо по уставу требуется две трети голосов. Да смешнее всего, что и они, наслышавшись от других, не отвергали достоинств пьесы, но им досадно было, что награда присуждалась по моей рецензии. Они придумали препятствие: по уставу, Академия приглашает кого-либо из сторонних литераторов тоже давать свое мнение, но она вовсе не обязывается безусловно к этой мере и часто произносила свои приговоры, не дожидаясь посторонних рецензий. Относительно «Иоанна Грозного» обращались за мнением к ‹Н. С.› Тихонравову, но он не удостоил Академию даже никаким ответом, а между тем к 25 сентября уже должен быть представлен отчет о премиях. Председатель объявил, что мы должны произнести свой приговор по одной моей рецензии, но вышеупомянутые три члена уперлись на необходимости мнения стороннего литератора. Тогда председатель предложил баллотировать вопрос: нужно ли это?— так как закон не обязывает к этому. Большинство оказалось за н е н у ж н о. Приступлено было ко второй баллотировке: з а с л у ж и в а е т л и т р а г е д и я Т о л с т о г о н а г р а д ы? И тут последовало решение, о котором я сказал выше... Грот начал настаивать, чтобы отложили приговор до следующего года, но председатель и я с ним воспротивились этому явному нарушению принципа баллотировки.

10. Суббота. Вчера мы переехали с дачи. Жаль было расставаться с ней. Все дни сентября, как и весь август, стояли прелестные. Зелень хотя местами и блекнет, но в общем еще свежа и очень хороша.

Есть в положении человека нечто, заставляющее его быть несправедливым и лжецом. Так, чтобы быть ч е м - н и б у д ь, он должен непременно стеснить, ограничить круг своих понятий, выработать в себе сжатый образ мыслей — словом, должен сделаться о д н о с т о р о н н и м. И чем он

будет одностороннее, сжатее в своих стремлениях и действиях, тем более он успеет сделаться чем-нибудь. Можно ли теперь строго осуждать педантов, которые, сидя в углу своей школки, ничего не видят дальше нее и считают за вздор все, что происходит вдали от них. Они, конечно, смешны, да не такова ли судьба всех людей?

12. Понедельник. Чудный сентябрь, какого я не запомню в Петербурге. Все дни его совершенно летние. Сегодня, например, в тени и в шесть часов вечера 19° тепла. Теперь, ночью, 13°, и луна сияет в полном блеске на чистейшем небе.

17. Суббота. Торжественный въезд принцессы Дагмары. День совершенно летний. Процессия шла мимо наших окон. Пышное зрелище.

18. Воскресенье. 16-го числа, в Павловске, умер ‹С. С.› Дудышкин, редактор «Отечественных записок», человек далеко не преклонных лет и по виду чрезвычайно крепкого сложения. Это был честный и умный литератор, хотя и не отличался особенным дарованием.

Вчера была великолепная иллюминация в честь принцессы Дагмары. Все мои ходили смотреть ее с дядею Марком. Последний очень хвалил порядок и приличие, какое везде соблюдалось в толпах народа, а толпы были несметные.

19. Понедельник. Разве стыдно быть задавленному превозмогающей силой? Стыдно было бы уступить ей без борьбы, без сопротивления, с готовым чувством рабской покорности.

Сейчас проводил бедного Дудышкина на Охтенское кладбище. Он отличался, повидимому, крепким здоровьем, только иногда страдал одышкою и умер внезапно от аневризма. Ему было всего сорок шесть лет. Его провожали многие из литераторов и несколько сторонних лиц. Я шел с Стасюлевичем и Вороновым.

20. Вторник. Хотя стало свежее, но все-таки сентябрь необыкновенно хорош. Гулял в Летнем саду. Зелень в общем все еще свежа и только кое-где поблекла.

22. Четверг. Делать одолжение другим — значит увеличивать число неблагодарных.

Замечательная несообразность и неловкость со стороны придворного начальства. На другой день въезда принцессы Дагмары в столицу государь вечером представлял невесту публике в театре. Что же сделало начальство? Оно разложило по ложам и по всем другим местам в театре объявле-

ния, чтобы публика воздержалась от всякого изъявления сочувствия, от всяких манифестаций. Вследствие этого, когда государь подвел невесту к барьеру ложи и представил ее публике, их встретило глубочайшее безмолвие. Все встали — и только. Государь, говорят, был сильно этим огорчен. И в самом деле, вышла огромнейшая несообразность. Народ на площадях, на улицах, везде восторженно изъявлял царской фамилии свое участие в ее семейном торжестве. А здесь самая образованная и высшая часть общества оказала ничем не объяснимые и не оправдываемые холодность и равнодушие. Вот со стороны придворного управления настоящая медвежья услуга. Говорят, это министр двора так распорядился.

Октябрь 1. Суббота. Сентябрь кончился. Такого сентября не запомнит никто из петербургских старожилов. Ни одного дня без солнца, и только к концу месяца посвежело, но и то по утрам и не ниже 5—6° тепла.

Вчера отослал к цензору мои три критические статьи, которые хочу издать отдельною брошюрою. Разбор «Смерти Иоанна Грозного», впрочем, выйдет сперва в академических «Ведомостях». [49]

3. Понедельник. У простого гражданина, у лица должностного, но служащего обществу по назначению самого общества, есть дела обоим общие, которые он тем или другим образом совершает или в совершении коих участвует: у него есть отечество. У чиновника нет интересов общественных; у него есть только воля начальника и беспрекословное повиновение этой воле, все равно — хороша она или дурна, полезна обществу или вредна: у чиновника есть начальство, а нет отечества.

«Московские ведомости» сильнейшим образом допекают Валуева за его распоряжения по делам печати. Но больше всего они налегают на него за его подкапывание под права суда. Ведь в самом деле этот чиновник всячески старается — не силою своей министерской власти, которая не всегда оказывается здесь состоятельною, а интригою — расположить суды по делам печати в свою пользу. Он успел, кажется, склонить на свою сторону ‹Д. Н.› Замятнина. Так, например, прокурор предъявил иск против «Вести», которая невыгодно и предосудительно отозвалась о судах. Но Замятнин, по просьбе Валуева, остановил этот иск. А надо знать, что статья «Вести» писана по заказу Валуева и даже, как говорят, поправлена им. Еще он обратился к москов-

скому прокурору, ‹Н. И.› Ланге, с предложением начать иск против «Московских ведомостей» за их вредное направление, но получил отказ по причине недостатка поводов к обвинению. И на это Валуев также пожаловался министру юстиции. Словом, уязвляемый печатью, он мечется как угорелый. Право, кажется он хотел бы задушить всю русскую мысль и литературу, но находит препятствия то в одном, то в другом месте.[50]

4. Вторник. Сегодня должна была совершиться казнь государственных преступников, из которых один подлежал повешению. Однако им объявлено помилование, то есть смягчение наказания. На того, который осужден был на смерть, уже накинута была веревка — и тут объявили, что ему даруется жизнь. Говорят, при этом опять присутствовали несметные толпы народа. Не лучше ли было бы его избавлять от такого зрелища?[51] Извозчик, который меня сегодня вез на Васильевский остров, малый очень ловкий, толкуя об этом событии, между прочим заметил, что преступники не то заслужили и что их следовало бы живых закопать в землю.

Валуевская администрация, кажется, видит в печати личного своего врага. Она с каждым днем все больше и больше против нее озлобляется.

6. Четверг. ‹К. П.› Кауфман уволен от управления Северо-Западным краем, и это вызвало сильное неодобрение со стороны патриотической и русской партии. Зато польская партия очень довольна. На место Кауфмана назначен ‹Э. Т.› Баранов, тот самый, который заменил ‹П. А.› Шувалова в Риге. Видно, ‹некоторые?› работают с большим успехом. Настоящую перемену приписывают графу Шувалову и Валуеву. О Баранове говорят как о человеке ограниченного ума, как о втором Назимове, которого поляки так дурачили в Вильно.

Когда, перед праздником пасхи, я виделся с Кауфманом, он и тогда жаловался на всевозможные препятствия, которые против него выдвигала петербургско-польская партия. От него я тогда слышал, что поляки управляемого им края придавлены, но не усмирены и что надо зорко за ними следить. Теперь это признано ненужным.

Дело ‹А. Н.› Пыпина и ‹Ю. Г.› Жуковского решено во второй судебной инстанции. Инстанция эта признала обвинение их в том, что статья «Вопрос молодого поколения» оскорбляет дворянство, неправильным, но осудила

того и другого на трехнедельный арест на гауптвахте и на взнос штрафа по сто рублей с каждого за бранчивые выражения. Итак, Валуев все-таки не добился полного торжества. Он настаивал именно на оскорблении дворянства.[52]

7. *Пятница.* Общее собрание в Академии наук. Мне опять приходится писать отчет по Второму отделению. ‹Я. К.› Грот отказывается по множеству занятий. Он готовит речь на празднование карамзинского юбилея.

8. *Суббота.* Вечер у Гончарова, где я познакомился с графом ‹А. К.› Толстым, автором «Смерти Иоанна Грозного». Он очень приятный человек, с мягкими аристократическими приемами, и притом умный человек. Он благодарил меня за мой голос в пользу его трагедии по случаю присуждения Уваровской премии, которой, однако, ему не присудили такие великие критики, как Куник, Пекарский... Тут был также ‹П. И.› Юркевич, председатель Театрального комитета, и говорили о постановке «Иоанна Грозного» на сцену. Граф Толстой прочитал набросанные им на бумагу мысли о том, как должны актеры понимать главные роли Иоанна и Годунова. Эти мысли доказывают, как много и глубоко обдумывал автор свое произведение. Мысли его во многом схожи с тем, что я говорю в моей рецензии. Беседа продолжалась до двух часов ночи.[53]

9. *Воскресенье.* Прочитал две первые книжки ‹В.› Гэтэ против ‹Э.› Ренана. Жаль, очень жаль, что автор, возражая Ренану и во многом весьма удачно опровергая его, слишком предается негодованию и часто просто осыпает бранью своего противника.[54]

Дело в том, что Ренан отвергает божественность Иисуса Христа. На этой почве трудно состязаться с ним философским образом. А в этом ведь и вся суть. Кто не верит в божественность Христа, перед тем рассыпаются все богословские учения и доказательства. В сравнении с этим все исторические неверности и заблуждения Ренана, вся его критика евангелия ничего не значат, и если его можно уличить во лжах с этой стороны, то в конце концов все-таки главная его теза с философской точки зрения непременно найдет многих защитников и приверженцев.

10. *Понедельник.* В «Биржевых ведомостях», № 250, уже напечатана статейка против комиссии Академии, не присудившей премии пьесе графа Толстого. Ее писал, говорят, Феофил Толстой,

13. Четверг. Появилась в «С.-Петербургских ведомостях» первая половина моей статьи о трагедии графа Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

Поводом к увольнению Кауфмана послужила, между прочим, ужасная распущенность чиновников в том крае, в котором он управлял. По крайней мере государь так мотивировал свое решение. Это говорил мне Ф. И. Тютчев.

14. Пятница. Был у меня граф Толстой, автор трагедии «Смерть Иоанна Грозного». Он горячо благодарил меня за мою статью о нем, которой, впрочем, появилась еще только половина во вчерашнем № «С.-Петербургских ведомостей». Он пишет вторую драму из царствования Феодора, где главным действующим лицом Годунов. Судя по плану, который он мне вкратце передал, это будет тоже прекрасное произведение. Теперь он хлопочет о постановке на сцену «Грозного». Государыня очень этого желает, но сомневается, чтобы у нас нашлись актеры, которые были бы в состоянии хорошо сыграть эту пьесу.[55]

Моя статья принята в публике с большим одобрением и сочувствием, как о том доходят до меня слухи. И*** ‹?› просил меня, чтобы я и ему дал оттиск. Я обещал всем, когда статья будет напечатана отдельно, вместе с двумя другими: о «Самоуправцах» Писемского и об «Отрезанном ломте» ‹А. А.› Потехина.

18. Вторник. В № 286 «Голоса» появилась статья по поводу моей рецензии «Иоанна Грозного». Статья обвиняет Академию за отказ этой пьесе в Уваровской премии и ссылается на мою рецензию.

Общество вправе требовать от Отделения русского языка и словесности, чтобы оно уважало русскую словесность.

23. Воскресенье. Первые шаги графа Димитрия Андреевича ‹Толстого› на его министерском поприще начинают возбуждать какие-то странные впечатления. Что граф благоговел перед «Московскими ведомостями» — это было уже известно. Он, не обинуясь, высказывает перед ними род сыновней почтительности и готовности во всяком случае руководствоваться их авторитетом не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, говорит: учитель так сказал. Он сделал также юношескую ошибку в саратовской речи, в которой, говоря о дурном направлении учащейся молодежи, выразился так: «При мне этого не будет».[56] Но вот еще случай. На днях он отнесся к Валуеву официальною бумагою, в которой не без юношеского самодовольства говорит,

что государь возложил на него наблюдать за чистотою нравов юношества и преграждать в школы путь дурным идеям, а так как журналы «Дело» и «Женский вестник» издаются лицами, принадлежавшими к «Русскому слову» и «Современнику» и которые и теперь придерживаются образа мыслей этих журналов, то он, граф, и просит Валуева обратить на это внимание, дабы они вновь не заражали молодых умов. Как бы ни было справедливо такое желание, но, во-первых, «Дело» и «Женский вестник» уже взяты под цензуру, и Совет ‹по делам печати› доносит Валуеву, что в них не оказывается ничего зловредного. Во-вторых, Тютчев Ф. И. в заседании того же Совета справедливо заметил, что литература существует не для гимназистов и школьников и что нельзя же ей давать детское направление. Тогда пришлось бы ограничиться одними букварями и учебниками. В обществе и кроме литературы говорится и делается много такого, что непригодно для школы и школьников. Но это уже дело министерства народного просвещения и блюстителей школьной нравственности не допускать в круг мальчиков и юношей того, что может иметь на них вредное влияние. Вообще в графе Димитрии Андреевиче видна одна из тех молодостей, которые если не навсегда, то надолго остаются такими. Дай бог ему скорей постареть.

Эти жалкие молодые люди, бросившиеся сломя голову в омут революционных замыслов и покушений, сделали огромное зло России: они по крайней мере на полвека отодвинули ее от истинного просвещения, свободы и разных улучшений.

Если между нашими правительственными лицами есть кто-нибудь, искренно желающий блага для России, то это один государь.

26. Среда. Валуев и граф Шувалов быстрыми шагами стремятся к тому, чтобы вдвоем управлять Россиею полицейским образом: один посредством общей, другой — посредством тайной полиции. Главная забота их теперь — подорвать суды, то есть взять их под опеку административной власти. Валуев уже подкопался под суды со стороны печати. Сегодня Норов дал мне прочитать его проект изъятий из общего закона о судопроизводстве и дополнений по делам печати, который должен рассматриваться в Государственном совете. Валуев добивается лишить прокурора права делать свои заключения по поступающим в суды от министерства внутренних дел обвинениям о проступках

и преступлениях печатным словом. Норов просил меня написать от него записку по этому поводу для Государственного совета, что я и сделал и отдал ему сегодня же. Старик да с ним и я, мы только потешим себя: будто тут его голос может что-нибудь значить! Между тем государь уже согласился с мнением Валуева, и рассмотрение проекта в Гос‹ударственном› совете будет только для соблюдения формальности. Итак, вот уже первая победа бюрократии над судебною властью. Бедное русское правосудие! [57]

27. Четверг. До сих пор не прекращаются толки о пьесе графа ‹А. К.› Толстого и о том, что Академия отказала ему в премии. Моя статья, как оказывается, произвела впечатление в публике...

Грот читал в заседании отделения речь, которую он пишет к карамзинскому юбилею. Когда он в своей речи дошел до места, где говорит, что Карамзин оказал огромную услугу языку, содействуя его образованию, даже преобразовал его, Пекарский заметил, что он не согласен с этим общепринятым мнением, что Карамзин не оказал никакой особенной услуги языку нашему и что в этом отношении гораздо больше него сделали наши докарамзинские сатирические журналы...

Вчера познакомился я у Норова с смоленским губернатором, Бороздною. Он сильно жаловался на нигилистический дух среди смоленской молодежи. Многие из девушек не выходят замуж иначе, как гражданским браком.

Ноябрь 1. Вторник. Отослал в Прагу, через князя ‹В. Д.› Дабижа, несколько своих брошюр и «Историю литературы» ‹О. Ф.› Миллера. [58]

Рассудив зрело, я нахожу, что он ‹?› поступил основательно и справедливо. Есть правило житейской мудрости: никому не позволяй слыть умнее и даровитее тебя, а если такое случится, то старайся всячески уронить его в глазах других.

Дело хорошего писателя состоит не в чем другом, как в формулировании тех начал и тех идей, которые потребны всем и которые смутно мелькают в умах известного времени и известного общества.

Поздравление президента Академии наук Литке с пожалованием ему графского достоинства. Он, кажется, очень доволен. [59]

2. Среда. И в Москве неблагоприятно отзываются о нашем академическом деле по случаю неувенчания Уваровскою

премиею пьесы графа Толстого. В № 36 «‹Современной›' летописи» напечатана неодобрительная статья об этом.[60] ‹В. П.› Безобразов, недавно возвратившийся из Москвы, тоже говорил мне вчера, что там очень дурно отзываются о лицах, которые подали голос против пьесы.

3. Четверг. Буря в Отделении русского языка и словесности все по случаю той же пьесы графа Толстого. Бычков принес в заседание для прочтения статью «Летописи». Она и была прочтена во всеуслышание Срезневским. Против всего, что там сказано, нечего было возразить. Грот заметил, что мы сделали большую ошибку, отказав в награде произведению, которое вполне ее заслуживало, но Пекарский ухватился за слова, сказанные о нем в статье, и объявил, что будет на них отвечать. Что и почему он будет отвечать, трудно вообразить себе. Потом он начал доказывать, что Академия не поручала мне разбора пьесы, и ссылался на протокол, в котором обыкновенно и не говорится, кто из членов принял на себя рассмотрение такого-то сочинения. Из этого публика должна будет заключить, что я напечатал мою рецензию, не представив ее в комиссию. Но ведь она была мною прочитана в комиссии, в которой, после выслушания и полного одобрения рецензии четырьмя голосами, и приступлено было к баллотированию. Вообще Пекарский ведет себя в этом деле престранно. Он покусился было даже утверждать, что не подавал отрицательного голоса. Срезневский высказался честнее: он прямо объявил, что подал отрицательное мнение посредством бумажки, на которой ничего не было написано. Грот хочет напечатать то, что он одобрял пьесу; Веселовский тоже что-то намеревается написать; я тоже напишу, что моя рецензия была читана в комиссии, если Пекарский что-нибудь напечатает, дающее повод думать противное. Вот будет потеха для публики!

Надо стараться очистить и нравственно поднять литературу так, чтобы она не могла давать поводов к нападкам на нее обскурантов и реакционеров.

4 Пятница. Валуев провел-таки свою меру о предоставлении большей власти губернаторам, отвергнутую Государственным советом, кажется, в июле или августе. Высочайший указ о том от 28 октября см. «Голос», № 303.

5. Суббота. После сильнейшей вчерашней вьюги сегодня началась, повидимому, зима. Прекрасная санная дорога.

Свершилось то, чего боялись люди мыслящие: наступает время поворота назад, время реакции.

Освобождение крестьян — дело без сомнения великое. Но великость его заключается еще и в том, что оно полагает начало для других, неизбежных и столь же великих реформ. Без этого оно дело недовершенное. Оставить освобожденные массы без руководства людей развитых, просвещенных и благомыслящих — оставить одних в детском невежестве, а в других поселить недоверие — это великая государственная ошибка.

Вот и плоды знаменитого постановления об усилении власти губернаторов. Нижегородский губернатор сделал распоряжение («Голос», № 307), по которому все женщины, носящие *круглые шляпы*, *синие очки*, *башлыки*, *коротко остриженные волосы* и *не носящие кринолинов*, признаются нигилистками, забираются в полицию, где им приказывают скинуть все эти наряды и надеть кринолины; а если они не послушаются, то *высылать их из губернии*. Администрация в этом усердии доходит до того предела, где ее странные распоряжения уже перестают быть странными, а становятся комическими. Распоряжение, о котором здесь говорится, сделано Огаревым. Впрочем, это только цветочки, а будут еще ягодки. Найдутся, конечно, губернаторы, которые в упоении своей беспредельной власти и в порыве усердия будут делать распоряжения и получше этого, да и не одни губернаторы, а и другие власти. Ведь вот даже здесь, в столице, на днях министр императорского двора раскидал же письменные приказания в ложах и креслах театра, чтобы посетители не смели изъявлять своих чувств государю при его появлении с принцессою Дагмарою.

8. *Вторник*. Вечером у ‹А. П.› Чебышева-Дмитриева. Там встретил двух старых знакомых: ректора Московского университета ‹С. И.› Баршева и профессора ‹С. В.› Пахмана.

9. *Среда*. Бал во дворце. Мне очень хотелось видеть цесаревну Марию Федоровну (Дагмару). Я и видел ее. Она действительно очень мила. В ней нет ничего величественного, но она вся сияние, юность, грация. По крайней мере она такою мне показалась. На бале, по обыкновению, встретил много знакомых. Министр народного просвещения, граф Толстой, попрежнему дружески со мной раскланялся. Валуев тоже удостоил меня поклоном, весьма, впрочем,

холодным и величественным, на что я отвечал, хотя не так величественно и изящно, но тоже холодно. Побеседовал немного с генералом Лихачевым, Княжевичем и проч., выпил смородиновой воды, едва прикоснулся к ужину и уехал. Ужин, впрочем, был обильный и роскошный. Народу великое множество — блеск от свеч, блеск от звезд, но увы! мало блеска от женских глаз. Красивых лиц почти не было. Блистала одна Базилевская.

11. Пятница. Совет по делам печати, вопреки отношению графа Толстого, сделал постановление, что литература существует не для гимназистов и что министерству народного просвещения собственно принадлежит право и власть охранять гимназии от вторжения в них таких произведений, которые не соответствуют детскому возрасту. Валуев на докладе Совета написал резолюцию: «Не следует министрам давать наставления».[61]

12. Суббота. Я отдал членам Второго отделения ‹Академии наук› по экземпляру моих рецензий, вышедших на днях из типографии. Они оказали мне любезность, прося надписать каждому, — и первый Пекарский. Срезневский просил несколько экземпляров, чтобы послать в Вену славянам, с которыми он в сношении.

От графа Димитрия Андреевича ‹Толстого› получил весьма любезную записку, в которой он говорит об удовольствии, доставленном ему чтением моей брошюры.

Вечером у Княжевича. Разговор с Бакуниным — разумеется, не с страшным ‹М. А.›, а с другим.

Удивительно странен наш русский ум! Он с чрезвычайною легкостью усваивает себе летучие идеи времени и часто умеет высказывать их так ловко, с видом такого убеждения, как будто они были его собственными. Эта восприимчивость, соединенная с большою живостью его натуры, мешает ему углубиться в то, что он сгоряча принимает за непреложную истину, мешает ему быть самостоятельным и твердым. В нем все как-то легко, ненадежно, непрочно; чувствуешь что то, что он сегодня принимает и отстаивает с жаром, скоро перестанет занимать его, что оно не пустило в его сознании глубоких корней и что он так же скоро охладеет к принятому, как скоро привязался к нему.

15. Вторник. В моей книжке последняя статья, разбор трагедии «Смерть Иоанна Грозного», перепорчена в типографии. Наделаны такие опечатки, что я велел остановить продажу книжки и сегодня объяснялся с Нагелем. Решено

перепечатать наиболее пострадавшие страницы. Опять остановка.

17. Четверг. Что есть жизнь человеческая, как не смесь страданий и пороков?

Для многих ли доступна та высокая степень умственного и нравственного развития или та высшая точка зрения, с которой человек может взглянуть примирительным оком на все зло, на весь беспорядок, царствующие в мире? Сколько людей погибает в пути к этому недосягаемому для них возвышению, в тревогах сомнений, в чувстве великих своих скорбей и неудовлетворенной жажды лучшего, в полной невозможности сказать доброе слово о том, что он видел и испытал в краткие мгновения своей жизни, — и надобно считать за великое добро уже ту душевную тупость, которая бессмысленно и покорно протягивает свою голову под разящие ее удары, не спрашивая, за что и почему она осуждена на эту казнь.

Сила познается только в борьбе. Что не трудно, то никуда не годится.

Таланту многое и лучшее, конечно, дается даром. Но следует ли из того, что он не трудится? То, что первоначально далось ему без труда, как бы каким-то счастливым наитием свыше, или, как говорится, пришло само собою, то он должен развить, обработать, устроить — и все это составляет работу вовсе не легкую, часто до того упорную, что она занимает все его силы, истощает их и делает его недовольным самим собою. И чем глубже, чем тоньше он понимает требования своей задачи, тем труднее для него выполнение ее с такою точностью и достоинством, какие налагаются на него собственным его идеалом. Как часто приходится ему пробиться долго над одним каким-нибудь словом в выражении своих мыслей, не вполне удовлетворяющим требованиям его собственного неумолимого контроля.

18. Пятница. Собирать, копить факты хорошо; но следует ли из этого, что надо отказаться от права и способности рассуждать?

21. Понедельник. Сохранение жизни, сохранение здоровья, некоторая доля обеспечения нужд и некоторая доля удовольствия ради отдохновения от трудов — все это законно и справедливо. Но немножко больше славы и немножко больше богатства — что значит все это, по выражению Бомеля в письме его к Вольтеру? [62]

С ‹Н. А.› Милютиным случился удар. Он безнадежен. Его навещал государь. Великая княгиня Елена Павловна была у него два раза в один день. На место него вызывают князя ‹В. А.› Черкасского из Варшавы.

23. Среда. Когда государь посетил Милютина, он горячо выразил ему свое соболезнование и вообще обошелся с ним очень благосклонно и ласково.

На место Милютина был назначен ‹С. М.› Жуковский, о чем уже был заготовлен указ. Но вдруг все изменилось: важный пост, занимаемый Милютиным, вверен графу ‹Павлу› Шувалову.

24. Четверг. Извне нам угрожает Европа, внутри, как в вулкане, зловещий глухой гул и клокотание потрясающих элементов. Бедное мое отечество!

В № 324 «Голоса» напечатана сильная заметка о ‹Н. А.› Милютине.[63]

Заезжал к Милютину. Ему лучше, но хотя бы он и поднялся с одра смерти, а все-таки это не возвратит нам благородного гражданина и полезного деятеля.

25. Пятница. Смотри, с какой стороны больше подлежит нападениям твоя свобода, там и усиливай стражу и бдительность. Чрезвычайно опасно поддаваться впечатлениям, какие возникают для тебя из различных отношений с людьми. И странное дело, хотя ты не очень уважаешь их мнение, зная из какого часто нечистого или мелкого источника истекает их одобрение или неодобрение, их приязнь и неприязнь, однако тем не менее все это тревожит тебя, нарушает мир и спокойствие твоей души. Значит, тут дело не в том, что люди нехороши, а в том, что ты нехорош. Твое сердце так слабо и рыхло, что всякое семя, бросаемое в него ветром, свободно и скоро произрастает в нем, — а это произрастание дает терния и волчецы. Итак, врачу, исцелися сам! Подрезывай в самом корне эти вредные и скверные произрастания или устраняй, елико возможно, влияние причин, которые их питают.

26. Суббота. Самая грубая ложь для большей части людей может сделаться убеждением, если повторяется часто и не встречает протеста со стороны тех, которые обязаны блюсти и охранять истину.

27. Воскресенье. Возвысился граф ‹Петр› Шувалов и делает что ему заблагорассудится, помимо закона и всех установленных государственных учреждений. Он прямо идет с докладом к государю и получает его согласие на меру,

хотя бы та была в полном разногласии с тем и с другим.[64] То же самое делает нынешний обер-полицеймейстер Трепов. Они приобрели страшную власть именем злополучного 4 апреля. Все делается под видом охранения священной особы государя. Для этого и Валуев дал такие полномочия губернаторам, на которых повсюду распространяется негодование.

Была в Петербурге учреждена комиссия для устройства и преобразования городской полиции. Шло, между прочим, дело о разделении города на сорок участков. Но когда Трепову заметили в комиссии, что разделение это не имеет основания и что не лучше ли в полицейском отношении разделить город по числу судебных мировых участков, он энергически отверг это, потому, как он выразился, что авторитет полиции тут как бы подчинится авторитету судов. Трепов, говорят, ненавидит новые суды. Потом, однако, он согласился уменьшить число участков до тридцати четырех. Так решено было комиссией. Вдруг является приказ обер-полицеймейстера, по которому город делится, кажется, на тридцать восемь участков. Это значит, что Трепов прямо от себя сделал доклад государю и получил утверждение; ни министр, никто об этом ничего не знал. Трепов увеличивает штатную сумму, определенную на содержание полиции, и прямо от себя относится к министру финансов об отпуске дополнительных сумм, чем приводит его в немалое изумление. И это произошло также вследствие непосредственного доклада Трепова государю, без всяких предварительных соображений и сношений с подлежащими властями.

‹А. П.› Безак придумал меру уничтожить Каменец-Подольскую католическую епархию: пошел с докладом и получил согласие. Говорят, мера не дурная в политическом отношении, — пусть так, но вышло то, что теперь не знают, как с ней справиться. По католическому каноническому праву ни один епископ не может принять управление ни одною церковью вне района своей епархии. И когда упраздненную епархию надо было подчинить другому, ближайшему, епископу, тот отказался принять ее, потому что это воспрещается коренным законом его церкви, и проч., и проч., и проч.

29. Вторник. И коренному петербургскому жителю становится трудно ориентироваться в нем благодаря бывшему обер-полицеймейстеру, графу ‹Петру› Шувалову, который в своей просвещенной заботливости о благоустройстве

и безопасности столицы переименовал разные улицы и из старых, усвоенных этим улицам историей или преданием, названий наделал такие, например, как Ковенский переулок, Могилевская улица и т. д.

Декабрь 1. Четверг. Торжество в Академии наук в честь Карамзина, по случаю совершившегося столетия со дня его рождения. Публика многочисленная и отборная. Были: наследник, великие князья Владимир и Алексей и Лейхтенбергский. Речь ‹М. П.› Погодина вызвала неоднократные взрывы рукоплесканий и вообще была принята с восторгом, особенно те места, где он резюмировал известное неизданное сочинение Карамзина о «Древней и новой России» и приводил некоторые мысли из письма его к Александру о Польше. Речь Погодина действительно была в высшей степени уместна, прилична и благородна. Он мастерски воспользовался случаем и высказал несколько и строгих и верных истин тем, кому подобает их слушать, но кто обыкновенно не слышит их от людей близких. Здесь Погодин был уже не ученый, не академик, не оратор, а гражданин. Речь его есть подвиг, гражданская заслуга. И прочитал он ее хорошо. Некоторые академики, однако, не нашли в ней никакого достоинства. Сидевший возле меня сначала даже подсмеивался над оратором, называл его фигляром, но скоро, однако, перестал и выразил даже некоторое одобрение. Но секретарь на мои похвалы прямо отвечал, что речь не заслуживает никакого внимания и что хорошего в ней только выписки из Карамзина. Великие князья также аплодировали многим местам, не исключая и наследника, который, впрочем, делал это сдержаннее своих братьев. Воспоминания ‹П. А.› Вяземского тоже приняты были публикою благосклонно, равно как и стихи его, которые, впрочем, на этот раз не отличаются особенною силою. Да и прочитал и то и другое ‹Б. М.› Маркевич, против своего обыкновения, довольно плохо. Акт продолжался больше двух с половиною часов.[65]

2. *Пятница.* Замечательно, что вчера на акте не было никого из духовных властей, а Валуев исчез. В ознаменование карамзинского юбилея государь пожаловал сыну Карамзина, Владимиру, орден св. Станислава I степени. Погодину также орден и ‹П. М.› Строеву — тысячу рублей пенсиону.

Акт в университете. Речь ‹К. Н.› Бестужева-Рюмина о Карамзине как историке, прочитанная ‹О. Ф.› Миллером,

очень хороша. Провозглашение военного министра ‹Д. А.› Милютина доктором истории было принято с живым участием и сопровождалось громкими рукоплесканиями. И ему самому, кажется, это было приятно. Он два раза вставал, чтобы благодарить публику.

3. Суббота. Заезжал к Погодину и довольно долго побеседовал с ним. Я высказал ему мое удовольствие по поводу его речи, которая, прибавил я, уже была не слово, а событие. Он был у наследника, который, между прочим, сказал ему: «Ваша речь произвела фурор».

4. Воскресенье. Управление по делам печати идет совершенно ложным путем. Оно усвоило себе только один элемент силы — элемент полицейский, забыв вовсе, что в кругу, в котором оно действует, есть еще очень важный элемент силы — элемент нравственный. Кажется, оно решилось совсем ни в каком случае не признавать значения силы мыслительной и силы нравственной.

Самое грубое ослепление, недостойное не только государственного человека, но даже обыкновенного чиновника, — думать, что в наше время можно управлять посредством одних полицейских мер, циркуляров, запрещений и тому подобного.

Управление решилось действовать совершенно наперекор величайшего из властителей земных — духа времени, который неотразимо требует свободы мысли и слова. Это уступка, которую ему необходимо сделать, если не хочешь допустить опять самого гибельного своеволия и злоупотребления мысли и слова впоследствии, когда все-таки придется снова ослабить натянутые вожжи. Валуев человек не без ума, но с ног до головы бюрократ, который понимает государственные дела не иначе, как канцелярские отношения и рапорты, хотя и говорит иногда пышно и кудряво. Валуев сделает то, чего само общество, может быть, и не сделало бы: он приведет его к полнейшей вере, что ничему верить нельзя.

Управление не понимает различия в печати между свободою мысли реальною и логическою. Оттого оно под одинаковый гнет кладет какую-нибудь газетную статью и ученую книгу.

Теперь Валуев думает, что он принял важную меру, переменив ‹М. П.› Щербинина на ‹М. Н.› Похвиснева, то есть заменив чиновника одряхлевшего чиновником помоложе.

5. Понедельник. Обедал у ‹А. Ф.› Бычкова. Там были члены нашего отделения и Погодин. Погодин прочитал после обеда отрывок из описания своего последнего пребывания за границею, где рассказывает свою встречу в Монтре с Герценом. Погодин советовал ему раскаяться и возвратиться в Россию. [66]

6. Вторник. Третье предостережение «Голосу» и приостановка его на два месяца за статью в № 318 о полиции. [67] См. «Северная почта», № 261.

8. Четверг. Сегодня в заседании ‹Академии наук› был и Погодин. Ничего особенного. Говорили и судили, как обыкновенно, с большою важностью, как подобает истым академикам. . .

О Милютине (Николае) всё дурные слухи. Ему лучше, но нет никакой надежды на то, чтобы он мог опять заняться делами.

‹Э. Т.› Баранов в своей речи в Вильно сказал, что напрасно некоторые злонамеренные люди стараются распространить мысль об изменении системы в управлении польскими делами. Ничего не изменится, и все прежние предначертания будут выполнены. Странное дело! Система не переменится, а переменили людей, которые способны были ее выполнять, и заменили их людьми, совершенно на то не способными, как будто системы создают людей, а не люди системы.

Когда раз допустили известную меру свободы мысли и слова, то возвращаться назад уже нельзя. Надо допустить и признать эту свободу как новый элемент, подобно тому как признают и допускают необходимость разных изменений общественных и административных. На некоторые злоупотребления печатного слова надо уже смотреть как на необходимое зло. Злоупотреблений этих не желают оставлять без взыскания — хорошо! Но что считать за злоупотребления? В этом должно непременно умерить до последней крайности свою щекотливость и притязательность. Вообще не должно показывать, что в печатном слове видят своего личного врага, как то делает нынешнее Управление по делам печати. Вообще на это дело нельзя смотреть полицейскими глазами.

9. Пятница. В общем собрании Академии ‹наук› президент ‹Ф. П. Литке› предложил выбрать в почетные члены министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, Димитрия Алексеевича Милютина, Валуева и министра

‹А. А.› Зеленого. Выбраны два первые. У графа Толстого было только три отрицательных голоса, у Милютина два. Но когда дело дошло до Валуева, то оказалось, что ему накидали черных шаров, и избрание не состоялось. Этим был очень огорчен президент. Но он сам виноват. Не следует предлагать некоторых лиц, не удостоверившись прежде в успехе и не посоветовавшись с некоторыми знающими людьми. Я предлагал было разделить выбор так, чтобы двое были избраны теперь, а другие двое оставлены хоть до следующего года. Президент не согласился и потерпел поражение. Зеленого он уже не хотел баллотировать. Чему, однако, приписать эту неудачу относительно Валуева, когда Академия прежде так снисходительно раздавала свои дипломы на звание почетных членов? Я думаю, роли, какую Валуев принял на себя в отношении к печати. Академия — естественная покровительница печати в ее высшем значении, и она, верно, хотела этим выразить свое несочувствие лицу, которое доселе показало себя в делах печати только преследованиями. Вообще Валуев не пользуется сочувствием общества. Не много друзей приобрел ему, между прочим, и знаменитый циркуляр губернаторам.

10. Суббота. Оттепель и ужасная слякоть. На санях скверно ездить, на колесах совсем нельзя.

Погодин, кажется, на меня гневается. За что? — постигнуть не могу. За то разве, что, говоря в статье моей об «Иоанне Грозном» графа Толстого, о нынешних русских писателях, наследовавших язык Карамзина, то есть о Гончарове, Тургеневе, Майкове, я не упомянул о нем? Неужели за то? Да ведь это просто было бы нелепо: к числу достоинств Погодина не принадлежит же художественно обработанный, изящный язык. Никто не считает его язык образцовым. Да притом у меня дело шло о поэтах — какой же он поэт? Правда, он написал повести, трагедии и т. п., но ведь не в этом его специальность и заслуга. Он обещался приехать ко мне в прошедшее воскресенье, но я напрасно прождал его: он не пожаловал. На обеде у Бычкова он был со мною вежлив, но сух и холоден. Что же делать? Бог с ним! На наши мелкие самолюбия не напасешься осторожности.

11. Воскресенье. Обедал у графа Толстого, министра. Там, между прочим, находился и московский * ‹С. М. Соловьев?›. Он смотрит таким великим человеком, что к нему и подойти страшно. В величественном виде он уступает

разве только швейцару княгини Белосельской, что стоит у подъезда ее дома и обозревает мимо проходящих, как величественнейший из наших сановников. А было время, все эти С‹оловьевы›, П‹огодины›, К‹атковы› расточали мне сладчайшие любезности. Ну, да это было тогда, когда я был в силе по нашему министерству. Это и понятно и законно. А все-таки удивительные педанты эти москвичи! Сделав что-нибудь полезное, они уже требуют чуть не божеского поклонения и отвергают малейшую возможность чужих достоинств и заслуг. Это и мелко и смешно.

По городу уже пошли слухи о неизбрании Валуева в почетные члены Академии ‹наук›. Все одобряют Академию. Говорят: хороша была бы Академия, если б сделала своим членом врага и притеснителя печати.

13. Вторник. Что же делать, если наши современные романисты и поэты лучше владеют языком, чем историки?

14. Среда. Над «Московскими ведомостями» висит дамоклов меч. На днях Валуев, по высочайшему повелению, внес в Комитет министров записку о всех противоправительственных статьях, в разное время напечатанных в «Московских ведомостях». Когда члены Комитета, выслушав записку, спросили, с какою же целью она внесена в Комитет — не для принятия ли какой-нибудь меры? — Валуев отвечал, что она внесена в Комитет согласно высочайшей воле, а что касается до меры или до мер, то они будут приняты администрацией.[68] Непостижимое ослепление «Московских ведомостей»: они, кажется, на что-то положились, чему-то поверили, забыв, что у нас кажущееся надежным и верным поутру может совершенно измениться к вечеру того же дня.

Краевскому оказано снисхождение: он подвержен вместо гауптвахты или съезжей домашнему аресту, все-таки на два месяца.

17. Суббота. Слишком хороших вещей желать не должно: с ними скоро изнеживаешься и теряешь способность сносить все дурное, чем так обильна жизнь.

22. Четверг. Калужский губернатор представил высшему начальству, что необходимо выслать куда-нибудь из Калуги тамошнего не то председателя, не то члена гражданской палаты за его неблагонадежность, в случае могущего последовать в Калужской губернии возмущения. Так возбудительно действует на губернаторов знаменитый циркуляр Валуева.

Кстати, о Валуеве. Он недавно одному моему знакомому утверждал, что нет у печати защитника более ревностного, чем он.

23. Пятница. По мере того как мы изучаем природу, как углубляемся в бесконечное течение веков и видим страшные перевороты, испытываемые землею в этом неиссякаемом потоке времен, — человек, его значение и судьба кажутся все мельче, ничтожнее и безотраднее.

29. Четверг. Годичный акт в Академии ‹наук›. Читал отчет по Второму отделению. Прочитал дурно, местами плохо разбирая свою руку. Разумеется, это глупо.

После Академии обед у Донона за шесть рублей с человека. Тут вместе с потоками вина лились изъявления взаимной дружбы, единодушия и проч. Бэр говорил речь о единодушии. Превосходный ученый, прекрасный человек, юный старик! В нем есть философия, поэзия, жизнь... Секретарь ‹К. С. Веселовский› упрекнул меня за то, что в моем отчете я сказал, что у нас в данный момент нет первоклассных талантов ни в науке, ни в литературе, — а вот Бэр! Я вовсе не забыл о Бэрах, но они принадлежат прошедшему. Я еще буду иметь с Веселовским объяснение по этому поводу.

31. Суббота. Лучше не давать ничего, чем, давши, брать назад.

Конец 1866 года.

1867

Январь 1. Воскресенье. Заходил, между прочим, справиться о здоровье ‹Н. А.› Милютина. Он очень плох. По мнению некоторых врачей, ему грозит размягчение мозга.

«Голос» прощен: ему дозволено выходить в свет.[69]

4. Среда. Вечер у президента Академии наук. Многое множество людей всякого рода, то есть ученых и чиновников. Я все время пробеседовал с обер-прокурором ‹П. П.› Семеновым и астрономом ‹П. М.› Смысловым.

8. Воскресенье. Служение науке, конечно, составляет и у нас, как везде, одно из важнейших призваний для людей, одаренных сильною мыслью и талантом. Но есть два способа служить науке. Один состоит в накоплении и в разработке материалов; это ф а к т и ч е с к и й способ; другой — в группировке этих материалов, в возведении из них здания, в освещении их: это способ, так сказать, д у х о в н ы й. Оное надо делать и сего не оставлять. Науке так же нужен смысл, идея, как искусству нужен идеал.

Эстетический характер произведений искусства состоит в красоте образов, содержание которых соответствует требованиям мысли и чувства. А как эти потребности бывают различны, смотря по времени, народностям и разным периодам человеческого развития, то и содержание художественных образов бывает чрезвычайно различно. Со стороны художника большая ошибка не соразмерять содержание своего произведения с действительными потребностями данного периода и подчинять его требованиям поколения отжившего.

Поутру был у Ивана Леонтьевича Янышева, который сделан ректором Александро-Невской духовной академии. Он принял меня с прежним дружелюбием. Вечер у Краевского.

Хотел провести ночь в кресле, ради избежания толчков, и оставался так почти до четырех часов. Действительно, я чувствовал большое облегчение в голове, хотя все-таки и были легкие наплывы и один маленький толчок.

9. Понедельник. Три толчка один за другим, с потрясением всего тела.

10. Вторник. Вальц велел принимать по полкапли белладонны на ночь. Разумеется, это пустяки; однако я принял, ибо утопающий хватается за соломинку. Начал ночь в кресле, потом перешел на постель. Спал превосходно, как давно не спал, без толчков и наплывов. Приверженец гомеопатии, конечно, приписал бы это белладонне, а я приписываю просто случаю.

13. Пятница. Вчера умер Н. И. Греч. Сегодня я заезжал к его жене, Евгении Ивановне, и, между прочим, просил ее доставить мне кое-какие биографические сведения о нем. Мне хотелось бы помянуть его правдивым словом. Несмотря на некоторые черты характера и поступки, которые не раз восстановляли против него общественное мнение, Греч все-таки был замечательный деятель в литературе и человек с несомненными способностями и заслугами. В последнее время он был у нас почти забыт; но это участь многих из наших знаменитых людей. Им надобно умереть, чтобы о них вспомнили и их оценили. Покойному было 80 лет. [70]

14. Суббота. Часто случается слышать о каком-нибудь общественном или государственном лице; «он не знает России». Справедлив ли этот укор? Кто из нас может похвалиться, что знает ее? Правда, многие из наших администраторов и писателей не знают даже статистики не только государства, но даже тех отдельных местностей, о которых пишут статьи и книги или для которых составляют проекты управления, — это, конечно, непростительное невежество. Но характер народа, его политическое и нравственное значение или назначение — кому они известны, да и кому могут быть известны? Определились ли они, выразились ли настолько, чтобы можно было составить о них точное понятие и судить о них? Русский дух, русская интеллигенция, русская народность — что это такое, как не слова, не общие

места в наших суждениях, хотя в действительности это великие, многозначительные сущности? Но потому-то, что они великие, многозначительные, их не легко определить и не следует к ним относиться легкомысленно.

Вечер у ‹В. К.› Ржевского. У него, между прочим, собираются сторонники так называемых крупных землевладельцев, среди которых особенно выдается редактор «Вести» ‹В. Д.› Скарятин. Я по временам заглядываю туда, чтобы иметь понятие и об этой стороне нашей общественности. Притом здесь узнаешь и многие любопытные факты и слышишь любопытные суждения. Так, например, сегодня к т о - т о, председатель какой-то комиссии, ездивший по поручению правительства в Среднюю Азию, рассказывал очень много интересных вещей о тамошнем крае и народности, а также о генерале ‹М. Г.› Черняеве, от которого этот к т о - т о в восхищении. Если верить всему, что я слышал сегодня, то наше правительство делает в Азии огромные ошибки.

15. Воскресенье. На свете есть одна серьезная вещь — это смерть.

Вечер у Тройницкого, где обыкновенно собираются представители высшей бюрократии: директоры департаментов, члены министерских советов, сенаторы и проч. Странны наши русские люди! Вместо того чтобы поддерживать новое какое-нибудь зарождающееся общественное учреждение, они всеми силами стараются его опорочить и уронить. Так, например, делается и с земскими учреждениями. Некоторые господа считают долгом своего остроумия осмеивать все, что там говорится и делается. Я вчера и сегодня наслушался много подобных вещей. Впрочем, сам Тройницкий, хотя и товарищ министра, чужд этого стремления.

Поутру был еще у Марка: этот всегда стоит за все добрые начинания.

Совет по делам печати недавно давал обед своему бывшему председателю Щербинину. Как опошлились все эти обеды! Все знают, какой плохой председатель был Щербинин, никто его не уважал и теперь не уважает, а между тем в честь его устраивают праздник.

16. Понедельник. На похоронах Н. И. Греча. Отпевали его в лютеранской Петропавловской церкви, а похоронили на Волковом кладбище. В церкви мало кто был, а на кладбище и еще того меньше. Меня удивило присутствие в церкви графа ‹Г. А.› Строганова, мужа Марии Николаевны,

который вместе со мною нес гроб спереди. Из сановных людей были братья Княжевичи да еще два-три звездоносца, три-четыре литератора, три-четыре академика — вот и вся чиновная и умственная знать. Я отправился на кладбище вместе с Струговщиковым.

Земское с.-петербургское собрание закрыто правительственною властью.[71]

Правду сказать, мы все одурачены. Мы, как дети, поверили чему-то хорошему, забыв, что в сей стране все спокон века было и есть ложь и произвол, — чему, вероятно, и предназначено быть до скончания веков. Да, впрочем, еще вопрос: лучше ли для государства, чтобы оно управлялось правдою? Были государства, которые существовали ложью тысячи лет. Нужны некоторые принципы — чуть ли это не все. Остальное зависит от случая и обстоятельств.

17. Вторник. В № 17 ‹«С.-Петербургских ведомостей»› напечатано уже не только о закрытии, но и об уничтожении земского с.-петербургского собрания, то есть о прекращении его действий на будущее время.

Пишут из Одессы в «С.-Петербургские ведомости» (№ 17), что там умер Билярский, Петр Спиридонович, наш академик и профессор Одесского университета.[72]

Уничтожение земских собраний Петербургской губернии — гибельная мера. Не предвещает ли оно впереди их общего уничтожения, то есть подчинения власти министров и губернаторов? Понимают ли это стоящие на высоте — неизвестно, но Валуев это, конечно, хорошо понимает. Стать выше закона, дать своему произволу полный простор — всегда было его задачею. В нынешнее время и нетрудно достигнуть этого. Стоит только преувеличить движение в обществе и в земстве, обвинить их в нигилизме — и с этим можно достигнуть всего, чего угодно. Ведь посягают уже и на суды. Говорят, на днях еще был внесен в Комитет министров проект об учреждении какого-то контроля из высших административных лиц над судами и над всеми судебными учреждениями, не исключая и сената. Вот что дело, так дело! К чему, в самом деле, правосудие нам, свыкшимся с отсутствием всякого закона и права и с господством всяческих лжей? На этот раз проект о подчинении судов административной власти не прошел, но разве это не может состояться в будущем?

18. Среда. В № 8 газеты «Москва» напечатана статья по поводу панихиды по убиенным кандиотам. На эту

панихиду надо было испрашивать разрешение от высшей петербургской администрации. Редактор газеты очень сильно осуждает необходимость испрашивать дозволение на проявление всякого общественного чувства и еще смелее касается зависимости церкви от светских властей. Главное управление по делам печати хотело дать предостережение редакции, но ограничилось внушением.[73]

20. Пятница. ‹Н. Ф. фон-› Крузе, председатель с.-петербургской земской управы, сослан в Оренбург, граф ‹А. П.› Шувалов — в Париж, сенатору Любощинскому велено подать в отставку.[74]

Газете «Москва» дано первое предостережение («Сев‹ерная› почта», № 15).

21. Суббота. Двадцать пять лет правил нами страх. И что же вышло? Пагубная Крымская война, закончившаяся постыдным миром, польская революция, страшное расстройство финансов и вообще всякое расстройство, деморализация всех сословий, нигилизм с гнусным посягательством на цареубийство.

Спор в заседании Академии наук. Грот говорил в своей небольшой статье, что Карамзин сделал много нового для письменного нашего языка. Другие это отрицали. Пекарский, как подобает великому демократу, вовсе отрицал значение гениальных личностей в деле образования и языка. Срезневский вступил в обычные свои педантические объяснения, в которых тоже отвергал значение таланта. Бычков принес с собою Ф. Эмина и доказывал, что у нас и до Карамзина писали не хуже его.[75]

Был у Марка. Он очень расстроен.

Несколько часов спустя получил от него известие, что сенаторство ему возвращено.

22. Воскресенье. Вчера настала оттепель в природе; если бы она принесла оттепель и в наших делах, а именно — смягчение указа об уничтожении с.-петербургского земского собрания.

Человек есть сила самообразующаяся. По крайней мере он способен развиться до степени этой силы.

Сильные и мрачные толки о судьбе наших земских учреждений. Всеобщее неодобрение меры, принятой относительно Петербургской губернии. В № 15 «Московских ведомостей» целиком напечатан акт тамбовского собрания, в котором оно исчисляет крайние затруднения, порожденные

законом 21 ноября, и просит правительство обратить на это внимание. Акт написан умно.[76]

23. Понедельник. Какое странное сопоставление нигилизма с земскими учреждениями! А между тем оно сделано, потому что с.-п‹етербургское› земское собрание уничтожено, как какое-нибудь тайное нигилистическое общество.

24. Вторник. Замечательная статья в № 18 газеты «Москва» в ответ на сделанное ей предостережение.[77]

27. Пятница. Сетования и ропот на уничтожение петербургского земского собрания не прекращаются. Нет никого, кто не порицал бы Валуева и ‹Петра› Шувалова, которых считают виновниками этого дела.

Между тем, говорят, и за границей общественное мнение все больше и больше настраивается против России. Фонды наши везде страшно упали; кредит окончательно подорван; сделки по железнодорожным делам приняли самый невыгодный оборот. В «Таймсе», в передовой статье, прямо говорится по поводу наших земских учреждений, что в России все так ненадежно и смутно, что с ней нельзя вступать ни в какие сделки. Бисмарк еще до катастрофы с этими учреждениями произнес в прусской палате речь о нас в весьма обидном, насмешливом тоне — и это в близкой, дружественной нам державе. Положение России становится день ото дня мрачнее и затруднительнее.

28. Суббота. В № 20 «Народного голоса» напечатана чрезвычайно резкая статья против министерства внутренних дел.[78] Издает эту газету какое-то странное, загадочное существо — ‹П. А.› Литвинов-Юркевич. Он прямо, без всяких околичностей, выдает себя за агента его императорского величества. Ему дано пособие на издание газеты. В ней участвует с ним ‹С. С.› Джунковский, который перешел из православия в католичество, пребывал в нем двадцать лет в качестве монаха и занимал высокие в духовной иерархии должности, потом снова обратился в православие и теперь живет в Петербурге. Он студент нашего университета, и я хорошо его знал. Он отличался страстью к писательству и закидывал меня сочинениями о всевозможных предметах, которых вовсе не знал или знал плохо, за что получал от меня профессорские нотации. Потом, едва умея читать по-гречески, он вздумал переводить «Одиссею». Впрочем, он обнаруживал способности. Вскоре по выходе из университета он участвовал в «Маяке», издававшемся ‹С. А.› Бурачком, а в заключение уехал из России

и обратился в католичество. Монахом он вздумал жениться, на что, разумеется, не получил разрешения от папы. Но он все-таки женился, бросил католичество и возвратился в Россию, где начал писать злые, обличительные статьи и на папу и на католиков. Говорят, жена его бросила, и он теперь здесь живет одиноким.

Вечер провел у добрейшего и почтенного В. М. Княжевича.

29. Воскресенье. Вечер у Тютчева. Писемский читал свою трагедию «Гладкий» из времен Бирона, регентства Анны Леопольдовны и вступления на престол Елизаветы. Пьеса не лишена достоинств. Она чище других пьес Писемского. [79]

30. Понедельник. Я никогда не принадлежал ни к какой партии и оттого остаюсь одиноким. Хотя это лишает меня известного рода популярности, к чему в свое время я, конечно, не был нечувствителен, однако теперь я не ропщу на мое одиночество. Оно избавило меня от зависимости и тревог, неразлучных с прилепленностью к известному образу мыслей, который не возник из тебя самого. Оно дало уму моему силу расширить горизонт свой и уберегло его от односторонности и мелочности, и если я до сих пор сохранил некоторую свободу духа и характера, то этим я обязан моему одиночеству.

Делать и говорить можно горячо, но ни говорить, ни делать не должно сгоряча.

Февраль 1. Среда. Вечер у ** ‹Гончарова?›. Множество всяких людей — мужчин и женщин. Хозяин познакомил меня с ‹Ф. Ф.› Витте, директором народного просвещения в Царстве Польском. Мне показался он человеком вполне обыкновенным. Он говорит очень много, но у него все выходят больше слова, чем мысли. Он сам себе придает цену за то, что служил с пользою русскому делу в Польше. Мы что-то мало слышали про русский патриотизм, да и вообще про высшие достоинства Витте, а известно только, что его, как говорится, вывел в люди принц Ольденбургский, у которого он был домашним человеком.

3. Пятница. Иное дело знание, и иное дело мышление. Знание невозможно без мышления, но мышление само по себе составляет непреодолимую потребность человеческого духа. К чему бы оно ни стремилось, каких бы результатов ни достигало, оно является основным законом нашей природы. В нем и из него возникают вопросы о жизни, о сущ-

ности всего сущего, о боге, о судьбе и назначении человека. Ограничить мышление областью знания, осудить его стремления под предлогом недостоверности его выводов и недостижимости его цели — все равно, что воспретить дышать.

7. Вторник. Граф Шувалов вносил два проекта в Государственный совет. Один по поводу того, что все Поволжье исполнено дурного духа, и потому необходимо все это пространство оцепить жандармскими агентами, разделив их на группы. Для этого граф требовал кредита в восемьдесят тысяч рублей. Другой проект его касался усиления карательных мер против тайных обществ и против зловредных покушений в земских собраниях. Нашелся один из членов Государственного совета, который заметил, что крайне неприлично смешивать тайные общества с земством.

Был ‹Ф. В.› Чижов. Обычная с ним дружеская беседа.

8. Среда. Раут у министра народного просвещения. Тут, между прочим, занимал общество своими рассказами ‹И. Ф.› Горбунов. Он действительно мастерски схватывает и передает черты народных типов. Министр был очень озабочен известным скандальным происшествием в Московском университете. Профессора ‹Ф. М.› Дмитриев и ‹Б. Н.› Чичерин со своими приверженцами — всего семь человек — подняли настоящее восстание против ректора и совета. Университет хотел выбрать на следующее пятилетие профессора Лешкова, а те не хотели, и Чичерин написал и прочитал в совете обидную бумагу по этому поводу. Дошло дело до министра, который не одобрил действий меньшинства. И вот теперь лица, составляющие это меньшинство: Чичерин, Дмитриев, Соловьев, Бабст и кто-то еще — подают в отставку.[80]

11. Суббота. Вечер у графини ‹А. Д.› Блудовой. Там встретил мою бывшую ученицу, фрейлину ‹А. А.› Воейкову. Она мало переменилась.

Мы считаем правительство каким-то богом; думаем, что оно, как само небо, должно стоять выше общества и по умственным качествам, и по добродетели, и по знанию — и оттого требуем от него чуть не безошибочных дел. Но разве оно не есть продукт того же народа, каким управляет? Ум, добродетели и пороки последнего действуют в нем бессознательно и бывают причиною всего, что делается им дурного или хорошего. Если правительство шатко, непоследовательно, опрометчиво и проч., то это оттого, что все мы, русские люди, шатки, непоследовательны, опрометчивы и проч.

14. *Вторник.* Вечер в театре на представлении «Иоанна Грозного». Играли пьесу плохо. ‹В. В.› Самойлов был довольно хорош, когда ему приходилось выражать гнев Иоанна, но ему недоставало царственного величия. ‹А. А.› Нильский — какой-то дубовый человек: ни в лице его, ни в движениях, ни в дикции не отражалось и тени Годунова. Я знал его еще, когда он играл на школьном театре, под названием Нилуса. Он и тогда уже изумлял меня своею деревянностью. С тех пор он нимало не улучшился. Единственное его достоинство в том, что он красив собою, но для искусства этого мало. Что же касается остальных бояр, то это нечто просто безобразное. Это собрание каких-то холопов. Положим, что в действительности это и были царские холопы — но все-таки царские и не до такой степени пошлые. ‹Е. В.› Владимирова — царица — была недурна, но роль ее довольно ничтожна. Обстановка пьесы великолепна. [81]

18. *Суббота.* Чего недостает нашему сердцу в нравственных принципах, то вы должны пополнять рассудком. Если, например, вы в себе находите мало внутреннего расположения к тому, чтобы уважать людей, то вы должны предписать себе уважать их настолько, чтобы не делать им и себе вреда. Что касается делания добра, то вы должны его делать единственно потому, что добро есть вещь сама по себе хорошая и что во всяком случае хорошо поступать есть обязанность и необходимость для существа разумного.

Людей, как и вещи, надо оценивать по их качеству и отделке, а не по тому, в какой мере они годны или не годны собственно для вашего употребления.

Заходил осведомиться о Тройницком, который опасно болен. Сегодня ему хуже. Опасаются за его жизнь.

19. *Воскресенье.* Заходил к Тройницкому: ему немного лучше. Вечером у Норова.

20. *Понедельник.* Вчера Норов показывал мне стихи, которые написал и подарил ему Валуев. Сочинены они были еще в 1848 году. Стихи идиллического содержания о счастье, которого желает автор, — счастье отрешиться от всех светских и особенно канцелярских забот. Слухи носятся, что Валуев оставляет министерство: обращение к этим стихам не есть ли намек на то? Норову автор дал их дня три тому назад.

21. *Вторник.* Большая часть наших тревог происходит оттого, что мелочи мы принимаем за важные вещи, а с вещами важными обращаемся как с мелочами.

Впрочем, что не мелочь в жизни человеческой, не исключая самой жизни?

22. Среда. Солнечное затмение сегодня, говорят, а между тем солнце во всю зиму не сияло так блистательно, как сегодня.

Земля русская перестраивается, а в некотором отношении даже строится. Оттого тут пропасть наваленного в кучу всякого материала, и все это еще не обделано, не прилажено. Кто архитектор? Архитекторов пропасть, но настоящие только бог и народный дух.

В № 43 «Северной почты» напечатано строгое предостережение «Москве».[82]

23. Четверг. Наши государственные шалуны выдумали забавную новую проказу: ссылать во внутренние губернии содержателей гостиниц в Москве, а самые гостиницы немедленно закрывать административным порядком, если они не заявят в полицию и не пропишут вид кого-либо из остановившихся у них хоть на несколько часов. Это всегда и делалось гостиницами, но полиция всегда отказывала в прописке доставляемых ей видов. Газета «Москва» напечатала умную и энергическую статью по этому поводу: за это ей и сделано второе предостережение. Последнее, по обыкновению, так формулировано, что, прочитав и его и статью, на которую оно падает, никто не поймет, за что дано предостережение. (Статья в № 35 «Москвы».)

В следующем, 36-м номере той же газеты помещена очень хорошая речь ‹В. А.› Полетики, произнесенная на каком-то политико-экономическом банкете. За речь, пожалуй, последует новое предостережение, а с тем вместе и прекращение газеты.

26. Воскресенье. Вечером был у А. С. Норова, который просил меня подписать его духовную.

Март 1. Среда. «Весна вокруг живит природу», — да, календарная весна, так как сегодня 14° мороза, а вчера было 18°: настоящая весенняя погода.

4. Суббота. Толки о страшном воровстве соли и железа в Нижнем-Новгороде. Того и другого украдено более, чем на миллион рублей.

Еще толки о продаже Московской железной дороги.[83]

В № 49 «Северной почты» напечатано предостережение «С.-П‹етербургским› ведомостям» за две статьи в защиту земства, написанные ‹А. И.› Кошелевым.[84]

5. Воскресенье. Странное иногда сочетание мыслей происходит во сне. Мне приснился покойный Н. И. Греч. Мы были в каком-то обществе и кто-то из среды его говорил что-то о заслугах Греча. На это он заметил: «Все это ничего, а единственная полезная вещь, которую я сделал, — это то, что я умер». — «Ну, — отвечал я ему, — мы не будем вам за это благодарны».

Соли украдено в Нижнем-Новгороде полтора миллиона пудов и от ста двадцати до ста семидесяти тысяч пудов железа.

7. Вторник. В № 45 «Москвы» помещен ответ на второе предостережение, сделанное этой газете. Презрительнее отзываться о цензурной администрации нельзя.

8. Среда. При осуществлении какой-нибудь задачи ничто не дается сразу. Притом необходимо постоянство усилий. Одни и те же постоянные работы инфузорий в течение многих тысячелетий образовали острова, целые горы и даже пространство материков. А мы, бедные русские, отличаемся недостатком этого качества малейших насекомых.

10. Пятница. Я продолжаю заниматься собиранием разного запаса сведений и изощрением моего ума и вообще самоусовершенствованием так, как будто передо мной лежит еще длинная перспектива жизни. Много узнаю такого, что гораздо было бы полезнее знать прежде, и многое во внутренней своей администрации устраиваю так, что если бы подобные меры принимались в раннюю эпоху жизни, то я избежал бы бесчисленного множества ошибок и хоть несколько ближе походил бы на свой идеал. Поздненько — нечего делать, но лучше поздно, чем никогда. Притом есть какое-то великое утешение чувствовать еще в себе на закате дней довольно сил для того, чтобы идти вперед, а не оставаться назади или стоять все на одном месте. Итак, вперед, вперед, пока не споткнемся о могилу, в которую лучше стремглав свалиться, чем, как червяку, доползти до нее.

Валуев совершил три незабвенные, особенно значительные гадости: это знаменитый наказ об усилении губернаторской власти, его поведение с земством и деяния по делам печати.

Вот и последнего находившегося при нем умного человека — ‹А. Г.› Тройницкого — он устранил от себя. Он сделал его членом Государственного совета. На место его определен князь ‹А. Б.› Лобанов-Ростовский, который признается откровенно, что шагу не умеет ступить по дороге,

которую перед ним открывают. Да какой же черт, прости господи, вас сует туда? — По-русски, как-нибудь да управимся. О несчастная Россия! Она действительно управляется как-нибудь.

12. Воскресенье. Какой это удивительный миф: человек похитил с неба огонь — разум. Полный сознания своего великого могущества, он начал действовать. Власть его над природою оказалась громадною. Знание расширило перед ним горизонт на бесконечное пространство. «Я обойдусь без богов, — сказал он себе, — я сам бог». Но за эту дерзость он дорого заплатил. Сердце его начали терзать приступы скорби; немощь приковала его к Кавказу — и хотя он не упал духом, но должен страдать глубоко и безвыходно, потому что он утратил верования.

Был у Тройницкого. Он еще не совсем оправился от болезни, которая чуть не уложила его в могилу. Он оставил место товарища министра и сделан членом Государственного совета, чем он, разумеется, весьма доволен.

Я посидел у него с час, а потом отправился на обед в Римско-католическую академию, где происходило торжество по случаю храмового праздника. Собралось много католических священников и епископов. Тут был и директор департамента иностранных исповеданий, граф ‹Е. Е.› Сиверс, с которым я и проговорил все время обеда. На другом конце стола с нами обедали и воспитанники академии. Когда предложен был тост за государя, молодые люди прекрасно пропели: «Боже, царя храни». Это был сюрприз. Я никогда не слыхал этого гимна в Римско-католической академии. И, говорят, молодые люди сделали это сами, без напоминания и возбуждения со стороны академического начальства. Я не перестаю еще трогаться подобными выражениями общественных чувств, если они имеют в виду не одно лицо, но и идею. И в этот раз я был тронут. Я был единственный русский на этом обеде, а то все или немцы, или поляки. Я предложил директору тост за здоровье воспитанников, который был немедленно провозглашен.

13. Понедельник. Кто содействует эстетическому образованию людей, тот содействует и образованию нравственному, в важности которого, кажется, нельзя сомневаться.

14. Вторник. У меня необыкновенная способность отравлять всякое приятное расположение духа в себе то опасениями за будущее, то подозрениями в достоинстве этого

самого явления, то, наконец, сомнениями в законности его и в моем праве на что-нибудь хорошее и приятное.

15. Среда. Итак, говорят, судьба Московской железной дороги решена: ее определено продать, и притом иностранцам. Всеобщее сожаление и недовольство по этому случаю. Да и дорога эта доведена до такого состояния, что по ней скоро нельзя было бы ездить. Купцы подавали жалобу министру финансов, что они лишены возможности беспрепятственного передвижения товаров между обеими столицами. Что же делает министр путей сообщения? Дорога находится в руках какого-то американца, с которым министр заключил контракт, а по контракту тот не обязан ремонтировать ни дороги, ни вагонов. Говорят, содрали с контрагента за эту сделку полмиллиона и сунули себе в карман.

Отстаивайте сами, как знаете, лучшую долю. Если у вас найдется довольно настойчивости, постоянства, то вы одолеете противников и достигнете того, чего достигает всякий, действующий твердо и последовательно. Если же у вас не найдется достаточных для того сил, то вы останетесь пустыми людьми, способными только на то, чтобы вами вертели и вас вели другие, как им угодно и как для них полезно. Вы пожнете то, что посеяли, или не пожнете ничего, потому что ничего не сеяли.

20. Понедельник. В три часа был на выносе Евграфа Петровича Ковалевского, бывшего министра народного просвещения, умершего третьего дня. Стечение народа огромное, и все народа, носящего красные, синие и даже голубые ленты, так что я, маленький, темненький человечек, утонул, как капля, в этом океане величия.

В тот же день хоронили с подобающими военными почестями Ивана Петровича Миллера — ибо он был генерал-лейтенант.

21. Вторник. Отношения с людьми должно поддерживать ради собственной безопасности, но так, чтобы они не опутывали тебя, как сетью, и не мешали совершенно свободным движениям твоего духа.

Пусть каждый день что-нибудь прикладывает к сумме твоей нравственной независимости.

24. Пятница. Большие толки о решении суда по делу чиновника Протопопова, ударившего в лицо своего вице-директора, графа Кошкуля. Присяжные его оправдали, как человека, находившегося в ненормальном состоянии духа.

Об уступке или продаже части наших северо-американских владений Северо-Американским Штатам говорят некоторые знающие дело, что это ловкий маневр нашей дипломатии, направленный против Англии за ее враждебную нам политику по так называемому восточному вопросу.[85]

Толкуют еще об остзейском архиепископе Платоне, уволенном или переведенном в Черкасск за то, что он вышел на защиту православия, печатно оскорбленного одним лютеранским пастором.

26. Воскресенье. Виделся с Юрием Федоровичем Самариным, с которым не встречался лет пятнадцать или более. Мы дружески побеседовали о современных делах.

29. Среда. Газета «Москва» приостановлена на три месяца (№ 69 «Северной почты») за статью в № 65 о пасторе Дейбнере и «за постоянное стремление порицать действия правительства, особенно выразившееся в передовых статьях №№ 57, 62, 63 и 64». Между тем в № 66 напечатана превосходная статья по поводу циркуляра редакторам, чтобы они не печатали укорительных статей о театральном управлении, на что жаловался министру внутренних дел министр императорского двора. Этим циркуляром опять как бы вводится предварительная цензура.[86]

31. Пятница. В высшей администрации невыразимо гневаются на суд за оправдание Протопопова, а «Весть» прямо обвиняет его в революционных стремлениях. Не удивительно, если с судами последует то же, что с земскими учреждениями. Уже исходатайствовано повеление перенести дело о Протопопове в кассационный сенат. Вот будет скандал, если сенат отменит решение суда и велит наказать бедного Протопопова, признанного сумасшедшим. Ну что ж, разве мы серьезно относимся к законам, к правам? Это только игра в законы и в право. Хотели судов не для того, чтобы они решали дела по закону, а для того, чтобы они решали их попрежнему, то есть как прикажут губернаторы, министры, администрация. О пучина всяческих лжей![87]

Валуев любит повторять, что он не признает общественного мнения, что его у нас нет. С[illegible] не раз повторял это мне, Гончарову, Тройницкому.

Апрель 1. Суббота. Ночью выпал такой снег, что сегодня отличная санная дорога.

Воздерживаться от некоторых мыслей так же почтенно и честно, как и воздерживаться от некоторых поступков.

Вопрос великой важности: можно ли в настоящее время править Россией попрежнему? А, кажется, существует сильное желание править попрежнему.

По мнению наших государственных шалунов, управлять народом можно, не опираясь на общественный дух. Что дело, то дело! Любопытно только знать, что сделала бы наша бюрократия без участия этого духа — ну, хоть бы в польское восстание?

3. *Понедельник.* Мы часто ошибаемся, думая, что понимаем вещи, тогда как мы только называем их.

4. *Вторник.* Сегодня минул год, как совершено было гнусное покушение на жизнь государя. Открытие часовни у Летнего сада. Слякоть и грязь.

Чиновник, с одной стороны, есть раб — раб своего начальника, а с другой — вор, и чем он выше в служебной иерархии, тем раболепнее и тем вороватее. Но если он ни то, ни другое, — что, конечно, случается, — то он бедняк, осужденный на страдание.

На днях к мировому судье явился какой-то чиновник Иванов, в оборванной одежде, с странною просьбою посадить его в тюрьму, так как он, за сокращением штатов, был уволен со службы и умирает от холоду и голоду, а в тюрьме его накормят и отогреют. Судья, разумеется, ему отказал в такой необыкновенной просьбе. Тогда Иванов вышел в переднюю комнату суда, дал пощечину стоявшему там городовому, возвратился к судье и сказал: «Теперь вот вы уже не имеете права отказать мне в тюрьме — прибил городового». Судья отправил его в тюрьму.

5. *Среда.* Россия еще долго-долго и не подумала бы избавиться от самодержавия; но она всеми силами желает избавиться от бюрократии. Валуев и некоторые другие сановники требуют, чтобы Протопопов был непременно наказан, несмотря на то, что последний совершил преступление в ненормальном состоянии. Требуют они этого «для примера другим». Кому — сумасшедшим?

6. *Четверг.* В человеческом кругу все подозрительно, или презрительно, или сожалительно. В природе лучше. Там по крайней мере нет лжи, лицемерия. Каждая снежинка, каждая капля дождя есть, то, что она есть; и смотря на нее, наблюдая ее, видишь и в малости ее вечный ход вещей и соотношения, которыми держится мир.

12. *Среда.* Очень метко выражение князя ‹М. М.› Щербатова (екатерининского) о царедворцах, которые счи-

тают двор своим отечеством. Таким же точно образом чиновник считает канцелярию или департамент своим отечеством.

14. Пятница. Прислушиваясь к высокопарным похвалам, оглядываясь на великолепные овации, которые делались и делаются К‹омиссарову›, народная история непременно представит его в идеальном свете и, пожалуй, сделает из него героя. А между тем это в сущности препошлый человек. Сегодня мне рассказал о К‹омиссарове› любопытные вещи А. С. Воронов, которому ‹Э. И.› Тотлебен отдал его, так сказать, на выучку. Воронов провозился с ним около года и решительно ничего не мог вбить ему в голову. Едва-едва успел он немного улучшить его грамотность, или, лучше сказать, безграмотность, и научить первым правилам арифметики. В обращении он вообще остается мужиком, как был, несмотря на свое дворянство и охоту втираться в так называемое порядочное общество. Но он отлично понимает, что сделался важным человеком, и с удовольствием принимает всякие изъявления преданности и уважения. Он начинал уже немножко было и попивать, но пока остановился благодаря крепкому надзору Тотлебена. Вообще за ним ухаживают и присматривают, как за несовершеннолетним. Ему приписывались некоторые умные изречения, вроде того, что он «должен гореть чисто, как свеча воска ярого», но это выдумка. Никогда он ничего умного не говорил, да и говорить не в состоянии, потому что он от природы туп до крайности. Зато вот такие вещи, например, он в состоянии говорить и говорит. На днях, к 4 апреля, ему из разных мест России было прислано до шестидесяти поздравительных телеграмм, в том числе несколько от губернаторов. Воронов заметил, что это должно быть ему приятно. К‹омиссаров› отвечал: «Что за приятность! Лучше бы было, если б они мне прислали деньги, которых стоила пересылка телеграмм». Хорошо, что его определяют или он сам определяется в военную службу — гусаром в Павлоградский полк. А то он непременно, наконец, спился бы от праздности. Жена его тоже совершенно простая русская баба, однако смышленее и благообразнее его. Она показывает и охоту к учению и кое-как дошла до того, что разбирает грамоту. Но муж обращается с нею грубо, а тещу, которая с ним живет и показывает склонность к пьянству, непомерно ругает.

16. Воскресенье. День пасхи. У заутрени и обедни в церкви Театрального училища.

Я всегда скорее готов усомниться в моем праве, чем преувеличивать его.

18. Вторник. Обедал у католиков в академии. Ректор праздновал получение звезды. Я был осыпан обычными любезностями и ласками, начиная с епископа до последнего клирика. Спасибо!

19. Среда. Зашел поутру к Тютчеву, Федору Ивановичу; он болен уже две недели, страдает ногами. Мы побеседовали с ним довольно долго. Все одно и то же — мрачно всюду, глухо всюду! Это не выдумка, как я полагал, что государь едет в Париж. Он решительно этого хочет, несмотря на все протесты окружающих, особенно князя Горчакова. Тут видят интригу Наполеона и барона ‹А. Ф.› Будберга. Жалеют о ‹Д. Н.› Замятнине, у которого отняли портфель министра юстиции.[88] С именем Замятнина всетаки связано дело введения новых судов. ‹С. Н.› Урусов, как говорят, очень неохотно взялся за временное управление министерством юстиции.

20. Четверг. Наконец мне удалось посодействовать определению Барановского С. И. профессором русской словесности в Дерптский университет, на место вышедшего в отставку ‹М. П.› Розберга.

23. Воскресенье. На двух именинах сегодня: обедал у ‹Ю. М.› Богушевича, а вечер — у так называемых нами старичков, то есть у Тимковских, Егора Федоровича и Юлии Павловны. У первого встретил ‹В. В.› Макушева, автора вышедшего недавно в свет сочинения о славянах,[89] и Ордина, весьма образованного чиновника министерства внутренних дел, а у вторых — генерала ‹Д. И.› Дарагана. Выйдя от Тимковских в полночь, мы попали под снег, который так и валил, точно у нас теперь не конец апреля, а январь.

24. Понедельник. Нет ничего безобразнее русской бюрократии. Характеристика ее в двух словах: воровство и произвол.

26. Среда. Познакомился с ‹М. М.› Троицким, который назначается профессором философии в Казанский университет. Он был у меня, но не застал меня дома, а сегодня я встретился с ним у ‹Н. М.› Благовещенского.

27. Четверг. Холод, снег, ветер.

В 86-м номере «Московских ведомостей» описано прощание архиепископа Платона с паствою. Тут же и прекрасная речь его.

Происшествие в Везенберге. Во время публичного молебствия 4 апреля, совершенного нашим православным духовенством в присутствии полка и других русских людей, немцы, тут находившиеся, не хотели снять шапок, а когда им заметили о неприличии этого, то они только смеялись. Мудрено ли? Они без сомнения знают, что правительство высылает вон из их края православного архиепископа за то, что он защищал наше вероисповедание от нападений лютеранских попов, которые они себе позволяют всенародно и печатно.

Холод, холод, холод. Гадко, гадко, гадко. Крыши и мостовые присыпаны снежком. Итак, весны у нас нет и, вероятно, уже не будет. Да и что такое здешняя весна, как не ирония.

Май 1. Понедельник. Три градуса мороза.

3. Среда. Поутру крыши и улицы покрыты снегом, который шел ночью. Снег, разумеется, скоро превратился в грязь.

Прочитал новый роман Тургенева «Дым». О нем много шуму в публике. Многие недовольны тем, что Тургенев будто бы обругал Россию. Конечно, он выказывает себя не особенно благосклонным к ней. В романе веет дух недовольства всем, что делалось и делается в ней. Но толки и порицания вообще преувеличены. Народности нашей роман почти не касается. Весь он сатира, чуть не памфлет на наших заграничных шатунов обоего пола. Особенно достается аристократам и политикам: это им поделом. Что касается литературного достоинства романа, то, по-моему, он слабее многих из других произведений Тургенева. Рассказ очень оживлен; очерки нравов набросаны смело и легко; но в характерах мало творчества: они вообще только набросаны. Впрочем, один характер резко выдается своею полнотою и законченностью — это характер Ирины. Все остальное, как я уже сказал, состоит из легких очерков. [90]

Как быть высокого мнения об этой трагикомедии, которая называется жизнью?

5. Пятница. Провел у себя вечер в беседе с Троицким, автором книги «О немецкой философии в текущем столетии». Книгу эту он представлял в Московский университет как диссертацию для получения докторской степени. Там ‹П. Д.› Юркевич восстал против начала автора, и тот принужден был перенести свою диссертацию в здешний университет. Я теперь читаю книгу Троицкого, и мне ста-

новится ясно, почему ее не принял Московский университет. Дело в том, что автор держится исключительно так называемого индуктивного метода в исследовании духа — метода, принятого всеми английскими философами. Против немецких философов Троицкий сильно восстает, страшно порицает Канта, а Кондильяка и сенсуалистов превозносит. Впрочем, я отказываюсь от окончательного приговора, так как не прочел еще всей книги.[91]

8. Понедельник. Вчера шел снег при гнуснейшем северо-восточном ветре, а сегодня природа смилостивилась: отпустила нам два с половиною градуса тепла. Говорят, что громады полярных льдов разбрелись далеко к югу, дошли до Исландии, а оттуда присылают нам милые приветствия в виде снега и мороза в мае. Таким образом, мы можем пространдать от холода не только май, но и все лето. Что ж? Все это приличная декорация для многого, что у нас делается. Смешно слышать отовсюду ругательства, которыми осыпают наш климат и погоду, а между тем и сам невольно поддаешься негодованию и досаде, обычным спутникам слабости и малодушия.

10. Среда. Тот же холод, идет мокрый снег, и дует гнуснейший северяк.

Большой вечер и концерт в честь славян у графа Кушелева-Безбородко.[92] Что за роскошь, что за великолепие в убранстве дома и во всем, что касалось пиршества! Зимний сад, например, залитый огнями, представлял нечто волшебное. Славяне, кажется, были очень тронуты всем, что для них тут делалось: весь этот блистательный вечер был создан для них рукою, которая не жалела денег и расположила все с большим тактом и приличием. Я познакомился с ‹Я. Ф.› Головацким и еще каким-то сербом. Первый говорит по-русски хорошо, а второй порядочно. Больше всех обращали на себя внимание ‹Ф.› Палацкий и ‹Ф.-Л.› Ригер. Лицо и обращение первого изобличают ум и хорошее воспитание; физиономия второго очень энергична. Посетителей было более семисот, и на всех великолепный ужин. Но я не хотел ужинать и уехал часу во втором, или, лучше сказать, ушел, потому что не нашел извозчика до самого дома. Больше всех говорил я с Бажановым, Буняковским, Краевским, Пыпиным.

Князь ‹А. М.› Горчаков не был на вечере. Граф Кушелев показывал мне записку, в которой князь говорит, что он до последней минуты еще надеялся быть у него, но

теперь оказывается, что не может. Записка получена вечером. Говорят, с австрийским посольством было объяснение, вследствие которого ни Горчаков не явился на вечер, ни государь не принял славян у себя, хотя велел передать им самый любезный привет.[93]

Вчера на представлении «Жизни за царя» в Мариинском театре произошла демонстрация: публика с криком и шумом встретила польскую мазурку. В демонстрации деятельно участвовали славяне, повторяя свое: «Слава, слава!»

11. Четверг. Обед в зале Дворянского собрания в честь славян. Зала буквально была набита гостями, так что едва оставалась узенькая тропинка между столами для прохода лакеев, разносивших блюда. На стенах красовались флаги и гербы всех славянских племен, над которыми простирал крылья русский орел. Верхние галереи были заняты дамами. На эстраде помещались хоры музыкантов и певцов. Общий характер праздника был оживлен и не лишен торжественности. Речей за обедом большинство, конечно, не слышало. Однако, по свидетельству тех, которые их слышали, наши речи вообще были плохи, кроме речи графа ‹Д. А.› Толстого: ее все хвалят. Я же знаю только то, что все эти речи были чрезвычайно длинны, особенно речь ‹В. И.› Ламанского. Из славян лучше прочих говорил Ригер. Вероятно, все это будет напечатано. Музыка и певчие исполняли славянские песни. Из них мне особенно понравился народный гимн чехов. После обеда загремели жуковские песельники, и пошла русская пляска. Все это было очень недурно и вполне прилично. Я за столом сидел между ‹И. Т.› Глебовым и молодым ‹Г. А.› Тройницким. Каждый из нас, русских, заплатил по двенадцати рублей за обед; славяне же были нашими гостями. Они, кажется, остались всем очень довольны. Их угощали не только роскошно, но и искренно, приветливо.

До обеда славяне отслушали обедню в Исаакиевском соборе, где служение отправлял архиерей, в честь праздника Кирилла и Мефодия. После обедни они были в Академии наук на заседании Второго отделения. Тут действовал Срезневский в качестве представителя славянских наречий. После заседания осматривали музей. Я больше всех говорил с ‹Я. Ф.› Головацким и ‹М. В.› Молчаиом.

Казацкий генерал ‹Я. П. Бакланов› с удивительною рожею. На ней как будто отпечатана такая программа, что если он хоть четвертую часть ее исполнил, то его десять

раз стоило повесить. А между тем — странное дело — тут же видно и какое-то добродушие.

12. Пятница. Продолжал читать Троицкого. Наш философ в своей книге о немецкой психологии бьется изо всех сил, доказывая, что только у англичан есть настоящая психология, что их индуктивный метод есть единый истинный, православный, а все немецкие исследования о духе — тупоумная ересь. С немецкими философами он вообще не церемонится, но благоговеет до идолопоклонства перед Бэконом, Локком, Миллером, Броуном, Бэном и проч. Даже француз Кондильяк у него выше всех немецких философов.

Впрочем, в английском методе есть и свои хорошие стороны, например описательная часть разных душевных явлений.

13. Суббота. В этой трагикомедии, которая называется жизнью человеческою, бывают легкие интермедии вроде обедов, званых вечеров и проч. Вот и сегодня обед у графа Толстого, министра народного просвещения, — все для тех же славян. Некоторые из последних сказали теплые и одушевленные речи. Вообще они восхищены не только приемом нашим, но и многим, что у нас видели. Один из них сказал: «Мы многого ожидали, а нашли то, что превзошло всякое ожидание». Разумеется, они не видят оборотной стороны медали, особенно наших административных порядков, не знают наших министров. Да и пусть не знают. Все-таки из того, что они у нас видят, кое-что есть и действительно хорошего. Один из славян сегодня, например, говорил мне с восхищением о судах наших.

17. Среда. Вчера первый день если не совсем теплый, то хоть немного потеплее, несмотря на то, что ладожский лед запрудил всю Неву.

Человек достигает житейской мудрости только собственным опытом и собственными ошибками, но обыкновенно приобретает ее тогда, когда уже не в состоянии вкушать плодов ее.

Нет ничего глупее, как жаловаться на свои неудачи. Ведь что посеял, то и пожнешь. Но выклюют птицы и истребит жатву непогода? — Так что ж? Чего ты не мог отвратить своими силами, то должен сносить терпеливо, так как не для тебя же все делается.

Люди ужасно любят прикидываться добродетельными мучениками в минуты невзгоды, а больше всего мы бываем

вовсе не добродетельными мучениками своих собственных глупостей, страстей и предрассудков.

21. Воскресенье. Прескверная привычка откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Многие думают, что они очень добры, потому только, что они не делают зла.

Кассационный сенат отверг прокурорский протест по делу Протопопова и утвердил решение судебной палаты об изъятии его от всякого наказания. Событие замечательное и отрадное.

Амнистия полякам.[94]

24. Среда, и 25. Четверг. Эти два дня провел в «Пустыньке» у графа Алексея Константиновича Толстого, автора «Иоанна Грозного». Тут были еще ‹Б. М.› Маркевич, ‹Н. М.› Благовещенский и ‹Н. И.› Костомаров. «Пустынька» — нечто вроде роскошного замка на берегу Тосны, на расстоянии от Петербурга в час с четвертью езды по Московской железной дороге и в четырех или пяти верстах от станции Саблино. Жена графа ‹С. А.›, бывшая Бахметьева, оказалась одною из моих бывших учениц. Мы были приняты и угощены с самым дружеским радушием. Тут, между прочим, встретил я премилую шотландку, мисс Брезе, которая говорит по-русски, хотя и плохо, но понятно. Графиня — женщина очень умная, любезная и хорошо образованная. Все в этом доме изящно, удобно и просто. Самая местность усадьбы интересна. Едешь к ней по гнусному ингерманландскому болоту и вдруг неожиданно натыкаешься на реку Тосну, окаймленную высокими и живописными берегами. На противоположном берегу ее дом, который таким образом представляет красивое и поэтическое убежище. Погода оба дня стояла прескверная — холод и дождь. На высотах около реки лежал снег. Деревья обнажены: никакого признака весны.

26. Пятница. Получена телеграмма из Парижа о новом покушении на жизнь государя. На этот раз это уже поляк, какой-то ‹А.› Березовский, уроженец Волынской губернии. Покушение совершилось в Булонском лесу, когда государь ехал в коляске вместе с Наполеоном, с наследником и великим князем Владимиром. Негодяй выстрелил из двухствольного пистолета, который разорвало в руках самого злодея и повредило ему одну из его предательских рук.[95] Тут уже ничья сторонняя сила, а просто счастливая случайность спасла доброго, благородного государя. А ведь

всего несколько дней тому назад Польше объявлена амнистия!

28. *Воскресенье.* Вчера и третьего дня сильное движение в городе по случаю злодейского покушения на жизнь государя. Всеобщая радость о новом спасении.

Некоторые утешают себя тем, что покушение было единичное, что дело это не есть общее польское. Но поляки обнаружили столько единодушия в нанесении вреда России, что всякое частное дело в этом роде невольно приписываешь всем, которые если и не участвовали в заговоре, то непременно сочувствовали ему, а многие и помогали тайно. Ведь раздавались же в Париже крики: «Да здравствует Польша!» во время проезда государя по улицам, где, как пишут, сами французы встречали его с подобающим почетом. Кричали, должно полагать, поляки, а может быть, и французские сотрудники газет, ругающих нас наповал.

Говорят, государыня глубоко поражена этим несчастным событием, но в то же время и счастлива, что зло не совершилось. Впрочем, есть от чего прийти в ужас.

Вечером был ‹В. К. Ржевский›. Его произвели в тайные советники, а места губернатора все-таки ему не дали, как он его ни добивается.

30. *Вторник.* Для так называемого счастья чуть ли не всего нужнее известная доля умственного ничтожества.

31. *Среда.* Вчера экзамен в Римско-католической академии. Как всегда — хорошо.

Что бы вы сказали о человеке, который, занимая в вашем доме несколько времени квартиру, вдруг пришел бы к вам и сказал: «Выбирайтесь вон, я хочу жить здесь один, это мой дом»? Вы, конечно, сочли бы этого человека за сумасшедшего, и так как он беспокоил бы вас своим домогательством, то вы употребили бы все от вас зависящее, дабы избавиться от него. Таковы точь-в-точь поляки наших западных губерний.

Июнь 1. Четверг. Сегодня в окружном суде в качестве присяжного заседателя.

Переехали на дачу в Павловск, на ту же самую, что и в прошедшие года, то есть к Мердеру.

В суде ничего не было. Присяжные собрались только для того, чтобы узнать дни, в которые им придется являться в суд. Эти дни: 3, 6, 8, 10, 13 и 15 июня.

2. Пятница. Заседание в Академии и в комиссии для назначения Уваровских премий. Я припомнил происшествие прошлого года, когда некоторые члены не хотели присудить премии графу Толстому под тем предлогом, что посторонний рецензент не доставил своего мнения. Я, между прочим, сказал, что если Академия не считает себя компетентною в суждении о вопросах эстетических и нравственных, то лучше пусть прямо откажется от этой обязанности: это достойнее, чем быть только передатчицею сочинений из рук авторов в руки посторонних рецензентов. Это принято было с глубоким молчанием. Никто не решился признать Академию неспособною судить об означенных вопросах. Решено — поступившие ныне на Уваровскую премию драмы предоставить моей критике.

3. Суббота. В суде опять напрасно. Привели каких-то трех воров со взломом, но дело не разбиралось, потому что полиция, на основании прежних порядков, занялась перепискою бумаг и не озаботилась представить в суд одного необходимого свидетеля. Поэтому суд и не мог начать дела и только определил отнестись к кому следует о взыскании с полиции за это упущение. Затем публика и присяжные разошлись до вторника.

Ночевал уже на даче. Вечером был на музыке, где видел греческого короля. На вид он более чем молод.

4. Воскресенье. Большие деревья — липы, березы и дубы — еще не оделись листьями и едва-едва начинают ими опушаться. В овраге, около брюлловской дачи, я еще нашел снег. Но сегодня день теплый, хотя пасмурный.

6. Вторник. В суде от одиннадцати часов утра до четверти девятого вечера безвыходно, так что я пообедал в Павловске уже в одиннадцать часов. В заседании суда разбиралось два дела о краже со взломом. В первое дело я не попал по жребию в присяжные, но нам не велено было уходить, так как впереди еще дело. Тут и я уже попал в присяжные, и, кроме того, меня еще выбрали старшиною. Судили двух воров, укравших деньги из питейной лавочки со взломом в ней дверей. Один был мальчуган, лет восемнадцати, с очень выразительным лицом, крестьянин, промышлявший поденною работою. Он тотчас признался, что деньги украл он, и он один. Другой, глуповатый мужик, пойманный вместе с первым, когда они оба гуляли в трактире, решительно отказывался от соучастия. Замечательно,

что молодой вор тоже упорно отвергал это участие, говоря, что не хочет никого подвергать ответственности за дело, которое совершил он один. Заседание затянулось, потому что надо было допрашивать много свидетелей. Мы, присяжные, толковали недолго, потому что дело было очевидно. Вопрос состоял в том: следует ли просить о снисхождении к молодому вору, в уважение к его летам и признанию? Большинство голосов решило просить. Суд приговорил молодого на год в смирительный дом, а старшего на год и четыре месяца. Адвокаты говорили в пользу своих клиентов очень усердно и хорошо, а прокурор, еще очень молодой человек, несколько растянуто и неумело. Но вообще я вынес из суда самое благоприятное впечатление. Все велось с большим достоинством, добросовестно и с строгим соблюдением всех законных требований. Подсудимые видели, что ничего не было упущено для облегчения их судьбы и если они подверглись каре, то эту кару наложил на них закон, а не произвол судей.

9. Пятница. Великое зависит от малого столько же, если не больше, сколько малое от великого. Неприметность и ничтожество малого служат ему лучшею защитою от внешних нападений; великое же, по своей крупности и заметности, открыто этим нападениям со всех сторон. На эту мысль навели меня два комара, которые сегодня ночью не давали мне спать и которых я, сколько ни старался, никак не мог поймать.

10. Суббота. В суде. Меня опять выбрали старшиною. Судили жалкого воришку лет семнадцати, который украл образа у иконописца. Так как он во всем признался и, по-видимому, раскаялся, то его приговорили к четырехмесячному заключению в смирительном доме.

12. Понедельник. Нет хуже и отвратительнее животного, как слуга, сделавшийся господином.

Самые опасные внутренние враги наши не поляки, не нигилисты, а те государственные люди, которые делают нигилистов, возбуждая негодование и отвращение к правительству: это закрыватели земских учреждений и подкапыватели судов.

Ничего нет невозможного, если наше земство и суды наши будут подорваны этими врагами. Говорят, на днях министр юстиции ‹К. И. Пален› объяснялся с председателем здешнего окружного суда и, между прочим, заметил,

что присяжные не оправдывают ожиданий правительства, которое надеялось найти в них консервативный элемент, а находит противное.

15. Четверг. Сегодня последнее мое заседание в суде. По окончании, перед уходом, я долго беседовал с прокурором. Он с глубоким прискорбием жаловался на то, что администрация всячески старается вредить судам. И если, к сожалению, встретится какая-нибудь ошибка со стороны последних, как, например, незаконный приговор, постановленный мировым судьею над священником Борисоглебским по делу о публичном оскорблении одной дамы, — то администрация чуть с ума не сходит от радости.

Прокурор, между прочим, говорил мне, что когда ездил с ассизами * по уездам, он удивлен был здравомыслием и беспристрастием присяжных из крестьян.

18. Воскресенье. Лучше не давать ничего, чем, давши, брать назад.

У крепкого, здорового тела выросла на носу небольшая бородавка. Вместо того чтобы прижечь ее ляписом, или употребить какое-либо другое местное средство, или даже оставить ее так, потому что она в сущности ничему не мешала, невежда доктор определил отрезать нос.

19. Понедельник. В политической будущности России я не отчаиваюсь, потому что народ есть все-таки сила, но я отчаиваюсь в том, чтобы в России установилась когда-нибудь хорошая администрация.

Странное дело: бывали многие хорошие государи, которые думали, что они должны делать добро, но чрезвычайная редкость найти в истории государя, который бы добровольно захотел подчинить свою волю законам.

22. Четверг. Между обыкновенным умом и способностями государственного человека огромная разница. О таком-то министре у нас говорят: «он человек умный», а между тем в деле государственном он человек весьма посредственный. Он способен распутывать и завязывать узлы текущих бюрократических вещей, но ему недостает высших государственных соображений и видов: здесь ум его оказывается мелким и тесным. И никогда еще, кажется, мы не были так бедны высшими государственными умами, как ныне. А между тем характер времени настоятельно требует их.

* Заседателями (*франц.*). — *Ред.*

К двум вещам нельзя иметь никакого доверия — к порядкам русской администрации и к петербургскому климату.

23. Пятница. Вчера прекратились наши заседания в отделении Академии.

Нет ничего опаснее в бюрократии, как немного больше ума, чем в обыкновенном человеке, и гораздо меньше способностей, чем их прилично иметь государственному человеку. Он тогда имеет все претензии последнего, но без возвышенности, без широты его видов и без стремления к великому историческому значению.

26. Понедельник. То, что мы знаем о человеке, весьма неутешительно, а чего мы не знаем, наполняет душу нашу скорбию и сомнениями.

27. Вторник. Вчера было обручение великой княжны ‹Ольги Константиновны›, дочери Константина Николаевича, с греческим королем ‹Георгом›.

Вокзал и город Павловск иллюминованы. Государь с итальянским наследным принцем ненадолго останавливался в экипаже у музыки; народ крикнул «ура» — он уехал.

Июль 2. Воскресенье. Ездил в Царское Село проститься с князем П. А. Вяземским, который в среду отправляется в Крым ко двору императрицы.

3. Понедельник. Пусть современная наука что хочет говорит, но сердце человеческое не выносит отсутствия бога во вселенной.

6. Четверг. «Москва» начала выходить, и первая передовая статья ее направлена, разумеется, против приостановки газеты.

8. Суббота. В 148-м номере «Северной почты» объявлено предостережение «Москве» за первую ее передовую статью. Очевидно, министерство окончательно решилось не церемониться с печатью и довести ее до последней, если можно, степени безгласности. В предостережении не означено даже с точностью о проступке, по поводу которого оно делается, а глухо сказано о нарушении закона — закона!! — и о намерении правительства твердо поддерживать закон, то есть преследовать печать.[96]

Напечатаны новые правила о земских учреждениях. Они подчиняются губернским начальствам и предводителям.

Не есть ли это первая попытка к их уничтожению? Реакция идет быстрыми шагами.

Неужели все надобно считать революцией: и земство и суды? Разве это не есть необходимость? Общество проходит разные степени развития. Когда оно существует еще в виде орды, неустроенной, полудикой, варварской массы, тогда почти все наши учреждения ему точно так же не свойственны, как пятилетнему ребенку одежды взрослого. Они и немыслимы, следовательно, тут не о чем и говорить. Но общество, пришедшее, например, хоть в такое состояние, как наше, настоятельно требует учреждений известного рода, и отказывать ему в них — значит подвергать его серьезной опасности. Они должны быть или даны, или взяты — тут не о чем толковать. Это меры необходимости, и кто даст их, того можно похвалить за ум, за предусмотрительность, пожалуй, за доброту, которая движется хорошими, а не эгоистическими началами, но что же тут за революция?

10. Понедельник. В газетах наших напечатан процесс Березовского. Присяжные признали его виновным со смягчающими обстоятельствами. Он приговорен к пожизненной каторжной работе. Что значат эти смягчающие обстоятельства?

Продажа Николаевской железной дороги; уничтожение общества для пособия выкупающим имения в Западном крае; [97] парализация, почти уничтожение земских учреждений; предостережение газете «Москва» — вот букет событий за последнее время. Утешительно!

14. Пятница. Речь Араго в защиту Березовского — образец того ребяческого безобразного красноречия, в котором что слово, то ложь, и слова нанизаны одно на другое, как погремушки для бряцания и забавы взрослых детей, какими и действительно заявляют себя французы. На какой же низкой степени вкуса — не говоря уже ни о чем другом — должна стоять публика, которую может занимать подобный калейдоскоп пустословия в деле серьезном, в деле жизни и смерти.

21. Пятница. От человека, который не слушается никого и ничего, кроме своей воли, равно как и от того, который слушается всех и на все согласен, ровно ничего нельзя ожидать.

22. Суббота. Величайшая ошибка многих добивающихся значительных мест состоит в том, что они считают себя людьми способными, тогда как они только тщеславны и завистливы.

24. Понедельник. Нет свободы без злоупотреблений, но нет и никакого блага без свободы.

29. Суббота. Весь июль скверен: то холод, то дождь, мрак и ветер. И нечему тут удивляться: Ингерманландия, Финляндия и Лапландия — одно и то же.

Август 4. Пятница. В общем собрании Академии наук избран в экстраординарные академики В. П. Безобразов.

Вряд ли человеку когда приходится раскаиваться в том, что он не доел, не допил или не договорил, но очень часто в том, что переел, перепил и переговорил.

6. Воскресенье. Вслед за июльскими холодами начались сильные жары.

Обнародование в губернаторских ведомостях сведений о заседаниях и прениях земских собраний подчинено цензуре губернаторов, и это у нас называется народною жизнью, народною деятельностью? И так обращается администрация с народными интересами и чувствами в виду антагонизма против нас всей Европы.

9. Среда. Сейчас получил известие о смерти Александра Николаевича Власова, с которым в прошедшую пятницу я еще восседал в академическом правлении. Это был человек с редким практическим умом и честнейшим сердцем. Я лишился в нем лучшего товарища по службе, а Академия — чуть ли не единственного деятеля по распорядительной и хозяйственной части. Он был отличным советником правления и еще больше добрым человеком. Сколько бедных, пользовавшихся его благодеяниями, теперь будут оплакивать его кончину.

10. Четверг. Следует ли слишком осуждать людей, усиливающихся искусственно придавать жизни те украшения, которых она сама по себе лишена? Не есть ли это средство сделать из нее что-нибудь сноснее и прикрыть ее страшную наготу, от которой у них замерло бы сердце?

11. Пятница. На похоронах Власова в Девичьем монастыре. Со всех сторон слышалось глубокое сожаление и единодушное свидетельство, что это был умный, честнейший, добрейший, благороднейший человек. Ему было шестьдесят лет, но с виду он был гораздо моложе. ‹В. А.› Кокорев, в качестве душеприказчика, распоряжался похоронами и пригласил всех знакомых покойного на похоронный пир на Литейную в доме князя Голицына. Я очень не люблю всякого рода пиршеств, а тем более похоронных, и хотел своевременно удалиться, но был уличен в своем

умысле и должен был уступить требованиям других друзей покойного.

12. Суббота. О *** ‹?› можно сказать, что этот человек целую жизнь притворяется добрым и умным.

17. Четверг. В Петербурге появилась холера.

19. Суббота. Первое заседание после каникул в отделении Академии.

Всех довольными сделать нельзя, но всех недовольными, к сожалению, делать можно, но не следует.

23. Среда. Отвратительно холодно. Северо-восток так и дышит всевозможными простудами и мерзостями.

На днях я встретился в вокзале с Тютчевым, который мне говорил, что Управление по делам печати не хуже северо-востока дышит яростью и злобою на газету «Москва» за статью в № 103 против распоряжения о том, чтобы ничего не печаталось о заседаниях в земских учреждениях без разрешения губернаторов. Статья, в самом деле, так умна, правдива и законна, что должна поднять на себя всю валуевскую администрацию. Хотят сделать второе предостережение Аксакову, но не знают, как взяться за это.

И. А‹рсенье›в был ввергнут в тюрьму за 12 тысяч долгу. Он там просидел месяцев шесть. Наконец его выкупили — кто же? В Английском клубе крупные дворяне или землевладельцы сделали складчину, собрали 12 тысяч и внесли за А‹рсеньева›. Что за благотворители, спрашивается? Дело в том, что Илья А‹рсеньев› взялся ругать новые суды, к которым и без того очень не благоволит, потому что они за клеветы и разные другие пакости в его газете не раз его преследовали, несмотря на покровительство его патрона ‹П. А. Шувалова›, у которого А‹рсеньев› черт знает чем состоит. А‹рсеньев› уже и начал свою миссию. Он так разругал суды в двух номерах своей гаденькой газеты, что его опять отдали под суд.[98]

Сентябрь 4. Понедельник. В 188-м номере «Московских ведомостей» замечательная статья о причинах ненависти к нам Европы.

Из всех душевных страданий, может быть, самые тяжкие те, которые заключаются в сознании наших ошибок и понесенных нами вследствие их утрат. Но не всякое ли страдание человек обязан сносить мужественно?

Думать только о разных невзгодах и испытаниях в жизни, находя в этом какое-то нелепое удовольствие, есть

признак великого душевного малодушия и слабости. Не следует закрывать глаза на темную сторону жизни. Напротив, надо прямо заглянуть в нее, чтобы не быть невеждою в существенных вопросах, с которыми сопряжено твое существование. Но затем надо уже думать о мерах уменьшения или устранения зла, а если это невозможно, то стать в упор злу и не позволять ему по крайней мере идти дальше.

Наилучший помощник в делах своих каждый человек сам себе. Чего сами вы не в состоянии себе сделать, того никто другой для вас не сделает, если дело касается не ремесла или специальной услуги, которую вы можете купить или такою же услугою, или деньгами.

5. *Вторник.* Сентябрьские дни хороши. Иногда проглядывает солнце, но главное — тепло.

Вечер у Покровского. Здесь познакомился с замечательным человеком, ‹В. В.› Оржевским, бывшим директором департамента министерства внутренних дел. Это очень оригинальная личность — угрюм, как говорится, неотеса, выражается всегда и обо всем резко, судит беспощадно, но с какою-то особенной искренностью. Умен, получил прочное классическое образование в здешней духовной академии. «Сын беднейшего, ничтожного деревенского попа, — говорит он, — до шестнадцати лет я ходил в лаптях и терпел большую нужду, которая следовала за мною по пятам и в духовных училищах. В каком-то сарае, за дровами, изучал я Цицерона и Фукидида — и вообще учился старательно». По выходе из академии бакалавром он поступил домашним учителем к князю ‹В. П.› Кочубею, который скоро заметил его способности и дал ему ход по службе. Несмотря на свою угловатость и бесцеремонность с начальством, он сделался необходимым лицом в министерстве, где и приобрел репутацию отличного администратора. С подчиненными он был взыскателен и до крайности груб. Может быть, это и было причиною, что его огласили взяточником, а может быть, он и действительно был таковым. Он говорит, что довольно порядочное состояние, которым теперь владеет, он взял за женою, дочерью богатого купца Минаева. Как бы то ни было, за исключением этой темной стороны его репутации — он один из тех людей, которыми держались у нас министерства и которые, не быв министрами, за них отправляли дела.

13. *Среда.* Переехали с дачи.

‹Д. А.› Хвольсон открыл сочинения, переведенные одним мусульманским ученым X века на арабский язык с древнего вавилонского, доказывающие, что наука существовала в Вавилонии за две тысячи четыреста лет до р. х. Переводы мусульманского ученого касаются земледелия, а одно трактует о ядах и об астрономии.[99]

16. Суббота. Пьесе Островского «Василий Шуйский и Димитрий Самозванец» отказано в Уваровской премии. Четыре голоса было за нее и четыре против. Я и ожидал этого. Некоторые члены прямо объявили, что после отказа в награде графу Толстому теперь уже нельзя присудить ее никому другому...[100]

Ужасный случай! В запасном дворце в Царском Селе произошел ночью пожар, и в нем сгорел Чивилев. Двух его дочерей едва успели спасти. Причины и подробности этого происшествия еще неизвестны.

18. Понедельник. Если национальное сознание пробудилось в обществе, то что значат какие-нибудь жалкие меры против земства, вражда против судов и печати и усилия чиновничьего произвола удержать за собою прежнюю, все подавляющую силу? Все это похоже на гнилые веревки, которыми хотят связать крепкого, здорового человека. Ему стоит только расправить свои члены, и эта хитросплетенная вокруг него сеть разлетится в куски. Но в том-то и дело — пробудилось ли сознание?..

Вот до чего доходят остзейские немцы. Им до того не нравилось распоряжение правительства (едва ли не в десятый раз делаемое) о признании в их краю русского языка официальным, что они угрожают восстанием в союзе с Германиею. См. газету «Москва», № 129.

В трудные времена мы живем: поляки, немцы — наши враги; враждебно смотрит на нас вся Европа; страшный упадок финансов; возбуждение разных вопросов без решений почти во всех общественных и административных сферах; ни одного истинно государственного способного человека, который бы здравым смыслом своим и патриотическим чувством помогал лучшему из государей нести его тяжелое историческое бремя. Вот когда приходится России повторять стих Дмитриева в его оде «Освобождение Москвы»:

Спасай меня, о гений мой!

Земство наше не есть представитель простого народа, но оно — соединение всех сословий: простого народа,

дворянства, мещанства, купечества и белого духовенства. Землевладельцы — крестьяне-собственники и помещики — составляют только фон, на котором рисуются и движутся все другие оттенки нашей народности. И благо нам, если мы не породим здесь сословных антагонизмов и розни, о которых так хлопочет «Весть» и бюрократия!

В какую бы глубину и даль ни уносилась моя мысль, в какие бы отвлеченности она ни вдавалась насчет судьбы и истории человечества, она всегда, постоянно обращается к отечеству, к России. И тут или светлая надежда озаряет ее, или она поражается сомнением и страхом за будущность страны. Призвана ли Россия участвовать во всеобщем развитии человечества, в его нравственном и умственном созревании, и в какой форме выразится это участие?

19. Вторник. В Царском Селе на похоронах Чивилева. Похоронили не труп, а несколько обгорелых костей. Вот, насколько мне известны, подробности о его смерти. Возвратясь вечером с прогулки из Павловска с обеими дочерьми (жена была в Петербурге), он, по обыкновению, велел лакею натереть себя спиртом и в двенадцать часов лег в постель. Далее идут уже предположения. Он не имел привычки читать в постели, но на этот раз, когда еще лакей был в комнате, взял газету и начал читать. Вероятно, он неприметно погрузился в сон, газета упала на свечу, горевшую на столе, заваленном книгами и бумагами, — все это мгновенно запылало, и произошел настоящий пожар, дым от которого и задушил его. Кости его нашли в постели. Он не успел даже вскочить и выбежать за дверь своей спальни. Но этого объяснения не довольно для публики. К происшествию приплетают страшные обстоятельства... Об них я слышал в церкви во время заупокойной обедни. Я не могу и не хочу верить рассказам, пока не будет им официального подтверждения.

На похоронах из других университетских товарищей его был я один. Но посторонних явилось довольно много. Все жалеют о нем, как о человеке умном и благородном. Я знал его со студенческой скамьи. Он не отличался особенною даровитостью, но чистота его нравов в юности и благородство и честность его во всю жизнь были неукоризненны. Кроме того, он в высшей степени отличался трудолюбием. Он был выбран нашим университетом в Дерптский профессорский институт и со многими другими молодыми людьми послан за границу для приготовления себя

к профессорской кафедре. Позже он был профессором политической экономии в Москве и директором одной из гимназий, приобрел репутацию не блестящего, но дельного профессора и хорошего педагога. В Москве он сблизился с графом ‹С. Г.› Строгановым, бывшим попечителем. Впоследствии Чивилев оставил ученую и учебную карьеру и был сделан начальником отделения в департаменте уделов. Граф Строганов рекомендовал его в наставники к детям государя — звание, в котором он и кончил жизнь. Вел‹икий› кн‹язь› Владимир Александрович присутствовал на похоронах и проводил его тело, или, вернее, кости, до конца парка. Я заходил посмотреть на дом, где жил бедный Чивилев: он порядочно обгорел, и именно с той стороны, где была его квартира. Я проводил моего старого товарища до самой могилы.

20. *Среда.* Многие вовсе не знают правила, что когда нет предметов для разговора, то лучше молчать, чем говорить вздор.

22. *Пятница.* Гарибальди, покушавшийся освободить Рим от папы своими средствами, арестован итальянским правительством. В Италии два короля: один король народа — Гарибальди, а другой король государства — Виктор-Эммануил.[101]

23. *Суббота.* Сегодня в Академии, в Отделении русского языка и словесности, толковали о поднятом мною вопросе относительно Уваровских премий за драматические произведения. Ничего не вытолковали.

26. *Вторник.* Недостаток государственных людей в России таков, что о последнем, сошедшем с своего поприща, министре всегда сожалеют при новом, который оказывается обыкновенно хуже своего предшественника, как тот ни был худ.

28. *Четверг.* Три тысячи католиков в одной из западных губерний вместе со своим ксендзом перешли в православие. Это хорошо, если добровольно.

29. *Пятница.* Следствие о смерти Чивилева продолжается. Вырывали кости покойного из могилы и нашли на них знаки насильственной смерти. Значит, сперва он был убит, а затем убийца поджег его квартиру. Но точно ли убийца тот, кого подозревают? Не хочется верить такому ужасному злодейству, и желательно, чтобы это объяснилось как-нибудь иначе. Виделся с ‹А. И.› Г‹еоргиев›ским, которому отдал биографию Вронченка для напечатания

в «Журнале министерства народного просвещения». Г‹еоргиев›ский был в Варшаве и рассказывает печальные вещи о том, что поляки, после посещения государя, опять начинают волноваться, а наши русские там упали духом. Нехорошо о ‹Ф. Ф.› Берге. В Юго-Западном крае, который проезжал Г‹еоргиев›ский, дела идут немного лучше, чем в Царстве Польском и в Вильно. Поляки там смирнее, говорит он, но прибавляет, что на это полагаться нельзя. К несчастью, и некоторые из русских чиновников там действуют так, как как будто они не русские.

В Римско-католической академии на лекции. Сегодня воспитанники, как всегда осенью, при открытии классов, поднесли мне букет цветов.

30. Суббота. К старым порокам, наследованным нами от времен татарщины, мы присоединяем новые, которые прививает людям современная цивилизация. И что из этого выйдет, единому богу известно. О, если бы как-нибудь нам удалось добыть хоть немножко добродетелей, годных и для домашнего обихода и для дел внешних! Увы! мы страдаем не одним расстройством финансов — мы страдаем безнравственностью, что в миллион раз хуже всякого безденежья.

В № 209 «Московских ведомостей» напечатан план учебного заведения, которое издатели этой газеты намерены открыть в Москве. Заведение это должно быть строго классическим и послужить образцом для всех казенных заведений в империи. Основать такое заведение несомненно весьма полезно. Но, к сожалению, у нас ни одно полезное дело не обходится без фраз. Предприятие гг. Каткова и Леонтьева есть не иное что, как частный пансион. К чему же тут так раздувать дело и заранее требовать и от правительства и от общества чуть не благоговения. Все это гораздо проще, и такая напыщенная реклама, какую мы читаем в «Московских ведомостях», не только излишня, но даже неприлична. Дело само по себе весьма полезное, пусть же оно и говорит само за себя. А как оно пойдет, оправдаются ли те виды, в каких учреждается пансион, это покажет время.[102]

Октябрь 6. Пятница. Правительству, которое бы опиралось на земство и на суды, то есть на правосудие, — нечего бояться.

9. Понедельник. Высшее и настоящее достоинство человека заключается в характере. Гению мы можем удивляться

как великой силе природы, но в характере человек сам является творцом себя. Природа дает ему только материалы.

12. Четверг. Говорят, что основатели новой школы, или пансиона, в Москве — Катков и Леонтьев — требуют, чтобы руководителями ее был комитет, где членами бы состояли министр народного просвещения и московский митрополит, — а председателем кто? Вероятно, Леонтьев или Катков? Комитет этот, а следовательно, и школа должны быть подчинены Правительствующему сенату. Извините за малость, как говорят французы!

13. Пятница. А. Н. Майков читал у меня свой перевод «Слова о полку Игоря». Это прекрасный труд.[103] Между прочими слушателями был и Троицкий, автор книги о современной немецкой психологии.

22. Воскресенье. Предостережение «Голосу» за статью в № 287 («Северная почта», № 231), где сильно порицается Наполеон III и его правительство по поводу вмешательства в дела Италии.[104] Замечательно, что недавно еще наша французская с.-петербургская официозная газета сильно старалась доказать «Journal des Debats»,* что наши газеты отвечают сами за свои политические мнения, а не правительство, так как они ныне издаются без цензуры. Между тем французский посланник жаловался нашему канцлеру на «Голос» за вышеупомянутую статью, вследствие чего последний и получил предостережение. Мы же благоговейно и смиренно молчим, когда французские газеты взапуски, одна перед другою, ругают нас гнуснейшим образом. Недавно еще они изъявляли свои симпатии злодею Березовскому. Право, мы очень смиренны. Почему бы французскому правительству не предоставить, если оно желает, начать процесс с «Голосом», вместо того чтобы нашему правительству поступать противозаконно в угоду французскому?

26. Четверг. Был у меня недавно приехавший из-за границы А. Г. Тройницкий. Разговор о катковском проекте, который привел в великое удивление Государственный совет требованием странных привилегий лицею, задуманному Леонтьевым и Катковым. Здесь не особенно благовидную роль играет министр народного просвещения, граф Толстой.

* «Полемическая газета» *(франц.)*. — *Ред.*

Ноябрь 2. Четверг. Второе предостережение «Голосу» («Северная почта», № 240) за статью против остзейских немцев в № 299.[105] Странное дело. Правительство само вызвало эту бурю — полемику с немцами — своею, может быть, не совсем своевременною мерою введения русского языка в остзейский край. Немцы подняли крик на всю Европу, начали грозить нам отложением, вмешательством Пруссии и проч. Наши газеты, разумеется, начали на это возражать. Загорелась печатная война, и вот теперь министр Валуев делает одной из газет предостережение за то, что она отражает немецкие нападения, и обвиняет ее в «предосудительном направлении».

5. Воскресенье. В № 239 «Московских ведомостей» напечатана сильная статья по поводу первого предостережения «Голосу».[106] См. также «Северную почту», № 241.

6. Понедельник. Они консервативны, потому что всякое новое движение угрожает им падением, как неспособным сочувствовать и содействовать никакому общественному преуспеянию. Закоснелые в эгоизме, они знают, что их не одобряют благомыслящие люди, и чтобы хоть сколько-нибудь оправдаться в их глазах, они делают вид, будто следуют какой-нибудь доктрине, надевают личину какого-нибудь принципа, признанного в истории человеческих обществ и в цивилизации. Но кого они этим обманывают?

7. Вторник. Получил из типографии отпечатанную мою биографию Вронченка.[107]

Темперамент — не характер, а между тем многие считают его за характер, вероятно на том основании, что темперамент располагает человека к определенным и однообразным поступкам. Но ведь эта определенность и однообразие не иное что, как чисто механические отправления нашего организма, установленные физиологическими законами и без всякого участия воли. А там, где нет участия воли, там нет и характера.

11. Суббота. Председатель московского окружного суда Арсеньев во время производства процесса одного лица, обвиняемого в распространении фальшивых ассигнаций, удалил из присутствия защитника подсудимого, князя ‹А. И.› Урусова, одного из известнейших адвокатов в Москве. Говорят, это произошло вследствие тайного повеления, данного председателям судов, чтобы они удаляли адвокатов, которые почему-либо не нравятся администрации. Надо признаться, что если это правда, то это удач-

ный, если не гениальный эпизод в комедии, которая называется: русская образованность и цивилизация.[108]

У России в наше время три важнейшие потребности: земство, суды и железные дороги. Первые две я называю двумя ногами, на которых Россия могла бы твердо стать и по железным дорогам двигаться, куда ей следует. Но ноги-то хотят ей сломать.

А все-таки мне кажется, что защитникам земства и суда не следует падать духом в этой борьбе с чиновничьим, валуевским, шуваловским и всяческим произволом: в заключение ему все-таки не одолеть России.

13. Понедельник. Вечер у графа Алексея Константиновича Толстого. Там, между прочим, познакомился с нашим композитором ‹А. Н.› Серовым и с ‹В. И.› Кельсиевым. Да еще видел сына поэта Жуковского ‹П. В. Жуковского›, молодого человека, весьма приличной наружности, с которым я и поговорил об его знаменитом отце. Серов весь, с ног до головы, кажется пропитанным музыкальными идеями и чувствами. Это очень живой и, повидимому, энергический человек. Говорит много и бойко. Кельсиев тощий и довольно невзрачный молодой человек. Я довольно много с ним говорил, преимущественно о раскольниках, о которых он высокого мнения, как о настоящих представителях русской народности. Он очень сетует на то, что ему не позволили напечатать в «Отечественных записках» свою исповедь, повествование об его эмиграции и возвращении в Россию.[109]

14. Вторник. Администрация по делам печати заблуждается, сосредоточивая свое внимание на частных, отдельных явлениях, вместо того чтобы иметь в виду исключительно охранение принципов, — что дает ей характер чисто полицейский. Известные принципы, вытекающие из духа общественного и имеющие в виду общественную безопасность, должны быть охраняемы — это главное и единственное, и как скоро писатель не касается этих принципов, в остальном ему нечего став[illegible] преград. Мелкая придирчивость, преследующая частные случаи, вроде нападок на какую-нибудь отрасль администрации, критики какой-нибудь специальной меры и т. д., ни к чему не ведет. Надо принять, и твердо его держаться, следующее начало: когда пределы печати расширены и дано право подвергать рассмотрению и критике государственные меры и текущие

события, то должны быть приняты и неизбежные последствия этого, то есть самое применение или пользование этим правом.

Нужно уметь общее отделять от частного.

Систему предостережений, пожалуй, было бы неудобно отменить в настоящее время. Не столько виновата она сама, сколько ее бестолковое и неосновательное применение. Из всех предостережений, какие за последнее время надавала валуевская администрация, вряд ли найдется хоть одно вполне разумное и справедливое. Она не умела даже формулировать их как следует.

Правительство в вопросе о печати впало в противоречие с самим собою. Оно в трудных обстоятельствах не раз прибегало к ее помощи и опиралось на нее, но когда проходила в ней нужда или ему казалось, что она прошла, оно опять начинало к ней относиться свысока и обращаться с нею по-полицейски. Сами министры — Валуев, Головнин, граф Толстой — по временам заискивали в печати и тем, конечно, возвышали ее значение и силу. Как же после этого хотеть, чтобы она не чувствовала своей силы и значения?

15. Среда. Все меры и учреждения должны согласоваться с состоянием и направлением умов данной эпохи. Надобно решить: полагается ли в нашем обществе различие между критикою или разбором каких-нибудь явлений нашей администрации и нападением на основные принципы? Если общество не способно отличать первое от последнего, а напротив, смешивает и то и другое, то надо согласиться, что мы рано начали либеральные реформы. Но я решительно этого не допускаю. Критикуя, например, какую-нибудь меру по почтовому ведомству, по ведомству министерства народного просвещения или внутренних дел и т. п., никому и в голову не приходит обращать укоризны на государя, на образ правления, на веру нашу и проч. Значит, принципы остаются нетронутыми — и в этом все.

Первое условие внутреннего спокойствия и самодовольства — это быть справедливым и не иметь повода обвинять себя не только в дурном поступке, но даже и в дурном чувстве в отношении к другим.

17. Пятница. Добывая огонь, надо помнить, что вместе с ним явится и дым. Нужно искусство отвести дым, не погашая огня. Плохо поступит тот, кто, для избежания дыма, захочет вылить ведро воды на огонь. Дым, пожалуй, вы

и устраните, но зато потушите огонь, да к тому еще произведете невыносимый смрад.

21. Вторник. Правду сказать, трудно, очень трудно мириться с положением вещей в стране, которою управляют Валуевы, Шуваловы, Толстые, где министры до того ничтожны и слабы, что ездят и посылают в Москву спрашивать у Каткова и Леонтьева, что и как им делать.

Покоритель Ташкента, сделавший имя свое известным в Европе и грозным в Средней Азии, ‹М. Г.› Черняев, принужден в Москве держать экзамен на звание нотариуса, чтобы добыть себе кусок хлеба. Говорят, какая-то придворная интрига распорядилась так, что этого генерала уволили от службы с пенсионом в четыреста рублей, и как он очень беден и четырьмя стами рублей нельзя прожить с семейством, то он решился искать места нотариуса. Узаконенный залог по этому случаю внесли за него москвичи. Я сам не знаю Черняева, но с разных сторон слышу похвалы ему и негодование против военного министерства. Вообще по городу ходит много сплетен по этому поводу. Но во всяком случае странно будет видеть в нотариальной конторе генерала, украшенного Георгием.[110]

22. Среда. Я всегда прибегаю к дневнику моему как к единственному другу, которому могу поверить все мысли и чувства, беседа с которым заменяет мне и общество и так называемых друзей. Безделица — эта тетрадь с белыми страницами, а между тем она представляется мне каким-то оживленным предметом, в котором отражается мое *я* и разделяется, как свет в призме, на несколько лучей. И то, что могло бы во мне мелькнуть и исчезнуть бесследно, удерживается в моем сознании как частица моего внутреннего быта.

Внешние влияния доставляют человеку или бедный, или богатый капитал; но от него зависит распорядиться им так или иначе. И маленькое, но благоустроенное хозяйство лучше большого, но бестолково употребляемого богатства.

24. Пятница. Стоит ли серьезно думать обо всем этом? Ведь все это комедия, сон, «сказка, которую старуха рассказывает, сидя у очага».

25. Суббота. На днях я читал Костомарову отрывок из моих записок. Я вообще большой неохотник читать что-нибудь свое. Такое чтение мне всегда кажется назойливым напрашиванием на похвалу. Но тут было другое

обстоятельство: Костомаров мой земляк; он очень хорошо знает места, где я родился и провел детство, и людей этого края. Мне хотелось проверить себя взглядом и чувствами другого лица, и притом лица, способного меня понять и мне сочувствовать. Костомарову, повидимому, понравилось то, что я ему прочитал.

Сегодня был на вечере у Срезневского, где собраны были цвет и сливки Академии и университета. Но толки и разговоры были довольно маленького свойства.

26. Воскресенье. Жизнь хороша не только тогда, когда она расцветает во всем обилии своих даров, но и тогда, когда борется с тем, что мешает ее полному развитию, и она таким образом спасает хоть что-нибудь из богатого запаса своих общих сокровищ. Вот я любуюсь стебельком растения в горшке, стоящем на моем окне, которое, несмотря на недостаток земли и на холод, проникающий сквозь стекло, все-таки, хоть и не роскошно, но живет и зеленеет.

Декабрь 3. Воскресенье. Был у меня ‹С. Ф.› Поярков, племянник ‹В. С.› Печерина. Он в переписке с Печериным и передал мне его сердечный поклон. Между прочим, он рассказал мне, со слов самого Печерина, о причинах, возбудивших в нем ту психологическую тревогу, которая увлекла его из России и сделала католиком. В детстве у него был гувернер швейцарец, ярый радикал, который пропитал его самыми жгучими идеями либерализма. А рядом с этим стояло деспотическое обращение отца, старого полковника, который непременно хотел сделать из сына солдата. Поярков говорил мне, что у него в руках мемуары Печерина, доведенные до момента отъезда его из России. Он обещал доставить их мне при первом приезде из Киева, куда его теперь посылают председателем тамошней гражданской палаты.[111]

Держаться всегда на известной нравственной высоте— это самый действительный способ избегать множества тех огорчений, какие неразлучны в столкновениях с людьми и случайностями жизни.

6. Среда. Отчего наши государственные люди делают так много ошибок? Оттого, что они не мастера своего дела, а дилетанты.

«Москва», получив третье предостережение с четырьмя месяцами приостановки, прекращает вовсе свое существование.[112]

Всегда я шел одиноко, сам по себе. От того мой путь не был ни светлее, ни удобнее, но это соответствовало моей внутренней конституции, — так тому и быть.

11. Понедельник. Жизнь, проведенная бесследно, ничьего уважения не заслуживает, даже уважения того самого, кто ее прожил.

Все наши кружки — и литературные и общественные — страдают болезнью непонимания пределов, до которых должны простираться их требования.

Система вводимого у нас классического образования по истечении некоторого времени непременно падет не только от чрезмерной тягости, которою она обременяет учащихся, но и от того, — и это главным образом, — от чего падает у нас всякая система: от неуменья приводить ее в исполнение.

Утратив религиозные верования, считая все прекрасное и великое за иллюзию, современное человечество, чтобы не провалиться совсем в пропасть, прицепилось к идее прогресса, как будто эта идея менее иллюзия, чем другие.

Иные народы развратились, когда сделались образованными, мы же ухитрились погрузиться в омут разврата, находясь почти в варварском состоянии.

17. Воскресенье. Поутру у Тройницкого. Он, между прочим, рассказал мне любопытную вещь, слышанную им во время пребывания его в Одессе от одной знатной и очень умной дамы, хорошо знакомой с разными секретами своего времени. Дело здесь касается причины падения Сперанского. В начале двенадцатого или в конце одиннадцатого года, когда намерения Наполеона насчет России делались более и более очевидными, у нас начали помышлять о средствах обороны. Был, между прочим, представлен, кажется Барклаем-де-Толли, план наших будущих действий, который, разумеется, надлежало хранить в глубокой тайне. Сперанский был тогда всесилен. Государь ничего не предпринимал без его совета и этот план отдал ему на рассмотрение. Сперанский привез его домой, положил у себя на стол в кабинете, а сам снова отлучился из дома. В отсутствие его приехал Магницкий. Ему сказали, что Сперанский скоро вернется, и он решился его дождаться в кабинете, куда имел всегда свободный доступ. Он увидел на столе тетрадь, и так как совестливость не была в числе добродетелей Магницкого, он прочел эту тетрадь и таким образом узнал великую государственную тайну. Дня через

два государю сделалось известно, что французский посланник говорил о плане русского правительства как о деле, о котором знал все до мельчайших подробностей. Понятно, какое впечатление произвело это на государя. О плане никому не было известно, кроме него, автора плана и Сперанского. Государь естественно мог счесть Сперанского предателем, вдвойне изменником: и отечеству и дружбе, и он сильно на него вознегодовал. Этим объясняются в письме к Парроту слова Александра, что Сперанский достоин смертной казни. Одно только непонятно, почему император ни слова не сказал Сперанскому об открытии государственной тайны, но, прощаясь с ним еще накануне его падения, был с ним ласков и милостив попрежнему. В противном случае дело без сомнения разъяснилось бы, поступок Магницкого обнаружился бы, и Сперанский оказался бы виноватым только в неосторожности.

24. Воскресенье. Обед у графа Толстого — министра. Обедали некоторые академики. ‹О. В.› Струве сделал мне упрек, что я не отнесся к нему за справками, когда писал биографию Вронченка. У него, Струве, есть важные сведения об его астрономических трудах, когда он был в Дерпте. «Отцу моему, — сказал он, — приписывают план об астрономических съемках, столь известный в Европе, а этот план принадлежит Вронченку и мне».[113]

Все эти дни жестоко занят окончанием речи к академическому акту 29 декабря. Надо говорить об умерших: Бялярском, Грече и митрополите Филарете. Перечитывая сегодня написанное, я недоволен им. Да притом в чтении на акте придется сокращать: написано слишком много, а публику не надо утомлять.

29. Пятница. Акт в Академии наук. Я читаю извлечение из отчета Второго отделения. Чтение мое произвело эффект, особенно о Филарете. Мне пришлось много сокращать, дабы не осуществить известного изречения, что самая лучшая речь может наскучить, если она длинна. Я читал 45 минут, и внимание слушателей не успело ослабеть. После акта все академики собрались обедать у Донона. Пир был довольно шумный. Не обошлось без некоторых прений о руссизме и немчизме. Не люблю я этих пустых препирательств и столь же пустых патриотических выходок в обществе, которое должно жить согласно, если оно хочет не вредить, а приносить пользу делу науки. Да притом ведь дело вовсе не в том, чтобы кричать, что мы, дескать,

русские, а вы — немцы, а в том, чтобы заставить себя уважать, поступая честно и трудясь разумно, да не гадить друг другу, как мы так часто делаем в наших русских ассоциациях. Был, между прочим, спор по следующему обстоятельству: за обедом решено было послать телеграмму Бэру, живущему в Дерпте. Некоторые хотели, чтобы телеграмма была послана на русском языке, другие — чтобы на немецком. Конечно, и я предпочел бы послать на русском языке. Но так как Бэр едва ли сумел бы прочесть телеграмму по-русски, то и надо было написать ее по-немецки.

А. Н. Майков экспромтом прочел следующее стихотворение за жженкой:

Академия кутит,
В буйстве силы не жалеет;
Это ясно говорит,
Что она уже русеет.

Россия — странное государство: это страна всевозможных экспериментов — общественных, политических и даже нравственных, а между тем ничто не укореняется в ней надолго. Залог ли это будущей самобытности, которая не успела еще отыскать своей точки опоры, или доказательство неспособности установиться на чем-либо определенном или твердом, и судьба ее вечно колебаться и бессознательно переходить от одной формы жизни к другой? Избави бог!

31. Воскресенье. Конец 1867 года.

1868

Январь 4. Четверг. На публичном заседании съезда естествоиспытателей. Это было последнее заседание. Публики множество. Читали речи: ‹Э. А.› Юнге — окулист, ‹А. В.› Советов — агроном, Здекауер и ‹Ю. И.› Семашко, Председатель ‹К. Ф.› Кесслер произнес заключительную речь. Но всех лучше была речь Юнге. Она, как и речи других ораторов, была направлена против преобладания классического образования. Вообще весь съезд принял странный характер демонстрации против системы министерства народного просвещения, на основании которой изучение классических языков в гимназиях делается господствующим и почти исключительным по идеям Каткова и Леонтьева.[114]

6. Суббота. Обедал у Павла Никитича Меншикова. Раза два в год он дает своим приятелям лукулловские обеды. Для меня это, как говорится, корм не в коня, но я не мог уклониться от безгранично ласкового, радушного приглашения.

7. Воскресенье. Был у меня профессор Медико-хирургической академии ‹Н. М.› Якубович. Любопытный разговор о военном министре и о ‹П. А.› Дубовицком, которые, по словам Якубовича, стараются сделать из академии школу. Конечно, это очень жаль, тем более что в последние годы она начала было сильно возвышаться и процветать. Он рассказывал мне невероятные нелепости, если только они действительно случились. Впрочем, то же говорил мне и Глебов.[115]

8. Понедельник. Похороны князя ‹В. А.› Долгорукого, бывшего шефа жандармов и одного из любимцев государя. О нем, кажется, нечего больше сказать, как только «выехал в Ростов»,[116] хотя он занимал важные должности, был военным министром и проч. Говорят, он был добрый человек, но вряд ли годился на что другое, как только на то, чтобы слыть добрым человеком.

9. Вторник. На бале во дворце. Встретил многих знакомых, с которыми встречаешься только в таких многочисленных собраниях. Увиделся, между прочим, с Т‹имашевым?›, который опять призван к государственной деятельности.[117]

12. Пятница. У нас с людьми часто совершаются странные метаморфозы. Вот, кажется, умный, хороший человек; поставили его на видное место, дали ему власть — и выходит человек такой посредственный, что только вздохнешь от глубины сердца и с сокрушением скажешь: как бедны мы в настоящее трудное время деятелями серьезными, истинно государственными!

Общее собрание Академии. Предложен был вопрос по поводу крыловского юбилея 2 февраля: праздновать ли этот день одному только Второму отделению или всей Академии? Некоторые были того мнения, что празднество должно ограничиться отделением, так как Крылов был не ученый, а литератор. Другие, в том числе и я, высказали мысль, что Крылов составляет часть нашей всенародной славы и что, хотя он не был ни филолог, ни лингвист, однако оказал огромные услуги отеческому языку своими произведениями. Президент пригласил встать тех, которые в пользу празднования всею Академиею: встали все, и тем дело решилось.

13. Суббота. Вчера мороз доходил на Неве до 35°, а сегодня, говорят, доходит до 37°.

Приходится писать речь о Крылове к юбилею, а времени остается всего две недели. Вот надпись к памятнику Крылова, что в Летнем саду, написанная ‹П. В. Шумахером› и напечатанная, кажется, в «Искре»:

Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся у ног его ребята,
И думает: милейшие зверята,
Какие, выросши, вы будете скоты.[118]

Почему бы, кажется, не предоставить каждому человеку и каждому народу устраивать свои дела и жить, как он

знает и хочет. Но беда в том, что дайте каждому волю это делать, и он тотчас залезет в чужой карман, в чужое право или в чужую землю.

Если где-нибудь нужен гений, то это в поэзии и в делах финансовых.

Февраль 11. Воскресенье. Почти месяц я не принимался за мой дневник. Много было к тому причин, а в продолжение этого времени со мной опять случилось нечто нелепое в Академии. По взаимному соглашению членов Второго отделения Академии положено было прочесть на крыловском юбилее четыре речи: Г‹рот› — черты из литературной деятельности Крылова; С‹резневск›ий — о языке, Б‹ычков› — о переводах басен Крылова на иностранные языки, я — о баснях Крылова в художественном отношении. Больше двух недель работал я усидчиво и приготовил мою речь ко дню юбилея, то есть ко 2 февраля. Настал назначенный день. Публики в академической зале собралось много, хотя часть ее была отвлечена в концерт, который давался в пользу страдающих от голода. Началось чтение. Прочитал свою речь Г‹рот›, прочитали С‹резневск›ий и Б‹ычков›. Их чтение продолжалось менее двух часов: началось в двадцать минут второго, а кончилось в три. Настала моя очередь. Я встаю с места и с тетрадкою в руке направляюсь к кафедре. Но вдруг встает и президент и, обращаясь к публике, говорит: «Этим можем кончить, чтобы не утомлять вашего внимания, милостивые государи». Публика изумлена, не меньше изумлен и я; подхожу к президенту и спрашиваю, почему меня не допускают к чтению. Он пробормотал что-то об утомлении публики. Меня окружают знакомые и незнакомые и, в свою очередь, осыпают меня вопросами: «Что это значит, Александр Васильевич, что вас остановили?» и проч. Ответ мой всем один и тот же: «Ничего не понимаю».

Возвратясь домой, я написал президенту серьезное письмо с протестом за такое нарушение академических правил, которое одновременно наносило оскорбление Академии, публике и мне... На другой же день получил от Литке ответ, который мне все объяснил. Бедный президент тут сам попался... Президент, как он после сам мне объяснил и в письме и лично, не полагал, чтобы это было без моего согласия, и распорядился, как сказано выше. Разумеется, это его не оправдывает, но несколько смягчает его вину. Я поехал к нему, и он мне откровенно сознался,

что во всем этом сам был жертвою. Мы расстались дружелюбно. Между тем в «Голосе» появилась заметка, где говорилось, что я сам «отказался от чтения, чтобы не утомлять публику долгим пребыванием в академическом зале». Это было мне с руки, так как вызывало на опровержение, а следовательно, и разъяснение дела публике, которая, впрочем, уже сама ясно его понимала. Я и написал письмо к Краевскому с опровержением напечатанной заметки. Письмо появилось в «Голосе» на другой же день и произвело благоприятное для меня впечатление...

В «Голосе» появилась статейка в ответ на мое опровержение, лестная для меня и нелестная для коекого. [119]

13. Вторник. Речь моя появилась в «С.-П‹етербургских› ведомостях», в 39-м и 42-м номерах. [120]

14. Среда. До меня доходят вести, что моя речь принята в публике очень хорошо.

У нас не знаешь, чему верить: существует в России голод или нет? Отвсюду приходили и приходят ужасающие вести. В «Голосе» появилась превосходная статья (Розенгейма) по этому поводу. Наконец, по высочайшему повелению, учрежден, под председательством наследника, комитет, от имени которого уже архиофициально объявлено о голоде и все приглашаются к пожертвованиям. Между тем министр внутренних дел печатно уверял, что голода нет, а народ так, «терпит только нужду». [121] Он сваливает всю вину на земство. Но ведь все знают, что земство связано по рукам и ногам новым узаконением, в силу которого председатели управ и губернаторы получили почти неограниченную власть над земством.

16. Пятница. Президент, кажется, на меня сердит за газетную статью в «Голосе», к которой послужило поводом мое письмо к редактору газеты. Вот как люди бывают чувствительны к своим личным неприятностям, а дурачить другого для них ничего не значит. Я не мог и не должен был поступить иначе. Защищать свое право и достоинство — это не роскошь эгоизма, а долг честного человека, долг самосохранения.

Запрещен «Москвич». Об этом так много говорят, что в шуме слов ничего не разберешь. Тут, как обыкновенно, больше всех достается Валуеву. [122]

Для подлости, как для геройства, нет ничего невозможного.

Авраам Сергеевич Норов рассказал мне следующий анекдот об Аракчееве. «Я, — говорит Норов, — был из полковников переименован в статские советники и оставался некоторое время без службы, следовательно, без всяких определенных занятий. Это мне надоело, и я стал помышлять о какой-нибудь должности. Некоторые мои знакомые и разные значительные лица присоветовали мне искать места губернатора, а так как тогда (в двадцатых годах) все государственные и административные дела шли через руки Аракчеева, то предварительно надлежало обратиться к нему. Но мне это показалось несовместным с моим достоинством; государь знал меня лично, и я решился обратиться прямо к нему. Прошло несколько дней, и я вдруг получаю от графа Аракчеева приглашение явиться к нему. Аракчеев знал моего отца и, встречаясь со мною прежде, всегда был ко мне довольно ласков. Я отправился к нему, не ожидая ничего худого.

— Вы просили государя, — сказал он мне, с свойственным ему нахмуренным видом, — о месте губернатора?

— Точно так, ваше сиятельство.

— Благодарите же меня.

— Если ваше сиятельство удостоите сказать мне причину, то я готов благодарить вас от всего сердца.

— Благодарите меня за то, что вы не получите губернаторского места. Государь готов был дать вам его, но я отсоветовал, и его величество вам отказывает.

Я окаменел от таких неожиданных речей. Через минуту Аракчеев продолжал:

— Вы, господин Норов, храбрый и хороший офицер, я это знаю. Но скажите по совести, в состоянии ли вы быть губернатором? Известны ли вам хоть сколько-нибудь законы, административный порядок и множество различных трудностей, сопряженных с этою важною должностью? Ведь вы нимало к ней не приготовлены. Какой же были бы вы губернатор? Вы или наделали бы себе стыда, или попали бы под суд.

Простота этих слов меня поразила. Так ли точно думал Аракчеев или он притворился, что так думает, и помешал мне только потому, что я не обратился предварительно к нему, — но я действительно счел себя обязанным поблагодарить его».

22. *Четверг*. Вечер у Тройницкого. У него больше никого не было, и я пробеседовал с ним часа два с половиною.

Он, между прочим, объяснил мне настоящую причину запрещения «Москвича». Причина тому — статья о данковских крестьянах.[123] Валуев, прочитав эту статью, послал ее к государю с своим докладом о необходимости остановить эти дерзкие нападки на администрацию и просил о дозволении запретить газету. Государь согласился с тем, чтобы дело это было внесено в Комитет министров. Последствия известны. В опубликованном решении, однако, приведена не эта причина, а та, что «Москвич» есть не иное что, как замаскированная «Москва». Мотивирование это принадлежит ‹М. А.› Корфу. Лучше было бы сказать прямо, за что.

25. Воскресенье. Вторая книжка «Всемирного труда» конфискована. Там есть повесть ‹П. Д.› Боборыкина «Жертва вечерняя», в которой представлены разные лица, говорят, из высшего круга в очень непристойном виде и притом так, что их очень легко узнать.[124] Если это правда, то это выходит пасквиль, и в таком случае подобные произведения могут только вредить делу литературы, а не служить ему.

Обед в Римско-католической академии по случаю храмового праздника академической церкви. Епископ ко мне очень дружелюбен. За столом я сидел возле него, и он очень юмористично подшучивал над своими собратьями — канониками, ксендзами и проч. «Вот великие христианские постники, — говорил он, — вот где поучиться бы постничать и умерщвлять свою плоть. Посмотрите, например, вот на этого каноника: какой он жирный, красный, а все оттого, что вот он постится с такими соусами и пирогами, запивая их хересом и шампанским». Все это он говорил не только мне, но и самим каноникам, которые только улыбались. Кроме того, он говорил со мною о папе и не очень благосклонно о нем отзывался. Провозгласили тост государю; прокричали «ура»; воспитанники пропели «Боже, царя храни».

Все ли поняла в тайнах жизни современная наука, чтобы иметь право отрицать потребность и истину верований?

Март 1. Пятница. Вечер у Боткина, Василия Петровича. Граф А. К. Толстой читал свою новую драму — «Царь Федор Иоаннович». Тут были: Гончаров, Костомаров, Майков, Стасюлевич, Тютчев Федор Иванович. Трудно судить о сочинении в беглом чтении, да еще не в своем, а чужом. Однако характеры Федора и Годунова показались мне обработанными очень искусно. Автор сумел создать из

совершенного нравственного и политического ничтожества, каков Федор, замечательную психологическую фигуру.[125]

Графиня А. Д. Блудова прислала мне свою книжку «Для немногих» — о пребывании своем в Остроге, на Волыни и об основании там православной церкви и женской школы. Книга написана умно и тепло.

Ум его ‹?› похож на плющ, который широко раскидывается и обвивается около тычин и деревьев по всевозможным направлениям, но он ни к чему не прикрепляется прочно и не приносит плодов.

Одно может удовлетворить человека на всякой степени умственного развития — общеполезный труд и успешная деятельность.

4. Понедельник. Валуев оставил министерство или министерство оставило его. Место его занял ‹А. Е.› Тимашев.[126]

Об отставке Валуева, кажется, никто не сетует, разве кроме нескольких преданных ему чиновников. Общество сильно не расположено к нему за земство и за его распоряжения по делам печати. Но решительный удар, кажется, нанесен ему голодом, который по непонятным причинам он скрывал и против которого не принял никаких деятельных мер. Будет ли лучше при его преемнике? Сколько я знал Тимашева лично, он казался мне человеком умным и человеком с русским сердцем. Но у нас как-то добродетели, таланты и ум недолговечны. Посмотрим.

9. Суббота. Общее заседание комиссии в Академии наук для установления открытых для публики заседаний. Много было споров и толков, но ни к чему решительному не пришли. Впрочем, почти все согласились в надобности этих заседаний.

10. Воскресенье. Мы живем в такую эпоху всяческих треволнений — умственных, нравственных, политических и общественных, что едва ли найдется ум, который не заблуждался бы в своих суждениях о лицах и событиях.

Заходил сегодня к старому своему профессору ‹В. В.› Шнейдеру. Он очень обрадовался мне. Бедный сидит безвыходно в креслах: паралич отнял у него ноги. Но духом старик еще бодр. От него услышал я о смерти ‹В. С.› Порошина в Париже, а я только что собирался писать ему. Порошин был один из лучших наших профессоров (он читал политическую экономию) уваровского времени. Он был умен, даровит, сведущ, но очень эксцентричен. Уж много лет он жил в Париже, не забывая, однако, России. Он на-

писал несколько сочинений о ней на французском языке, стараясь растолковать французам, что Россия, хотя во многом отстала от Европы, или, лучше сказать, еще не успела догнать ее, однако вовсе не такая варварская страна, как они думают. Он старался опровергать клеветы их на нас по поводу польских дел — разумеется, тщетно, потому что ничто не устойчиво так, как преднамеренная ложь.[127]

14. Четверг. Сердце ищет сердца, но ум почти неприязнен уму.

Кто борется, тот если не всегда побеждает, то всегда сохраняет за собою достоинство и честь человека мужественного.

Т‹имашев› был директором тайной полиции, или начальником III отделения. Восторжествуют ли в нем полицейские инстинкты или призвания государственного человека?

16. Суббота. Валуев дурно распорядился своею судьбою: притеснением земских учреждений, неблагоразумными и опрометчивыми действиями по делам печати он вооружил против себя общественное мнение, а странным индифферентизмом к голоду он дал против себя оружие в руки враждебной ему партии.

Надо быть дураком, чтобы быть довольным собою.

21. Четверг. Обедал у графини А. Д. Блудовой. Встретил там ‹М. О.› Кояловича, занимающегося ныне изданием какого-то исторического памятника, касающегося Северо-Западного края.[128] Были еще какие-то три неизвестные мне лица. Графиня меня смутила, начав елико возможно восхвалять мою речь о Крылове, и даже прочла вслух некоторые места из нее.

В сегодняшнем заседании отделения нашей Академии возникли компликации между Срезневским и Пекарским. Пекарский сильно обиделся на одно замечание, сделанное Срезневским на его весьма незначительную заметку, но которую он, по своему обыкновению, ценил очень высоко. Замечание не заключало в себе ничего обидного, но Пекарский так рассердился, что ушел, ни с кем не простившись. Так-то наши самолюбия не умеют снести ни малейшего противоречия.

Люди с особенным дарованием, призванные действовать на массы, на общество, достигают славы, какой никогда не достигают специалисты-труженики, посвящающие труды свои разработке какого-нибудь вопроса науки или практи-

ческого дела. Но слава первых чрезвычайно непрочна и изменчива. Она часто зависит от прихоти публики, и малейшей ошибки, а часто и просто поворота во вкусах общества достаточно, чтобы развенчать сегодня героя, которого превозносили до небес. Чуть ли не больше всего подвержены этому кризису писатели, художники.

27. Среда. В номере 66-м «Северной почты» напечатано предостережение «Петербургскому листку» уже от нового министра. Замечательное формулирование и тон предостережения, обнаруживающие решимость защищать от нападок печати полицейские и административные власти.[129]

Апрель 3. Среда. Провел в беседе более двух часов у моего бывшего старого наставника Шнейдера, Василия Васильевича. Паралич отнял у него ноги, но не коснулся головы, которая совершенно свежа. Память его в полной силе. Он рассказывал мне разные интересные вещи из истории прошлого времени. Он был в тесных связях с разными значительными лицами, особенно со Сперанским, и многое знает из секретного хода событий. Вот, между прочим, что он мне рассказал об обстоятельствах, сопровождавших падение Сперанского. Известно, что князь А. И. Чернышев, впоследствии военный министр, в 1811 году был послан императором Александром I в Париж с секретным поручением. Чернышев был тогда во цвете лет и красоты и отличался любезностью и ловкостью в обращении. В Париже он очень сблизился с главным директором военного министерства Наполеона, а еще больше с его женою. Однажды, вечером, директор был позван к императору в Сен-Клу, где и провел всю ночь. Чернышев занял его место у жены и воспользовался этим случаем, чтобы наполнить свой портфель бумагами из директорского кабинета. Вероятно, это уже было подготовлено заранее. На другой день, рано утром, Чернышев уже скакал к границам Франции, и прежде, чем пропажа бумаг была замечена, он уже был за пределами ее. Похищенные бумаги оказались весьма важными: тут были планы похода в Россию, чертежи, расположение войск и проч. и в том числе также и шифрованные бумаги. Все это было доставлено императору Александру. Государь обо всем сообщил Сперанскому, и так как ни тот, ни другой не могли прочесть шифрованных бумаг, то положено было призвать некоего Бека, славившегося уменьем разбирать всевозможные шифры. Все, что заключалось в этих бумагах, разумеется, составляло государственную

тайну, которая была известна только государю, Сперанскому и Беку. Случилось как-то, что Магницкий, состоявший в дружбе со Сперанским, приехал к нему в то время, когда тот занимался в своем кабинете, сумел подсмотреть содержание секретных бумаг и затем из хвастовства разгласил это между членами дипломатического корпуса. Это дошло до государя, который, разумеется, должен был подумать, что Сперанский выдал государственную тайну, — и вот причина его падения и объяснение слов государя, обращенных к Парроту: «Сперанский сделал то, за что его следовало бы расстрелять». *

4. *Четверг*. Университет потребовал от меня сведений о моей жизни и учено-литературных трудах для составления биографии, которая должна войти в словарь профессоров живых и умерших, издаваемый ко дню пятидесятилетия университета в следующем году. Обо мне поручено написать Оресту Миллеру. Я указал на мой послужной список и хотел этим отделаться, но ко мне пристали, чтобы я указал все мои сочинения. Я было решительно этому воспротивился, так как сам я мало уважаю собственные писания, и если бы их позабыли другие, как позабыл их я сам, то, право, не огорчился бы этим. Но в заключение мне пришлось сдаться на следующий довод: хорошо ли, дурно ли я действовал, но деятельность моя среди общества выразилась в такой форме, какую оно полагало для себя нужною и для осуществления которой дало мне и средства,—следовательно, оно вправе подвести итог всего, что мною сделано, и внести этот итог, куда ему угодно, в летопись ли своей науки, в какой-нибудь словарь и проч. Да притом Орест Миллер заметил, что если я не возьму на себя труда сделать перечень моих сочинений, то он должен будет сам это сделать, а для того ему придется перерыть массу журналов, сборников и т. д., что отнимет у него недели три времени и заставит опоздать с представлением своей статьи к назначенному сроку. Таким образом, волей-неволей, мне пришлось самому рыться и кое-как составить требуемый перечень.[130]

Сущность моей деятельности на кафедре следующая: 1) элемент изящного, неразлучный с элементом идеального, я считал важным необходимым деятелем в истории

* В моем дневнике записан уже другой рассказ об этом, но Шнейдер стоит за верность своей версии, которую слышал от лиц, близких к Сперанскому.— *Примечание А. В. Никитенко.*

человечества. Я всегда старался и психологически и исторически поддерживать его достоинство, самостоятельную образовательную силу и значение; 2) преобладание этого элемента я считал немыслимым без тесной связи его с нравственным назначением человека и без благотворного влияния на нравственное развитие последнего. Этими началами я старался осветить мою литературную критику и трудился над тем, чтобы внести их в ум и в сердце юношества.

7. *Воскресенье*. Вечер у А. С. Норова, который, между прочим, рассказал мне следующий анекдот, слышанный им из уст князя А. Н. Голицына. Императрице Екатерине II вздумалось посетить Ревель. Там устроили для нее бал с масками. Готовясь к нему, она сидела в уборной за туалетом. Вдруг приезжает из Петербурга курьер с секретным донесением о заговоре ‹В. Я.› Мировича и о катастрофе с Иоанном Антоновичем в Шлиссельбурге.[131] Весть эта сильно поразила ее. Приходилось немедленно действовать, и ей было уже не до бала. Но и не показаться в бальной зале было бы крайне неудобно, особенно при этих обстоятельствах. Находчивая императрица быстро нашла средство, как выйти из затруднения. Она позвала к себе графа ‹А. С.› Строганова.

— Послушайте, граф, — сказала она ему, — прошу у вас одолжения: сделаете ли вы его для меня?

Строганов, разумеется, изъявил полную готовность.

— Вот о чем я попрошу. Сядьте вот здесь в кресла перед зеркалом на мое место.

Граф немного удивился, однако повиновался. В ту же минуту одна из находившихся в уборной камер-фрау накинула на него пеньюар, другая начала его пудрить, а третья держала наготове, собираясь на него надеть, женское маскарадное платье. Строганов, уже не удивленный, а взбешенный, вскакивает с кресла и говорит:

— Государыня, я все готов отдать вам — и кровь мою и жизнь, но быть посмешищем и играть роль шута мне не по силам.

Тогда императрица выслала из комнаты всех посторонних, сообщила графу о полученном известии и с обычною своею прелестью прибавила:

— Вы понимаете, как это важно. Я должна целую ночь работать за письменным столом, мне не до бала, но и бал нельзя оставить: иначе возбудятся толки, неудовль-

ствия, а я этого не могу допустить. Вот мой план. Вы оденетесь здесь в мое маскарадное платье: оно как раз вам по росту, скроете лицо под маскою и отправитесь на бал вместо меня. Там вы пробудете минут двадцать, затем скажетесь усталою и, как бы ослабев, опуститесь в приготовленное для меня кресло. Затем подзовите к себе князя ‹Г. Г.› Орлова, объявите ему, что чувствуете себя не совсем здоровою, и попросите его сказать присутствующим о том с извинением, что вы не можете дольше остаться на балу. Потом возвратитесь сюда обратно.

Все это было исполнено с точностью. Граф Строганов разыграл роль императрицы, и ревельцы были в восторге, что государыня, даже не совсем здоровая, не отказалась удостоить их бал своим присутствием. Должно полагать, что Строганов был мастер на подобные штуки, и Екатерина знала, кому вверяет такое щекотливое дело.

9. Вторник. С первого дня праздника и по сегодня включительно чудесная погода. Ингерманландское солнце не на шутку расщедрилось. Оно льет такие потоки света и тепла, что становится страшно: не скрывается ли тут какой козни относительно будущего? Что-то слишком хорошо, ненатурально.

10. Среда. На праздниках был у меня *** ‹Ф. П. Литке› и оставил карточку. Без сомнения, он почувствовал, что по случаю крыловского юбилея со мной поступлено нехорошо, и как он был весьма причастен к этому хорошему делу, то и решился выразить нечто вроде сожаления и первый протянуть мне руку... Этому, конечно, не мало содействовал общий голос публики, громко обвинявший тех, которые устроили такую проделку. Я решился принять протянутую руку, во-первых, потому, что помнить долго сделанную мне лично гадость не в моей натуре. Сделав по закону самоохранения отпор направленному против меня нападению и отразив его, я тотчас успокаиваюсь в чувстве сохраненного своего достоинства. Длить борьбу вне этого принципа я считаю совершенно мелочным, нелепым, недостойным хорошо организованного характера. Главное дело — не уронить себя в глазах самого себя и не оскорбить собственного чувства справедливости, а прочее до меня уже не касается. Во-вторых, ведь мне приходится два раза в неделю сидеть рядом с ними, и тут очень неудобно бросать друг на друга косые взгляды. С людьми надо вообще держать себя как с Наполеоном III — всегда готовым к войне, но не надо

никогда быть зачинщиком войны, ни презирать мир уже по одному тому, что худой мир лучше доброй брани.

12. Пятница. У нас умный человек, состоя на государственной службе, точно стыдится заниматься такими пустяками, как общая польза, долг и тому подобное. Главная и единственная достойная его задача—соблюдать собственные интересы, признавая своим долгом перед обществом только уменье не попасть под суд, так как это произвело бы скандал.

Счастлив честный человек, если ему удастся приобрести настолько самостоятельности, чтобы не преклоняться перед этою шайкой эгоистов, а подчас и плутов, именами которых наполнена часть наших адрес-календарей. Что он будет беден и забыт — это само собою разумеется.

Всеми замечено, что ни в одно царствование не раздавалось у нас столько наград чинами и орденами, как в настоящее. Это настоящий рог изобилия. Мне говорил один человек, знакомый со статистикою этого предмета, что обыкновенная пропорция наград в николаевское время составляла во всей империи цифру от четырех до пяти тысяч в год, в нынешнее же время доходит до десяти и одиннадцати тысяч.

Говорят и пишут в газетах, особенно в «Голосе», что мы в Северо-Западном крае с ‹А. Л.› Потаповым снова меняем систему наших действий.

15. Понедельник. Есть у нас многие юные и не юные женщины среднего круга, которые сильно желают, чтобы им дозволено было слушать в университете лекции или бы основали для них особый женский университет. Положение бедной женщины, которая, кроме иглы, не имеет других средств добывать честный хлеб, действительно заслуживает особенного внимания, и стоит подумать о том, чтобы открыть для нее новые источники труда.[132]

Достигнуть в наших административных сферах значения, которое давало бы возможность оказывать обществу существенные и серьезные услуги, иначе нельзя, как разными эволюциями перед начальством. Люди, способные и честные, оказываются большею частью к этому непригодными, и вместо их обыкновенно на сцене являются плуты или те мелкие честолюбцы, которые за чин или ленту готовы ко всему, кроме общественных интересов. Эти-то искатели фортуны большею частью и располагают ходом дел. Разумеется, и они толкуют об общем благе, о своем бескорыстии и проч. Но для дела это ничего не значит: оно все-таки сводится на чин, на ленту или аренду.

Первое предостережение «Москве» за статьи в первом номере. Этим новый министр дает знать, что он в делах печати намерен следовать системе своего предшественника. К сожалению, и Аксаков дает повод к нему придираться своею неумеренностью и озлоблением, которое поневоле заставляет думать правительство, что оно имеет в нем врага, — ну а с врагом нечего церемониться.[133] Вообще москвичи страшно самолюбивы. Они хлопочут не только о том, чтобы сказать истину, но еще и о том, чтобы доказать целому свету, что всякая истина может быть сказана только ими одними, а потому у них нет уже спасения никому и ничему, что не спешит повергнуться в прах перед их победоносным пером. Ведь вот Катков всех, кто осмеливался иметь другое мнение, чем он, провозглашал изменниками и предателями отечества. Право, иногда кажется, что его одушевляет не чувство своего достоинства — чувство высокое и законное во всяком человеке, а чувство бесконечного превосходства над всяким, кто мыслит и пишет в России.

17. Среда. Замечательно, что если у нас в настоящее время есть в должностной сфере люди способные и честные, так это среди юристов. Административный круг содержит в себе или эгоистов и плутов, или посредственности и совершенные бездарности.

Уезжая за границу, Валуев сказал одному из своих знакомых: «Я рад, что уезжаю, наконец, из этой татарщины».

Неужели такая реформа, как реформа Петра Великого, неужели все жертвы народа, какие для нее потребовались, должны остаться бесплодными? А ведь те, которые желали стеснить у нас науку, и те, которые стараются убить всякое проявление у нас самостоятельной, свободной гражданственности, добиваются не более не менее, как уничтожить всякое развитие того, чему положено начало реформою Петра.

Наделив человека всевозможными бедствиями и унижениями с лицемерным видом блага и величия, природа довершает свою трагикомическую игру над ним тем, что вложила в него непреодолимую детскую любовь к жизни.

28. Воскресенье. Утром у князя Вяземского, у которого просидел часа два. Получил от него «Мессиаду», переведенную неким ‹С. И.› Писаревым.[134]

Аксаков опять напрашивается на предостережение. Говоря о смертной казни, он представляет виселицу, путешествующую по России для внушения нравственности.

К сожалению, честный Аксаков, очевидно, смешивает твердость характера с упорством самолюбия, которое не хочет уступить подчас необходимым требованиям приличия — будь оно общественное, государственное или какое другое. Но если нельзя показаться в общество без штанов или в какой-нибудь странной, нелепой одежде, то едва ли позволительно и говорить даже полезные вещи так, чтобы это было оскорбительно для тех, кому мы все-таки обязаны некоторым уважением. Защитники печатной невоздержанности говорят, что ведь это только такой тон и нельзя же посягать на форму выражения, употребляемую писателем. Мне кажется, что такое правило, как и всякое другое, не может быть принято без известного ограничения. Тон, конечно, есть моя индивидуальность; но разве можно безусловно следовать всем внушениям этой индивидуальности? Ведь сам писатель без сомнения рассердился бы, если б ему сказали: «вы лжете» — вместо того, чтобы сказать: «вы ошибаетесь» или «вы говорите то, что не согласно с действительностью; резкость выражения может заключать в себе прямую обиду, даже когда мы не имели намерения нанести ее. Не уметь воздержать себя от искушения сказать острое словцо или красивую фразу, когда мы рассуждаем о вещах серьезных, и притом рассуждаем всенародно, обличает легкомыслие, чтоб не сказать заносчивость и самолюбие, которое вряд ли заботится об одной только истине, а имеет в виду также эффект, производимый нами самими.

Май 3. Пятница. С конца апреля еще начались прекрасные весенние дни, а вот эти майские еще лучше.

Будущее и неизвестное есть вечный враг настоящего и известного.

В № 90 «Северной почты» второе предостережение «Москве».[135] Обидно, господа! Направление ваших идей верно, требования ваши справедливы, но не след поддерживать правое дело ругательствами: оно от того ни в чьих глазах не выиграет. Должно действовать логикою и фактами, честным делом и дельными осуждениями, а не оскорблениями, которых никто, ни частный человек, ни общество, ни правительство — не обязаны сносить.

Был на прощальном обеде, который академики давали своему товарищу ‹О.› Бетлингу, уезжающему на три года за границу.

9. Четверг. Весьма неудобно произносить решительные приговоры о современных лицах и событиях, так как мно-

гие данные о них до поры до времени остаются неизвестными. Мне не раз приходилось смягчать или усиливать краски в своем первоначальном мнении о таком-то лице или событии, по мере того как разъяснялись обстоятельства, подававшие повод к такому или другому о них заключению.

На днях Н. И. Цылов, бывший председатель виленской комиссии по польскому восстанию, сообщил мне в рукописи весьма любопытные сведения об этом восстании, извлеченные им из официальных документов, бывших у него в руках. [136]

12. Воскресенье. Неслыханный май по своему сиянию и теплоте, по крайней мере до сих пор. Гимназист тамбовской гимназии, восемнадцатилетний юноша Горский, убил семь человек, в том числе двух детей, мальчиков. Он действовал каким-то железным пестом и револьвером. Служанку он убил поленом. Полагают, что цель этого неслыханного злодейства было воровство. Не действовал ли тут религиозный и политический фанатизм? Горского велено судить военным судом, и он приговорен к повешению. [137]

14. Вторник. Славянский мир... Что германские и особенно турецкие славяне добиваются самостоятельности — это понятно и естественно. Но непонятны и неестественны крайние претензии славянофилов на первенствующую роль между европейскими народами. Где их права на это? Что сделали они до сих пор для всемирной цивилизации, науки, искусства? Они всё толкуют о б у д у щ е м величии славян, о б у д у щ е й их блистательной роли; но где пока залоги этой великой будущности? Какие услуги оказали они человечеству, чтобы так возноситься? Из всех славян вот выдаются только чехи, сербы и мы. Собственно мы одни, потому что мы одни успели основать сильное государство. Но и мы до сих пор льстим себя только надеждами. Не лучше ли прежде подождать их осуществления, а потом уже кичиться? Пока же поменьше заносчивости и побольше настоящей работы — не показной, а существенной, внутренней.

17. Пятница. Май продолжает быть неслыханно хорошим.

Ничто из того, что всещедрою природою дается человеку, не достается ему даром. Родится ребенок с страшными страданиями для матери; начнут прорезываться у него зубы, он страдает; начнет учиться — страдает; ум и мудрость житейская достаются ему тысячами страданий, и проч.

и проч. И все это было бы ничего, если б имело какие-нибудь порядочные, крупные последствия, а то все разрешается несколькими горстями пыли.

28. Вторник. Человек такой же крепостной работник природы, как и все другие ее создания. Все, что он сделал, делает и еще сделает в постепенном своем развитии, все делается в духе целого и для целого, и если он получает за то какую льготу, то лишь настолько, насколько это входит в намерения и планы природы, а вовсе не в силу его заслуг.

Если б у меня спросили: какой главный и несомненный признак ограниченного ума? — я отвечал бы: высокое мнение о самом себе.

Июнь 5. Среда. И о чем они состязаются? О деньгах — это было бы понятно. О каком-нибудь наслаждении — и это можно было бы понять. Нет! Они хлопочут о том, чтобы какой-нибудь пустейший человек сказал: «о, он не глуп», или: «он умнее такого-то».

Наконец, по словам А. С. Норова, в Государственном совете начинают серьезно рассуждать о способах ограничения пьянства в России и уже пришли к решению, что следует ограничить число кабаков. Пора! Но почему же прежде или раньше об этом не подумали? Тогда было бы предотвращено много бедствий и неурядиц, а может быть, и самый голод прошедшей зимы. Но гром не грянет — мужик не перекрестится.

Появилась брошюра об убийстве в Гусевом переулке, в которой рассказаны интересные подробности об этом злодействе и о том, как открыта преступница.

Нет ничего печальнее поблекшего и увядающего цветка.

17. Понедельник. Покуда человек будет делать и терпеть зло, страдать и умирать, до тех пор какой же удовлетворительный результат вы получите от вашего пресловутого прогресса?

18. Вторник. Слава богу, у нас есть противоядие злу, происходящему от разных плохих мер и проектов, — это несостоятельность, которая не позволяет долго держаться ни одной мере.

Он и хотел бы быть тем, что называется честным человеком, да не может, бедняжка. Требования честности слишком велики, и у него не хватает силенки переломить некоторые из своих скверных наклонностей, влекущих его обворо-

вывать казну или, ради чина, ленты, аренды, подличать и пресмыкаться перед сильными.

24. Понедельник. Румянцевский музей в Москве хочет выставить у себя портреты знаменитых русских людей и поручил написать их художнику ‹И. Н.› Крамскому. В мастерскую к последнему на днях явился ‹В. А.› Дашков, директор музея, и, увидев, между прочим, портрет Фонвизина, уже списанный с отличного академического портрета, сказал:

— Как! Вы думаете, что и Фонвизин войдет в наше собрание? Неужели и он знаменитый человек?

На это Крамской возразил, что если писатели, отличающиеся своими дарованиями, составляют славу народа, то, конечно, Фонвизин имеет полное право на место в предполагаемой галерее.

— Ну, это еще вопрос, — отвечал Дашков.

Страх перед вечностью есть чисто эгоистическое чувство. Следовало бы помнить, что м н е не было худо, пока меня не было, и не будет мне хуже, когда меня не станет. Но жизнь, потому что она жизнь, никак не может понять своего уничтожения.

Что такое раскол? Протест против извне навязанного мнения.

25. Вторник. Я понимаю систему с д е р ж и в а н и я, но не допускаю системы п р и т е с н е н и я.

Массы должны быть призываемы к содействию, когда это надо, но не к постоянному участию в управлении. К этому они и неспособны, и им некогда. Необходимы выборные люди.

26. Среда. Вот подслушанный мною разговор между двумя крестьянами у мелочной лавочки и который я здесь буквально записываю.

Первый, средних лет: «Работать рад бы всею душою, да работы нет; воровать боюсь, просить милостыни не велят, что же тут делать?»

Второй, старик: «Умереть».

Самое неблагодарное ремесло — делать людей счастливыми.

Почему нужна идея прогресса? Если б прогресс не стоял целью на всех стадиях нашего развития, мы лишились бы главного двигателя самого развития: ибо в идее прогресса мы только и почерпаем силы выдвигать из себя те элементы, которыми развитие осуществляется. Без этой идеи

все бы в нас цепенело и останавливалось. Это дух жизни, возбуждающий и одушевляющий нас. Тут дело в идеале, без которого ничто великое и благое не совершается.

Июль 9. Вторник. Пусть не будет аристократии политической, но нельзя отрицать аристократии природы, и она-то составляет человечество в благороднейшем, высшем смысле.

11. Четверг. Весь июнь, июль представляют ряд таких жарких дней, каких я не запомню в Петербурге. И в течение этого времени только два раза шел дождь: раз в июне, а другой — третьего дня. От зноя чувствуешь себя неспособным и к работе. Вечера были бы прелестны, если бы не дым от горящих в окрестностях торфа и лесов. Выдавались дни, когда приходилось затворять окна от дыма. В Петербурге буквально каждый день пожары, а в иные дни так и по нескольку одновременно. В провинции угрожает голод — где от засухи, где от необыкновенных, чрезмерных дождей. Пьянство и воровство идут своим чередом.

13. Суббота. Тише, тише, кони! Тише, пристяжная, к чему так выворачиваешь голову и откидываешь ноги в сторону? Коренная! Не скачи, иди мерно, слушайся кучера. Он не хочет, чтобы вы угораздили сами себя, повозку и его в яму или наделали другой какой-нибудь чепухи. Не надо, не надо этих скачков и прыжков! Рысь ровная, кое-где усиленная, кое-где живая, кое-где умеренная до шага, а главное — ехать по дороге, а не бросаться в сторону, доехать до станции, а не завалиться в ров или не попасть в какую-нибудь трущобу — вот что свидетельствует о хорошо выезженных лошадях и о хорошем кучере, который умеет ими управлять.

18. Четверг. Дым, дым и дым, только не тургеневский, а настоящий дым, густой и едкий от горящих вокруг Петербурга лесов и торфа. Я был сегодня на дачах за Лесным корпусом, между прочим, у Княжевича; там дым гуще, непроницаемее и едче, чем у нас в Павловске. В Петербурге тоже. Когда я ехал по Литейному мосту, то с половины уже не видел противоположного берега с его зданиями. Всего сильнее бывает дым по утрам и по вечерам. Между тем жары великие, и дождя ни капли. В окрестностях Павловска начался падеж скота, то есть сибирская язва, которая и людей не щадит, если они неосторожно прикоснутся к зараженным членам коровы, лошади и т. д. Смертных случаев, однако, говорят, с людьми еще не было.

Если вы либерал с добрыми и честными намерениями, — действуйте: мы вас будем уважать, даже если вы и сделаете что-нибудь ошибочное. Но если за цветами либерализма вы скрываете змею, то есть свои какие-нибудь виды и видишки, хотя бы то только продукт нашего маленького и притязательного самолюбьица, — мы вас будем презирать и обращаться с вами как с плутом, как с спекулянтом, которого надо всячески остерегаться, — с спекулянтом тем гнуснейшим, что он спекулирует на благородные принципы и благородные чувства.

Большая половина цены, приписываемой нами вещам, зависит от мнения, которое мы сами себе о них составляем, а так как мнения наши меняются, то и цена вещам меняется. Чтобы умерить наши желания или избавиться от страха, внушаемого нам многими вещами, стоит только очистить их от тех добавлений, какие придаются им нашим мнением.

Август 3. Суббота. Необычайные жары продолжаются. Вчера на солнце было сорок градусов, а в тени двадцать пять. Сегодня тоже. Поутру дым от горящих лесов и торфа был так силен, что только за закрытыми дверями и окнами в комнатах можно было найти некоторое убежище. Впрочем, несколько дней тому назад был сильный дождь с грозою, которая убила в Царском Селе двух детей, а в Славянке — одну женщину.

6. Вторник. Там, где оканчивается сфера науки, то есть где наука оканчивает свое дело, там начинается область веры. Для масс вера формулируется д р у г и м и; человек развитой формулирует ее для себя сам в глубине своего сердца и совести. В первом случае является церковь и предание, во втором — разум и философия.

Разум так же верует, как и церковь, только авторитет последней лежит вне верующего духа, авторитет же первого в нем самом.

Я люблю, чтобы каждая фраза была отчеканена так, чтобы выражающаяся в ней мысль значила не более и не менее того, что она есть.

8. Четверг. На днях явилась гнусная прокламация от имени какого-то общества «ожесточенных», оповещающего жителей, что оно будет производить пожары и воровства в отмщение за «невинно находящихся под арестом». Эта мерзость в печати разослана ко многим лицам и даже послана в провинцию. Говорят, что полиция успела захватить

экземпляров сто. Вот один из симптомов деморализации, которою страдает в настоящее время наше общество.[138]

Я глубоко убежден, что крайняя демократия ведет к варварству. Повиноваться должны все, управлять могут немногие, которые, в свою очередь, должны повиноваться закону.

12. Понедельник. Страшный дым продолжается. В комнате набралось его столько, что глаза кусает.

13. Вторник. Дым еще небывалый, ужасный. Я сегодня ездил в город: вдоль всей дороги от Петербурга до Павловска, то же самое и в самом Петербурге. Владимирской церкви нельзя было видеть с угла Загородного. Впрочем, дышать было не тяжело, только глаза терпели. В половине дня пошел небольшой дождик, и горизонт заметно очистился.

Никогда человек не бывает столько виноватым, как тогда, когда сам себя считает безусловно правым.

Они думают опираться единственно на массы, и потому для них не существует привилегированных состояний. Дворянство, наследственная аристократия, конечно, почти во всей Европе утратили свою силу и обаяние; но взамен их там выступила другая аристократия — аристократия ума, знания, таланта, словом, аристократия народной интеллигенции. Вот с нею-то труднее управляться. Наполеон III до сих пор управлялся, и некоторые другие захотели ему подражать, но мыслящая Франция, однакоже, с каждым днем заявляет свои силы и подымается на ноги. Тут в конце концов несдобровать деспотизму, опирающемуся на массы.

Сентябрь 7. Суббота. Был у князя П. А. Вяземского. Он мне читал свои замечания на роман графа Толстого «Война и мир».[139] Умные замечания. Потом гуляли по парку Царского Села. Сентябрь изумительно хорош.

9. Понедельник. Сентябрь продолжает быть щедрым на солнце и тепло.

Запрашивай больше — что-нибудь да дадут, запрашивай мало — дадут меньше малого.

12. Четверг. Переезд с дачи. Стало вдруг сразу ужасно холодно. Два дня сряду были сильные морозы.

Не та книга умна, которая умна, а та, которая делает меня умнее, заставляет меня мыслить.

19. Четверг. Говорят, ‹Ю. Ф.› Самарин выпустил за границей «страшную» книгу против остзейских немцев.

Книга называется: «Русские окраины». Я ее еще не читал и потому не знаю, страшная она или нет. [140]

29. Воскресенье. Не одною полициею и штыками снискивается право господства, но добрыми нравами и умственным развитием. А каковы наши нравы? Воровство, мошенничество, пьянство — чуть не повальные у нас пороки. Общество наше деморализовано; наука наша слаба; мы до сих пор (1868 г.) живем чужим умом. Своего мы мало привили к науке — разве нигилизм.

Октябрь 1. Вторник. На спуске броненосного корабля на заводе Семенникова и Полетики. Был государь и, разумеется, множество морских чинов. Момент спуска был действительно интересен. Корабль плавно, спокойно, величаво спустился в Неву и, проплыв некоторое расстояние, остановился. После завтрак. Между множеством речей и тостов принудили и меня сказать несколько слов. Я предложил тост: «за процветание в нашем отечестве всякой рациональной деятельности, руководимой наукою». Англичанин, корабельный мастер, сидевший за столом против меня, одобрил этот тост, но прибавил к нему еще: «за труд и терпение». После завтрака он подошел ко мне и крепко пожал мне руку.

7. Понедельник. Вечером у кн‹язя› П. А. Вяземского в Царском Селе. Он просил меня рассмотреть его «Поминки», заключающие в себе стихи Бибикову и воспоминание о Бородинской битве. [141] Мысли князя о значении истории и исторического романа чрезвычайно верны и глубоки, а воспоминания его — настоящие золотые блестки. Я пожелал ему еще долго мыслить, чувствовать и писать так, как он это делает теперь.

Многие удивляются тому, что я на спуске корабля 1 октября говорил речь. Что же я мог сказать по поводу морского торжества? Чтобы самому не удивляться этому и не забыть своих слов, записываю здесь мою импровизацию.

«Позвольте, мм. гг., и мне сказать не речь, а несколько слов, внушенных мне прекрасным зрелищем. Вам, однако, может показаться, что мне, скромному представителю науки кабинетной, не след говорить здесь, в среде такой реальной и технической. Но ведь зрелище, при котором мы только что присутствовали, не есть дело какой-нибудь рутины, навыка, а дело науки, ее строгих приложений и выводов, результат ее огромных успехов. Итак, позвольте мне предложить тост

за процветание в нашем отечестве всякой рациональной, наукою руководимой, деятельности — говорю всякой, будет ли эта деятельность относиться к постройке корабля, железной дороги, к сельскому хозяйству и дальше за этими вещественными сферами, там, где выработаны наши земские учреждения, наши новые суды, — словом, везде, где державная рука нашего просвещенного государя полагает чертежи и планы для лучшего строения земли русской. Я думаю, что при этом последнем условии и великий корабль нашего отечества успешно поплывет в океане истории навстречу достойной его будущности, завещанной ему гением нашего первого кораблестроителя — Петра Великого. И тогда не будут нам страшны никакие бури, воздвигаемые нашими и внешними и внутренними недоброжелателями».

13. Воскресенье. Авраам Сергеевич ‹Норов› просил пересмотреть и, где нужно, поправить его статью по поводу романа «Война и мир», о войне двенадцатого года и о Бородинском сражении.[142] Статья любопытна, особенно подробности Бородинского боя, где Авраам Сергеевич потерял ногу. Итак, Толстой встретил нападение с двух сторон: с одной стороны — князь Вяземский, с другой — Норов, последний как очевидец. И впрямь, какой бы великий художник вы ни были, каким бы великим философом вы себя ни мнили, а все же нельзя безнаказанно презирать свое отечество и лучшие страницы его славы.

14. Понедельник. Что это за гадкая история с ‹В. Д.› Скарятиным в Смоленске? Прогнать гостя из пиршественной залы за то, что он думает иначе, чем другие, и когда он ничего непристойного не сказал и не сделал! Если это правда, что скандал не был вызван никаким другим поводом, то ведь это варварство, а мы еще толкуем о всяких конституциях.[143]

Довести механизм общества до такого состояния, чтобы в нем господствовали одни законы, а человек с его индивидуальностью и его волею был бы только их предметом и целью, — это ли задача новейшей так называемой социологии?

Вопрос между Польшею и Россиею, как и все вопросы подобного рода, не есть вопрос права, а силы. Это борьба за существование, из которой победителем всегда выходит только сильнейший. Оба противника равно хотят существовать — это законно и справедливо. Но существовать будет

только тот, кто одолеет противников, — это тоже законно и справедливо по ходу вещей на земле.

24. Четверг. Вечер у Корнилова Ив. П. Познакомился там с автором книги «История иезуитов в России», священником ‹М. Я.› Морошкиным.[144] Очень живой и умный человек.

28. Понедельник. Читаю, наконец, «Окраины» Юрия Самарина. Эта книга доказывает, что и у нас есть люди, хотя их и немного, с государственным умом и характером. Вещь очень умная и написана прекрасно, то есть без аффектации, убедительно и красноречиво.

А вот и ответ правительства на эту книгу: третье предостережение «Москве» с приостановлением ее на шесть месяцев («С.-П‹етербургские› ведом‹ости›», № 292). Самое предостережение от 21 октября. Оно совершенно некстати. Известно, что «Москва» единодушна и единомысленна с автором «Окраин». С этим трудно справиться — так бить его друзей.[145]

Ноябрь 1. Пятница. Если реальное образование может иметь то неудобство, что в нем заключаются семена материализма, то классическое ведет к абстрактам, а отсюда тоже, бог знает, во что можно угодить. Все хорошо в меру.

10. Воскресенье. Прочитал книжку ‹В. И.› Кельсиева «Пережитое и передуманное». Книжка написана с замечательною легкостью и бойкостью, — так и видишь перед собою живого Дон-Кихота. И сколько Дон-Кихотов появилось у нас в последнее время! Какой-нибудь недоучившийся студент вдруг вообразит себе, что российские порядки и весь мир никуда не годятся и что он призван спасти этот мир и обновить Россию. И вот он начинает волноваться, бегать, проповедовать, писать прокламации, делать заговоры. Он принимает под свое покровительство массы народные, предлагает им себя в вожди — никто его не слушает, кроме агентов тайной полиции, в руки которой он, наконец, и попадает. Тут же выходит из него мученик и проч. и проч. Кельсиев такой же Дон-Кихот, только немножко покрупнее, то есть по‹да›ровитее других. Но и он так же несостоятелен со своими непрошенными проектами социальных, политических и всяческих реформ. Но, если ему верить, он действительно многое пережил, много перестрадал — и из-за чего? Чтобы убедиться, что он ничего сделать не может. Да ведь и Дон-Кихот немало потрудился и натерпелся и при конце своей жизни увидел, что

жизнь его истрачена на пустяки. Во всяком случае, однако, Кельсиев не из дюжинных юных преобразователей и благодетелей нации и человечества, и если обращение его искреннее, то он человек мужественный.

16. Суббота. Вечер у Кельсиева, к которому мне хочется еще поближе присмотреться. Я получил очень милое и умное приглашение от его красавицы жены, которая в то же время отличная музыкантша.

17. Воскресенье. Сильные толки о действиях наших в западных губерниях. Говорят, что Потапов приехал сюда с проектами о ломке по крестьянскому делу всего, что было сделано Муравьевым и Кауфманом.

«Правительственный вестник» производит также немало толков. Говорят, тут был веден подкоп под ‹Д. А.› Милютина, военного министра.

19. Вторник. Отдал ‹А. И.› Георгиевскому для «Журнала министерства народного просвещения» мою монографию о Галиче. Она писалась довольно долго, с перерывами, и будет напечатана не прежде января будущего года.

24. Воскресенье. Боже мой, что за хаос толков и мнений о современных событиях и лицах в нашем обществе! Нет решительно возможности составить себе сколько-нибудь правильное понятие ни об одном из них. И всякий спешит уверить, что вот то-то и то он слышал из верного источника, и старается слышанному дать такой цвет и вид, какой ему хочется, нимало не думая о том, что он искажает вещи и делает из правды игрушку.

Никак не могу от самого себя добиться хоть малой доли довольства самим собою и более успокоительного взгляда на окружающий меня порядок вещей и на свою собственную судьбу. А между тем я так долго работал над этим и продолжаю работать.

С а м о п о з н а н и е, с а м о о б л а д а н и е, с а м о у п р а в л е н и е — какие трудные и какие необходимые задачи для человека, стремящегося к самоусовершенствованию! Но неужели же это стремление должно оставаться без всякого успеха? Конечно, нет. Что-нибудь да приобретается в этом искании л у ч ш е г о с а м о г о с е б я — но все это так мало, так ничтожно в сравнении с задачами, о которых я сейчас говорил.

Стоит ли, право, быть человеком, если дело состоит только в том, чтобы чувствовать, волноваться, колебаться, чтобы быть похожим на какое-то начатое и неоконченное

здание, среди наваленных в кучу материалов, инструментов, лесов?

Верить ли в неоскудевающую производительность человеческой природы?

28. *Четверг*. Вечер у И. П. Корнилова. Здесь собираются лица, ратующие против поляков. Сегодня было множество их. Тут встретил я давно не виденного мною Петра Карловича Щебальского, приехавшего из Варшавы, чтобы взять на себя издание «Русского инвалида». Беседовал долго с ‹Я. Ф.› Головацким, приехавшим из Вильно, чтобы представиться государю, и проч. и проч. [146]

Коялович после ужина читал свой биографический очерк недавно умершего митрополита ‹И.› Семашко. Написан живо, но, мне кажется, несколько дифирамбически. [147]

Самая затруднительная вещь в нашем обществе — не разнообразие мнений, чему и быть надлежит, но неверность, противоречия в данных, на которых основываются эти мнения. Нет никакой возможности иметь сколько-нибудь точные сведения о событиях, обстоятельствах, лицах, о которых, однако, всякий составляет себе мнение и произносит его, как оракул. Вот, например, говорят, что чиновники в Северо-Западном крае, подвергнутые Потаповым остракизму, были невыносимо дурны, следовательно, вполне заслужили свою участь, и Потапов поступил хорошо. Другие считают их чуть не безгрешными и во всяком случае людьми, наиболее способными для деятельности в этом крае. Как тут добраться до правды? [148]

В настоящее время ум так изверился, что никто не хочет ему верить, когда он рассуждает или говорит от собственного имени, и единственный способ обратить на себя внимание заключается в том, чтобы представить факт или сообщить какое-нибудь сведение.

29. *Пятница*. Вечером посетил меня Головацкий, Яков Федорович.

Декабрь 1. Воскресенье. Только тот не считает себя умнее всех, кто мудрее всех.

Так ли виноваты в неразумении и своекорыстии наши государственные люди, как обвиняет их молва? Правильно ли это, и правдиво ли сложившееся мнение? Достаточно ли мы имеем сведений о ходе общественных дел и их причинах, чтобы теперь же произносить решительные приговоры о лицах, в них участвующих? Может быть, и Валуевы, и Потаповы, и Шуваловы оказались бы не совсем такими

мелкими людьми, как о них говорят, если бы с точностью узнать обстоятельства, поводы и проч., на основании которых они действуют. Беда в том, что все мы судим по одним слухам, по данным, которые проверить мы не имеем никакой возможности. Во всяком случае справедливость требует быть умереннее и сдержаннее в приговорах своих.

2. Понедельник. Предостережение газете ‹А. К.› Киркора и ‹Н.› Юматова «Новое время» за статью, в которой, в виде какой-то заграничной корреспонденции, описаны все обстоятельства, давшие бытие «Правительственному вестнику», и подкоп под военного министра и проч. (№№ 210 и 232 газеты).[149]

Правительство всегда могло бы найти себе преданных, способных и честных помощников, если бы оно было верно самому себе и не изменяло раз просвещенно и разумно принятой либеральной системе, потому что реакционное, ретроградное стремление или неверные, шаткие скачки то вперед, то назад никого из умных людей привлечь не в состоянии. Вся задача только в том, чтобы с твердостью заявлять свою волю, ни на йоту не отступать от данных льгот — крестьянского освобождения, земских учреждений, новых судов, свободы печати. И притом ни под каким видом не дóлжно пугаться неизбежных частных злоупотреблений этими льготами или неловкого пользования ими вначале, а воздерживая эти частные нарушения спокойным и разумным обузданием, не считать их поводом для изменения или отмены того, что раз уже дано и чему надо дать время укрепиться и созреть.

Редактором «Правительственного вестника» взялся быть В. В. Григорьев, профессор восточных языков в здешнем университете.[150]

20. Пятница. Кто ничего не уважает или не находит ничего достойного уважения, тот сам не заслуживает ничьего уважения.

22. Воскресенье. К министру народного просвещения являлись три дамы, в качестве представительниц от общества петербургских дам, с просьбою о дозволении открыть для них курсы высших наук. Под просьбою четыреста подписей. Министр, говорят, обошелся с ними грубо и, между прочим, сказал: «Все эти четыреста дам — четыреста баранов, и половина из них записана в Третьем отделении».[151]

27. Пятница. Можно было бы с уверенностью сказать, что с двумя своими новыми учреждениями, земством и гласными судами, России нечего страшиться в будущем насчет своего внутреннего благосостояния. Поставив эти две ноги на железные рельсы, она может двигаться вперед бодро и спокойно, если только не будут ей мешать чиновничьи проказы, интриги неких высших господ да нигилистические выходки. Но я боюсь за Россию в одном отношении. Есть на ее теле одна смердящая, опасная рана вроде злокачественного карбункула — это почти повальная деморализация. Массы лишены понятия о честности и долге. Особенно этого рода нравственный недуг свирепствует между людьми так называемыми бывалыми, в сословии промышленников. Есть две точки опоры, на которых держится нравственная деятельность народа — идея чести и религия. О первой пока нечего у нас говорить: она может развиться только со временем, вместе с другими плодами, которые нам сулит эмансипация. Религия... Народ наш не получает религиозного образования. Существует еще третья точка опоры, на которой у нас и держалось все, — страх, но эта пружина за последнее время сильно заржавела и ослабела; пора заменить ее новою, более целесообразною. Надо подумать и как можно скорее позаботиться о нравственно-религиозном образовании народа. Разумеется, к этому должно быть призвано духовенство. Но увы! Духовенство наше само лишено образования и того духа деятельности, которым совершаются хорошие, общественные дела. Оно само требует подъема.

У князя П. А. Вяземского на большом вечере. Я очутился в блестящем собрании графов и князей, графинь, княгинь и княжен с непомерно длинными хвостами. Я по обыкновению обменялся несколькими задушевными мыслями и словами с милою графинею А. Д. Блудовой. В одиннадцать часов произошло, между прочим, чтение. ‹Б. М.› Маркевич, отличный чтец, прочитал стихотворение князя Петра Андреевича к Бычкову и замечания его на «Войну и мир» графа Толстого. И то и другое действительно хорошо, и хотя князь читал уже мне их в рукописи, я все-таки прослушал их с новым удовольствием. Возле меня сидел князь ‹С. Н.› Урусов и по обыкновению жестами и словами изъявил свой восторг, обращаясь ко мне. Этот князь Урусов весьма замечательная личность между

нашими сановными и вельможными господами и заслуживает особой характеристики, которую я и помещу со временем в моих записках.

29. Воскресенье. Отчет мой в Академии читал Я. К. Грот. Погодин вызвал громкие рукоплескания чтением своим «О нашествии на Россию монголов». К концу акта приехал черногорский князь Николай I. Я любовался его прекрасною наружностью. Молодость, благородство, приветливость сияют на его привлекательном лице.

1869

Январь 1. Среда. Канун Нового года дома. Зашел И. А. Гончаров. С ним и семьей и встретил Новый год. В природе распутно и мокро.

Думаю много о том, что́ следует в себе исправить: подлежащего такому исправлению много.

Есть книги, содержанием которых убеждаешься во время самого чтения, а потом, так сказать очнувшись и обдумав его, разочаровываешься и теряешь к нему доверие. Но есть такие книги или сочинения, идеи которых сперва принимаешь с недоверием, а уже после — припоминая их, вдумываясь в них, углубляясь в них — все больше и больше проникаешься их достоинством и радуешься, что с ними познакомился.

Роль старших — не останавливать порывы и стремления младших, а приостанавливать: во-первых, для того, чтобы, необузданно стремясь к лучшему, они не наделали худшего, а во-вторых, потому, что нельзя же дать миру наклониться на один бок и после известных кризисов или волнений надобно подумать и о равновесии. Если мир обновляется младшими, то старшими он живет и поддерживается.

6. Понедельник. Студенты опять начинают дурить: они предъявили свои требования о дозволении им сходок и проч.

13. Понедельник. Твердость характера есть признак здоровой нравственной организации и сильной воли; упрямство же — признак ограниченного ума.

14. Вторник. «Военный сборник», 1869 г., январь — «Записки герцога Евгения Виртембергского, 1855 г.».

Между многими умными мыслями о России тут есть одно замечание, поразительное по своей верности: «Нет более верного средства сделать Россию страшным противником, как заставить ее, против воли, привести в движение все ее дремлющие силы».

15. Среда. А. Г. Тройницкий прислал мне две внесенные в Государственный совет записки министра народного просвещения. Одна заключает в себе проект лицея Каткова и Леонтьева, а другая касается изменения параграфа университетского устава, чтобы избрание профессоров на пятилетие зависело не от двух третей голосов, а от абсолютного большинства. Он просил меня сделать мои замечания на эти записки. Проект лицея удивительно странен. Я отметил все его несообразности. Что касается изменения вышеупомянутого параграфа университетского устава, то о нем я намерен еще поговорить.

16. Четверг. Вечером у Тройницкого. Отдал ему мои замечания и сообщил мои соображения, с которыми он безусловно согласился.

23. Четверг. Сегодня в половине четвертого часа пополудни скончался Авраам Сергеевич Норов. Это меня глубоко огорчило. За исключением того времени, или по крайней мере второй половины его, когда он стоял во главе министерства, Авраам Сергеевич был мне близким человеком. Месяца два тому назад он заболел легкою простудою. Но болезнь, повидимому, скоро прошла, и он начал выезжать. В это время мы вместе с ним ездили в Смольный монастырь на праздник обновления церкви. Потом он опять слегка заболел. Может быть, и это недомогание скоро прошло бы, если б он не ездил в Сергиевский монастырь на могилу своей жены, где окончательно простудился и за обедом у архимандрита лишнее съел. На третий день после этого я застал его уже в постели. Это было мое последнее свидание с ним. Ему с каждым днем становилось хуже. Умер он почти без физических страданий, сохранив память часов за пять до рокового часа и полное присутствие духа. Да, я очень огорчен. Я не хочу в нем помнить слабого, малодушного министра и не могу не помянуть добрым словом хороших, гуманных свойств его сердца и дружеского отношения лично ко мне. Ведь ничто не восстановляет так человека против человека, как зло, которое он ему сделал. Забыть это, протянуть обиженному руку, принять его прощение — право, требует не малой доли ве-

ликодушия. Таков по крайней мере общий ход вещей на земле.

25. Суббота. Вынос тела Авраама Сергеевича: он будет предан могиле в Сергиевском монастыре, возле праха его двух детей и жены, Варвары Егоровны. На панихиде были: государь, наследник, великие князья Владимир Александрович и Константин Николаевич, принц Ольденбургский и много других почетных лиц. Из академиков были только я и Грот и уже к концу панихиды Бычков и Н. И. Кокшаров. Мне очень хотелось бы завтра поехать к Сергию на самое погребение, но доктор не пускает из-за моего катара. За меня и за себя поедет жена отдать последний долг бедному Аврааму Сергеевичу.

Я отправил несколько слов к Краевскому о Норове для напечатания в «Голосе».

26. Воскресенье. Избежим ли мы войны и на этот раз? Греция отказывается последовать решению Парижской конференции. [152] Можем ли мы не поддерживать Грецию в случае войны ее с Турциею? Если это случится, то неизбежна всеобщая европейская война. Между тем мы, говорят, к войне не готовы: у нас даже нет ружей новой системы. Чего же смотрело военное министерство? Железные дороги тоже не достроены. А финансы наши? Вся надежда на народный дух и на испытанную стойкость наших солдат. Впрочем, Россия видала и не такие беды. Ведь и борьба с Наполеоном I в царствование Александра I застала нас не в лучшем положении.

Странные происходят во мне психологические явления. То в чувстве высшего миросозерцания и сознания своей нравственной силы я устанавливаюсь на твердых точках опоры и готов смотреть в лицо всяким превратностям вещей внешних и внутренних; то опять, срываясь с этих основ, упадаю духом и делаюсь игралищем самых постыдных колебаний, просто становлюсь малодушным и робким. И эти переходы от одного состояния к другому беспрерывны: подъем на гору и низвержение вниз, чтобы подняться снова на гору и снова с нее свалиться.

29. Среда. Почти весь январь оттепель и совершенная распутица. Ездят на дрожках. Сегодня сильный дождь и туман. Зима как будто совсем исчезла, и наступил март или апрель.

Во вчерашнем номере «Голоса» напечатана моя статья об А. С. Норове. [153]

31. Пятница. Министр внутренних дел дал третье предостережение газете «Москва», следствием чего, по закону, должно бы быть приостановление ее на шесть месяцев. Но делая об этом представление сенату, министр обвинил Аксакова в противозаконном и вредном направлении его издания, после чего сенату предстояло уже формально осудить редактора, запретив ему всякое издание на пять лет, или выразить мысль, что такого направления в газете он не видит. Аксаков представил в сенат (1-й департамент) свое оправдание. Сенат его принял, а отсюда начинается уже род тяжбы между министром и редактором газеты. Это производит большой шум в публике. Сегодня мне говорили, что за разногласием в 1-м департаменте дело переходит в общее собрание сената. Час от часу не легче.

Февраль 1. Суббота. Правду сказать, русская история представляет мало светлых сторон, и Карамзин, со всем своим талантом, мог сделать всего занимательнее в своем роде картину времени Иоанна Грозного. Я теперь занимаюсь чтением разных монографий времен послепетровских. Что за ужасная картина деспотического произвола, казней, олигархических козней и интриг, кнутобития, застенков и т. п. Отдыхаешь только на эпохе Екатерины II, потом опять опускаешься в пучину павловских безумий и ужасов. Век Александра I является в трагической борьбе за существование с Наполеоном и представляет несколько утешительных страниц, но и тут началось с проектов конституций, а кончилось аракчеевщиной и генерал-губернаторством Балашова. Но кто старое помянет, тому глаз вон. Мы находимся в периоде очищения от всякия скверны и в начале шествия нашего к лучшему будущему. Можно ли удивляться, однако, разным нашим нынешним неурядицам, деморализации и проч.? Чудовище прежнего мрака и безобразия, кажется, убито навсегда, но хвост его еще тянется. Ужасно трудно поправляются ошибки истории.

5. Среда. Ум может умствовать, как хочет, но сердце человеческое не может вынести ужасной мысли, чтобы вселенная могла пребывать без высочайшего существа, живого и бесконечно разумного.

7. Пятница. Празднование пятидесятилетия С.-Петербургского университета. Это еще только первый день. Сегодня панихида по государям Александре I и Николае I и по умершим профессорам, обедня в университетской церкви и молебен, который служил митрополит киевский. [154]

8. Суббота. Акт в зале Дворянского собрания. Великолепное торжество совершилось в полном порядке. Накануне боялись, мне говорил товарищ министра, что студенты сделают какую-нибудь непристойную демонстрацию. Однако все обошлось как нельзя лучше, и всякий раз, когда с кафедры раздавалось имя государя, зала оглушалась громкими рукоплесканиями и криками «ура!» По прочтении рескрипта загремел народный гимн: два раза потребовали его повторения. Была объявлена самая важная из щедрот государя: сто стипендий, по триста рублей каждая. Наград на профессоров было высыпано многое множество — чинов, орденов и проч.

После акта должен был последовать студенческий обед. Мне очень не хотелось ехать. Однако я пересилил себя и уже оделся, но вдруг почувствовал себя дурно и остался дома. Видно, решимость моя была недолжная. Но отчего такое сильное нежелание ехать? Право, я и сам не знаю хорошенько. Главное, мне кажется, что я на этих многолюдных и шумных собраниях лишний. Мне говорили, что меня жаждут видеть в кругу своем мои бывшие университетские слушатели. Но в моем сегодняшнем настроении духа мне это кажется скорее любезными словами, чем настоящим добрым желанием. Кто из них чувствует, кто из них понимает, к а к я старался, к а к я хотел быть им полезным? Да и точно ли был я полезен кому-нибудь?

Мне хотелось разослать профессорам к восьмому числу мою книжонку о Галиче. Но типография Головина так поздно доставила мне экземпляры, что только немногие из профессоров получили книжку во-время.

Ректор предлагал мне участвовать в завтрашнем обеде, который дают профессора. Я отказался: нездоров телом и духом.

Но так как и на солнце бывают пятна, то и в юбилейном университетском торжестве были свои темные стороны. Так, например, записка о деятельности университета заключала в себе такие восхваления ему, что они и в устах сторонних показались бы грубою лестью, а в собственных его устах оказывались по меньшей мере нескромными и неуместными. И без того уже адресы накадили столько фимиаму, что становилось душно от него: тут по крайней мере говорили другие, а не сам университет о себе. Потом, рескрипт был чрезвычайно милостив, это правда, но в изъявлении чувств можно было бы пожелать побольше

достоинства и, если можно так сказать, государственности, а то вышло уж чересчур сентиментально. Писал рескрипт граф ‹Д. А.› Толстой. И как ему вообще часто недостает такта, то и тут недостало его, этого тонкого такта, который, как эфир, невидимо все проникает.

Но это не все. Университет в речи, сочиненной ‹В. В.› Григорьевым и прочитанной ‹И. Е.› Андреевским, восхваляя выше меры самого себя, в то же время бросил камень во все другие специальные учреждения, представители которых сидели тут же и только что поднесли свои поздравительные адресы. В речи была выражена та мысль, что специальные учреждения не имеют никакого важного значения и не приносят государству пользы, а приносят ее только университеты.[155]

А некоторые находят еще непристойность в том, что в одно и то же время провозглашены почетными членами университета: московский митрополит Иннокентий и профессор Медицинской академии ‹И. М.› Сеченов, представитель религии и церкви и известный материалист!

15. Суббота. Большой вечер у князя Вяземского, где, между прочим, был и наследник-цесаревич. Тут была читана драма князя ‹В. П.› Мещерского, слабое и скучное произведение, всем надоевшее своею длиннотою. В ней обвинялись журналы наши во всевозможных гадостях и даже злодействах, им приписаны даже петербургские пожары 1862 года.[156] Я возвратился домой в два часа ночи, усталый и недовольный.

На вечере я, между прочим, познакомился с адмиралом ‹К. Н.› П‹осьетом›. Над ним был наряжен суд по случаю крушения фрегата «Александр Невский», на котором плыл великий князь Алексей. Вчера состоялся приговор: П‹осьету› строгий выговор, капитану корабля арест на месяц.[157]

18. Вторник. Массам принадлежит сила производительная, но организующей и устрояющей силы у них нет. По справедливости, первую из этих сил можно назвать брюхом, а вторую — головою.

В Северной Америке всеобщее равенство, всеобщая свобода; но законодательствуют, управляют и руководят всем лучшие, то есть люди, наделенные высшими способностями и умевшие развить их, поставить на высоту общих возвышенных видов и задач. Дровосек Линкольн, портной

Джонсон, наборщик Франклин вышли из народа и на этом только основании принадлежали к массе, по дарованиям же своим и развитию они стояли неизмеримо выше ее. Дело в том, что там, то есть в Америке, всякому открыты пути быть и делаться тем, чем он может.

20. Четверг. Обед у Делянова. Продолжительный разговор с министром. Тут были ректор нашего университета ‹К. Ф. Кесслер›, попечитель Харьковского округа ‹П. А. Воскресенский›, граф ‹Е. Е.› Сиверс и проч.

21. Пятница. Излишние любезности и милости похожи на пар жарко натопленной бани, который уже не греет, а расслабляет.

25. Вторник. Внизу пьянство и грубое невежество, в середине неурядица и брожение умов, в верхнем слое отсутствие способностей, патриотизма и характеров. Право, иногда готов отчаяться в будущности России — но не отчаиваешься.

Дочь покойного Греча, Александра Николаевна, приходила благодарить меня за мое содействие тому, чтобы ей дарована была пенсия в 400 рублей в уважение ученых и литературных заслуг ее отца. Содействие мое заключалось в том, что я составил о ней записку, которая имела успех, чему, как кажется, помог и мой биографический очерк о Грече, напечатанный в академическом отчете. Вот и все мое содействие. Но она благодарила меня так, как будто я был главный виновник оказанной ей милости. Вот уж плата, никоим образом не соответствующая ценности самой вещи.

Март 7. Пятница. Посредством популяризации некоторых высших вопросов человечества, жизни и науки многие получают несовершенные о них понятия. Это бы еще не беда, но беда в том, что вместе с этим они усваивают себе и высокомерное мнение, будто они знают вполне то, что знают мало, поверхностно или чуть-чуть знают. Вследствие этого они и требуют себе таких преимуществ, какие или вовсе не принадлежат человеку, или принадлежат ему только на высших ступенях нравственного и умственного развития.

16. Воскресенье. Парадный обед в Римско-католической академии. Обыкновенное изъявление чувств уважения, любви и прочих принадлежностей католическо-польского обихода. Впрочем, на этот раз я имею слабость верить искренности этих изъявлений.

Еще один скандал не успел даже объясниться (кронштадтская драка солдат), как на сцену является другой: Медико-хирургическая академия закрыта. Разумеется, толкам нет конца, но никто ничего не знает верного о причинах и обстоятельствах этого печального события.[158]

18. Вторник. Герцог Лейхтенбергский, Николай Максимович, давал сегодня обед академикам по случаю избрания его в почетные члены ее с правом голоса в собраниях. Герцог угостил нас на славу: кушанья, вина, сервировка — все было царское. Но всего лучше были приветливость, добродушие и простота самого хозяина. Этикет здесь вполне отсутствовал, и была простая, общечеловеческая любезность и радушие. Вечер закончился жженкою. Герцог с каждым находил о чем побеседовать. Со мною он распространился о Малороссии, говорил, что очень ее любит за природу и за людей, с которыми успел лично и хорошо познакомиться.

19. Среда. О происшествии в Медицинской академии все еще ничего достоверного. Впрочем, говорят, что здесь нет ничего политического. Давай бог! Однако ‹П. А.› Наранович уволен, а на место его определен ‹Н. И.› Козлов.

Мимо окошек поутру промчались два отряда жандармов, говорят — для усмирения Технологического института.

20. Четверг. Да, в Технологическом институте вчера действительно произошли беспорядки, для усмирения которых потребовалось содействие жандармов.[159]

В «Голосе» напечатано известие, что и в московской Петровской академии прекращены лекции.

У самого безумного дела, у преступления есть своя логика, способная обольстить или уверить слабодушных и слабоумных.

Надо различать в консервативном начале две силы. Одна из них вредная, задерживающая, обращающая ход вещей вспять, противящаяся всякому движению вперед, всякому успеху. Другая — воздерживающая или сдерживающая движение искусственное, возбуждаемое страстями, стремящееся сломя голову к какому-то неопределенному, мечтательному, утопическому совершенству.

21. Пятница. Вот и в университете поднялось наше благовоспитанное юношество. У меня был профессор Благовещенский и рассказал мне печальные вещи. Студенты грубо приступили к ректору и к нескольким находившимся в университете профессорам, в числе коих был и Благовещен-

ский, с требованием дозволить им сходки в стенах университета. Никакие увещания и объяснения не помогли. Шум, крик, даже ругательства раздавались в стенах мирного убежища науки. Наконец надо было обратиться к полиции. Когда приехал Трепов, шум несколько уже поутих. «Что вы, господа, тут затеваете?» — спросил у толпы обер-полицеймейстер. «Ничего! Вот мы берем здесь наши шинели, чтобы разойтись».

Происходили, например, такие сцены: профессор читает лекцию, вдруг поднимаются несколько студентов и требуют прекращения лекции, потому что им теперь некогда слушать ее: они должны отправиться на сходку. Но когда профессор не послушался их и продолжал свое дело, буяны вышли, стали стучаться снаружи в двери аудитории, а потом, приотворив их, обратились с ругательствами к тем студентам, которые еще оставались в ней. «Подлецы, мерзавцы!» — кричали они. [160]

22. Суббота. Глупее всего — это печатные прокламации, которые студенты разбрасывали по городу и рассылали по некоторым редакциям газет. «Весть» напечатала такую прокламацию, разумеется с надлежащими комментариями не в похвалу сочинителей ее. Студенты обращаются к обществу, чтобы оно поддержало их требования, то есть, чтобы им дозволены были сходки для совещаний будто бы об «их делах» и чтобы их освободили от полицейской опеки, которую они считают для себя позорною. [161]

23. Воскресенье. Академики сегодня давали обед герцогу Лейхтенбергскому в отеле Донона. Обед оживленный и веселый. Герцог был в высшей степени любезен. Меня заставили провозгласить тост, но я был не в ударе и исполнил это плохо.

Человек, поощряемый наукою, особенно химиею, в бешеной погоне своей за наслаждениями, так называемым комфортом, не замечает, как он натыкается на множество таких невзгод и страданий, о каких прежде люди не имели понятия. Я уверен, что множество новых болезней нервных, мозговых и т. д. или усложнения старых произошли от разных усовершенствований материального быта.

Апрель 11. Пятница. Либералы враждуют против абсолютизма правительства, и они правы. Но зачем же они ограничиваются ненавистью к одному только этому абсолютизму, а не распространяют ее и на абсолютизм

*

собственных мнений или той школы, к которой принадлежат они сами?

13. Воскресенье. Дело Аксакова в Государственном совете кончено. Определено: воспретить ему издание «Москвы». Два члена подали голос против этого определения — ‹В. П.› Титов и ‹А. М.› Княжевич. Они видят в газете только неловкость, резкость суждения, но не признают вредным ее направления, за которое газета только и может подлежать запрещению.

Погодин следующим образом характеризует обоих Аксаковых, умершего ‹К. С.› и ныне живущего ‹И. С.›: оба лезут на нож, но один как слепой, а другой, издатель «Москвы», с открытыми глазами бросается на него.

27. Воскресенье. Вчера и сегодня тепло, 15°. Душно в воздухе. Около девяти часов вечера началась гроза и продолжалась почти до часу ночи.

Май 1. Четверг. Вот уже шесть дней продолжается небывало прекрасная летняя погода. Три дня уже 20 градусов в тени. Нынешний день такой же.

3. Суббота. Вечер у Кельсиева. Жена его устроила у себя музыкальный вечер. Сама она играла на фортепиано, и играла превосходно, да еще два юноши: один на виолончели, а другой на скрипке, и тоже хорошо. Сам Кельсиев отправляется в Америку искать хлеба. Там он намерен читать лекции о России. Положение его здесь в самом деле становится невозможным. Ему позволено жить в России, но у него отняли всякую возможность работать и добывать себе пропитание. Это довольно нелепо. Или не надо было дозволить ему въезд в Россию, или же доставить законное средство к существованию. Он хотел издавать газету — ему это не позволили. Тут, положим, есть основательные причины Но были вакансии по службе, которые он мог бы занять с пользою для себя и для дела, — ему отказано во всех местах.

Майков рассказывал свой план поэмы из русской истории, или, лучше сказать, русской истории в стихах, проведенной по значительнейшим ее эпохам. Поэма эта предназначается для народного чтения. План хорош.[162]

Таково печальное ничтожество человеческое, что лишь только начнем мы тщеславиться или возноситься умом своим, как тотчас и попадем в дураки и начнем делать глупости; лишь только возгордимся своим благосостоянием, богатством, чинами, удачами в предприятиях, вообще успе-

хами, сейчас с нами приключится что-нибудь отменно дурное.

8. Четверг. Вчера был на международной цветочной выставке. Великолепное собрание цветов. Но все это невольники, выросшие в тепличных тюрьмах.

Власть ума есть самая законная из всех властей. Если это деспотизм, так пусть его будет: он все-таки лучше деспотизма масс или партий.

То, что может произойти хорошего от всех этих теорий, утопий, проповедуемых этими строителями и перестроителями человеческих обществ, очень сомнительно и во всяком случае принадлежит отдаленному будущему, а зло, ими порождаемое, делается теперь же, каждый день. Мудрено ли, что так называемые консерваторы и разумные либералы относятся ко всему этому критически, осторожно. И какое вы имеете право жертвовать настоящими поколениями в видах сомнительного блага будущих поколений?

15. Четверг. Переезд на дачу в Павловск. Вот уже шестой год живем мы на одной и той же даче генерала Мердера. И ныне, несмотря на возвышение цен на дачи в Павловске, я плачу то же, что и в прежние годы. А цены возвысились по причине нашего глупого пристрастия ко всему иностранному, потому что музыкою будет дирижировать великий ‹И.› Штраус! Дирекция железной дороги, говорят, заплатила ему за сезон страшные деньги и чуть не на коленях просила его осчастливить нас своим присутствием. [163]

19. Понедельник. До сих пор май стоял чудесный, но вот вдруг сделался подлецом: сегодня всего 5° тепла.

Над людьми должны господствовать з а к о н и с т р а х, охраняющий закон. Все должны, хоть немного, чего-нибудь бояться: цари — революций, вельможи — немилостей, чиновник — своего начальства, богатый — воров, бедные — богатых, злоумышленники — судов и проч. Многие еще боятся черта, и, наконец, всякий человек боится бога и смерти. Только под влиянием и прикрытием страха спасается наибольшее количество человеческих добродетелей и люди не погружаются совсем с головою в омут безнравственности.

Сердце мое преисполнено любви к людям, но мой рассудок внушает мне к ним часто презрение, а всегда сожаление.

А отечество? Я люблю его, и как горячо люблю, хотя рассудок мой изобличает в нем, с одной стороны, глубокое варварство, а с другой, пожалуй, цивилизацию, но какую шаткую, фальшивую, чисто показную.

Ложь нас съедает. Мы до того залгались, что, установив у себя суд присяжных и земское самоуправление, тут же стараемся подорвать авторитет и силу закона административными мерами; а земскому самоуправлению дали губернаторов и председателей собраний с неограниченным или почти неограниченным правом парализовать все суждения и действия этих собраний.

На днях суд оправдал какого-то ‹Ф. Ф.› Павленкова по делам печати, и, говорят, совершенно согласно с законами, но III отделение административным порядком отправило его куда-то в ссылку.[164]

Главное, нам недостает искренности и прямодушия в так называемых реформах. Одною рукою мы производим или стараемся произвести улучшения, а другою их подрываем; одною даем, а другою отнимаем. Мы устанавляем новые порядки, и тотчас же спешим сделать их недействительными, лишь только они начнут производить свойственные им последствия. Нам хотелось бы нового в частностях, с тем чтобы все главное осталось по-старому.

Самое трудное, но и самое существенное дело в анализе наших духовных явлений — это отделить в них первоначальные естественные элементы от наносных, пришлых, встречных, так сказать, рождающихся от разных влияний времени и обстоятельств.

23. Пятница. Всякий век разрабатывает известную идею, наследованную им от прежнего или исторического хода событий. Но всякая такая идея состоит из двух элементов: один есть не иное что, как сознаваемая или чувствуемая истина жизни, влекущая к себе людей силою существенных потребностей настоящего; другой — присущее всякой идее начало бесконечного. Содействовать развитию первого элемента — долг всякого разумного деятеля, и в этом заключается настоящий разумный прогресс. Второй остается на долю тем псевдогениям, реформаторам и радикалам, которые рвутся из всех сил вести человечество к благам и совершенству неведомого будущего и тонут во всевозможных абстрактах и утопиях. Почему не дозволить им и этого? Пусть только они не выдают своих метафизических грез за дело и не обольщают ими невежественные головы, не за-

ставляют их ловить воздух и заниматься игрою в агитации и революции.

Мы вменяем в достоинство и собственное непризнание своего достоинства.

Право ж, мы должны считать себя счастливыми и благодарить бога за то, что живем в такое богатое умами время: в наши дни нет юноши, который не считал бы себя способным управлять вселенною.

Июнь 8. Воскресенье. В. А. Б. ‹?› — вот образчик женщины, получившей поверхностное образование без определенного назначения, с одним стремлением к чему-то высшему, далекому, все и ничего не объемлющей женщины, имя которой легион. Я провел с нею часа полтора. Она утомила меня бесконечными жалобами на жизнь. Она в отчаянии, что ум ее не может разрешить вопросов, которые толпою лезут ей в голову; она, по ее словам, не испытала в жизни ничего, кроме страдания от неудовлетворенных желаний. Она спрашивала у меня совета, что ей делать с ее страшным душевным недугом. Я присоветовал ей принять некоторую дозу верований и в погоне за своими мечтами не уклоняться от исполнения ближайших обязанностей. Конечно, она этому не последует, потому что верования не растут, как грибы, от одного теплого дождя: они требуют продолжительного ухода и зрелости; а исполнение обязанностей не может обойтись без усилий воли, от которых ум ее, носясь в беспредельных пространствах, совершенно отвык.

10. Вторник. На Западе люди еще верят во что-нибудь, они верят в деньги или капитал, в труд, комфорт, некоторые сильно верят в науку. Мы ни во что не верим серьезно. У нас все как-то и мыслится и делается шутя, с каким-то юмором и иронией.

Может быть, нам предстоит очиститься в огне революции? Однако не надо ускорять ее. Преждевременные роды нехороши.

Во мне происходит сильное колебание. Появилась у меня мысль съездить на свою родину, поклониться могиле моей матери, память которой я чту высоко, свидеться с последними оставшимися у меня родными, которых не видал лет двадцать пять, и пошататься по тем местам, где прошло мое детство и первые годы моей юности. Соблазн к этому велик: железная дорога до самого Воронежа, а там всего сто верст до Острогожска. Но желание это сильно оспаривается экономическими соображениями. Ведь, собственно говоря,

к поездке меня никто не обязывает, ни долг, ни польза какая-нибудь, хотя ‹В. В.› Бессер (доктор мой) сильно напирает на последнюю; это просто «сентиментальное путешествие» à la Иорик, или, говоря несколько поэтичнее, п о т р е б н о с т ь с е р д ц а. Но сердце сердцем, а не надо упускать из виду и других прочих соображений. Все это приводит мою голову и сердце в сильное брожение.

Я часто поступаю с собою словно католический фанатик: бичуя себя немилосердно из уважения к какой-то истине, которая является мне в тумане, в каком-то сером и непривлекательном виде. Право, следовало бы меньше умствовать и больше жить. Ведь часто наши умствования бывают похожи на умничанье. Боясь быть обманутым иллюзиями, попадаешь в когти такого скептицизма, в котором ни истины, ни радости.

11. Среда. Кому не известно, что мы лишены духа ассоциации, что лишь только сойдется нас трое или четверо, чтобы предпринять какое-нибудь общее дело, общими силами, тотчас является дух раздора, то в форме сребролюбия, то тщеславия и самолюбия, и говорит: «вот и я среди вас».

Каждому дню довлеет злоба его; мы как нельзя больше придерживаемся этого правила. Один из сильнейших врагов наших — именно прилепленность к настоящему. Насладимся, напьемся сегодня как свиньи, до упаду, а завтра хоть трава не расти. Дайте мне сбыть мой гнилой товар и получить рубль на рубль барыша, нет нужды, что завтра во мне увидят плута и мошенника и будут уже избегать моей лавки, да сегодня-то я поживился.

Есть два рода презрения: одно соединено с негодованием и отвращением, это, так сказать, деятельное, положительное презрение. Другое соединено с сожалением и более отрицательного свойства. Оно скорее невнимание, чем что-нибудь другое.

Обыкновенно мы чем бываем сильны, тем и грешим. Сила наклонна к крайностям, а крайности сходятся с злоупотреблением, или, лучше сказать, они-то и есть злоупотребление.

12. Четверг. Вот в нескольких словах характеристика России: массы народные — это полудикость, интеллигенция — это полуобразованность. Против первой надо вооружиться элементарными школами, против второй — строгою университетскою наукою.

15. Воскресенье. Правительство унизило дворянство, а безмерною раздачею чинов и орденов отняло всякую цену и у этих возбудителей гражданского честолюбия. Осталось одно — деньги, и вот где, между прочим, одно из начал общественного разврата, отсутствие духа чести и проч.

18. Среда. Там, где человек не заслуживает презрения, он возбуждает сожаление.

В Варшаве открывается университет.[165] Многие этим недовольны, боясь, чтобы университет в Польше не сделался очагом самых зловредных замыслов против России. Я полагаю, что это преувеличено.

Говорят, что преподаватели в этом университете будут все русские. Да где их возьмут, когда в наших собственных университетах остается столько незанятых кафедр по недостатку людей. Определить же в новый университет кого попало — значило бы сделать себя всеобщим посмешищем. По мне, пусть открывают университет, но прежде заботятся о средствах устроить хороший университет. Но мы всегда были богаты задним умом.

19. Четверг. Бывали, конечно, и со мною припадки глупейшего из тщеславий: желание шума, народной молвы, рукоплесканий, но я старался тотчас подавить в себе эти влечения слабой натуры и теперь совершенно окреп в своем равнодушии ко всем подобным проявлениям популярности. Это не то, чтобы я сделался нечувствительным к одобрению общественного мнения, как бы оно ни было у нас шатко, но раздаваемые им, так сказать, знаки отличия меня решительно не прельщают. И это опять не потому, чтобы я в принципе их не ценил, но потому, что раздача эта сделалась у нас похожею на раздачу орденов и чинов, которые, как дождь, сыплются на всех без разбора, на достойных и недостойных. Все эти торжественные манифестации и овации с разными спичами, восхвалениями, пожеланиями часто подгулявших приятелей и т. п. до крайности опошлились, и сделаться предметом их — вовсе не значит быть признанным в своих заслугах, а только быть поводом к более или менее шумному препровождению времени, а чаще всего — к насыщению тщеславия их изобретателей и участников.

24. Вторник. Отправляюсь в путь в два часа с почтовым поездом в Москву.

Июль 21. Понедельник. Возвратился в Петербург.

Август 14. Четверг. Они хотят устроить так быт человеческий, чтобы в нем не было ни богатых, ни бедных, ни

умных, ни глупых, ни даровитых, ни посредственностей, то есть они хотят уничтожить все различия, которые даст жизнь, всякое движение, все то, из чего состоит история. Это выходит социальный нигилизм, почище нигилизма наших бедных студентов.

Впрочем, и все эти затеи что же такое, как не то же вечное движение, которым живет человечество? Дело не в том, чтобы исполнилось по всем этим учениям, а в том, чтобы эти учения существовали, как один из элементов, из которых вырабатывается истина.

Всякая так называемая культура имеет право на внимание, если она образовалась исторически.

15. Пятница. Вечером, возвратясь с прогулки, я совершенно неожиданно застал у себя Михаила Владимировича Юзефовича, приехавшего из Киева. Это один из самых ранних моих друзей — друг юности, с которым я в первый раз встретился в Ельце, где я жил у дяди его, дивизионного генерала ‹Д. М.› Юзефовича. После того, лет пятнадцать тому назад, я виделся с ним в Петербурге. Теперь это один из ревностных деятелей и поборников русского дела в Юго-Западном крае. [166]

16. Суббота. Был в Царском Селе, чтобы повидаться с Юзефовичем. Не застал его дома, но познакомился с его женою и дочерью.

Недавно объявлено было в печати, что один из почтальонов городской почты пойман в воровстве почтовых марок. У него нашли восемь тысяч распечатанных и брошенных писем, с которых он снял марки. Говорят также, что учинено воровство марок и с писем, отправленных за границу и в провинцию. Вообще наше почтовое управление представляет неслыханный образец безобразия с тех пор, как оно присоединилось к министерству внутренних дел. Письма, деньги пропадают на почте; газеты и журналы не доходят по своему назначению в губернии. Это сделалось до того обычным, что и жалуются на это только слегка. Между тем сколько интересов терпят от этого беспорядка в одном из важнейших отправлений общественной жизни!

18. Понедельник. Лучшее положение, какого с помощью успехов науки и цивилизации может желать и может достигнуть человечество, это то, когда оно сделается довольным тем, что е с т ь, и перестанет думать о том, что б у д е т. Но что произойдет тогда с пресловутым прогрессом?

20. Среда. Отправил письмо к воронежскому епископу Серафиму и книжку мою о Галиче.

Юзефович читал мне свою драму «Мазепа». Она не лишена драматического интереса.[167]

22. Пятница. Отличный мороз. Присутствовал в качестве свидетеля и чего-то вроде восприемника при обращении католика в православие, Б. А. Павловича, кандидата Киевского университета. Обряд совершал священник университетской церкви ‹П. Ф.› Солярский.

29. Пятница. Счастлив тот, кто одарен богатым воображением и умом, властным настолько, чтобы созидать в себе и для себя иллюзии. Он творец своего блага. Но пусть он умеет отличать эти иллюзии от действительного хода вещей — это необходимо, иначе он станет в слишком явное противоречие с действительностью и сделается жертвою ее натиска. Но это не помешает ему наслаждаться своим творчеством и притуплять язвительное жало этой самой действительности.

31. Воскресенье. Вот некоторые находят панацею против всех зол — современных умственных шатаний, материализма, нигилизма и проч. — в греческом языке. Я вчера сильно оспаривал это. Мне доказывали даже, что без греческого языка нельзя правильно мыслить.

Я всегда принадлежал к одной партии: партия эта — человечество и Россия, и ей старался я служить честно.

Сентябрь 1. Понедельник. Перемена погоды. Сумрачно и холодно; впрочем, все еще очень недурно. Деревья, правда, начали желтеть, но только молоденькие березки и липы; более старые деревья еще мужественно противятся натиску времени.

Вчера вечером произошел пожар в солдатской слободе. Сгорело два дома. Причина обыкновенная: неосторожность пьяных слуг, — вчера был праздник.

9. Вторник. Переезд с дачи.

Человек живет своим творчеством, то есть способностью созидать себе иллюзии.

16. Вторник. Массы могут быть проводниками свободы, но не могут быть хранителями ее. Да и проводниками они бывают наподобие судоходных каналов, которые несут грузы от места к месту, но не знают, какие это грузы и из чего они состоят. Поэтому-то на массы, или на демократию, могут с равною для себя выгодою опираться самый суровый деспотизм и самый крайний либерализм.

Едва какое-нибудь учение или идея сверкнут в европейской науке или жизни, мы, русские, с жадностью бросаемся на них и чуть не идола делаем себе из них. Но вот является новое учение, новая идея, и мы, не успев даже хорошенько заглянуть в лицо первым, бросаем их и сломя голову мчимся вслед за новыми, с тем чтобы поступить и с ними так, как поступлено с прочими. Вчерашнее у нас уже отсталое; только сегодняшнее достойно удивления и хвалы. Но пройдет несколько часов, сегодняшнее сделается вчерашним и т. д. Не так ли поступают дети со своими игрушками?

25. Четверг. Мы слишком регламентировали и формулировали развитие наше со времени Петра и теперь приходим часто в недоумение, что все в России идет как-то иначе, чем предписывалось и предполагалось. А между тем это очень простое и естественное явление. Каков бы ни был русский народ, какова бы ни была его жизнь, он прокладывает себе свою дорогу, к худу ли, к добру ли — мы этого не знаем, однако так, что ею управить кому-нибудь одному невозможно. Правительство ‹направляет› его туда, мыслители и передовые пихают его сюда; но ни то, ни эти не хотят знать того, способен ли, может ли, должен ли он идти туда или сюда? Будущее русского народа в нем самом. Или он выработает его в себе своеобразно и надлежащим образом, или сопьется с круга — но ничто не будет препятствовать его нраву.

Это не значит, что надо сидеть сложа руки, — этого не допускает простой закон: всякий неудержимо побуждается к какой-нибудь деятельности; но дело в том, что все перемелется, и будет мука.

Но есть множество таких дел, которые не стоят того, чтобы их делали умные люди.

Но если человек в развитии не насилует и не извращает природы, он все-таки меньше терпит.

Октябрь 8. Среда. Сегодня навестил меня А. В. Тимофеев, с которым мы не видались лет двадцать пять. Он когда-то много писал, и его читали, а Сенковский было произвел его даже чуть не в гении. Впрочем, он не лишен дарования и умен, только не было твердости в его идеях и обдуманности в распорядке их. Да он и мало имел познаний. С нравственной стороны он всегда отличался добротою и благородством. Мы были с ним близки, когда он жил в Петербурге. Он женился на богатой девушке и затем

жил в Москве, где и поднесь живет в независимости и спокойствии.

Оргия идей — наш век богат ими до излишества. Многие упиваются ими и так называемыми доктринами до чертиков, когда им начинают мечтаться такие чудеса, которым и места нет на земном шаре, а есть только место в мозгу их изобретателей да разве в доме сумасшедших, да еще в восторге всевозможных равенств — равенство достояний, умов — трепещет «святая каналья», и Виктор Гюго требует из Лозанны всеобщей резни как залога будущих неисповедимых благ. Странно, что никто не спросит у этого яркого защитника демократии и бедных, почему он своих полмиллиона франков, взятых с книгопродавцев за плохой роман, не разделит между собою и страждущею меньшею братиею? Хоть бы половину отдал им! Но он даже пожалел ста франков на памятник Ламартину, который хоть был тоже порядочный мечтатель, но был честный человек и не был ни таким свирепым кровопроливцем, ни таким пустозвонным защитником низших братьев. Фразы, фразы и фразы! [168]

Министр внутренних дел приготовил ко внесению в Государственный совет проект о некоторых изменениях и дополнениях в законах о печати стеснительного свойства. Несколько времени тому назад начали появляться по этому поводу статьи в газетах: «Московских ведомостях», в «Голосе», в «С.-Петербургских ведомостях», сильно нападавшие на этот проект, известный в публике, впрочем, еще только по слухам. Теперь министр остановился с ним и не дал ему ходу. Говорят, причиною тому был великий князь Константин Николаевич, который даже выразился, что мы, то есть общество и правительство, многим обязаны печати и что потому было бы крайне несправедливо и неблагоразумно ограничивать ее новыми стеснениями. [169]

14. Вторник. Древо жизни зеленеет и цветет под влиянием светлых надежд и теплых верований юности, но недолго. Потом холод опыта и бури общественных превратностей поражают его, листья опадают; обнаженное, ободранное дерево жизни стоит одиноко и пугает прохожего своим безобразием.

25. Суббота. Вечер у Ивана Петровича Корнилова. Исполнение по циркуляру Потапова насчет земли крестьян Северо-Западного края приостановлено. Но Потапов остается во всем своем блеске и могуществе. [170] П. Н. Ба-

тюшков и ‹И. А.› Шестаков уволены.[171] Проект Т‹има-шева› о некоторых ограничениях по делам печати, говорят, опять пойдет в ход. Все это производит много толков и неудовольствий в известной части публики, то есть интеллигентной и патриотической.

Человек не был бы человеком, если бы он не делал глупостей, не работал, не страдал, не умирал.

Вот одна черта из характера покойного государя Николая Павловича.

У Норова Авраама Сергеевича был старший брат Василий, человек очень умный, как о том свидетельствуют находившиеся у меня письма его к родным, история 1812 и 1813 годов (напечатана, но у меня была в рукописи) и многие его литературные заметки, находившиеся у меня также в рукописи. Этот Василий Норов служил в гвардии, в полку, которым командовал Николай Павлович, в то время великий князь. Был смотр полка. Великий князь приехал в дурном расположении духа. Обходя ряды солдат, он остановился против одного офицера, возле Норова.

Физиономия ли этого офицера не понравилась великому князю, или он неловко, как-нибудь не по темпу пристукнул ногою, только его высочество сильно разгневался на него, схватил его за руку и ущипнул. Затем он направился к Норову, но тот, не допуская его к себе на два шага, сказал: «Ваше высочество, я щекотлив».

Через два или три месяца случился новый смотр. Был день ненастный, и как раз у места, где стоял Норов со своим взводом, образовалась огромная лужа. Великий князь был на коне; приближаясь к луже, он дал шпоры лошади, которая, прянув в лужу, окатила Норова с ног до головы. По окончании смотра Норов явился к своему полковнику и подал просьбу об отставке. Его любили все товарищи в полку и тоже объявили, что и они подают в отставку. Полковник не знал, что делать, и довел обо всем до сведения государя. Его величество сделал выговор его высочеству, и дело уладилось.

Прошло несколько лет. Николай Павлович вступил на престол. Настало злосчастное 14-е декабря. Норов был привлечен к делу, не как участник бунта — чего не было, но как знакомый со многими из его участников. Тут дорого пришлось поплатиться бедному Норову. Его посадили в крепость, продержали несколько лет в заключении, кажется в Ревеле или в Риге; потом, по просьбе матери, вы-

пустили из крепости и отправили солдатом на Кавказ. Там он тоже пил горькую чашу несколько лет. Наконец мать, чувствуя близость своей кончины, написала слезное моление к государю о дозволении приехать сыну принять ее последний вздох. На это было дано соизволение, а потом Норова уволили от службы солдатом и запретили ему въезд в обе столицы.

Измученный таким образом и полуубитый, этот даровитый, умный и честный человек еще просуществовал кое-как несколько времени в деревне. Авраам Сергеевич не мог без глубокой скорби вспоминать об этом брате, которого он горячо любил и который заслуживал любви всех, кто сколько-нибудь знал его. * [172]

Ноябрь 1. Суббота. Пишу биографию А. С. Норова к 29 декабря. Ужасно трудно добывать сведения.

Потапов явился в новом блеске славы и придворного величия, хотя и доказано в Главном крестьянском комитете, что он действовал не умно и вредно. Виленский губернатор ‹И. А.› Шестаков и ‹П. Н.› Батюшков сменены, говорят, за то, что они сообщили точные сведения о потаповских деяниях в редакцию «Московских ведомостей». Первый, сверх того, приехал в Петербург и подал записку, сущность которой в том, что он затрудняется исполнять предписания генерал-губернатора, извращающие высочайшие повеления. [173]

2. Воскресенье. Туча, грозящая печати, все ближе и ближе надвигается.

Князю ‹С. Н.› Урусову поручено составить комиссию для начертания новых законов о печати. Но так как комиссии этой заранее дана задача составить законы репрессивного свойства, то немного находится охотников быть ее членами. Приходится назначать членов, не спрося предварительно их согласия. Так Урусов и поступает. Он, между прочим, назначил кассационного сенатора, моего благородного дядю Марка. Сегодня он заезжал ко мне поведать свое горе. Он был у министра юстиции для объяснений, но выходит так, что ему, кажется, не миновать этой чаши.

* Анекдот этот я слышал из уст Авраама Сергеевича, сестры его жены — Веры Егоровны Паниной, и племянника его, Поливанова. Вариант: Василий Сергеевич Норов, бывши еще мальчиком и находясь в обществе великого князя Николая Павловича, тоже еще ребенка, в игре чем-то огорчил его, и это вспомнил его высочество на смотру. О щипке я слышал не от самого Авраама Сергеевича, но от других названных лиц. — *Примечание А. В. Никитенко.*

5. Среда. Указ князю Урусову о назначении его председателем комиссии для составления правил о печати.

Князю Урусову поручено отыскать философский камень, то есть издать такие законы о печати, которые бы равно удовлетворяли и правительство и общество и, ограничивая свободу мысли, в то же время не мешали бы ходу науки и образования.

Надо поставить вопрос честно и ясно: хочет ли правительство разделить с обществом, то есть с интеллигентною частью его, заботы о безопасности и благе народа или оно думает достигнуть этого единственно посредством своих агентов — своей администрации?

Не годится дождаться того, чтобы общество, вразумленное горькими опытами, вырвало само из рук правительства возможность распоряжаться своими интересами. Когда-то были сказаны очень умные слова: н а д о н а ч а т ь с в е р х у, ч т о б ы н е н а ч а л и с н и з у.

Есть пороки омерзительно гнусные, есть страшные, пагубные, есть грубые, но глупее гордости нет ни одного.

11. Вторник. Печать есть символ времени.

Хотите ли, законодатели, чтобы в обществе уважались и исполнялись ваши законы? Уважайте же и исполняйте их сами.

В высшей степени безнравственно заставлять других исполнять то, чего я сам не признаю и не уважаю.

Я знаю много глупых вещей на свете, но глупее гордости нет ничего.

20. Четверг. Начинать многое и ничего не кончать — это одно из свойств нашей русской натуры.

22. Суббота. Превосходная статья ‹А. Д.› Градовского в «Судебном вестнике», в которой разбирается вопрос: с о в м е с т н а л и с в о б о д а п е ч а т и с с а м о д е р ж а в и е м? Автор решает вопрос, конечно, утвердительно.[174] Разумеется, истины, высказанные им, не вразумят тех, кому всего нужнее вразумляться подобными истинами: для этого надобно иметь ум пошире и посолиднее ума жандармского офицера — а там, увы! таковых не имеется.

Обычный вечер у ‹И. П.› Корнилова. Много посетителей. Все умы заняты одним — судьбою печати. Самые зловещие слухи ходят. Повторяют фразу, сказанную, как его называют, новым Аракчеевым, ‹П. А.› Шуваловым: «Надо зажать рот печати». Словом, паника всеобщая. Ожидают худшего, чем во времена николаевские.

Газеты становятся видимо бледнее и бледнее. Я говорил об этом с Краевским. «Невозможно», — отвечал он...

Никогда еще никакая реакция не успевала остановить роста и развития известного рода идей, когда они вырастали на почве истории и действительности общественных нужд. Она только замедляла ход вещей, но тем самым содействовала роковому кризису.

23. Воскресенье. Скверно внутри. Нельзя быть равнодушным к общественным делам, а они из рук вон плохи, хотя, по всегдашнему настроению моего духа и по воззрению моему на жизнь и на человека вообще, я мало путного от них ожидаю. А все-таки никак нельзя освободиться от грустных и досадных впечатлений, от всей этой чепухи, шуваловщины и проч.

Впрочем, не все же петь иеремиады: или дух человеческий живуч, так он все это переделает (перемелется — будет мука), или, выбившись из сил, он распустится и исчезнет — ну, так тогда туда ему и дорога.

В четверг на этой неделе был собран совет для суждения о «Московских ведомостях» и вообще о печати. От каждого из членов было взято слово, что он не передаст никому того, что будет говорено на этом совете. В обществе боятся, что из этого выйдет что-нибудь нехорошее для печати. Говорили даже, что «Московские ведомости» уже запрещены.

Едва ли не одной несообразительности австрийского правительства мы обязаны тем, что славяне оказывают нам расположение: приласкай их только оно, и эти братья не преминут отлично напакостить нам.

Декабрь 13. Суббота. «Московские ведомости» на этот раз устояли. На них, говорят, была поднята жестокая буря Шуваловым и Т‹имашевым›. Государь составил под своим председательством совещательное собрание из разных доверенных лиц и велел ему рассмотреть обвинительную шуваловско-т‹имашев›скую записку. По выслушании ее, в защиту печати вообще и «Московских ведомостей» в особенности, выступил князь ‹А. М.› Горчаков. Он, между прочим, объявил, что, при настоящем положении международных дел в Европе, у нас необходимо существование независимой печати. Тем дело и кончилось.[175]

15. Понедельник. Опять какие-то гнусные прокламации, обращенные к массе народа. Книгопродавец ‹А. А.› Черкесов арестован. Говорят, арестованы и еще несколько человек. В московской Петровской академии убит один студент,

говорят, своими же товарищами. Преступление это будто бы имеет политическую подкладку.[176]

28. Воскресенье. Второе отделение Академии наук избрало в адъюнкты свои известного славянофила ‹А. Ф.› Гильфердинга. Общее собрание забаллотировало его. И вот поднялась страшная буря между славянофилами, которые осыпали Академию ругательствами. Тут немцы всему виною, то есть немцы-академики, которые не выбрали Гильфердинга потому будто бы, что он ратует против них и отстаивает интересы славян. Тут видят целый заговор этих немцев против русского патриотизма. Старик Тютчев разразился стихами, которые напечатаны в «Голосе».[177]

Ко мне заезжал один академик склонить меня, чтобы я не был на обеде, на который обыкновенно собираются академики каждый год после акта, то есть чтобы Второе отделение учинило демонстрацию большинству, не избравшему Гильфердинга. Я отвечал, что на обеде собираюсь быть. «Я очень сетую, как и вы, — сказал я, — что наш выбор не прошел в общем собрании. Но ведь мы члены не одного отделения, а члены Академии и не должны быть участниками раздора, который в ней хотят возбудить. Наша демонстрация, особенно теперь, была бы именно такого свойства, что должна была бы быть сочтена за объявление войны с нашей стороны всей Академии. Прилично ли, полезно ли вносить эти дрязги в ученую корпорацию? Иные видят здесь какой-то заговор антинациональной партии, а я вижу обыкновенный случай, один из тысячи случающихся в коллегиях, особенно больших, где большинство не соглашается с меньшинством и кассирует его решения и выборы. Всякий клал свой шар по своему разумению и совести, и т. д. и т. д.». Товарищ уехал от меня недовольный, сказав, что он сам на обеде не будет. Через несколько часов, однако, он прислал мне записку, в которой говорит, что, обдумав все после разговора со мною, он решается быть на обеде.

29. Понедельник. Акт в Академии наук. Читали: ‹К. С.› Веселовский — общий отчет, ‹Я. К.› Грот — о присуждении ‹В. И.› Далю за словарь Ломоносовской премии, я — биографический очерк Норова. По программе я должен был читать второй; но вице-президент просил меня, не соглашусь ли я читать после Грота, так как некоторые из членов Государственного совета хотели приехать из заседания послушать мою речь. Мне решительно было все равно, когда

читать. Чтение Грота было очень интересно в филологическом или, лучше сказать, в лингвистическом отношении. Моя речь была принята очень хорошо, и я получил многое множество рукопожатий. Правду сказать, эта речь стоила мне большой работы, и я рад, что она сошла так успешно. [178]

После акта обед у Донона, как обыкновенно, простой, семейный, дружеский. Я уехал домой в девять часов, очень довольный, что дело обошлось без всяких демонстраций.

Каждый готов грызться за свою кость.

31. Среда. Конец 1869 года.

1870

Январь 3. Суббота. Дочь почтенного семейства, отец которого состоит комендантом Петергофа, ‹А. М.› Евреинова, бежала в Женеву, чтобы присоединиться там к революционной партии, действующей против России под председательством ‹М. А.› Бакунина. Известно, что там проживает множество русских мужчин и женщин революционного закала, которые даже иностранцев удивляют своими неистовыми радикальными тенденциями.[179]

Что хуже: злоупотребление свободы или злоупотребление власти?

Распущенность нравственная и отсутствие дисциплины в наших средних учебных заведениях дошли до того, что когда в симферопольской гимназии необходимость побудила выключить из заведения трех негодяев-учеников, то начальство, при исключении их по приговору педагогического совета, дало им хорошие аттестации в поведении. Интересно, что в протоколе совета все проделки этих негодяев значатся, а поведение делателей этих проделок одобрено официально.

4. Воскресенье. Познакомился сегодня у ‹П. И.› Савваитова с Иаковом, архимандритом московского Даниловского монастыря, который вызван сюда для посвящения его в архиереи. Он показался мне человеком и умным и обширной учености.

Я не боюсь борьбы ни с немцами, ни с самими чертями, но надо, чтобы, во-первых, право было на моей стороне, а во-вторых, чтобы борьба была необходимостью, а не следствием задора или, как то ныне в моде, погони за популярностью.

9. Пятница. № 5 «Судебного вестника» конфискован за статью, в которой доказывается, что III отделение не должно существовать.[180]

«Московские ведомости» получили предостережение, следствием чего, вероятно, будет их прекращение.[181]

10. Суббота. Я прочитал конфискованную статью «Судебного вестника». Статья умная, хорошо и правдиво написанная. Редактор был призван к Шувалову. Ему сделано внушение и обещано при другом подобном случае полное применение к нему принципов III отделения. Откровенно и утешительно.

«Московским ведомостям» сделано предостережение; месяц тому назад они были найдены невинными и полезными. Редакторы, должно полагать, откажутся от издания, и мы лишимся одного из лучших наших печатных органов, и само правительство — одной из своих сил. Ретроградная партия работает успешно.

Это переходное время, говорят. Мне кажется, идея о переходном времени в сущности совсем неосновательна. Всякое время есть переходное: оно всегда отходит от прошедшего и идет к будущему и стоит между тем и другим. Хотят ли этим сказать, что оно приготовляет положение вещей в будущем? Да какое же время не делает этого? Что в настоящем только начинается, то разрешается в будущем по законам развития и постепенности. Можно только сказать одно, что в иное время накопляется больше материалов для разрешения в будущем; но нельзя же сказать, что настоящее только этим живет, что у него нет своих нужд и интересов, которые должны быть теперь же удовлетворены. Было бы странно делать из настоящего только какого-то докладчика будущему.

11. Воскресенье. Бесконечные толки по поводу «Московских ведомостей» и «Судебного вестника».

13. Вторник. Умер Герцен. В сегодняшнем номере «С.-Петербургских ведомостей» о нем сказано несколько недурных слов.[182]

Что за путаница такая в наших современных событиях! Я прочитал статью «Московских ведомостей» во втором номере, за которую сделано им предостережение, и решительно не понимаю, за что это лезвие дамоклова меча дотронулось до головы Каткова и Леонтьева. Разве за одно место: о существовании в С.-Петербурге польского ржонда? Но об этом уже столько было писано и говорено, что

трудно себе представить, чтобы это было единственным поводом к предостережению. Но еще удивительнее отзыв «Московских ведомостей»: он наполнен таким смирением, покаянием, извинениями, которые совершенно несвойственны всему прошедшему этой газеты и характеру ее редакторов. Тут, верно, кроется какая-нибудь, как говорится, штука. Но какая? Вот в этом-то и штука. Не дано ли знать редакции под рукой от высшей власти, чтобы она не смущалась и не устрашалась и отнюдь не прекращала своих действий, только в более умеренном тоне?[183]

18. Воскресенье. Я думаю, что таких людей, как Бакунин, Рошфор, нельзя терпеть в обществе, так как они объявили себя перед целым светом врагами общественного порядка и, следовательно, врагами всех людей, живущих под покровительством и законами этого порядка, чем сами себя исключили из круга этих законов. Но что с ними делать?

22. Четверг. В сегодняшнем номере «С.-П‹етербургских› ведомостей» (22) появилась моя биография А. С. Норова.

Страшные морозы, за 25°. Боль в груди, начавшаяся несколько дней тому назад, наконец понемногу успокаивается.

25. Воскресенье. Биология Спенсера переведена на русский язык и напечатана. Управление по делам печати затеяло процесс за то, что в книге есть места, будто бы подлежащие духовной цензуре, как, например, мысли о творении, в последнее время принятые геологиею. Спрошена была духовная власть, подлежат ли такие места ее цензуре? Подлежат, — отвечала она. Издатель за то, что он не отослал этих мест в духовную цензуру, предан суду. Суд оправдал его.

Управление по делам печати не умеет (1870 г.) отличать ученых вопросов и соображений от пустой болтовни каких-нибудь невежественных писунов.[184]

26. Понедельник. Бюрократическая администрация в союзе с верховным деспотизмом всегда парализировала у нас дух народа и его деятельность. С введением земских учреждений и новых судов она, было, начала слабеть. Но теперь снова воспрянула — и ее царствию, кажется, не будет конца.

Ничто столько не вредит успеху свободы, как нелепые требования радикальных преобразователей общества. Они делают врагами ее не только правительство, но и благомыслящих, рассудительных ее поборников, из которых многие лучше хотят оставаться так, как есть, чем идти по той опас-

ной дороге, куда влекут эти непрошенные благодетели человечества.

Совершенно фальшиво правило этих господ: «требуй больше, чтобы получить что-нибудь». Ужас, который они наводят своим больше, служит предлогом к тому, чтобы стеснять всякий порыв даже к самому меньше.

27. Вторник. Сильные толки и всеобщее неудовольствие по поводу проекта об усилении власти губернаторов. (Об этом статья в «Московских ведомостях» № 19.)[185] Сущность этого проекта заставляет опасаться, что в силу его вся Россия отдается под полицейский надзор. Виновники этого замечательного памятника административной мудрости не иные кто, как граф Шувалов и *** ‹Тимашев›. Ничего чудовищнее, кажется, не было придумано в это бестолковое время, где самые пошлые личные интересы самолюбия, честолюбия и трусости уже даже перестали с некоторых пор прикрываться личиною забот о народных интересах. Разве не открыто подкапываются под суды, стремятся опрокинуть земские учреждения, поразить гласность — и все это благодаря неспособности двух-трех лиц, захвативших власть в свои руки...

Сдержанность в мыслях и с самим собою должна быть, если не такая, как в беседе с другими, то все же должна быть. И вот за что я часто принужден делать укоризны самому себе. Ведь, право, нелепо же огорчаться и негодовать так хотя бы по случаю этого пресловутого проекта. Рассуждать, так рассуждать надо спокойно, объективно, как принято ныне говорить у людей самого кипучего и бестолкового образа мыслей. Мне ненавистна ложь, а разве не ложь дать известного рода учреждения и тут же их подкапывать, подрывать и мало-помалу приводить вещи в тот же хаос бесправия и беззакония, в какой они были погружены несколько веков. Так! Но почему же лжи и не господствовать над обществом, над которым она господствовала столько времени, и общество это не только существует, но даже, как пишут в историях, возвеличивается, крепнет и благоденствует. Правда, было маленькое разочарование — Крымская война, да ведь это уж прошло! Как бы то ни было, а все-таки надо рассуждать спокойнее, объективнее.

‹В.› Орлов, бывший директор варшавской гимназии, и адвокат по частным тяжбам, Кузнецов, высланы без всякого следствия и суда в дальние губернии — один по жалобе министра народного просвещения, которому он будто бы

нагрубил (он был уже в отставке), а другой — просто по воле губернатора ‹Н. В.› Левашева за то, что он взял на себя ходатайство, как поверенный, по делу против одного господина, которому покровительствует Левашев. Это вещи невероятные для нашего времени, однако не подлежащие сомнению. Между тем хотят еще усилить власть губернаторов.

Интересно, что когда некоторые обратились к Шувалову и к *** ‹Тимашеву› с ходатайством о Кузнецове, оба отвечали, что они его вовсе не ссылали. А *** ‹Тимашев› даже выразился так, что он сам сознает, как с этим бедняком поступлено несправедливо, но сделать в его пользу ничего не может. [186]

Но разве эти люди замешаны в какую-нибудь политическую интригу? Нисколько. Тут чисто частное дело.

Февраль 1. Воскресенье. Обедал у министра народного просвещения. Обед роскошный, гостей человек семнадцать или восемнадцать. Я тут, между прочим, познакомился с двумя попечителями: одесским, ‹С. П.› Голубцовым, и казанским, ‹П. Д.› Шестаковым. Министр много говорил о духовенстве и не все в пользу его. Я заметил, что надо отличать белое духовенство от черного: одно совершенно порабощено другому. Всем известно, как деспотически распоряжаются архиереи в своих епархиях. Вот, например, они теперь сильно противятся введению выборного начала между священниками и приведению в действие нового устава семинарий. Министр вполне согласился с этим.

Граф Димитрий Андреевич очень любезный человек в беседе, но, мне кажется, он не довольно сдержан в своих суждениях, как следует быть министру, и часто говорит не как министр, а как весьма молодой человек. Заметны также признаки тщеславия.

8. Воскресенье. Акт в университете... Он ‹?› хороший, добрый человек, но вместе с тем одарен способностью делать самую добродетель смешною. [187]

9. Понедельник. Нет хуже состояния душевного, как недовольство самим собою, а из этого состояния я почти не выхожу. Идеалы, к которым я стремлюсь чуть не с детства в самообразовании и самоуправлении, — строгий контроль, который я постоянно держу над каждым моим не только поступком, но и помышлением, — делают то, что я кажусь самому себе крайне неудовлетворительным, и презрение, которое меня часто охватывает к человеку и к человеческой

судьбе, прежде всего тяжелым бременем обрушивается на самого меня.

Другая моя беда, что я не всегда выдерживаю с достоинством мою неприкосновенность к разным дрязгам и глупейшим мелочам внешней текущей жизни. Тьфу, к черту! Да неужели так трудно настроить себя как следует по-человечески и неужели это стоит такой долговременной борьбы? Вот уж и старость у порога, почти переступает порог, по крайней мере старость физическая, а я все занимаюсь постройкою себя и все не дострою по плану, задуманному издавна. Да, может быть, план дурно составлен? Вероятно. Но как же теперь переменить его, когда уже давно свезены на место и бревна и кирпичи, да и выведено кое-что, например башня, да какая высокая! Какой широкий горизонт с нее открывается! Но жить все-таки негде. Буря, непогода, и я прячусь в каком-то убогом шалаше, посреди кучи наваленных камней, гранита, даже кое-где попадающихся кусков мрамора. Да, жить негде. Скверно думать быть человеком более, чем сам человек.

14. Суббота. Пруссия наш естественный враг уже по одному тому, что мы ее дважды спасли. [188]

Карамзин о Павле: «Он отнял у казни стыд, а у награды честь». [189]

15. Воскресенье. Мир без провидения — какая страшная, бесконечная пустыня при всем разнообразии и обилии жизненных процессов, сил и явлений! Это все равно, что огромный дом, наполненный слугами и гостями без хозяина; или корабль, брошенный в неизмеримый океан без кормчего, без компаса, преданный бурям и обреченный погибнуть, не зная пристани и никакой цели своего блуждания; или это мастерская, в которой работают тысячи рук, машин без мастера, который бы в работах этих рук и этих машин видел исполнение какого-то предприятия. Наконец, это чудовищное тело с костьми, кровью, дышащее и движущееся, но лишенное души, — живой мертвец.

16. Понедельник. У нас есть целые полки чиновников, а нет ни одного государственного человека.

Отчего бы не дозволить у нас воспитанникам реальных гимназий вступать в университеты в факультет математических и естественных наук? Это не мешало бы получать высшее образование тем, которые лишены способности к изучению древней филологии, и дало бы

удовлетворение общественному мнению. Давать доступ в университет одним только воспитанникам классических гимназий, право, невозможно. Для этого пришлось бы превратить все гимназии в классические, а где же тогда получали бы общее образование лица с техническими и реальными целями в жизни? Я вовсе не враг классического образования, но оно должно иметь свои границы, а не господствовать исключительно.

Март 1. Воскресенье. Тот ничего не сделал для людей, кто не дал им средств меньше страдать или легче сносить страдания.

Вы шевелите только страсти, вы рисуете только мрачную и дурную сторону вещей, — конечно, и это хорошо, если правдиво. Но не следует ли также указывать и на то, как исправлять зло и делать, чтобы и вещи и люди были немножко получше?

3. Вторник. Сегодня в «С.-П‹етербургских› ведомостях» объявлено о появлении в Петербурге холеры.

6. Пятница. Петербургскую публику сильно занимает адрес остзейского дворянства государю о даровании ландтагу их таких же прав, какие существуют в Финляндии, то есть они требуют не более не менее, как отдельного от России конституционного управления. Государь отказал и выразил свое недовольство.

В «Голосе» было несколько статей по поводу этого адреса, статей очень смелых. В одной из них газета, между прочим, цитирует известную записку Карамзина, поданную императору Александру I, о замышлявшемся этим государем образовании самостоятельного польского государства с присоединением к нему провинций, приобретенных от Польши. [190]

Пусть тело мое зависит от земли и ее законов, но дух мой принадлежит богу и мне.

Все. что мы называем прекрасным, добрым и т. п., заключается в идеалах, то есть в иллюзиях, и способность к иллюзиям есть собственно наше высочайшее благо. Пока личная твоя натура не потеряла способности снабжать тебя различными иллюзиями нравственными, эстетическими, общественными и проч., до тех пор благо тебе.

Думать, что ты счастлив, и быть действительно счастливым — не все ли это равно? И не больше ли гораздо благ в мечте о счастии, чем в счастии, как понимают его люди при ненасытности их желаний?

10. Вторник. То, что для высших серьезных умов, руководимых наукою, составляет в настоящую эпоху потребность и закон развития, то для мелких умов только мода. Поверхностному наблюдателю, пожалуй, и может казаться, что те и другие сходятся в своих стремлениях и убеждениях, и последние часто выигрывают тем, что снаружи кажутся похожими на первых и как будто служат одному и тому же делу. Этим они часто и самих себя обманывают и раздуваются до безмерного величия в собственных глазах. Но в сущности это пустые люди, похожие на мошек, крутящихся в сиянии солнечных лучей. Они всего чаще вредят делу и только затрудняют его успех.

Великое искусство требуется, чтобы направлять корабль в море нашей общественности среди различных и противоположных течений ее.

Полноте, и вы и я, кажется, настолько знаем людей, что не должны удивляться собственным нашим глупостям.

Человек мечтает о вечности каких-то чувств, каких-то благ, а между тем ничто не соответствует так мало его скоротечной природе, как постоянство и неизменность чего бы то ни было. Разнообразие, новость — вот потребность и закон ее. Ведь человек сам беспрестанно обновляется, и сегодняшний он далеко не тот, что был вчера. Нечего же жаловаться на так называемую измену в дружбе, в любви: она в человеческой натуре.

17. Вторник. Злоупотребление свободы ничем не лучше угнетения деспотизма.

И что значит безграничная свобода, которой вы добиваетесь? Совместима ли она с ограниченностью человека?

Я думаю, что человечество должно пройти еще через один фазис варварства, и к этому фазису приведет его всеобщая демократизация.

22. Воскресенье. Сегодня неожиданно посетил меня старый друг моей юности, Юзефович, приехавший вчера из Киева. Он привез мне милое письмо от ‹А. И.› Селина и собрание юго-западных актов, изданных комиссиею под председательством Юзефовича.[191]

Вот уже недели две, как стоит прекрасная погода. Солнце блестит, как в лучшие дни лета. Зима, однако, была печальная. Редкий дом в Петербурге, где не переболели бы все. А умерших сколько! Газеты переполнены извещениями в черных рамках. Между тем никакой эпидемии нет, а так, случайные болезни, которые, так сказать, мимоходом

решают судьбу людей в несколько дней, часов и даже минут.

23. Понедельник. Не по двум или трем ошибкам, сделанным в жизни, должно судить о человеке, а по тому, как он вообще мыслит, говорит и действует.

Все люди носят в себе физиологическую и психическую возможность быть человеком, но не всякое неделимое достигает роста и образа человеческого. Сколько людей являются и исчезают, не успев проявить в себе ничего человеческого.

26. Четверг. Вечер у Ф. И. Тютчева. Гостей было довольно. Я познакомился с одною изящною и умною дамою, Новиковою. Тут, между прочим, был и М. В. Юзефович, который умно и живо рассказывал разные свои воспоминания о прошлом: о войне в Малой Азии, в которой он участвовал, о Пушкине, с которым познакомился на Кавказе и был с ним под Эрзерумом. Он говорил, что Пушкину очень хотелось побывать под ядрами неприятельских пушек и особенно слышать их свист. Желание его исполнилось, ядра, однако, не испугали его, несмотря на то, что одно из них упало очень близко. [192]

На вечере были читаны славянофильские стихотворения: Тютчева («Гусс»), Майкова и Полонского («Симеон Болгарский»), приготовленные ими к живым картинам на пасху. Все они недурны, особенно стихотворение Тютчева. [193]

31. Вторник. На чем основана идея долга? Почему человек нравственно обязан делать то или не делать этого? Идея долга и обязанности вытекает из моей человечности, моей человеческой природы. Я должен поступить так, а не иначе, или не делать того и другого единственно потому, что я человек, и потому, что, поступая иначе, я изменил бы моей человеческой природе. Я существо разумно-свободное, следовательно, все, несогласное с идеею свободной воли и разума, противно моей природе и было бы нарушением долга.

Апрель 10. Пятница. Весь март и апрель до сих пор солнце ни разу не помрачалось на небе.

Только три вещи определяют превосходство одного человека над другим: знание, талант и характер. Три эти вещи редко бывают соединены вместе, но и каждая порознь имеет право на уважение, больше же всего без сомнения характер.

20. Понедельник. Настоящий глубокий смысл движения нашей интеллигенции в настоящее время есть без сомнения вопиющая необходимость ограничения правительственного произвола и утверждения законности как в умах, так и на деле. Без этого, конечно, все реформы, самые благодетельные, будут строиться на песке. Мы видим это, например, в том, что сделано с земскими учреждениями, да и в том, как произвол в той или другой форме старается подорвать новые судебные уставы. О настоящей конституции, может быть, нам рано еще думать; но если бы верховная власть искренно хотела обуздать произвол, этот глубокий и пагубный источник всякого зла, то она должна бы начать с самой себя. Это могло бы сделаться без особенной формальности, двумя-тремя мерами. Во-первых, возвращение земским учреждениям самостоятельности, хотя бы то в пределах местного управления, оградив их от бессовестных посягательств администрации и допустив полную гласность и совещаний и действий. Во-вторых, решительным воспрещением министрам входить с своими докладами по вопросам наиболее важным и существенным непосредственно к государю. Надо, чтобы всякий такой доклад, прежде высочайшей резолюции, входил или в Государственный совет, или сенат, которым и следует предоставить полную свободу мнений. При этом необходимо, чтобы при решении уважалось большинство голосов. Государь мог бы исключительно за собой удержать veto, единственным следствием которого было бы, что предлагаемая таким-то министром мера оставалась бы без исполнения. В-третьих, чтобы при решении подобных вопросов в Государственном совете или сенате приглашались туда выборные эксперты с совещательным голосом и с тем, чтобы мнение их, если большинство с ним не согласно, вносилось бы в протокол.

23. Четверг. Есть люди, которые удовлетворяются только одним родом жизни — сильными ощущениями и волнениями. Их не может удовлетворить ничто обыкновенное, нормальное, законное. Им нужны поразительные эффекты — не движения, но гимнастические напряженные скачки, разнообразные и новые позы. Эти люди обыкновенно приводят в замешательство и расстраивают всякую среду, где живут. Говорят, это нужно, это оживляет и мешает застою. Да, если это происходит не от личных эгоистических стремлений, не от простой необузданности дикой натуры, иначе

это выйдет то же, что «нраву нашему не препятствуй». Закон ограничивает своими предписаниями подобные порывы и увлечения и наказывает виновников их. Целое общество может быть в таком же точно настроении.

Стремление к абсолютной свободе, не ограниченной никакими законами, ни нравственными, ни гражданскими, — ведь это анархия, а анархия то же, что вечная кровавая революция, полная сильных ощущений, но и неизмеримых бед. Нет, говорят, тут кроются существенные, положительные интересы — свобода труда, правильное развитие богатства, участие в мерах народного благосостояния и т. д. Да, об этом действительно думают, и серьезно, некоторые мыслящие и благомыслящие умы, но и те часто погружаются в такие утопии, осуществления которых человечество никогда не в состоянии добиться. Но это только некоторые, большинство же, прикрывшись пышными фразами, желает только половить рыбу в мутной воде, ищет сильных ощущений, а более хладнокровные заботятся о том, чтобы прибрать власть в свои руки. Это те несчастные самолюбия, из которых каждое хочет одного — управлять, властвовать, а не быть управляему, не подчиняться какой бы то ни было власти, хотя бы то была власть закона и всеобщего порядка.

Самое умное, самое злобное и самое несчастное существо на земле без сомнения человек.

Сила, дерзость и хитрость, право, единственные ручательства всякого успеха и самые могучие деятели мира сего. Все прочие, более похвальные качества составляют, кажется, не иное что, как только богатый материал для разговоров людей образованных и для трактатов людей ученых.

Есть божественные вещи — идеи, истины, подобно солнцу и звездам плавающие в далекой атмосфере над человечеством. Изредка они освещают землю и служат людям путеводителями, но чаще они затемняются тучами, беспрерывно образующимися из испарений земли.

Май 1. Пятница. Образованность, или так называемая цивилизация, смягчает нравы, то есть она множеством выработанных ею впечатлений и понятий, нейтрализирующих друг друга, препятствует одному какому-нибудь из них превратиться в чувство или мысль огромного размера и тяжести. Душа расширяется, становится доступною многим и разнообразным интересам, которые мешают ей, так сказать,

окаменеть или заглохнуть в одном каком-нибудь настроении. Но по этой же самой причине люди становятся морально слабее, им недостает той внутренней сосредоточенности, того единства сил, намерений и действий, которые образуют характер.

10. Воскресенье. Видеть вещи не значит знать их.

11. Понедельник. Ведь это грубое и глубокое варварство не уважать искусства, литературы. Истинная наука всегда была в союзе с искусством, и нередко великие двигатели ее искали в нем опоры для своей деятельности. Главный признак просвещенного народа это то, что он ставит на одну линию науку и искусство. Это два крыла, на которых человечество взлетает на высоту усовершенствований и там парит.

Ученая посредственность есть первый враг таланта.

20. Среда. Лютый май. Каждый день дождь, часто со снегом, ветер, тепла 2—4°, словом, мерзость, превосходящая даже мерзости петербургского климата.

21. Четверг. Наше время можно назвать эпохой колебаний.

23. Суббота. Был очень занят писанием возражений на статью *** ‹В. В. Григорьева› о беспорядках, происходивших в С.-П‹етербургском› университете в 1861 году, где упомянуто и мое имя, которое *** ‹В. В. Григорьев› обставил неверными данными. Но появившиеся в «Голосе» резкие и правдивые замечания на ту же статью и прямо обличающие автора меня остановили. Мне показалось уже не великодушным, да и излишним выходить с моими возражениями: лежачего не бьют. Да притом я питаю глубокое отвращение ко всем этим личным спорам. Статья *** ‹В. В. Григорьева› мне повредить не может, а мои возражения, в соединении с замечаниями «Голоса», могли бы сильно насолить ему, изобличив его хотя бы то в преднамеренном искажении фактов. Правда, он этого заслуживает, но роль палача мне чересчур претит. [194]

24. Воскресенье. Искусство извлекает все лучшие стихии, или высасывает из жизни чистейшие соки, и образует из них новые предметы.

На мануфактурной выставке. Общий вид величествен и изящен. Русская промышленность, кажется, оказала действительно значительные успехи, то есть она доказала, что мы в состоянии делать хорошие вещи. Но что из этого: составляют ли они предмет внешней торговли и всеобщего

внутреннего потребления? Ведь в таком только случае промышленность имела бы обогащающую и цивилизующую силу.

Странное и нелепое положение общества: живешь точно в каком-то омуте, в котором ни на что опереться нельзя: на каждом шагу вас встречают обман и мошенничество. Таковы наши нравы. Я уже года два, как отказался иметь в доме слугу мужчину. Можно сказать, что между мужскою прислугою почти повально свирепствуют пьянство и воровство. Между женщинами по крайней мере не так сильно развито пьянство. Все это сильно усложняет и отравляет домашний быт.

28. Четверг. Переезд в Павловск, на этот раз уже не на дачу Мердера, а на дачу Брауна, под Дубками.

Июнь 5. Пятница. Там, где они хотят делать добро, они ничего не могут; там, где могут, они не хотят: вот вам нравственная характеристика людей.

7. Воскресенье. Нет ничего глупее, как ропот и жалоба на людей, да и вообще всякий ропот и жалобы. Это признак глубокого малодушия, которое не умеет ни действовать там, где можно и должно, ни терпеть и сносить того, что неизбежно.

Впрочем, есть случаи, когда ропот и жалобы позволительны. Это когда они произносятся с намерением произвести известное впечатление в пользу справедливости и в осуждение несправедливости. Но тогда ропот становится мнением, голосом, который всякий член общества обязан подать в делах общественных.

Худой тот хозяин, который так устроил или расстроил свой быт, что должен жить займами; точно так же худой тот человек, который в скорбях и невзгодах жизни ищет утешения у других, вместо того чтобы находить его в самом себе.

9. Вторник. Мысли должны быть так же серьезны и честны, как дела. Играть ими и с ними недостойно человека мужественного.

10. Среда. Вчера был в городе и узнал о смерти ‹Н. Г.› Устрялова, скончавшегося в Царском Селе.

Ум — удивительно удобное вместилище для вкладывания в него всего, чего угодно, всякой лжи и истины.

С одинаковым старанием надо избегать как ненависти, так и любви людей — одной потому, что она вредна, другой потому, что она обманчива.

18. Четверг. Министр юстиции, граф ‹К. И.› Пален, придумал было меру для подрыва новых судов: вздумал изъять из их круга все следственные дела и подчинить последние безусловно своим агентам-прокурорам. Для обсуждения этого проекта была составлена комиссия, которая однако, несмотря на все усилия министра, решительно отвергла его. Второй проект Палена заключался в том, чтобы в кассационном департаменте сената дела докладывались не сенаторами, как следует по новому закону, а обер-секретарями, по старому порядку. Государственный совет единогласно отверг и этот проект. Больше всех восставал против него министр финансов ‹М. Х. Рейтерн›. Интересно по этому поводу замечание ‹К. В.› Чевкина. По окончании заседания он сказал: «Теперь, господа, нам остается поблагодарить господина министра финансов за его ревностную и просвещенную защиту дела отечественного правосудия». Это было сказано в присутствии министра юстиции.

29. Понедельник. Вот, кажется, готова вспыхнуть война между Францией и Пруссиею. Пруссия очень окрепла, и Бисмарк очень силен. Что из этого выйдет? [195]

Июль 3. Пятница. Душа человеческая похожа на гостиницу, куда в виде разнородных впечатлений лезет всякая всячина — и порядочные люди, и пьяницы, и воры. Но хороший хозяин выгоняет одних или по крайней мере смиряет их, чтобы они не бушевали и не безобразничали; с другими же поступает учтиво и предупредительно, чтобы и впредь жаловали.

4. Суббота. Сегодняшние телеграммы извещают, что Франция объявила войну Пруссии.

Когда человек намерен сделать какую-нибудь глупость, он всегда представляет ее самому себе в виде очень умной и хорошей вещи.

10. Пятница. Война, война и война, только и толков, что о войне. Но я еще ни от кого не слыхал, чтобы он желал нашего вмешательства в нее.

12. Воскресенье. Всех обрадовало обнародование решимости нашего правительства соблюдать строгий нейтралитет. [196] В высших сферах, говорят, однако обнаруживается симпатия к пруссакам, между тем как во всем обществе господствует столь же сильная к ним неприязнь. Все главные газеты наши явно склоняются на сторону французов.

25. Суббота. На похоронах академика ‹Ф. И.› Рупрехта, умершего третьего дня. Он оставил по себе память честного деятеля науки и глубокую нищету с большим семейством.

Печальные известия: пруссаки разбили французов в сражении, где одна французская дивизия боролась с тремя немецкими корпусами. Начальник дивизии ‹А.› Дуэ убит.[197] Наши пруссоманы ликуют, особенно принадлежащие к высшим сферам.

28. Вторник. Успехи Пруссии, одержавшей уже две победы над французами, — а война ведь едва еще началась, — могут повести к падению Наполеона. Тогда Франция, конечно, провозгласит у себя республику. Будет ли соседство такой республики полезно и приятно для quasi-конституционной, в сущности же деспотической державы, как Пруссия? Едва ли. В массах Германии социализм и демократизм пустили глубокие корни, и кто знает, как далеко время, когда и этих Габсбургов и Гогенцоллернов постигнет та же участь, которая, очевидно, уже висит над головою Наполеона и его династии.

Август 3. Понедельник. Дела Франции идут все хуже и хуже, а Пруссия все выше и выше поднимает голову. Франция на краю пропасти. Тут доля и нашей вины. Мы дали Пруссии усилиться и, конечно, дадим еще больше усилиться, пока она, наконец, не даст и нам испытать своего гнета. А в наших так называемых высших сферах продолжают радоваться успехам пруссаков. Там носят прусские ордена, оттуда летят поздравления пруссакам с победами, уступаются наши пушки, заказанные в Пруссии. Зато в обществе решительная и всеобщая неприязнь к пруссакам и сочувствие к Франции.

Есть, впрочем, причины более глубокие нашей симпатии к французам, чем ненависть к пруссакам. Это то, что Франция, несмотря на упадок в ней за последнее время свободы и на преобладание наполеоновского деспотизма, все-таки есть страна умственных и политических успехов, особенно последних. Мы отличаем и должны отличать французское правительство от французского народа. Нас инстинктивно тянет к последнему потому, что в этом народе впервые начал вырабатываться новый политический и общественный строй, заключающий в себе если не образцы для подражания, — чему не следует и быть, — то материалы для преобразования других народов.

9. Воскресенье. Телеграммы приносят чрезвычайно сбивчивые сведения с театра войны. Но не подлежит сомнению, что французы везде проигрывают.

С Наполеонами, видно, кончено. Два раза приподняли они Францию на своих руках, для того чтобы ввергнуть ее в пропасть. Третьего опыта в сыне нынешнего Наполеона дожидаться нечего, — итак, наполеоновской династии не бывать.

11. Вторник. Есть люди, которых хватает ровно на одно доброе, разумное или мужественное дело, после которого они, вдруг точно опомнившись, что взялись не за свое дело, становятся в ряды самых обыкновенных и пошлых людей своей категории и своего ремесла.

16. Воскресенье. Немцы, — не прусские, — как вьючные животные, возят камни и бревна для постройки здания прусского величия и могущества Гогенцоллернов и позволяют выпускать из себя кровь для скрепления этого здания.

Немец глубокомыслен с ног до головы; мы легкомысленны и более остроумны, чем глубоки. Немец устойчив и постоянен; мы шатки и неспособны к выдержке. Немец — раб труда, как вол; мы народ веселый и разгульный, но способны в один день поработать больше, чем кто другой в месяц. Оттого, говорят, и работа наша не прочна — правда, но мы о том не тужим и готовы не плакать над развалинами своих зданий, а скорее смеяться над тем, что долго себя мучили работою. Немец — эгоист до мозга своих костей; русский добродушен и доступен всяким человечным впечатлениям. От немца не ждите великодушия, самоотвержения, забвения обид; русский, подравшись со своим врагом, побратается с ним, даст ему и хлеба и денег, словом, забудет, что у него морда была в крови от кулака его противника.

22. Суббота. Из всех человеческих пороков самый смешной — высокомерие, самый гнусный — лицемерие, самый глупый — скупость.

Получено известие, что Наполеон взят в плен и армия Мак-Магона сложила оружие. [198]

Да, это, конечно, великий пр. ресс, когда штык заменился нарезными пушками и скорострельными ружьями, а над Европой диктаторствовать будут не Наполеоны и Габсбурги, а Гогенцоллерны.

25. Вторник. Во Франции республика. [199]

Знать вполовину или знать мало — судьба людей.

На дружбу отвечать дружбою (предполагая, что она возможна), на услугу — услугою, на учтивость — учтивостью вдвое, вражде противопоставлять мужественную и благоразумную защиту, но без малейшего покушения мстить, а затем полнейшее хладнокровие: вот чего следует держаться в своих ежедневных сношениях с людьми.

Сентябрь 1. Вторник. И август был далеко не безупречен, а сентябрь уже с самого появления своего обещает быть подлецом. Итак, из двенадцати месяцев года один июль вышел несколько похожий на лето. Само собою разумеется, что октябрь, ноябрь и декабрь уже по обязанности будут всячески допекать нас. Вообще нынешний год богат бедствиями, тут война и холера. Последняя уже появилась в Петербурге. Только голода, кажется, можно надеяться, не будет. В России урожаи вообще хороши.

Вот из самых недр цивилизации, в самом сердце Европы, народилось в XIX веке чудовище материальной грубой силы, не знающее меры своим притязаниям. Прославленная цивилизация дала только усовершенствованные орудия убийств и софистическую диалектику для оправдания варварской политики завоевания и грабежа. Что же уважать в человечестве?

Пока не нашли средства наложить узду на человеческий эгоизм и на страсти, им возбуждаемые, до тех пор будет все одно и то же: люди попеременно будут заслуживать то сожаления, то презрения.

5. Суббота. Печально заблуждались те, которые думали, что Наполеон III нужен для Франции, спасая ее от анархии. Но вот грозные и плачевные обстоятельства окончательно разоблачили эту роковую личность и показали, что он думал не о Франции, а только о владычестве своем над нею и о своих династических интересах и, заботясь исключительно об этом, довел до полного упадка громадные силы благородной нации.

9. Среда. Грустно, невыразимо грустно смотреть на дела человеческие! Сколько безнравственности, сколько малодушия и лжи! Сколько варварства среди пресловутой цивилизации и прогресса! Сколько ничтожества, наконец, в самой науке, которая не в состоянии искупить зло, наносимое ее же открытиями.

Да, наука не делает людей лучшими. Пример перед глазами. У кого наука оказала столько успехов, как у немцев? И что же? Посмотрите, каковы они в упоении своих побед

над австрийцами и французами! А мы неужели за то, что Пруссия подарит нам Парижский трактат, гарантируем ей Эльзас и Лотарингию? Поистине, политика не знает нравственности. [200]

15. Вторник. Нынешняя война Бисмарка с Франциею вовсе не есть война за границы и за единство Германии. Франция по справедливости считается центром и душою всех либеральных движений в Европе. Наполеон III сколько ни старался убить в ней этот дух, однако не мог с ней справиться. Но вот явился на помощь Бисмарк. Война с Франциею им начата вовсе не за единство Германии, которое могло быть достигнуто и уже почти достигнуто без нее. Унизить Францию, омрачить престиж ее идей — вот настоящий смысл войны и прусских побед. Бисмарк очень хорошо знал, что Франция со своим Наполеоном не в состоянии бороться с полуторамиллионною прекрасно организованною немецкою армией. Однако он и сам не предвидел такого исхода: судьба уж чересчур ему подслужилась. Франция провозгласила у себя республику: это, конечно, не в его видах. Но Бисмарк не унывает. Тем сильнее давит он Францию, чтобы выжать из нее весь сок и ее душу, и если он успеет в этом, тогда диктатура Пруссии в Европе станет на твердую ногу — и беда свободе. Разве только сами немцы опомнятся и поймут, что вовсе не лестно возить камни для постройки, по плану Бисмарка, собственной своей тюрьмы.

17. Четверг. Сегодня или завтра, говорят, Тьер представляется государю. [201]

18. Пятница. Всякий должен сделать на своем месте и в своем кругу все как можно лучше, по крайнему своему разумению — вот единственная руководящая мысль для честного человека.

При назначении нового председателя Совета по делам печати ‹М. Р.› Шидловского, бывшего где-то губернатором, на место Похвиснева, сменяемого за либерализм, употреблены слова: «подтянуть печать». [202]

19. Суббота. Ну из-за чего горячиться? Род человеческий управляется так, как он того заслуживает. Не будь глупцов, негодяев и эгоистов, не было бы ни Наполеонов III, ни Бисмарков. Собственно говоря, на свете все обстоит благополучно, то есть дела идут так, как должны идти. А что многих убивают, других грабят и что люди страдают то от насилия, то от плутовства разных господ, то ведь это так —

судьба, переходное состояние, и философия истории найдет в этом глубокий смысл и прогресс.

А вот я глупости заношу в мой дневник. Видно, время такое, никто не убережется. Даже люди, старающиеся честно и здраво мыслить, и те впадают в преувеличение и становятся невоздержанны.

26. Суббота. Похвиснев сменен. Место его заступил Шидловский, военный генерал. Говорят, он сильно отказывался от этого назначения, представляя, что ему вовсе незнаком ход литературных дел и печати. Притом он прибавлял, что он человек горячий и привык действовать энергически, каковой способ приличен в полицейской сфере, но, может быть, окажется неудобным в кругу науки и мысли. Ему возразили, что этот-то способ и нужен, ибо хотят «подтянуть».

Неудовольствие в обществе растет не по дням, а по часам. Патриотическое чувство считает себя оскорбленным унижением России во внешней политике и некоторого рода раболепством перед Пруссией. [203]

27. Воскресенье. Мысль о «подтянутии» печати возникла первоначально в голове министра народного просвещения. Состоя не в ладах с министром внутренних дел, Тимашевым, он представил государю записку о крайней распущенности нашей печати, что приписывал слабому смотрению за нею начальства, которому она подлежит. На это, в отсутствие Тимашева, отвечал товарищ его, князь ‹А. Б.› Лобанов-Ростовский, что распущенности и зловредности в печати никаких нет, а если они где-либо существуют, так в головах профессоров и учителей, за которыми худо смотрит граф Толстой. Сперва записка графа Толстого, повидимому, не произвела впечатления.

Но после этого свидания с Вильгельмом и Бисмарком записка графа нашла себе поддержку в мысли, что печать очень дурно делает, нападая на немцев и разжигая взаимную ненависть двух наций. Тут последовали: увольнение ‹П. П.› Альбединского от звания генерал-губернатора остзейского, отставка Галкина, губернатора ревельского, и приказ об обуздании печати. [204]

29. Вторник. Сегодня новый начальник по делам печати, Шидловский, принимал в первый раз своих чиновников. Вот как это происходило, по свидетельству одного из них, а именно Нагеля, который с буквальною точностью передал мне все тотчас по возвращении от генерала Шидловского.

Последний вошел в залу в своем генеральском мундире, сделал всем собравшимся ответный поклон и обратился к каждому чиновнику с вопросами: кто он, чем занимается и давно ли служит? Переспросив таким образом всех, он отступил на несколько шагов, принял настоящую генеральскую позу и произнес следующую речь: «Господа, я очень жалею, что при самом начале моего знакомства с вами я должен сделать вам замечание: во-первых, вы явились ко мне в вицмундирах, а не в мундирах — это противно законам службы. Вы должны были одеться в мундиры. Во-вторых, я вижу здесь некоторых с бородами — бород не надо, я их не потерплю. У некоторых я замечаю усы — и их не надо; усы подобает носить военным. Даже и эти округлые бакены, сильно напоминающие бороды, не должны быть. Я буду строго наблюдать чинопочитание. Затем прощайте».

Октябрь 2. Пятница. Земские учреждения, суды, печать и распространение первоначального образования в массах, на первый случай хоть грамотности, — вот существеннейшие и главные предметы, на которые должно быть обращено внимание всех мыслящих людей в России.

Конференция Академии наук назначила меня депутатом в высочайше учрежденную комиссию для слияния всех казенных типографий в одну государственную. Я должен защищать необходимость для Академии иметь свою собственную типографию, которая к тому же казне ничего не стоит.

Одно только: держись крепко тех законов, которые для тебя установила твоя совесть.

Самый лучший друг и самый большой враг человека — это он сам.

Борьба между правительством и интеллигенцией общества нескончаема. Я знаю только одно средство несколько укрепить первое: это то, чтобы оно старалось быть лучшим.

3. Суббота. Сильнейшее и всеобщее порицание графа Д. А. Толстого, который своей запиской вызвал нынешние меры против печати. Я тоже думаю, что граф сделал большую ошибку, чтоб не сказать больше. Некоторые его оправдывают тем, что он раздражительного и обидчивого характера, что кто-то и как-то раздразнил его. Плохое оправдание! Государственный человек, действующий по внушению минуты негодования, — разве это делает ему честь? Когда он затевает такое дело, как преследование печати в настоящее время, и советует государю принять репрессивные меры

вопреки льготам, допущенным им же, он, то есть министр, обязан взвесить все последствия своего шага. Он должен был знать, что, нападая на всю печать огулом, он вызывает на нее гонение, что это гонение принесет непременно злые плоды, совершенно противоположные тому, чего желали достигнуть, и проч. и проч. Если у нас министр не ответствен перед законом, то неужели он не ответствен уже ни перед совестью своей, ни перед здравым смыслом? Я уже не говорю — перед общественным мнением: власти не привыкли его уважать, хотя, право, не мешало бы это делать — не ради пользы общей, о которой у нас никто не думает, но ради своей собственной.

В продолжение моей жизни я видел много запретительных мер против печати, но ни одна не достигла своей цели, то есть не останавливала потока мыслей, а только извращала его и заставляла уходить вглубь, чтобы затем снова вырваться из-под земли уже бурливым ключом в каком-нибудь темном углу.

Но да не смущается сердце ваше: верьте в живучесть и производительную силу мысли. Хорошо ли, дурно ли, что она живет, но только ей дано много живучести, много производительной силы, а если бы не так, то деспоты и невежды всякого рода давно бы ее погасили.

Говорят, Шидловский имеет личные доклады у государя. Итак, учредилось новое министерство по делам печати.

5. Понедельник. На днях, говорят, государю представлялся предводитель дворянства одной из остзейских губерний. Государь сказал ему несколько слов по-русски. Предводитель потупил голову и молчал, а на повторенный государем вопрос ответил, что не понимает по-русски. Государь на это заметил, что надо говорить по-русски, и отошел в сторону. Забавнее всего, что этот господин ехал во дворец в придворной карете вместе с губернатором какой-то губернии, ‹П. Н.› Клушиным, и все время говорил с ним по-русски.

Самый хмельной напиток — это успех. От него не только пьянеют, но подчас и совсем дуреют даже самые крепкие головы.

10. Суббота. Объединение национальностей, составляющее одну из основных задач нашего высокопросвещенного и прогрессивного времени, есть источник и начало бесконечных международных соперничеств, распрей и войн.

13. Вторник. Англия, кажется, берет на себя инициативу вмешательства в войну и склонения к миру воюющих сторон. Отчего же не мы?

16. Пятница. Мец взят. Сто пятьдесят тысяч французов сдались пруссакам.[205]

17. Суббота. Современные события имеют глубокое роковое значение: они вполне объясняют, что значит цивилизация, прогресс XIX века. Из передовых наций мира одна достигла такой внутренней распущенности, такого хаоса понятий и нравов, что в два месяца очутились на краю пропасти. Другая нация проявляет такие грубые страсти в войне, которые сильно напоминают доброе старое время. Итак, не далеко ушло человечество по пути так называемого прогресса! Куда девались, например, прославленные глубокие философские, гуманные стремления в науке немцев? И вообще много ли содействовала наука к истинному, существенному улучшению человека, если он попрежнему остается таким же рабом своих животных влечений? А что делает остальная цивилизованная Европа? При виде такого страшного кровопролития и бедствия она занимается дипломатическими сплетнями, вместо того чтобы деятельным и твердым участием положить конец этим безобразиям. Англии хочется половить рыбы в мутной воде, Россия благодушествует и благоговеет перед Пруссией! Все это, видите, политика, дипломатия, политические интересы и т. д. Нет! Вся наша настоящая цивилизация, наш прогресс и наша наука — все это пустые слова, и человечество находится еще на очень низкой степени развития, несмотря на свои железные дороги, машины, свои фабрики и политическую экономию.

Я не спорю, что все, что есть, есть так, как должно быть, что иначе оно и быть не может. Но в таком случае зачем кричать о величии века, о чудных успехах науки, о прогрессе и проч.? Ведь все это грубая, пошлая ложь, блеск снаружи, гниль и смрад внутри.

Позор мецской сдачи имеет и свою выгодную сторону для Франции: она, благодаря ей, выбросила из себя последние гнусные остатки империализма.

Только тогда человек заслуживает уважения за сделанное им хорошее дело, когда он мог его и не сделать.

Уничтожить в человеке разные предрассудки и иллюзии — еще не значит сделать его довольнее, лучше и просвещеннее.

21. Среда. Обедал у дяди Марка и виделся там с ‹Н. И.› Пироговым. Лет двадцать тому назад я впервые познакомился с ним у покойного ‹А. И.› Чивилева. Теперь ему, как он сам сказал, уже семьдесят лет, но он довольно бодр еще и свеж. Он живет постоянно в своем имении в Каменец-Подольской губернии и теперь едет туда на возвратном пути из-за границы, где был, по поручению императрицы, для изучения разных средств помощи раненым. Между прочим, он говорил, что Базен сдался с своею армией вовсе не от голода: в лагере его не было соли и было мало мяса, но хлеба имелось вдоволь. Пирогов узнал об этом под самым Мецом.

От меня нередко требовали услуг по делам печати и народного образования. Худо ли, хорошо ли я их исполнял, но услуги эти всегда покоились на основе строгой честности, то есть все, что я делал и старался делать, то было мною делано не в угоду какому-нибудь лицу или системе, не соответствовавшей моим понятиям и пользе общественной. Главною моей целью было соглашение интересов государственных с общественными. С этой целью принял я на себя и звание члена комитета для учреждения дел по печати, состоявшего из графа Адлерберга, Муханова и Тимашева. В таком духе объяснялся я лично и с самим государем. Так же точно принял я на себя основание газеты «Северная почта». Так поступал я и во время моего тесного союза с министерством народного просвещения под управлением Норова. Успехи часто не соответствовали моим, говорю смело подняв голову, честным и бескорыстным намерениям. Но тут уже была не моя вина, да может быть и ничья, а вот разве тех тревожных и быстро сменявшихся обстоятельств, среди которых вращались люди и вещи. Я никогда не был способен сделаться ни радикалом, ни ультраконсерватором. Глубокое, твердо укоренившееся во мне с детства чувство справедливости и уважение к правде решительно делали меня неспособным к каким бы то ни было односторонним и преувеличенным требованиям. Воздавать кесарю кесарево и божье богови — я всегда признавал за начало, в силу которого и должны устраиваться дела человеческие. Меня часто упрекали в идеализме. Но я полагаю, что самые недоброжелатели мои не в состоянии обвинить меня в своекорыстии и в антиобщественных стремлениях и вообще в страстях, которые были бы недостойны человека и гражданина.

Вот что я могу, как говорится, положа руку на сердце, сказать с полным спокойствием совести. *

Что касается моего идеализма, то он состоял в том, что я питал и продолжаю питать непреодолимое отвращение ко всяким дрязгам и мелочности в жизни, науке и литературе. Этого я нимало не вменяю себе в достоинство, напротив, думаю, что в житейском и практическом смысле это большой недостаток. Но, как говорит Манфред Байрона, в этом «я не мог преодолеть моей природы».

26. Понедельник. Деспоты думают, что людьми нельзя управлять посредством благости и правосудия. Оставим в стороне благость, которая в глазах многих слывет за качество, годное для устройства царства божьего, а не человеческого; но правосудие — это такое условие, без которого немыслимо человеческое общество. Правосудие, огражденное законом, есть главное основание общественных отношений.

Надо признаться, что вражда национальностей вовсе не гуманное чувство. Это задаток будущих соперничеств и войн.

Чрезвычайно верны пословицы: «смелость города берет» и «смелым бог владеет». В самом деле, не тот прав, кто прав, а кто смел.

27. Вторник. Самый лучший способ управляться с нашими раскольниками состоит в том, чтобы не преследовать их и не препираться с ними, а оставить их совершенно независимыми и заботиться только об их образовании. Разумеется, я отсюда исключаю некоторые вредные раскольничьи секты.

Ноябрь 3. Вторник. Важное событие: отмена части Парижского трактата. Об этом напечатано в «Правительственном вестнике».[206]

5. Четверг. Новое важное событие: объявлено о введении новой системы воинской повинности.[207]

6. Пятница. Прочел в общем собрании Академии наук составленный мною проект адреса Михайловской артиллерийской академии и училищу по поводу празднования пятидесятилетия их существования. Проект одобрен. Меня назначили депутатом для поднесения адреса. Ассистентами моими избраны ‹А. Н.› Савич и ‹А. М.› Бутлеров.

* NB. Это часть моей чистосердечной исповеди перед богом и людьми моего народа и моего времени. — *Примечание А. В. Никитенко.*

Бесконечные толки в публике о декларации нашей в отмену части Парижского трактата, а еще больше о всеобщей воинской повинности. Относительно последней иные опасаются, чтобы распространение ее на все сословия безусловно, в том числе на ученое и учебное, не остановило бы и даже не отодвинуло бы назад нашего еще весьма юного просвещения. Германские порядки, говорят, нам не пример. Образование там так широко раскинулось и так утвердилось, что привлечение к военной повинности ученых и учащихся не может повредить ему.

12. Четверг. Один из первенствующих просвещенных народов истребляет другой подобный же с ожесточением, достойным варварских времен. И это прогресс, цивилизация! Как тут уберечься от презрения к человеку и его судьбе! Боюсь, не купили ли мы Черное море ценою слишком большого соучастия с пруссаками в убийстве Франции. Это было бы оскорбительно для чувства русского народа, от природы великодушного.

Неужели это воздаяние Франции за Крымскую войну? Но ведь мы не злопамятны. Да притом за нее мы могли бы мстить Наполеону, а не целой нации французской.

19. Четверг. Пруссаки, продолжая терзать Францию, между прочим, оказывают услугу нам. Они на вечные времена закрепляют ненависть к себе французов, и в случае их столкновения с нами, что надо в будущем считать неизбежным, — французы будут нашими естественными союзниками.

‹В. И.› Капельманс, редактор с.-п‹етербургской› французской газеты, сошел с ума. Он выказывал в своей газете сочувствие пруссакам и особенно защищал Базена. Здешние французы его жестоко преследовали и даже, говорят, как-то и куда-то заманив его, побили. Он принужден был уехать из Петербурга, и вот теперь за границей помешался.

25. Среда. Пятидесятилетний юбилей Михайловской артиллерийской академии, где я некогда читал русскую словесность. Обедня, молебен и роскошный царский завтрак. Государь приехал к молебну, затем из приемной прошел по всем комнатам, где рядами стояли бывшие и настоящие воспитанники академии, толпились сановники и разные приглашенные. Мы, бывшие профессора, находились в особой комнате. Когда дошла до нас очередь, государь очень приветливо благодарил нас за то, что мы образовали отличных офицеров. Ко мне обращались многие из моих бывших

слушателей с самыми радушными воспоминаниями: почти все уже генералы, украшенные орденами и сединою. Товарищ генерал-фельдцейхмейстера, ‹А. А.› Баранцов, объявил мне, что я избран почетным членом академии, и очень любезно прибавил, что мы теперь с ним товарищи. Тосты за обедом предлагал великий князь Николай Николаевич. Первый тост, разумеется, был в честь государя и сопровождался оглушительным «ура». Второй — в честь великой княгини Елены Павловны, которую государь вел под руку.

27. Пятница. Акт в Артиллерийской академии. Депутация от двадцати двух учреждений с поздравительными адресами. Первая депутация от Академии наук. Я прочитал адрес хорошо. Ассистентами моими были Савич и Бутлеров. Все сошло не только прилично, но и торжественно. В самом начале акта прочитаны были грамота государя и благодарственные рескрипты великих князей, избранных в почетные члены; потом список наград. Мне — золотая с бриллиантами и с вензелем государя табакерка, которую в конце акта и вручил мне великий князь Михаил Николаевич с очень ласковым приветствием.

28. Суббота. На панихиде по покойном великом князе Михаиле Павловиче, как основателе академии.

29. Воскресенье. Обед в академии. После обеда расходившееся юношество произвело качание — досталось и мне. Но все это было, хотя и шумно, однако вполне прилично. Меня юноши проводили до кареты и посадили в нее.

Декабрь 1. Вторник. Вместе с другими представлялся государю для принесения благодарности за полученную награду. Это было в час пополудни, в Зимнем дворце. Когда дошла очередь до меня, государь с своею ласковою улыбкою очень приветливо сказал: «Благодарю вас за вашу полезную службу; я уверен, что вы с такою же пользою будете продолжать ее и впредь».

Главная ошибка Наполеона III состояла в том, что он думал играть только на дурных страстях, забыв, что у людей бывают и хорошие.

Всякий должен говорить языком своего сердца и своего ума. Тот слог хорош, который делается сам, а не тот, который делают.

3. Четверг. Три журнала задержаны цензурою: «Вестник Европы», «Русский архив» и «Отечественные записки».[203]

4. Пятница. «Вестник Европы» вышел с десятью вырезанными страницами, в которых заключалась конституция, во время оно писанная ‹Н. Н.› Новосильцевым. Статья эта ‹А. Н.› Пыпина и составляет продолжение его статей об Александре I. Стасюлевич объяснялся по этому поводу с министром Тимашевым, который принял его очень ласково и, между прочим, сказал, что статья не была бы задержана, если б не московский адрес.

А что это за адрес? Москва или московская дума просит в нем о свободе печати, свободе совести и церкви. Иные называют его бестактным. Я сам его не читал и потому не знаю, каков он. [209]

‹А. Н.› Энгельгардта, его жену и жившую с ними девицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентов Земледельческого училища. В чем их обвиняют, я еще не слышал. А мы в сегодняшнем заседании Академии наук присудили Энгельгардту Ломоносовскую премию за его труд по химии. [210]

11. Пятница. Вопрос Бисмарка и вопрос Франции — это вопрос деспотизма и свободы. И мы, старые представители деспотизма, тут кстати приложились к Пруссии.

Подобные Пиетри изобретатели заговора были не в одной Франции — были и есть.

12. Суббота. Благо — это вымысел человеческий; закон — это необходимость; долг — вот что существует в действительности.

17. Четверг. Это не пруссаки и французы сражаются: это бьется прошедшее с будущим. Призрак феодального средневекового консерватизма встал из гроба и грозит Европе.

Немудрено презирать людей: они, может быть, и заслуживают этого. Но прежде всего надо им благотворить, потому что они еще больше заслуживают сожаления, чем презрения.

20. Воскресенье. Нет сомнения, что немецкая философия отыщет глубокий смысл, великий элемент прогресса в этой бойне, которая производится теперь немцами во Франции. Бедное человечество! Оно даже не имеет утешения сетовать о своих страданиях, а напротив, должно радоваться, слушая немецких и всяческих философов, что все эти пожары, грабежи, избиения — все это к лучшему. Не целесообразнее ли было бы этим мыслителям советовать своим гражданам меньше проливать крови, грабить и всячески свирепствовать

в угождение своему Бисмарку, который, чего доброго, их же самих закует в цепи, а разбить их им опять помогут разве те же французы, если уцелеют.

25. Пятница. Прекрасны слова Лагарпа: «Обманывать людей можно и с малым умом, но просвещать их трудно и с большим».

Почему Гогенцоллерны будут лучше для человечества, чем Наполеоны? Эти похищали власть и думали поддерживать ее железом и кровью, а те разве иначе достигают ее? Власть — все власть: один возносится на высоту, другой старается его низвергнуть с нее, чтобы самому занять его место, а иные глубокие мыслители видят в этом великие идеи и громадные успехи прогресса — в будущем. Сдается, что они употребляют ум на выработку тумана для омрачения здравого смысла, а будущее само за себя похлопочет и сделает все по-своему.

Шувалов работает неутомимо: он беспрерывно высылает то того, то другого в отдаленные губернии, забирает людей и сажает их в кутузку — все это секретно. Все в страхе; шпионов несть числа. Словом, Пиетри и его система торжествует. Сочиняются заговоры по всем правилам полицейского искусства или ничтожным обстоятельствам придаются размеры и характер заговоров. Мудрено ли, что это вызывает и настоящие заговоры, с которыми справляться, конечно, труднее, чем с продуктами собственных изобретений.

29. Вторник. Акт в Академии наук. Я, по обыкновению, читал обозрение действий Второго отделения за истекающий год. Прочитал хорошо — громко. Публика была довольна, само собою разумеется, и тем, что я читал всего тридцать три минуты. Потом академики собрались на обычный годовой обед к Донону, в том числе и герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский. Он был очень мил и любезен и образовал около себя небольшой отдельный кружок. Тут были: ‹Ф. В.› Овсянников, ‹А. М.› Бутлеров, ‹Я. К.› Грот, ‹В. П.› Безобразов, ‹А. П.› Заблоцкий ‹Десятовский›, в качестве нашего почетного члена, и я. Вернулся домой около десяти часов вечера.

31. Четверг. Конец 1870 года.

1871

Январь 1. Пятница. Сегодня один из тех моих дней, в которые глупость, несчастия человеческие и собственное ничтожество поражают меня до мозга костей.

Заезжал к графине Блудовой. Встретил у ней Каткова, приехавшего на несколько дней из Москвы хлопотать у министра за классицизм. Катков поздоровался со мною как со старым приятелем. Хотя у меня и была причина лично негодовать на него, однако я давно об этом забыл из уважения к его несомненным достоинствам и услугам, которые он во всяком случае оказал своею газетою народному русскому делу.[211] Катков скоро ушел, сказав, что непременно хочет побывать у меня. Затем к графине вдруг неожиданно вошел государь Александр Николаевич, в полной форме и ленте, поздравить ее с Новым годом; я, разумеется, тотчас отправился восвояси, но по пути заехал еще к Княжевичам.

2. Суббота. Ко мне заезжал Катков, но не застал меня дома.

Бесконечные толки о ‹В. Д.› Скарятине, который нечаянно нанес себе смертельную рану во время царской охоты, вблизи самого государя. Охота была на медведя. Скарятин успел только сказать государю: «Ваше величество, я умираю». Государь, говорят, чрезвычайно этим огорчен.

3. Воскресенье. Поутру сделал несколько визитов, в том числе ‹А. С.› Платову, от которого получил великолепно переплетенный экземпляр истории Михайловской академии, по случаю ее пятидесятилетнего юбилея, и выбитую в честь того же события бронзовую медаль.

Заезжал к Каткову, но также не застал его дома. Он сегодня уже обратно едет в Москву.

Одна только глубокая и праведная скорбь о бесчисленных человеческих бедствиях может спасать многоопытный ум от презрения к людям.

7. Четверг. Есть люди, которые ни перед чем не бледнеют да ни от чего и не краснеют.

Единственная действительная мудрость и мораль жизни — та, которой мы научаемся из собственных наших ошибок и падения. К сожалению, эта мудрость и эта мораль дают нам результаты своих уроков тогда, когда уже поздно ими пользоваться.

10. Воскресенье. Вечер у Я. К. Грота. Спор о Карамзине. Некоторые защищают статью о нем ‹Н. Н.› Страхова, написанную против Пыпина.[212] На днях мой Орест Миллер имел сильное препирательство с автором статьи, уничтожая ее в прах, но в жару спора очень крепко отозвался и о Карамзине.

11. Понедельник. Девять академиков, должно быть по числу муз, сегодня обедали у Донона. Тут был и я, один среди естественников, и вступил в прение с ‹П. Л.› Чебышевым и ‹К. С.› Веселовским в защиту идеала.

Вечером в комиссии о центральной типографии. Протестовали против слияния типографий министерства: военное, морское, путей сообщения и народного просвещения, которого я представитель. Председатель, сенатор ‹Ф. А.› Брун, кажется, тянет на сторону слияния всех типографий в одну. Впрочем, сегодня были только предварительные прения.

14. Четверг. Опять после теплой погоды двадцатиградусные морозы.

Вечер у одной из моих бывших учениц, Елены Карловны Богдановой. До сих пор мне не известный поэт ‹А. Н.› Апухтин читал свои стихи «Гадальщица» и «Севастополь». Я вообще мало доверяю стихам нынешних новых поэтов, но настоящие, к моему удовольствию, оказались прекрасными, особенно «Севастополь». Собрание было большое для маленьких комнат хозяйки. Разговор вертелся около ‹П. К.› Ферзена, который, как оказывается теперь, убил нечаянно Скарятина на царской охоте, и около Франции. И здесь, как почти во всех обществах, где мне случается бывать, выражались неприязнь к победоносным пруссакам и сочувствие к бедствиям Франции. От мала

до велика, мужчины и женщины, люди простые и образованные — все единомышленны в этом отношении. Один артиллерийский генерал рассказал мне следующее, ручаясь за правдивость своих слов. Некто из его знакомых недавно проезжал через Германию и виделся там с одним весьма известным ученым немцем, с которым он находится в дружеских отношениях. Зашел между ними разговор о войне. «Знаете ли вы, — сказал русскому путешественнику немецкий ученый, — кто виноват во всех ужасах и в продолжительности этой варварской войны? — вы!» — «Как мы?» — воскликнул наш россиянин. «Да, вы! Если б вы в самом начале этой бойни приняли твердое положение и стали в позицию настоящего, а не притворного нейтралитета, думали только об истинных интересах своих и Европы, держась здравой политики, то, поверьте, этих ужасов не было бы. Тут не было никакой нужды в деятельном вмешательстве в войну со стороны России. Дела были такого свойства, что одно разумно и твердо сказанное Россией слово остановило бы притязания военного властолюбия, и далее намеченной ею черты пруссаки не пошли бы». «Вот как судят сами немцы», — заключил свой рассказ артиллерийский генерал.

В качестве противника связанных с радикальными переворотами кровавых потрясений я иногда видел в Наполеоне III если и зло, то зло, необходимое для отвращения другого, большего зла — кровавых анархических оргий. Каюсь, я жестоко ошибался. Видно, плохо клин клином выбивается. Этот человек своим грубым эгоизмом погубил Францию. Подобных ему ‹негодяев?› немного найдется в истории. А теперь на место его в Европе распоряжается Бисмарк, конечно одаренный несравненно бóльшим умом, но такой же эгоист и представитель материальной силы. И вот кто двигатели истории и властелины народных судеб! На Пруссию хотя и надели императорскую корону, но из-под нее торчат ослиные уши, за которые Бисмарк ее держит и ведет куда угодно.

18. Понедельник. Собрание у Ильи Ильича Ростовцева для разбора и приготовления к изданию сочинений, оставшихся после ‹Н. Ф.› Щербины. В собрании участвовали, кроме хозяина: И. П. Корнилов, ‹Н. М.› Благовещенский, ‹И. А.› Николаевский, ‹Т. И.› Филиппов и я. [213]

20. Среда. Смотри корреспонденцию из Пермской губернии в «Московских ведомостях». Пермская губерния яв-

ляется в ней сценою такого административного произвола, который кажется необыкновенным даже в такой классической стране произвола, как Россия.[214] А между тем наши мудрые государственные мужи стараются как можно больше увеличить в губерниях, то есть сделать там почти неограниченною, власть губернаторов и полиции.

24. Воскресенье. Вечером у Т. И. Филиппова. Толпа народу. Как и всегда, в толпе почувствовал себя тоскливо и скоро ушел.

25. Понедельник. У меня была на рассмотрении для Уваровской премии комедия Потехина «Рыцари». Несмотря на кое-какие достоинства, я не нашел ее достойною премии. Недавно она была поставлена на сцену и, говорят, превосходно, не без успеха разыграна, но уже под другим названием: «Мутная вода». В комедии, между прочим, два главные действующие лица: баронесса немка и немец Кукук — оба мошенники, оплетающие и надувающие русских. Театральное начальство признало это непозволительным и велело немцев преобразовать в русских, из чего выходит, что русские могут быть подлецами, а немцы нет. Так поняла это публика, и об этом много говорят.[215]

26. Вторник. Любопытно знать, как история и философское глубокомыслие объяснят падение Франции. Немецкие философы, вероятно, скажут, что человечество должно много от этого выиграть и, конечно, порадуется этой смене всемирного значения французов в политическом и социальном смысле прусско-германскою грубою материальною силою. Францию, скажут, развратили идеи, а она развратила мир. Назначение Пруссии — возвратить его разуму и здравым понятиям, конечно не иначе, как посредством крови, железа и казарменной дисциплины. Под сенью благодетельных прусских штыков мир успокоится, и все вопросы, волнующие общество, будут разрешаться в главном прусском штабе.

«Я не вижу Европы», — сказал ‹Ф.-Ф.› Бейст, и сказал на этот раз очень верно. Действительно, мудрено видеть то, чего нет. Нынешняя Европа — это страна мертвых, умирающих и только начинающих еще жить, но начинающих под ферулою тех, которые захотят ими командовать и их учить.

Религия поучает нас покоряться воле божией, философия — закону необходимости. Да и что же, в самом деле, остается, как не покориться такому ничтожному существу,

как человек? Но можно ли оставаться равнодушным к бедствиям человеческим? Можно ли спокойно смотреть на миллионы погибших и гибнущих человеческих существ в предположении, что эта гибель необходима для устроения лучшего порядка вещей, для достижения благой цели? Ужели, в чувстве глубокого сострадания к ним, не позволено спросить: почему одни должны так жестоко страдать, чтобы другие немного лучше пожили? Да, много надо веры, почти больше, чем может вместить в себе сердце человеческое, чтобы согласить все это с идеею беспредельного милосердия и всемогущества.

29. Пятница. Итак, Франция гибнет, и гибнет не потому только, что ее сокрушает материальная внешняя сила, но потому, что благодаря Наполеону в ней самой недостаток великого духа, способного отстаивать свою честь и самостоятельность. Она должна склонить голову перед позорным условием мира, который ей предписывает Бисмарк, должна потому, что в ней нет единства, нет моральной силы, которая в минуту опасности одушевила бы ее сынов. Один ‹Л.› Гамбетта, но один в поле не воин, да он и не воин. Но неужели в самом деле историческая роль Франции кончена? Нет, быть не может. Она воспрянет, должна воспрянуть и снова занять передовое место в кругу европейской семьи. Но когда, каким путем, какие жертвы и страдания ожидают ее еще впереди?

30. Суббота. Большая конфузия в административной сфере по поводу напечатанных в «Московских ведомостях» статей о делах, чинившихся в Пермской губернии администрацией. Разыскивается, кто сообщил в московскую газету сведения об этих делах, которые почему-то должны были считаться секретом даже тогда, когда о них производил расследование сенатор Клушин.

Самое прискорбное явление нашей эпохи это то, что принципы, казавшиеся способными одушевлять людей в дни кризисов, то есть патриотизм, свобода, оказываются несостоятельными перед напором грубой материальной силы. Франция — эта классическая страна чести, патриотизма и свободы — склоняется в прах перед Пруссией. Сорокамиллионный народ не может соединиться и настроиться в одном духе, чтобы отстоять свое, чем мог он, по справедливости, гордиться, или чтобы иметь право сказать вместе с Франциском I: «Все погибло, кроме чести».[216] Прусские пленные офицеры в Лионе ведут себя на улицах с непозво-

лительным нахальством, а французские граждане тешат себя остроумными против них выходками на словах.

31. Воскресенье. Напрасно полагают, что с принижением дворянства у нас образуется настоящая демократия, а с нею вместе и свобода. Забывают при этом одно, что у нас не может быть сплошной демократии, что народ наш всегда разделялся и всегда, или еще по крайней мере очень долго, будет разделяться на народ собственно и на чиновничество, или бюрократию, которая и будет стоять во главе его, потому что она непосредственно связана с самодержавием.

Февраль 2. Вторник. В лице Бисмарка Европа подпадает под власть, подобную той, хотя в другой форме, которая тяготела над нею в лице Меттерниха. Там был Священный союз властителей против их народов, прикрытый идеями человечности и христианства. Здесь выдвигается вперед Пруссия в союзе с грубою материальною силою. Но о чем они бьются — все эти обскуранты и деспоты? О том, чтобы властвовать беспрепятственно. Но на какой же конец? Они прикрываются желанием содействовать благу народов посредством всякого рода угнетений и воспрещений. Но разве возможно благо на этом основании? Вот и у нас бюрократия бьется из всех сил, чтобы задушить участие народа в собственных делах при самом его рождении, обещая царю спокойное возлежание на его прерогативах, а народу — безмятежное пребывание во сне, которое она считает величайшим благом. Но утешительно по крайней мере то, что судьба если и смеется над усилиями людей окончательно выбиться из-под ига грубого самовластия и произвола, то, с другой стороны, она не меньше издевается и над усилиями этого произвола вконец поработить себе дух человеческий.

Я имею привычку каждый день перед сном пересматривать и контролировать все, что я делал, говорил и даже думал в течение дня. Всегда почти оказывается, что я имею причину быть недовольным собою в одном из этих отношений, а чаще всего — во всех трех. Хуже всего, что контроль этот не мешает и в следующие дни иногда повторяться тем же ошибкам. Тем не менее этот метод обращаться с самим собою нельзя считать совсем бесплодным. Если накануне произнесенный мною над самим собою приговор не ускользает при обычном житейском волнении из моей памяти, то он содействует по крайней мере уменьшению глупости,

готовой повториться. Значит, надо особенно налечь на память.

4. Четверг. В первые годы нынешнего царствования я был пленен прекрасными и благородными начатками, обещавшими России лучший порядок вещей, без потрясений и жертв. Способным людям было тогда стыдно и преступно не помогать правительству в его благих намерениях, и так как меня тоже считали в числе людей способных и вызывали на деятельность, то я с жаром устремлялся на подобные призвания, помимо моей ученой и литературной карьеры. Воодушевленный этими стремлениями, я находился при министре Норове, принимал участие в комитете из графа Адлерберга, Тимашева и Муханова, взялся за основание официальной газеты и проч., несмотря на порицания крайней партии. Но немного времени прошло, как мне пришлось горько разочароваться и убедиться, что всему хорошему у нас суждено начинаться, но никак не продолжаться и доходить до цели. Может быть, и я сам действовал не с тем тонким благоразумием, которое в борьбе различных мнений, интересов и страстей все-таки успевает что-нибудь приобрести в пользу добра. Но с другой стороны, что делать, когда целая система на вас напирает и увлекает за собою все высшие силы, располагающие судьбою дел? Хоть бы вы и умея действовали, а в конце концов все-таки вам придется или действовать с нею совсем заодно, или устраниться, а то и быть устраненным. Так было и со мною. Весьма естественно, что в общем ходе вещей меня нашли неспособным идти общею дорогою. Я и сам пришел к подобному же заключению, но полагаю, что это не столько по духу сопротивления и обдуманному плану, сколько по инстинктивным влечениям моей природы, что, конечно, не доказывает большой мудрости.

А между тем все это так просто и естественно. Самодержавие обеими руками держится за свою божескую власть; чиновники держатся за самодержавие и поддерживают его, потому что они, как насекомые, появляющиеся с сиянием солнца и с ним исчезающие, только им и держатся; народ, еще не пробудившийся от тысячелетнего сна, шевелится, переваливаясь с боку на бок и не зная, идти ли ему и куда идти; интеллигенция борется с чиновничеством, стараясь скрыть, что она посягает на самодержавие, хотя посягает на него уже тем, что дерзает бороться с его орудиями и рабами. Что из всего этого выйдет?

8. Понедельник. Нынешняя зима приводит всех в изумление своею лютостью и своим постоянством. Почти весь январь и февраль по нынешний день мороз держится между двадцатью и двадцатью пятью градусами, а в местах более открытых доходит и до тридцати.

Сколько бы ты ни приобрел друзей, а все-таки при конце твоей жизни ты останешься один с своею совестью.

Говорят, Бисмарк есть только орудие исторической Немезиды, карающей французов за их легкомыслие, тщеславие, за тревоги, какие они возбуждали в народах своею революционною пропагандою, и проч. Допустим, что это так, но разве завидная доля быть палачом?

14. Воскресенье. На акте в университете. Речь ‹Д. А.› Хвольсона о семитических народах. Он полагает, что народы семитические стоят выше арийских. Впрочем, о семитических народах вообще он говорил мало. Вся диссертация его посвящена почти исключительно восхвалению высокой образованности и качествам евреев. Хвольсон — сам еврей. Много натяжек, много поверхностного в своей речи. Одно место, однако, вызвало громкие рукоплескания. Это то место, где оратор, восхваляя мирные доблести евреев, неблагосклонно выражается о воинственных стремлениях европейцев и изъявляет желание, «чтобы пушки и ружья переделаны были в плуги, а казармы — в школы». Жаль только, что это было приведено в речи, как говорится, ни к селу, ни к городу, а только ради эффекта.[217]

17. Среда. Акт православной духовной академии. Акт этот замечателен тем, что он первый торжественный и публичный акт в этой академии. Ректор ‹И. Л.› Янышев прочитал отчет, искусно составленный, в котором не было недостатка в любезностях обер-прокурору графу Д. А. Толстому, митрополиту Исидору, государю, наконец самому Иисусу Христу. Потом ‹М. О.› Коялович прочитал речь «О безверии в нашем обществе в настоящее время». Речь вышла довольно слабая. В ней, вместо безверия нашего времени, было говорено о ересях XIV, XV и XVI веков. Автор, кажется, не сообразил, что эти ереси были не безверием, а разногласием в вере, тогда как безверие нашего времени, если уж на то пошло, идет вообще против принципа всякого верования, в чем большая разница. Впрочем, Коялович вовсе не коснулся последнего, так что речь оказалась не тем, что обещало ее заглавие. Я, между прочим, познакомился здесь с известным протоиереем ‹М. И.› Богословским

и с двумя профессорами академии ‹И. А.› Чистовичем и ‹В. В.› Нильским.

Мир Пруссии с Францией, или, вернее, перемирие, потому что бисмарковские условия, на которые Франция в настоящую минуту принуждена согласиться, таковы, что ни один народ, не погибший окончательно, не может считать их для себя навсегда обязательными. Можно только бояться, чтобы французы, по пылкости своего темперамента, не покусились свергнуть с себя оковы этого невозможного мира прежде, чем они вполне приготовятся к новой войне. [218]

18. Четверг. Сегодня похороны ‹В. А.› Татаринова, бывшего государственного контролера. Это один из тех деятелей нашей высшей администрации, каких у нас немного. На место его назначен ‹А. А.› Абаза.

Если есть честный, не фальшивый человек, не лицемер, не лжец в нынешнем политическом мире, так это Бисмарк. Он не прячет своих целей под цветами вымышленных добродетелей и мнимо гуманных стремлений. Он прямо и смело делает то, что хочет. У него железная воля и железная рука: он прямо простирает ее над Европою, не заботясь даже одеть ее в бархатную перчатку.

21. Воскресенье. Храмовой праздник в Римско-католической академии и обед. Превосходная рыба, множество любезностей и улыбок, гимн «Боже, царя храни» и в заключение даже тост за меня.

22. Понедельник. У графини Блудовой, где опять поспорил с нею и с братом ее за французов, которых они считают скверными и вполне достойными постигшей их участи. Но нельзя же смотреть на народ так односторонне, только со стороны его недостатков и ошибок, в противном случае — куда бы и нам деваться?

Март 7. Воскресенье. Красные и Наполеон III, кажется, решились соперничать, кто из них вернее погубит Францию.

8. Понедельник. Две враждебные силы атакуют Петербург: эпидемическая оспа и эпидемическая холера. Последняя как-то вдруг поднялась и выросла. Первою жертвою ее был сын принца Ольденбургского, а там пошла она косить. Да какая свирепая — в три, в четыре часа кончает дело смерти, точно пруссак, в шесть месяцев разгромивший Францию. Оспа, хотя не так смертоносна, однако все пустились прививать ее себе. Хорошее времечко: люди и природа спорят друг с другом, кто больше истребит людей.

А вот и во Франции новая революция. [219]

12. Пятница. Умер Александр Григорьевич Тройницкий, член Государственного совета. Это потеря и для общества и лично для меня. Он был честный, благородный человек и просвещенный администратор. Мне он был близкий человек, понимал меня и любил. Он несколько времени тому назад, месяца три, был очень болен, но совсем оправился. Недели за две я был у него, и мы поговорили с ним часа два, по обыкновению очень дружески и приятно. В среду он почувствовал припадки холеры, а в пять часов утра его уже не было на свете.

13. Суббота. Похороны Тройницкого. Бесчисленное множество звезд и лент. Были: государь, наследник, великие князья Константин и Николай. Я проводил моего старого приятеля от его дома до Владимирской церкви. Его повезли на Волково.

‹А.› Пихлер, обокравший Публичную библиотеку, — говорят, он украл более 4000 томов, — посажен под арест и предан суду. [220]

16. Вторник. «Московским ведомостям» дано предостережение уже второе. Они, по обыкновению своему, сильно и справедливо говорили о сепаратических стремлениях остзейских немцев, но, к сожалению, по обыкновению своему, впали в чересчур резкий и заносчивый тон. [221] В обществе нашем вообще сильно распространено мнение, что у нас слишком покровительствуют немцам и пруссакам, даже в подрыв русским народным интересам. Недавно какой-то варшавский жид, как говорят, в союзе с берлинскими капиталистами, едва не овладел всем волжским судоходством под предлогом очистки засорившегося в некоторых местах русла реки. Это грозило страшною монополией, которая должна была обратить в ничто все наше пароходство на Волге. Рейтерну принадлежит честь, что он разрушил этот пагубный замысел, на который было согласился государь по ходатайству графа ‹В. А.› Бобринского. Но Рейтерн больной поехал к государю и объяснил ему дело в настоящем свете. Государь был этим очень огорчен и сделал выговор Бобринскому, причем между прочим сказал, что он очень дурно окружен. Бобринский захворал и больше не управляет министерством. Говорят, что по ведомству путей сообщения открыто много злоупотреблений. [222]

18. Четверг. Литература наша скачет на одной ноге, глядит одним глазом.

27. Суббота. Страшно за Францию. Она в данную минуту точно перестала быть народу отечеством, государством и становится страною, территорией. В ней есть социалисты, коммунисты, конституционисты, легитимисты, орлеанисты, империалисты, но нет французов. Замечательно, что в разных воззваниях вы редко встретите обращение к французам, а почти всегда к идеям партии, от которой идет воззвание. Партии раздирают Францию, и каждая тянет к себе кусок, не заботясь об остальном.

Англия предлагала Пруссии, не желает ли она спасти Париж и Францию от ужасов междоусобной войны. Францию могут спасти только французы, найдутся ли они?

Апрель 8. Четверг. Все сильно заняты одесским происшествием. Непостижимы действия, или, лучше сказать, бездействия, местной администрации. Она не только не позаботилась предотвратить народное волнение против евреев, чего можно было опасаться по прежним примерам, но дала разгореться настоящему бунту, который свирепствовал целых три дня и почти повсеместно сопровождался грабежом. Говорят, генерал-губернатор ‹П. А.› Коцебу играл здесь жалкую роль. Существует подозрение, что администрация умышленно бездействовала. Враждуя с судами, она будто бы притворилась, что они парализовали ее власть, и ссылалась на то, что полицейские чины потому и не смели принять энергических мер. Впрочем, администрация, наконец, приняла их: спустя три дня она немилосердно секла и правого и виновного, кто только подвернулся ей под руку. Пишут, что несколько человек отвезены на кладбище после экзекуции, в том числе мальчик четырнадцати лет. Одним словом, не обобраться слухов». [223]

11. Воскресенье. На диспуте в духовной академии. Профессор Чистович искал степени доктора. Возражения ему были довольно полновесные, но докторант защищался с замечательною ловкостью и достоинством. Вообще это человек с умом, большими сведениями и с талантом. Предмет был трудный и любопытный: историческое изложение идеи бессмертия в древнем мире и в христианстве. Главное положение заключалось в том, что идея бессмертия у древних была безличная, христианство первое установило бессмертие лица. Вообще диспут был очень занимателен и неутомителен, несмотря на свою продолжительность. [224] Тут встретил я много своих знакомых, между прочим Макария, архи-

епископа виленского, Василия Борисовича Бажанова, Делянова и проч.

Парижская коммуна требует совершенной перестройки, или, лучше сказать, замены государства конфедерацией общин, то есть полного осуществления социалистических теорий. Государство, по мнению этих великих реформаторов и учителей, отжило, и начинается жизнь общин. А что же вы сделаете из государств, и больших ныне существующих государств, которых все-таки немало найдется на белом свете? Как, что? Мы их разрушим: для этого-то и следует учредить всемирную революцию, а затем что будет — не наше дело. Едва ли в истории человечества было другое подобное безумие. Бедные люди! И все это делается на счет их крови. Ведь и Пруссия немало пролила ее во имя германского единства.

14. Среда. Природа скупо до скаредства отпускает нам тепло. Ни одного дня не было теплого во весь март и в апреле по сих пор.

Таков-то сей парадиз Петра Великого!

Вот мы приятели с N ‹Гончаровым?›. Но стоит мне не согласиться в разговоре с его мнением, хотя бы дело шло о жителях луны, он непременно сделается моим врагом. Такова терпимость мысли у русских образованных людей.

А вот нас несколько человек заседает в комиссии, которой поручено рассмотреть такое-то дело и дать о нем свое заключение. Господин N. составил себе такое-то мнение. Но случись на беду, что другой господин, NN., на две минуты предупредил первого и высказал свое мнение, совершенно сходное с мнением товарища. Что же делать этому? Согласиться, — как можно! Самолюбие воспрещает. Он наскоро выдумывает другое мнение или пристает к мнению третьего, вполне противоположному его собственному убеждению, чтобы только не признать чьего-нибудь первенства. Таков дух ассоциации почти во всех наших общественных собраниях...

15. Четверг. Умы сильно возбуждены борьбою между классицизмом и так называемым реализмом в деле нашего образования.[225] Дело это рассматривается в Государственном совете. Министр народного просвещения, по внушению Каткова и Леонтьева, отстаивает проект в пользу классицизма, состоящий в том, что университет должен быть доступен только тем, которые кончили курс в классических гимназиях, то есть изучали греческий и латинский языки.

Для прочих учреждается реальное училище. Была учреждена комиссия для составления устава этих училищ, комиссия из лиц, известных по разным отраслям науки. Они начертали проект в довольно широких размерах, который давал бы общее и реальное образование без древних языков. Каткову и Леонтьеву показалось, что училища, основанные по этому плану, отнимут молодых людей у классических гимназий, они составили свой проект, на основании которого реальные училища получают характер т е х н и ч е с к‹и›и р е м е с л е н н ы х заведений. Министр видит глазами и судит умом Каткова и Леонтьева; их-то проект он внес в Государственный совет. Тут на днях разразилась страшная буря. Против министра народного просвещения восстали ‹Д. А.› Милютин, граф ‹В. Н.› Панин, ‹С. А.› Грейг, ‹А. В.› Головнин, ‹К. К.› Грот, ‹К. В.› Чевкин и доказали нашему министру, что его проект, заграждающий доступ в университет молодым людям, которые не знают греческого языка, решительно клонится к тому, чтобы убить образование в России, делая его достоянием только немногих имеющих способности и возможность учиться по-гречески. Вышеназванные лица требовали для реальных училищ права для поступления в университет и находили нужным допустить в них латинский язык. Публика с лихорадочным нетерпением ждет, чем все это кончится; газеты сильно спорят. Против исключительного и одностороннего классицизма энергически восстают «Голос» и «С.-П‹етербургские› ведомости», особенно последние, которые убедительно и остроумно отстаивают права общего образования с допущением в университет. Граф Толстой, надо согласиться, играет во всем этом довольно жалкую роль. В заседании Государственного совета он не мог сказать ничего веского, а только раздражался и грозил, что он оставит министерство. Между тем Катков почти безвыходно у него сидит, начиняя его аргументами в пользу своего проекта, а ‹Б. М.› Маркевич и ** ‹?› пишут задорные статьи в «Биржевых ведомостях», которые почему-то стали на сторону классицизма.

23. Пятница. В старости большею частью уже не делают новых умственных и нравственных приобретений, а живут запасом или капиталом, добытым прежде.

Наклонность к розни едва ли не лежит в основе русского духа, на этом и покоится незыблемо самодержавие.

29. Четверг. Разбирая беспристрастно, без всяких предубеждений проект Каткова и Леонтьева, вот к какому, ка-

жется, результату должно прийти. Намерение их, может быть, очень хорошее: они хотят положить основание прочному и серьезному образованию и думают достигнуть этого посредством классицизма. До сих пор это очень хорошо. Но капитальная ошибка их в том, что, требуя от гимназий исключительного изучения древних языков и только воспитанникам этих гимназий открывая двери в университет и затворяя их перед учениками так называемых реальных училищ, они низводят реальное образование почти до степени ремесленного. Но, разумеется, это они делают потому, что с возвышением реальных училищ их классические гимназии могут подвергнуться опустению, а это убило бы самую сущность их классического проекта. Вот это-то невнимание к реальным наукам, угрожающее им решительным упадком, и вооружает против министра с Катковым и Леонтьевым все общественное мнение и всех естественников.

В состоянии ли классические гимназии приготовлять учащихся в них к высшим специальным заведениям так, как они могут приготовлять к высшему ученому образованию в университетах? Конечно, нет. Но и реальные училища, в том виде, какой хотят им дать Катков и Леонтьев, тоже не в состоянии этого сделать. И таким образом в конце концов мы не будем иметь людей, вполне и основательно образованных для множества реальных целей в обществе, и лишим последнее способов преуспевать во всем, что составляет его силу и богатство. Полезно ли это?

Крайние приверженцы классицизма опасаются, что у нас вовсе не будут учиться классическим предметам, если открыть путь в университет воспитанникам реальных училищ — разумеется, с латинским языком. И вот находят нужным употребить принуждение — насильно привлекать молодых людей в классические гимназии. Едва ли это хорошо.

30. Пятница. Завтра май, и ни малейших признаков чего-нибудь похожего на весну. Каждый день то дождь со снегом, то дождь с ветром, неспособным внушать никаких весенних мыслей. Мосты на Неве до сих пор не наведены: ладожский лед тянется по реке сплошными массами — его, кажется, станет на целое лето. Пастухи покусились было на Георгиев день ‹23 апреля›, по обычаю, вывести коров в поле. Но там не оказалось еще ни стебля травы, и вот уже несколько дней, как призывная труба, сзывающая стадо на улице, смолкла. Словом, всё как следует тому быть по принципу наивеличайшей гадости.

Когда нет предметов для разговоров, лучше молчать, чем болтать вздор.

Май 1. Суббота. Вот и май, в котором и тени нет ничего майского в сем п а р а д и з е, как Петр Великий называл новостроящийся Петербург. Вчера и сегодня Нева покрыта льдом, который не перестает тянуться из Ладожского озера.

Вечер у И. П. Корнилова. Встретился с Катковым. Он по обыкновению обнял меня, как старого приятеля, но от откровенной беседы уклонился, очевидно опасаясь услышать от меня мысли, несогласные с его крайне классическими убеждениями и неодобрительные для к р у т о с т и, с какою хотят ломать головы и приноровлять их к классической мерке.

7. *Пятница*. Все эти дни по Неве тянется сплошной ладожский лед, а в воздухе так холодно, что я после двух попыток перейти к теплой шинели опять вернулся к шубе, с которой до сих пор не расстаюсь. Вчера было 4° тепла. А сегодня дождь, сырость, холод и вообще всякие мерзости, из которых нельзя выкроить не только мая, но и сентября даже, а разве только октябрь, да и то плохой.

Стоит поближе всмотреться в некоторых так называемых передовых людей нашего времени, чтобы невольно почувствовать к ним особого рода сожаление, не лишенное доли презрения. Правда, они много говорят, и даже очень громко, о низших классах, о приумножении вещественных благ последних, о свободе просвещения, о наилучшем устройстве общества и разных отраслей управления. Они либеральны с головы до ног. Но либерализм этот, исходя из их головы, оканчивается у их собственных ног. Крича что есть мочи о всем вышеупомянутом, они действительно с полным усердием работают над приумножением своих собственных материальных благ. Как высокомерны они, как напыщенны! С каким презрением смотрят они на все, что не входит в программу их собственных действий! Эти либералы и провозвестники свободы готовы растерзать всякого, кто осмелится предъявить свое мнение, несогласное с их мнениями. Если эти передовые люди таковы, то что же сказать о тех, которые стоят или идут позади их!

Есть поток нравов, который увлекает малодушных людей и делает из них вовсе не то, чем они могли бы быть, предоставленные природным своим наклонностям.

Да простит нам высокодаровитый писатель, но этот характер (бабушки в «Обрыве») в заключении является психологической фальшью и клеветою на русскую женщину.[226]

13. Четверг. Коммуна перестала существовать.[227] Версальцы в Париже. Но бунтовщики успели зажечь его в разных местах, опрокинуть Вандомскую колонну и разрушить дом Тьера. Самое ужасное последствие диких злодейств — это позор, который они наложили на всякое стремление к общественному усовершенствованию и обновлению. Такой оргии самых постыдных и нелепых злодейств — оргии опьяневшего грубого своеволия и разнузданных страстей, под видом любви ко всеобщему благу, свет еще никогда не видал. И если Франция после этого не образумится, не покончит навсегда или по крайней мере на очень долго со своим любимым времяпровождением, то придется согласиться, что она обречена на гибель.

Проклятая коммуна совсем скомпрометировала дело свободы. Не было и не будет большего торжества деспотизма, как то, которое она ему доставила своими отвратительными оргиями.

16. Воскресенье. Вчера было окончательное заседание Государственного совета по делу об учебной реформе. К шести прежним голосам в комиссии присоединилось двенадцать. Всех присутствующих было двадцать семь. Если вычесть 18 голосов из 27, — 18, оказавшихся против классицизма, — то на стороне последнего окажется меньшинство в 9 голосов. Разумеется, большинство здесь ничего не решит, а решит его власть предержащая, которая, как говорят, уже предрешила его в пользу классицизма.[228]

Сегодня был у меня Г. П. Н‹ебольсин›. Он-то и передал мне то, что происходило вчера в Государственном совете. Милютин, военный министр, произнес блистательную речь против исключительного классического образования. Говорили еще граф Панин и Головнин — тоже против. С ними заодно были и князь ‹А. М.› Горчаков и ‹П. П.› Гагарин.

Во всяком случае, если граф Толстой в конце концов и восторжествует, торжество это будет печальное. Против него не только все общество, но и первое в государстве собрание — совет в лице лучших и самых влиятельных своих членов вместе с большинством.

В обществе, впрочем, сильно распространена уверенность, что проект графа Толстого, если он окончательно будет принят, при исполнении встретит непреодолимые

затруднения, и все надеются, что реформа продержится недолго: ее убьют сила вещей и всеобщее нерасположение.

Но я боюсь другого, другой опасности. По проекту графа Толстого реальные училища должны сообщать самое поверхностное знание в науках так называемых реальных — лишь настолько, чтобы приготовлять ремесленников и техников. Здесь будет учиться множество юношей среднего и бедного сословия и получать образование самое поверхностное. А такое образование способно не столько укреплять умы, сколько раздражать их, и, при действии духа времени и при расположении умов в обществе, оно чуть ли не является главною закваскою так называемого нигилизма, который думают устранить классическими гимназиями.

Высокомерие есть порок смешной и глупый, а известно, что поверхностное знание, да еще без других хороших качеств, удивительно располагает к высокомерию.

23. Воскресенье. Дожди и холода, холода и дожди. Многие, уже переехавшие на дачу, опять возвращаются в город.

24. Понедельник. Сегодня, наконец, как будто повеяло весною — дождливо, но тепло. Теперь авось и деревья начнут серьезно распускаться — не одни молоденькие, легкомысленные деревца.

Человек исправляется от многих пороков по мере того, как теряет к ним вкус и способность.

Есть шайки воров и разбойников, которые так и называются, но есть такие, которые носят имена прусских солдат, социалистов, коммунистов, национальных гвардейцев и т. д. Социалисты, подобно испанцам, огнем и мечом проповедовавшим в Америке христианство, навязывают людям свою общественную систему. А не хочешь — так голову долой!

Чем лучше этих испанцев поступали в Париже те, которые керосином и петролеумом крестили людей с целью насильственно обращать их в свою политическую веру?

Не велика ли нелепость стремиться превращать отдаленное и сомнительное будущее в настоящее?

29. Суббота. Переехали на дачу в Павловск, по Фриденценской улице в доме Шигаевой.

30. Воскресенье. А сегодня опять сильнейший холод, тепла всего 4°, отвратительнейший дождь.

Июнь 1. Вторник. Хорошее в жизни кажется мне до того исключительным, что когда оно в редких случаях выпадает на мою долю, мне становится как-то неловко и совестно

перед самим собою и людьми, точно я незаконно урвал его у судьбы.

Граф Толстой, проводя свой проект классицизма, повидимому нисколько не взвесил последствия его. Воспрещая вход в университет тем, которые не могут или не хотят учиться по-гречески, он необходимо должен был восстановить против себя общественное мнение, которое вовсе не приготовлено к тому, чтобы ценить классическое образование и ставить его так высоко, как ставят его Катков и Леонтьев. С ничем не оправдываемым высокомерием он не обращал ни малейшего внимания на это общественное мнение, не позаботился хоть сколько-нибудь ознакомить его с готовящеюся реформою и такое важное дело, как воспитание и образование целого народа, хотел порешить указом, вдруг, одним ударом пера, которое ему очинили те же Катков и Леонтьев. Он не хотел выслушать ничьего мнения, даже не опровергал возражений, которые ему делались в Государственном совете, и только твердил одно, что он подаст в отставку, если проект его не будет принят, полагая, вероятно, что в нем, графе Толстом, все спасение России. Он не хотел и не мог понять, что в Германии и Англии, где долго поклонялись классицизму и где он действительно оказал важные услуги, он водворился не указами и администрацией, а рядами веков. Однако и там уже перестают ему безусловно поклоняться и не запирают дверей в университеты тем, которые знают по-латыни, но не знают по-гречески.

Вы хотите, то есть Коммуна хочет, закон естественного развития, который царит над всем миром, заменить катастрофами и потопить в крови все содеянное этим законом в прошлом.

11. Пятница. Сегодня ‹Н. М.› Благовещенский привел ко мне француза, перешедшего в православие и сделавшегося священником, отца Виктора, который отправляет летом церковную службу в здешней (в Павловске) полковой церкви. Его оправославил наш бывший русский священник в Париже, ‹И. В.› Васильев. Не знаю, насколько отец Виктор обширно образован, но на [illegible]овый взгляд он мне показался то, что называется добрый малый. По-русски он говорит как настоящий русский.

Государь согласился с мнением меньшинства Государственного совета: отныне университеты доступны только тем, которые, учась по-латыни, учатся по-гречески. Так следовало и ожидать.

30. Среда. С 10 или 11 июня начались сильные жары и продолжаются до сих пор без капли дождя. Удушливый зной мешает выходить из комнаты днем, да и вообще что-нибудь делать. Еще кое-как работать можно только ранним утром, а гулять по вечерам, которые дивно хороши.

За человечество глупо отчаиваться. Режется ли оно, истребляет ли оно вековые памятники своей истории, ворует ли оно и грабит во имя военной славы и разного рода объединений и уравнений и проч. и проч. — оно все равно живет и не умирает. Ведь это главное в видах природы.

Нужно, чтобы было пугало, иначе вороны и всякие хищные птицы выклюют все зерна, посеянные трудом человека. Пугала же, увы, обыкновенно делаются из чего-нибудь безобразного, иначе оно и не было бы пугалом.

Июль 4. Воскресенье. Жары чрезвычайные. Вероятно, на долю их, по крайней мере отчасти, следует отнести отсутствие душевной и телесной энергии, какое я ощущаю.

Вчера военная команда из детей, набранных великим князем Николаем Константиновичем, брала приступом крепость и ночевала на бивуаках вокруг пруда. Гремела пушечная пальба, пускались ракеты. Была масса зрителей.

5. Понедельник. Общественное внимание сильно возбуждено процессом ‹С. Г.› Нечаева. Газеты только о нем и толкуют.[229]

14. Среда. Нечаевский процесс продолжает волновать общество.

18. Воскресенье. Извлечь из данной силы все, что в ней есть, не злоупотребляя ею, — это и есть задача художественной обработки ее.

Возбуждать полудикий народ к восстанию, давать ему в руки топоры — не есть ли это политическое безумие? Наше время слагается в нашей стране из невежества администраторов, заносчивости ученых и неученых естествоиспытателей, самонадеянных поборников классицизма, из деморализации и бестолковости общества.

22. Четверг. В обществе самые противоречивые суждения о суде по нечаевскому делу. Одни находят его торжеством нового судопроизводства, другие сильно порицают его за слабость и потворство. Последние особенно недовольны действиями председателя ‹А. С.› Любимова. Он, говорят они, не останавливал защитников в тех местах, в которых те развивали свои чересчур либеральные тенденции и касались вопросов, не относящихся к делу. Последнее со-

бенно приписывается речи ‹В. Д.› С‹пасовича›, который сделал из нее лекцию о том, как происходят революционные движения по вине правительства и в силу обстоятельств, невольно увлекающих молодых людей на путь, где очутились подсудимые. Сверх того, председателя еще не хвалят за слова, сказанные им четырем оправданным, что их место отныне между ними, судьями, разумея под этим, конечно, общество.

30. Пятница. Катков в № 161 «Московских ведомостей» очень умно и талантливо говорит много дельного и правдивого относительно Нечаевского дела, но он все-таки не договорился до всей правды. Да и нельзя договориться до нее публично. Что все эти восстания и агитации юношей есть бред полуобразования и т. п. — в этом нет сомнения. Но не следует забывать и того, какую грустную и скверную школу они проходят с детства. Что слышат и видят они беспрестанно вокруг себя в обществе и в администрации? В одном — полное отсутствие честности, уважения к закону, чувства долга, всякого рода кутежи и развраты и т. д. А в администрации? И говорить о ней неприятно, а терпеть от нее приходится на каждом шагу. Да ведь нельзя же этого уничтожить вдруг, особенно теми средствами, к каким прибегает так называемый нигилизм? Конечно. Но говоря о причинах наших печальных волнений, нельзя не сказать того, что в юношах невольно зарождается ненависть и презрение к такому порядку вещей. И что тут действует не одна нравственная распущенность, но и кое-какие благородные побуждения. И можно бы только желать, чтобы они не бросались очертя голову на то, что, с одной стороны, превосходит их силы, а с другой — приводит их к преступным и безнравственным целям.

Август 7. Суббота. Если бы жизнь ценилась исключительно по тем благам, которых мы жаждем и которых не получаем, как ‹бы› немногим из живущих не пришлось бы желать скорее от нее избавиться. Нет! Цена жизни в ней самой. Жить, то есть мыслить, чувствовать, действовать, — этого одного довольно, чтобы заставить человека любить жизнь.

8. Воскресенье. Любовь приобретается заслугами. Какое я право имею на исключительное чувство привязанности ко мне существа, подобного мне, если я ничего для него не сделал, чего для него не могли или не хотели сделать другие? Конечно, я говорю не о той любви, которая основана

на инстинкте, как любовь родителей к детям, детей к родителям или любовь половая. Об этих любовях нечего сказать: сила и степень их зависит от разных случайностей, от темперамента и проч.

9. Понедельник. Вчера был прелестнейший день. Кажется, это была последняя улыбка лета. Сегодня пасмурно и холодно. Впрочем, надо быть благодарным. Почти весь июнь, июль и первая неделя августа отличались необычайною прелестью. Особенно прекрасны были вечера — теплые, каких я здесь не запомню. Перепадали дожди, поистине тропические. Они только увлажали почву, но не охлаждали воздуха. Словом, лето редкое в Петербурге. Но вот и оно пролетело. Пора готовиться ко всем превратностям петербургской осени.

10. Вторник. Ночью погода взбесилась — ревела буря, а дождь бил в окна так, что я боялся, они разобьются.

12. Четверг. Надо всячески избегать споров: в них невольно разгорячишься и непременно скажешь или глупость, или резкость, о которой после пожалеешь.

28. Суббота. Много толков по поводу изъявленного высочайшею властью неудовольствия на суды за то, во-первых, что председатель вел себя слишком гуманно и любовно с подсудимыми по Нечаевской истории и что он не останавливал адвокатов там, где они слишком распространялись в общих понятиях о сущности и различии заговора и тайных обществ; во-вторых, за то, что суд оправдывает некоторых, а не всех приговаривает к каре. Говорят, граф ‹К. И.› Пален просил прощения, что дурно выбрал председателя, а когда ‹О. В.› Эссен хотел объяснить, почему суд не всех огулом обвиняет, то его не хотели слушать. Как бы то ни было, а юстиция наша в опале.

Происшествие в Павловске. В девять часов вечера кто-то выстрелил в темноте из револьвера и ранил одного из двух проходивших по аллее разносчиков-гребенщиков. Это случилось у Солдатской слободки, возле пруда, недалеко от дач, откуда еще не все съехали. У гребенщика оказались три раны. Опасаются за его жизнь, так как одна пуля засела где-то далеко и ее не могут найти. Происшествие навело панику на жителей Павловска, но, кажется, напрасно. Тут, как оказывается по некоторым соображениям, действовали вовсе не злоумышленники с целью грабежа. Около самого того места, где последовал выстрел, живет какой-то господин, у которого, говорят, два взбалмошных сына.

Один из них потешался с револьвером и хотел выстрелить в темноте по деревьям, а попал в человека. Полиция, неизвестно почему, заминает это дело.

Сентябрь 12. Воскресенье. Переезд с дачи. Нестерпимо холодно.

Хлеб приготовляется для того, чтобы его есть; факты приводятся в известность для того, чтобы давать пищу рассуждениям, обобщениям и деланию из них выводов, — словом, они должны служить средством для известных действий, а не служить конечною целью.

Судьба народа зависит от того, в какой мере он одарен способностью сопротивления. Это способность, в силу которой предмет можно гнуть только до некоторой степени, ибо он всегда может снова выпрямиться и принять должное направление. Но если этой способности у народа нет, то, что вы с ним ни делайте, он годен только на то, чтобы служить орудием в руках другого.

Лучшее свойство хорошего ума состоит в том, чтобы под благовидностью истины угадывать ложь.

15. Среда. Всеобщее возбуждение в Петербурге по причине непомерной дороговизны квартир и дров. Домовладельцы страшно возвышают цены на квартиры: кто прежде платил, например, 700 рублей, с того требуют 1000 и больше. Дрова с четырех рублей и 4 р. 50 к. дошли до 7 рублей за сажень и угрожают дойти до десяти. Цены небывалые в Петербурге. И вообще все предметы потребления страшно вздорожали.

20. Понедельник. Провидением Петербурга в данную минуту является ‹Ф. Ф.› Трепов. Едва оправясь от тяжкой болезни и вступив в отправление своей должности, он уже принимает решительные меры к облегчению беднейшего класса жителей посредством закупки в больших массах дров и распродажи их по удешевленной цене. Говорят, что дрова так вздорожали от стачки мошенников — дровяных торговцев.

Октябрь 2. Суббота. Первый вечер после летнего отдыха у И. П. Корнилова, на нейтральной почве, как справедливо выразился ‹Н. М.› Благовещенский. Кого тут не было и сколько людей тут было! И каждый со своими тенденциями политическими, литературными, общественными. Но это само собой разумеется: сколько голов, столько умов. Не в этом и дело. Разнообразие в божьем мире неисчерпаемо, а разномыслие и разноголосица в русском мире

бесконечны. Но вот беда: самолюбия в этом разногласии ненасытные. Вступая в разговор с другим, каждый сначала как будто готов на компромисс; он любезно приглашает вас высказать ваше мнение, повидимому для того, чтобы прийти с вами в соглашение или по крайней мере признать за вами право на ваше собственное мнение. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встретите такой отпор, как будто нанесли вашему собеседнику личное и кровное оскорбление. И что за хаос мнений! Как легко распространяются самые нелепые слухи! Как во всем господствуют пристрастие и личные виды! Ходишь в этой толпе, как в чаду, с отягченною головою.

6. Среда. Поднимается великая буря на Академию наук в кругу интеллигентного общества за избрание в адъюнкты ее по креслу истории ‹А. Н.› Пыпина. Избрание это, впрочем, состоялось еще только в отделении, и пройдет ли оно в общем собрании — это еще вопрос. Говорят: «Как можно было избрать Пыпина по части истории за одну только статью, написанную им в «Вестнике Европы» об Александре I и Карамзине?» И далее: «Почему же не избрали ‹Н. И.› Костомарова, который и есть настоящий деятель по русской истории?» Особенно кричат и вопят те, которые недружелюбно относятся к «Вестнику Европы». К ним, разумеется, примыкает и партия министерства народного просвещения. Эта последняя грозит, что министр при докладе государю об утверждении Пыпина может сделать такие замечания, в силу которых Пыпин, пожалуй, окажется неутвержденным. Так думают * ‹Срезневский?› и ** ‹Веселовский?›. Скандал большой. Правда, по моему мнению, состоит в следующем. Не Пыпина, а Костомарова действительно следовало избрать на кресло истории. Заслуги Костомарова и его дарования в этой области всеми признаны, и Пыпин, конечно, не может быть не только предпочтен ему, но и поставлен с ним наряду. Между тем последний мог бы быть по всем правам и по всей справедливости избран во Второе отделение по части истории русской словесности — и это, конечно, никого не удивило бы, не обидело и не озлобило. Теперешнее избрание приписывают интригам Пекарского и ** ‹Веселовского?›. Оно, может быть, и так. Посмотрим, что сделает общее собрание.

Вот уже явилась и статья в «Голосе» против избрания Пыпина.[230]

7. Четверг. Главная причина нравственных беспорядков нашего времени в усилившейся страсти к наслаждениям и в отсутствии понятия о долге, которое должно умерять и обуздывать эту страсть.

15. Пятница. Всем известно, что между крайностями есть середина, но немногие видят и понимают истину, которая лежит в этой середине.

Была у меня ‹З. А.› Кельсиева. Эта бедная женщина провела лучшую часть своей жизни в приключениях, которые выпадают большею частию на долю женщины, богато одаренной красотою и блестящими способностями, но лишенной разумного воспитания и руководства. С семилетнего возраста она жила в Италии, где, между прочим, приобрела отличное музыкальное образование, но не приобрела благоразумия. Два раза она была замужем сомнительного свойства и, наконец, в Петербурге влюбилась в ‹В. И.› Кельсиева, только что возвратившегося из эмиграции по высочайшему разрешению. Так как ей по сердцу было все необыкновенное, то, вероятно, ее прельстила необыкновенная судьба этого политического авантюриста, действительно не лишенного способностей, но в высшей степени легкомысленного и сумасбродного, как многие из наших молодых политических либералов с красною окраскою. Она соединилась с Кельсиевым, думая найти в нем чуть не великого человека, а вместо того нашла человека, совершенно неспособного к какому-либо производительному делу, и к тому же человека, преданного пьянству. Около двух лет возилась она с ним и наконец, как она говорит, принуждена была оставить его на произвол его жалкой судьбы. Все это она мне объяснила сегодня. Она, очевидно, желает снова попасть в тот круг, где признают ум и талант. Она желает заняться литературным трудом, и что она к нему способна, она доказала это своими переводами и разнообразным сотрудничеством у Краевского, который не нахвалится ее усердием и умением. Прежде чем она, на свое горе, познакомилась с Кельсиевым, она в течение двух лет занималась у Краевского, зарабатывая до двух тысяч в год. Кельсиев отвлек ее от этих занятий, и теперь она находится в большом затруднении.

19. Вторник. Министр граф Толстой, говорят, свирепствует против выбора Пыпина в адъюнкты Академии. На днях за обедом у себя он, в присутствии многих лиц, расточал ужасные укоры на Академию за этот выбор

и с обыкновенною своею горячностью объявил, что, пока он министр, он не допустит, чтобы Пыпин сел на академическое кресло. За что такая неприязнь к этому человеку? В данном случае виноват не он, а те любители интриг, которые поставили его в неловкое положение. Сам он человек почтенный и почтенный ученый. Он участвует в журнале «Вестник Европы», который находится в оппозиции с министром, и притом он не приверженец классицизма и Каткова: уж не в этом ли вся вина его в глазах некоторых?

Кстати о Каткове. Во время прений в комиссии Государственного совета о классицизме и реализме, когда граф Толстой, защищая классицизм, выходил из себя и непомерно его восхвалял, Чевкин по окончании чтения обратился к Толстому и сказал: «Вы, граф, не дочитали всего, что Катков говорит об этом».

Вся жизнь человеческая состоит из переходных и беспрерывно изменяющихся моментов, а мы привязываемся к разным предметам и положениям, как будто всё вокруг нас и мы сами были тверды и долговечны, как гранит.

24. Воскресенье. Обед у министра народного просвещения графа Д. А. Толстого. После обеда составился около него кружок. Он много говорил о том, в каком блестящем состоянии нашел он преподавание классических языков в Германии во время летней своей поездки. Я заметил сидевшему около меня Делянову, что у нас этого ожидать невозможно. В Германии несколько веков приготовили эти успехи, и притом такое изучение в духе германского народа. «Уверены ли вы, — прибавил я, — что ваша система может надолго устоять? Какая система долго стоит в России?» Граф говорил хорошо. Жаль только, что во всех речах его слишком резко выделяются его самонадеянность и выставление напоказ своего *я*. Желательно, чтобы он также скромнее выражался о членах Государственного совета, высказавших мнения свои, противные классицизму.

27. Среда. Если мне что-нибудь скажут дурного о том или другом лице, особенно о том, что это лицо говорило обо мне, то это немножко почешет мое ухо, но я тотчас кладу в него затычку глубочайшего презрения ко всем толкам и слухам и успокаиваюсь.

Ноябрь 12. Пятница. Пыпин избран в адъюнкты Академии наук по русской истории в сегодняшнем общем собрании: он получил 25 шаров избирательных и 9 отрицательных. В пользу его, кажется, много послужило ругатель-

ство «Московских ведомостей» и «Голоса» на Академию, особенно первых. Многие из членов, вероятно, не хотели показать, что они как бы испугались этих ругательств. Известно также, что министр был сильно против этого избрания.

В этом же собрании объявлено было высочайшее согласие на постановку портрета ‹Ф. П.› Литке в зале академической, о чем просили академики, или, лучше сказать, ‹В. Я.› Буняковский и ‹К. С.› В‹еселовский›. Каждый пожертвовал для этого 16 рублей, некоторые, однако, подписались на этот портрет по предложению Буняковского, и не совсем охотно; другие считают такую овацию непристойною лестью. Следовало бы тоже подумать о графе ‹Д. Н.› Блудове. Я говорил об этом Буняковскому, но он сказал, что «тот уже умер, а этот живой». Буняковский от имени членов сказал президенту речь, на которую тот отвечал изъявлениями благодарности.

20. Суббота. ‹М. Р.› Шидловский назначен товарищем министра внутренних дел на место ‹Б. П.› Обухова, который после четырехлетнего испытания признан неспособным. На место Шидловского назначен М. Н. Лонгинов, орловский губернатор, который в публике известен как отъявленный противник освобождения крестьян, судебного нового устройства, земских учреждений и всех вообще улучшений, какие начаты в нынешнее царствование. Разумеется, от него ожидают самых враждебных действий против печати. [231]

Лонгинова иначе не называют в публике, как Мишкою Лонгиновым. Он никогда не пользовался ни малейшим уважением в обществе. Репутация его была всегда репутацией непристойного весельчака, крикуна, человека, не способного ни к какому серьезному делу. В литературе он известен как собиратель разных исторических и литературных мелочей. Особенно же он прославился стихотворениями самого скандального содержания. Есть его непечатная поэма «Отец***», в которой кощунство и безнравственность доведены до nec plus ultra.* Сам Барков покраснел бы от стыда, читая эту поэму. Но стихи в ней замечательно хороши.

Я давно знаком с Лонгиновым. Мы были вместе членами комитета в Обществе посещения бедных.

* Пределов возможного (*лат.*). — *Ред.*

29. *Понедельник.* Вечер у Литке. Собрались все академики и, кроме них, Левшин А. И., Г. П. Небольсин и некоторые другие. Разбились, как обыкновенно, на кружки. Нет, нет, да и наткнешься на разговор о Пыпине. Вот странная судьба его постигла! Утвердят ли Пыпина или нет? — вопрос всех занимающий.

Заходил днем в Публичную библиотеку порыться там в бумагах Сперанского с тем, не найду ли чего-нибудь для моего очерка о нем, который готовлю к академическому акту. Мне нужны были его философские мысли, однако ничего не нашел. Много богословского. Между прочим, черновая рукопись перевода Фомы Кемпийского, который занимал его еще в 1808 году. Картон, заключающий в себе его переписку, особенно любопытен, но некогда было заняться им.

У Литке разговор также о назначении Лонгинова на место Шидловского. Всеобщее удивление и смех.

Есть два рода пороков: одни пороки нашего несовершенства, другие пороки нашей воли.

Декабрь 2. Четверг. Нездоровится больше обыкновенного. Во избежание прилива к голове, сидя в креслах, откинувшись на спинку, пишу карандашом о Сперанском к академическому акту.

3. Пятница. Общее собрание Академии. Избраны в почетные члены находящийся здесь прусский генерал ‹Г.› Мольтке и в экстраординарные академики ‹А. М.› Бутлеров. Первый получил из 30 голосов 25, а второй 29.

Обедал у ‹М.-А.› Пинто. Встретил там старых знакомых: Н. Н. Тютчева и ‹К. Д.› Кавелина. С последним долго беседовал. Он все тот же, умный, живой, пылкий, увлекающийся человек. Несмотря на эти некоторые его увлечения, он все-таки один из лучших и способнейших наших людей.

В умном человеке всякая глупость заметнее, чем у других, менее умных людей. Это все равно, что скверная заплата на пышном наряде.

9. Четверг. Усилие приобрести расположение к себе всех, с которыми мы обращаемся, похоже на желание, чтобы погода не изменялась и каждый день был бы похож на другой.

Прекрасная поговорка, замеченная мною в одном из журналов, переведенная с французского: «Если нельзя иметь того, что любишь, то надобно любить то, что имеешь».

По высочайшей воле наряжена комиссия из графа Строганова, графа Толстого, графа Шувалова, Валуева и графа Литке для исследования о том, имеет ли Пыпин право на академическое кресло.

12. Воскресенье. Диспут в университете. ‹Н.› Скворцов защищал диссертацию на доктора. Диссертация трактовала о диалоге Платона о д и к ц и и. Оппонировали отец Сидонский и профессор Владиславлев. Докторант защищался довольно вяло и вообще для доктора не слишком удовлетворительно. Разумеется, ему присуждена докторская степень.[232]

20. Понедельник. Дело о Пыпине решилось: комиссия не знала, как сладить с этим делом, и признала за лучшее, чтобы Пыпин отказался сам от звания члена Академии. Это он и сделал. Итак, и сено цело, и козы сыты.

Вот как объясняют пыпинское дело: его устроил ‹К. С.› В‹еселовский› с Головниным. На часть Головнина приходилось тут следующее: ...нельзя ли устроить западню графу Толстому? Он непременно придет в ярость от выборов Пыпина, полезет на стену, по обыкновению своему раскричится и разругается на целый город, а при докладе государю употребит все усилия подорвать выбор Академии. Может случиться, что государь согласится с ним, а может, и нет. Если произойдет последнее, то граф Толстой претерпит ужаснейшее фиаско и по своему высокомерию даже может подать в отставку, что, разумеется, было бы великою радостью для Головнина. В‹еселовский› получил от него инструкцию предложить Пыпина. К‹уник›, добрый человек, согласился с В‹еселовским›, и оба послужили орудием Головнина.

29. Среда. Акт в Академии наук. Я держал речь по поводу столетнего юбилея Сперанского. Над речью этою я работал очень усердно, справлялся, между прочим, в бумагах его в Публичной библиотеке и проч. Эта великая личность меня очень занимала.[233]

Затем, по обыкновению в 5 часов, собрались академики в гостинице Донона. Тут, между прочим, В‹еселовский› выразил свое неблаговоление ко мне и, правду сказать, очень странным образом. Были предложены разные тосты. В‹еселовский› провозгласил тост в честь Я. К. Грота и отнес на долю последнего то, что следовало отнести ко мне, то есть что «каждый раз Я. К. делает честь Академии, произнося отчеты и речи на актах», то есть то самое, что каждый год делаю я. Грот почувствовал неприличие этого

поступка и поспешил предложить тост за меня. Я принял его с подобающей признательностью. Многие встали со своих мест и подошли ко мне чокаться. Смешно было, как В‹еселовский›, приискивая слова для своего тоста, до того запутался, что трудно было понять, что он хотел сказать. Грот, вероятно озадаченный такой любезностью В‹еселовского›, тоже запутался. Но что за причина неприязни ко мне В‹еселовского›? Разве Пекарский передал ему мои слова, что я нахожу ошибкою предложение Пыпина в члены на кресло истории, так как последний имел все права на место в нашем, а не в историческом отделении, и что это, должно быть, работа В‹еселовского›? Но ведь и сам Пекарский говорил то же, а я ни от кого не скрывал моего мнения насчет Пыпина и моих сожалений по поводу медвежьей услуги, ему оказанной...

31. Пятница. Конец 1871 года.

1872

Январь 1. Суббота. Общественная моя деятельность ныне настолько сократилась, что я могу все более и более сосредоточивать мое внимание на моих хозяйственных делах, то есть на внутреннем моем мире. Главным последствием этого самоуглубления выходит сознание моих ошибок в прошедшем. К счастью, это не повергает меня в уныние и апатию относительно моего будущего. Работая над самим собою, я все еще стараюсь расширять круг моих понятий, пополнять кое-какие мои познания, а главное — обставлять мой характер укреплениями так, чтобы в него не могли проникать и его колебать никакие внешние враждебные влияния.

В поведении самообладание и сдержанность.

Как бы ни были прекрасны, благородны, справедливы твои мысли и убеждения, но если ты вносишь их в среду, им неприязненную, то ты не иное что, как бедный Дон-Кихот, рыцарь печального образа, подвизающийся в честь несуществующего рыцарства.

Что такое высшие наши чиновники, наши государственные люди? Герои адрес-календаря.

3. Понедельник. Появилась моя речь о Сперанском в «С.-Петербургских ведомостях», № 3.

Наше поколение хочет отличаться бородами. Оно носит на себе эти признаки мужей, за неимением мужественности в душах своих.

7. Пятница. В заседании отделения Академии наук сегодня предложены были в члены его ‹М. И.› Сухомлинов и ‹С. М.› Соловьев-историк. Относительно последнего

я изъявил сомнение, подходит ли он под наше отделение? Оказалось, что в правилах есть статья, допускающая выбор в наше отделение сочлена и по истории. Ну, так не о чем и толковать. Еще пройдет ли выбор этот в общем собрании? Грот уверен, что пройдет. [234]

10. Понедельник. Наши интеллигентные люди обыкновенно читают не книги или большие статьи, требующие размышления, а статейки. Фельетоны и стихи, особенно приправленные скандалами, их радость и пища. Более серьезные люди, впрочем, интересуются и книгами, содержащими в себе разные исторические материалы, что было бы, конечно, очень хорошо, если бы в то же время они не питали отвращения к разъяснению их духа, смысла и сколько-нибудь к систематически извлеченным выводам. Факты, голые факты, и более ничего.

11. Вторник. И Иван и Петр могут быть одинаково добрыми людьми, а между тем между ними может быть неизмеримая разница, смотря по тому, какими основаниями, идеалами и побуждениями определяется их доброта.

Вопрос: есть ли разница между деяниями человеческими, которые ценны сами по себе, и такими, которые ценятся только по отношению к пользе, выгодам нашим и т. п.? От разъяснения этого вопроса зависит судьба нравственности.

Надобно делать добро, потому что оно хорошо, ценно само по себе. Вот главное основание нравственного закона.

Но кто оценщик деяния? — Разум и чувство.

Главная и первейшая добродетель без сомнения справедливость.

В здешнем университете хотели праздновать, то есть сделать акт, в память Сперанского. Министр под рукою дал знать ректору, что лучше этого не делать. Так акт и не состоялся. Да и в обществе, кажется, не был сочувственно принят юбилей Сперанского. Доказательство этому, между прочим, в том, что чрезвычайно туго идет подписка на премию, которую законоведы наши пожелали назначить за лучшее юридическое сочинение в память знаменитого человека.

16. Воскресенье. У Делянова. Просил его о пенсионе жене умершего брата ‹И. Н.› Крамского. Он обещал сделать все, что можно лучшего. Вообще он оказал мне чрезвычайно много любезностей. От него к Небольсину. Он болен. Вечер у Крамского.

17. Понедельник. Моя брошюра о Сперанском принимается кой-кем с большим одобрением. Я теперь жалею, что напечатал ее в таком небольшом числе экземпляров. Всего 50. Но все это пустяки.

По нашим понятиям добро (или благо) то, что соответствует нашим желаниям, нашим стремлениям и целям. Но не таково добро в верховном божественном разуме. В нем добро то, что живет и производит жизнь.

В сердце человеческом есть щели, куда, как клопы, моль и другие насекомые, залезают беспрестанно разные скверные, мелкие, дрязговые помыслы и поползновения. Но умный человек, как хороший хозяин, смотрит зорко за этим сбродом и, не ведя с ним серьезной войны, выводит его легко и скоро, так что от него не происходит никакой порчи характеру и основным благородным побуждениям и целям.

Раз ‹А. А.› Суворов (генерал-губернатор петербургский) обедал у государя, где между прочими находился и какой-то посланник. Суворов, по обыкновению своему, не стесняясь в речах, пустился ругать ‹К. В.› Чевкина, который чем-то ему насолил: он ругал по-французски. Наконец государь ему сказал: «Замолчи!» После обеда его величество отвел в сторону Суворова и сказал ему: «Ведь ты дурак. Уж если тебе пришла охота ругаться, так ты делал бы это на русском языке, чтобы иностранцы тебя не понимали». Суворов сам это рассказывал ‹А. М.› Княжевичу, который мне это передал.

Относительно умственной достоверности нельзя ли сказать: «достоверно, что я думаю, но то, о чем я думаю, может быть и недостоверно».

Февраль 1. Вторник. Вчера заезжал ко мне Погодин, но не застал меня дома. Потом виделся я с ним у Корнилова.

3. Четверг. Провел у Погодина часа четыре. Он приехал сюда, чтобы поднести государю свою русскую историю, написанную до монгольского ига. В книге этой замечательно посвятительное письмо государю, где в начале Погодин говорит, что он родом из крепостных крестьян и подносит свое сочинение освободителю их. Мы вдоволь наговорились о разных современностях.

Был у ‹Р. Ф.› Блессига, чтобы посоветоваться с ним о моих глазах. Они не выносят продолжительного чтения, особенно при свечах, хотя теперь я и читаю с отдыхом и стараюсь прекращать чтение до 12 часов ночи. Совет Блессига:

читать меньше и с расстановками. Впрочем, он, осмотрев тщательно мои глаза, не нашел в них никакого повреждения и приписывает их нынешнее состояние усилившейся близорукости.

4. *Пятница*. Общее заседание в Академии наук. Читаны две записки об избрании в члены Академии по Второму отделению Соловьева-историка и Сухомлинова.

Погодин напечатал в «Гражданине» статью против Костомарова в опровержение его характеристик Скопина-Шуйского, Минина, Пожарского. Автор припоминает тут же и статью Костомарова, в которой последний унижает сильно Димитрия Донского. Статья эта с месяц тому назад была напечатана в академическом «Календаре». Между прочим, Погодин говорит, что ему известно, «какие козни» употреблены были для ее напечатания к стыду Академии. Сегодня В‹еселовский› предложил собранию спросить Погодина: какие это козни? По его словам, слова Погодина заключают в себе оскорбление Академии, которая должна потребовать от Погодина, как своего сочлена, объяснения. Собрание согласилось на это требование В‹еселовского›. Но были и мнения, что не лучше ли для избежания скандала не начинать этого дела. Я тоже полагал, что подобное решение было бы лучше. Но если уже пошло на это, то так тому и быть. Из этого, вероятно, ничего хорошего не выйдет. Публика, забывшая непристойность помещения костомаровской статьи в «Календаре», теперь вспомнит о ней. [236]

На днях совершилось ужасное злодеяние: некто Рыжов убит в его собственной квартире офицером М. из револьвера. Рыжов, говорят, хороший и образованный человек, женатый на сестре М., упрекал последнего за его связь с служанкой своей жены, и этот негодяй решился отмстить ему за то убийством.

Третьего дня молодая девушка, дочь какой-то помещицы, приехавшей из Пензы, застрелилась в Знаменской гостинице.

Требовать от нас, чтобы мы вдруг сделались чем-то вроде героев гражданской и всяческой доблести, значит требовать, чтобы день был ночь, а ночь — день, по выражению Шекспира. Это особенно относится к некоторым ошибкам наших судов, которые с таким угождением власти стараются оглашать «Московские ведомости».

6. *Воскресенье*. «Голосу» третье предостережение с приостановлением на четыре месяца. [237] Итак, последняя незави-

симая газета в России не существует. «Московские ведомости» считать нечего, потому что они превратились в ‹правительственную?› газету.

9. Среда. Реакция принимает, повидимому, систематический характер. Самые крупные проявления ее: реформа средних учебных заведений с намерением отклонить среднее и неимущее сословие от высшего образования, с предоставлением ему права приготовления своего юношества к низшей технике. Потом подкапывание под самостоятельность новых судов и, наконец, стеснительные меры против печати. Вот что делается в правительственных сферах. А что в обществе? Интеллектуальная часть его в тревоге и волнении; но она бессильна, и притом в ней самой разлад идей, взглядов и убеждений. Что касается до других классов, то они обретаются в глубоком невежестве, без малейшего понятия о политических и общественных интересах. Они готовы признать всё, что исходит от власти и служит опорою для удостоверения, что Россия вовсе не выросла для каких-либо свободных учреждений. Значит, мы пойдем туда, куда поведет нас реакция. Таким образом, что остается мыслящему и честному человеку, который стоит совсем одиноко? Крайний индифферентизм нашего общества в целом ко всему, что не относится к личным выгодам отдельных личностей, крайняя неразвитость умов отнимают у первого возможность, а подчас и охоту что-либо делать в этой странной, мутной среде, где сегодня бывает одно, а завтра другое, но все бывающее не подвигает людей ни к чему определенному и разумному.

Катков приехал опять сюда, чтобы воодушевлять и начинять аргументами министерство народного просвещения к предстоящей борьбе в Государственном совете по поводу реальных училищ, которые, по плану московского заправилы, должны быть профессиональными в низшем техническом смысле, а не общеобразовательными. Что это так и будет, в том нет ни малейшего сомнения.

11. Пятница. В борьбе классического образования с реальным заключается нечто большее, чем дело чисто воспитательное и учебное: тут скрывается смысл политический. Надо брожению умов противопоставить силу, разумно руководящую, и эту силу ищут в основательном умственном развитии, которое полагают найти в классической науке. Но это далеко не всё. Заграждая путь в университет молодым

людям, невыработавшимся и неокрепшим в строгой науке, хотят из лиц, созревших в этой последней, создать именно ту силу, которая должна будет сдерживать необдуманные порывы века к свободе и направлять умы к более серьезному и устойчивому порядку вещей. Это род аристократии, долженствующей иметь в руках своих и власть общественного мнения и власть правительственную. Остальные массы пусть занимаются техническими производствами и работают над материальными силами страны. Кто из молодых людей не захочет или окажется неспособным занять место в образованном классическом кругу, тот пусть учится специальной ремесленной технике и не поднимает своих глаз на высшие задачи общества и государства. Нельзя не признать за этим планом значительной доли теоретического ума. Но удобоисполнителен ли он и способен ли оказать те результаты, каких от него ожидают, — это другой вопрос. Желание образовать в этом действительно нелепом состоянии брожения, в каком мы находимся, как бы сословие людей, основательно мыслящих и с основательными познаниями — это желание весьма почтенное. Но, во-первых, как вы настолько изолируете этих молодых людей, чтобы они, войдя в жизнь, не подверглись тому же влиянию духа времени, который кладет свою несокрушимую печать на эту жизнь? Достаточно ли, настолько ли силен этот классицизм, чтобы вооруженные им в состоянии были одолевать это всеобщее влечение к материальным интересам, к материальным воззрениям на вещи, и приуготовляемая вами химическая соль не осолится ли сама? Во-вторых, подумано ли о том, как прочным образом устроить образование и положение тех, которые останутся за порогом классической науки? А ведь имя им легион! И если вы не позаботитесь о них разумно и успешно, не сочтут ли они себя какими-то пасынками, а не сынами отечества? И тогда что из этого может выйти — и подумать грустно. Ведь они прямо уже могут попасть в руки демона, смущающего век. И, наконец, можно спросить у теоретических прожектеров учебной реформы, достаточно ли они уверены, что самое правительство окажется настолько мудрым, твердым и последовательным, чтобы неуклонно идти к предложенной цели? Увы! Как много видим мы доказательств противного этому. Многие полагают, что достаточно правительственного авторитета и принудительных мер, чтобы установить такой или другой порядок вещей. Такая мысль есть мысль

пагубная и фальшивая даже у нас, где все основано на повиновении.

Вечером сегодня у меня собралось довольно много посетителей, и в том числе прежняя Северцова, воспитанница Смольного монастыря, одна из моих прежних учениц, наиболее мне близких. Был также И. А. Гончаров, который начинает, кажется, выходить из своей замкнутости и непомерной тоскливости, несколько месяцев повергавшей его в совершенное одиночество.[238]

12. Суббота. Я всегда был врагом всяких крайностей, исключая тех минутных увлечений, когда меня поражала какая-нибудь несправедливость и побуждала к неумеренным излияниям моих чувств. Главное начало, служащее основанием моего мировоззрения, есть закон уравновешения. Он господствует в природе и должен господствовать в отношениях людей в общественном строе, во всем, где человеку приходится мыслить и действовать.

Я враг всякого абсолютизма, будь он политический, умственный, абсолютизм системы или мнения. Мнение или идея, старающаяся поглотить все другие и присвоить себе господство над умами, мне так же противна, как и власть, которая хочет подклонить под свое иго всех людей с их действиями и правами.

Кто больше заслуживает осуждения: тот ли, кто от своих избытков ничего никому не дает, или тот, кто, дав, отнимает?

Для наших государственных людей нет ничего легче, как управлять государством: во всяком случае, где появляются на сцену разные человеческие отношения, права, стремления, стоит только употребить репрессивные меры — и дела пойдут как по маслу. К чему ломать голову над разными тонкостями управления? Они существуют для Западной Европы, а у нас вся мудрость государственная заключается в двух словах: быть по сему.

Единственное прибежище мысли — настаивать всячески на законности.

У одного хозяина мыши завелись в доме. Кто-то и присоветовал ему для избавления от них сломать дом.

Везде, где человек ищет неведомого или стремится к нему, даже в самых грубых формах, проявляется дух и высшая человеческая натура.

17. Четверг. В публике сильное неудовольствие и ропот на запрещение «Голоса». Говорят, что великий князь

Константин Николаевич выразил по этому поводу свое негодование Т‹имашеву›, который извинялся тем, что редактор, Краевский, дурной человек: «Надеюсь, однако, — возразил великий князь, — что вы меня не считаете дурным человеком, а вот я читал всегда «Голос» с большим удовольствием. Вероятно, много найдется таких, как я. За что же вы лишаете общество полезного органа печати?»

В самом деле, мой старый приятель Катков дошел до последней крайности, противодействуя всему, что в нынешнее царствование сделано хорошего в России. Он, как бешеный, кидается на новые суды, на общественное мнение, на всех, кто не разделяет его классических проектов, во всем видит преступление, измену, нигилизм. Все это страшно надоело всем, и даже прежние почитатели его решительно от него отшатнулись. Я знаю некоторых, которые перестали выписывать или читать «Московские ведомости». В обществе решительно господствует мнение, что по его доносу запрещен и «Голос». Если это правда, то как это назвать? Мне Краевский говорил, что ему подлинно известно, что это правда.

Был на днях у ‹А. С.› Воронова и прочитал у него мнение А. В. Головнина, представленное председателю Государственного совета, великому князю, о новых временных правилах цензуры, внесенных в Совет. Мнение это написано с замечательным умом, правдою и твердостью. Оно все проникнуто мыслью в защиту свободы печати, разумеется в известных пределах, и пагубности репрессивных против нее мер. [239]

18. Пятница. Вчера в комиссии Государственного совета решилось дело о реальных училищах. Шесть членов были за проект министра народного просвещения, а девять — против. Замечательно то, что граф Панин, который сильно и даже умно ратовал в прежней комиссии и в общем собрании Государственного совета в пользу реальных училищ, теперь перешел на сторону министерского проекта, а цесаревич, бывший тогда за этот последний, соединился с его противниками. В числе девяти вообще находятся наиболее значительные члены Совета. Вот эти члены: цесаревич, граф Литке, Чевкин, Милютин, Головнин, Грот, Грейг, Титов, Оболенский. В числе шести: граф Толстой, граф Строганов, граф Панин, Урусов, Валуев, Путятин.

Если правительство не находит в своем уме других средств действовать на умы, как меры репрессивные, то

что приходится думать о его уме? Многочисленные опыты доказывают, что репрессивными мерами можно достигнуть одного — совершенно противного тому, что желали ими достигнуть.

Всеобщее неудовольствие и волнение умов, даже дикие выходки юношей доказывают одно, что надобно делать уступки и что старые порядки перестали быть гарантией действительного порядка. Все это доказывает, что народ жив и что у него есть будущность.

Ныне пр зят всем царедворцы, лично преданные. Если бы они были сколько-нибудь умны, они правили бы не так. Им простили бы даже, что они взяли власть в свои руки. Но это люди пошлые и ничтожные, которые никак не могут взобраться на высоту государственных видов, да они об этом и не думают. Их государство или отечество, как говорил князь ‹М. М.› Щербатов еще во время Екатерины, есть двор, а их идея — сиденье на своих местах. Какое бедствие при таком добром государе! Как преступны все эти мелкие души, пугавшие его всякими нигилизмами, чтобы в возмущенном его воображении ловить свои придворные выгоды!

Действительно нигилисты — люди заблуждающиеся, нехорошие, хотя они не сами себя создали, а тот же порядок вещей, который столько времени тяготится над обществом. Но то худо, что людей серьезных и степенных все эти репрессии могут превратить в нигилистов.

25. Пятница. Запрещена газета «Деятельность», а у газеты «Новое время» отнято право розничной продажи. [240]

Говорят, что в Земледельческом училище (помещающемся в бывшем Лесном корпусе) произведена студентами какая-то демонстрация с портретом государя. Что за несчастие России это юношество, пропитанное с ног до головы пошлым либерализмом, который есть не иное что, как полнейшее безверие религиозное, нравственное и умственное, полнейшее распутство! Как вдохнуть лучший дух в это жалкое поколение! Одним классицизмом этого нельзя. Страх наказаний тоже не подейст ует. O tempora, o mores! *

Неудовольствие в публике на присяжных за оправдание Мясниковых. В деле не оказалось достаточных поводов к их обвинению, то есть улик, которые юридически могли бы быть этим поводом. Но присяжные, говорят, должны

* О времена, о нравы! (*лат.*). — *Ред.*

были бы основаться на совести, потому что нравственное убеждение в виновности Мясниковых общее. Но, может быть, присяжные по этому самому и не могли вынести обвинительного вердикта, опасаясь, по справедливости, быть орудием чужих толков и слухов, давно уже ходивших в городе. [241]

Март 3. Пятница. Второе отделение Академии выбрало ‹С. М.› Соловьева в свои члены в звании ординарного академика. Сегодня в общем собрании происходила баллотировка. Соловьев получил 27 избирательных шаров и 2 неизбирательных.

О земледельческой истории (в институте) оказалось, что это пустяки. Была просто глупая шалость одного глупого воспитанника, и первые, кто восстали против него, были его же товарищи. Кажется, из этого хотели некоторые раздуть нечто важное, но не успели.

8. Среда. Наша внутренняя жизнь есть не иное что, как игра разного рода представлений и движений, совершающихся механически по известным законам. Мы тут не больше, как арена, на которой они совершаются. Главные двигатели всего этого — наши инстинкты, животные и психологические. Однако человеку дана правительственная сила, и ей-то принадлежит власть распоряжаться тем, что происходит в нас, и направлять это к известным целям и идеям. Худо, если эта сила слаба. Тогда мы впадаем в нравственную анархию и становимся послушными орудиями, добычею инстинктов.

Россия страдает совсем не теми недугами, как Западная Европа, и потому к нам вовсе не идут те теории об изменении существующего порядка, какие проповедуются там. У нас две глубокие раны, требующие врачевания: невежество народа и дурная администрация. Исцелить последнюю гораздо труднее, чем первое. К последней применяются вполне слова: «врачу, исцелися сам». Но как ей лечиться от главного зла — от злоупотребления властью? Ведь свойство ее болезни и состоит в том, что она есть такова, какова есть, и чтобы сделаться лучшею, ей следовало бы отказаться от самой себя.

10. Пятница. Вторая половина февраля была и тепла и светла. Но весь март несносно холоден, между тем как солнце сияет великолепно. Были дни, что мороз доходил до 12 и даже 14°, и постоянно то 7, то 8° — сегодня также.

Моя служба обществу разбивается на две половины: на учено-литературную и литературно-административную. Могу сказать одно, что в первой я всегда старался проводить идеи, возвышающие человеческое достоинство нашей национальности. Во второй я не без некоторого мужества старался отражать напор неблагоприятных обстоятельств против нашей мысли и науки. Более я ничего не сделал и не мог сделать. Пусть по этому и судят меня.

12. Воскресенье. Обед в Римско-католической академии. Праздник ее церкви. По обыкновению, я был осыпан любезностями всех присутствовавших.

Классики в восхищении, думая, что они спасут Россию, основав образование наше на греческом и латинском языках. Не станем спорить, что в классицизме заключается важная образовательная сила. Но все же это не есть само содержание знания, а вот содержание-то откуда придет, как не из современной науки, и если правда, что современная наука ведет к разрушительным последствиям, то как вы убережете от них поколение, которое должно же чем-нибудь занять свои, образованные на древних образцах, силы? Ведь не запрете вы его в клетку, куда бы не мог проникнуть ни один луч из духа века.

15. Среда. Получил от общества художников приглашение на обед по подписке в честь ‹А. Н.› Островского. Не пошел, потому что не знал, кто тут распоряжается. Да притом и Островского в Петербурге нет. [242]

21. Вторник. Административные порядки: молодая девушка ‹А. Д.› Дементьева по Нечаевскому делу была судом приговорена к заключению в тюрьму на три или четыре месяца. Она отсидела это время в Литовском замке и была освобождена. По свидетельству тюремных надзирателей она вела себя примерно, и вообще это девушка прекрасная собою, прекрасно образованная, кроткая и вообще поведения порядочного. Во время самого суда она возбуждала всеобщее к себе сочувствие. Казалось бы, что, выдержав наложенное на нее наказание, она уже очистилась и сделалась свободною. Притом она еще до суда провела в крепости года полтора. Но едва она вышла из Литовского замка, ее подхватили и административным порядком сослали в какую-то губернию под надзор полиции. Между тем ей предстоял брак с человеком, тоже пострадавшим по Нечаевскому делу, ‹П. Н.› Ткачевым. Итак, суд постановил одно, а административный порядок

сделал другое. Бедняжка не достигла ни свободы, ни брака. [213]

Некоторая девица ‹Е. А.› Л‹атышева›, учительница в какой-то женской гимназии, после продолжительной болезни потеряла волосы: ей принуждены были остричь их. При этом, по слабости глаз, она носила синие очки. Вот она шла однажды по улице, вдруг городовой подхватил ее и потребовал идти с ним в полицию. Бедная молодая благовоспитанная девушка — дочь порядочных родителей (отец ее, действительный статский советник, был помощником попечителя Петербургского учебного округа и года три тому назад умер); бедная же девушка испугалась до смерти. Ее привели в полицию ни живу ни мертву. Городовой не мог сказать ей, за что она арестована. Несколько часов была она под арестом, пока не пришел частный пристав, который и объявил ей, что она взята «за то, что у ней короткие волосы и что она носит очки». Это, видите, считается признаком нигилистки. Справились, узнали, что за ней нет и тени какого-нибудь нигилизма, и отпустили. Все это а д м и н и с т р а т и в н ы й п о р я д о к. Говорят, родные ее ужасно были взволнованы, ходили к Трепову и проч. Но все-таки молодая, ни в чем не повинная, девушка отсидела в полиции за свою болезнь. Но ведь не знали, что она больна. Ей следовало бы прилепить хоть на шляпе у себя билетик, что она недавно освободилась от болезни. Но от своего, хоть кратковременного, ареста она, конечно, не сделалась здоровее.

В николаевское время был подобный случай: один университетский студент, близорукий до того, что решительно на аршин ничего не видел перед собою, повстречался однажды с государем и не узнал его. За это был он отослан на гауптвахту, где просидел дня три, пока не разъяснилось, почему он не узнал государя и не поклонился ему.

24. Пятница. Всякая мысль, кажущаяся опасною, когда она передается, так сказать, шепотом от одного другому, теряет свою опасность, как скоро она провозглашается во всеуслышание просто и не более как в виде мысли. В бесконечном приливе и отливе человеческих мыслей она скоро заменяется другими и становится не более как обыкновенным продуктом мышления.

25. Суббота. Холод, дождевой снег или снежный дождь.

26. Воскресенье. Общественное мнение сильно восстает против крайнего классицизма. В этом, однако, выражается

не одно несогласие общества с принятым правительством планом обучения, но вообще оппозиционный дух, который, за недостатком другой почвы, проявляется на этой, так как на ней можно встретить менее ограничения со стороны властей.

И надобно сказать правду, что в этом виновата сама администрация, и не только потому, что составила план, несовместный с духом и потребностями общества, но еще и по способу, каким она приводит его в исполнение. Какое-то особенное неуважение к мнению людей, с каким граф Толстой и его немногочисленные клевреты стремятся навязать обществу идеи, значения и пользы которых оно не сознает, — вот что преимущественно возмущает чувство общественное. «Что на них смотреть? Ведь все это невежды и дураки. Стоит распорядиться, приказать — и дело будет так, как мы хотим». Вот в чем капитальная ошибка министерства народного просвещения. Оно, точно Петр Великий, производит реформу в такое время, когда и Петр Великий, как очень умный человек, не пошел бы так далеко в проявлении своей воли.

27. Понедельник. Администрация принимает такие репрессивные меры, как будто одни нигилисты населяют русскую землю. Она не хочет знать, что в мыслях людей много такого, что не есть вовсе нигилизм, что эти люди принадлежат к классам, не разделяющим совсем разрушительного или радикального образа мыслей недоучившейся или невежественной молодежи. И между тем администрация все подводит под один разряд запрещаемого или такого, что должно воспрещать. Она никак не может отличить одного от другого.

Апрель 3. Понедельник. У нас ищут опоры против наплыва разных нехороших идей, волнующих особенно юношество, в классической школе и в стеснении печати и вообще в разного рода стеснениях, простирающихся и на такие учреждения, как земство, новое судопроизводство и чуть ли и не на освобождение крестьян. Словом, думают посредством принудительных мер, бюрократических и административных порядков удовлетворять потребностям нации и потребностям времени. Все это происходит из той мысли, что власть так сильна в России, что она может делать все, что ей угодно, и что вообще внешними казенными мерами можно устраивать какой угодно порядок вещей.

Вчера был у князя П. А. Вяземского. Он довольно мрачен, однако беседовал со мною как всегда, без малейших признаков какого-нибудь внутреннего расстройства, кроме грустного сознания, что он не так здоров, как бы желалось, и уже очень стар. Он был очень доволен моим посещением.

В Одессе, в тамошнем соборе, украдена икона божьей матери, осыпанная драгоценными камнями и считавшаяся чудотворною. Полиция выбилась из сил, отыскивая воров и украденную икону. Но вот приехала в Одессу императрица, и в тот самый день икона была найдена где-то в яме, завернутая в салфетку, но уже без драгоценных украшений. Такое неожиданное обретение, и притом в момент приезда высочайшей особы, конечно, составляет уже чудо. Икону принесли в собор, где торжественно принял ее архиерей. Затем обратились к синоду с просьбой разрешить ежегодное празднование обретения чудотворной иконы. Мораль всего этого та, что русский народ чрезвычайно самобытен и остается теперь таким же, каким был в XV и XVI веке, а чиновники, считая в том числе и архиерея, весьма догадливые люди. А что же такое проклятые воры? Эти негодяи должны быть большие юмористы.

7. *Пятница*. Когда вы стесняете свободу в добром или по крайней мере безвредном, она обращается на путь зла и разврата.

Проект о реальных училищах в общем собрании Государственного совета прошел. На стороне графа Толстого 19 голосов, против 29. Граф Панин оказался ренегатом: он заодно с графом Толстым, тогда как во время суждений о классических гимназиях он не только был противником толстовского проекта, но противником весьма сильным, энергическим и разумным. Куда же девались его энергия и разум? Их унес царедворческий ветер.

8. *Суббота*. Самое великое зло, которым страдает наше общество, это почти повальная деморализация.

Классики полагают, что противодействие этому злу мы найдем в изучении древних языков и литератур. Это ужасная нелепость. Можно ли в языческой образованности найти нравственные основы для мира христианского? Разве потребности и стремления духа у нас и у античных людей, как бы эти люди ни были развиты, одни и те же?

Западная социалистическая мораль для нас не годится. Да и на Западе она может существовать только в одних крайне небольших общинах.

И вообще может ли установиться на земле сколько-нибудь прочный нравственный порядок вещей без содействия религиозной силы?

Но эта сила сама в упадке. Кто ее поднимет и возвысит? Воспитание, но оно думает более о греческих и латинских склонениях и спряжениях, нежели об укреплении в сердцах религиозных чувствований. Более всего это было бы дело церкви, но наша церковь находится в полнейшем внутреннем разъединении с народом и обществом. Она у нас не более как учреждение, наравне с полицией, губернскими правлениями и т. п. Она вовсе не заботится управлять умами и сердцами, направлять их, назидать, а думает только о сохранении внешнего режима.

11. Вторник. Нет такого дурака, который не в состоянии был бы найти что-нибудь смешное в самом умном и честнейшем человеке.

В каждом человеке, как бы он ни был умен, всегда бывает некоторая доля неблагоразумия, препятствующая успехам его предприятий и мешающая пользоваться успехами, уже достигнутыми.

12. Среда. Уже третий день, как прекрасные теплые дни, настоящие весенние, хоть бы не в Петербурге, несмотря на то, что вчера ладожский лед шел во всю ширину Невы. Сегодня я разоблачился от шубы и зимних калош и ходил гулять в пальто, разумеется ваточном.

14. Пятница. Общество не должно довольствоваться тем, чтобы только заявлять перед администрацией о своих нуждах и интересах, оно должно тем или другим образом настойчиво поддерживать свои заявления, не смущаясь ни отказами, ни проволочками, ни даже воспрещениями. Дожидаться, пока администрация сама собою благосклонно и милостиво снизойдет к желаниям народа, значит заведомо дурачить самих себя. Известно, что самые дорогие и сложные интересы общества не могут никогда быть удовлетворены без некоторых жертв со стороны администрации; чтобы исполнить это, она необходимо должна потерпеть некоторое стеснение в своем произволе и притязаниях — и где же видано, чтобы власть добровольно и по собственной инициативе отказалась от своих выгод, как бы они ни были противоположны выгодам общим. Ведь она всегда и во

всем имеет право; другие в отношении к ней имеют только обязанности. Чтобы уверить ее в противном, то есть чтобы доказать ей, что эти другие имеют также права, а она обязанности, надобно дать ей почувствовать, что так или иначе, а ей придется отказаться частью от первых в пользу последних; и если общество неспособно мирным и легальным способом дать ей это почувствовать, то пусть лучше и не думает ни о чем, а живет, как стадо баранов.

16. Воскресенье. День пасхи. На заутрене и обедне в церкви Театральной школы.

18. Вторник. Правительство наше ужасно любит раздавать ничего не стоящие ему награды. И в нынешнюю пасху крестами, звездами, лентами, чинами оно накормило чиновников всякого рода и степени до тошноты. Такого обилия наград, как в последние пятнадцать лет, Россия никогда не видала. Для чего это? Есть ли какой-нибудь человеческий смысл в том, например, что чиновник, если он не обокрал казну, не убил или не сделал другого подобного преступления, непременно каждые два года должен получать или чин, или крест, или звезду и ленту, смотря по своему рангу? Зато эти вещи потеряли всякую цену.

19. Среда. Веселая эта нация: любит попить, поесть, погулять, да уж и поворовать мастерица.

20. Четверг. Мне кажется, сделана огромная ошибка насильственным установлением так называемого классического образования. Если решено было уже принять эту систему, то надобно было не провозглашать ее с таким азартом, как это сделал граф Толстой, и не вдруг поразить ею общество. Одним почерком пера нельзя произвести такого крутого переворота в понятиях. Можно было бы учредить несколько классических гимназий, не давая им исключительного и всеобщего значения, и предоставить желающим идти другим путем. Этою постепенностью выиграли бы и то еще, что имели бы возможность подготовить нужное число хороших наставников классических языков, которых теперь нет и которых принуждены выписывать из Чехии. Министерству народного просвещения следовало избегать и другой крайности — публичного изъявления недоверия к наукам естественным, считая их рассадником нигилизма и материализма. Во-первых, это несправедливо, а во-вторых, как же это сделать, чтобы эти науки не распространялись в государстве? Наконец, разумно ли лишать средние учебные заведения, каковы бы они ни были, общеобразователь-

ного характера, превратив их в заведения специальные, почти ремесленные? Мудрено ли, что в Государственном совете нашлось 29 голосов против 19 толстовского, или, лучше сказать, катковского, проекта?

22. Суббота. Вечер у И. П. Корнилова. Разговор, между прочим, шел об усилении власти губернатора и предоставлении ему права входить в учебную часть заведений министерства народного просвещения. Я возразил на мнения некоторых господ о пользе этой меры. «Это значит, — сказал я между прочим, — что губернатору присваивается способность всеведения и даже педагогические и научные знания. Как же будет он вмешиваться в преподавание, имеющее уже своих специальных блюстителей?» ‹М. Р.› Шидловский особенно настаивал на необходимости сделать из губернаторов педагогов. «Но я берусь, — сказал я, — прочесть в его присутствии лекцию об атеизме в духе, вовсе не соответствующем желанию его, и однако он будет благодарить меня за нее».

23. Воскресенье. Печальное происшествие в Харькове (смотри № 110 «С.-Петербургских ведомостей»); бунт против полиции народа, который излил на нее страшную злобу. Поводом была глупейшая выходка частного пристава, который вздумал столпившуюся на праздничном увеселении толпу разгонять водою из пожарных труб, причем трубы эти раздавили нескольких человек. Народная ярость разразилась ураганом, против которого оказалась бессильною администрация, вместе с губернатором во главе ее. Это было настоящее восстание народа против полицейских порядков. Замечательно, между прочим, что в народе раздавались крики, требовавшие суда. Причин этого грустного факта, впрочем, не следует искать в частной или минутной ошибке какого-нибудь полицейского агента; вероятно, в нем выразилось то, что накипело в народе в продолжение долгого времени против административного произвола и беззаконий. Поймут ли это высшие власти? [244]

Замечательно, что повальное сечение розгами в Одессе вовсе не послужило устрашающим примером для харьковцев. Значит, в правительственных мерах нужно нечто подействительнее палочной расправы без суда и исследований.

26. Среда. Отечество, Россия — это одно. Современное русское общество, администрация русская — это нечто другое. Сколько у меня уважения и преданности интересам первой, столько же глубокого презрения к обоим последним.

В отдельности много у нас есть людей и умных, и достаточно просвещенных, и благородных. Но взгляните на то, какие интересы преследуются целыми массами людей, какими стремлениями они воодушевляются, на весь порядок, на крайнюю бестолковость этих масс, на мелочность, на отсутствие всяких общечеловеческих и общенародных принципов — и вы увидите, что тут вовсе нет того, что называется духом общественным, а господствует крайняя разъединенность видов и взглядов во всем, что касается общих целей и интересов. Вас изумит несостоятельность, пошлость тех самых лиц, которые в своей единичности представляются людьми, достойными сочувствия и уважения. Очевидно, общие задачи, которые бы возвышались над частными эгоизмами и видами, еще у нас не выработались. Как скоро отдельные личности соприкасаются друг с другом, их ничто высшее не связывает, и они бегут врозь, каждый гонимый своим самолюбием или житейскими расчетами.

Впрочем, есть одна идея, связующая всех так называемых интеллигентных людей вообще среднего класса, — это глубокое недовольство администрацией.

Что касается администрации, ее надобно разделить на высшую и низшую. В первой господствует одно стремление — добиться выгодного положения, богатого содержания и расширения произвола своего до всевозможных пределов, или, лучше сказать, до беспредельности, и таков общий разврат, что человек, называвшийся порядочным и даже довольно как будто способным, лишь только очутится на дороге повышения, делается совсем иным. Низшая администрация думает об одном — о приобретении денег и чинов во что бы то ни стало — и тоже злоупотребляет, как может, тою долею власти и влияния, каких успела добиться. И между всеми ними есть люди честные, нравственные и способные. Но опять-таки общая безнравственность так велика, что редко кому приходит в голову действовать по совести, по закону и по внушению долга.

29. Суббота. Почти весь апрель щеголяет на славу прекрасными днями. Солнце с расточительностью, неизвестною в Петербурге, льет потоки света и тепла. Последнее доходит до 14 и 15° в тени. Надолго ли? Невольно закрадывается в душу сомнение: не отомстит ли нам за это май сторицею холодом, с примесью снега и морозцев? Ведь все бывает на свете так. Ни судьба, ни природа, ни администрация не ба-

луют нас продолжительным добром. Горе есть нормальное состояние человечества, радости суть исключения.

30. Воскресенье. Вот новое распоряжение министра народного просвещения: в гимназиях воспитанник должен получить на экзамене в греческом и латинском языках по $4^1/_2$ и во всех прочих предметах по 4, чтобы иметь доступ в университет. Кто хоть в одном предмете получил 3, ему выдается свидетельство, что он кончил курс гимназии, но без всяких прав.

Май 1. Понедельник. Такой же прелестный день, как и апрельские.

7. Воскресенье. То холодновато, то темновато. Поутру вдали раздавался гром, но вечером разразилась настоящая гроза с проливным дождем, продолжавшаяся часа полтора или два. Впрочем, сильных ударов не было, хотя молния блистала почти ежеминутно.

Ум становится шире и светлее и сердце добрее, когда вокруг себя не видишь ничего, кроме зелени деревьев и цветов, не слышишь ничего, кроме щебетанья птиц, крика кукушки и т. п. Человек человека делает злым, природа — никогда.

14. Воскресенье. В одном пансионе священник объяснял то место из евангелия, где изображены страдания Иисуса Христа и все, что он претерпел от врагов своих. Инспектор, тут находившийся, спросил у девочки: «Скажите мне, от кого мы больше терпим неприятностей?» Ученица немного подумала и ответила: «От начальства».

18. Четверг. Май до того хорош, что боишься, нет ли тут злоумышления со стороны природы: не придумывает ли она какую-нибудь кознь против нас вроде холодов, северо-восточных ветров и т. п. Ведь выпал же, давно уже, 22 мая, снег, покрывший землю четверти на две и пролежавший почти сутки.

21. Воскресенье. Министр народного просвещения находится в полной зависимости от Каткова и Леонтьева. На днях последний приезжал сюда, чтобы устанавливать такие порядки учения в классических гимназиях, от которых в ужас пришли все 11 педагогов, собранных на совет министром, который во все время совещаний не осмелился произнести ни одного слова против толкований Леонтьева. Между тем распоряжение министра о том, чтобы в университет не были допускаемы ученики, которые получили на окончательном экзамене менее $4^1/_2$ в греческом и латинском языках

и менее 4 во всех других предметах, — распоряжение это приносит уже свои плоды: два ученика, один в ‹?›, а другой в Одессе застрелились вследствие этого. Замечательно, однако, что здешнее немецкое училище отказалось исполнить предписанные министром правила.

23. Вторник. Говорят, граф Толстой имел неосторожность когда-то написать к Каткову письмо, которое сильно его может скомпрометировать, и вот причина, почему он находится в такой зависимости от него и его товарища.[245]

Не все ли мы играем комедию, стараясь выполнить свою как будто какую-то серьезную роль, в сущности же занимая себя и других нелепыми и смешными играми?

27. Суббота. За исключением двух дней в начале месяца, весь май составляет дивное исключение в здешней природе. Один день лучше другого, можно жаловаться только разве на жары. Но жары мая всё еще не доходят до удушливого зноя. И что за роскошная зелень, что за бесконечное пение соловьев и других милых гостей у нас на севере! Ветреная кукушка кричит — что редко здесь бывает — так, как кричала только в моем детстве в благодатных рощах около Дона или у берегов тихой Сосны. Против моих окон беспрерывно поет свою милую песнь какая-то птичка, которой, к сожалению, я назвать не умею. Голосок ее похож на самые нежные звуки флажолета, мягкие, как лепетанье ребенка.

У нас лгут и только лгут — лгут энтузиазмом, который есть не что иное, как натянутая и искусственная вспышка, которую мы тут же готовы тотчас и осмеять, и лгут затем беспрестанно, обманывая друг друга, составляя, например, общества, где каждый имеет в виду будто бы какую-нибудь похвальную цель, а потом спешит обворовать это же самое общество или сделать его орудием каких-нибудь других своих мерзостей, и проч., и проч., и проч.

30. Вторник. Не есть ли чистое безумие думать о создании у нас консервативной умственной аристократии (за отсутствием политической) посредством греческого и латинского языков? А между тем это, повидимому, мысль графа Толстого и его повелителей — Каткова и Леонтьева. Умственная аристократия — вещь очень хорошая, но она создается сама собою из высших образованных умов, почерпающих свою силу вообще в знании, в науке, в искусстве и прилагающих ее честно и разумно к многоразличным требо-

ваниям общества и управления. Но для этого-то, говорят, и нужно серьезное классическое знание. Почему же именно только классическое? Вот в этом весь вопрос. Ведь какую бы образовательную силу ни признавали за классицизмом, все-таки это не более как сила формальная. Но образование классическое, говорят, делает человека ко всему способным, потому что оно и развивает высшую, настоящую дисциплину ума. И возможно ли, полезное ли дело обратить умы общества к одной стороне знания, а другие стороны оставить в небрежении или относиться к ним даже с некоторого рода презрением? Вы хотите создать правителей, руководителей умов и общества из классиков, и это будет настоящая соль русской земли, аристократия умственная в консервативном духе? Да как же эти правители и руководители будут поступать, когда нужда или жизнь общества потребует от них соображений финансовых, политико-экономических, строительных, статистических, знания природы, знания людей и народов? Дадут ли им для этого средства классические знания? Но, возражают, классическое образование даст им возможность приобрести их самым лучшим образом — то есть после того, как они истощат запас лучших, свежих умственных сил и запас драгоценного времени на классицизм, они в состоянии будут уже посвятить себя трудам специального знания! Удивительно!

По мнению господ, защищающих проект графа Толстого, выходит, что нельзя быть ни отличным финансистом и политико-экономом, ни инженером, ни полководцем и проч., не убив своей юности на изучение греческих спряжений, склонений и синтаксиса?

Сегодня в Петербурге празднуется двухсотлетие со дня рождения Петра Великого. Это действительно праздник. Без Петра Великого Россия и теперь еще гнила бы в своей гнусной апатии и совсем исчезла бы под натиском таких солдат, как Карл XII и Наполеон.

Настоящий Петровский день: по временам проглядывает солнце, но по небу ходят тучи.

Июнь 3. Суббота. Экзамен в Римско-католической академии. Как обыкновенно.

4. Воскресенье. Вечером на музыке. Толпа тупых лиц, и больше ничего. Мансфельда оркестр очень хорош.

Мы до того опошлились, гоняясь за изысканною будто бы простотою, что кто хорошо говорит, тот уже подвергается нареканию. Отсутствие всякого оживленного выражения,

всякой мысли, принявшей сколько-нибудь изящную форму, считают за достоинство, точно так, как молчание принимают некоторые за доказательство ума.

Вместе с холодом и дождем я начал как-то оживляться и выходить из моей апатии. Не прав ли уж Пушкин, который гадкие осенние дни считал за лучшее время для поэтического творчества и обыкновенно удалялся в эту часть года в деревню, откуда привозил с собою лучшие свои произведения?

Давно уже, и не без некоторого успеха, работаю я над собою, чтобы не приходить в волнение от разных человеческих гадостей, но одного не мог до сих пор никак в себе преодолеть — это негодования на всякую несправедливость, в какой бы форме она ни являлась.

5. Понедельник. Болен. Доктор мой — Иван Захарович Фассанов. Он здесь городской или полковой.

Вот моя майская вялость и какое-то нелепое расположение духа разрешились довольно серьезною болезнью.

Надобно бы из этой болезни извлечь какую-нибудь нравственную и умственную пользу. Пора от утомительного и плоского бездействия обратиться к усиленному крупному труду, дающему лучшую награду человеку в мирном успокоении отдыха, которого не бывает без трудов.

Униженные в течение последнего времени отвсюду извне, развращенные до мозга костей внутри, где взять нам чувство своего национального достоинства?

20. Вторник. Между получившими образование в классических школах и школах реальных непременно возникнет антагонизм. Одни, напыщенные ученостью, с педантическим высокомерием будут смотреть свысока на реалистов, а эти, в свою очередь, сильные практическим своим значением и участием во всех нуждах и интересах общества, будут платить классикам презрением, и если правительство будет последних отличать, то и ненавистью. Что из этого выйдет — неизвестно, только не может выйти ничего хорошего.

Общество, которого не могли пробудить ни крестьянское освобождение, ни земские учреждения, ни судебная реформа, стоит того, чтобы им управляли посредством насилия.

Впрочем, и то сказать, где сосредоточиться какому-нибудь возбуждению? В чиновничестве? Смешно и думать об этом. В купечестве и мещанстве? Но оно знает только плутовать и посредством плутовства наживаться. Пока было у нас

дворянство, то в нем все-таки существовало нечто похожее на инициативу или по крайней мере на пассивное чувство своего гражданского достоинства, но с уничтожением его и это пропало в обществе. Что касается до молодого поколения, то я немного ожидаю от него добра. Сперва оно заявило себя чересчур шумными протестациями и радикальными требованиями, а теперь оно воспитывает в себе материализм и всяческое безверие.

23. Пятница. Борьба с болезнью не прекращается. Долго ли это продолжится? Умственной деятельности почти никакой, и это более всего меня возмущает. Я креплюсь, но по временам мною овладевает уныние.

25. Воскресенье. Неподвижность умственная, неподвижность нравственная — бессилие. Отсюда один шаг к презрению самого себя.

Третьего дня был у меня ‹А. И.› Селин, приехавший из Киева. Двадцать два года мы с ним не виделись. Он такой же восторженный, как прежде, или еще более. Восторженность в нем, впрочем, не есть натяжка и более привычка, манера, чем чувство. Да и чувствовать так долго и постоянно нельзя. Несмотря на это, в нем много искреннего, он прямодушен и честен.

А лето продолжает быть прекрасным; ни одного дня, напоминающего петербургскую погоду.

Да, Россия одно, а общественность наша — иное. Конечно, и дым отечества нам сладок, однако не этот отвратительный смрад от повсеместной испорченности нравов.

Почему правая сторона французского Национального собрания монархию считает панацеей против коммунизма, социализма и проч.? Непостижимо! Если она домогается монархии абсолютной, диктаторской, то тут было бы еще нечто похожее на возможность. Но ведь такая монархия невозможна. А конституционная, наподобие испанской, разве менее, чем республика, будет поприщем всяческих партий и страстей? Сверх того, монархия откроет путь к новым междоусобиям. Ведь три претенд[illegible]а на престол.[216]

29. Четверг. Открытие в Павловске памятника Павлу I. Большое торжество в присутствии государя: войска, музыка, пальба из пушек.

Июль 4. Вторник. Прекрасные дни продолжаются. Вчера был даже очень жаркий день.

Здоровье мое почти совершенно поправилось.

*

Новый закон о цензуре. Finis * печати. Все решается произволом министра внутренних дел. Какого бы специального содержания ни была книга, он ее конфискует. При этом законе, если он будет исполняться, решительно становятся невозможными в России наука и литература. Да правду сказать, давно бы следовало покончить с ними. К чему они нам? Они только сеют разврат и заставляют усомняться в здравомыслии начальства.

Общество, которое само ничего разумного и честного не хочет делать, не заслуживает, чтобы с ним поступали честно и разумно.

Все-таки не следовало бы с такою бесцеремонностью отбирать то, что раз дано. Ведь от этого всякое доверие теряется, а с ним вместе и уважение. Привыкают повиноваться только потому, что больше ничего не остается, а где можно, там обманывают, то есть укрепляется разврат, которым наша общественность и без того так богата.

Все это: и жизнь людей, и нравы их, и учреждения не могут не возбуждать к себе презрения.

Вся моя жизнь прошла в пустяках, в мышлениях, в стремлении к чему-то высшему, вместо того чтобы позаботиться о существенных нуждах. Ошибки делались за ошибками, и вышло из этого какое-то нелепое существование — жертва ни себе, ни богу, ни черту. Исправить прошедшего нельзя, а малодушием настоящее можно превратить в такую гадость, которая будет хуже всего прошедшего.

7. *Пятница.* Науки естественные и математические находятся ныне в опале, или, как говаривал Петр Великий, не в авантаже. На днях министр народного просвещения велел двум здешним директорам гимназий подать в отставку единственно за то, что они не классики, а ученые по физико-математическому факультету. Оба были отличными директорами много лет: ‹В. С.› Бардовский — 1-й гимназии и ‹А. Н.› Беляев — 5-й. О Беляеве особенно все глубоко сожалеют. Это был один из лучших директоров во всем министерстве. Исправляющий должность попечителя ‹К. П.› Я‹новский› прямо сказал Делянову, что он не берется объявить об отставке этому благородному и превосходному педагогу: «У меня язык не повернется сказать ему, что считают его негодным».

* Конец *(лат.)*. — *Ред.*

8. Суббота. Множество неудобств бывает следствием всяких реформ общественных, и жаловаться на них было бы несправедливо и малодушно. Но бесчестность, отсутствие всяких понятий о законности и долге, обманы при всяких сделках, одним словом, попирание общественной честности — вот что крайне дурно и невыносимо в нынешнем состоянии нашего общества. Это уже не от реформ, а от того, что составляет нравы наши. Поэтому и реформы служат не столько основанием добра, сколько поводом ко злу. И так как подобное состояние нравов есть наследие веков, то надобны силы, чтобы переменить их к лучшему.

В лице каждого человека непременно есть черта, которую, отделив от других, можно возвести в карикатуру.

С легкой руки Петра I у нас было несколько Петров, производивших реформы насильственно и диктаторски, например Аракчеев, граф Д. А. Толстой и проч.

11. Вторник. Когда приходится прямо лицом к лицу иметь дело с житейскими тревогами, с разными несовершенствами нашего общественного быта и т. п., то естественно, что наше чувство возмущается, и мы готовы во всем этом видеть какое-то исключительное бедствие, которому мы преданы в жертву злою нашею участью. Но этой-то и с к л ю ч и т е л ь н о с т и вовсе нет. Мы, как капли, повинуемся общему течению волн и терпим то, что люди всех племен и всех веков терпели и будут терпеть до скончания мира. Поэтому, чувствуя зло, нас постигающее, мы не должны его преувеличивать и делать из него выводы такого, например, свойства, что если бы те и те хотели, то вот его и не было бы. Самое великое бедствие состоит в том, что люди, заведующие судьбою общественных дел, большею частью или неспособны, или недобросовестны, или беспечны, и чем они выше, тем по меньшей мере беспечнее, то есть невнимательнее к чужим интересам, имея в виду только свои собственные. Но ведь это такое же зло, как холера, как неурожай, угрожающий голодом, как смерть.

Глупого, конечно, нельзя н[illegible]ать умным, злого — добрым, эгоиста — готовым служить честью другим людям, обществу. Мы не можем не относиться к этому критически, не можем не желать лучшего, даже не можем не покушаться достигать этого лучшего, сколько позволяют наши силы. А все-таки в конце концов вы придете к выводу: «так бывает, так будет и так должно быть».

Вечером на музыке услышал от доктора Барча, что Пекарский, живущий на даче от меня через несколько домов, умирает или уже умер от холеры. Доктор только что от него; он нашел его при последнем издыхании и ничего уже сделать не мог. До него его лечили еще несколько докторов и не успели спасти несчастного.

А вот говорят, что он уже и умер.

Бедный Пекарский! Я дня четыре тому назад виделся с ним: он весело гулял в парке. До того он жаловался несколько на расстройство желудка, но он не обратил на это особенного внимания. Это большая потеря для Академии и науки. Он много и честно трудился для них.

12. Среда. Вчера было довольно свежо, особенно вечером. Ночью шел дождь и прогремел вдали гром. Сегодня прелестнейший и жаркий день.

13. Четверг. По словам доктора ‹И. З.› Фассанова, Пекарский чувствовал уже себя не совсем здоровым за несколько дней до болезни. В этом состоянии он еще обедал в гостях, и, разумеется, без надлежащей осторожности; да обед еще был на открытой галерее, где, вероятно, бедного его и продуло. В прошедшую субботу открылась у него сильнейшая холера. Были созваны всевозможные медики, но спасти его не могли. В последний день, то есть в день агонии, он страшно страдал. Бедный Пекарский! Смерть застигла его в лучшую минуту его жизни, когда ему все улыбалось. Труды его шли как нельзя успешнее. Он пользовался уважением и известностью как ученый. Во время юбилея петровского ему дали значительную денежную награду за прежний его труд о состоянии просвещения в петровскую эпоху. И вот тут-то судьба его и подстерегла. Ему было едва ли сорок лет.

Интеллигенция наша почти разом понесла большие потери. Умерли: ‹А. Ф.› Гильфердинг, Утин за границею — Борис, тот, который был профессором прав в здешнем университете, и Пекарский.

16. Воскресенье. В этом страшном антагонизме сил, где одна стремится поглотить другую, поглощает ее и сама поглощается третьей, — в этой трагической борьбе за существование заключается жизнь, и не человеческая воля дает или терпит такой характер жизни.

20. Четверг. Что за гнусное существование! Мы ущемлены между двух зол, посланных на нас природою: холерою и оспою. Последняя с неистовою силою свирепствует

в Петербурге, первая тоже делает свое отвратительное дело очень усердно: она проявилась уже и здесь. Вам ежеминутно угрожает бедствие: вы ходите, спите, едите, работаете, так сказать, перед глазами смерти. Забурчит ли в желудке, чувствуете ли небольшую в себе перемену, малейшее изменение в обычном течении ваших дней — вам кажется, что гроза готова на вас обрушиться. В несколько часов, здоровые, крепкие, вы можете провалиться если не сквозь землю, то в землю. Так случилось, например, с Пекарским. А по селам вокруг вас чума скота. И этак не один день, не два или три, а целые месяцы, и притом лучшего, благоприятнейшего лета, которое не жарко, но тепло, с перепадающими от времени до времени дождями. Что же тут делать? Благоразумие предписывает не пренебрегать предосторожностями, особенно в пище, а остальное, не падая духом, предоставить судьбе.

23. Воскресенье. Вы требуете не того равенства, которое основано на законах человеческой природы и требованиях права. Вы хотите равенства между бездельником и честным человеком, между умным и дураком, между невеждою и человеком просвещенным, даже между вором, злодеем и трудолюбивым, полезным гражданином.

25. Вторник. Государственный ум есть тот, который способен управлять государством. Управлять людьми значит не притеснять их и не потворствовать им.

Что за вздор я написал? Управлять людьми значит извлекать из них как можно больше денег или власти и славы для себя.

30. Воскресенье. Заходил навестить ‹Л. Ф.› Пекарскую. Она уехала в город, но меня приняла ее сестра... Пекарский не страдал ни так много, ни так долго, как сначала говорили. Он почувствовал себя дурно накануне смерти вечером. Началось бурчанье в желудке, но он ходил и сначала ни на что больше не жаловался, говорил только, что не тиф ли у него начинается, потому что он чувствовал какой-то жар в голове. Ночью сделалась у него страшная тоска. Послали за доктором, который нашел его уже в опасном положении. На другой день вдруг у него ослабел пульс. К вечеру ему стало очень худо, и часов в шесть он умер. Он сохранил полное сознание еще за полчаса до смерти, так что мог благословить детей. Года два назад его постиг удар в голову так, что рот ему поворотило на сторону. Но съездив за границу, он совсем поправился; теперь паралич

особенно сосредоточился у него в шее или горле. Итак, вероятно, прежняя болезнь помогла нынешней.

Август. 5. Суббота. Берите истину везде, где она есть, если только она есть.

Домашняя жизнь отравляется каждый день мерзостями нашей прислуги. Ничем: ни ласкою, ни жалованьем порядочным нельзя ее привлечь к исполнению того, что она должна делать по условию. И это повсеместное у нас зло. Третьего дня я принужден был отправиться к мировому судье, чтобы спросить у него: нет ли каких средств против невыносимого самоуправства, бесчестности и пьянства этих людей? От него узнал я, что закон не представляет совершенно никакого ограждения прав нанимателя, и потому наемные люди совершенно преданы своему глубокому произволу и страстям. Он сказал мне, что практика судейская одну истину сделала для него очевидною — что эти люди недоступны никаким внушениям своих обязанностей. Никакая кротость, никакое терпение тех, которые должны, к несчастью, иметь с ними дело, тут не помогают. И вот с такими людьми, однако, мы принуждены жить и разделять наш хлеб и деньги. Администрации нет до этого никакого дела. Она не заботится о том, чтоб наемный труд подчинить каким-нибудь правилам, равно ограждая его и тех, кто за него платит.

10. Четверг. Торжественное открытие в Петербурге конгресса статистиков.[247] Великий князь Константин Николаевич произнес речь, которая была бы недурна, если бы была не так учена. А то выходит, как будто бы ему кто-нибудь сочинил ее, а не он сам. Разве потому только можно признать ее за произведение дилетанта, что в ней довольно-таки перепутаны понятия о самом существе статистики. Впрочем, эта путаница существует и в ученых головах. Вторая половина речи, имеющая отношение к России и к настоящему собранию, недурна, и этим следовало бы и ограничиться.

Что такое эти ученые конгрессы? Не иное что, как подвижные клубы, в которых от времени до времени умные люди собираются, чтобы поиграть не в карты, а в идеи, с дополнением пива, а иногда и шампанского. Наука собственно тут ничего не выигрывает. Одно разве, что она привлекает к себе умы людей там, где конгресс собирается.

Впрочем, для России ученый конгресс имеет особенное значение. С ним втекает струя европеизма в мутную реку нашей общественности.

13. Воскресенье. Весь август до сих пор состоит из прекрасных дней, с небольшими холодками. Вечером бывает-таки свежо.

Приготовляясь к исторической роли, Россия должна исповедью и покаянием очиститься от своих нравственных, общественных и политических мерзостей, а потом приобщиться духу высшей цивилизации.

Вот откуда происходит необходимость публичного изобличения и гласности.

15. Вторник. Мудрость человеческая имеет пределы, заблуждения беспредельны.

Надобно отдать справедливость графу Шувалову, что он систематически образовал дело реакции. Подчинив себе несколько главных административных лиц, особенно министра внутренних дел и министра народного просвещения, он последовательно идет от ослабления и возвращения вспять одной из реформ к ослаблению и извращению другой и сплачивает таким образом в один строй силу, долженствующую замкнуть Россию в неподвижный круг. Что из этого выйдет, ему, конечно, в голову не приходит. Его ум не есть ум государственный, а ум придворного, который знает, на чем и как построить здание своего возвышения и первенства. Он, кажется, многим позаимствовался у Наполеона III, не заняв только урока из его судьбы и поражения Франции.

19. Суббота. Все дни августа один другого лучше. Только вечера и ночи довольно холодны. Сегодня поутру был сильный туман, но он так скоро разошелся, и день вышел восхитительный, по крайней мере до сей минуты, а теперь половина двенадцатого. Но многие уже начинают переезжать в город; Павловск видимо пустеет, и на утренней музыке (от двух часов до половины пятого) число слушателей видимо редеет.

21. Понедельник. Странно, что часто многие пошлейшие посредственности бывают свободны от тех недостатков и заблуждений, какими страждут самые избранные натуры.

А август продолжает быть великодушным; он дарит нам прекрасные дни. Сегодня сумрачно и шел дождь, но тепло.

25. Пятница. Москва отличилась: она так дурно приняла конгрессистов, как будто они приехали в калмыцкую землю. Что она не предложила им обед с миндалем откормленными поросятами — это не беда. Но беда в том, что она выказала к ним непростительное равнодушие. Теперь ино-

странцы могут вынести о русских следующее общее впечатление: нас приняли учтиво и с уважением, когда приемом распоряжалось правительство в Петербурге и во главе его великий князь. Но лишь мы проникли в глубину народности, в Москву, так и оказалось справедливым изречение Наполеона I, что поскобли немножко русского — увидишь татарина.

30. Среда. Вот уже осень. Целый день почти дождь с маленькими расстановками, хотя довольно тепло. Сегодня по обыкновению приехало из города несколько знакомых ко мне обедать, а вечером, несмотря на сильный дождь, Орест Миллер.

Наши государственные люди, кроме других блестящих качеств, обладают и значительною долею остроумия. Так Т‹имашев› мастерски рисует карикатуры.[248] А вот образчик этой способности у графа Толстого. Возле него в Рязанской губернии живет в имении своем ‹Д. Д.› Дашков (сын бывшего министра юстиции), молодой человек, прекрасно образованный, устроивший у себя замечательную школу для крестьянских детей. Граф позвал его раз на обед и после повел его осматривать разные заведения в своем имении, только не школу, которой он не заводил. Между прочим, он показал ему великолепно отделанные конюшни. Он обратил особенное внимание своего гостя на стойла и, между прочим, указал ему на одно из них, отделанное с чрезвычайною роскошью. «Знаете ли, для кого назначено это стойло?» — спросил он его. «Конечно, — отвечал Дашков, — для любимой вашей лошади». — «Нет, — отвечал граф, — это для меня, когда я сойду с ума». Дашков передал это своему другу ‹О. Ф.› Миллеру, а этот сегодня сообщил мне.[249]

Сентябрь 1. Пятница. Три месяца не был я в Петербурге и сегодня поехал для того, чтобы присутствовать в общем заседании Академии и засвидетельствовать зеленую книжку для получения пенсиона. Сквернейшая погода. Ветер срывал с меня шинель, выворачивал зонтик и проч., а когда доехал я до Невы, тут встретила меня настоящая буря. Дворцовый мост был разведен; мне сказали, что и часть Николаевского тоже разведена для прохода петровского ботика.[250] Вот и пушечные выстрелы. Я поспешил назад и возвратился в Павловск.

Когда народу предоставлена известная доля свободы, которой он прежде вовсе не имел, то надобно принять

и необходимые последствия этого: некоторое ограничение власти и произвола бюрократического, а с тем вместе и необходимость того, что многое будет делаться, чего прежде не делалось и что не согласуется с видами власти.

Иной честен только потому, что ему недостает решимости сделаться плутом.

Подчинить умы дисциплине научных знаний, например в классицизме, значит ли уберечь их от поползновений к крайним либеральным умозаключениям, о чем, повидимому, мечтает наша администрация? На наш век станет, а там хоть трава не расти.

9. Суббота. Переезд с дачи; к счастью, выпал день теплый и без дождя.

11. Понедельник. Какие бы понятия ни составлялись о мире и каким бы треволнениям ни были подвержены человеческие общества, но дело в том, что всякий мыслящий человек должен найти в себе опору для нравственного характера и нравственной жизни, если только он находит какое-нибудь различие между собою и животным.

Многие из новых учений не иное что, как подновление старых.

12. Вторник. Заседание комиссии в Академии наук о присуждении премий Уваровских. Я читал мои рецензии на драматические сочинения, которых было ныне семь. В том числе две пьесы Островского: «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и «Не все коту масленица, бывает и великий пост». Обе слабы, и я не мог дать о них одобрительного отзыва. «Каширская старина» ‹Д. В.› Аверкиева также не отличное произведение, а четыре пьесы некоего ‹П.› Базилевича — просто сущий вздор. Итак, и ныне нельзя было присудить премии за драму. Комиссия согласилась со мною.[251]

19. Вторник. Начал лекции мои в Римско-католической академии после каникул.

21. Четверг. Чтобы успешно можно было сражаться с разрушительными стремлениями, восстающими на существующий порядок вещей, надобно удовлетворить их законным требованиям. Тогда требования незаконные или преувеличенные найдут себе противников и там, где они теперь не встречаются.

25. Понедельник. Заседание Академии по случаю назначения Уваровских премий. Шести лицам определены половинные премии (по 500 руб.), в том числе и автору

истории императора Александра I — ‹М. И.› Богдановичу, которому, мне кажется, следовала бы полная премия. Но, по баллотировке, в комиссии не оказалось требуемого большинства.[252] Мое мнение о драмах было прочитано ‹Я. К.› Гротом за болезнью ‹К. С.› Веселовского и заслужило общее одобрение.

26. Вторник. Сегодня напечатана в газетах следующая странная телеграмма из Парижа: «На обеде у Тьера 21 сентября (3 октября) два иностранные представителя выразили мнения, подобные тем, которые были высказаны министром внутренних дел, генерал-адъютантом Т‹имашевым›. Тот же корреспондент газеты «Times» * пишет, что один из прибывших в Париж представителей Франции за границей заявил, что одинаковое мнение господствует и в других государствах». Какие это мысли и о чем? Но главное тут то, что гнилой Запад во всем нас превосходит: он сделал великое открытие, которое в России никому и не снилось, то есть что у Т‹имашева› есть мысли.

Высший ум есть нечто такое, в чем всегда скрывается больше того, что он обнаруживает.

27. Среда. Мы находимся в таких чрезвычайных обстоятельствах, какие редко встречаются в истории. С одной стороны, в обществе возникли стремления, возбужденные реформами, а отчасти застоем, которые не могут быть удовлетворены правительством. С другой стороны, правительство, как бы испуганное этими стремлениями и собственными своими реформаторскими действиями вначале, круто поворотило назад. И там и здесь есть своя логика. Между интеллигентным так называемым обществом и властями поэтому возникли отношения какой-то борьбы и неприязни. Самое худшее из этого выходит то, что нравственные основы общества сильно заколебались.

Беспристрастно рассуждая, нельзя винить ни общество за его стремления, ни правительство за то, что оно хочет их умерить. Первое так много терпело всяческих стеснений, что естественно хочет большего простора; второе, также естественно, видит в этом просторе такие стороны, которых допустить не может по своему положению и по традициям, а главное, оно видит в самом обществе еще крайнюю незрелость.

Странно и нелепо сказать, что если бы в обществе было более рассудительных людей, а в бюрократии — людей

* «Время» *(англ.)*. — *Ред.*

более способных и добросовестных, то этой неурядицы не было бы. Но это если — когда и где оно было возможно?

В сегодняшней газете извещают, в чем заключаются мысли генерал-адъютанта Т‹имашева›, сообщенные им Тьеру. Он благосклонно уведомил последнего, что радикальные движения, подобные возбужденным Гамбеттою, производят неприятное впечатление в других государствах. Вот какая новость, и Тьер, который борется с радикализмом всеми силами своего высокого ума, будто ее и не знал и только теперь обязан за нее глубокомысленному государственному уму генерал-адъютанта Т‹имашева›. Это похоже на то, если бы кто-нибудь сказал другому: когда по сенникам ходят с огнем, то может случиться пожар, а пожар куда какая нехорошая вещь!

29. Пятница. И. Н. Крамского полиция призывала раза три и весьма грубо допрашивала его, где он был прошлое и нынешнее лето? И когда он отвечал, где, возразили ему, что это неправда. Полиция даже извратила как-то самую его фамилию. И когда он, удивленный и недоумевающий и встревоженный, спросил: что все это значит и для чего его допрашивают, ему отвечали, что это по секретному делу. Жена его вчера приезжала к нам и просила моего совета, что делать при таком странном и необыкновенном нападении полиции. Я посоветовал Ивану Николаевичу немедля ехать к Трепову и просить у него объяснения. Так он сегодня и сделал. Оказалось, что с 1863 года он состоит в списке подозрительных по поводу объяснения его от имени товарищей в конференции Академии художеств, откуда они тогда задумали выйти.[253] Дело тогда тем и кончилось. Молодые художники вышли из Академии без всякого, впрочем, шума и основали, с разрешения начальства, артель, которая и до сих пор существует, исполняя, и весьма хорошо, разные частные заказы, а Крамской с тех пор составил себе весьма лестную репутацию как замечательный художник. И вот теперь его вздумали допрашивать, не говоря, впрочем, ни слова о причине. Трепов, однако, велел вычеркнуть его из списка подозрительных, которых, по его словам, записано до 6 000. Тем дело и кончилось.

Октябрь 1. Воскресенье. Необходимость контроля не только над поступками, но и над мыслями. Весьма часто приходится быть недовольным собою единственно за то, что я даю слишком свободное течение своим мыслям по

различным вопросам жизни, и хотя они не переходят да и не могут перейти в поступки, однако многие из них заслуживают строгого осуждения. Человек должен властвовать над всеми движениями своего ума, воли и чувства. В этом и состоит настоящее самоуправление.

Надобно взвешивать не только те причины, по которым мы кажемся правыми, но и те, по которым противники наши думают так или иначе.

5. Четверг. Писемский читал свою новую комедию у Краевского. Комедия эта лучшее произведение его. Не знаю только, как он сладит с цензурою. Он хочет напечатать ее в «Гражданине» князя ‹В. П.› Мещерского. Писемский превосходно читает, и мне кажется, что кто слышал его комедию из его уст, тому не следует идти в театр на ее представление: она, наверное, будет сыграна там гораздо хуже, чем в чтении автора.[254]

7. Суббота. Наше молодое поколение никуда не годится. Оно плохо учится, плохо мыслит и думает только о всевозможных эмансипациях да о материальных наслаждениях. Надобно его остепенить, занять трудом серьезным. В этом смысле задуманная учебная реформа имеет важное значение. Но, во-первых, едва ли можно достигнуть цели помощью усиленного классицизма, а во-вторых, следовало бы новую систему приводить в действие не с таким насилием. В этом заключается важная ошибка нынешнего министерства народного просвещения. Эта лихорадочная поспешность, это стремление сделать вдруг все, что требовало некоторой постепенности и даже некоторого снисхождения к непониманию в обществе сущности предпринятой реформы, — вот что может вредить ее успеху и что произвело такое брожение в умах. В университеты не дозволен доступ тем, кто не получил строгого классического образования, — пусть так. Но как же получить его, когда в самих гимназиях не существовало классического обучения? Не следовало ли, например, прежде устроить гимназии классические, а потом уже от вновь поступающих требовать выполнения тех условий, которые теперь считаются необходимыми? Не следовало ли застигнутым врасплох реформою дать возможность с одним латинским языком войти в университет? И вообще, не следовало ли несколько, хоть н а п е р в ы й р а з, облегчить требования относительно греческого языка? Министерство захотело разрубить узел, вместо того чтобы развязать его. Но это не всегда лучший прием.

8. Воскресенье. Почти весь сентябрь состоял из дней теплых и ясных, какие редко бывают в Петербурге, особенно в это время года. Некоторые семейства оставались почти до октября на дачах. Впрочем, иные остались за городом и на целую зиму по причине непомерных цен на квартиры.

До этого дня и октябрь очень хорош. Сегодня уже туманно, сыро и холодно.

Познакомился у Тютчева с ‹И. С.› Аксаковым. Какой он ражий! Впрочем, в обращении он тих и скромен, так что в нем нельзя видеть борзого журналиста. Поговорили о нынешнем состоянии цензуры, которая чуть не свирепее, чем в николаевское время.

Поутру вчера был у меня с визитом Писемский. Я повторил ему выражение моего удовольствия за пьесу его, читанную у Краевского, и за его мастерское чтение.

Мы от предков наших унаследовали значительную долю рабского страха пред властями. Ведь не могли же без последствий пройти по истории ни Петр Великий со своими благими видами, но и со своим кнутобойством и застенками, ни Бирон, ни милосердная Елизавета с резаньем языков и битьем кнутом своих придворных дам, ни бешеный Павел, ни верховный визирь Аракчеев. Клеймо, наложенное ими на наши нравы и дух, долго не изгладится.

10. Вторник. Собирался ехать в Академию, но заболел настоящим образом, почти так же, как летом.

О Валуеве: мы ошиблись друг в друге. Он думал найти во мне чиновника и не нашел его, а я думал найти в нем государственного человека и нашел только чиновника. Впрочем, я должен сказать, что это чиновник с хорошими манерами, усовершенствованный духом века, а не какой-нибудь приказный старого времени.

В публике уже несколько дней ходят слухи, что министр народного просвещения граф Толстой с ума сошел: он все считает себя лошадью.

В Пензенской гимназии один ученик старшего класса стрелял из ружья где-то. За это министр велел исключить его из заведения и ни в какую гимназию не принимать. Один из учителей той же гимназии осмелился заметить, что так как ученик этот вообще очень хорошо учился и отличного поведения, то не слишком ли жестоко не дозволить ему окончить свое образование? За это велено уволить учителя

от должности и впредь не принимать его нигде по учебному ведомству.

20. Пятница. Сегодня были у меня Воронов и Благовещенский. Первый рассказал мне много крайне прискорбного из того, что делается по министерству народного просвещения. Поступки графа Д. А. и его товарища И. Д‹елянова› отличаются каким-то свирепством. Последний, между прочим, с великим азартом требовал в Комитете министров, чтобы книжку «Беседы», где говорится о наших монастырях, не только конфисковать, но сжечь, что и исполнено.[255]

Министр народного просвещения приказал, чтобы все гимназисты носили в гимназии книги свои и тетради не иначе, как в ранцах на спине, наподобие солдат.

Если есть в тебе природное расположение и сила и способность быть человеком, то никакое притеснение, никакое насилие не заставит тебя сделаться скотом.

Чужая опытность никогда не служит заменой собственной.

22. Воскресенье. Во всей нынешней Франции один Тьер, кажется, не легитимист, не орлеанист, не бонапартист, не радикал, а француз. Он выше партий и властвует над ними, противопоставляя одну другой, чтобы спасти Францию.

27. Пятница. Был у меня Я. К. Г‹рот› и, между прочим, рассказывал мне о том, как Миллер (Орест) с кафедры ругает наповал всех писателей прошедшего времени, особенно Карамзина. Он просто свирепствует против него. Молодые люди ему аплодируют. Впрочем, все новейшие или большая часть новейших деятелей одержимы этим беснованием против всего, что признается другими за достойное уважения. Прискорбен этот дух разрушения. Он ничего хорошего не обещает России.

Ноябрь 2. Четверг. Что вы говорите о прозе Карамзина, Жуковского, Пушкина? Нам теперь нужна немножко хмельная и очень растрепанная и косматая проза, откуда бы, как из собачьего зева, лился лай на все нравственно благородное, на все прекрасное и на всякую логическую, правдивую мысль.

3. Пятница. В общем заседании Академии выбрали в члены Второго отделения ‹М. И.› Сухомлинова 26 голосами против 4.

Историю моей жизни, как и всякую историю, можно разделить на периоды, означая их таким образом: период от одной ошибки к другой таких-то годов, — этих периодов

можно насчитать множество. Конечно, по совести, я не могу сказать, чтобы ошибки эти состояли из дурных или предосудительных дел. Но несомненно то, что каждая из них чрезвычайно много вредила моим успехам в жизни и по службе и часто мешала даже действовать, как бы я мог, и для общества. Теперь остается мне не сделать еще одной, и, может быть, самой вредной ошибки — не впасть в уныние от всех прежних с их печальными последствиями.

В прошедшее воскресенье в фельетоне «С.-Петербургских ведомостей» Незнакомец объявил, разумеется шуточно, что он умер. Теперь слышно, что он действительно для фельетона умер. Цензура такие сделала на него натиски, что он должен был прекратить свою литературную деятельность по этой части. Итак, эта почти единственная живая струя в газете иссякла от дуновения холодной цензурной бури. Дело в том, что фельетон Незнакомца отличался вообще умом и остроумием и все его читали, и поэтому он признан вредным. [256]

Граф Д. А. взял на себя роль сыщика. Всякую мысль в печати, сколько-нибудь не согласную с его умопредставлениями об учебной части, он отыскивает с заботливостью, достойною лучшего дела, и представляет ее куда следует как преступную. Так поступил он, между прочим, с «Беседой», два номера которой поэтому остановлены и один даже, говорят, сожжен в Москве.

В таких прекрасных занятиях ему служит главным помощником ‹А. И.› Г‹еоргиевский›, сделавшийся ныне великим деятелем. Слышно о Каткове, что он действительно болен и едва в состоянии будет продолжать свою газету, которая, впрочем, находится ныне в упадке. Число подписчиков ее сильно уменьшилось.

Репрессивные меры по делам печати достигли своего апогея и вместе с мерами по министерству народного просвещения составляют самое замечательное явление нашего времени. С правительственной точки зрения, вероятно, все эти меры считаются полезными и необходимыми для восстановления в России доброй нравственности и уважения к администрации, сильно потрясенных в последнее время. Но стараясь достигнуть одного, власти разрушают другое. Не то еще важно, что под гнетом репрессивных распорядков общество безмолвствует и терпит много такого, что терпеть не хотелось бы и не следовало бы, не то важно, что умственный горизонт вообще становится темнее и темнее, падает

дух в среде науки и мысли, умы впадают в апатию и тупеют, теряется всякое доверие к чему-нибудь высшему, кроме материальных влияний, — следовательно, усиливается разврат, — сколько важно то, что наши умственные и нравственные силы парализуются. Мы возвращаемся прямо ко времени перед Крымскою войною.

«Не угашайте духа, не угашайте духа!» Напрасны эти высокие слова, это выражение глубочайшей истины, как и другие слова: «не от хлеба единого человек жив бывает, но от всякого слова божественного»...

Впрочем, не глубокая ли также истина заключается в словах: «всякий народ бывает управляем так, как он заслуживает»; следовательно, тут помочь нечем и, следовательно, и огорчаться нечем; «все должно идти к концу, как угодно творцу», по словам Шекспира.

5. Воскресенье. Фельетоны Незнакомца опять появились. Значит, цензура дозволила его снова, вероятно с тем только, чтобы перлы своего остроумия, если хочет, он бросал только так, для забавы, на воздух, ни в кого не метя и не попадая.

Философия похожа на кость, содержащую в себе мозг; чтобы разгрызть ее и достать из нее мозг, простому смертному надобно иметь собачьи зубы.

8. Среда. В самом деле, что такое наша общественность? В ней совершается брожение понятий, не установившихся, неясно сознаваемых, пришедших извне, склоняющихся к радикальным, ультрапрогрессивным принципам только потому, что это существует на Западе. Все это особенно выражается в нашей литературе. А нравственно что такое наша общественность? Полнейшая развращенность умов и сердец, стремление к материальным интересам. Общество наше не выработало в себе тех великих идей, которые служат опорою лучшего порядка вещей. Как же можно его уважать?

Однако и репрессивные меры должны же иметь свои пределы, и надобно дотрагиваться с некоторою осторожностью к таким явлениям и вопросам, которые так или иначе вошли уже в оборот нашего умственного капитала. Как бы нелепа ни была наша общественность, но с нею надобно жить, и она сама есть все-таки нечто живое, а не мертвое, и обращаться с нею как с трупом, кажется, не следовало бы. Если она грешна и во многом глупа,

то далеко не святы и не зело разумны и наши государственные мужи.

Репрессия слишком усиленная ведет к осуществлению известной истины, что чем хуже, тем лучше.

По распоряжению министра народного просвещения, из саратовской семинарии не велено принимать в студенты университетов никого, так как там когда-то учился Чернышевский.

Суворин, он же и Незнакомец, издал по прошлогоднему примеру календарь на 1873 год. Управление по делам печати велело отобрать и сжечь этот календарь за какую-то или чью-то биографию, в нем помещенную.[257]

Это уже второе аутодафе в течение двух или трех месяцев. Замечательно, как эти сожигатели не поймут, что этою глупостью они ставят и себя и правительство в комическое положение. Вот уж поневоле скажешь: черт знает что это такое. Жечь книги в наше время! Ну, если она не понравилась каким-нибудь господам, — конфискуй ее; да сверх того, ведь эти жертвы пламени и осуждены на эту казнь не за всю целость свою, а за одну какую-нибудь статью, ну, наконец, вырежь ее, а за что же целую книгу-то уничтожать и разорять издателя, как теперь разорен Суворин, беднейший из бедных литераторов.

Таким администраторам присваивался прежде титул *гасителей*, теперь их надобно уже назвать *сожигателями*.

Холера месяца полтора тому назад прекратилась или если действует, то, так сказать, тайком, но зато оспа продолжает свирепствовать почти с такою же силою, с какою наши власти свирепствуют против мысли, науки, печати. На этом последнем поприще отличается М. Н. Лонгинов, автор известной, рукописной разумеется, гнусной поэмы, которая заставила бы покраснеть от стыда самого Баркова.[258]

Великий человек, конечно, воплощает в себе идеи своего века и удовлетворяет потребностям своего народа и общества, сознавая их яснее, чем все другие. В этом смысле и говорят некоторые, что великих людей собственно и нет, а есть работники, действующие как бы механически, по воле или влечению масс. Но положим, что задача, которую он выполняет, ему достается извне: неужели, однако, его личность ничего тут не значит и всякий другой, поставленный на его место, мог бы ее разрешить? Его неотъемлемая

собственность — это характер. Он похож на некоторые ароматные вещества, которые надобно потолочь в ступе, чтобы они издали аромат.

12. Воскресенье. Обедал у министра народного просвещения. Сегодня он был довольно благоприличен, хотя все-таки не обошлось без того, чтобы он не назвал членов Государственного совета дураками и несколько раз не выразил мысли о своем положении словами: «я сказал то-то и то-то государю» или «скажу ему». На обеде были академики, кроме меня, Грот, Безобразов, Буняковский, Бычков и ‹Л. Э.› Стефани и разные другие лица. Тут был и вице-министр Г‹еоргиевский›, который вел себя уже как важная особа, с большим достоинством и чувством своей высокости.

В администрации по делам печати господствует какая-то злоба против всего печатного. Они не только принимают меры против непозволительного, по их мнению, но принимают их, особенно Лонгинов, с какою-то бешеною яростью. Так, даже один из заседающих в Комитете министров находит, что воспрещение двух номеров «Беседы», сожжение их переходит уже всякую меру благоразумного взыскания, что и статьи-то этого журнала, за которые воздвигалось такое на него гонение, довольно невинного свойства и что, наконец, во всяком случае, достаточно было бы уничтожить эти статьи или велеть их перепечатать.

А за что пострадал и обречен сожжению календарь Суворина? Во-первых, за то, что в некрологах он поместил и некролог такого лица, как Мадзини; во-вторых, — и это, кажется, главное, — зачем он высчитал в статье о расходах государственных и те оклады, какие получаются высокопоставленными лицами.

Но положим, что, по принятой ныне системе, репрессивные меры нужны, но к чему такое озлобление? Они говорят, что печать наша распространяла ужасные вещи, но ведь это малая часть ее. За что же такое гонение на то, что она разбирает умеренно и гласно разные вопросы, о которых и законом разрешено говорить? Неужели они забыли, какие важные услуги оказывала государству печать во множестве случаев, объясняя самым почетным для правительства образом разные предпринятые им реформы или во время польского восстания и проч.

18. Суббота. Чтение у О. Ф. Миллера. ‹А. Н.› Майков читал свое стихотворение «Два мира», приготовленное к печати в «Гражданине».[259] Это произведение высокого поэти-

ческого достоинства, в котором Майков стал на такую ступень, которой он еще не достигал в прежних своих произведениях. Язычество в предсмертных судорогах и христианство на заре своего величия, начинающее эпоху человеческого возрождения. Тут все прекрасно: идея, развитие ее, картины, язык. Произведение имеет характер драматический не только по форме, но и по внутренней силе и движению. Характеры выдержаны и оттенены с необыкновенною правдою и рельефностью. Словом, это истинно художественное произведение. На чтении было довольно дам и в числе слушателей ‹А. Д.› Градовский, ‹К. Н.› Бестужев-Рюмин и другие. Автор заслужил всеобщее горячее одобрение. Когда его осыпали приветствиями и похвалами, он торжественно провозгласил, что он всем хорошим, что в нем признают, обязан мне, моим университетским лекциям. Я пробудил в нем, как и в других, чистое и возвышенное стремление к красоте и идеалу и дал направление его литературной деятельности. Разумеется, мне не неприятно было слушать это заявление такого даровитого человека, как Майков. Майков идет по пути, неодобряемому защитниками социальных тенденций и натурализма, но даже и Орест Миллер принужден был признать высокое не тенденциозное достоинство пьесы. Тут же Градовский, а с ним Майков и другие напали на Ореста за его нападки на Карамзина и старались ему доказать, что он крайне неправ и не должен был с кафедры относиться о нем так неблагосклонно, как он это делал в недавнее время. Накануне Миллер был у меня: я, хотя и мягче, говорил ему о том же и то же.[260]

Над Сувориным смиловались. Его календарь не будет сожжен, и ему велели только перепечатать нехорошие страницы. Говорят, что Суворин действительно согрешил против цензуры и благоразумия, поместив в календаре своем вещи, которые непременно должны были раздражить некоторые высокопоставленные лица.

Надобно правду сказать, наше общество преисполнено бестолковости и хаотических понятий. Многие восстают против крайностей высшей администрации, сами впадая в нестерпимые крайности. И если бы эта администрация и хотела приноровиться к общественному мнению, то она не нашла бы его в этих бесконечно противоречащих толках и требованиях.

До сих пор снегу и зимы нет. Вчера еще был дождь. Сегодня немножко холоднее; но снегу все-таки нет.

Коль скоро так называемым либералам удалось разрушить какой-нибудь деспотизм, так тотчас на место этого они ставят свой. Что же выигрывает общество от этой перемены? Между тем ломка одного, чтобы дать место другому, сама по себе есть великое зло.

Декабрь 1. Пятница. Умер В. В. Шнейдер, бывший одним из лучших профессоров в здешнем университете. Он преподавал римское право и был и моим наставником и очень меня любил.

6. Среда. Был у меня Писемский. Комедии его не пропускает цензура. Он объяснялся с Т‹имашевым›, который объявил ему, что комедия может пройти, если он спустит действующих лиц пониже, то есть директоров и товарищей министров оставит в покое. Он тоже объяснялся с Лонгиновым, но тщетно. Когда Писемский спросил у него: «Как же и о чем писать?», тот отвечал ему: «Лучше вовсе не писать». Автор обещал, однако, исправить свою пьесу, то есть не ставить действующих лиц в разряд высших чиновников, а просто отделаться общими характерами.

Ноября 30 дано предостережение первое «Голосу» за две статьи: одну из Ревеля о безобразиях остзейских немцев, а другую из Одессы о безобразиях евреев. Сказано, что «Голос» ссорит население империи. [261]

Бранят не меры, а дурные меры.

Беда правительству, когда оно не в состоянии полагаться на здравый смысл и добросовестность своего народа; беда народу, когда он не может уважать своего правительства.

Николай Павлович хотел управлять государством как казармою. Заботясь единственно о дисциплинировании своего народа, он убивал в нем систематически его умственные силы и дошел до того, что не имел ни генералов, ни администраторов, а имел одних холопов, которые умели только говорить ему: «Слушаю-с». Он дошел, наконец, до Севастополя. Он считал себя полицмейстером Европы; с высокомерием старался подавлять в ней всякое свободное движение, как у себя дома, посреди пораженных страхом своих рабов, но, посрамленный в Севастополе, умер от стыда и отчаяния.

До чего были доведены умы в царствование Николая, видно из того, что многие люди, честные и мыслящие, желали, как единственного обуздания грубой воли повелителя, чтобы нас побили в Севастополе. К сожалению, это испол-

нилось. Много ли от этого урока выиграла Россия? Говорят, что от этой встрепки мы прозрели. Правда, на минуту, для того чтобы, зевнув, потянувшись, снова погрузиться в сон.

8. *Пятница*. Сухомлинов утвержден экстраординарным академиком.

15. *Пятница*. Был у меня ‹Я. М.› Неверов, попечитель Закавказского округа. Он приехал сюда просить пощады от греческого языка. Дело в том, что Закавказский край лишен почти вовсе лекарей и ветеринаров, отчего и людям и скоту приходится очень плохо: болезней тех и других некому лечить. Некоторые местности прямо обратились к наместнику, великому князю, с просьбою дать им лекарей. Но где их взять, когда и во внутренних губерниях их нет. Надобно приготовлять докторов в университетах, куда без греческого языка нет доступа, а желающих учиться по-гречески не имеется: и великий князь и попечитель готовы бы помочь горю, да Г‹еоргиевский› не хочет. Он утверждает, что ни за что не сделает изъятия в пользу желающих посвятить себя медицине: пусть и холера, и оспа, и скотские падежи разгуливают по России, лишь бы греческий язык существовал. И вот Неверов, кажется, и уедет, не добившись того, чтобы на стипендии Закавказского края позволено было вступать молодым людям в университеты по медицинскому факультету с одним латинским языком, без греческого.

17. *Воскресенье*. Работаю над отчетом по Второму отделению к акту Академии. Приходится служить панихиду: мы в нынешнем году недосчитываемся четырех так называемых деятелей науки: Пекарского, Даля, Гильфердинга, ‹К. И.› Невоструева. Надобно говорить об их жизни и трудах.

27. *Среда*. Неусыпно работал над биографиями академических покойников, о которых 29-го надобно говорить на акте, и не уверен, что написал их хорошо. Так, впрочем, со мною всегда бывает.

29. *Пятница*. Акт в Академии. Читал мои биографические очерки о Пекарском, Дале, Гильфердинге и Невоструеве.[262]

Вечером были у меня ‹А. Н.› Майков, Неверов и Благовещенский с женою. Последний назначен ректором в Варшавский университет на место ‹П. А.› Лавровского, который поссорился с попечителем и, как говорят, вел себя очень высокомерно.[263]

Общественный дух наш проявляется тогда, когда нужно страдать от внешнего врага, хотя и тут не обходится без неурядицы и разных скверных проделок вроде казнокрадства, хвастовства, ссор и пререканий друг с другом и проч. Но как скоро гроза затихнет, все опять приходит в прежний порядок, то есть беспорядок. Значит, мы — нация, в этом нет сомнения. Но какая? Есть ли у нас залоги высокого исторического призвания? Это другой вопрос.

В науке, в литературе, в администрации, в суде у нас попадаются личности и даровитые и как будто одушевленные интересами общественными. Но они действуют врассыпную, в одиночку; каждый хочет поступать сам по себе, отличиться и лелеять свои собственные цели. У нас нет того, что называется принципами.

Общественное мнение питается слухами и колышется со стороны в сторону, как волна морская. Может быть, этому виною и правительство, препятствующее полной гласности. Но во всяком случае мы не в состоянии выработать ни одной определенной крепкой идеи.

Вы слышите беспрестанно изъявления недовольства то тою, то другою мерою. Но только повей на нас тепленьким ветерком милости и благоволения, мы тотчас готовы со всем примириться, не из великодушия или благодарности, а так, потому что привыкли всё считать божиим да царевым.

Кто такие наши либералы? Недоучившиеся или ничему основательному не выучившиеся мальчуганы, которые, зачерпнув несколько глотков коммунизма, социализма, демократизма или какого другого и з м а из чужеземных книг, мечутся, как пьяные, на все, что не согласно с этими измами, и думают, что они могут поворачивать общество куда им угодно. Они считают себя и силою и властью. Их берут под присмотр полиции. Вот их теперь, как стадо баранов, выгоняют на классическую пажить, полагая, что там они наедятся хороших идей. Будет ли из этого толк — увидим со временем, а теперь трудно поверить, чтобы из этого вышло то, чего хотят. Оно, может быть, и вышло бы, хоть не в такой мере, как полагают зачинщики этого дела, да за него принялись слишком нерассудительно, круто.

31. Воскресенье. Заезжал к Неверову; ему не удалось отстоять у министра народного просвещения того, чтобы воспитанники Закавказского учебного округа могли поступать на медицинские факультеты университетов без греческого языка. Поводом к этому ходатайству было совершенное не-

имение лекарей и ветеринаров, отчего люди и скот гибнут страшно.

Зимы у нас нет. Беспрестанные дожди, туманы, тепла по 2°. Сегодня особенно скверный день.

Вот и 1872 год оканчивается. Чем же он был для меня? Я существовал — и только. Внутренний мой мир был полон тревог и обычного самонедовольства, которые сделались у меня хроническими. Особенно я очень часто занимался пересмотром и контролированием моей прошедшей жизни, и выходило всегда одно и то же, что трудно представить себе человека, который бы делал более глупостей и ошибок, чем я. Теперь я как Марий на развалинах Карфагена — на развалинах всего, что когда-то мною делалось или имелось делаться: впереди ничего, кроме окончательного уничтожения. Если еще что-нибудь меня поддерживает, так это живущий во мне — чтобы продолжить сравнение — дух Мария, то есть дух, способный превозмочь судьбу и самого себя. Я бессилен во всем, силен только в одном: в какой-то странной, необъяснимой вере, что я не паду ни умственно, ни нравственно. И это среди непрерывных колебаний и тревог моего внутреннего мира! Не есть ли же это нелепое противоречие между некоторого рода силою и бессилием, мною сознаваемым? Правда, это противоречие. Но тем не менее это, говоря языком нынешней науки, факт.

Прощай, 1872 год.

1873

Январь 1. Понедельник. Никуда. Погода отвратительная: мелкий дождик и сырость с холодом проникают до костей.

Только и толков, что о погоде. Боятся неурожая, если так продлится. Иные думают, что во вселенной случился какой-то переворот, в котором замешаны солнце и кометы. Полагают, что природа свихнулась так же, как люди, забывая, что в природе господствуют строжайшие законы, беззакония же только у людей.

Наша современная общественность не обещает ровно ничего, что бы превышало пошлость настоящего. Эта пошлость так въелась в наши нравы, что они неспособны возвыситься ни до чего, из чего образуется мощь умственная и нравственная. Самая резкая и выдающаяся сторона общественности нашей, отмеченная особенною жизненностью, это страсть к прибытку, к добыванию денег, растворенная всякого рода плутовствами и безобразнейшими надувательствами друг друга и казны. Тут является даже иногда предприимчивость, но предприимчивость бесчестности. Если же кое-где мелькнет честность, то без предприимчивости. Во всем прочем господствует или совершенная апатия или вспыхивают такие стремления, такие тенденции, от которых ничего, кроме дыма, не остается. И хотя я покритиковал в моем «Реализме» роман Тургенева «Дым», однако он едва ли не оказывается совершенно правым. Впрочем, я отозвался неблагоприятно о «Дыме» Тургенева единственно потому, что такой взгляд совпадал у меня вообще с желанием поддержать идеал в нашей литературе.[264]

Трудно подняться на какую бы то ни было высоту, когда нет подъемлющих рычагов.

Наша общественность не успела еще сложиться, а уже разлагается.

«Управлять людьми есть самая пустая наука», — сказал Оксенштиерн. И это сказал очень умный министр, управляющий людьми, созревшими до некоторой степени в чувстве своего человеческого и гражданского достоинства. А как же должна быть ничтожна эта наука, когда дело идет об управлении такими людьми, как русские? Не этим ли и объясняется, что наши государственные люди такие неучи и гордятся даже этим? Ведь сказал же мне министр внутренних дел ‹Д. Г.› Бибиков при одном случае с некоторым видом самодовольства: «Ведь я учился на медные деньги».

7. Воскресенье. Есть истины, которых бремя тяжело ложится на душу. Мудрено ли, что люди ищут часто утешения в мечте, в иллюзии. Счастливы те люди и достойны уважения, у которых эти мечты и иллюзии не отнимают благородства чувств, не превращают их в пошлых эгоистов.

Есть одна великая истина, не подлежащая сомнению, — это необходимость быть справедливым.

Наш двор, следуя примеру прусского, наложил траур по Наполеоне на две недели.[265]

На днях случился удар с бедным Ф. И. Тютчевым. У него отнялся левый бок и язык. Но Бессер (доктор) говорит, что он выкарабкается из этой беды, хотя не без потери сил. Ему, кажется, 72 года.

10. Среда. Великая княгиня Елена Павловна умерла вчера. Последняя умственная сила отнята у двора. Она была высокообразованная женщина и принимала живое участие во всех разумно свободных явлениях нашего времени. Есть также несколько благотворительных учреждений, обязанных ей своим существованием. Успехи музыкальной консерватории также ее дело.

11. Четверг. Третий день уже как сильная вьюга и мороз в 8 и 10 градусов.

В манифесте о смерти великой княгини Елены Павловны сказано, что она между прочим радела *о полезном* просвещении, как будто просвещение может быть не полезным. Свет может быть более или менее, но как сказать о нем, что он может быть полезен или не полезен. Для сов он вовсе не годится, но ведь это — совы. Точно как будто манифест был на цензуре у М. Н. Лонгинова, который, найдя слово

просвещение слишком либеральным, велел для избежания соблазна прибавить слово полезное.

Чаще и чаще стали повторяться закрытия земских губернских собраний за неприбытием законного числа членов. Какая причина этому? Кажется, неудовольствие помещиков, род пассивной оппозиции. А это отчего? Помещики наши состоят из двух родов; одни крепостники, и понятно, почему они недовольны; другие не были против освобождения крестьян даже с наделом землею, но они ожидали, что взамен их пожертвований им предоставлены будут какие-нибудь новые права. Ожидания их не сбылись, и вот они недовольны. А тут еще подоспели разные стеснения самых собраний. Крестьяне же погружены в невежество, и поэтому от их выборных немного можно ожидать полезных соображений в собраниях. Хотя и помещики наши не орлы просвещения, однако все-таки они гораздо образованнее своих земских сочленов из крестьян, мещан и купцов и могли бы что-нибудь делать, но у них нет одушевления.

13. Суббота. Вчера Аникита Озерский прочитал мне стишонки, кажется им самим написанные, на немцев. Смысл тот, что вот, дескать, у нас немцы всем распоряжаются, а мы перед ними во всем должны уступать и проч. Часто приходится слышать эти иеремиады против немцев, вместо того чтобы подражать им в честности и единодушии. Ведь подражаем же мы иностранцам во многом другом.

Третьего дня и вчера мороз до 18°.

Во втором томе «Девятнадцатого века», издаваемого П. И. Бартеневым, помещены разные проекты об освобождении крестьян, составлявшиеся по воле императора Николая Павловича.[266] Несколько комитетов для этого было учреждаемо один за другим. Проекты эти очень разнообразны — видно только одно общее стремление не давать свободы вдруг, не наделять крестьян землей и подвергуть их опеке помещиков. Таким образом дело отдалялось, усложнялось и запутывалось. Оттого подвиг нынешнего государя оказывается еще блистательнее и выше. Он разрубил этот Гордиев узел, который без него еще более мог бы запутаться. Полумеры тут не годились.

Процесс Нечаева окончился, о чем публиковано в сегодняшних газетах. Во все время процесса он не признавал себя подсудным русским судам и настаивал на том, что он не простой убийца, а политический преступник. По всему видно, что это политический фанатик. Он осужден на два-

дцатилетнюю каторгу за убийство. Он кричал на пороге, когда его выводили из суда: «Рабом вашего деспота я быть перестал. Да здравствует земский собор!» Публика тоже кричала: «Вон его! Вон!» — за что председатель сделал ей строгое и приличное внушение. [267]

21. Воскресенье. Они историю хотят превратить в догматику.

Все явления в истории имеют свои причины; но причины производят иногда такое действие, иногда другое, а иногда не производят никакого действия и остаются бесплодными, как бы замирают, пока на место их не явятся другие, от которых произойдут следствия, каких напрасно ожидали от прежних и которые будут значить совсем другое, а не то, что предвиделось и о чем мечтали люди иного времени. Угнетение производит недовольство и страдание: вот причина, которая должна бы произвести революцию. Но значит ли это, что она действительно произведет ее? Власть бестолковая и эгоистическая действительно может возбудить ее. Но властитель умирает. Место его заступает другой, с умом просвещенным и благими намерениями; он действует совершенно иначе, чем его предшественник, — и революция устранена.

22. Понедельник. Французское Национальное собрание приготовляет новую революцию во Франции. Своими гнусными проделками, вместе с клерикалами, иезуитами, орлеанистами и проч., всякого рода стеснениями законной свободы оно бросает Францию прямо в руки радикалов. Едва ли старческим плечам Тьера снести такую ношу судеб Франции в настоящее время. Его ловкость и искусство разбиваются о грубую и сплошную массу эгоистических партий; тут уже нужна сила.

Самое лучшее средство держать власть в своих сетях, поработить ее и сделать послушным орудием своих своекорыстных целей — это отнять у общества слово, то есть парализировать печать так, чтобы до общества не доходило никакого сведения о том, что делается вокруг.

М. Н. Лонгинов, как он сам себе говорит, писатель не для дам. Он прямой наследник Баркова и держится его мировоззрения, отличаясь от него только удесятеренной распущенностью и с присоединением к последнему кощунства. И из этой-то помойной ямы умственного разврата вытащили это нечистое животное, чтоб сделать его начальником по делам печати, то есть охранителем умственной чистоты

и нравственности русского народа. Впрочем, почему же и нет? Ведь это никого в нашем обществе не удивляет и не оскорбляет.

Вот уж тут не знаешь, что такое, *недозрели ли мы*, как сказал некогда ‹Е. И.› Ламанский, или перезрели, как яблоко, готовое упасть и сгнить.[268]

23. Вторник. Вечер у графини А. Д. Блудовой. Тут собралось несколько дам, всё графини или княгини и княжны. Была также моя старая приятельница и ученица (из Екатерининского института) А. А. Воейкова, умная, бойкая, добрая, хотя и старая девица. Я бóльшую часть вечера проговорил с княгиней Трубецкою, муж которой был губернатором в Воронеже. Она показалась мне очень умной и приятною женщиною. Муж ее и она были дружны с ‹В. И.› Далем. Этот умный даровитый Даль в последнее время сильно пристрастился к спиритизму, вертел столы и особенно высоко ценил Сведенборга. Немного побеседовал с ‹К. Н.› Посьетом и с бароном ‹Ф. А.› Бюллером, старым моим сослуживцем по Главному управлению цензуры и теперь назначенным на место умершего князя М. А. Оболенского — бывшего в числе друзей моей юности — начальником Московского государственного архива.[269]

24. Среда. Настоящее время у нас — время колебаний и тревог, среди которых чрезвычайно трудно честному человеку найти для себя точку опоры. С одной стороны, стремления, возбуждаемые реформами, слишком рьяно рвутся вперед, захватывая больше, чем сколько нужно и возможно по настоящему состоянию вещей и умов, наследованному от прошедшего. С другой — власть старается удержать в пределах эти стремления и положить преграду пылким желаниям и видам. И там и здесь есть свои значительные доли справедливости. Там жизнь, здесь рассудок. Но дело в том, что общественность наша, незрелая и шаткая, нуждается в руководстве сильных умов, в характерах столько же благородных, сколько и просвещенных, — а где их взять? К сожалению, в административных сферах чувствуется в них такой же недостаток, как и в общественных. По крайней мере, они не настолько себя заявили, чтобы можно было питать к ним доверие, которое бы честных людей расположило действовать с ними заодно. И вот это-то составляет беду нашего времени.

Нелепы и пагубны также демократические тенденции некоторых недозрелых умов, которые готовы взывать к на-

родному движению и запутать народ в сети своих утопических идей. Они забывают, что народ наш, при своей полудикости, способен производить Пугачевых и Разиных, а не граждан, которые были бы в состоянии участвовать в решении высших общественных задач. Ему нужны еще воспитание и опека — разумеется, и то и другое, честно и разумно направленные.

29. Понедельник. Национальное собрание во Франции состоит из посредственностей или людей нечестных. Одни, как быки, бодают республику Тьера, другие лягают ее. Но те и другие топчутся на одном месте, не двигаясь по пути, который один может привести Францию к возрождению. Вся политика Тьера заключается в том, чтобы разными маневрами загнать их в такую трущобу или нору, из которой, чтобы не задохнуться, они должны выйти и невольно дать ему требуемое большинство.

Февраль 1. Четверг. Только и разговоров, что о ссоре московского городского головы, ‹Н. П.› Ланина, с тамошним губернатором, ‹П. П.› Дурново. Ланин сделал визит губернатору и, не застав его дома, оставил у него карточку. Потом Ланин не явился на другой или третий день к нему вместе с разными служащими лицами, а приехал после один и во фраке. За это, то есть за визитную карточку и за фрак, губернатор сделал строгое внушение городскому голове, видя в нем не больше, как своего подчиненного. Вследствие этого Ланин подал в отставку. Общее мнение обвиняет губернатора, который забыл, что Ланин — представитель целого города, получившего недавно новый устав и с ним значительную долю автономии и независимости от местных административных властей. Достается и Ланину, за то, что он не обнаружил достаточно самостоятельности и уронил своею предупредительностью достоинство городского головы. «Московские ведомости» подшучивают над тем, что он как будто сам признал себя подчиненным губернатору и назвался на оскорбление.

А вот и другая отставка, уже европейская: испанский король Амедей отрекся от престола. [270]

5. Понедельник. В нашей нравственной испорченности надобно отличать два ее вида: один — плод простодушного, грубого невежества и темное наследство прошедших времен, другой — сознательный и, так сказать, преднамеренный разврат ума и сердца, сознательная безнравственность. Это есть не иное что, как единственная возможная оппозиция душ

слабых, умов неглубоких и полуобразованных против разного рода стеснений, незаконностей, бесправий и т. п.

8. Четверг. Акт в университете. Прекрасная речь ‹А. Д.› Градовского о причинах, почему науки политические расходятся с практикою. ‹А. Н.› Савича речь о Копернике, вероятно, умно и хорошо написана, — говорю: вероятно, потому что он так тихо ее читал, что, кроме него самого, решительно никто его не слыхал.[271]

Действовать в каждом положении по силам своим можно и должно, но считать свои действия чем-то важным, содействующим будто прогрессу общества, нелепо и смешно. Впрочем, это одна из тех иллюзий, без которых слабые люди не могут обойтись.

12. Понедельник. Вот формула того, чем могли бы удовлетворяться все рассудительные люди нашего времени: со стороны правительства — поддержание всех реформ нынешнего царствования, со стороны общества — деятельность в пределах этих реформ. А реформы эти: освобождение крестьян, новые суды, земство и свобода печати.

К толкам о московском губернаторе и городском голове присоединились толки о процессе ‹Э. К.› Квитницкого. На суде, по словам самовидцев, сочувствие к Квитницкому в публике было всеобщее. Он вел себя превосходно. Его защитительная, или, лучше сказать, повествовательная речь, простая, благородная, сдержанная, как сама истина, произвела глубокое впечатление. Она напечатана уже в газетах третьего дня и вчера (смотри «Голос»). На суде присутствовали, между прочим, великие князья Константин и Николай Николаевичи. По всему видно, что главная причина неприязни к нему его товарищей-офицеров — внутренняя, та, что Квитницкий, кончивший курс в двух академиях — Михайловской артиллерийской и военной, был несравненно образованнее вообще и специально по военной части прочих своих сослуживцев, которые из зависти строили ему всяческие козни. Между этими господами главную роль играли ‹А. Д.› М‹илютин›, сын министра, и ‹Н. А.› Т‹имашев›, сын другого министра, да еще некто Щ‹ербинский›, а полковник ‹В. Н.› Х‹лебников› был их орудием. Квитницкий приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь в неотдаленные места, без совершения публичного обряда. Суд при этом положил ходатайствовать пред государем о совершенном его помиловании.[272]

Обманывай, чтобы не быть обманутым, говорят практические люди.

Есть люди, которые очень разумно, либерально и гуманно рассуждают о всех общественных вопросах и в то же время не упускают ни одного случая получить теплое местечко, чин или орден и особенно лишнюю копейку в свой карман. Это-то и есть люди, которых на обыкновенном языке житейском называют хорошими, между тем как они только просто благоразумные и смышленые эгоисты.

15. Четверг. Советовался с гомеопатом доктором ‹Х. Я.› Гюббенетом насчет моих толчков. Он прописал мне белладонны по две капли в день, утром и вечером. Сегодня я успел принять 2 капли: страшнейший толчок из всех когда-либо со мною случившихся. Я переселился в кресла, но не мог никак заснуть. Было уже четыре часа, когда я лег опять в постель и спал уже порядочно.

18. Воскресенье. Говорят, что разные высокопоставленные лица жестоко рассердились на военный суд, на котором в таком невыгодном свете оказалось офицерство, делавшее такие низкие козни против Квитницкого. Офицерство это принадлежит к богатым и знатным фамилиям, и суд виноват, видите ли, что они публично изобличены в гадостях. Но чем же тут виноват суд? Ведь все эти господа изобличили сами себя своими показаниями: они говорили только то, что они делали, и это деланное ими вышло великою мерзостью. Защитники их желали бы, чтобы суд был негласный, безмолвно и во мраке, как прежде, осуждающий и оправдывающий кого угодно и как угодно высшим. Вот как трудно нам подняться до понятий о справедливости, законности и долге.

Март 3. Суббота. Странное положение России. С одной стороны, издаются новые законы, даруются некоторые льготы, а с другой — является неограниченный произвол, на деле совершенно изменяющий одни и отменяющий другие и как бы говорящий: вы этому не верьте, это так, ничего.

15. Четверг. Вечер у В. П. Безобразова, на котором я читал разбор мой Майкова поэмы «Д[illegible] мира».[273] Собрание было блестящее и многолюдное. Тут были и генерал-адъютанты, и сенаторы, и члены Государственного совета, несколько наших академиков, профессоров, министр народного просвещения также. Дам молоденьких, молодых и старых великое множество и между ними бывшая Милютина (сестра министра), а ныне ‹М. А.› Мордвинова, которая,

как бывшая моя ученица по Екатерининскому институту, осыпала меня приветствиями и любезностями. Я долго говорил с нею, потом с ‹Н. В.› Исаковым, начальником военно-учебных заведений, с академиком ‹О. В.› Струве, который много рассказывал мне о Тьере: у него бывал он, когда летом находился в Париже, где председательствовал во всенародной комиссии об устройстве мер.[274] Мое чтение было, как говорится, так себе. Я по обыкновению спотыкался на некоторых словах моей мною самим переписанной рукописи, и переписанной, как всегда, скверным, нечетким почерком. Впечатление общее, впрочем, было, кажется, недурно. По крайней мере я не произвел скуки длиннотою чтения: оно продолжалось 55 минут.

16. Пятница. На днях в заседании Академии некоторым из моих товарищей пришло в голову говорить о юбилее в честь моей пятидесятилетней деятельности в литературе. Разумеется, я восстал против этой нелепости.[275]

17. Суббота. Люди, которые стоят за нравственные принципы, защищают дело потерянное. Общество, очевидно, стремится к радикальному и всеобщему перевороту. Люди, которые влекутся и других влекут в этот переворот, знают, что он совершается не с участием нравственных сил, — честность несовместна с готовностью на все, следуя знаменитому правилу, что цель освящает средство. Люди эти правы. Я и подобные мне доктринеры, которых очень немного, со своими нравственными принципами составляем род бесполезных людей, способных разве только умирать мужественно и честно. Но мы напрасно думаем отвратить неотвратимое. Это значило бы то же, что остановить мельничное колесо руками на всем его ходу. Зачем же действовать в таком случае? Затем, что каждый должен поступать не иначе, как соответственно своей натуре: иначе он был бы или лицемер, или дурак. Притом, нравственные принципы, ничтожные в настоящем, не могут, однако, быть исключены из системы человеческой деятельности, и когда горячка пройдет, они непременно войдут в круг общественной деятельности и займут опять свое место. Вот почему люди, спасающие нравственные принципы от конечного забвения, делают нужное дело; они сберегают копейку на черный день, то есть на тот день, когда общество, истощив разрушительные и разлагающие начала, восчувствует необходимость восстановить твердый и нормальный порядок вещей. Тут и пригодится сохранившийся капитал. А если оно не почувствует этой необходи-

мости? Ну, так, значит, оно близко к тому моменту, когда человеку ничего не нужно, то есть к моменту смерти.

21. Среда. В области науки и литературы должна царствовать терпимость, которой может недоставать в политическом мире. Разногласие, противоречие мнений, взглядов возможны и там: но они не должны иметь того враждебного, жгучего характера, который встречается у людей, действующих на политической арене. Там могут быть школы, здесь партии. Но разница между ними огромная. Люди партий борются за преобладание, за господство, и потому естественно одна стремится уничтожить другую. Оттого страсти, вражда. Но люди школы спорят за идеи, имея в виду истину. Они могут не соглашаться друг с другом, и каждый истощает все доводы ума для того, чтобы дать перевес своей мысли, гипотезе или теории. Но тут никакого повода к нетерпимости, к вражде, потому что нет того возбуждения страстей, каким одержимы бывают люди, борющиеся за власть, за первенство между многими или всеми, словом, за господство. Ярый либерал тут становится таким же деспотом, как самый закоснелый абсолютист.

22. Четверг. Мы долго еще будем раболепствовать, потому что мы привыкли к этому и потому что мы развращены.

Что мы можем принести в дар Европе? Кабаки, деспотизм, чиновничий произвол и великое расположение к воровству.

С тех пор как крепостное состояние уничтожено, в России не существует повода к политической революции. Но невозможна ли социальная? Но для нее нужны не такие нравы, какие существуют у нас.

23. Пятница. Петр Великий, как крепкий жернов, перемолол в муку зерна нашей народности и положил в нее закваску европейского белого хлеба. С тех пор наша общественность бродит и пузырится. Когда она дойдет до того, чтобы из нее образовалось здоровое тесто и спечен был вкусный русский хлеб с европейскою закваскою, — богу единому известно.

Я не могу себя обвинять, что устраняюсь от современного движения и интересов. Это было бы совершенно несправедливо. Я дотрагиваюсь до каждого пульса нашей общественности, но вижу, что ее бьет лихорадка. Тут ничего не сделаешь.

Кто истинно и искренно любит человечество и свою страну, тот не может не чувствовать глубокого презрения к людям и общественности нашего времени.

25. Воскресенье. Делаются большие приготовления к приему германского императора. Между прочим, велено военным генералам переменить красные штаны на какие-то другие, так как красные заимствованы были у французской армии.[276]

Против военного министра, Милютина, ратует сильно партия, осуждающая его управление. Наряжена комиссия для исследования некоторых финансовых вопросов по армии, под председательством князя ‹А. И.› Барятинского, отъявленного врага Милютина.[277]

Милютин, говорят, подавал в отставку, но государь не согласился ее принять.

Вечером у Краевского, где познакомился с полковником ‹М. И.› Венюковым, отличным знатоком наших кавказских, среднеазиатских и амурских дел. Он рассказывал удивительные вещи о наших тамошних административных порядках, или, лучше сказать, о таких беспорядках, каким едва ли где-нибудь есть подобные.[278]

Общество без нравов осуждено на то, чтобы рабствовать или перед деспотизмом, или перед своими пороками.

Наука, искусство, литература — все это требует некоторой возвышенности духа, без которой все превращается в пустую игру на поверхности вещей или, что еще хуже, то в орудие, то в прикрытие всякого рода мерзостей.

27. Вторник. Такова экономия судьбы, что за добром всегда следует реакция зла, но за злом не всегда следует реакция добра, если не считать добром некоторое ослабление ударов, какие нанесли вам люди и обстоятельства.

28. Среда. Природа человеческая похожа на вулкан, который в одно и то же время извергает из глубины своей дым, камни, золу, пламя и свет.

29. Четверг. К приезду германского императора Петербургу стараются придать вид настоящего немецкого города, так чтобы великий император как будто не выезжал из Пруссии. Перемена генеральских штанов, замена головного убора солдат прусскими касками, прусские флаги на домах и проч. — все должно содействовать этому.

Какая-то эпидемия самоубийства с некоторого времени свирепствует у нас. Редкий день проходит, чтобы в газетах

не извещали о повесившихся, о застрелившихся, и чаще о застрелившихся. Револьвер в большом ходу. Даже женщины научились им владеть. Сегодня извещают, что какая-то дама Л. пришла к Е. Утину, помощнику присяжного поверенного, потребовала, чтобы о ней доложили, и когда тот вышел, она пустила ему, как пишут, из револьвера пулю в упор. Пуля, однако, по какому-то чуду скользнула над его головой, не повредив его. Затем Л. приложила револьвер к собственному виску, спустила курок и упала мертвою. В чем завязка этой трагедии — неизвестно.

31. Суббота. Посягавшая на убийство У‹тина› — молодая девушка, сестра тоже застрелившейся Г‹ончаровой›. Она хотела отомстить У‹тину› за то, что он, по неосторожности или легкомыслию, бросил тень на отношения Г‹ончаровой› с ‹А. Ф.› Ж‹оховым›, которого он убил на дуэли после известного процесса о Г‹ончарове›.[279]

Апрель 4. Среда. Если действительная жизнь преисполнена всяких зол и особенно всяких человеческих гадостей, то искусство вообще и литература должны хранить в себе идеалы всего лучшего, разумного и благородного в человечестве. Но теперь это не так. Искусство и литература опошляются елико возможно под предлогом верности правде и под условием реальности. Но что разумеют они под правдою? Списывание с натуры, группировку разных текущих проявлений жизни, всего, чем волнуются люди и общество настоящего времени? Конечно, это правда. Но есть и другая правда — с о з н а н и е, в котором живут вечные идеи разума, добра, истины, красоты. Изображая первую, не следует забывать другой.

Военный министр, как слышно, к общему удовольствию, остается на своем посту, вопреки козням и интриге своих врагов; главным из них считают князя ‹А. И.› Барятинского, а главными соучастниками его — генералов ‹Р. А.› Фадеева и ‹М. Г.› Черняева.

Москва не теряет своего оппозиционного духа. Головою своим она избрала опять ‹Н. П.› Ланина, получившего наиболее избирательных шаров после князей ‹В. А.› Черкасского и ‹А. А.› Щербатова, отказавшихся от главенства. Разумеется, Ланин также отказался. Итак, Москва остается без головы. Такие-то последствия вышли из деяний Дурново.

8. Воскресенье. День пасхи. Светло, но все-таки холодно. Впрочем, теперь только утро, 9 часов.

Большею частью, когда люди сами себя обрабатывают по своим понятиям и верованиям, то из обработки выходят прескверные продукты. Одно, на что можно положиться, это хорошее сердце и инстинкты, дарованные природою иным неделимыми. Тут только и можно любить и верить в любовь.

10. Вторник. Первый день пасхи был холоден, но светел, а вчера и сегодня снег с дождем, грязь; все здесь скверно: и погода, и люди, и судьба их.

11. Среда. Вечер у Благовещенского, который приехал сюда из Варшавы на несколько дней. Говорил долго с В. В. Григорьевым о хивинском походе. Он долго служил в Оренбургском крае и знаком с Средней Азией. По его мнению, походу нашему предстоят большие трудности. [280]

12. Четверг. Конца нет слухам и толкам о предстоящей встрече германского императора. Говорят, что Дума очень недовольна предложением Трепова иллюминовать Гостиный двор особенным парадным образом и вывесить прусские и германские флаги. Происходят беспрерывные сборы и репетиции войск; зоря будет из 1500 музыкантов. Говорят, императору будет поднесена сабля, украшенная бриллиантами, в 700 тысяч рублей, и проч. и проч.

Посещал некоторых знакомых; был у Небольсина, ‹Е. К.› Богдановой, Блюменфельда, Тютчева. Последний все еще лежит с парализованною половиною тела. Но голова его свежа, как у здорового. Говорит он тоже почти свободно, с маленькою запинкою. Но на выздоровление его нет надежды.

Очень болен также К. К. Фойгт. С ним также был удар, который едва ли не сведет его в могилу. Жаль! Это истинно честный и благородный человек.

15. Воскресенье. Въезд германского императора. Город принял такой праздничный вид, какого не бывало в самые знаменательнейшие дни народных торжеств. Все дома расцвечены флагами, и на многих из них прусско-германские флаги скрывают даже русские. И все новенькие, как с иголочки, так что улицы превращены в какие-то цветники. Вильгельм должен был въехать в город в 2 часа по Вознесенской улице и по Большой Морской. Туда ринулись толпы народа. Я хотел было совершить обыкновенную мою прогулку по Невскому проспекту, но воротился домой.

Рассказывали о царедворческой неловкости графа Толстого (министра). В прошедший четверг он затеял у себя бал и обратился к государю с приглашением осчастливить

этот бал своим присутствием. Государь нахмурился и сказал: «В этот день умер мой сын». Можно себе представить, как смутился граф Димитрий Андреевич. Однако государь все-таки был у него на бале, который отнесен был на пятницу.

Два чрезвычайно характеристичные слова, из которых каждое выражает целую эпоху и целую систему, господствующую в высших административных кругах: распекать принадлежит николаевскому времени, подтянуть — нынешнему.

Полиция строго следила за тем, чтобы везде были вывешены флаги, особенно германские и прусские.

16. Понедельник. Вчера был день ясный, но довольно холодный. Сегодня пасмурно и теплее.

Полиция приказала, чтобы были вывешены ковры на домах Невского проспекта, в дополнение к флагам и бюстам.

Прошелся по Невскому проспекту. Толпы народа. Беспрестанно мчатся придворные экипажи с прусскими генералами и офицерами.

17. Вторник. Четырнадцатого умер Владимир Григорьевич Бенедиктов. [281]

20. Пятница. Сегодня огромный парад в честь германского императора. Вчера целый день и ночь шел сильный дождь со снегом. Во все это время на Царицыном лугу, где должен происходить парад, были разложены горящие костры с целью осушить площадь. Насколько это достигнуто — неизвестно, но всем эта затея показалась забавною. Сегодня для парада на несколько часов небо очистилось, и парад прошел благополучно. Солдаты возвращались в три часа, выпачканные по колена в грязи. Видно, осушка площади не очень удалась.

Два раза, во вторник и в четверг, министр народного просвещения потерпел в Государственном совете сильное поражение по поводу рассуждений о воинской повинности, в которой он усиливался увеличить льготы в пользу своих греческих гимназий и прогимназий. В первый раз против него было 28 голосов и за него был только один голос, графа Шувалова. Во второй раз он успел собрать, по каким-то параграфам, в пользу своих проектов шесть голосов, но против него было 26. Члены, говорят, были сильно вооружены против его требований и бесцеремонности, с какою они были выражены.

Классическое образование, кажется, не было пренебрежено во Франции, и однако оно не спасло ее от кровавой первой революции. Напротив, оно только содействовало развитию республиканских идей. Возбуждение умов против царей, будто бы сплошь тиранов, было совершенно во вкусе греческих республиканских тенденций, воззвания к Бруту и т. п. Коноводы жирондистов были до мозга костей пропитаны классическим республиканским духом.

Новое постановление о цензуре, говорят, уже прошло через Государственный совет. Оно состоит из двух отделов: 1) О статьях в газетах и журналах в качестве слухов: администрация имеет право требовать от редакций сведений об именах лиц, от коих произошли эти слухи. 2) Администрация имеет право воспрещать газетам и журналам писать о таких-то или таких предметах. Особенно важна первая статья: она совершенно убивает так называемые корреспонденции, ибо кто же захочет из провинции сообщать что-нибудь в газеты под дамокловым мечом высылки куда-нибудь административным порядком? Это очень жаль. Гласность, оказывавшая такие огромные услуги нашему обществу, становится теперь совершенно невозможною. А без нее мы опять погрузимся по уши в бездну всяческих беспорядков и злоупотреблений, из которой мы понемножку начали было выбираться.[282]

Говорят, это постановление состоялось по поводу напечатанного в «Голосе», заимствованного из иностранных газет, слуха о предположенном посещении государынею папы. Итак, одного частного случая достаточно, чтобы были приняты самые тяжкие репрессивные меры против всего движения вещей.

25. Среда. В сегодняшнем, 113 № «Голоса» напечатан любопытный процесс по жалобе титулярного советника А‹нучина› на графа ‹В. Ф.› А‹длерберга›. Сенат решил в пользу последнего.[283]

Этот процесс тем замечателен, что он служит самым убедительным опровержением мысли, будто у нас возможны какое-нибудь правосудие или законность.

Вот один из тысячи примеров явного неуважения к закону со стороны тех, которые должны его охранять. После этого заслуживает ли уважения порядок вещей, где это возможно, и можно ли питать какое-нибудь доверие к лицам, стоящим во главе его.

26. Четверг. Много толков о процессе А‹нучина›, и толков, конечно, не в пользу графа А‹длерберга› и проч. Правду сказать, такое явное неуважение к закону справедливости и праву собственности и у нас редко бывает. Но я нахожу, что здесь поступлено в духе нынешних идей, столь ясно и определительно провозглашенных Бисмарком: «сила есть право».

В поступке графа Адлерберга я нахожу некоторый род юмора: он хотел поглумиться над законом и поглумился без дальних околичностей. А если бы кто вздумал вслух выражать свое удивление на этот род обращения государственных людей с законом, то у нас есть граф Шувалов, с его прекрасным: «выслать административным порядком такого-то туда-то». Выходит, что Оксенштиерн прав, сказав: «Самая нетрудная и пустая наука управлять людьми».

27. Пятница. Ищите прежде всего мира с самим собою, а все прочее к тому приложится.

Есть люди солидные, серьезные и просвещенные, от которых часто слышишь весьма резкие и неблагоприятные отзывы о разных административных злоупотреблениях и беспорядках. Однако они вовсе не принадлежат к партии тех недовольных, которые заражены новейшими теориями о правительстве и обществе, и вовсе не думают о каких-нибудь изменениях, несовместных с нашим порядком вещей. Это люди либеральные, но вовсе не люди так называемого действия. Они понимают лучшее, но также понимают, что это лучшее может быть только плодом времени и прочного образования. Подгонять насильственно историю нельзя. И притом боже избави нас от тех благ, которые обещает нам история и неразумные двигатели, выдающие себя за вождей движения. Наши демократы, гуманисты, социалисты, коммунисты — просто шалуны, которых надобно останавливать.

Иное дело наблюдать, изучать вещи и находить недостатки в них, и иное — браться за их исправление по известным теориям и тенденциям.

Какая бы ни была власть, все-таки она лучше анархии.

30. Понедельник. Третьего дня В. М. Княжевич умер. Он уже года три как был очень слаб здоровьем. Недели за три перед этим я был у него; он был уже очень плох, хотя еще на ногах, и даже прошелся по комнате, чтобы достать

сигару, которой обыкновенно меня потчевал. С ним я был в более близких отношениях, чем с братом его, бывшим министром финансов.

Можно ли иметь низенькую, маленькую душонку в соединении с талантом — или дает ли человеку талант право быть безнравственным негодяем?

Май 3. Четверг. Правительство, не говоря о других побуждениях, единственно из чистой невозможности самому все предпринимать и совершать для достижения целей общества, должно последнему предоставить значительную долю забот о себе, хотя бы они и не всегда были успешны. И хотя эта неуспешность иногда бывает и очень ощутительна и достойна сожаления, однако это не должно служить для правительства поводом ко вмешательству, потому что ошибки общества в этом случае далеко не бывают так вредны, как это вмешательство, которое, парализируя общественные силы, лишает уже их совершенно всякой возможности двигаться и что-нибудь делать. Оно становится пассивным и не живет уже, только прозябает. Притом здоровое общество всегда в самом себе найдет лекарство против своих заболеваний, а если нет, то ему уже никакое лекарство со стороны власти не поможет. Собственные выгоды общества укажут ему на средства исправления. Правительство действует через своих агентов, и весьма естественно, что эти агенты думают о своих интересах больше, чем о пользах общества, да и не знают их так хорошо, как оно само. Их виды стоят на прямом противоречии с его потребностями и, следовательно, ведут к полной разладице вещей и дел.

А контроль правительства? Разумеется, он необходим, но вот тут-то, как говорится, и крючок.

Гадко, дождливо, холодно — и это тотчас после нескольких прекрасных дней апреля.

10. Четверг. Опять флаги. Сегодня въезд персидского шаха.[284]

Знаменитый принцип, провозглашенный Бисмарком: сила впереди права — вот откуда берет свои воззрения и убеждения современная пресловутая цивилизация.

Прекрасный день. Прошелся по Невскому проспекту до Полицейского моста. Несметные толпы народа, ожидающего проезда шаха. В четверг 2-го, наконец, показалась коляска с государем и шахом, за ней мчались придворные экипажи со свитою шаха. Народ кричал «ура!»

11. Пятница. Отнесли М. Е. Звегинцева на Волково

кладбище. Три дня тому назад он умер. Был простой, но честный и добрый человек в полном смысле слова.

Может ли иметь какое-нибудь достоинство то общество, в котором никто не хочет признать в другом ни ума, ни таланта, присваивая их исключительно самому себе?

Одна из характеристических черт нашей интеллигентной общественности и литературы есть любовь к историческим известиям. Записочки, мысли, анекдотцы, письма и письмеца известных и неизвестных особ и особенно скандалы — все это печатается и поглощается с жадностью. Означает ли это любовь к истории? История требует серьезного размышления, изучения, некоторых умственных усилий, а нам нужно новое, любопытное, занимательное, особенно смешное.

14. Понедельник. Тьер отказался от президентства.[285] Ничто из внешних политических событий меня не огорчало так, как это.

17. Четверг. Стараюсь не думать и не говорить ничего о французских делах, такими мне кажутся они прискорбными: тут закваска новой революции. Вот что наделала правая сторона Национального собрания, свергшая Тьера. Это собрание безумцев и негодяев, придерживающихся так называемой консервативной политики, которую они хотят превратить в деспотизм, чтобы продлить свое незаконное владычество над Францией.

20. Воскресенье. Отправлено имущество на дачу в Павловск, к тому же Брауну «Под Дубками». Завтра мои едут, а я после.

«Голосу» воспрещена розничная продажа.

Кандидат здешнего университета Дьяченко, бывший уже несколько лет на службе, сперва по судебному ведомству, а потом по министерству народного просвещения, определен учителем в красноярскую гимназию. Теперь он пишет, что сибирский генерал-губернатор ‹Н. П.› Синельников велел посадить его в дом сумасшедших и отобрал все его имущество. За что и почему? — неизвестно. Письмо, писанное Дьяченко ко мне и к ‹А. С.› Воронову, так как мы оба хлопотали об определении его учителем в Красноярск, не показывает и тени чего-нибудь похожего на умственное расстройство. Что ж это такое? Каков бы ни был повод, но если этот несчастный не сделал никакого важного уголовного преступления, то можно ли было так поступить с ним, да еще угрожать ему розгами, если он будет жаловаться на то, что с ним сделано, требовать объяснений о причинах

и т. п.? Факт свидетельствует, что можно. Дьяченко пишет, что в нем приняли живое участие тамошний архиерей, жандармский полковник и другие достойные люди, но все это ни к чему не послужило, и он продолжает сидеть в доме сумасшедших.

22. Вторник. Было прежде слово обабиться у нас обидным для мужчины. Теперь оно должно сделаться почетным, должно потому, что наша нынешняя женщина оказывается не в пример лучше мужчины.

24. Четверг. Заседание в нашем отделении в Академии наук, где мы порешили не собираться более и начать каникулы.

Есть люди, которые сияют удивительным блеском, пока они занимают такое-то место. Но лишь они сойдут с него, тотчас оказывается, что они такие ничтожества, что удивляешься, как могли они занимать эти места.

27. Воскресенье. Когда ученый с предвзятой идеей делает наблюдения и опыты, он всегда найдет в вещах то, что ему нужно и что служит к подтверждению его теории.

У Краевского с Вороновым, который у меня обедал. Возвращаясь от Краевского, мы попали под проливной дождь с грозою и почти бегом добрались домой, порядочно измоченные. Я, однако, не промочил ног, защищенных калошами, а бедный Воронов потерял одну калошу и замочил сильно ногу.

У Краевского любопытный рассказ его об объяснении с Лонгиновым по поводу запрещения розничной продажи «Голоса». Беда сочинилась за две пустые фразы в фельетоне.

30. Среда. Ездил в Царское Село навестить бедного больного Тютчева. Положение его самое плачевное. Половиною тела он совсем не владеет, но голова свежа и умственные отправления все как следует. В произношении он немного и едва заметно затрудняется. Он совершенно остался одиноким: все его близкие и друзья разъехались на лето. Из домашних я никого не видел, кроме сиделки да лакея, которые за ним ухаживают, и, кажется, усердно. Он чрезвычайно был рад моему посещению. Поговорили о литературе, о Франции и о Тьере. Разумеется, он, как все благородные и мыслящие люди, негодует на правую сторону Национального собрания, свергнувшую Тьера. Все, повидимому, клонится к тому, чтобы восстановить наполеоновскую династию.

Надобно согласиться с тем, что для нас останутся вечно неразрешенными вопросы о нас самих, о нашей природе, судьбе, будущности, цели мироздания и проч. Это настоящая непроницаемая для науки terra incognita, * а между тем в этой-то terra incognita и сосредоточиваются системы, которых доискивается современная наука, веруя беспрекословно в индукцию. Несмотря на свое отвращение к метафизике и догматизму, она становится сама метафизическою и догматическою, когда, например, утверждает, что человек подлежит тем же механическим законам, как и все прочее в природе.

Странное явление представляет наше современное человечество. Никогда не было разбросано столько гуманных идей в книгах, проектах, на языке и в мыслях многих и притом передовых, лучших людей, как в настоящее время. И между тем никогда, кажется, эгоизм не является под разными видами столь господствующим в поступках и отношениях людей друг к другу.

Июнь 9. Суббота. Навещал больного Тютчева. Бедный, он более еще страдает нравственно, чем физически...

12. Вторник. Ездил в Петербург и заезжал к княгине М. А. Т. по ее просьбе. У нее милая и умная дочь, девушка лет 19, которая желает серьезно заняться наукою и литературою. Мать просит меня руководить ею, на что я охотно согласился, потому что милая княжна, как мне кажется, должна выходить из круга обыкновенных аристократических девушек. Я обещал приезжать к ним в Гатчину, где они намереваются провести лето.

Итак, на моих руках теперь два нравственных пациента — старик, разбитый параличом, и молодая девушка.

14. Четверг. Экзамен в Римско-католической академии. Сошел как обыкновенно, и даже больше, чем обыкновенно, — отлично хорошо. Молодые клирики действительно успели много в русском языке, и я должен отдать им справедливость, что они занимаются с большим усердием. Они очень привержены ко мне, как, впрочем, все мои бывшие многочисленные слушате и слушательницы.

После экзамена я поехал на дачу к другу моему, Воронову, около Парголова.

15. Пятница. Вчерашний день и сегодняшний до семи вечера провел приятно, как редко случается, в семействе

* Неведомая земля (*лат.*). — *Ред.*

Воронова, которое очень мило и оказало мне самое теплое и радушное гостеприимство. Вчера был день серенький, но теплый, и мы погуляли с Вороновым отлично. Проехал в Парголово на пароходе по озеру от шуваловской железнодорожной станции. В Парголове мы зашли в плохонькую гостиницу. Сегодня прегнусный день: дождик, как осенью. Однако мы успели побродить по лесу, а после обеда уселись на балконе и проболтали весело в сообществе милых дочерей Воронова. В семь часов я отправился по железной дороге в город и прибыл туда под шумом проливного дождя. К счастью, на станции я нашел извозчичью коляску, которая благополучно довезла меня до моей квартиры. В половине одиннадцатого я уже был в Павловске.

16. Суббота. Ездил в Царское Село навестить Тютчева. Но я не видел его: он в беспамятстве и очень плох. В понедельник я был у него. Он долго со мной говорил и был хорош.

Нашему времени принадлежит только критика общественных учреждений и правительственных мер; действовать же на их усовершенствование мы не можем, потому что лишены для этого и моральных и политических сил.

18. Понедельник. Получено известие из Средней Азии, что Хива взята нашими войсками.[286]

Конечно, несправедливо упрекать русский народ в том, что он ознаменовывает некоторую долю предоставленной ему свободы разными пороками — пьянством, воровством, мошенническими замашками и проч. Но это не оттого, что ему дана некоторая свобода, а оттого, что ему не доставало ее.

21. Четверг. Был у Тютчева и не видел его. Зять его, Иван Сергеевич Аксаков, мне сказал, что вся почти эта неделя прошла в борьбе со смертью. Иногда Тютчев приходил в себя на некоторое время, потом опять впадал в забытье. Сам как-то вспомнил о священнике, но исповедаться не мог — язык ему не повиновался. Совершив глухую исповедь, однако, он приобщился и понял, когда священник просил его открыть рот. Теперь, очевидно, поражен его мозг.

22. Пятница. Вчера был прелестнейший день и вечер — 20° тепла, а сегодня 10° только; очень холодно и мрачно.

Был в городе, в заседании правления Академии наук.

Июль 2. Понедельник. Был у Тютчева. К нему возвратилось сознание, но он очень слаб и едва может произнести

несколько слов — так язык его поражен. Жена его, Эрнестина Федоровна, почтенная старушка, которую я в первый раз видел, очень была, повидимому, рада моему приезду. Он спрашивал вчера обо мне. Меня ввели к нему. Лицо его очень изменилось. Он протянул мне свою исхудалую руку и с большим трудом сказал несколько фраз. Я пробыл у него минуты три, боясь обеспокоить. Он и жена его просили меня заезжать к ним еще. Аксаков с женою уехал в Москву.

4. *Среда*. Ездил в Гатчину видеться с княгиней Т. Со мною был И. П. Верещагин, который хотел побывать у ‹О. И.› Сомова. Я тоже зашел к благородному и доброму Сомову, который очень был мне рад. С радостью тоже приняли меня княгиня и дочь ее. Мы долго беседовали о литературе и проч. Мать, между прочим, показывала мне огромное собрание писем канцлера нашего Горчакова к разным его родным, которые были родственники и княгине. Письма эти были писаны с 11-тилетнего его возраста и заключают в себе много любопытного для биографии канцлера. Княжна была очень мила. Мать прочитала мне ее небольшие стихотворения, прехорошенькие, и сама княжна продекламировала мне некоторые вещи из Пушкина, и прекрасно. Обе просили моих советов, и я охотно обещал им их. Очень упрашивали меня обедать у них, но я предпочел свободу радушному их приглашению и съел кое-чего в трактире Веревкина, который, сказать мимоходом, очень хорош. Верещагин обедал у ‹А. Н.› Савича, который и меня сильно звал. С трех часов пошел дождь и помешал мне побродить по парку, а парк превосходный. Я только успел заглянуть в него. Так как мы приехали не по железной дороге, а в экипаже, взятом в Павловске, то в 40 минут восьмого мы отправились обратно и в 10 часов были уже дома.

7. *Суббота*. Ездил в Царское Село к Тютчеву и не видел его. Он опять без сознания. Я узнал, между прочим, настоящие лета его: ему 78 лет.

8. *Воскресенье*. Заходил к Перевощикову. Бедный старик, слепой, сидел одиноко в своей комнате и очень был рад моему посещению. Я, кажется, один и навещаю его. Если бы не слепота, нельзя было бы и подумать, что ему 84 года, — так он бодр и свеж умом.

9. *Понедельник*. В заседании славянского комитета И. П. ‹Корнилов› прочитал любопытное письмо из Чехии

от тамошней матицы.[287] Ей из усердия комитет послал несколько русских книг. В ответ на это матица пишет чистым русским языком, что книги им не нужны, так как у них никто по-русски не знает, и взамен их просят присылать им денег.

11. Среда. На днях последовало второе предостережение «Вестнику Европы».[288]

14. Суббота. Поводом к предостережению «Вестнику Европы» были две статьи: одна Пыпина, касавшаяся репрессивных мер по цензуре, а другая — «Переделка судебных уставов», в которой излагаются распоряжения министерства юстиции, подрывающие новые суды так, что от них скоро останется одна тень нового их устройства. Вот и благодетельные наши реформы! Суды уже подорваны; Валуев бьется изо всех сил, чтобы освобождение крестьян попятить сколь возможно больше назад, подчинить их помещикам и т. п. Земские учреждения давно уже в параличе, а печать чуть не в худшем состоянии, чем была в николаевское время. И между тем у нас не перестают восхищаться великими благодеяниями, излитыми в последнее время на народ. То ли скажет история?

Впрочем, жаловаться и роптать на это не следует. Всякий народ бывает управляем так, как он заслуживает.

У нас испугались реформ те самые, которые их произвели. Они ожидали, что из реформ возникнет самая порядочная, сообразная с их желаниями жизнь; что нравы тотчас изменятся к лучшему, промышленность и земледелие процветут, богатство потечет по всей стране рекою. Печать только и будет делать то, что восхвалять держащих в руках бразды правления и т. п. Все эти золотые сны не оправдались. То, что веками портилось и извращалось, не может измениться в несколько лет. Главная задача реформ совсем не в том состояла, чтобы насладиться благами, элементы которых в них заключаются, а в том, чтобы положить им основание и сделать эти блага возможными. Словом, реформы имеют в виду не настоящее, а будущее. Поэтому не следует их подкапывать, а обеспечивать их прекрасные последствия, выжидать.

Естественно, что они произвели много такого, чего администрации не желалось, много ошибок, неуменье пользоваться дарованными льготами, даже злоупотребления. Но в высшей степени странно, что этого не предвидели. Следует ли из-за этого возвращаться к прошедшему и парали-

зировать сделанное, лишая его той силы, которая одна в состоянии вывести нас на лучший путь?

16. Понедельник. Какую цивилизацию мы должны выработать? Или нам придется пробавляться со дня на день и т. д. до бесконечности. Чтобы отражать внешних врагов, у нас достаточно сил, и только. Где у нас залоги нравственного и общественного величия? Мы лишены единства общественного духа. «Мы едим друг друга и от того сыты бываем», сказал человек, который тоже ел других, пока сам не был ими съеден. Нравственность наша скверная: она не поддержана ни сознанием человеческого достоинства, ни религиозными высшими истинами.

17. Вторник. Приехав из города, я прочитал в газетах о кончине Ф. И. Тютчева. Он скончался в воскресенье, а похороны назначены завтра: приглашают на вынос из квартиры в Новодевичий монастырь в 9 часов утра.

18. Среда. Глупейшим образом надули меня с похоронами Ф. И. ‹Тютчева›. Ровно в 9 часов сегодня я был у квартиры покойного: тут мне сказали, что он давно уже увезен на железную дорогу, чтобы быть оттуда отправлену в Новодевичий монастырь. Я помчался туда и увидел только дым удаляющегося поезда. Со мной приехал туда еще какой-то генерал в полной форме и тоже увидел один дым. Что же мне было делать? Оставалось возвратиться домой, внутренно побранив распорядителей похорон. Так я и сделал. Итак, мне не удалось поклониться праху человека, которого я так любил и который делил со мною одним последние убогие крохи своей жизни.

21. Суббота. М. И. Семевский сильно просил меня написать в «‹Русскую› старину» что-нибудь о Тютчеве ко вторнику, так чтобы это поспело в книжку, которая должна выйти 1 августа.

23. Понедельник. Приготовил статью о Тютчеве, которую завтра в 8 часов утра и возьмет у меня М. И. Семевский, идя на железную дорогу, чтобы отправиться в Петербург. [289]

25. Среда. Как-то скучно становится бродить по Павловскому парку и видеть одну и ту же пеструю толпу на музыке, даже слушать последнюю.

Только занят тем, что отбиваешься от уныния, близкого к упадку духа, и отстаиваешь в себе идеал нравственного величия, который все еще манит меня к себе.

Как бы мне побольше веры в самого себя!

30. Понедельник. Европе, кажется, суждено быть постоянным очагом войн. Вот в настоящее время вопросы, заключающие в себе поводы к неизбежным войнам: восточный вопрос, отторжение от Франции Эльзаса и Лотарингии, антагонизм России и Пруссии, движение славянских племен и ожидающее Австрию разложение, сила католицизма, волнующая народы, борьба пролетариата с существующим общественным устройством, наконец более или менее всеобщее стремление к изменению форм государственного строя. Пламя, возгоревшееся в одном месте, легко может распространиться на далекое пространство.

Большая или меньшая степень восприимчивости открывает в нашу душу и организм доступ вредным влияниям, которые производят разные опасные недуги, нравственные и физические. А восприимчивость зависит от врожденных физиологических причин. В каждом человеке существует предрасположение к известному образу мыслей и поступков. Но образование ума и воли или сила характера могут дать этим предрасположениям направление, уничтожающее их вредные последствия.

Август 2. Четверг. Прочел доклад валуевской комиссии о состоянии наших крестьян, которое исследовано было комиссией, учрежденной под его председательством. Это чрезвычайно любопытный акт. Он состоит из данных, которые, кажется, не подлежат сомнению, и составлен тщательно и умно. В этом неотъемлемая заслуга Валуева, хотя и видны тут обыкновенное его виляние то в ту, то в другую сторону и стремление внести в крестьянский мир, помещичий или чиновничий, — и более первый, — регулирующий и направляющий элемент, так как самоуправление крестьян оказывается во многом несостоятельным.

Доклад говорит: состояние крестьян вообще улучшается со времени освобождения их. Однако быт их очень неудовлетворителен, по крайней мере в большей части империи. Главные причины: крайнее невежество их и деморализация, вследствие чего обширные размеры пьянства; потом малость поземельных наделов во многих губерниях и несоответственный им слишком большой выкупной платеж; чрезмерные налоги; почти повсеместные падежи скота, против которых до сих пор не принято никаких существенных мер; общинное поземельное владение с круговою порукою; чрезмерное дробление крестьянских имуществ от разделов семейных и, наконец, дурные крестьянские администрация и суды.

Средства поправить зло: отмена этих причин, а главнейшее — школы; моральное влияние церкви и духовенства; введение технических знаний в круг сельской промышленности; ослабление пьянства посредством внушений крестьянам о его вреде и некоторые другие меры, особенно замена кабаков корчмами, где продавалась бы не одна водка, но и съестное, наконец, подчинение крестьянского самоуправления контролю. Об этом последнем говорится осторожно и уклончиво.

По прочтении этого административного акта поражаешься вот чем: исправление некоторых недостатков требует или законодательных, или таких мер, которые, может быть, было бы трудно в настоящее время провести, но есть много таких, которые решительно отстранимы при надлежащем добросовестном содействии министерства внутренних дел, и если зло не уничтожилось бы радикально, то облегчилось бы настолько, что, при нашей испытанной терпеливости, его мало бы и замечали.

Между тем министр внутренних дел покоится невозмутимо в своих мягких креслах, слушает сквозь приятный сон о народных бедствиях и думает: какое мое дело до всего этого? Я в милости у Шувалова, и у двора и на мой век станет блага для меня. О Тимашев, Тимашев! Не ты ли, несколько лет назад тому, мне говорил, не быв еще министром, что великое наше бедствие состоит в том, что правительство наше не пользуется доверием и уважением общества, о чем даже, по твоим словам, ты откровенно доводил до сведения самого государя.

5. Воскресенье. Мне часто случается встречаться с моими бывшими университетскими слушателями, и они как-то любовно, сочувственно ко мне всегда относятся. Я никогда не хотел быть в университете знаменем. Я не старался никогда подделываться под тон таких-то или таких учений, любимых другими тенденций. Я всегда шел своим путем, был любим, потому что всегда питал уважение к человеческому достоинству других. Но я любим был, так сказать, в одиночку, не ставил себя центром партии. Сегодня, между прочим, ко мне подошел на музыке один господин с умной и приятной физиономией и отрекомендовался мне как бывший мой слушатель еще сороковых годов. Это некто Гейнрихсен, ныне консул наш в Афинах, приехавший на днях недели на две в Петербург. Он с восторгом вспоминал о моих лекциях и напомнил мне, между прочим, об овации,

которую студенты всех факультетов задумали произвести мне после того, как я был освобожден из-под ареста, постигшего меня за пропуск одной статьи в цензуре. Овация студентов, которых тогда собралось в аудиторию человек до 700, дорого было мне обошлась. Ее чуть не приписали намерению возбуждать студентов. Только при содействии князя Григория Волконского, исправлявшего тогда должность попечителя, и министра Уварова дело обошлось для меня благополучно. Я побеседовал очень приятно с моим любезным бывшим студентом под звуки музыки, которой ни я, ни он не слушали.

9. Четверг. Навестил вдову Ф. И. Тютчева, отдал ей три экземпляра моего листка о покойном.

12. Воскресенье. Замечательные дни с самого 1 августа: тепло, светло, как среди самого лучшего лета.

Вчера в концерте, данном в пользу общества для раненых. Кроме музыки, представление ‹И. Й.› Монахова и ‹И. Ф.› Горбунова. Публика наша очень любит заниматься пустяками, лишь бы они были смешны. Но тут и смешного было мало. Лучшее — рассказы Горбунова. Какая-то Кронеберг пропела романса два или три: маленький, довольно, впрочем, приятный голос. Я ушел, не дождавшись третьего отделения.

Многих занимает вопрос, будет ли посажен в тюрьму С‹уворин› по обвинению в клевете на некоего Г‹олубева›, который намерен, повидимому, жестоко его преследовать? С‹уворин› задел его в своем фельетоне, а тот не на шутку взбесился. Г‹олубева› хочет защищать Спасович, а противника его — ‹К. К.› Арсеньев.[290]

Я с семьей и двумя гостями ходил на ферму, где мы пили чай и кофе. На возвратном пути в парке мы встретили государыню в коляске с дочерью невестою. Они недалеко от нас вышли из коляски и, кажется, готовились искать грибы. Искание грибов в парке — род модного увеселения для дачниц. День удивительно хорош, и прогулка наша была так же хороша, как день.

Они грабят истину на больших дорогах чужого знания и этим превозносятся, вместо того чтобы каждую истину доставать собственным упорным и честным трудом.

14. Вторник. Жаловаться на зло жизни значит жаловаться на самую жизнь.

18. Суббота. Что значит философия, что значит вообще всякая наука сама по себе? Одна достойнейшая цель мысля-

щего человека — это нравственное самообразование и образование характера. К этому стремился целую мою жизнь, и хотя, конечно, не успел далеко удовлетворить идеалу того и другого, однако я не могу упрекать себя за эту односторонность и теперь остаюсь при том убеждении и при тех же усилиях.

Не могу также обвинять себя и за то, что я старался и в юношестве и во всех, на кого мог иметь влияние, пробудить те же стремления.

Вчера читал я М. И. Семевскому отрывки из моих записок. Он давно уже просил меня о том и чтобы я дал ему что-нибудь из них для издаваемой им «‹Русской› старины».

21. Вторник. Новое знакомство с Н. Клокачевым и его женой. Оба сегодня они просидели у нас часа два. Это тот самый Клокачев, который так настойчиво и честно ратовал против всяческих злоупотреблений по Мариинской системе. Мне он показался человеком весьма энергическим.

На днях умер бедный ‹И. Д.› Галанин, честный и благородный человек. Он был несколько лет тому назад помощником моим по редакции «Журнала министерства народного просвещения». Его внезапно поразил удар. Он не чувствовал никаких приступов болезни и был веселее обыкновенного.

Опять холера в Петербурге. Сегодня доктор Фассанов мне говорил, что заболело 102 человека и умерло 35. И это в самом начале. Один случай был и в Павловске.

23. Четверг. Нужна ли нам литература? Некоторой части общества, может быть, и нужна, но государство полагает, что не имеет в ней никакой надобности.

Хотеть иметь литературу, какую нам хочется, то есть Управлению по делам печати, значит не иметь никакой.

30. Четверг. Было у меня шумнее и многолюднее, чем обыкновенно в этот день. Я получил несколько поздравительных записок и телеграмм. День был довольно теплый и светлый.

Сентябрь 4. Вторник. В Петербурге в правлении Академии наук. В прошедший вторник заседание по Уваровским премиям. Теперь была только одна драма: «Суворов в деревне, в Милане и между хорошенькими женщинами». Пустая вещь, как и следовало ожидать.[291]

Гуляя третьего дня, встретил старого знакомого и отчасти сослуживца, бывшего прокурором в Римско-католической

академии. Он обрадовался мне как родному. Ему уже 86-й год, и он на вид довольно дряхл, но сохранил замечательную свежесть духа. «Вот, — сказал он мне, между прочим, — вы видите — я развалина, но никогда я не был так спокоен духом и доволен, как теперь». Он только глух, и однако это нимало не препятствует его спокойствию и довольству. С ним была дочь, очень миловидная женщина. Другой старец, тоже сохранивший хорошее расположение духа, — академик ‹Д. М.› Перевощиков, что еще замечательнее: он совершенно ослеп. Ему 84-й год. Я навещаю его здесь очень часто, и он всегда изъявляет мне самую горячую благодарность. «Удивительное дело, — говорил он мне однажды, — что я до сих пор не умираю. Ложусь спать и думаю: ну уж теперь не встану. Просыпаюсь на другой день поутру — и опять жив».

Но бедный Карл Карлович Фойгт, которому только 66-й год, вот уже более трех месяцев томится предсмертными страданиями.

13. Четверг. Переезд с дачи. День теплый и приятный.

14. Пятница. Если бы я был наделен от судьбы какимнибудь особенным благосостоянием, это было бы моим мучением. Меня беспрестанно преследовала бы мысль, что я не по заслугам пользуюсь исключительным благом, тогда как тысячи или даже миллионы подобных мне существ страдают под игом многоразличнейших зол.

Историческое великое значение народа определяется не обширностью территории и не обилием народонаселения, а принципами и стойкостью в их осуществлении. России пока недостает ни того, ни другого.

15. Суббота. Если подвести итог моего летнего пребывания на даче, то окажется, что лето это проведено недурно в физическом смысле. В умственном отношении не много сделано, или, лучше сказать, ничего. Я продолжал писать мои записки и только.

18. Вторник. Замечательно, что ‹Д. Н.› Замятнин по случаю пятидесятилетнего юбилея своей службы ничего не получил от двора. Но судебные чины благородно и прекрасно отпраздновали этот юбилей. Москва прислала депутатов, и более 30 поздравительных телеграмм получено от разных судебных мест в империи. При этом положено: в память Замятнина, как бывшего министра юстиции и верного хранителя судебных уставов, учредить исправительное заведение для несовершеннолетних преступников.

20. Четверг. У нас нет ни патриотизма, ни общественного духа. Он возникает из народа, а у нас народ — стадо, погоняемое и подчас угнетаемое, а, главное, не достигшее сознания долга, законности и нравственного достоинства. Слов и учреждений, заимствованных из общечеловеческой цивилизации, у нас найдется довольно, но это слова без содержания, и учреждения, носящие на себе только личину европеизма. Тут нет и тени свободного проявления мысли, свободного начинания в пользу общую, одна внешность, ложь.

Нелепо и смешно возмущаться этим. Такой порядок вещей есть порядок, как и всякий другой, в нем так же можно жить и умирать, как и везде.

21. Пятница. Самоубийства сделались у нас чем-то вроде эпидемии. Не проходит дня, чтобы не публиковано было о нескольких самоубийствах. Вешаются, топятся, режутся и отравляются люди всех состояний, молодые и зрелого возраста, мужчины и женщины, даже мальчики лет пятнадцати—шестнадцати. Чем это объяснить, как не страшным упадком нравов, отсутствием нравственных принципов и верований, отсутствием характеров, идеалов? Печальное время!

25. Вторник. Сила характера преимущественно состоит в том, чтобы выдерживать напор внешних впечатлений, от чего бы они ни происходили и какого бы рода ни были.

Живому существу невозможно не испытывать на себе силы этих впечатлений, и в первые минуты их действия мы естественно колеблемся, приходим в волнение и даже готовы следовать их течению. Но здесь-то и выступает сила характера.

Наше общество похоже на огромный резервуар, наполненный бродящею кислотою. Что ни вбрось в него, все тотчас разлагается и только усиливает брожение.

В частности, конечно, движутся и стремятся свободные силы. Но в целом господствует какой-то рок или неотразимый ход вещей, который увлекает за собою все и всех.

30. Воскресенье. Поутру у И. Д. Делянова в первый раз после лета. Он продолжает исправлять должность министра народного просвещения. Я, между прочим, в разговоре коснулся классицизма и выразил ту мысль, что если можно соглашаться с министерством в принципе, то никак нельзя одобрить способ приведения в действие новой системы гимназий. Способ этот крайне крут. Надобно было постепенно

сроднить с этой системой общественное мнение, а не вооружать его против нее. В министерстве думают, что общественное мнение заблуждается насчет важности и пользы принятой системы; пусть так, но все-таки оно есть сила, и без его содействия ничего прочного создать нельзя; а если и будет что создано, то скоро разрушится. И. Д. согласился с моим мнением.

Октябрь 1. Понедельник. В прошедшую пятницу были похороны одного из лучших людей нашего убогого на хороших людей общества — сенатора Николая Андреевича Буцковского. Он был сенатором кассационного уголовного департамента и один из деятельнейших участников в составлении устава нового судопроизводства. Смерть сразила его быстро, говорят, аневризмом. Летом я часто встречался и беседовал с ним в Павловске, где он, как и я, проводил лето. Он был, повидимому, здоров и крепок.

2. Вторник. В окружном суде в качестве присяжного. На этот раз не попал в очередь, но так как рассматривалось два дела, то я все-таки должен был оставаться в суде до второго, но и тут не попал в очередь. В первом деле судился некий воришка, молодой человек лет 20, стянувший часы у какого-то рабочего, но пойманный на месте и, однако, успевший бросить часы в сторону. Так как он уже в третий раз судился за кражу и был раз уже приговорен к лишению прав состояния и к шести месяцам тюрьмы, то присяжные вынесли обвинительный приговор без смягчительных обстоятельств. Суд приговорил его к арестантским ротам на два года. Присяжные из нескольких чиновников и мещан следили очень внимательно за ходом дела, впрочем весьма несложного. Жаль только, что секретарь читал очень скоро обвинительный акт, хотя и толково. Речь председателя Якоби можно было слышать хорошо, так же как и речи защитников.

Я познакомился тут, между прочим, с профессором ‹Ф. Ф.› Петрушевским, также присяжным.

4. Четверг. Опять в суде и опять не попал в очередь. Дела ничтожные: судили все маленьких воришек.

5. Пятница. В суде. Я на этот раз попал в очередь по делу о лжесвидетельстве и был избран старшиною. Состав суда отличный; особенно превосходно действовал и говорил председатель, Якоби. Он, между прочим, разъяснил присяжным, что ложное свидетельство под присягою закон рассматривает двояко: одно, совершенное обду-

манно, другое — в замешательстве и страхе от каких-нибудь угроз. Последнее карается легче. Вникнув в обстоятельства дела, мы пришли к убеждению, что обвиняемый совершил преступление в последнем смысле, и согласно этому вынесли вердикт. Виновный был приговорен к заключению в смирительном доме на год и к церковному покаянию.

6. Суббота. Вечером у И. П. Корнилова. Наткнулся на заседание Славянского комитета, где принужден был слушать скучнейший доклад и рассуждения.

Вчера в суде я обратился к председателю, Якоби, с вопросом, можно ли будет мне за несколько дней до срока уволиться от обязанности присяжного, так как я назначен депутатом от Академии для присутствия на столетнем юбилее Горного института? Он чрезвычайно любезно отвечал мне, что к этому нет никакого препятствия.

9. Вторник. Меня неожиданно посетил В. В. Григорьев и принес мне свою брошюру «Султана Мендали Пиралиева девять хивинских писем». Это остроумные заметки по поводу нашего похода в Хиву, напоминающие манеру и слог наставника автора, Сенковского.[292]

12. Пятница. Заседание в окружном суде, продолжавшееся от 11 часов утра до 4 ночи. Судили восемь человек мужчин и женщин за сбор пожертвований на монастыри и на погорелых по фальшивым книжкам и бумагам с поддельными печатями. Ни монастырей этих, или, как назвали они, пустыней, с их архимандритами никогда не было на свете, не было тоже и пожаров. Несмотря на это, плуты собирали значительные пожертвования, засвидетельствованные подписями жертвователей на книжках и листах. Это целое организованное общество мошенников из крестьян и рабочих. Было допрошено до тридцати свидетелей. Я, как и в предыдущие разы, выбран старшиною. Председатель — тот же Якоби, отличающийся способностями и благородством. Прокурор — молодой даровитый человек, имя которого я забыл, хотя после заседания познакомился с ним. Из пяти адвокатов, очень добросовестно делавших свое дело, один только надоел всем такою запутанностью речи и беспрестанным повторением одного и того же, что председатель, всегда сохраняющий невозмутимое спокойствие, принужден был заметить ему, что, говоря так долго и много, он ничего не сказал, видимо не знаком с делом, и просил его не искушать более терпение суда и присяжных. Было уже около четырех часов,

когда мы вынесли вердикт довольно снисходительный, потому что не было доказано, чтобы кто-нибудь из подсудимых сам подделывал печати, что должно было бы увеличить и кару. Трех совсем оправдали за их чистосердечное признание и молодость — двух мужчин и одну женщину. Они, очевидно, были жертвами главного плута и не сознавали, что делали. Было, разумеется, несколько перерывов заседания. В четыре часа нам дали час для обеда, препроводили нас под стражею в одну из зал суда, куда из буфета и был принесен обед, довольно сносный, с платою по 50 коп., кроме чая и вина. К великому моему удовольствию, я не чувствовал ни малейшей усталости. Только часов около десяти у меня начала побаливать голова, но это скоро прошло после небольшого перерыва заседания, когда нам позволено было напиться чаю.

Есть у нас целая клика, состоящая из газетных деятелей, ремесло которых состоит в том, чтобы красть репутации и продавать их на рынке публичных толков. Они получают за это от редакции известный гонорар, чем и живут.

16. Вторник. Вчера был последний день моих заседаний в окружном суде в качестве присяжного заседателя. Рассматривались четыре небольших дела, и я два раза попал в очередь и, как и в прежние разы, был избран в старшины. По окончании последнего дела председатель, Якоби, обратился ко мне и выразил благодарность суда за то, что я разделил с ними труды, хотя мог бы и не принимать на себя звания присяжного. Я отвечал, что с таким председателем труда было немного и что я считал своей обязанностью не уклониться от этого важного общественного долга. Мои товарищи, присяжные, тоже отнеслись ко мне с теплыми и радушными словами за мое участие в их трудах, на что я отвечал, что мне было не тяжело исполнять мои обязанности при содействии таких добросовестных и рассудительных товарищей. Итак, я расстался с судом очень дружески, не исключая самих сторожей, хранивших мою шинель и калоши, которых я наградил монетами.

Недели две тому назад было в Петербурге наводнение, несколько напоминавшее наводнение 7 ноября 1824 года. Вода поднялась почти до 10 футов (7 ноября она доходила до 19). Низменные части города и теперь довольно пострадали. Вода залила подвалы и выходила на улицы. Буря потопила много барок и поломала много деревьев. Все пред-

шествовавшие и последовавшие дни дул сильный юго-западный ветер.

21. Воскресенье. Столетний юбилей Горного корпуса. Я назначен депутатом от Академии наук для поднесения поздравительного адреса, мною же написанного. Сегодня было молебствие в церкви института. Публики ленточной и звездоносной собралось множество, но среди нее, однако, не было ни одного министра, кроме Делянова. Службу совершал епископ Леонид, который сам воспитывался некогда в Горном корпусе. Священник ‹А. П.› Рудаков истомил нас весьма длинной историей института. После молебна посетители были угощены завтраком в прекрасно убранном зале. Я почти все время за завтраком проговорил с адмиралом ‹К. Н.› Посьетом. Виделся со многими знаменитостями, духовными и светскими.

22. Понедельник. Акт в Горном институте. Депутаций от разных учебных заведений и обществ было несметное множество. Сперва принесли свое поздравление и прочли речи депутаты от Парижской академии (знаменитый Добре), потом бельгийский депутат, североамериканский и из Франкфурта. Я прочитал чисто и внятно свой адрес.

Из иностранных депутатов самое интересное лицо был Добре. Француза сейчас можно отличить от всякого другого, а в этом было что-то особенно привлекательное и человечное. Другие господа были как-то дубоваты. Особенно отличился бельгиец, с виду похожий на Дон-Кихота. Он не говорил, а кричал, со смешною напыщенностью. Депутатов пригласили на обед, который, как все подобные обеды, был очень шумен и скучен, по крайней мере для меня.

30. Вторник. Странно, что в характере Бисмарка никто не заметил одной господствующей черты — это глубочайшего презрения к людям.

Ноябрь 5. Понедельник. Величайший недостаток системы графа Толстого не в ней самой, но в способе, каким она приводится в исполнение. Способ этот — слишком резкий, крутой и исключительный поворот на классическое так называемое образование. Основная мысль системы, что надобно юношество, зараженное глупыми тенденциями и легкомысленным отношением к умственным, нравственным и общественным вопросам, обратить к серьезному, строгому умственному труду, — мысль эта справедлива как нельзя более. Есть также много справедливого и в том, что классическая почва может содействовать упрощению этого труда. Но,

во-первых, такую важную реформу нельзя было провести одним ударом пера, не приготовив публику к ней некоторою постепенностью, например учреждением сперва нескольких гимназий с греческим языком. Во-вторых, не воспрещать доступа в университет тем молодым людям, которые кончили успешно общее гимназическое образование с латинским языком, по крайней мере в факультеты медицинский и физико-математический. И вообще у администрации есть и другие средства усилить преподавание греческого и латинского языков, не заставляя насильственно учиться им. Нет сомнения, что мерами не столь крутыми можно было достигнуть того, что лет через пять или шесть классическая система утвердилась бы у нас без натяжек и крайностей, не возбуждая всеобщего ропота и неудовольствия, и принесла бы хорошие плоды при твердой и последовательной поддержке администрации.

6. Вторник. Не должно искать милости людей, но надобно избегать их неприязни.

8. Четверг. Во Франции установилась диктатура Мак-Магона, который ничем не лучше Базена. Видно, придется истории сказать, что Тьер создал республику своим патриотизмом и погубил ее своею нерешительностью и бездействием. Дело, впрочем, не в Тьере и не в республике, а в том, что несколько интриганов могут располагать судьбою такого народа, как французский. [293]

Как примирить мысль о провидении с бесчисленным числом зол, удручающих человечество? Надобно отказаться или от веры в благость провидения, или от сочувствия к страданиям наших братий.

Я жив, я чувствую, и сердце от мученья
Взывает ко творцу и просит облегченья.

Вера — вера, но ведь и любовь к людям что-нибудь значит.

11. Воскресенье. Вечер я еще готов провести не дома, но быть на так называемом званом обеде для меня невыносимое бремя, хотя бы этот обед состоял из драгоценнейших яств.

Вечер у ‹В. А.› Владимирского. Здесь познакомился с известным скульптором, творцом памятника Екатерины — ‹М. О.› Микешиным. Это человек очень красивой наружности, приятный в манерах, которыми и рисуется под покровом простоты.

21. Среда. Читал ‹А. Н.› Майкову статью о его «Двух мирах». Он остался в полном удовольствии. Он привез мне и последнее издание своих стихотворений в 3 томах.[294]

Майков хочет свой перевод с комментариями «Слова о полку Игоря» представить в Академию на Уваровскую премию. Он желает моего совета и содействия. Разумеется, и первый дан ему и второе обещано с полною готовностью.

24. Суббота. Войска движутся по всем улицам до здания Аничкова дворца, Публичной библиотеки и театра, гремят пушки: совершается открытие памятника Екатерине II.

26. Понедельник. Ходил смотреть памятник. Он прекрасен и без сомнения займет место между лучшими европейскими памятниками.

Очень занят приготовлением отчета II отделения Академии к годичному акту. Это каждый год составляет мою заботу. Трудно повторять одно и то же, но притом так, чтобы оно не казалось повторением.

Никакое настоящее не в праве сказать прошедшему: зачем это было так или это иначе; ни будущему: будь таким и таким.

Ко многому можно быть совершенно индифферентным по пословице: на всякое чиханье не наздравствуешься. Можно говорить: мне все равно, но когда дело идет о науке, об искусстве, об общественных нравах, тогда не произносить своего мнения и не подавать голоса было бы преступлением.

29. Четверг. Обедал у министра ‹Д. А. Толстого›. Он много рассказывал о беспутстве в провинциях, о самарской женской гимназии, где он отрешил нескольких учителей за нигилизм, а земство подало на него жалобу в сенат; об университетской автономии, которую он желает заменить произволом своей власти, и проч. Девизом графа Д. А. могут служить слова: «все дураки, кроме меня одного». Этот человек, умный и даже добрый в обыкновенном быту, не знает, что значит управлять и направлять, а знает только одно — как он силен при дворе, как бить направо и налево, ломать все, что вздумается, и требовать от всех беспрекословного повиновения, считая русский народ до того привыкшим к этой добродетели, что он находит ее вполне возможною, легкою, единственною, на которой должна быть установлена вся система и жизнь этого народа и его правительства.

Декабрь 1. Суббота. Вечером у И. П. Корнилова. Беседа с двумя священниками — ‹И. В.› Васильевым, бывшим при нашем посольстве в Париже, и ‹И. Л.› Янышевым, ректором

духовной академии. Оба образованнейшие люди в нашем белом духовенстве и пользующиеся большим значением.

6. Четверг. Может ли безобразное зрелище дел и судеб человеческих вызвать в душе самого кроткого и сговорчивого человека что-нибудь, кроме презрения и недоверия к нравственному порядку вещей, будто бы хранимому и поддерживаемому высшею разумною силою! Что эта сила есть, в этом может сомневаться только идиот или такой мудрец, который, по словам одного умного афинянина, от большой учености сделался дураком. Но эта сила, установив раз законы, по ним и действует неуклонно, и все другое действует так же. Все так есть, как должно быть, иначе быть не может. Всемогущество само себя в своем творчестве определило, чтобы не сказать — связало, законами, и отступить от них значило бы противоречить самому себе.

А мораль всего этого? Та, которую я себе предписал в виде девиза на плохом моем портрете, писанном, по желанию моей матери, когда мне было 16, в Острогожске: «Мудрость есть терпение».

Меня хотят избрать в члены Общества любителей духовного просвещения. Пожалуй. Мне любопытно знать, куда оно идет. И может ли там быть соединен разум со свободою и религией? Членами его многие умные и почетные люди, духовные и светские, а председателем великий князь Константин. Начало моему избранию положили священники Васильев и Янышев вместе с И. П. Корниловым.

13. Четверг. В заседании II отделения. Избраны в члены-корреспонденты графы Лев Толстой и Алексей Толстой.

Страшный самарский голод. Администрация не принимала никаких мер к его предупреждению, а только велено настоятельно собирать недоимки. Продавали скот и все прочее у крестьян.

Боязнь погрешить против истины часто бывает причиною излишних колебаний.

Вожусь с отчетом по II отделению. Глаза мешали работать, а времени остается немного.

Катков опять приехал из Москвы, чтобы, как говорят в публике, пеленать графа Толстого перед окончательным рассмотрением проекта о военной повинности в Государственном совете. Только слово пеленать неточно, надобно бы сказать: разверзнуть ему уста или поить млеком своих аргументаций, для уверения кого следует, что льготы по военной повинности должны быть сколько

возможно шире для греческих гимназий и ограниченнее для университетов.[295]

14. Пятница. Самоубийства сделались хроническим злом в нашей богом хранимой России. Жаль, что у нас не собираются статистические сведения о причинах этого явления, а просто извещается в газетах: отравилась, застрелилась или отравился, застрелился, повесился такая-то или такой-то. Не служат ли отчасти причиною этого, по крайней мере в сословии более образованном, увеличившиеся, вследствие новых потребностей, желания, без средств удовлетворить их, или слабость характера, не имеющая нравственно-религиозной поддержки при известном развитии понятий?

17. Понедельник. На днях только удостоверились, что в Самарской губернии действительно свирепствует голод уже с самого начала осени, а то губернатор Климов доносил, что все обстоит благополучно. Министерству, занятому важным делом омеблирования квартиры своего министра, конечно, не до того было, чтобы думать о голоде самарцев и других, так как само оно пребывает в вожделенной сытости.

Вот и Федор Федорович Сидонский умер. На днях его хоронили. Он был болен всего дня два: его сразила жаба. Говорят, после него осталось денег двугривенный.

В недавнее время произошло столько смертей, более или менее неожиданных, что мысль о смерти невольно западает в душу. Люди моих лет очень часто умирают — мысль эта стала нередко посещать меня. Люди почти никогда не бывают готовы к ней. То того не успели они доделать, то в том раскаяться или то или это исправить, не успели и семейства обеспечить и проч. Я совершенно нахожусь в том же положении. Вот и тело видимо изнашивается: то там, то здесь появляются на нем прорехи, требующие медицинской починки.

19. Среда. Собрание литераторов в квартире В. П. Гаевского по поводу издания литературного сборника в пользу голодающих самарцев. Назначен, между прочим, издательский комитет, членами которого были большинством голосов избраны: Краевский, Гончаров, Некрасов и я. Прежде были еще избраны князь Владимир Петрович Мещерский казначеем, а ‹П. А.› Ефремов — секретарем. Всех литераторов в сборе было 27 человек. Поздно уже пришел Микешин для совещания о присоединении к нашему сборнику художественного альбома. Сборник наш назван «Складчиной».[296]

Иные слишком доверчиво принимают известное правило, что все люди, как существа несовершенные, подвержены разным недостаткам и слабостям, и вследствие этого слишком легко смотрят на собственные свои недостатки и слабости и простирают пределы их гораздо далее неизбежного...

24. Понедельник. Я не намерен нынешний раз присутствовать на академическом акте, предоставив чтение моего отчета ‹Я. К› Гроту. Сегодня я отослал Гроту мое сочинение. В нем, кроме отчета, три биографических очерка, или, лучше сказать, характеристики, умерших наших членов-корреспондентов: Бенедиктова, Тютчева и Максимовича.[297]

25. Вторник. Рождество Христово. Среди всяческих колебаний и недоумений, возбуждаемых в нас различными влияниями со стороны внешнего порядка вещей и со стороны собственной нашей мыслительности, мы должны отыскать в себе точку опоры для своих действий — и, как эта точка опоры, по свойству разума нашего, не может не находиться в отношении к всеобщему, то тут естественно открывается необходимость в высших истинах или понятиях, составляющих одно с этим всеобщим.

26. Среда. В Государственном совете были, по поводу окончательных суждений...[298]

31. Понедельник. Конец 1873 года.

1874

Январь 1. Вторник. Часа за три до Нового года я получаю от И. Д. Делянова карточку с следующим надписанием: «И. Д. Делянов спешит поздравить с орденом Белого Орла». Это меня крайне удивило. Правда, месяца за два перед этим В. Я. Буняковский объявил мне, что меня хотят представить к Белому Орлу. Я счел это за простое предположение или желание доброго Виктора Яковлевича и забыл про это. Если это награда за какие-нибудь особенные заслуги, то я совершенно ее не заслуживаю; если же это так, за простое продолжение службы, заурядная форма, то что же она значит? А теперь вот я и получаю поздравление, как за совершившийся факт.

У меня для встречи Нового года была приготовлена, по обыкновению, бутылка шампанского, и мы, то есть я и мои домашние, встречали его с бокалами довольно живо, если не весело, и просидели до половины второго часа ночи.

Глаза мои не совсем оправились, особенно левый глаз, и доктор Блессиг не велел мне еще выходить на воздух до среды, когда он обещал приехать.

Редко власть принадлежит умнейшим, еще реже людям честным. Но людям того и другого рода вместе почти никогда.

4. Пятница. Сегодня напечатан в газетах манифест о военной повинности, а в «Голосе» хвалебная, впрочем умная и дельная, статья об этом законе.[299]

6. Воскресенье. Бесконечные толки о манифесте. Нет ни одного человека, который бы не был изумлен им и не выражал неудовольствие.

Ни один из правительственных актов в настоящее царствование не был неудачнее, не исключая и постановления о греческом языке. Неудовольствие общее. И редакция манифеста плоха. Говорят, его писали тучи государственных мужей. Но публика приписывает его Валуеву. Во время совещаний о нем сильно восставали против него князь Горчаков, Милютин, великий князь Константин и наследник. Первый говорил, что манифест произведет странное впечатление в Европе, которая до сих пор считала наше правительство сильным и вовсе не нуждающимся в пособии какого-нибудь сословия; теперь же оно признает свое бессилие для борьбы с каким-то злом, которое вовсе не такого свойства, чтобы требовать чрезвычайных мер. Великий князь говорил много в таком же духе.

7. Понедельник. В газетах рассказывают странные вещи о беспорядках в управлении Медицинской академии. Все это направлено против военного министра, с которым министр народного просвещения пререкался жестоко по поводу военной повинности. Последний был против льгот по образованию; Милютин их отстаивал и успел отстоять. Затем министр народного просвещения употребляет все свои усилия, чтобы Медицинскую академию взять в свои руки; вот из-за чего возникла новая борьба. Говорят, управление этим заведением действительно страдает большою неурядицею, что приписывают начальнику его, Козлову. Но как же мог допустить это такой умный человек, как Милютин?[300]

8. Вторник. Получил приглашение на обед во дворец 11-го числа по случаю бракосочетания великой княжны.[301] Не поеду. Да и мундир мой плоховат для такого торжественного дня.

Февраль 5. Вторник. Странная зима — она вся состоит из скачков: оттепель до того, что начиналась езда на дрожках дня три или четыре, потом мороз, доходивший иногда градусов до 10, тоже дня два или три, потом снова оттепель, и т. д. Доходило нередко и до дождя.

8. Пятница. В пользу голодающих самарцев литераторы предприняли издать сборник и назвали его «Складчиной». По этому поводу было собрание и избрали в издательский комитет меня, Гончарова, Краевского и Некрасова; князя Мещерского казначеем и ‹П. А.› Ефремова секретарем. По поводу этого возникла буря. «Московские ведомости», по обыкновению своему, приписали этому делу

какое-то зловредное направление. Теперь сторонники их, или, лучше сказать, их сеиды, кричат, зачем в комитет назначены Некрасов и Краевский... красные. Один из таковых напал на Гончарова, а сегодня и на меня. Гончаров, который тоже был у меня, учинил сильный отпор, а я объявил, что мне нет дела ни до Краевского, ни до Некрасова, а дело в том, что надобно помочь страдающим от голода, и, например, Краевский необходим как мастер издательской механики. Выходит, что у нас ни одно благое начинание не может обойтись без того, чтобы его не осквернили те же самые люди, которые должны были бы ему содействовать.

На днях посетил меня ‹М. А.› Тулов, из Киева, привезший, между прочим, мне любезный, дружественный поклон от ‹М. В.› Юзефовича. Он показался мне почтенным и умным стариком.

9. Суббота. Был у меня Алексей Яковлевич Мейснер. Он пришел просто познакомиться со мною и изъявить мне, как он говорил, свое уважение, особенно за статью о Бенедиктове, с которым с детства он был очень дружен.

13. Среда. Провел до половины шестого время в комитете «Складчины». И все было в наилучшем порядке.

19. Вторник. Был у министра народного просвещения с изъявлением благодарности по получении знаков Белого Орла. Принят им с прежним радушием и чрезвычайно любезно. Говорил он о печальном направлении умов молодого поколения и о единственном средстве против нравственного зла, заражающего эти умы. Средство это — серьезный умственный труд и хорошая классическая школа. Да, но жаль только, что за последнюю взялись слишком круто. Некоторая постепенность и снисхождение к требованиям и даже предрассудкам отцов и матерей лучше обеспечивали бы успех.

Нынешние психологи, особенно английской школы, похожи на гробокопателей, которые, роясь в могилах, отрывают кости и целые остовы людей, сортируют их, могут даже складывать и раскладывать их по возрастам, полам и проч., но никак не в состоянии воссоздать из них человеческого образа.

Четыре силы управляют миром: деньги, ум, красота и слово. Иные могут еще прибавить — меч. Но меч не управляет миром, а преобразует его.

24. Воскресенье. Обыкновенный годичный обед в Римско-католической академии по случаю храмового праздника в их церкви. Между прочими тостами был предложен и мой, с маленькою речью, директором департамента духовных дел иностранных исповеданий, графом ‹Е. Е.› Сиверсом. Многие лета (по-латыни), ура и другие любезности.

Есть грубые и пошлые натуры, которые, под предлогом стремлений к прогрессу и либеральному образу мыслей, кидают грязью во всякую мысль, которая не имеет счастья им нравиться.

26. Вторник. В заседании Общества любителей христианского просвещения, где я избран членом. ‹Т. И.› Ф‹илиппов› читал свое полемическое сочинение против ‹И. Ф.› Нильского, профессора духовной академии, о снятии проклятия с раскольников, наложенного на них определением Московского собора 1676 года мая 13. Чтение было очень длинно, продолжалось часа три с половиною. Ф‹илиппов› истощил в нем большой запас сведений об этом соборе и обстоятельствах, с ним сопряженных; он, очевидно, хотел блеснуть этого рода ученостью. Впрочем, основная мысль его, что пора снять проклятие с раскольников-единоверцев, хороша.

Было тоже секретарем заявлено о сочувствии, которое питают к нам старокатолики, которые думают о соединении их церкви с нашею. В собрании присутствовал великий князь Константин Николаевич, следивший за чтением с большим вниманием.

Март 2. Суббота. Похороны академика ‹Б. С.› Якоби. Многочисленная публика собралась у церкви св. Екатерины на Васильевском острове; многие пошли за гробом на Смоленское кладбище. Я, пройдя некоторое расстояние, воротился домой. Погода была гнусная. Пронзительный ветер сквозь шубу пробирал до костей.

3. Воскресенье. У Гончарова, который сам приезжал просить меня на вечер. У него происходило чтение «Кассандры», переведенной Майковым из Эсхила. Нечего и говорить, что перевод прекрасный и чтение вышло очень занимательное, тем более, что не было и длинно. Здесь познакомили меня с ‹Н. С.› Лесковым, автором известного и, как говорят, очень хорошего романа «Соборяне». [302]

А поутру был у графини А. Д. Блудовой, перед которой должен был, между прочим, извиниться, что в пят-

ницу не явился вечером на ее любезное приглашение; она была именинница. У меня сильно разболелась голова.

10. Воскресенье. Представлялся государю в Зимнем дворце. Я сперва выслушал обедню в Круглом зале, в которой находилось множество всякого рода лент и звезд. Нас представлялось пять человек — два предводителя дворянства: один саратовский, приехавший с адресом по поводу известного рескрипта на имя министра народного просвещения, другой еще какой-то губернии, еще один, какой-то камергер или камер-юнкер и я. Государь подошел ко мне. Трудно изобразить приятную улыбку и ласковый тон, с которыми он сказал: «Благодарю вас, благодарю вас за вашу ревностную и верную службу. Я уверен, что и далее вы будете продолжать ее с тою же пользою. Еще раз благодарю».

23. Среда. Заседание в Обществе любителей христианского просвещения. Т. И. Ф‹илиппов› продолжал свое чтение. На этот раз он читал свои опровержения на возражения отца Иосифа Васильева. Речь его сильна аргументациею, ссылками на всевозможные авторитеты восточной церкви и даже истинно красноречива. Замечательно особенно было то место, где он говорил о необходимости для нашей церкви следовать более духу веры, нежели держаться одной обрядности, и настаивал на том, чтобы отменены были репрессивные меры против наших единоверческих раскольников за их преданность древним обрядам и сложено было проклятие собора 1676 года 13 мая посредством сношения с восточными патриархами или посредством нового собора. Он говорил тоже об оскудении духа жизни в нашей церкви, — это было смело и свободно. Все было бы хорошо, но эпилог, или конец речи, испортил все. Оратор обратился к самому себе, резко выразил жалобу на нападки Нильского, который будто бы приписывал ему какие-то задние мысли и личные намерения, и заключил тем, что он оставляет Общество, не желая подавать в нем повод к смутам. Затем Филиппов торжественно сошел с кафедры и вышел из собрания. Это произвело на всех неприятное впечатление, а обращение его к великому князю сочтено было неприличным и бестактным.

16. Суббота. У И. П. Корнилова. Виделся с Т. И. Ф‹илипповым› и говорил с ним о его речи в среду. Я выразил ему мое искреннее одобрение ее, но заметил с сожалением, что конец ее, заключающий в себе личную полемику против

Нильского, не соответствовал всему прекрасно ранее сказанному, и особенно неприятно поразило всех удаление его, Ф‹илиппова›, из Общества и собрания. Он отвечал мне, что к этому он был вынужден неблагоприятными и грубыми против него выходками самого Нильского и других антагонистов по возбужденному им вопросу о единоверии. По словам Ф‹илиппова›, он иначе поступить не мог. Я сказал, что во всяком случае ему никак не следует оставлять Общества: он начал важное дело и должен его продолжать. Филиппов полагает, что вследствие милостивого и благосклонного к нему отношения великого князя он опять возвратится в Общество.

Я крайне недоволен собою за то, что позволил себе не совсем благоприятно отзываться о публичных лекциях ‹О. Ф.› Миллера, который заслуживает порицания за свое пристрастное отношение к писателям, которых известная литературная клика — а с нею вместе и он — или безмерно восхваляет, или уничтожает. Во всяком случае, мне следовало воздержаться от осуждения, не дав предварительно заметить осуждаемому о его ошибках.

17. Воскресенье. Три главные способности, отличающие человека от животных: способность обобщать представления, язык и воля — истина давно известная, но в наше время подвергающаяся сомнению и даже отрицанию.

Некоторые утверждают, что Академия поступила очень несправедливо, не выбрав своим членом Сеченова. Ей, по их мнению, следовало иметь в виду одни несомненные его ученые заслуги и не обращать внимания на то, что, добиваясь популярности, он распространял в обществе вредные материалистические гипотезы и сбивал с толку наших юношей. Эти защитники Сеченова забывают, что он профанировал самую науку, делая из нее пропаганду совсем не научных идей, и что представителям ее истины нельзя было одобрить такой бесцеремонности обращения с нею.[303]

23. Суббота. Последнее заседание издательского комитета «Складчины», которая совсем отпечатана и сдана в цензуру, где она должна пробыть семь дней. Сборник вышел огромный, из 45 листов.

Вечером состоялось собрание литераторов, в котором прочитан был отчет нашего издательского комитета и избрана комиссия для приема и рассылки сборника. Избраны: Семевский, Гербель и Николай Курочкин.

Конец вечера я провел у ‹Е. К.› Богдановой, где познакомился с Яхонтовым Александром Николаевичем, дворянским предводителем Псковского уезда.

26. Вторник. Не смешно ли, что я с такою точностью заношу всякую мелочь в мой дневник? С незапамятных времен, с самого почти детства моего, главным правилом моим было — наблюдать за самим собою. Много лет это наблюдение, вместе с контролем, ограничивалось исключительно нравственною и умственною сферою, без малейшего отношения к моему физическому положению и здоровью. Я все тащился к моему нравственному идеалу, к исполнению моих человеческих обязанностей и, разумеется, делал много глупостей. Но с некоторого времени, когда здоровье мое начало подвергаться разным испытаниям, я к нравственно-умственному самонаблюдению присоединил и физическое и, может быть, только этому обязан некоторым сохранением здоровья.

Телесная оболочка видимо изнашивается: глаза слабеют, но более всего меня донимают проклятые головные толчки.

Люди, проповедующие новые нравственные и общественные учения, считают себя великими мудрецами и на всех прочих смертных смотрят с глубоким презрением. Не достаточно ли этого одного для доказательства, что они ошибаются?

28. Четверг. «Складчина» вышла в свет.

30. Суббота. «Складчину» берут нарасхват. Первая серия, выпущенная из типографии, — 2000 экземпляров, — разошлась в эти дни.

31. Воскресенье. Светлое Христово воскресенье.

Ужасная погода! Дождь, холод.

Апрель 1. Понедельник. Обедал у графини Блудовой, где познакомился с князем Трубецким, бывшим губернатором воронежским, а теперь егермейстером при дворе.

3. Среда. Бесконечные толки о картинах ‹В. В.› Верещагина, выставленных в доме министерства внутренних дел, куда уже недели три стекаются несметные толпы народа.[304] Я покусился было тоже на днях посмотреть эти, как уверяют некоторые, чудеса искусства, но, встретив несокрушимую стену спин человеческих, возвратился вспять. Картины эти, говорят, изображают разные эпизоды Хивинского похода; тут все ужасы, представляющие в целом

неблистательные и для нашего самолюбия нелестные события войны. Говорят, государь был особенно недоволен двумя или тремя картинами, которые и сняты, и утверждают, что раздраженный художник их сжег. По этому поводу рассказываются странные и нелепые вещи. Но известно, как достоверны все подобные рассказы. Я всегда вычитаю из них 99%, и остальное иногда оказывается верным.

Вообще невообразимый хаос господствует в мнениях и толках нашей публики, и тот остался бы в страшных дураках, кто в чем бы то ни было положился бы на так называемое у нас общественное мнение.

8. Понедельник. Написано и отправлено письмо к князю П. А. Вяземскому в Гомбург, близ Франкфурта-на-Майне.

Человек, умеющий делать что-нибудь хорошо — писать стихи, картины, строить дома и проч., — освобождается ли от других существенных обязанностей хорошего человека?

Верный признак ничтожности человека, когда он с важностью рассказывает о пустяках, относящихся к известным личностям, желая дать знать о себе, что он был свой между ними. Таков мой старый приятель А. Н. С‹труговщиков› в своих заметках, напечатанных в «‹Русской› старине». [305]

12. Пятница. Наши доморощенные либералы виноваты не тем, что думают и составляют предположения о различных свободных учреждениях, о радикальном уничтожении разных аномалий и злоупотреблений, накопившихся у нас издавна, а тем, что считают возможным немедленное осуществление того, что надумал их ум и желает их либерализм.

17. Среда. Письмо от князя П. А. Вяземского — милое, умное, теплое письмо. [306]

24. Среда. Целый год не собиралась комиссия об учреждении центральной государственной типографии, и сегодня было назначено заседание. Как все наши административные комиссии и комитеты, и эта ничего не сделала да и сделать не могла уже потому, что самое дело, для которого ее выдумали, дело фальшивое, нужное только одному человеку — чиновнику, изобретшему ее для своих выгод. Однако нам угрожают еще заседания два или три, так, для приличия, чтобы показать, что хотя ничего не сделали, а все-таки делали. Везде обман и ложь!

25. Четверг. Собрание литераторов, составляющих издательский комитет, у М. И. Семевского, распоряжающегося рассылкою «Складчины». Он прочитал нам весьма обстоятельный отчет того, что до сих пор сделано. Отослано в Самару уже более 10 000 рублей, и за бумагу заплачено. Остается еще около 5000 непроданных экземпляров книги. В числе присутствовавших, между прочим, были Некрасов (как член комитета) и ‹М. Е.› Салтыков.

Май 1. Среда. Весь апрель дышал на нас свирепыми северо-восточными ветрами, хотя нередко светило солнце, особенно по утрам. Вот май, цвет всех времен года и радость людей, далеко живущих от полюса. Но жизненная сила мертва в нашей флоре; даже почки не показываются на деревьях, не только листья. А сегодня в честь весны гулянье в Екатерингофе. Все здесь ложь — и в людях и в природе. Впрочем, люди же выдумывают на природу то, чего в ней нет. Полиция предлагает народный праздник в честь мая и весны: надобно верить ей. Я помню, что во время моего цензорства один из моих товарищей не хотел пропустить в фельетоне газеты неблагоприятного отзыва о петербургской погоде, говоря, что это оскорбляет отечество.[307]

3. Пятница. Я знаю, что немногие из наших литераторов смотрят без неприязни на образ мыслей, выражаемый мною в моих статьях. Но это ничего не значит для меня. Оно не мешает и не помешает мне быть одним из представителей этого образа мыслей. Кто во всю свою жизнь работал над самим собою в духе по возможности лучших доступных ему идей, признанных и наукою, и опытом веков, и собственною своею совестью, тот, конечно, мог приобрести некоторую способность не быть малодушным перед чужими толками и мнениями. Эту свободу я вполне и глубоко уважаю в других, как и в самом себе. Да и может ли быть иначе, когда дело идет о правах мысли и истины и когда мы серьезно хотим им служить? И зачем этой свободы не допустить и в литературе, которая так любит и отстаивает свободу? Что она любит в то же время любовь свою проявлять в известного рода вопросах — кто по совести станет ее упрекать за то? «В дому отца обители мнози суть». Если кто думает, что ему отведено там место, то пусть не мешает и другим идти туда. Да стоит ли толковать об этом? Пусть всякий делает что может, лишь бы делал разумно и честно.

5. Воскресенье. Все это время погода так дурна — холод, дождь, по временам небольшой снег, — что перестаешь даже считать возможным лето на нашем ужасном севере. Уж не напрасно ли нанята дача?

Составлять партии и тенденциозные союзы и кружки для каких-нибудь политических целей нам еще рано.

Пока недовольные порядком, или, точнее сказать, беспорядком, вещей сетуют, ропщут и втихомолку заявляют друг другу свое неудовольствие, стоящие во главе этого порядка или беспорядка благоденствуют, находя в нем наилучшие средства богатеть и благоденствовать.

Повсюду и во всем великий неуряд и разладица. Реформы, начатые и вдруг приостановленные, только породили зло, которое в прежнем могильном спокойствии не существовало.

8. Среда. Сегодня я эмансипировался от шубы, потому что это первый день, похожий на начало весны. Калоши и теплый шлык свой я оставил дня два уже прежде.

10. Пятница. Сегодня снег.

Можно досадовать на людей, зачем они негодяи и беззаконники, а на природу досадовать было бы нелепо, потому что за ней ничего подобного нет. Она безгрешна, законна и справедлива.

Читая описания всех этих оваций, какие делаются высокопоставленным лицам, приходишь к убеждению, что надобно иметь чрезвычайно крепкую натуру, чтобы не одуреть от этого страшного количества лжей и лести, которые приходится им глотать. Однако это их не убивает, хотя нет сомнения, что многие из них от этого впадают в неизлечимые болезни, самообожания, надутости и проч.

Остерегайтесь слишком горячо провозглашать о вашем усердии к общему благу, даже если вы совершенно преданы тому, о чем говорите. Во-первых, вас заподозрят в неискренности, а если поверят, то еще хуже для вас. Вас станут преследовать, как пророка, который идет наперекор всем и каждому, — хорошо, если вас не побьют каменисм, а только посмотрят как на жалкого юродивого. Глубокая истина заключается в словах: «не мечите бисера перед свиньями».

11. Суббота. Вчера и сегодня снег и холод, 2 и 3° тепла: опять за шубу.

Всякий из нас настолько умен, чтобы не допустить другого быть умнее себя, и если последний в глазах

других окажется таким, то наделать ему как можно более пакостей.

Разительным доказательством нашей умственной недозрелости и недостатка серьезного образования служит то, что мы измеряем достоинства ума и дарований только мерилом наших собственных мнений и тенденций. Все несогласное с ними подвергается беспощадному осуждению. Есть что-то ребяческое в этом азарте, с которым мы одно возносим до небес, а другое топчем в грязь. Это, говорят, делается по весьма естественной причине — из желания дать перевес своей мысли или партии. Но какие у нас школы, какие партии? Где они? Школа предполагает известный способ разработки истин, возникающих из глубокого и продолжительного исследования одной какой-либо стороны вещей. Это законная форма определенного мировоззрения — и потому каждая из школ имеет право существовать, и борьба между ними или антогонизм может происходить только или вследствие недоразумений, или вследствие каких-либо совершенно случайных обстоятельств. Все они служат одному и тому же делу, только в разных направлениях и ввиду самой возможности служить ему различным образом. Школы могут существовать только там, где наука и искусство пустили глубокие корни и где они в состоянии разрастаться свободно в разные ветви. Что касается до партий, ознаменовывающих обыкновенно жизнь и движение общества, то они возможны там, где сказались уже и явственно определились разные слои общества, разные его направления и где интересы каждого из этих слоев и направлений требуют соединения многих сил. Мы до партий еще не доросли. У нас, напротив, индивидуализм развит до такой степени, что каждое лицо есть партия для самого себя, и как скоро несколько лиц сошлось во имя какой-нибудь задачи или идеи, то каждое из них думает только о том, как бы все преклонились перед ним, хотя бы то было во вред общей задаче или идее. Разве это партия?

15. Среда. Наше время чрезвычайно богато разного рода нравственными искажениями, и особенно в так называемом мыслящем классе. Человек грубый, необразованный предается какой-нибудь мерзости, как зверь, не будучи в силах обуздать своих животных инстинктов. Человек так называемого мыслящего круга делает то же, но вместе с тем оправдывает свою гнусность теорией.

Первый теплый день.

17. Пятница. Обед на открытом воздухе в Летнем саду с И. А. Новиковым. Гуляющих было множество. Музыка. Обед очень хороший за 1 р. 25 к. День прелестнейший. Деревья начинают распускаться, по крайней мере те, которые помоложе.

18. Суббота. Два ужасных случая. Один воспитанник гимназии застрелил своего директора, а в другой гимназии два таких же воспитанника ранили из револьвера своего инспектора, который остался жив.

А самоубийства в разных видах совершаются беспрестанно. Женщины не отстают от мужчин. Они научились отлично владеть револьвером.

19. Воскресенье. Как ужасно упала Франция! Столько кровавых жертв, чтобы впасть в какую-то тупую апатию и позволять распоряжаться собою таким людям, как генерал Мак-Магон и шайка негодяев, добивающихся денег и теплых мест. И все это ни для кого не тайна. Самые беззаконные нарушения права и всех общественных и политических приличий совершаются открыто перед глазами нации, которая как-то тупо и покорно смотрит на все это.

Из всей бесконечной массы прошедших, настоящих и будущих людей вырабатывается небольшое число личностей, которые и составляют собственно настоящее человечество, соль земли.

22. Среда. Похороны начальницы Смольного монастыря, Марии Павловны Леонтьевой. Обедня и отпевание происходили в церкви заведения. Собрание было чрезвычайно многолюдное и состояло большею частью из девиц и дам всех выпусков, которыми начальствовала покойная. Служил митрополит Исидор с двумя архиереями и множеством священников. Все было величественно и торжественно. Присутствовавшие, особенно питомицы заведения, оказали много сочувствия и любви к усопшей, которая действительно и заслуживала этого своею добротой и заботливостью о детях. Вообще она была женщина умная и благородных свойств, хотя и отличалась некоторою странностью манер и, может быть, излишним пристрастием к формам. Но царедворческого в ней ничего не было. Со мною во все время моей службы в заведении она была чрезвычайно дружелюбна, внимательна и ласкова. Она любила литературу и умела ценить умственные достоинства. Ей было 85 лет. Она умерла тихо и спокойно, как бы погрузившись незаметно в вечный сон. За несколько часов до смерти она, несмо-

тря на слабость сил, принимала еще участие в делах заведения.

26. Воскресенье. Переезд на дачу в Павловск, к тому же Брауну «Под Дубки».

С некоторого времени я нахожусь в борьбе с моими глазами. Месяца три тому назад они заболели. Призван был Блессиг, прописаны были примочки, мазь и впускание капель внутрь глаз. С того времени, хотя положение глаз улучшилось, но все-таки они перестали мне служить как должно. При чтении скоро устают, близорукость, очевидно, усилилась.

27. Понедельник. На даче. Ясно, не холодно.

29. Среда. Умер барон Фридерикс, добрый хозяин, где я квартирую уже лет 30 или более.

От чего частые самоубийства? Жизнь потеряла всю прелесть от чрезмерных ли желаний человеческих и невозможности их удовлетворить, или от усиления скорбей, превосходящих меру человеческого терпения? Как бы то ни было, а жизнь для многих утратила всю свою прелесть. Действительность преисполнена страданий, идеалы лишились своего обаяния.

Июнь 4. Вторник. Весь май прошел в дождях и холодах. Июнь продолжает то же.

6. Четверг. Обычный экзамен в Римско-католической академии. Все в обычном порядке.

8. Суббота. Эти люди опошлили возвышенные стремления к свободе своим детским задором, мелким самолюбием, глубоким невежеством во всем, что касается человеческой природы и общественных интересов, и непомерным словоизвержением вместо серьезного, трезвого и строгого мышления. Они профанируют священное право свободы.

Говорят, что некто ‹Г. Е.› Благосветлов обругал всех участвовавших в «Складчине»...[308]

9. Воскресенье. Мы очень хорошо подмечаем пороки и разные нравственные гнусности нашего времени, но создать идеалов лучшего мы не в состоянии. Там бессилие одних, здесь других — и все бессилие.

Только и слышишь одни жалобы на среду, как будто мы не обязаны в нее внести ничего своего.

10. Понедельник. Бисмарк сделал две ошибки: первая — это отнятие у Франции двух провинций, что полагает задаток новой войне и, может быть, начало ослабления Пруссии, слишком вознесшейся, чтобы не впасть естественным

путем в реакцию; вторая — это крайнее преследование католиков.

13. Четверг. Есть некто литератор и журналист Благосветлов. Говорят — он сумасшедший. Пункт помешательства его в том, что он считает себя величайшим мыслителем, первым писателем в России и человеком, способным перестроить Россию на новый лад не хуже Петра Великого. К сожалению, он часто впадает в бешенство и изрыгает страшные ругательства на все и на всех.

На днях я встретился в вокзале с Лонгиновым, нынешним знаменитым начальником печати русской. Он никогда не отличался скромностью и умеренностью в суждениях и словах и теперь остался таким же.

Какие честные человечественные личности попадаются между людьми! И как стыдно становится за негодяев и мерзавцев, повсеместное существование которых, повидимому, уничтожает возможность таких личностей!

О современной Франции не хочется ни думать, ни говорить, ни читать, — так люди, располагающие ее судьбою, пошлы, так упала политически и морально сама нация.

19. Среда. У всякого из так называемых образованных людей в душе есть склонность если не отнимать принадлежащее другому, то порабощать его ум и сердце своим взглядам и идеям.

Средний и низший класс в нашей литературе, а может быть, и во всякой, всегда славился мелочностью страстей и умов, старающихся, елико возможно, о том, чтобы не допустить друг друга ни иметь свое мнение, ни приобрести какое-нибудь значение между собратьями.

Я никогда не пропагандировал моих идей; я только их излагал. Пропагандирование есть не иное что, как подстрекательство. В деле истины это совершенно фальшивый способ. Подстрекательство действует только на слабых умом и производит только прозелитов. Ни те, ни другие не годятся для настоящего честного дела. Кто способен к чему-нибудь лучшему, для того довольно, чтобы он понял мысль и разумное слово, переданные без всякого усилия склонить его в известную сторону, а кто не способен, так на что он годится, хотя бы он заорал и замахал руками для идеи, которая, как говорится, ему не по плечу? В уличной свалке он, пожалуй, мог бы употребить хоть кулаки, но ведь не для этого же мы стараемся просветить умы.

Июль 8. Понедельник. Вчера, то есть в воскресенье, мы условились с А. С. Вороновым прогуляться в Парголово. Но в пятницу и накануне такой задул северо-восток с прегнусным холодным дождем, что о прогулке нечего было и думать. Я написал Воронову, чтобы он меня не ждал. В воскресенье он явился сам ко мне, и мы опять условились ехать во вторник после моего комитетского заседания, в том предположении, что ведь теперь лето и природа над нами сжалится к тому времени, уймет шалости погоды. Но во вторник вышло еще хуже: тот же ветер, нестерпимый для лета холод с беспрерывно угрожающим дождем. Пришлось опять отложить исполнение нашего замысла до первого удобного, то есть теплого дня, если он как-нибудь к нам навернется.

10. Среда. Печатается сенатский процесс о девяти лицах, затеявших преобразовать Россию посредством возмутительных прокламаций и распространения в народе таких же брошюр своего изделия. Нелепо и жалко! Подобные симптомы доказывают ненормальное состояние нынешнего поколения. Все действующие лица этой печальной комедии молодые люди лет 22—24; один только успел дожить до 30. Печатается пока обвинительный акт. [309]

23. Вторник. Все нынешнее лето проходит в ожидании лета, а оно не пришло. Холод и дождь, дождь и холод, или немного тепла, но непременно дождь.

Август 16. Пятница. Наш век отличается необыкновенным великодушием. Базен, например, этот предатель, осужденный на смерть, теперь, по милости Мак-Магона, тоже порядочного негодяя, разгуливает по Европе, а немцы устраивают ему радушные приемы и возносят его в печати до небес. [310] Можно ли более попирать законы нравственного приличия!

19. Понедельник. Август продолжает быть довольно снисходительным. Бывает холодно и с дождем, но бывают и хорошие дни. И вообще можно жить еще не без удовольствия на даче. А какая великолепная зелень! Рука осени как будто совсем до нее не коснулась.

23. Пятница. «Голосу» воспрещена розничная продажа. Притеснение печати у нас доходит до глупости, если считать глупостью причинение зла из удовольствия делать зло. И нашли кому поручить власть над ней! Лонгинову!!

30. Пятница. Обычное празднование моих именин. Множество поздравлений утром, букетов цветов также.

Особенно изящный букет поднесла мне маленькая дочь К. Обедало много гостей, которые в половине восьмого все и разъехались, чтобы не опоздать на поезд. Ночью еще были получены две поздравительные телеграммы из Петербурга.

День был хороший, хотя и пасмурный, но довольно теплый.

Сентябрь 8. Воскресенье. Переезд с дачи. Без дождя; вообще погода порядочная.

Лето было нехорошее, холодное и дождливое с частым ветром. Но я все лето был здоров, и мои тоже. Ничего неприятного не происходило.

10. Вторник. Присуждение Уваровских премий в Академии наук. У меня на рассмотрении было шесть драматических пьес: из них две — «Ваал» Писемского и «Разоренное гнездо» — я нашел заслуживающими особенного внимания. Я написал подробный их разбор, отозвавшись об обеих одобрительно, но не выразил окончательного приговора, предоставив это комиссии. Впрочем, я склонялся более в пользу последней, хотя мне хотелось бы, чтобы и Писемский не остался без награды. Он представил и другую свою пьесу — «Подкопы», но эта слабее. Комиссия выразилась неодобрительно о пьесе Писемского и предпочитала «Разоренное гнездо». Произошли прения. Настаивали на абслютном совершенстве, ссылаясь на положение о премиях, где эта мысль выражена неопределенно. Мне удалось это опровергнуть. Все члены согласились со мною, и сегодня единогласно премия была присуждена «Разоренному гнезду». ‹К. С.› В‹еселовский› вел себя очень хорошо и совершенно беспристрастно, полагаясь на мой суд. [311]

Два скандала один за другим, здесь и в Москве... В Москве скандал гораздо серьезнее: брат Михаила Никифоровича Каткова, Мефодий, и мне хорошо известный, в катковском лицее, где воспитываются два его сына, выстрелил из револьвера два раза в ‹П. М.› Леонтьева, но не убил его: пуля засела в платье последнего. Потом он тяжело ранил сторожа, который бросился было защищать Леонтьева. [312]

17. Вторник. Всеобщие толки о московском происшествии. «Московские ведомости» объявили, что несчастный Мефодий произвел свои выстрелы в сумасшествии, которое давно в нем замечалось. Но многие этому не верят и подозревают какую-нибудь другую причину компрометирующего свойства.

Между тем в лицее отслужен торжественный молебен за спасение Леонтьева, и воспитанники заказали какой-то образ в память сего происшествия.

21. Суббота. Сегодняшний день должен быть особенно отмечен — это день совершенно летний, вовсе не свойственный сентябрю; я давно не запомню такого светлого, теплого: 16° тепла.

Кажется, не может быть никакого сомнения, что единственная причина поступка Мефодия есть настоящее сумасшествие и другой причины, предосудительной для Леонтьева, искать нечего. Многим хотелось этой последней причины.

22. Воскресенье. Смутить умы нетрудно, но это не значит ни просветить их, ни сделать более способными к делу истины, ни более счастливыми.

25. Среда. Публичное собрание в Академии по случаю присуждения Уваровских премий. Я читал отчет о назначении этой премии автору комедии «Разоренное гнездо».

Октябрь 2. Среда. Есть род близоруких умов, которые могут видеть ясно только предметы, находящиеся вблизи их. Им кажется, что вселенная заключена в пределах, где они живут, что бог особенно покровительствует им и их родне, что знатнее их предков и умнее их самих нет никого на свете; которые уверены, что близорукость есть хорошее зрение и что настоящими людьми могут быть только те, которые судят о вещах как судят они, даже носят бороду такой величины и цвета, как у них, а все прочие заслуживают по меньшей мере презрения.

7. Понедельник. Нравы суть продукт соединенных сил народности и исторических внешних обстоятельств. Пока нравы не улучшатся, никакие меры и учреждения не помогут.

Происходит множество арестов. Говорят, в провинциях арестовано более 500 человек, в том числе много женщин.

Все заняты процессом игуменьи Митрофании, которая непозволительными средствами, подложными векселями и проч. старалась приобрести огромные деньги в пользу благотворительных учреждений своего монастыря. Небывалый в России случай, чтобы судили высш духовное лицо за уголовные преступления, и притом публично и гласно.[313]

11. Пятница. В истории всякого народа есть славные и блестящие страницы, но есть и темные и печальные.

19. Суббота. Для теории один масштаб, для жизни — другой. Смешивать их нельзя. И теория законна, и жизнь законна.

Поутру был К‹авели›н ‹?›. Разговор о современных событиях. Все чрезвычайно печально. Множество арестов здесь и в губерниях.

Многие, полагаясь в делах на чистоту своих намерений, не принимают предосторожностей, предписываемых благоразумием, и упускают из виду разные внешние условия, необходимые для успеха. Это важная ошибка. Не чистота намерений венчается успехом, а рассудок, умеющий соглашать различные интересы и страсти, затрагиваемые делом. «Будьте чисты, яко голуби, и мудры, яко змии».

20. Воскресенье. Процесс игуменьи Митрофании кончился. Присяжные вынесли вердикт: «виновна, но заслуживает снисхождения». Процесс этот наделал у нас шуму не менее, чем процесс Арнима в Европе.[314] Наш процесс имеет весьма серьезное значение как по сану лица, подвергшегося гласному суду и уголовной каре, так и по ведению его, делающему честь нашим судам. Тут никакая протекция не была принята в уважение, а на нее-то, видимо, рассчитывала игуменья в беззаконном приобретении денег будто бы для благоугодных дел. Вообще этот процесс обнаружил во многом скверное состояние наших нравов.

Поутру был у графа Модеста Андреевича Корфа, недавно приехавшего из Гомбурга. Он, между прочим, рассказывал мне много о князе П. А. Вяземском, с которым он жил там. Князь совершенно здоров, страдает только бессонницей. Лишь теперь я узнал настоящие лета его. Незадолго до отъезда графа из Гомбурга князь праздновал день своего рождения: ему исполнилось 82 года.

23. Среда. Напечатан мой отчет о присуждении Уваровской премии за драматическое сочинение «Разоренное гнездо».

Можно ли в наше время управлять государством без совещания с лучшими выборными от народа людьми?

24. Четверг. На днях произошел скандал в Медико-хирургической академии: студенты объявили, что они не хотят слушать лекций профессора ‹И. Ф.› Ц‹иона›, занимающего кафедру физиологии, и разделились на две партии: одни свистали, другие аплодировали.[315] Отчего это именно произошло, говорят весьма различно. Вообще в Петербурге невозможно добиться правды ни об одном происшествии. Всякий рассказывает по-своему и прибавляет часто свои вымыслы, уверяя торжественно, что он знает это из верного источника. Только и знаешь, что что-то случилось, а отчего

и при каких обстоятельствах — узнается разве в вечности. Оттого я принял за правило вычитать из всех рассказов 99%.

27. Воскресенье. Основа величия и благосостояния народа заключается в его нравах. При хорошем состоянии нравов все разумные меры дают желанные, полезные результаты; все меры ошибочные смягчаются и теряют значительную часть своих неудобств. Можно сказать, что народ сам отвечает за все, что у него происходит и делается. Если несправедливо обвинять его за недостаток способностей, в которых отказала ему природа, то не следует роптать и жаловаться на обстоятельства и на лица, служащие будто бы источником всех зол, претерпеваемых обществом. Слабое и неспособное не может пользоваться выгодами, которые составляют естественное преимущество силы и дарований.

Ноябрь 3. Воскресенье. У нас существует общее убеждение о бесполезности всяких правительственных мер, даже хорошего свойства. «Да из этого ничего не выйдет», — вы услышите каждый раз в подобных случаях. К счастию, дурные меры тоже не производят особенной скорби: «Да ведь это переменится скоро, перемелется — будет мука», — слышится везде.

Случившееся в Медицинской академии повторилось в Горном корпусе, в Технологическом институте и в университете. В последнем в меньшем размере. Студенты требовали увольнения Ц‹иона›, который и уволен под видом отпуска за границу на год. В Горный корпус и Технологический институт потребовалось послать жандармов. Так как у нас печать находится под гнетом и запрещениями, то в газетах обо всем этом ничего не пишут, и оттого ходят по городу самые преувеличенные слухи.

Что значит эта эпидемия восстаний в школах? Молодым людям не нравится такое-то лицо в управлении школы или преподаватель, и они требуют немедленного его удаления. Разумеется, этого допускать нельзя. Но дело в том, что такие требования сделались возможными и почти повальными. Увы! Это только частные симптомы неурядицы, господствующей у нас повсюду, в администрации и обществе. Нравственность падает ниже и ниже; у молодых людей в сердцах есть благородство, но оно все направлено против существующего порядка вещей.

К правительству с каждым днем более и более теряется уважение. Сильнее и сильнее укореняется мнение, что

реформы нынешнего времени и некоторые льготы есть чистый обман, потому что их стараются подкопать со всех сторон. Земство, суды, печать стесняются беспрестанно распоряжениями высших административных лиц. Это уже ни для кого не тайна.

Главное зло состоит в том, что теперь ничему не верят и менее всех правительству, которое усиливается отнять у нас то, что им же самим дано. Мы вступали на новый путь, а нас толкают назад. И весь этот новый путь не был какою-нибудь прихотью или мог быть и не быть. На него устремились в силу вопиющей необходимости. Освобождение крестьян, новые суды, земство, гласность и хоть некоторая свобода печати — разве это прихоть общества, а не такая потребность, не удовлетворив которой, нет возможности России существовать? Все недовольны, все страдают, и страдают невыносимо именно потому, что нет никакой уверенности в том, что будет завтра. Право, страшно становится за нашу будущность.

Кажется, тут никакие человеческие усилия ничему не помогут. Мы в руках истории, которая неудержимо влечет нас к какому-то роковому неизбежному кризису.

10. Воскресенье. Неумолкаемый шум в городе по случаю беспорядков в Медицинской академии, в Горном корпусе, Технологическом институте и университете. В последнем была только маленькая демонстрация, требовавшая увольнения профессора Ц‹ион›, который и уволен в виде долговременного отпуска. Уволен еще помощник инспектора Пальмин, которым давно были недовольны студенты. Пострадал более всех Горный корпус. Там распоряжался Валуев.

Человек двадцать воспитанников схвачены и, как говорят, препровождены в пересыльную тюрьму, а оттуда на железную дорогу до Динабурга. Оттуда, одев их в казенные полушубки, их по этапу отправили на родину. И все это в несколько часов, без всякого разбирательства степени их вины. Но всего страннее, что третьего дня брали с воспитанников заведений подписки такого содержания (что, впрочем, особенно касалось университета): «Если университет будет закрыт, то я (имя рек) буду выслан с жандармами из Петербурга». Слово в слово так.

Между человеком и писателем бывает иногда огромная разница.

11. Понедельник. Слухи о смене министра народного просвещения более и более распространяются. Уже и на-

значают на место графа Толстого ‹Н. В.› Исакова, начальника военно-учебных заведений. Говорят о какой-то записке, поданной государю ‹А. Л.› Потаповым о всеобщем неудовольствии, возбужденном греческою системой министра. В записке упоминается о многих молодых людях, которые по самым ничтожным причинам не получили так называемого аттестата зрелости и которые будто бы по этому поводу оказались в числе арестованных, как заговорщики. Нынешним министром так недовольны и недовольных так много, что этим слухам охотно верят.

17. Воскресенье. Все слухи о графе Толстом, как и следовало ожидать, оказались чистым вздором. Он тверже сидит на своем месте, чем когда-либо.

19. Вторник. Заезжал к ‹Д. М.› Перевощикову. Бедный старик совсем ослеп. Но он с непоколебимым мужеством несет бремя своих 84 лет и своей слепоты. Он сохраняет полную ясность и свежесть ума и памяти. Я нашел его спокойно сидящим в кресле, и ему читали газеты. Он расспрашивал меня о современных событиях, слушал с участием о том, что случилось у нас в последние дни, и делал свои замечания, полные здравых мыслей и обычного, ему свойственного, юмора. Иногда только вырывались жалобы, что он уже слишком долго живет и что такой развалине, как он, пора бы совсем на покой.

Большая часть писателей ищет занимать публику, и если они этого в известной мере достигают, то готовы уже счесть себя великими, бессмертными. А между тем единое нужно на потребу; все должно бы состоять в результате, который формулируется так: насколько они содействовали просвещению общества и облагорожению и возвышению его нравов?

Декабрь 3. Вторник. В 8 часов вечера поехал в заседание комиссии об устройстве государственной типографии. Комиссия эта, как и большая часть наших правительственных комиссий, сыграла комическую роль. Просуществовав почти четыре года, она кончила ничем, то есть оставила казенные типографии в том же виде, как они были доселе.

Сегодня пришли мы к главному и ожидаемому результату — к закрытию комиссии.

4. Среда. Общественность наша представляет странное зрелище. Когда два человека сойдутся для беседы, они оказываются если не настоящими друзьями, то хорошими знакомыми и мирно беседуют. Приходит третий человек,

и уже согласие расстраивается: начинаются осторожности, неискренности и, наконец, даже пререкания. Являются еще три-четыре человека — и вы видите перед собою врагов, друг на друга свирепо или искоса посматривающих, и мало-помалу водворяется полный разлад. Каждый, наконец, уходит с мыслью о других, что тот подлец, а этот дурак и проч.

Россия похожа на мальчика, который рос в сквернейшей школе истории, где его били не на живот, а на смерть. Потом он очутился в другой, менее тяжелой школе, где его начали меньше бить. Вот он зашалился — теперь к нему приставляют для исправления гувернеров в лице администрации. Но беда в том, что сами гувернеры большею частью люди прескверные, и толку выходит мало. Мальчик растет лжецом, мотом, и трудно полагать, чтобы из него вышло что-нибудь хорошее.

Величайшая насущная надобность для нас состоит в нравственности. Но где ее взять? В религии? Но к ней чувствуется всеобщее охлаждение, да она и заключается в одной обрядности и ничего не дает сердцу. В литературе и науке? Но они проповедуют или пошлый реализм, или надутое педантство и отвращение к идеалу. В греческом языке, в классицизме? К этому привлекают людей насилием. Будет ли из этого прок?

Гарибальди как гражданин, Тьер как человек государственный и патриот — вот два великие характера нашего времени.

И однакоже ни тот, ни другой не управляют своим отечеством, а такие люди, как Мак-Магон, Серано. Один битый генерал, другой подлец.

А Бисмарк? О, это личность другого рода. Он заставляет себя бояться и пресмыкаться перед собою. Он высится над людьми потому, что питает к людям глубокое презрение. Презрение к судьбам людей — это понятно. Понятно и презрение к поступкам их. Но презрение к ним самим само заслуживает презрения.

13. Пятница. Всякий имеет право любить и ненавидеть по-своему. Но выражать это — другое дело.

24. Вторник. В «Голосе» опять начали появляться хорошие передовые статьи. Отчего же было это восхваление Бисмарка и пруссаков?

Известные люди никогда не прощают тех, которые имели случай увидеть их ничтожество на деле.

1875

Январь 1. Среда. Все ложь, все ложь, все ложь в любезном моем отечестве. У нас есть хорошая восточная православная религия. Но в массе народа господствует грубое суеверие; в высших классах или полный индифферентизм, или неверие под маскою новых идей или научного высокомерия. У нас есть законы; но кто их исполняет из тех, кому выгодно неисполнение их, или кто поставлен блюсти за их исполнением? У нас есть наука; но кого она серьезно занимает и кого она настолько возвышает нравственно, чтобы он не был готов пожертвовать ею для так называемых существенных, материальных целей? В последнее время у нас появились учреждения с либеральною закваскою; но им предоставлено свободы настолько, насколько угодно это произволу какого-нибудь высшего чиновника, который готов доказать, как дважды два четыре, что в этих учреждениях скрывается великое зло для государства и что нужно их так обставить и ограничить, чтобы они сохранили свое имя, но не могли бы делать того, что скрывается под этим именем. У нас множество разных промышленных обществ, ассоциаций, которые обогащают пять или шесть человек, поставленных в их главе, и разоряют тысячи людей. Да можно ли перечесть все противоречия у нас наружного с внутренним?

В одном нет лжи — что мы составляем государство сильное, способное сделать отпор какому угодно внешнему врагу, который бы дерзнул на нас напасть.

Но есть еще одно, в чем мы не лжем: это состояние наших нравов. Тут мы не обещаем ничего, а прямо заявляем, что у нас нет общественного духа ни на йоту, тут открыто

и нелицемерно мы воруем, пьянствуем, мошенничаем взапуски друг перед другом.

12. Воскресенье. Вот уже неделя, как у нас страшные холода — морозы от 20 до 22 и 23°. В комнатах 9 и даже 8° тепла, несмотря на усиленную топку.

Валуевская комиссия, между прочим, постановила производить выпускные экзамены в университетах лицами, назначенными министром в видах контроля над преподаванием профессоров. Положено также, сколь возможно, затруднять доступ в университеты юношам не привилегированного, не дворянского сословия и небогатым. Профессора будут назначаемы не советом университетов, а начальством, и прочее в этом же роде.[316]

15. Среда. Из всех человеческих склонностей самая глупая — это привязанность к жизни. Все знают, какое она ничтожество, как она скоротечна, как блага ее неверны, а бедствия постоянны и неизбежны, как самая высшая доблесть, возлагаемая на нас мудростью, состоит в презрении ее — а между тем каждый из всех сил бьется, чтобы продлить эту мимолетную, превратную и неверную жизнь, и готов на всевозможные страдания, лишь бы сохранить беднейший, печальнейший ее остаток.

17. Пятница. Прибыли сюда члены из разных губерний от дворянства, земства и городов для совещаний о законах относительно рабочих и наемников — законов, конечно, чрезвычайно важных для внутреннего порядка государства. Председателем этой комиссии, как известно, Валуев.[317] Что-то она сделает? Наверное, можно сказать, ничего. Все пойдет к концу, как угодно творцу. А творец этот — администрация, а во главе ее Валуев. Разве в первый раз у нас является призрак чего-то легального и общенародного с физиономией представительства и выборного принципа? И всегда этот призрак манил к себе легковерных и затем улетал в бесконечные воздушные пространства, и все оставалось попрежнему.

Так без сомнения будет и теперь. Под влиянием духа времени, может быть, и позволят собравшимся людям высказаться, как они думают, а затем наложат печать хранения на их уста и скажут им не без любезности: «Милые люди! Уходите туда, откуда пришли, а мы вот надумаем и наделаем все, что нам угодно, сами». Да и что такое наше общество, поклоняющееся подобным призракам? Разве в нем существуют основы какой-нибудь самостоятельности, какого-ни-

будь практического осуществления его нужд и стремлений? Иногда выпрыгивают из красноречивых уст слова, указывающие на дело; но эти слова исчезают в воздухе, и произнесшие их сами бывают довольны тем, что их сказали, а потом принимаются за обычное жеванье грубой и неудобоваримой пищи, которую кладут им в рот предания и собственная их пошлая, хилая натура.

18. Суббота. Лицо цивилизованного, благовоспитанного человека никогда не выражает того, что происходит в его душе. В этом состоит настоящая благовоспитанность. Надобно, чтобы оно улыбалось и обнаруживало полнейшее ко всем благорасположение, которого в сущности нет и тени. Да никто этого не требует, все довольствуются тем, чтобы казаться, а не быть.

20. Понедельник. Мужик русский — почти совершенный дикарь. Он груб, невежествен, лишен понятия о праве и законе, религия у него состоит в кивании головою и отмахивании направо и налево руками; он пьяница и вор, но он не в пример лучше так называемого образованного, интеллигентного русского человека. Мужик искренен, он не старается казаться тем, что он не есть; он не лжет ни на себя, ни на других, ни на вещи. Но человек образованного круга фальшив с головы до ног, он плут по убеждению, что «умный человек не может быть не плутом», [318] суетен, либерален на словах и низок, раболепен на деле, готов на всякие низости за чин или крестик, вор по вкусу к широкому житью. Но главное и хуже всего, что он лжец во всем, что ни думает, что ни говорит и что ни делает. Он учится легко и скоро, выучивается всему, чему угодно, усваивает себе всякую новую идею быстро; поэтому внешность его становится мягкою, благовидною, лоснящеюся. Он европеец, человек цивилизованный; но в действительности из всего этого выходит существо слабодушное, бесхарактерное.

21. Вторник. Если вся жизнь моя прошла в преследовании нравственных идеалов и если я для них мыслил, говорил, писал и действовал, сколько позволяли мои силы, то это касается меня одного и это ни для кого не важно. В этом нет никакой заслуги. Тем, что я есть, какой ни есть, я обязан самому себе, и мне, в свою очередь, никто ничем не обязан. Правда, были люди, которые много сделали мне хорошего, но их давно уже нет на свете. Только одна память их светится в моем сердце. Что я не был эгоистом, плутом,

и проч. и кое-что делал для других — это ничего не значит: разве я мог быть не таким, вопреки моей природе?

Я когда-то любил славу, питал кое-какие честолюбивые замыслы — но это давно уже прошло. Теперь я люблю только свой идеал нравственного величия, побуждающий меня уважать человечество и глубоко сожалеть о людях.

Великое всегда было в моих идеях, но идеи эти, паря по бесконечному пространству, не останавливались долго на одном пункте, не могли сосредоточиться.

Всегда ставьте себя на некотором расстоянии с людьми, если хотите удержать за собой надолго их благорасположение.

27. Понедельник. Хорошо иметь мягкое и доброе сердце, но то нехорошо, что, видя человека честного в беде, страдаешь сам почти столько же, сколько и он.

31. Пятница. Костомаров в своей статье, напечатанной в «Древней и новой России», отзывается неблагосклонно о Петре Великом и старается доказать, что гораздо лучше было бы, если бы Россия постепенно выходила из своей вековой закоснелости, и что в ней были уж и прежде задатки просвещения и того умственного развития, которому стоило бы только помогать, ничего не насилуя, для того чтобы мы вошли в общую сферу человеческой истории. Постепенно, задатки — почтенный историк ужасно насилует здесь самые вещи и перестает быть беспристрастным историком. Где сидят все эти задатки? В киевской науке!!

Костомаров многих из наших исторических знаменитостей лишил славы, которую приписывал им народ. Оставался нетронутым еще Петр; но вот он добрался и до него. И все это во имя науки, во имя исторической истины! [319]

Февраль 1. Суббота. Нет на свете животного опаснее и вреднее, как человек с умом без сердца.

Правительство, желающее воспитать нравственно здоровое и честное поколение, должно быть само нравственно здоровым и честным.

2. Воскресенье. Каждый день происходит по нескольку самоубийств. На днях Ковалевский, сын бывшего министра, человек уже не молодой, застрелился, а другой, Порфирий Ламанский, распорол себе живот кинжалом. А там какая-то девочка, восьми лет, повесилась...

3. Понедельник. Был у меня разговор с одним умным и занимающим значительную должность лицом о том, что у нас в настоящее время нет настоящих государственных лю-

дей, а есть только чиновники высших разрядов. «Вы ошибаетесь, — сказал мне мой собеседник, — я знаю по крайней мере одного умного и истинно государственного человека». — «Кто же этот феникс?» — спросил я. «А вот Делянов». — «Неужели? — возразил я не без крайнего удивления, потому что знаю хорошо Делянова. — Чем же он ознаменовал свою государственность, свой ум?» — «Тем, — отвечал мне мой собеседник, — что он ничего не делает». Пожалуй, можно было бы с этим согласиться, если бы такое ничегонеделание было плодом какой-нибудь мысли, а не плодом решительной неспособности и лености, прикидывающихся чем-то без ничего.

Но во всяком случае, если главная задача министра состоит в ничегонеделании, то почему и швейцару его министерства не занять его места, тем более что он согласился бы нести это бремя государственного управления за несравненно меньшее жалование?

7. *Пятница.* Обед с несколькими из моих товарищей академиков в новом великолепном отеле «Европа». Веселовский, Чебышев, Грот, Безобразов, Сомов и я.

Чего нам недостает? И в правительстве и в общественности определенности стремлений и вместе с тем и последовательности. Мы все чего-то ищем, чего-то хотим; но с точностью никак не можем сказать самим себе: чего? Правительство не хочет быть, повидимому, ни ретроградным, ни деспотическим на манер прошлого времени. Однако ему не хочется допустить и тех последствий, какие должны произойти из его же либеральных реформ. А общество? Оно мечется туда и сюда, желая как будто поддерживать дарованные ему льготы, а между тем его мучит жажда денег, и оно все вертится около материальных интересов. Молодое поколение рвется к радикальным переворотам, а между тем оно худо учится, ничему не верит и не признает нравственных принципов. Оно бессильно именно отсутствием нравственных идеалов и горячность молодой крови считает за нравственную силу. Из всего этого выходит что-то очень похожее на хаос.

Мы не лишены общей всем людям способности говорить, но мы не умеем разговаривать.

8. *Суббота.* На акте в университете. Отчет отменно дурно составлен и так же дурно прочитан. Ничего не сказано о внутренней жизни университета, и длиннейшее изложение будто бы ученых трудов профессоров — трудов, состоящих

в разных статьях и статейках, раскиданных по разным газетам и журналам. Это голое исчисление имен и названий этих трудов, надоевших как нельзя более слушателям, и более ничего. Тут же о разных командировках профессоров. Все это бестактно, скучно и ничтожно. Так как за три дня до акта ходили слухи о приготовляющемся скандале, то есть намерении освистать профессора ‹В. В.› Григорьева, занявшего место Лонгинова, то из высокопоставленных лиц никого не было, не исключая самого министра. Скандал действительно начинался: раздалось несколько свистков после речи Григорьева, которую читал ‹И. И.› Срезневский. Но громадная масса студентов дружными рукоплесканиями совершенно подавила свистки, которые, однако, долетели до слуха публики. Студенческое благоразумие восторжествовало над немногими покушениями немногих шалунов-студентов. Я ушел тотчас после отчета.[320]

9. Воскресенье. Большой вечер у М. И. Семевского. Праздновали пятилетие «‹Русской› старины». И. Ф. Горбунов занимал целый вечер своими мастерскими рассказами из народной и общественной жизни.

13. Четверг. Письмо к князю Вяземскому в Гомбург.

Я предвидел, что скандал, устроенный на университетском акте Григорьеву, будет скорее и лучше содействовать его назначению на место Лонгинова. Весы склонялись в пользу В. П. Мансурова, определение его было почти решено, как вдруг скандал, хотя и не вполне удавшийся, упал на сторону Григорьева — и перетянул.

17. Понедельник. Новый скандал. Министр народного просвещения поручил Б. М. Маркевичу, как ближайшему к себе доверенному лицу, составить с Ф. П. Баймаковым контракт по аренде на «Петербургские ведомости». Редактором министр назначил графа Е. А. Салиаса, а Маркевич внес в контракт статью, по которой арендатор имеет право отказать редактору от газеты, когда найдет его неудобным для нее. За это взял с Баймакова отличную взятку. Министр утвердил контракт, не читавши... Когда дело вышло наружу, министр поехал к государю и нажаловался, что вот, дескать, его надули и проч. С Маркевича тотчас сняли камергерство и выбросили его из Совета министра.[321]

20. Четверг. С добродетелью обращаются как со светскою дамой: ее осыпают учтивостями и любезностями, в присутствии ее не употребляют скверных слов и проч. Но все очень хорошо понимают, что это только исполнение свет-

ского этикета, и никто не считает себя обязанным жертвовать ей существенными своими интересами и угождать ей серьезно.

23. Воскресенье. Познакомился с архиепископом Василием, бывшим в Витебске во время воссоединения униатов. Он рассказывал много любопытного из времени управления своего витебскою епархиею и об участии в восстании униатов, об обращении своем с католиками. Системою его было вообще кроткое христианское обращение со всеми. Самые католики его любили. Я застал его у Чистовича, Иллариона Алексеевича, к которому заезжал отдать визит.

За что «Голосу» воспрещена розничная продажа, — покрыто мраком неизвестности. Вечером мы с Любощинским заезжали к Краевскому, но не застали его дома.

24. Понедельник. Розничная продажа «Голоса» воспрещена за фельетонную статью в № 47. По духу нашей цензурной администрации она, конечно, должна была вызвать ее неудовольствие. В статье довольно резко говорится о том, что у нас невозможно рассуждать о действиях нашей администрации. [322]

Весьма важное дело — найти способ сказать правду тому, кто требует ее от вас, не оскорбляя его.

Март 2. Воскресенье. Нынешняя зима будет памятна. Она отличалась редким в Петербурге постоянством и умеренностью; но в то же время в ней сильно свирепствовала эпидемия тифозных и возвратных горячек. Больных было больше 15 тысяч, умерших великое множество. Разумеется, как всегда, доставалось больше всего низшим классам населения.

5. Среда. Милое, умное письмо от князя П. А. Вяземского из Гомбурга.

8. Суббота. Над нами господствуют всевозможные произволы так, что из этого выходит какая-то анархия административная, нравственная и умственная, и, однако, нам живется не хуже, как жилось в предшествовавшее время, где всех оковывала одна деспотическая воля. Из этого я вывожу заключение, что можно жить и при известных принципах или вовсе без них.

9. Воскресенье. Обычный годовой съезд в Римско-католической академии. Нынешний раз студенты особенно выразили свою преданность мне, при питии тоста за меня, шумными и продолжительными криками и дружным «многая лета» на латинском языке.

10. Понедельник. Продолжается серьезная, глубокая зима. Холодно, снежно, отличная санная дорога.

16. Воскресенье. Содействие общественному благу! Но ведь только одни сумасшедшие или Дон-Кихоты могут мечтать об этом, не имея в наличности никаких для того сил — ни политических, ни общественных, ни нравственных.

В свое время и я донкихотствовал и истратил на это довольно-таки из отпущенного мне природою запаса способностей. Мне, видите, хотелось пробуждать в людях уважение к человеческому достоинству, к нравственным идеалам! Но только особенному счастью обязан я тем, что мне прямо не наплевали в глаза те, на которых я хотел действовать таким образом, хотя стороною, вероятно, втихомолку и величали меня ослом. На базаре житейской суеты требуются и оплачиваются только вещи ценные. А какую цену могут иметь мысли о человеческом достоинстве, нравственные или эстетические идеалы и тому подобный мыслительный вздор?

Но в сущности я всегда был слишком недоверчив к самому себе, чтобы считать себя деятелем, как теперь в моде называть всякого фельетониста или кропателя стихов и повестей, хотя в молодости моей я не был чужд честолюбия.

Вообще же надобно правду сказать: я ничего не умел сделать из довольно порядочного капитала способностей, отпущенных мне природою.

22. Суббота. Если общество потребует от тебя для своего удовольствия, чтобы ты на значительном расстоянии попадал горошиной в крошечное отверстие стены, считал, сколько будет капель в ковше с водою, — ты должен все это делать, если хочешь, чтобы оно считало тебя своим членом, на что-нибудь годным. Делать что-нибудь не по заказу — значит все равно, что вколачивать гвозди в воздух. Только то хорошо, что требуется по времени.

23. Воскресенье. Сегодня обедал у дяди Марка Николаевича Любощинского. Тут обедали также ‹С. И.› Зарудный и ‹Ф. А.› Брун, оба сенаторы, а второй, сверх того, товарищ управляющего II отделением собственной канцелярии. Много наслышался толков, рассуждений и споров о разных предметах законодательства и управления. Это триумвират лучших знатоков и деятелей по этой части. Все они участвовали в важнейших реформах по устройству судов и судопроизводства, а Любощинский, кроме того, в деле освобождения крестьян. Люди умные, даровитые, просвещенные и благородные. Они не были первостепенными государственными сановниками, а между тем вынесли на плечах своих

все важнейшие новые уставы и порядки. Им много Россия обязана. Что перед ними значат все эти Тимашевы, Палены и проч. Все они с университетским образованием. Брун и Любощинский получили его в Петербурге и были студентами моего времени, о чем они с благодарностью вспоминают и теперь. Зарудный кончил курс в Харьковском университете. Брун справедливо заметил, что университет не мог передать им всего, что нужно знать в науке и практической жизни. Но он возбудил в них идеи и стремления ко всему прекрасному и высокому и дал им начала к умственному дальнейшему развитию и усовершенствованию.

Честные, умные, просвещенные люди, здания новых, лучших законных порядков вы строите на песке. Вашим зданиям недостает фундамента, подстилки народных нравов, которые вырабатываются только историей. Под основы того, что вы строите, уже усердно подкапываются и многое искажают, многое стараются обрушить, — наверное, обрушат. Вы выбьетесь из сил, интрига, царедворство и прочее вас преодолеют. Но следует ли из этого, что вы должны усесться и сидеть на ваших местах сложа руки? Боже сохрани! И вы и все немногие, верные истине и великому долгу во имя человечества, должны действовать и трудиться до конца. Мораль всего этого: мы вносим в жизнь общества и народа принципы, которые одни преобразуют нравы и общество, если они способны преобразоваться, а с ними и все прочее.

‹Н. А.› Любимов вместе с Катковым и Леонтьевым хотят связать разум, науку и университеты наши узами административных порядков и распоряжений, как будто эти порядки и распоряжения составляют высшую задачу умственного движения и ручательство за его благонадежность — и как будто это возможно.

Вместо того чтобы самому разуму и науке предоставлять исправление их ошибок и недостатков, они хотят возложить это на канцелярию. В их глазах чиновник выше разума и науки, а канцелярская бумага за каким-либо номером выше всякого творения ума человеческого.

30. Воскресенье. Люди без принципов похожи на угорелых, которые мечутся то туда, то сюда, где только лежит или подозревается какая-нибудь выгода.

Очень умную вещь сказал один умный человек: «Тот не заслуживает свободы, кто не умеет уживаться с некоторыми ее неудобствами».

Общество наше и нравы до того испорчены, что никто не верит, если скажут о ком-нибудь, особенно из административных лиц: «он честный человек».

Всеобщие толки об опасности, грозящей нашей судебной части, едва успевшей явиться на свет: о подрыве ее неусыпно хлопочет министр юстиции, граф ‹К. И.› Пален. Он хочет опрокинуть суд присяжных, гласность и несменяемость судей, к чему и делает уже некоторые приступы. «Это все теория», — говорит он ломаным русским языком.

Апрель 2. Среда. В окружном суде производилось и решено дело некоей Седковой, которая судилась за составление фальшивого духовного завещания от имени умершего своего мужа. С ней судилась целая толпа негодяев за участие в этом деле и разные другие подлоги. Между ними первое место занимал некий Лисенков, нотариус. Седкова хорошенькая молодая женщина, умная, образованная. Она очень свободно объяснила все дело, признаваясь, что фальшивое завещание составлено ею, с участием таких и таких лиц. Присяжные оправдали ее, что всех крайне удивило. Осужден Лисенков и еще человека два, и то со смягчающими обстоятельствами. Враги присяжных и новых судов этому очень радуются. [323]

А тут другое скверное дело в ходу — о поджоге мукомольной мельницы Овсянниковым, который содержал ее на аренде у Кокорева. Улик против него много. Он содержится под арестом. Это владелец десятка миллионов и, как говорят, грубый, необразованный человек. [324]

Подделка бумаг, подлоги всякого рода, кражи казенных и общественных денег, огромнейшие плутовства по железным дорогам, которыми приобретаются из ничего громадные капиталы, — все это сделалось самыми обыкновенными явлениями наших дней. А между тем эти капиталы только и пользуются уважением общества, почетом, и владельцы их занимают высокие места.

Мир сотворен всемогуществом божественным, но существует и управляется компромиссами. Вот почему нужна сдержанность разных сторон, действующих в мире, — соглашение. Нужно знать пределы, на которых мы должны останавливаться. Многим недостает характера, чтобы сдерживаться, ни ума, чтобы видеть ясно пределы, далее которых простираться не следует.

3. Четверг. Нет сомнения, что между правительственными лицами есть люди добросовестные, но, к сожалению,

ограниченные. Эти добросовестные люди все силы своего невеликого ума напрягают на одно — на поддержание того порядка вещей, в который они введены и в котором им самим жить недурно. Между тем жизнь общественная проходит разные фазисы, развивается, одно состояние вещей меняется на другое, родятся новые потребности, высшего свойства и очень сложные, — вот тут-то и оказывается вся несостоятельность этих правительственных лиц, лишенных способности понимать все это, анализировать вещи и события, вести дела по высшим соображениям к решению тех задач, которых прежде вовсе не было в виду, но которые теперь упорно требуют решения. Тут они держатся за прежние обычаи, правила и формы, становятся противниками всего нового, всего лучшего. «Это все теории», — говорят они вместе с нашим министром юстиции, графом П‹аленом›, который все нынешние улучшения по судебной части считает теориями.

8. Вторник. Земля усеяна белыми розами, то есть снегом, в ознаменование весны. Все это время погода была гнусная; иногда светило солнце, но так же лгало, как русская образованность, то есть от него не исходило ни капли теплоты. Холодно, холодно и холодно!

Вот это апрельское солнце, вместе с холодом и гнусным ветром, похоже на некоторых властителей, сияющих блеском и величием с высокого трона, но очень дурно правящих своими народами, которые отдают в жертву бесстыдным и неспособным чиновникам.

У нас мало уважения к возвышенным личностям, которые не занимали значительных мест в адрес-календаре. Поэтому надо всячески стараться восстановлять эти личности, хотя бы они и не успели или не могли ознаменовать себя громкими делами в тех кругах, где обыкновенно у нас ищут этих дел. Иначе земля русская будет казаться пустынею. Пусть же в ней кое-где, как бы случайно, мелькают оазисы умственного и нравственного цвета — оазисы, которые надо тщательно оберегать от морозов общественного равнодушия.

10. Четверг. Может ли в России выработаться прочный политический и гражданский порядок вещей? Это зависит от рабочих сил ее. Их две — администрация и народ с его нравами и общественным духом. Администрация, развращенная и бездарная, народ, лишенный общественного духа: как они могут работать над делом, требующим от людей великих сил и великих идей?

13. Светлое Христово воскресение. В самом деле светлое: солнце так и заливает светом, но тепла все еще немного, хотя, кажется, несколько теплее предыдущих дней.

У графини Блудовой просидел довольно долго. Явился ‹П. Д.› Стремоухов, и речь зашла о славянах — о нынешнем состоянии сербов, о князе Милане, которого Стремоухов называет негодяем.[325] Стремоухов говорил очень много о славянах вообще, и нельзя сказать, чтобы очень любовно к ним относился. Находясь долгое время в сношениях с разными славянами по служебным обстоятельствам, он, наконец, решительно убедился в совершенном их разъединении, в неспособности достигнуть каких-нибудь общеполезных целей.

Я тут же познакомился с сыном моего старого друга, М. В. Юзефовича.

14. Понедельник. Дружеские отношения, слагающиеся наскоро при первых благоприятных впечатлениях с обоих сторон, никогда не бывают прочны, хотя, повидимому, они искренни и чужды всяких своекорыстных видов. Они похожи на веселое расположение духа, вызванное несколькими бокалами шампанского, которое исчезает, как скоро проходит хмель. Обыкновенно, после дружеских излияний наступает скорая реакция, и это без малейшего повода с чьей бы то ни было стороны. Видно по всему, что сердечные связи между людьми скрепляются единственно взаимными интересами, чувство же здесь играет роль сверкнувшей молнии, которая блеснет только для того, чтобы осветить бездну человеческого эгоизма.

У нас есть чиновники, даже сановники, есть царедворцы, но нет государственных людей.

19. Суббота. В начале нынешнего месяца в «Вестнике Европы» появилась статья профессора ‹Н. П.› Вагнера, которая возбудила большое недоумение во многих. Он рассказывает странные вещи о вертящихся столах, которых был сам свидетелем.[326] Известные слова Шекспира в «Гамлете»: есть многое, друг Горацио, в природе и проч. переходят из уст в уста. Вагнер уже второй серьезный ученый, который придает спиритизму особенное какое-то значение. Первый — наш академик ‹А. М.› Бутлеров, который уже вполне в него уверовал. Оба естественники. От них менее всего, кажется, можно бы ожидать веры в сверхъестественное.

Делянов сделался врагом университетов, хотя сам учился в Московском университете. Известно, что он не пользуется уважением в обществе и между людьми лучшей категории, как человек бесхарактерный и без всяких убеждений. Вероятно, он мстит университетам за то, что они не могли сделать из него человека, которого бы можно было уважать не за чин его и богатство. Да разве они могли это сделать? Странная вещь! У людей, обладающих благами мира сего, иногда является претензия на личное значение в обществе, и когда они его не получают, то уже готовы учинить всякую пакость и мерзость только для того, чтобы как-нибудь да их заметили.

21. Понедельник. Прошла Нева. Два дня уже как немного потеплело, и солнце светит великолепно. Впрочем, вообще на солнце жаловаться нельзя: оно светит часто и блистательно, только мало греет.

Залгалася, заворовалася, запилася, голубушка! [327]

22. Вторник. Единственный оплот против внутренних колебаний и разных страхов, против всяких мелочей и дрязг ежедневных — это внутренняя свобода.

Важная перемена в одеянии: совлек с ног зимние калоши и облек их в летние; шляпа на место зимней шапки. Но шуба еще не отменена. Тепла градусов пять. Вещи эти не так ничтожны, как кажутся, для человека, не желающего подвергнуться скверным последствиям того, что посылается на нас здешнею природою.

Изображайте людей какими угодно темными красками, если они стоят их, — и без сомнения большая часть их стоит, — но щадите принципы. Выдвигайте их и выставляйте на вид: от этого, положим, не будет больше хороших людей, но хорошие люди, какие еще есть по крайней мере, авось не захотят сделаться дурными.

Назначена комиссия для пересмотра университетских уставов, то есть для сколь возможно большего их стеснения и уничтожения свободы университетской или высшей науки. Комиссия эта составлена из врагов университетов. [328]

Князь Д. А. Оболенский, рассматривавший в Государственном совете, вместе с другими членами, отчет министра народного просвещения за прошедший год, представил целую записку о зловредности управления графа Толстого,

где, между прочим, выразил такую мысль, что этот государственный человек, лишенный всякой самостоятельности ума и характера, служит только орудием известной партии во вред России. Вообще записка не отличается благоразумием. Государю, говорят, она очень не понравилась, и это увеличивает только торжество графа Толстого.[329]

24. Четверг. Мы сами не знаем, куда идем. Мы беспрестанно колеблемся между желанием удержаться в прежней позиции самовластия и произвола и между необходимостью делать некоторые уступки духу времени и требованиям европейской образованности, которую, конечно, мы внутренно проклинаем, как виновницу и оплот всех либеральных тенденций, но которой не можем не признавать уже по одному тому, что многое из нее заимствуем для собственных практических и житейских целей. Мы в какой-то лихорадке, беспрестанно противопоставляем одну меру другой. Не успеешь оглянуться, как мы сегодня уже не там, где были вчера. Еще на каком-нибудь постановлении не высохли и чернила, как на смену ему уже готово другое, разрушающее или подрывающее то, что узаконивалось в первом. Теперь завелись какие-то спасители отечества, усматривающие революцию во всех новых реформах и стремлениях охранить Россию от всех зол, в ней скрывающихся. Они толкают правительство беспрестанно в реакцию и мутят умы, не знающие, что им думать обо всем, что предпринимается и творится вокруг них, и не знают, что им делать.

Вечер провел у соакадемика моего, В. П. Безобразова, вместе с ‹А. Д.› Градовским (профессором). Разговор преимущественно вращался около комиссии для пересмотра университетских уставов и печальных предзнаменований для науки.

Князь ‹А. М.› Горчаков недавно сказал следующее: «Россия похожа теперь на невесту, за которою ухаживают разные женихи. Я забочусь только об одном — чтобы она никому не отдавала своей руки».

Сжалилась, наконец, над нами природа: настали чудесные дни — светло и тепло.

26. Суббота. А сегодня и отлично светло и тепло. Между тем меня мучит несноснейший кашель: он продолжается уже недели две, но сегодняшнюю ночь, особенно утром, он достиг такой силы, что приходится посоветоваться с доктором.

Иные, ничего не делая, прикидываются, что они остаются в этом бездействии вследствие глубокомыслия, тогда как это просто происходит от недостатка ума, знания и от малодушия.

Гораздо легче предпринять важное дело, чем его исполнить.

27. Воскресенье. С понятием о боге мы соединяем атрибуты всего высочайшего, совершеннейшего. Мы приписываем ему высочайший и совершеннейший разум, совершеннейшую доброту, милосердие и проч., и качества эти представляем себе в своем человеческом виде. Но наше представление этих качеств соответствует ли его существу? Сообразно ли с этим милосердием, например, зло и бесчисленные страдания, на которые обречен человек? Не должны ли мы признать, что его милосердие совсем другого свойства, чем наши понятия о нем? Его всемогущество, казалось бы, должно было предотвратить то или другое ради его же милосердия; не следует ли допустить, что милосердие, как мы его понимаем, не согласуется с его существом, что оно совсем другого свойства, чем наше? Оставим все толки и сомнения и преклонимся с благоговением перед непостижимостью его существа. Вот все, что мы можем сделать разумно.

Правда состоит не в одном изображении дурного, но и в изображении противоположного ему, а если бы общество было совершенно лишено этого последнего, то не стоило бы ни о чем и говорить.

Во всякой ложной системе или учении между кучами всякого сору и лжи всегда есть зерна правды. И вот откуда проистекают все нелепости, которыми подобная система и учение наводняют мир.

Каковы бы ни были жизнь и судьба общества, но то верно, что не ради удовольствия нашего они бывают такие, а не другие. Потому и литература, их изображающая, хорошо делает, не думая, что мрачными своими картинами она огорчит чувствительные сердца. Дело не в удовлетворении нашим эгоистическим пожеланиям, а в правде. Но самая эта правда не допускает односторонности, и так как в жизни человеческой все перемешано — добро и зло, добродетель и порок, — то мы изобличили бы себя во лжи, если бы собирали в один фокус все позорящие человечество обстоятельства, упуская из виду хоть немногие, но существующие черты добра.

Не быв одарен слишком могучими силами духа, он ‹Александр II?› свалил с России камень, которого десять силачей не могли бы поднять.

На пути общего умственного и нравственного движения есть разные степени. Почему не постараться взойти на ту из них, откуда открывается обширный горизонт жизни и вещи, казавшиеся такими важными и крупными, являются совершенно мелкими и ничтожными до того, что они становятся не стоящими уже ни наших привязанностей, ни ненавистей.

Университеты хотят подчинить такой регламентации, чтобы университетского у них было только название.

Май 1. Четверг. Третий день уже мы вкушаем прелести как бы весеннего тепла. Екатерингофское обычное гулянье сделалось, однако, невозможным: дождь, но хороший, теплый.

2. Пятница. Недели три уже, как меня угнетает несносный кашель.

Освобождение будет не добром, а злом, и великим злом, при таком повороте назад во всем. Лучше было бы не начинать, чем продолжать так.

4. Воскресенье. Ропот и неудовольствие сильно распространяются. Разумеется, тут нет недостатка в подстрекательствах со стороны внутренней и внешней. Правительство очень озабочено этим. Беспрестанно забирают то тех, то других, здесь и в провинциях. Между тем власть употребляет все меры, чтобы вооружить против себя и сделать своими врагами людей мыслящих, которые во всяком случае могли бы быть надежною ее опорою. Вот хоть бы способ проведения классического обучения в школах и нападения на университеты.

Несчастие общества в том, что в нем господствует повальная страсть к материальным интересам и наслаждениям, что в нем не существует никаких идеалов нравственных, что вконец подорваны религиозные верования и принципы. Думают классицизмом воспитать лучшее поколение, как будто в этом классицизме заключаются те идеалы, верования и принципы. Какое заблуждение!

По системе графа Толстого думают исключить людей неимущих из круга высшего образования, как будто одни имущие обладают необходимыми способностями для правильного умственного труда и для всех добродетелей, служащих опорою общества. А что же будут делать те исклю-

ченные неимущие, лишенные права на высшее образование? Вот из них-то и составится самый опасный пролетариат — пролетариат умственный, и как он по своему положению ближе к народу, нежели имущие и аристократы, то — страждущий, недовольный, как бы отверженный — как он будет действовать на этот народ?

О разных затруднениях, противопоставляемых разумным требованиям, часто говорят: «Что вы беспокоитесь? Все перемелется, будет мука». Хорошо, если мука, а не пыль, из которой никакого хлеба нельзя испечь.

Надобно лишиться того, что мы любим, чтобы восчувствовать всю его цену.

5. Понедельник. В делах нравственных и житейских не должно предъявлять другому правил, которых сам не в состоянии исполнить.

8. Четверг. Хлопоты собирания на дачу, а между тем переехать нельзя, — всё холода, хотя солнце светит ярко. Но лучше бы оно менее светило, да более грело.

Многое есть в природе, что и не снилось нашим мудрецам, а много есть такого, что они одни только и видят — во сне.

17. Суббота. Переезд на дачу в Павловск, на углу Правленской улицы и Бульварной, дом Седерберга, вместе с дядею Марком. Мои уже там, я остался еще здесь до вторника.

Кончил речь для пятидесятилетнего юбилея В. Я. Буняковского, которую Академия поручила мне произнести. Это будет в следующий понедельник, 19 мая. Беда писать эти речи: в них нужно соблюдать особенные тонкости, приличия и проч. Но Буняковский стоит труда, особенно по своему характеру.

Задуман мир превосходно, но исполняется как нельзя хуже.

19. Понедельник. Юбилей академику и вице-президенту В. Я. Буняковскому в честь пятидесятилетия с того времени, как он получил степень доктора. Торжество было велико. Адресам от разных учебных мест, университетов, речам и всяким другим изъявлениям не было конца. Государь прислал Александровскую ленту и велел производить Буняковскому прибавку к полученной им прежде аренде в 1500 рублей. Выбита медаль в честь его, установлена премия за лучшее сочинение по части математики. Что Буняковский действительно почтенный, прекрасный человек

и замечательный ученый — это совершенно справедливо, и, следовательно, справедливо и воздать ему подобающий почет. Но у нас ни в чем нет ни чувства правды, ни чувства меры. Все становится какою-то фальшью оттого, что преувеличивается непомерно. Бедный Буняковский не знал, куда деться от добродетелей и всех похвальных и высоких качеств, которыми его венчали. Ему оставалась только одна еще добродетель — снести свое величие. Моя речь была всех сдержаннее, хотя, конечно, выставляла на вид все, чем он заслуживает уважение и любовь. Она произвела благоприятное впечатление, и меня удостоили похвал за нее.[330]

Да тут же, кстати, или, вернее, некстати, многие заговорили и о моем юбилее. Противлюсь этому сколько возможно, в глубоком убеждении, что мне вовсе не подобают подобные овации. По этому поводу у меня сложилась сказочка. Один добрый человек, приехавший откуда-то издали, вздумал, между прочим, осмотреть здесь сады, парки и огороды. «Вот, братцы, — сказал он занимающимся этими делами, — я видел, как усердно вы работаете над капустою, картофелем, репою, огурцами и другими такими ‹же› полезными вещами: они выходят у вас прекрасные. Все это хорошо потому именно, что полезно. Но зачем у всех занимающихся этим родом культуры такая односторонность? Знаете ли вы, зачем я прибыл сюда? Я хочу развести здесь ананасы, померанцевые и лимонные деревья». Слушавшие улыбнулись и ничего не отвечали. А между тем новый деятель купил землю, начал ее всячески взрывать, удобрять и насаждать свои прекрасные растения. Но вышло то, чему надлежало быть. Все его насаждения пропали от мороза и жестоких северо-восточных ветров. Земля оказалась также вовсе неспособною принять то, что ей навязывали. Труд и издержки пропали даром, и, конечно, жалкий предприниматель остался ни при чем. Скажите же, друзья мои, следует ли ему воздвигать за его, впрочем, добрые намерения памятник? И сам он разве поверит, что заслужил его? Примените это прямо ко мне, и выйдет, что я совершенно прав, не соглашаясь на мой юбилей. Ведь я то же делал, что этот добрый, но нелепый садовник, проведя всю жизнь свою в насаждении в умах возвышенных нравственных идеалов, понятий о человеческом достоинстве там, где в них вовсе не видят надобности. Вместо картофеля и капусты я хотел разводить лимоны и померанцы.

Хорошо еще, что меня совсем не прогнали, а относились ко мне великодушно, давали мне хлеб, без сомнения видя во мне забавного ребенка.

Делянов более всех расточал мне любезностей и за мою речь и за биографию Муравьева, напечатанную в министерском журнале.[331]

Обед был, как обыкновенно, шумный и со множеством спичей, которые, разумеется, под влиянием шампанского были еще великолепнее. ‹Я. К.› Грот, впрочем, сказал очень милую вещь, выкопав где-то стихи, которые некогда писал Буняковский. Они и послужили ему темою для искусного оборота, что Виктор Яковлевич не был односторонним ученым.

20. Вторник. Вот и я на даче. Она мне очень понравилась. Мой кабинет прелесть. Мои домашние приняли все меры к его выбору и устройству. Право, они меня балуют.

22. Четверг. О жизнь, пучина недоумений, сомнений и тревог! Тщетно бедный ум силится понять тебя! Что ты такое для мириада мириадов существ? Что такое ты для человека, на долю которого выпали нескончаемые страдания и нестерпимая жажда истины и внутреннего успокоения? Вера, вера и вера! Но как заглушить в себе голос сочувствия к этим бесконечным бедствиям, удручающим человечество, для которого один конец, одно утешение — смерть? А надежда будущей жизни? Да! Она тоже истекает из веры.

24. Суббота. Кстати подвести теперь итог моего здоровья за весь год, от дачи до дачи. Во все это время оно было хорошо, кроме изредка посещавших меня головных болей, от которых я по вечерам избавлялся стаканами двумя крепкого чая. В последний месяц меня преследовал кашель, да раз, ни с того ни с сего, поднялись было колоти в груди. Толчки, вследствие выдуманной мною системы спанья, являлись реже. Зато глаза меня озабочивали.

25. Воскресенье. Великолепная гроза, проливной дождь, теплота, деревья облеклись в радостные зеленые одежды, благоухание в воздухе. Настоящая весна.

Не отгоняй немногих светлых минут, когда они как-нибудь случайно забегут в твою душу, опасениями возможности грядущего зла или обычною мрачною мыслью о ничтожестве и непрочности всего радостного на земле. Пусть это будет хоть не более, как станциями на тернистом пути жизни. Надобно же иногда отдохнуть и переменить лошадей.

В сердце человеческом столько накопляется нечистот всякого рода, что никакой Ф. Ф. Трепов не в состоянии их очистить.

27. Вторник. В городе, в заседании комитета правления ‹Академии наук›. Выручил у ‹К. С.› Веселовского мою речь (приветствие Буняковскому) и отдал ‹В. П.› Безобразову для напечатания в «Новом времени». Этого желал и Виктор Яковлевич.

На свете дивные бывают приключения. Таковое случилось с «С.-Петербургскими ведомостями». Вот уже несколько дней они не выходят так, сами по себе, а не по цензурному воспрещению. Забавнее всего, что вы получаете лист за заглавием: «С.-Петербургские ведомости, газета политическая и литературная», а под ним красуются объявления о продажах, покупках и проч., и только. Что же это значит? Редактора не имеется: ‹Е. А.› С‹алиас› удалился в Москву, и остался один издатель ‹Ф. П.› Баймаков. Этот злополучный издатель шесть раз избирал и представлял редактора: ни одного из них не утверждали — то министр народного просвещения, то министр внутренних дел. Эти высокопоставленные господа, очевидно, забавляются недоумением публики и отчаянием издателя, быстрыми шагами идущего к разорению. А кто же виноват в этом? Конечно, сам Баймаков. Всякий человек, встретив на пути своем лужу, обходит ее, а этот прямо влез в нее. Да это и не лужа, а целое болото. Мудрено ли, что он завяз в нем по шею, карабкается и не может никак из него выбиться.

28. Среда. Холодновато. Целую ночь шел дождь. А все-таки похоже на весну. Сирень готова совсем расцвести. Наш садик прелестен. Тут, между прочим, есть огромная яблоня с бесчисленным множеством ветвей. Она до того покрыта цветами, что листьев совсем не видно.

29. Четверг. Можно ли иметь какое-нибудь доверие к науке, проповедуемой немецкими устами, после того как немецкие ученые Блюнчли, Гнейст, первоклассные знаменитости, стараются оправдать и возвести в принципы наглое покушение Пруссии напасть на Францию без малейшего со стороны последней повода? Франция, видите, занимается устройством своих военных сил, она хочет мстить Германии за недавно нанесенные ей поражения, а поэтому Германия должна ее предупредить и дотла разорить ее, чтобы она уже не имела ни войск и никаких средств к отмщению или к защите. Слыхана ли была когда-нибудь такая логика?

Тщетно Франция доказывает, что, заботясь о своих внутренних делах и возводя войско свое на степень, соответствующую великой державе, она вовсе и не помышляет о войне. Значит, ни одно государство в Европе не может заниматься своими внутренними делами, не спрося на то согласия г. Бисмарка. Ведь в таком смысле отнесся он и к Бельгии и к Италии. И вот ученые и высокомыслящие люди немецкие пустились научным образом доказывать справедливость такой разбойничьей политики. И война во Франции была бы неизбежна, и потоки крови полились бы снова, и открытый грабеж германских рыцарей пронесся бы губительным ураганом по лучшей части Европы единственно потому, что так угодно Бисмарку. Могут ли далее простираться политическое высокомерие и алчность нации, которая так много толковала о прогрессе науки и цивилизации! Облагородила ли сколько-нибудь и очеловечила ли их наука? К счастью, на этот раз у России нашлось столько здравого смысла, что обожание Пруссии не помешало ей, как говорится, несколько окрыситься на ее замыслы, и Англия тоже вошла в свою роль великой державы и решительно подняла и свой голос против предпринимаемого разбоя в Европе.

У всякого найдется довольно способности, чтобы повредить полезному делу или начинанию; помочь ему — другое дело.

Июнь 1. Воскресенье. Дурно прощается с нами май. Последние его дни холодны и дождливы. Вот тем же приветствует нас и июнь.

Когда человек приближается к концу, он чувствует то же, что зритель в театре по окончании пьесы. Все, что казалось ему таким действительным на сцене жизни, что возбуждало его участие, представляется ему сущим вздором. Все это комедия, обман, выдумка, опасная игра. В заключение серьезною оказывается одна вещь, — опущение занавеси, смерть. Умирая, Август-император сказал окружающим его: «Друзья! Пьеса сыграна, — рукоплещите». Тоже один знаменитый человек, кажется, Мориц Саксонский, перед смертью произнес: «Друзья! Какой прекрасный сон видел я!»

Речь моя напечатана в 129 номере «Нового времени». Я отовсюду слышу о ней самые лестные отзывы.

5. Четверг. Правительство в больших заботах: говорят, в губерниях найдено множество разных воззваний к народу

революционного свойства. Беспрестанно забирают распространителей их. А между тем всеобщая деморализация растет все более и более во всех слоях общества. Если это правда, то положение наше очень печально. Что должна делать тут интеллигентная часть общества? Она должна дружно противодействовать этому разрушительному, разлагающему направлению. Правительство должно это понять и привлечь к союзу с собою эту лучшую часть общества. Вот почему, например, проект о лишении университетов их прав чрезвычайно несвоевременен.

Я имел длинный разговор с Деляновым. Он описывал мне подробно печальное состояние наших университетов, их полнейшую деморализацию, будто бы в сословии самих профессоров. Это-то, по его словам, вынуждает министерство ограничить автономию их. Но время ли к этому? Никак не следует принимать крутых мер.

Мы, книжные люди, думаем, что нужна истина, чтобы общества жили добропорядочно и благополучно по возможности. А вот Китай более 4000 лет живет ложно... Дело не в истине, а в убеждении и вере. Если вы верите во что-нибудь, что это истина, то верование ваше обеспечивает известный порядок вещей, — и это все, что нужно.

Природа в отношении к человеку — страшный деспот. Если она преследует тебя, — удирай от нее по возможности: настигнет — беда! Приспособляйся к ее велениям и законам, как умеешь.

11. Среда. Одна из остроумнейших пословиц, выражающих здравый смысл народа, это — «до бога высоко, а до царя далеко».

Человек долго может следовать одному направлению вследствие какой-нибудь укоренившейся в нем идеи. Все другие стремления, не подходящие под нее, он заглушает в себе. И чем овладевшая им идея кажется ему возвышеннее, тем становится он недоступнее другим внушениям, хотя бы это были внушения сердца или разума. Она увлекает его все далее и далее, пока не натолкнет его на роковой кризис. И тут только обнаруживается, что он остается все-таки человеком с многосторонними требованиями его природы: они вступают в свои права.

15. Воскресенье. Тревога: недалеко от нас в два часа ночи произошел пожар, возле так называемого Монмартра. Сгорели пять домов и лютеранская церковь. Я не спал до двух часов, но не слыхал ни малейших признаков начав-

шейся беды, также и мои домашние. Только поутру, в 8 часов, узнали о случившемся. Следовало бы, кажется, как-нибудь давать знать публике о пожаре; иначе могут люди сгореть у себя в постели. Прежде звонили в набат, но это почему-то отменено. В небольшом деревянном городке нужно спящих пробуждать, это не то, что в Петербурге. Да и там Трепов завел колокольчики у пожарных, когда они едут тушить пожар.

18. Среда. В сегодняшнем 166 № «Голоса» напечатан циркуляр министра народного просвещения чрезвычайно замечательный по его бестактности. [332] Тут разом три ошибки: первая в том, что нельзя слегка и голословно говорить о таком важном обстоятельстве, как распространение у нас революционных идей и действие революционной пропаганды в 37 губерниях. Нужно, чтобы правительство сделало известным судебное расследование, которое производится по этому поводу. Говорят, что забрано более 500 человек, а мы, кроме слухов, конечно, более или менее преувеличенных, ничего о том не знаем. Если общество в опасности, то как же о том не знать обществу? Вторая ошибка: объявление войны между школою и семьей. В-третьих, не может же не знать министр народного просвещения, что враждебному настроению общества против школ он сам много содействовал крайними и крутыми мерами в проведении учебной реформы. Наконец, тон всего циркуляра отличается каким-то презрением к обществу, которое, по мнению его автора, ничего не смыслит и вполне невежественно. Положим, что так; но разве можно просвещать его и руководить им такими мерами, какими хочет граф Толстой? Разве можно насилием просвещать умы и созидать убеждения? Так поступал Петр Великий, но то был Петр Великий. Да и не те условия были, среди которых действовал он. Не те задачи, не те цели, не то время.

21. Суббота. Циркуляр графа Толстого произвел всеобщее удивление и негодование.

Дело о Медицинской академии окончательно решено. Она остается за военным министром. Принято со всеобщим удовольствием. [333]

Не надо изображать людей только с худой стороны: они сделаются еще хуже, чем есть.

26. Четверг. Из всех человеческих пороков, им же несть числа, самые непонятные по их глупости: скупость и высокомерие.

Июль 1. Вторник. Силою воли многое можно превозмочь, — даже страх смерти.

Способ, не обещающий желаемого успеха в деле, есть самый дурной способ. Это особенно важно в отношении к делам государственным.

Хорошо чье-то выражение относительно невозможности человеку познать первоначальную основу жизни: поднять самого себя за пояс.

Есть люди, которые сомневаются во всем, кроме того, что сами выдумают или скажут.

8. Вторник. Действительно, отвратительная вещь — эта пропаганда наших революционеров. Они проповедуют уничтожение семейства, собственности, всех начал, на которых держатся общества человеческие. И разумеется, этим только достигают одного, — что восстановляют против себя и своих умствований всех людей, у которых есть сколько-нибудь здравого смысла. Говори они о злоупотреблениях нашей администрации, о ее произволе, воровствах и т. п., они имели бы на своей стороне порядочных людей, то есть, стремясь к возможному вместо невозможного, они могли бы пробудить в сознании общества и решимость на что-нибудь также возможное. А теперь своей коммунистической и социалистической оппозицией они только вредят делу разумной свободы и разумного преуспеяния. Лучше администрация такая, какая есть, чем анархия.

Природа делает людей существами разумными, а дураками они делают сами себя.

10. Четверг. Кризис есть меч обоюдоострый: он рассекает узлы, но часто и ранит тех, которые его вызывают, а чаще всего портит самые нити, из которых связался узел. Таковы всегда бывают преднамеренные кризисы.

Все-таки лучше, если правитель бывает окружен представителями народа, чем своим двором.

12. Суббота. Решено, говорят, созвать нотаблей для принятия мер против наших революционеров и пропагандистов. Будет созвано по три депутата из дворян или выборных. Чего можно ожидать от этой меры? Если эти депутаты будут вполне проникнуты консервативным духом, то не захотят ли они закрепить опять крестьян, навязав им вотчинное, помещичье управление и полицейскую управу? И последнее будет горше первого. А вернее всего, может случиться то, что большею частью у нас случается: сойдутся, потолкуют и разойдутся, а вещи останутся так, как были. Говорят,

что созвание депутатов от дворянства предложено Валуевым.

13. Воскресенье. Известие о созвании депутатов от дворянства оказывается ложным. Велено только по губерниям дворянам заняться изысканием мер против революционных пропагандистов. Вот наделают-то дела! А особенно когда они наставления и внушения будут получать от такого великого государственного человека, как *** ‹Тимашев›.

18. Пятница. Появился отчет о суде сената по делу лиц, распространявших революционные идеи между рабочими на фабриках в Петербурге и в гвардейском Московском полку.[334] Все эти революционеры, то есть главные зачинщики, — молодые люди, студенты университета и Медицинской академии. Они проповедовали бунт против государства; уничтожение собственности, всякого правительства, то есть полного социализма и коммунизма. Не знаем, чему тут удивляться более — дерзости или нелепости. Однако все это не может не повлиять на серьезные идеи и их причины.

19. Суббота. Правда состоит не только в том, чтобы не прибавлять к вещам того, чего в них нет, но и в том, чтобы не умалчивать о том, что в них есть.

25. Пятница. Составлена записка о тех результатах, которые добыты исследованием революционной пропаганды. Почему-то она держится в секрете. Зло залегло, кажется, гораздо глубже, чем может показаться. Пропаганда организована систематически и разделяется на группы: их, главных, три, но они раскиданы по всему государству. То, что она проповедует, то есть ее основные коммунистические и социалистические догматы нелепы. Но дело не в этом, а в том, что вообще господствует сильное неудовольствие против существующего порядка вещей и это неудовольствие питается всякими идеями, обещающими противодействие этому порядку. Циркуляр министра народного просвещения сетует на то, что эти идеи находят себе поддержку в обществе и в семействах. Но притом забывают, что одною из главных причин этого неудовольствия послужила знаменитая реформа учебной... *

Брошюра князя Васильчикова, — письмо к графу Толстому, министру народного просвещения, — тем хороша, что

* Фраза обрывается на половине, так как в рукописи утрачена страница, содержащая записи последних чисел июня. Следующая страница начинается также с полуфразы: «...в Павловск ночью, в поезде половина 12-го, вместе с дождем».

ничего нового в себе не содержит. Все, что в ней говорится, — думается и говорится всею Россией.[335]

При самом начале пресловутой классической системы я утверждал, что она скоро лопнет вследствие своей внутренней несостоятельности и насилия, с которым она проводится вопреки здравому смыслу и общественному мнению. Сила самых вещей сломит это порождение индивидуальных мнений и произвола. Но то все таки худо, что при этой сломке могут разлетаться осколки, которые, чего доброго́, многих могут ранить и изувечить.

Смешно и глупо видеть один нигилизм в движении, распространившемся в 37-ми губерниях. Это — странное пробуждение народного духа, которое стремится к выходу из того безобразного состояния, которое господствует у нас в администрации. От исправников и становых приставов мы поднимаемся к лицам высокопоставленным и требуем от них общественных дел, а не их богатства и комфорта. Это весьма естественное явление в обществе, которое живет и хочет жить. Тут нет революции, а просто переход от глупого к более умному, от всей этой неправоты всякого рода к справедливости. Что касается до коммунизма и социализма, то это просто фигура преувеличения, гипербола, неизбежная при всякой неурядице.

Август 6. Среда. До сегодняшнего дня август был похож на июнь и июль. Были по временам дожди, и очень крупные, но за ними тотчас становилось светло и тепло. И сегодняшний день не дурен.

10. Воскресенье. Древнеклассическая литература и язык действительно составляют нечто законченное. На закончен ли дух человеческий с его стремлениями так, чтобы далее этих классических литератур ему никуда и не следовало бы идти? Вот о чем следовало бы подумать графу Толстому и его московским внушителям, когда они установились в мысли, что классицизм есть самое лучшее цивилизующее начало.

13. Среда. Будь наша государственная администрация другая, то что могли бы сделать агитации наши и кто захотел бы одобрять их, хотя внутренне? Но беда в том, что она, то есть особенно высшая, вся состоит из искателей фортуны, людей продажных или ограниченных, которых все соображения сводятся к одному: «Что я этим выиграю по службе?» Они притворяются лично преданными, в сущности же они преданы единственно своим

личным интересам. Самое большое зло, что к такой администрации никто не питает ни доверия, ни уважения.

Вот, например, министр юстиции сильно заботится тем или другим образом вытеснить из судебных институтов людей достойных, дабы ослабить эти институты и привести их в упадок, ибо они ему не нравятся. Личная преданность все извиняет и на все уполномочивает.

Россия не была государством до Петра Великого. Это было скопище людей без всяких связующих идей, без всякого понятия о праве и обязанностях, которое одно существенно отличает государство от толпы. Во главе стоял царь — не государь, а господин; подвластные ему люди не были подданные, а рабы. Явился беспримерный плотник, который из этого материала срубил топором государство.

16. Суббота. Август, как говорится, ни то ни се: выпадают дни ясные, иногда дождь-ливняк, вообще довольно холодно, особенно по вечерам.

«Это все теория», — сказал один практический господин своему приятелю, рассуждавшему с ним о важных предметах. «А что такое теория?» — спросил он в заключение презрительным, доктринерским тоном. «Теория, — отвечал его приятель, — это такая вещь, которой глупцы не понимают».

Это одно из тех нравственных и умственных ничтожеств, из которых в России делают генералов и министров.

26. Вторник. Настоящая новая история России начинается с отменой крепостного состояния. До этого времени народа русского не было, а были: царь, дворянство или помещики и чиновники.

Все говорят о боге, а живут так, как будто его совсем не было.

30. Суббота. Суматошный день. Поздравлений было множество, — я устал, принимая их и отвечая. Телеграмм получено пять. Приезжали из Царского Села. Прекрасные букеты. Никогда в этот день у меня не было такого привала людей.

Сентябрь 10. Среда. Я люблю читать биографии великих людей, особенно прославившихся на поприще умственной деятельности, и размышлять о них. Знакомство с ними укрепляет и возвышает душу. Оно производит на нее то же действие, какое мы испытываем физически, когда дышим воздухом на вершине высоких гор. Мы чувствуем себя нравственно здоровее, бодрее, разумнее в их присутствии.

Я не верю в так называемые переходные состояния. Всякий век есть переход к другому, и каждый хлопочет за себя и устанавливается по-своему, как умеет и как велит судьба. Он колеблется, — значит, живет. Это главное.

Более всего познал я человеческое ничтожество из обращения с людьми так называемыми интеллигентными, литераторами и учеными. Тут только вполне узнаешь, до какой степени человек лжив, мелочен, самолюбив, высокомерен и проч. И все это от того, что каждый из этих людей считает себя умнее всех остальных.

18. Четверг. В «Голосе» мой бедный ‹О. Ф.› Миллер обруган за то, что осмелился (в «‹Русской› старине») сказать о Гоголе, что как человек он был дрянной человек. [336] По статье «Голоса» выходит, что Гоголь был человек дрянной, да отличный писатель, а до нравственности его никому нет дела. Вот видите, человеку даровитому все позволено, — он может быть гадок, сколько душе его угодно. Это его право. Нравственный характер у этих господ, современных русских передовых людей, нипочем, — будь только их приход. Мой сапожник очень хорошо шьет сапоги, но он вор и мошенник. Об этом надобно молчать. Этого они требуют и от истории знаменитых людей. Нет нужды, что эти знаменитые люди поступками своими опровергают все то, что проповедуют словами.

20. Суббота. Власть есть самая привлекательная игрушка для детей. Редкий из получивших ее употребляет ее не для своей забавы. Она такая красивая, что из-за нее легко забыть, что на свете есть что-нибудь, кроме игры в нее.

26. Пятница. Сегодня был у меня Ламанский (В. И.) с предложением от литераторов взять на себя председательство в комитете, который намерен что-то издать в пользу несчастных герцеговинцев. Я, разумеется, согласился, хотя и сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь вышло. [337]

Вечер прошел приятно, в беседе с ‹Я. М.› Неверовым.

Исправление и очищение нравов возможно только тогда, когда заботящиеся об этом заимствуют нравственные идеалы из внутренних оснований общественного духа и передают их другим как образцы, воодушевляющие сердца и служащие им примером.

30. Вторник. Собрание Славянского комитета и комиссии для издания литературного сборника в пользу герцеговинцев. По моему убеждению, из этого ничего не выйдет.

Прежде всего нужны материалы, статьи, а их нет. «Будут», — говорят. Увидим.

Октябрь 12. Воскресенье. В толках о сборнике в пользу герцеговинцев никакого толка нет. Однако собирают статьи.

22. Среда. Заседание комиссии для составления сборника в помощь герцеговинцам.

Добраться кое-как до могилы без больших дорожных неприятностей, сохраняя по возможности бодрый вид, — вот все, что мне теперь предстоит.

Чувствовать свое ничтожество и не склониться под его бременем, — не правда ли, что это своего рода достоинство?

Если платье вам не впору, его можно еще носить по крайней мере без большого огорчения. Но если сапоги жмут вам ноги, да еще с мозолями, то приходится плохо. Поневоле иногда вскрикнешь и пошлешь к черту сапожника, сшившего вам обувь не по ноге. Однако и с этим надобно кое-как ладить: не в лапти же обуться!

23. Четверг. Заседание в Обществе христианского просвещения. Ф‹илиппов› прочел очерк о жизни и трудах ‹А. В.› Горского. Он буквально осыпал цветами его могилу. Потом ‹И. Т.› Осинин прочитал тоже род похвального слова Попову, бывшему священнику при нашей миссии в Лондоне, человеку, впрочем, вполне заслужившему уважение и любовь всех его знавших, в том числе и мою, своими нравственными качествами. Он же, Осинин, прочитал в отчете о Боннской конференции старокатоликов, где он был в числе наших делегатов. Дело шло о соединении нашей церкви с старокатолическою. Главный вопрос, затруднявший это соединение, касался святого духа. Прения, происходившие по этому предмету, чрезвычайно любопытны. Дело в том, что никто ничего не знает о святом духе, и от отца ли он исходит или от отца и сына. Странно видеть, как люди, кажется серьезные, с важностью ловят воздух руками и думают, что они что-то в них держат.

Впрочем, если существует общество, то есть церковь, то надобно же, чтобы она утверждалась на чем-нибудь. А что такое это *что-нибудь*, — это совершенно все равно. Лишь бы верили и твердо стояли. Без истины можно жить, но нельзя жить без убеждений.

28. Вторник. Всяким новейшим непрошенным учителям я сказал бы: «Господа! Ведь вы ничего не знаете относительно высших вопросов, в решении которых стараетесь

меня убедить [illegible] право думать самому за себя [illegible] ничего не знаю. Но по крайней мере я не играю роли невежды, который отвергает все то, чего не знает и чего узнать не может».

На днях, в пятницу, заезжал ко мне князь Дмитрий Александрович Оболенский с просьбой пересмотреть издаваемые им записки из его семейного архива, где, между прочим, очень много содержится любопытных подробностей о ‹Ю. А.› Нелединском-Мелецком. При этом князь прочитал статью князя П. А. Вяземского, которая будет приложена к книге. Эта статья прелестна по остроумию, изяществу и свежести изложения, несмотря на 83 года автора. Ее выслушали вместе со мною Любощинский (дядя Марк), Небольсин (Григорий Павлович) и Воронов. [338]

Ноябрь 5. Среда. Самое скверное из современных нравов, при полном отсутствии веры во что-нибудь высшее и нравственное, — это своего рода презрение к жизни. Не понравилось то или другое, или слишком что-нибудь понравилось, да не дается в руки — трах! Застрелился, повесился или утопился.

Обедал у князя Д. А. Оболенского вместе с академиком, моим сотоварищем, ‹Я. К.› Гротом. Мы вместе рассматривали приготовленные князем записки о ‹Ю. А.› Нелединском-Мелецком.

6. Четверг. Заупокойная обедня и панихида по графе А. К. Толстом. Я пришел рано, когда обедня еще не начиналась. Тут было несколько литераторов: Гончаров, Краевский, Стасюлевич, Миллер (Орест), Костомаров. А. К. Толстой был одним из даровитейших наших поэтов и моим хорошим знакомым.

17. Понедельник. Пошлы общие места, что все на свете превратно, особенно человек, но с ними приходится на каждом шагу ведаться. В пятницу прошедшую у меня было человек 15 гостей, и между ними мой дорогой, старый друг А. С. Воронов, не подававший никакого признака или предзнаменования того, что случилось с ним вечером в субботу на педагогическом собрании. Случившееся с ним ни более ни менее, как удар, отнявший у него половину тела с левой стороны. Сегодня я заезжал к нему, но он до сих пор остается в гимназии (во 2-й): его нельзя трогать, чтобы перевезти домой. От служанок я узнал, что ему не лучше, а главное, что он не говорит. Вся семья, разумеется, там около него. Попозже поеду в гимназию.

Был у Воронова, но не мог его видеть. Он не пришел еще в сознание и не владеет языком. Бедное семейство в отчаянии. Я просидел с ним долго, стараясь, разумеется, сколько можно умягчить его тревоги и скорбь. Положение Андрея Степановича гораздо опаснее, чем я думал. Более всего боятся за мозг. Он все еще лежит в гимназии. Состояние его таково, что его нельзя тронуть с места. Все это тяжело легло на мое сердце. Кроме многолетней дружбы, меня с ним связывавшей, я всегда находил в нем лучшего из людей. Он соединяет в себе здравый и просвещенный ум с редкою добротою и кротостью сердца.

19. Среда. Трудно решить, чего более люди достойны — презрения или сожаления. Дело в том, каким оком мы на них будем смотреть. Если оком холодного ума, — их нельзя не презирать; если оком сердца, — станешь глубоко сожалеть о них. Человеку мыслящему и великодушному чаще всего приходится колебаться между тем и другим.

Мы бог знает чего ожидаем и требуем от жизни, а она в состоянии дать нам только страдания, несколько мимолетных радостей и смерть.

22. Суббота. Умер Андрей Степанович Воронов. Общество лишилось в нем одного из благороднейших своих членов, а я — лучшего и в настоящее время единственного человека, которого мог безопасно и доверчиво назвать своим другом. Говорили, что ему несколько стало лучше, и сегодня я отправился к нему поутру с этою доброю надеждою. В швейцарской я встретил зятя его, ‹И. А› Новикова, и он объявил мне, что Андрей Степанович уже не существует. Я вошел в залу. Там вокруг его смертного одра сидело его семейство — жена и дочери, — погруженные в невыразимую скорбь. Лицо его было открыто — тихое, спокойное, только какая-то грустная улыбка как бы застыла на его губах. Она как будто говорила: вы видите, что все это вздор, мечты. Слезы хлынули из моих глаз, я поцеловал его в голову. Какое честное сердце было у этого человека, какой светлый, здравый ум! Всякому, кому он мог сделать одолжение, добро, он делал их, сам того не подозревая. О нем можно вполне сказать: «Человек без упрека». И это истина без малейшего преувеличения. Вся жизнь его была посвящена образованию его сограждан, и он пал в честном бою за это святое дело. Против него поднялась целая буря по поводу его проекта об обязательном учении. Нашлись люди, которые сочли себя обиженными, что нашелся человек,

который возбудил к себе общее и внимание и сочувствие делом, которое не они затеяли. На каждом шагу бедный Воронов от своих же интеллигентных собратий встречал возражения, совершенно нелепые и недоброжелательные: да что? да как? да почему же? и проч. Я просил его не придавать этому цены, — за него все честные и умные люди. К сожалению, он слишком горячо принимал все это к сердцу, и когда в субботу в этом бестолковом педагогическом собрании начали делать ему грубо возражения, на которые у него и были самые удовлетворительные ответы, с ним произошел удар, кончившийся вот чем. Может быть, люди и не произвели этого, но нет сомнения, что они ускорили катастрофу.

24. Понедельник. На похоронах Воронова. Бесчисленное множество карет, людей на выносе. Многие сопровождали гроб до могилы на Митрофаньевском кладбище. Общее участие. У людей бывает почти всегда так: не оценят и, если можно, повредят ближнему живому, но мертвому воздают должное его заслугам и нравственным качествам. Я говорил с министром; очень сожалел. Впрочем, надобно отдать справедливость графу Толстому, еще живому, что он умел ценить и уважать Воронова, хотя этот изъявлял и печатно и письменно свои реальные идеи против крайнего классицизма. Я проводил моего покойного друга до кладбища, где выслушал и заупокойную обедню.

Не заглядывай слишком в будущее, — там ничего для тебя нет, кроме уничтожения.

29. Суббота. Дня три тому назад, как к сильному кашлю присоединилось у меня еще нечто небывалое в груди — какое-то стеснение в дыхании по временам, между тем как грудь совершенно в порядке и нет никакой боли.

30. Воскресенье. Ночь провел дурно. Впрочем, я вообще сплю мало. В груди не только не лучше, а, кажется, хуже.

Декабрь 1. Понедельник. Мало улучшения в груди. Слабость в теле.

6. Суббота. Кажется, лучше в груди, только кашель по временам. Однако доктор ‹В. В.› Бессер запретил выходить еще дней пять. По нынешнему холодному времени он боится воспаления.

9. Вторник. В первый раз вышел на воздух. Погода теплая — один градус холода. Проходил 40 минут; чувствовал все время усталость.

11. Четверг. Средина хорошая вещь, только не в нравственном самообладании. Тут невозможны компромиссы: тут безусловно надобно все покорить, или, увлекшись одним чем-нибудь, сделаться покоренным во многом, — а затем всякая гадость внутреннего самонедовольства. Я давно и постоянно над этим работаю и глубоко убежден, что это единственная опора для меня в нынешнем моем положении, и внутреннем и внешнем.

Дневник мой, право, единственный у меня друг.

12. Пятница. Газеты, гостиные, улицы наполнены толками об овсянниковском деле. 5-го декабря произнесен над Овсянниковым приговор: Сибирь в отдаленные места ему, и каторга на 9 и 8 лет его сподвижникам.

Публика довольна решением суда и присяжных, которые много выиграли этим в ее глазах. Вот, дескать, и миллионы не помогли. Это правда. О нем говорят, что вообще он скверный человек, и поджог мельницы не есть единственное его преступление. В сущности он один из многих у нас, наживших миллионы разными неправдами. Этот, несмотря на свой ум, попался, тогда как другие выходили чисты, чуть не святы с помощью купли разных чиновников, мелких и больших.

Науке принадлежит действовать с ее законами, искусству — идеалы с их олицетворением.

22. Понедельник. Кашель усилился ночью.

Мы точно какой-то азиатский кочующий народ: едва успеем раскинуть где-нибудь наши учреждения, как нам велят опять сниматься с нашего места, снова собираться в дорогу. Приходится опять прятать в чемоданы все, что нам дали или что мы успели приобрести, и вот мы снова странствуем по пустыне, словно в поисках обетованной земли. В сущности мы номады и бродяги среди цивилизованного мира.

1876

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Продолжительная тяжкая болезнь привела меня за границу. Говорили медики и не медики, что там найду я и утраченную мною энергию в теле и аппетит, которого я лишен вот уже месяца два. Привыкнув не доверять ничему вполне, я не знаю, будет ли это так, да и кто в состоянии сказать, что что-либо будет так, как он желает или предполагает? Однако как в Петербурге, суровом и мрачном, ничего лучшего тоже не предвидится, то я решился ехать, хотя и вовсе не охотно.

Лица, более всего способствовавшие к дарованию мне отпуска и средств к поездке за границу, были президент Академии наук граф Ф. П. Литке и министр народного просвещения граф Д. А. Толстой. К ним присоединился и министр финансов ‹М. Х.› Рейтерн, который подносил о том доклад государю.

Вообще во все время моей болезни я был предметом постоянного и живого сочувствия многих, даже таких лиц, о которых у меня были только смутные понятия, да и они, я думаю, не имели обо мне других. Образовалась какая-то нравственная связь между мною и ими. Тут были и мужчины и женщины. Неужели же это правда, скажет пессимист, что людей могут соединять, кроме взаимных выгод, и другие, более возвышенные убеждения и идеи? Выходит, что это правда. Радуюсь от глубины души и за себя и за человеческое сердце. Впрочем, и ранее этого многие опыты собственной моей жизни доказали, что, как говорится попросту, свет не без добрых людей, и хотя эти люди попадаются не часто, однако они существуют и будут всегда

существовать, как утешительный протест против общего хода человеческих вещей.

30 марта, во вторник, я был уже в вагоне Варшавской железной дороги.

От Петербурга до Пскова и даже за Псков мы ехали еще между полями, покрытыми снегом с небольшими проталинами пожелтевшей прошлогодней травы. Около Вильно начали кое-где показываться первые признаки травы, предвещающие весну, и на деревьях почки, и подвигаясь к Варшаве, они становились явственнее.

В Варшаву мы прибыли 31 марта, в среду, в 9 часов вечера. Здесь встретил нас А. К. Шенебеер с женою и сестра его С. К. Они оказали нам столько доброжелательства и услуг, что мое сердце никогда их не забудет. Все: удобная квартира в отеле, экипажи для переезда со станции, доставление багажа, — все было устроено ими как нельзя лучше. Эти наши друзья не оставляли нам услуживать во все время пребывания в Варшаве и точно так же при отправлении из нее в дальнейший путь приняли на себя все заботы, как и при въезде в нее.

Четверг и пятницу 1 и 2 апреля пробыли в Варшаве. В эти дни нас, кроме Шенебеера, несколько раз навещал Благовещенский. Дружеские беседы с ним были для меня очень приятны.

С сердечным приветом была у нас также А. С. Балицкая, а за нею мой старый слушатель и приятель Петр Карлович Щебальский, директор училищ Варшавской губернии.

Я выехал из Варшавы в 7 часов утра в субботу, накануне светлого Христова воскресенья, и в пять часов этого праздника я был уже в Вене. Верст за 200 от Варшавы нас начал сопровождать снег, покрывший поля белою пеленою. Но ближе к Вене природа принимала уже более весенний вид. На деревьях и полях показывалось более и более зелени.

Строки эти я пишу уже в Вене, в «Гранд-Отеле».

Вчера, то есть во второй день праздника, я в коляске ездил по городу и с полчаса гулял пе[illegible] в городском саду в первый раз в теплом пальто. День был ясный и довольно теплый, хотя и с ветром.

Праздничные дни мы, разумеется, проводим в скуке и в воспоминаниях о наших дорогих родных. Днем я читаю вещи серьезные, взятые мною из дому: Милля, историю философии ‹К.› Фишера и проч.[330]

5 го, в понедельник. был у меня священник нашего посольства ‹М. Ф.› Раевский, очень ненадолго. Он обещал еще зайти ко мне. От него надеюсь я узнать, что делается в мире политическом.

Быть нравственно великим значит сносить мужественно всякую скорбь, посылает ли ее нам природа или судьба. Это нравственное величие было идеалом всей моей жизни, и теперь постыдно было бы, неблагородно и глупо не ожидать от него подкреплений в моих физических страданиях. Итак, к нему, к нему!

Апрель 8. Четверг. Гулял по Пратеру в коляске, а потом пешком в общественном саду. День прекрасный, летний, хотя и с ветром, но южным, теплым. Деревья почти все распустились, кроме очень старых каштанов и тополей.

9. Пятница. Приготовляемся к отъезду в Венецию. Чтобы не подвергаться усталости, намерены останавливаться, проезжая не более семи часов. Сперва остановимся в Граце, а потом — где признаем за лучшее.

В среду вечером посетил меня Раевский и долго у меня просидел. Это очень умный, любезный и много знающий священник. Много любопытного услышал я от него о современных политических событиях. Он во многом винит черногорского князя ‹Николая I›, который из своекорыстных видов содействовал восстанию герцеговинцев. Мне, однако, кажется, что и без возбуждения с его стороны восстание все-таки произошло бы вследствие нестерпимого гнета турков. Любопытно, между прочим, то, что турецкие солдаты до того нищи и голодны, что принуждены продавать оружие и порох герцеговинцам.

10. Суббота. Грац. Переезд от Вены до Граца через Земмеринг сопровождался великолепными красотами природы. Вскоре за Веной с правой стороны начали подниматься небольшие холмы, а потом мало-помалу они начали превращаться в величественные скалы и горы, местами покрытые еще зимним снегом, по обеим сторонам дороги, извивающейся самыми прихотливыми изгибами. Здесь по долине рассыпаны то там, то сям большие деревни и маленькие деревеньки, тонущие в молодой, только что распустившейся зелени. На половине пути, или около того, раскидывается городок Баден, один из нескольких немецких бадеортов. Как милы, опрятны деревенские домики, на которые, увы! так мало похожи наши сельские избы. Кажется, в этих домиках настоящее жилище мира, простоты и семейного сча-

стия. Конечно, это только в моем воображении: и здесь люди страдают так же от нужд, раздоров и терпят скорби, как и везде.

Повсюду страсти роковые,
И от судьбы защиты нет![340]

Как бы то ни было, а по крайней мере по виду в Австрии люди являются в более очеловеченном образе, чем думать можно, судя по ее политическому неустройству.

В некоторых местах долина окаймлена чудовищными громадами гор и скал. Какая сила и когда выдвинула их из недр земли? Геологи говорят, что все это делалось постепенно: кусок на куске, пласт на пласте нарастали в течение веков медленно и неприметно. Между тем тут столько разнообразных прихотливых, уродливых форм, что так и кажется, что все они из своих сокровенных логовищ выброшены были на высоты какою-то огромною роковою силою мгновенно и легли где попало в ужасающем беспорядке.

Грац — значительный город и, по всему видно, богатый. Он лежит тоже в живописном месте, но самая замечательная часть его — гора Глосберг, врезывающаяся одною половиною в самый город. Ее величественная, грозная вершина, плоская совершенно, покрытая лесом, увенчана развалинами древнего замка или крепости. Мне очень хотелось взобраться на эту великолепную вершину, но моим слабым силам это было совершенно недоступно.

11. Воскресенье. Из Граца в Триест.

12. Понедельник. Триест, великолепный, богатый и обширный город, расположен амфитеатром на самом берегу моря. Кругом высокие горы, некоторые из них врезываются в самый город.

Из Триеста 45 минут до Набрезины. Дорога почти вся по карнизу гор. Прекрасные, грозно-величавые виды. Замок несчастного мексиканского императора Максимилиана на выдающемся в море мысу — Мирамар.

13. Вторник. В 7 часов утра из Триеста в Венецию. Отель «Даниэль» возле Дворца дожей и площади св. Марка.

Вечером вышли на площадь св. Марка. Она усеяна была народом: это был праздник дня св. Марка.

Первое ощущение, возбуждаемое Венецией, — это изумление. Венеция кажется огромным великолепным городом, как бы рожденным на дне моря и вышедшем оттуда

во всеоружии богатства, красоты и величия. По улицам его, большим и малым, широким и узким, подобным небольшим трещинам, как по жилам исполинского тела, вместо крови протекают волны того же моря, подступая к каждому зданию и делая возможным доступ к нему только посредством лодки. Это город без зелени и цветов — город камней, гранита и мрамора. В нем нет и экипажей для езды. Во всем городе только четыре лошади, да и те бронзовые, стоящие неподвижно уже несколько столетий на одном из фронтонов церкви св. Марка. Право, кажется, город этот не строился, а выдвинулся из недр моря, как я заметил выше, таким, как он есть, прямо и мгновенно, с помощью какой-то чудодейственной силы. Да и где, на чем и как ему строиться? Для напоминания о суше у него есть только набережная у моря, площадь св. Марка и какая-то насыпь, на которой разведено нечто похожее на сад.

В среду, 14-го, прелестнейший день, настоящее дитя весны и юга. Мы в гондоле проехали по морю до так называемого сада, выдающегося в море мысом. Приятная прогулка.

Четверг и пятница, 15 и 16. Скверная погода — дождь и холод с резким северным ветром, как в Петербурге. В промежутки между этими прелестями мы выходили, однако, и даже по нескольку раз, на площадь св. Марка и прохаживались под арками окружающих ее зданий. Заходили в церковь св. Марка. Внутренность ее величественнее внешности, которая напоминает византийскую архитектуру.

17. Суббота. Презрение к людям, столь явно оказываемое многими высокопоставленными и вознесенными лицами — Наполеонами, Бисмарками и проч., — и несправедливо, и жестокосердно, и безрассудно. Не люди заслуживают презрения, а дела их и судьба.

В эпоху упадка могущества Венеции дож должен был почтительно преклониться перед Людовиком XIV, тогда всемогущим, и для этого прибыл в Париж. Во время аудиенции король спросил у него между прочим, что более всего показалось ему замечательнее и любопытнее в Париже? «Любопытнее всего показалось мне, — отвечал дож, — то, что я здесь». Если бы у меня спросили, что всего замечательнее и любопытнее нахожу я в Венеции, я сказал бы: «самую Венецию».

Воскресенье и понедельник, 17 и 18. Почти весь день на площади св. Марка.

Венеция не есть город настоящего, а город прошедшего. Это великолепнейший монумент некогда громаднейшего могущества, величия, богатства. Его дворцы носят громкие исторические имена; но они пусты. У них нет даже наследственных обладателей. Говорят, большая часть их принадлежит правительству, которое не знает, что с ними делать.

Мраморы этих палат почернели от времени и прибоя морских волн, которые, однако, не в состоянии смыть с них следов истории — может быть, потому, что они были некогда окрашены кровью. Все эти мраморные палаты и дворцы мертвенны, пусты и мрачны. Невыразимо грустно смотреть на царствующее в них молчание, — трагедия сыграна, актеры с пышными именами тлеют в своих гробницах. Так гибнет все человеческое! Только море живет в своих лагунах и камни, возвышающиеся над их волнами. Прощай, Венеция!

Во вторник, 20-го, из Венеции в Верону.

22. Четверг. В Милане, куда приехали в 4 часа дня. Остановились в отеле «Рим».

От Виченцы до Вероны нас сопровождали с правой стороны величественные Тирольские Альпы, которые, только не доезжая несколько до Милана, начали уходить вглубь страны. Удивительные, прелестные долины раскидывались повсюду вдоль железной дороги, беспрерывно мелькали то уютные домики крестьян, то деревеньки и города — Падуа, Пескиера и проч. Тут же разлилось на далекое пространство великолепное озеро Гардо, в конце которого у самой дороги простирался очаровательный ландшафт. Глаз нельзя было отвести от всех этих дивных картин природы. И как тщательно обработаны поля, окаймленные шелковичными деревьями и засеянные кукурузою, которая теперь только что всходила.

23. Пятница. Милан. Знаменитая готическая церковь. Древний монастырь св. Амвросия. Фреска «Тайной вечери» Леонардо да Винчи в церкви св. Марии. Сад. Галерея Виктора-Эммануила. Монумент Леонардо да Винчи. Триумфальная арка Наполеона I. Из всего этого наибольшее впечатление на меня произвели: древний готический собор, «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, хотя с поблекшими красками, но довольно сохранившаяся еще, монумент да Винчи и галерея Виктора-Эммануила — значит, почти все, виденное мною сегодня. А сам Милан? Конечно, я не успел еще его обозреть; однако главные улицы, по которым

мы ехали, показывают уже, что это прекрасный, многолюдный и богатый город.

24. Суббота. С самого утра дождь. Теперь половина одиннадцатого, а он все продолжается. Значит, мои калоши, обращавшие на себя внимание прохожих еще в Венеции, оказываются вовсе не лишними.

В Венеции чрезвычайно много бедных. Вам беспрестанно встречаются женщины и девушки скромной и красивой наружности, одетые в ветхие, заплатанные тряпки. Гондольеры тоже не отличаются своим убранством, кроме немногих. Каждый вечер у нашего отеля раздавались до поздней ночи веселые песни хором, в котором слышались приятные голоса. Странно, но гондольер, который преимущественно нас возил, утверждал, что при австрийцах они гораздо меньше терпели от бедности.

25. Воскресенье. Опять с утра дождь. Свежо и сыро, и, кажется, на целый день. Здесь говорят, что подобного ненастья никто в это время года не запомнит. Поездку на Комо в Белладжио приходится отложить до более благоприятной погоды.

Если предметы, рассеянные по Европе в сфере истории и природы, не внушают путешественнику серьезных, возвышенных мыслей, если они безразличны для его нравственного образования, то он напрасно издерживает и время свое и деньги: он просто пустой человек, турист в смысле ротозея и шатателя.

Если в человечестве можно назвать что-нибудь великим, несмотря на суету и неразрешимость вопросов его существования, на бедствия и превратности его судеб, то это без сомнения памятники, созданные его историей, веками и его образованием. В этом отношении можно сказать, что они оспаривают у природы ее величие, красоты, могущество. Наука, искусство, гражданское устройство Европы — вот права человека на почет в системе мироздания, права, которые должен уважать разум, если только он сам не есть летучий, преходящий во вселенной, феномен.

Если отсюда я брошу взгляд на мое отечество, то для меня становится в высшей степени поразительным, как мало мы делали для успехов всеобщего развития и образования. На это могут сказать, что мы так еще недавно начали существовать умственно, что мы еще народ юный. Однако и над нами пролетели века, и у этого юноши выросла порядочная-таки борода, местами даже с проседью. История была

мачехой русского народа и воспитывала его очень дурно; но народ разве так-таки ничего своего не вносит в историю? Силы, способности расы разве ничего не значат, не сообщают внешнему ходу вещей и событий от себя некоторых свойств, некоторого колорита? Но, может быть, эти силы и способности еще не успели сосредоточиться и это придет в свое время? Будем надеяться и не отчаиваться.

Один из опаснейших врагов человека есть успех.

В нынешнем моем путешествии я видел два чуда в Европе: Венецию, которую море как будто родило в своих волнах и подняло на свои плечи, чтобы показать свету лучшие из своих перлов; другое чудо то, где глубочайшая мысль человечества нашла достойное себя воплощение на куске жалкой поверхности стены, запрятанной в старом здании — в трапезной старого монастыря св. Марии, ныне примыкающего к казармам. Чудо это — картина «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи.

Погода, достойная Петербурга, продолжалась целый день. Мы вышли было подышать хоть немного свежим воздухом в галерее Эммануила, но сырость и холод скоро прогнали нас в отель.

Русского человека надобно поднимать из грязи, в которой он так давно и так часто барахтается, а не топтать его в ней.

Как могут содействовать преуспеянию общества во всем благом те, которые не имеют веры ни в какие идеалы, которых умственный горизонт ограничивается одною материальною реальностью, как будто не существует никакой другой реальности?

Есть два способа действовать на людей: изъяснение и возбуждение, или представление того, что есть, и устремление к тому, что должно быть, — один пассивный, другой активный.

26. Понедельник. Целый день нельзя было сделать шагу из комнат — дождь, холод, гнусность, которой итальянцы не запомнят. И, говорят, во всей Италии так. Как тут думать о пользовании теплом и воздухом, для чего собственно и предпринято мое путешествие за границу?

27. Вторник. Наша народность находится ныне в периоде самопознания. Поэтому мы открываем и должны открывать в себе все те пошлости, несообразности, умственное бессилие и нравственную испорченность, которые до сего были нашим уделом, по крайней мере большею частью. И в этом

отношении пре[illegible] [illegible] [illegible]тельные романисты. Но этот процесс [illegible] первый акт. За ним необходимо должен следовать другой, то есть выход из такого состояния к лучшему — и это лучшее представляется не иначе, как в *идеалах*, к которым мы должны стремиться. Без этого мы останемся навсегда в том же самом периоде дурных свойств, которых мы не можем не признать. Вот к этим-то идеалам следует литературе направлять умы и для этого нужно и изображать их. Делает ли это наша литература? Если для такого изображения нам недостает в настоящее время талантов, то не пора ли думать по крайней мере об этом? Особенно не пора ли научной, серьезной философской критике возбуждать стремление к необходимости иного настроения в литературе, чем то, какое господствует в ней ныне?

К сожалению, мы ужасно боимся труда мысли. Отвлеченный ее характер пугает нас, как детей пугает азбука, не украшенная картинками или не приправленная игрою. Но если мы думаем, что уже выросли из детства и по крайней мере приблизились к периоду юности, то нам стыдно пугаться труда мысли, как стыдно молодому человеку, поступившему в университет, избегать научных приемов науки. Мы люди очень остроумные, глумливые. Во всякой мысли мы желали бы видеть игру остроумия, и вместо того, чтобы думать и вдумываться в нее, нам хочется поиграть в нее, позабавить читателей наших или слушателей.

28. *Среда.* Почти шесть дней продолжались дождь и холод. Сегодня проглянуло солнце, и мы поспешили воспользоваться хорошею погодою, чтобы выйти из нашего заточения, и отправились в сад и к памятнику Кавура. В саду походили около часу, потом я сосредоточил все мое внимание на памятнике Кавуру. Кавур бронзовый, изображен в обыкновенном сюртуке и с лентой по камзолу. Вся фигура его, говорят, настоящий портрет. Он стоит на простом гладком круглом пьедестале и в руке держит свиток. Перед ним внизу, у самого пьедестала, муза истории пишет его имя, никаких украшений более, никаких скульптурных вымыслов. И что за прелесть эта муза истории! Какая легкость, грация и простота в ее фигуре! Какое спокойное величие и уверенность в ее лице, что она воздает только должное, предъявляя бессмертию имя великого человека! Она изваяна из бронзы, и между тем сидит как живая. Она не сводит глаз с уже написанного ею: Кавур.

Несмотря на солнце, все-таки настоящей итальянской теплоты нет. Повевает холодненький ветер.

30. Пятница. Погода не улучшилась — так же сумрачно и холодно. Часов в 11 вечера разразилась сильная гроза с проливным дождем. Не обещает ли это благоприятного кризиса в погоде?

Май 1. Суббота. Кризиса нет. Утро 10 часов, дождь, и так холодно. Мы в страшном недоумении, на Комо ехать уже нечего и думать. Там на озере не может быть ничего лучшего. Не ехать ли в какое другое место Италии? Но где ручательство, что там не так, как здесь? И для чего ехать? Чтобы там прожить недели три до поездки в Швейцарию при благоприятных условиях тепла и света, которые так нужны для моего здоровья. Увидим. Но оставаться долее в Милане бесполезно и скучно.

2. Воскресенье. Должен ли человек, приближающийся к закату дней своих, думать непрерывно о своем конце? Это было бы сущим малодушием даже и тогда, когда физическое состояние его оказывается не совсем надежным. Не должен ли человек во всеоружии своего духа встретить во всякий час все, что пошлет ему судьба?

Знакомство с итальянским литератором ‹С.› Фарина, который сегодня просидел у нас довольно долго. Он автор нескольких хороших повестей и романов и весьма приятный человек. Разговор мой с ним происходил с помощью дочери, которая познакомилась с ним во время первого своего путешествия в Италию, через ‹А.› де Губернатиса. Фарина говорил, что и у них нет литературной, серьезной и разумной критики.

Забавно, что один профессор литературы, говоря с кафедры о ее современном состоянии, осуждал писателей за то, что они не пишут эпических поэм, а занимаются пустячными сочинениями в других, и притом прозаических, формах.

3. Понедельник. Сумрачно и холодно. Проект ехать на Лаго-Маджиоре вместо озера Комо.

Жизнь раскидывается во все стороны как попало. Наука и мысль ищут здесь законов и находят их в системе и идее развития. Но где цель этого? Наука и мысль ничего не могут сказать об этом.

4. Вторник. Из Милана в Арону. Оттуда мы ехали уже на пароходе по великолепнейшему озеру Лаго-Маджиоре, между Альпами, и прибыли в Паланцу в 5 часов. Останавливались семь раз для высадки пассажиров и приема

новых в разных городах, раскинутых у подножия гор на берегу. В Паланце — «Гранд-Отель».

Погода здесь теплее, хотя все-таки довольно сильный ветер.

Лаго-Маджиоре блистает такими красотами природы, которые не поддаются никакому описанию. Остается только смотреть и восхищаться. Нездоровье мое, впрочем, делает восхищение мое довольно умеренным.

7. *Пятница*. Сегодня утро в половине девятого, как и вчера, началось в отеле пением англичан хором молитвы. У них тут есть и молитвенная особенная комната, так как эти места много ими посещаются. Пение было умилительное, особенно прелестных женских голосов. Я слушал его с большим удовольствием и сочувствием к этому прекрасному обычаю целого общества начинать день молитвою.

Поутру небольшой, но теплый дождик, который скоро и прошел. Пользуясь несколько сумрачною, следовательно, менее жаркою погодою, мы отправились на прогулку вправо от отеля по берегу озера между прелестнейшими виллами. Дорога гладкая и чистая, как вылощенная. Чудные виды открываются отсюда на озеро, на окружающие его грозные горы, на домики и селения по скатам их, в тени лавров, магнолий и проч. Все виллы, однако, заперты. Кажется, никто из владетелей их не понимает, какими красотами он обладает. Стало жарко; я начал чувствовать усталость, и мы после часовой прогулки возвратились домой.

А вот перед глазами у нас Симплон с своими снежными вершинами. От него и от других смежных великанов вы отводите усталые взоры на Боромейские острова, точно выходящие из зеркальной поверхности озера, — Изола Белла, Пескаторе, Мадре, на который рукою подать из нашего отдельного сада.

8. *Суббота*. Солнце сияет на безоблачном небе, а между тем холодно так, что сегодня я опять должен был надеть теплое пальто. Озеро волнуется, горные великаны угрюмо смотрят. А вчера утро было такое прекрасное!

Не легко бороться с физическою немощностью, а должно бороться с нею мужественно и стараться одолевать ее.

Еще островок в двух шагах от отеля нашего — Изолино Сан-Джиованни, куда нельзя, однако, иначе попасть, как на лодке.

9. *Воскресенье*. Прекрасное утро. Безоблачное итальянское небо. Горы очерчены резкими контурами, покрыты бле-

стящими снегами, и между ними высится Симплон со своим выдающимся отрогом, Львиною горою (Монте Леоне). Мы долго гуляли по дороге в городок Интра.

11. Вторник. Вчера вечером толпа молодых людей из Паланцы каталась на лодке мимо нашего отельного сада. Они стройным хором пели патриотический гимн, главный смысл которого состоял в следующем: «Прочь черное с желтым знамя! С нами Гарибальди, наш вождь, — и с ним Италия непобедима». Имя Гарибальди повторялось беспрестанно в виде припева.

12. Среда. В местностях, которые я проезжал и в которых останавливался, я почти пресытился красотами природы. Но в ощущениях, которые наполняют мое сердце, есть что-то отвлеченное, сухое и холодное. Они не растворяются, не одушевляются другими ощущениями, возникающими из воспоминаний о людях и сердечных отношениях, которые сопровождают наше воззрение на окружающий нас мир и с которыми связываются наше прошедшее и настоящее.

13. Четверг. В отеле есть небольшая англиканская церковь. Каждое утро в нее сходятся пребывающие здесь англичане и особенно англичанки и начинают свой день молитвенным гимном. Церковь эта возле моего номера, и потому каждое утро я могу наслаждаться прекрасным пением, которое отличается возвышенным религиозным одушевлением. Сегодня праздник Вознесения, который нынче совпадает с празднованием его у нас.

14. Пятница. Прогулка в городке Интра по берегу озера. При этом проехали два местечка, лепящиеся у подошвы гор на берегу озера: Гиффа и Оджеббио. Все это прекрасно, но прекраснее всего вилла Францозини, в которую мы, с позволения садовника, вошли. Это чудо красот природы и искусства — особенно красот природы. Тут громадные магнолии, камелии в цвету, лавры, кипарисы и проч.

15. Суббота. Картина Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» есть перенесенная на полотно страница евангелия.

Нам очень аккуратно посылают из Петербурга «Голос», и мы таким образом постоянно находимся в общении с отечеством.

16. Воскресенье. В 2 часа из Паланцы в Арону на пароходе. День прекрасный, очень жаркий. Мы простились с хозяином и со всеми служителями очень дружелюбно: нам было здесь вообще хорошо.

В Арону прибыли мы в 5 часов и здесь переночевали.

В половине 11-го отправились в Турин, куда приехали около 5 часов. Остановились в гостинице «Европа».

Путь от Ароны до Турина представляет мало привлекательного. Поля обрабатываются для риса и потому залиты водою. Говорят, что эта местность и не очень здорова, потому что слишком пропитана влагою.

Недалеко от Турина начинают опять показываться Альпы. У самого Турина скаты гор испещрены виллами, и это придает им весьма приятный, оживленный вид. На высокой горе, господствующей над окрестностями, церковь, где погребаются короли и принцы Савойского дома: они как будто хотели быть ближе к небу.

Мы уехали из Паланцы в самую пору. Там начинаются жары, которые всех приезжающих оттуда выгоняют, и наш почтенный «Гранд-Отель» начинает пустеть. Милые английские леди и мисс перестают петь свои утренние гимны, которые слушал я с таким умилением.

18. Вторник. В экипаже ездили по городу: аллея на берегу По; памятник королю Альберту на Королевской площади; плохой памятник Кавуру. Дом графа Кавура заперт, и мы видели его только снаружи, не могли проникнуть внутрь. В Турине много памятников, но без общечеловеческого или европейского интереса. Все они имеют местное историческое значение.

19. Среда. Из Турина дальше.

От Турина начинают возвышаться горы и достигают снежных высот. До Моданы мы проехали 29 туннелей, и из них последний прорезывал Мон-Сени недалеко от Моданы. Здесь перемена вагонов, итальянские сменяются французскими. Тут же и таможня французская, которая, впрочем, обошлась с нами так благосклонно, что ничего не осматривала. Итак, прощай Италия в Модане. Отсюда опять почти до самого Шамбери нас сопровождали горы, коих снега доходили почти до долины, которая тем не менее блистает роскошною зеленью. На одном, однакож, пространстве мы поднялись на высоты, где холод делается ощутителен и в растительности произошла значительная перемена: лавровые деревья, каштаны и прочие сменились нашею родною сосною и елью. Снега, казалось, готовы были скатиться с вершин гор и покрыть все представляющееся им на пути. Это было особенно ощутительно при входе в Монсенисский туннель. В одном месте горы и скалы принимали ужасающий вид: это была настоящая мертвая пустыня.

Шамбери занимает между горами чрезвычайно живописное положение. И город сам по себе, несмотря на несколько мрачную наружность своих домов с аспидными крышами, очень мил. Я жалел, что недолго в нем пробыл. После обеда мы пошли погулять в публичный сад, богатый тенистыми и роскошными деревьями, в числе которых и лавры и магнолии. В половине 12-го на другой день мы отправились далее, в Женеву.

20. Четверг. В Женеве.

22. Суббота. Сегодня мы проехали в Ферней, куда давно влекло меня желание поклониться тени человека, у которого было хорошее сердце, скверный характер и возвышенный ум с гением писателя. Что бы о нем ни думали и ни говорили, а Европа обязана ему значительною частью своих успехов умственных и гражданских. Мы осмотрели в доме Вольтера две комнаты, остающиеся в том виде, как были при нем. Здесь знаменитая урна с известною надписью: «Сердце мое здесь, а дух везде». Портрет Екатерины II во весь рост, портрет Фридриха Великого, портрет маркизы дю Шатле и его собственный в молодых летах, его кровать. Из этих двух небольших комнат выход прямо на террасу, с которой открывается великолепный вид на Альпы. Внизу цветник и крытая аллея, по которой мы прошли. Все тут напоминает о своем великом хозяине. К сожалению, пошел дождик и помешал нам осмотреть парк. Мы поспешили воротиться в город. Проезжая местечко Ферней, обязанное своим существованием Вольтеру, мы думали было, в память Вольтера, напиться в гостинице хоть кофе, но готового не оказалось, и нам не хотелось дожидаться. Я возвратился к обеду в свой отель, чрезвычайно довольный посещением Фернея.

Странно, что смотритель Вольтерова дома счел нас за испанцев, и когда ему объявили, что мы не испанцы, а русские, он очень удивился. Впрочем, он прибавил, что русских посетителей Фернея бывает очень много.

Я с большим удовольствием совершил свою поездку в Ферней. Она взяла у нас около час времени. Мы ехали между красивыми дачами, по великолепной ветвистой аллее до самого местечка Ферней, невдалеке от которого на конце возвышается дом Вольтера, довольно большой, но простой архитектуры.

После обеда в Женеве мы пошли на прогулку в так называемый Английский парк. На острове, среди тополей,

памятник Руссо. Там горели огни и приготовлялась музыка.

23. Воскресенье. Чем кончится суматоха в Европе по случаю этого несчастного восточного вопроса? Безумный султан свергнут с престола, и место его заступил другой. В Константинополе настоящая революция. Требуют конституции. Но главным возмутителем Европы теперь оказывается не Турция, которую после берлинской конференции легко было бы смирить усилиями трех великих держав, — а Англия, всегдашняя политика которой состояла в том, чтобы сеять раздор в Европе и, как говорится, в мутной воде ловить рыбу. Она оказывает явно покровительство этому трупу, Турции, и может легко зажечь европейскую войну. Турки, конечно, будут сопротивляться требованиям Европы в надежде на покровительство Англии. Дизраэли недаром объявил в парламенте, что роль Англии, а не трех союзных держав, быть главным действующим и руководящим лицом в настоящих событиях. Что за гордыня! Более всего ненавистна Англии Россия.[341]

Ездил в нашу церковь; но службы в ней не было: священник уехал в Петербург. Церковь византийской, изящной архитектуры; стоит на высоте и имеет привлекательный вид. Внутри церковные принадлежности очень богаты, и вообще церковь прекрасная, хотя и небольшая.

24. Понедельник. Из Женевы в Монтре на пароходе по Женевскому озеру. Из Монтре в Невшатель приехали в половине 4-го.

После обеда прогулка в ущелье Альп. Это действительно ущелье. С правой стороны скаты гор покрыты лесом, с левой дикие гранитные скалы самых разнообразных и чудовищных видов: одни — как бы подпирающие небо, другие — как бы готовые обрушиться на вас. Посредине, в глубине, шумный поток с водопадом. Зрелище очаровательное, хотя суровое. Мы ехали таким образом более часа под тенью гранитных гигантов. Потом в обратный путь, другой стороной гор, через густой лес, почти до самого Невшателя. Дорога гладкая, как по паркету.

Невшатель — очень красивый городок на берегу озера того же имени, тонущий в богатой растительности.

На другой день, в среду 26-го, мы оставили его и прибыли на постоянную квартиру нашу — в Шинцнах.

26. Среда. Шинцнах. Здесь большое здание, предназначенное для пользования серными ваннами. Для меня ни этих

и никаких ванн не нужно. Мне предписан только чистый воздух в умеренном климате, некоторое отдохновение от забот всяческих и страданий, претерпеваемых мною во все время моей последней болезни. Вместо всяких лекарств мне исключительно нужны прогулки на чистом воздухе. Место, в котором я теперь нахожусь, вполне соответствует этой цели. Оно лежит в долине, окруженной с обеих сторон невысокими Альпами, покрытыми густым лесом. В местечке этом особенная привлекательность, что-то простое, миловидное и грациозное. Вблизи лес с проложенными дорожками, в котором чрезвычайно приятны прогулки, особенно в жаркие дни. Вблизи река Аара. Расстояние от Цюриха — всего час езды по железной дороге. Здание, в котором мы поселились, похоже на древнее аббатство: оно обширно и весьма серьезного вида. В нем все приспособлено к нуждам и спокойствию пользующихся здешними водами. Посетителей, впрочем, не бывает здесь слишком много, так как воды здешние имеют специальный характер. У нас две премиленькие, светленькие и чистые комнатки, из которых открывается приятный вид на часть гор и на прилежащие к ним поля. Внизу — мы живем во 2-м этаже — садик, а за ним железная дорога в Цюрих, и я из окна моего часто вижу пролетающие мимо вагоны в Цюрих и из Цюриха. Станция от нас менее версты.

30. Воскресенье. Слова, слова и слова! Словами правится мир. Национальная честь, национальное достоинство: под этими словами английский торийский министр прячет свое грубое чванство, свое притязание на важную роль в европейской политике. Он готов зажечь в Европе войну, защищая гниющий труп державы, уже давно издыхающей, но все еще вредной для Европы. Англия хочет войны — и война может запылать под раздутыми словами «национальная честь» — война кровавая, тем более что она будет несправедливою. Все несправедливые войны особенно страшны. Англию можно всегда увлечь, говоря о чести национальной и показывая ей деньги. Но пусть же весь ужас войны, вся пролитая кровь падут на ее голову, потому что никто, кроме нее или ее первого министра, не хочет войны.

Июнь 1. Вторник. Дождь всю ночь, как и вчера. Сегодня так же.

Англичане называют нас варварами за то, что мы многого не знаем и многого не делаем из того, что свойственно миру образованному. Однако они не могут же отрицать, что

мы далеко уже не те, какими были даже четверть столетия тому назад. Любопытно было бы спросить, нашел ли Вильгельм Завоеватель у англичан паровые машины, огромный флот, Королевское общество наук, Ньютона, Шекспира и проч.? Варварский народ тот, который является врагом христианства, не допускает в других нациях никаких гражданских улучшений и склонен нарушить всякое чужое право, посягая на союз народов из страсти к деньгам и своим торговым выгодам. Если у Англии есть множество всяких машин, есть Королевское общество наук и проч., зато у ней много варварских замашек, и нравственно она совсем не выше того народа, который хочет идти по пути прогресса, хотя и не успел еще дойти до важнейших его результатов.

Пусть так: многого России недостает из того, что создано общею образованностью — умом, наукою, искусством, и много надо ей сделать, чтобы сравняться с другими народами в этом! Но вот это-то самое и налагает обязанность на каждого честного русского служить ей горячее и вернее, несмотря на препятствия, противопоставляемые то ее учреждениями, то нравами, то отдельными лицами, чем бы то ни было и кем бы то ни было. Все это налагает на людей мыслящих и честных обязанность служить ей ревностнее во всем, что касается ее благосостояния, ее нравственных и умственных успехов.

И ничего в этом нет ни необычайного, ни могущего привести в уныние людей мысли. Логика истории неумолима и неотразима, она требует честных усилий и в то же время последовательности и постепенности.

Или мы преклонимся перед Англией, или, не испугавшись ее угроз, сохраним свое достоинство. Есть предел, до которого можно идти в желании мира. Иное дело не желать, не вызывать войны, и иное дело желать мира во что бы то ни стало. Готовность сделать твердый отпор наглости — этого требуют и честь и политика. Против закона необходимости нельзя спорить, но никакой закон необходимости не требует покорности угрозам, которая может унизить дух народный и лишить народ уважения в среде других народов. Сделает ли Пруссия для России то, что Россия сделала для Пруссии в последнее время? На это полагаться, конечно, не следует. Но еще менее можно будет полагаться на Пруссию, когда покажем ей, что от нее зависит поощрить или остановить нас в известных случаях.

Весь вопрос в том, должна ли Россия удержать за собою значение великой державы или отказаться от него в угоду Англии или кому бы то ни было? Ведь враги наши хотят только этого.

2. *Среда.* В Индии, подвластной англичанам, находится до 50 мил‹лионов› мусульман. Итак, вот, разумеется, причина, почему англичане не хотят заявить себя врагами турок в Европе: они опасаются восстания мусульман в Индии. Из этого, однако, выходит, что королева английская не есть государыня христианская, а мусульманская. Титул императрицы индийской, которым ее пожаловал Дизраэли, окончательно делает ее мусульманскою государыней.[342] Да, этот Дизраэли должен быть большой шутник, если не шут: разом превратить христианского государя в мусульманского. Владей королева Индией просто, как прежде, в силу завоевания, — это было бы в порядке вещей, но титул императрицы обязывает ее покровительствовать своим подданным. Понятно, что при таком условии христиане не должны уже думать о первенстве, если мусульманскому фанатизму вздумается поднять голову, и королеве английской ничего не останется более, как примкнуть к зеленому знамени. Понятно, что она не может не быть другом турецкого султана.

4. *Пятница.* Намерения Англии очевидны: подчинить совершенно своей власти Турцию посредством оказываемого ей теперь покровительства и сделать из нее вассальное для себя государство. Тогда она в Босфоре будет постоянно угрожать России. Эта последняя непримиримый, вечный враг Англии, которая никак не может спокойно спать на своем острове, пока Россия сильна и могущественна.

7. *Понедельник.* Бывают дни прекрасные, например вчера, в воскресенье, и сегодня, и эти дни обыкновенно посвящаются прогулкам, которые в этой прелестной местности были бы весьма приятны, если бы меня постоянно не сопровождала мысль, что я даром трачу время. Здоровье мое несколько лучше прежнего, но все еще не восстановляется вполне.

К приезду в Петербург надо подготовить некоторые работы, и эта подготовка не идет как следует.

Что касается до моего здоровья, то я должен примириться с его неполнотою. Мои лета не позволяют полного восстановления моих сил. Я переступил в тот фазис, или период жизни, где человек становится слабее.

9. Вторник. Прогулка в городок Брун и обратно. Этот обратный путь лежал через прелестную долину, возделанную с большой тщательностью и наполненную чистенькими и весьма зажиточными деревнями.

Иной никак не в состоянии залезть в чужой карман и вытащить оттуда платок или часы. Но запустить руку в казенный сундук, своровать общественные деньги или в качестве директора какого-нибудь общества завладеть воровски и грабительски акционерными деньгами, словом, сделаться государственным и общественным вором — он не считает за стыд.

12. Суббота. Существуют ли для человека какие-нибудь нравственные обязательства как для существа нравственного? Или, будучи только тварью более смышленою, чем другие животные, он может следовать инстинктам, более или менее грубым или утонченным, признавая вместе с Бисмарком, что сила есть право? Это вопрос нашего времени.

Россия в восточном вопросе, очевидно, проиграла. Англия заняла в нем первенствующее место после того, как произвела в Турции революцию, погубившую прежнего султана. Так в наше время торжествует политика мошенников, которую история не преминет назвать плодом глубокой мудрости. А все-таки я с упорством Галилея не перестану повторять: для человечества должны существовать нравственные законы.

15. Вторник. Поездка в Цюрих. Я ездил по городу. Весь он тонет в зелени. Прогулка по так называемой Променаде на высоком берегу. Внизу кладбище. Мы остановились в отеле «Дю-Лак», откуда прелестный вид на озеро и горы.

19. Суббота. Вчера одна дама, М. А. С., прочитала мне несколько строк из письма князя Горчакова к одному из его родственников. Он едет или уже приехал в Югенгейм на свидание с государем. Войны, по его мнению, не будет. Союз трех императоров продолжает быть прочным. Россия не осуждена на одиночество, и английский министр нанес удар в воду.[343] Дай-то бог!

20. Воскресенье. Проходя под колоннадой кургауза, я часто встречаю человека, наружность которого меня постоянно поражает своей крайней непривлекательностью. Во всей фигуре его что-то наглое и высокомерное. На днях, когда мы гуляли с нашей милой знакомой М. А. С. и этот человек нам снова встретился, она сказала: «Знаете, кто это? Мне вчера его представили, и он сам мне следующим

образом отрекомендовался: «Барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина». И если бы вы видели, с каким самодовольством он это сказал, — прибавила М. А. С., — не могу вам передать, до чего он мне противен!» И действительно, трудно себе вообразить что-либо противнее этого, некогда красивого, но теперь сильно помятого лица с оттенком грубых страстей. Геккерен — ярый бонапартист, благодаря чему и своей вообще дурной репутации все здешние французы — а они составляют большинство шинцнахских посетителей — его явно избегают и от него сторонятся. При Наполеоне III он был сенатором, но теперь лишен всякого значения. О его семейных обстоятельствах говорят очень дурно; поделом коту мука.

Если со Спинозою или с другим подобным ему философом допустить, что мир существует только в силу одной необходимости, без всякой разумной цели, что бог не принимает никакого участия в управлении и в судьбах мира, то жизнь будет не иное что, как пустая, грубая, даже не остроумная шутка. Ибо какое остроумие там, где беспрестанно льется кровь живых существ, между которыми человек есть самое злосчастное, потому что он одарен способностью мыслить и сознавать свой жребий. Неужели нет лучшего плана мироздания? Без сомнения, он есть, и есть разумный, вечный его основатель и блюститель. Только план устроен и охраняется по его, а не по нашим воззрениям и целям.

Лица, которым вверены значительные части по управлению, часто говорят своим уполномоченным агентам в случае затруднений, встречаемых при исполнении поручения: «да сделайте уж это как-нибудь». Это, конечно, не значит: сделайте дурно, а сделайте, не слишком утруждая себя изобретением способов и особенно не заботясь о законах и условиях дела, чтобы только наружность казалась соблюденною. Это несчастное «как-нибудь» есть камень преткновения, брошенный нашим национальным характером на пути ко всякому прогрессу. Когда же это и не говорится открыто, то подразумевается. И заведующий важною отраслью управления правит тоже в духе «как-нибудь». Это бывает источником того, что много серьезных дел делается у нас и поверхностно и даже недобросовестно. Руководящая нами сила должна быть моральная, и ее должна выработать литература, и именно литература изящная.

21. Понедельник. Ездил в Цюрих и виделся там с Павлом Васильевичем Анненковым, который уже с месяц как

живет в одном из предместий этого города. А прежде он жил постоянно в Баден-Бадене.

«Ни один волос не падет с головы нашей без воли божией». Конечно, это справедливо. Падение волос с головы совершиться может не иначе, как по закону, а законы вещей и составляют волю всемогущего и премудрого их виновника.

23. *Среда.* Анненков приезжал из Цюриха меня навестить.

26. *Суббота.* Ночью такой сильный дождь, какого еще не было во все время нашего путешествия, хотя дождя было-таки довольно везде — и в Италии и здесь. И сегодня сначала сильнейший ветер, а теперь вот дождь льет как из ведра (12 часов).

М. А. С. очень мила. Я люблю с нею разговаривать. Она часто у нас бывает. Иногда она снабжала меня прелестными розами, а сегодня я получил от нее прекрасный букет цветов.

Мы с ней согласились вместе и сегодня отправили к князю П. А. Вяземскому поздравительную телеграмму со днем его ангела.

Оресту Федоровичу Миллеру послал вчера письмо с замечанием на его выходку против Краевского. Присваивая себе чрезмерный контроль над мнениями других, он, как истый Дон-Кихот, сражается с ветряными мельницами.

Может ли Англия или Дизраэли гордиться тем, что они затруднили так политику Европы? Стоит какому-нибудь негодяю или полоумному бросить на рельсы под вагоны бревно, чтобы наделать чепухи. Известна пословица, что один дурак бросит камень, а десять умных его не вытащат.

Россия по тому одному уже необходима для Европы, что она составляет сильнейший оплот против английского варварства, принявшего на себя миссию защищать азиатское мусульманское варварство против цивилизации и просвещения Европы.

Июль 1. Четверг. Конечно, нельзя оправдать просвещенную, цивилизованную Европу, что она допускает перед своими глазами совершаться таким варварствам, такому зверству и посмеянию над всем человеческим, какие совершаются турками в Болгарии. На все, говорят, есть политические причины — у Англии, например, хлопок и фунты стерлингов.

Вмешаться в дела турецкие, говорят, значит возжечь еще европейскую войну, что без сомнения гораздо хуже всякой резни в Болгарии, Герцеговине и проч. Что же значат после

этого все прославленные успехи европейских народов, если они не в состоянии прийти к соглашению во имя человечества и справедливости, не заводя ссор между собою, не возбуждая друг в друге диких страстей, честолюбия, корысти, страсти к приобретениям? Но таково человечество — да, таково оно во всех фазисах своего развития.

2. Пятница. Что же такое жизнь? Драма без развязки? И какая тут возможна развязка? Неужели все дело состоит только в том, чтобы вот этой птичке явиться и пропеть лето, а затем уступить место другой, ею рожденной? Та же пропоет лето и исчезнет... А человек? Но лучше ни о чем подобном не думать. Не лучше ли просто явиться, пропеть и пропасть? Это было бы недурно, если б человеку суждено было только петь, но он мыслит. Мысль не может быть без вопросов: зачем или почему и для чего?

А ведь все, что здесь написано сейчас, глупо и малодушно.

3. Суббота. Человек есть X, — вот что следовало бы понять современной материалистической науке, которая полагает, что он есть вполне дознанное животное особого рода или вида. «Все, — говорит она, — подлежит непреложным законам». Может быть. Но есть законы, которые установляет природа, и есть другие, которые установляет для себя сам человек.

12. Понедельник. Гораздо легче иметь дело с людьми, которые поддерживают свое мнение, чем с теми, от которых ничего другого не услышишь, кроме д а и н е т.

17. Суббота. В политике существует аксиома, что всякий народ действует и не может действовать иначе, как по побуждению и в духе своих личных интересов. Но беда не в этом, а в том, что эти интересы могут простираться в бесконечность, равно и превратное истолкование их. Так, например, Англия считает себя вправе в своих интересах отравлять миллионы людей опиумом, потому что сбыт опиума доставляет ей миллионы фунтов стерлингов. Так, она поддерживает варварство и фанатизм турок и смотрит одобрительно на совершаемые ими зверства над христианами, потому что этим, по ее мнению, она устраняет влияние России. Так, она готова возжечь всеобщую войну в Европе, потому что ей война по ее территориальному положению ничем не угрожает, а может ослабить воюющие стороны для выгод ее английского могущества. Всего этого требуют национальные интересы Англии.

18. Воскресенье и 19, понедельник. Настоящего здоровья нет как нет. А между тем «мне скучно здесь, домой хочу» — пора думать об этом.

20. Вторник. Тоска все более и более овладевает мною. Сегодня особенно она меня преследует. Вместе с этим вялость, усталость. Что же? Так ли этому и быть? Дать ли волю этому дурному расположению? Конечно, нет. Надобно бороться с ним.

Бодрый дух, бодрый дух!

23. Пятница. Приезжал из Цюриха Анненков проститься со мною: он едет в другую часть Швейцарии к озеру Туну.

Грот писал мне дня три назад, что он из Люцерна переезжает в Интерлакен и Беатенберг. Так как я тоже собираюсь оставить Шинцнах, то не направиться ли туда же и кстати повидаться с Гротом? Если получу от него ответ на мое письмо, посланное третьего дня, то и решу.

Когда хочешь делать дело прочное, то надобно обнажить его от всяких иллюзий, так, как мы отсекаем от дерева ветви, когда намерены употребить его на постройку.

24. Суббота. Пора, наконец, отделаться от малодушия, служащего основанием скуке и тоске.

С недугом так же надобно бороться, как со всяким житейским злом.

25. Воскресенье. Можно ли основать нравственность на одном знании, как думает Бокль? Нравственность без участия других деятелей — религии, искусства?

26. Понедельник. И самые сильные духом люди могут подвергаться тревогам в раздумье о своей судьбе, будущности — особенно, когда судьба им не благоприятствует. Но оставаться в этой тревоге долго или постоянно они не могут: это означало бы малодушие, почти подлость. Притом беспрестанное обращение к злу, нас угнетающему, только растравляет и ожесточает его, и потому это было бы и крайне неблагоразумно.

Мысль укрепляет дух, просветляя его.

27. Вторник. Сегодня в Берн, а оттуда в Интерлакен.

Возможность бесконечного развития присуща человеческой природе, и в этом все люди одарены одинаковым свойством. Но степени этого развития, в свою очередь, также бесконечны. Поэтому то, что составляет потребность и закон для одних, то вовсе непонятно для других.

Еще в детском возрасте (лет 13-ти—14-ти) внутреннее стремление влекло меня ко всему идеальному, к подражанию

великим мужам древности. По их характерам я старался образовать свой характер. Никто не руководил мною, все делалось без помощи науки, хотя успехами моими в школе были довольны и даже, не знаю уже почему, считали меня первым. Мое внешнее положение было совершенно противоположно внутренним побуждениям.

28. Среда. (В Люцерне.) Не раскаиваться в своих прежних заблуждениях и ошибках — значит пребывать всегда в детстве. Но приходить в отчаяние от них значит малодушие.

Что составляет здесь предмет всеобщего восхищения — это Альпы. Действительно, удивительное зрелище для человека эти громадные массы, подъем земной поверхности. Но они свидетельствуют единственно о могуществе природы, которая слепо громоздила здесь граниты на граниты, массы на массы. Настоящая красота — в этих скатах и долинах, покрытых богатою растительностью, в их разнообразных очертаниях, выражающих жизнь и бесконечное движение, игру сил, драму, а не косную, оцепенелую, застывшую и уснувшую навеки материю.

29. Четверг. Довольно хорошо себя чувствовал. Прогулка вечером к подошве Риги.

Европе недостает того, что есть у России, — сердца.

31. Суббота. Политическая нравственность состоит в соблюдении того же самого элементарного, простого и общепризнанного правила, которое существует и для честных людей: чего себе не желаешь, того другому не делай. Дальнейшее развитие этого правила состоит в противодействии обществ и государств всякому личному честолюбию или национальному самолюбию, попирающим справедливость и человеческое достоинство у других народов посредством тайных интриг или подстрекательств к деяниям, несогласным с правилом: «чего себе не желаешь, того другому не делай».

Политическая нравственность состоит в том, чтобы не делать ничего противного человеческому достоинству и ничего несправедливого.

а) Противно человеческому достоинству, например, поддерживать варварские обычаи народов мало цивилизованных.

б) Противно справедливости — свои интересы делать преобладающими над интересами всех других народов.

Противно также всякой справедливости — с народами слабейшими поступать как с себе подвластными, пося-

гая на их самостоятельность, на свободу действий и право.

Почему Англия присвоила себе опеку над Турцией и покровительствует всем ее зверствам над восставшими и не восставшими христианами, почему она не воздерживает Турцию в этих злодействах? Потому, что она хочет торжества Турции и истребления христиан? Но она очень хорошо понимает, что последнего она не в состоянии достигнуть, — до этого не допустит Россия. Когда же последняя вступится в дело уже существенным образом — тогда война. Англия этого и домогается, предполагая, что это будет новая Крымская война, которая довершит упадок России. В этом главное правило политической нравственности Англии. А что же Европа? Да ничего. На унижение России она посмотрит с большим удовольствием. Это тоже правило высшей цивилизации. Пусть другие народы хоть погибают, лишь бы до нас не дошло.

Тут нигде нет и речи о равновесии интересов. Не напрасно Бисмарк произнес свой знаменитый афоризм: сила есть право.

В 5 часов вечера прогулка за городом. Сперва места довольно пустынные; потом мы углубились в ущелье посреди дикого леса и обогнули Пилат по деревне, раскинутой в долине почти у подошвы его. Все это составляет прелестную картину природы. Но мне больше понравилась дорога к Риги и гостиница против самого Риги, где я с удовольствием посидел на балконе и выпил стакан красного вина.

Август 2. Понедельник. Памятник в честь швейцарцев, павших при защите Людовика XVI в первую французскую революцию: умирающий лев. Изящное художественное произведение. Лев сделан из мрамора и иссечен в скале.

3. Вторник. От жары не знали, куда деваться. К вечеру носились тучи, и даже где-то прозвучал гром, упало несколько капель дождя — и только. Стало немножко прохладнее, и мы до позднего вечера то просидели на берегу озера, то проходили.

6. Пятница. Последняя прогулка в Люцерне к гостинице против Риги.

По первому впечатлению вещи всегда кажутся или лучше, или хуже, чем они есть.

7. Суббота. Едва ли можно представить себе что-нибудь прекраснее и величественнее этого амфитеатра гор вокруг озера перед самым Люцерном. Я постоянно любовался этим

зрелищем из окон моего отеля, или проездом к подножию Риги, или с балкона гостиницы, где подавали мне чашку кофе или стакан красного вина. Так было и вчера, когда в последний раз мы ездили к этой гостинице.

С бодрым духом, с бодрым духом — в Интерлакен.

В 11 часов утра из Люцерна в Тун.

Дорога между гор от Люцерна до самого Туна — по прелестнейшей долине, испещренной чистенькими и красивыми швейцарскими шале. Огромное село, славящееся выделкой швейцарских сыров.

8. Воскресенье. Утро в Туне. Великолепный отель «Тун» с таким же садом. Справились о Гроте. Он еще здесь, то есть в Интерлакене. Итак, я увижусь с ним.

Главные страсти людей — самолюбие и корыстолюбие: я умнее всех, и я хочу быть богаче всех. Отсюда все прочие пороки берут свое начало.

Италия и Швейцария — прекраснейшие страны. А что такое Англия? Пузатый, ожиревший торгаш, измеряющий достоинства людей суммою добываемых ими барышей.

Есть люди, не совершающие великих подвигов и потому не попадающие на страницы истории, но которые, однако, так резко отличаются от окружающей их толпы, что было бы очень жаль и было бы потерею для хроники благородных человеческих инстинктов, если бы о них не сохранилось воспоминания. Вот эти-то люди и должны бы служить материалом для записок, то есть для того рода исторических произведений, которые, обозревая поле жизни, не вяжут из человеческих деяний тучных снопов, а подбирают их в одиночку, как забытые на ниве после жатвы колосья — забытые, одинокие, но все-таки свидетельствующие об обилии минувшей жатвы.

9. Понедельник. В Беатенберг к Я. К. Гроту, где нашли и все его семейство. Чудная дорога по окраинам гигантских гор, откуда, между прочим, была видна во всем своем неприступном величии Юнгфрау. Мы ехали более двух часов.

Только мы успели возвратиться из дальней поездки, как пошел сильнейший дождь с грозою и градом и лил чуть не целую ночь. В небольшой промежуток между дождем, вечером, навестил меня Грот с женою. Они остановились у брата и с ним собираются на экскурсию куда-то в горы.

12. Четверг. Как часто приходится мне сражаться за границею со скукой. Останемся где-нибудь на несколько

дней, начинается и продолжается прескверная погода. Прогулки делаются невозможны. Надобно сидеть в отеле. Дела существенного никакого нет. Я то записываю кое-что в своей записной книжке, то обдумываю план какой-нибудь статьи и бросаю его на бумагу. Проходят день за днем. Вот, например, я в Интерлакене уже три дня, выйти никуда нельзя или, если можно, так только на самое короткое время: беспрерывный дождь.

Современная восточная политика очень проста: турки желают или избить христиан, которые находятся в соприкосновении с ними, или сделать их совершенными и безответными рабами. Англия говорит: «Конечно, конечно, я тебе помогу, если ты желаешь быть моим вассалом и предоставишь мне полное господство над Дарданеллами и Константинополем, чтобы я могла завести там такой рынок, на котором бы сбыт моих хлопчатых, шерстяных и прочих товаров не имел пределов и фунты стерлингов со всех стран света лились в мои карманы». А Европа что? Европа находит эту политику очень ловкою, глубокомысленною и не лишенною величия, хотя и не совсем для себя приятною. Она безмолвствует или пишет дипломатические ноты, над которыми Дизраэли смеется. Одна Россия ворчит и на что-то покушается, но никто не слушает и не боится ее.

Да, ведь все это гнусно, бесчеловечно, противно всем требованиям цивилизации! Ведь всякий знает, что это ложь, везде ложь, прикрытая пышными фразами: вот вам и цивилизация Европы!

14. Суббота. Переезжаем в Тун. В Туне в три часа, а из Интерлакена выехали в час и двадцать минут, сперва по железной дороге, а потом пересели на пароход.

16. Понедельник. Для меня ненавистна всякая глухая вражда. Если уж необходимо иметь врагов, то борись с ними грудь с грудью, прямо. Наносить тайные удары есть величайшая подлость, а остерегаться их беспрестанно — великое горе.

Имя англичанина в настоящее время до того сливается с именем турка в одном и том же понятии, что когда видишь многих англичан вместе, что беспрестанно случается, то мне становится страшно. Так и думаешь: вот-вот выскочит и накинется на тебя башибузук или черкес.

Цивилизация довела внешность до высокой степени совершенства.

17. Вторник. Приятное известие. Кельнер отеля сообщил мне, что сербы под начальством ‹М. Г.› Черняева жестоко разбили турок после шестидневного ожесточенного боя.[342] Кельнер выразил при этом свое полное удовольствие и нелюбовь к англичанам. О России он говорит с любовью и удивляется только тому, почему она не возьмет вполне в свои руки восточные дела.

Хорошая прогулка в экипаже вокруг озера по направлению к Интерлакену. На правой стороне великолепная картина снежных Альп, а за ними — Юнгфрау во всем блеске своей снежной одежды. Мы проезжали очень красивыми местами по берегу и деревеньке с очень хорошенькими коттеджами.

День хотя и не очень теплый, но довольно приятный, а главное — без дождя.

«В русской политике, конечно, есть много благородства, но я не верю ей, — говорит Европа, — именно по причине этого благородства. Оно гораздо менее понятно, чем политика Англии, заботящаяся о хлопке, фунтах стерлингов и т. п., и потому мы верим более Англии, которая относится практичнее к вопросам общечеловеческим». Какое дело Европе до этих вопросов? У ней есть свои фабрики, свои торговые дела, и для них она не станет предаваться отвлеченным идеям о правах народов и проч. Пусть льется кровь на Балканском полуострове!

20. Пятница. Сегодня кельнер принес нам английскую газету «Дели ньюз» («Daily News») № 30, в которой помещена прекрасная статья из Бухареста о неистовствах турок в Болгарии. Она прямо говорит о гнусной и недостойной политике Дизраэли и его креатуры, посланника Эллиота. О турках, как самовидец, автор говорит только то, что мы уже знаем и чего не знает или не хочет знать Англия.

21. Суббота. Если что решительно предпринято, то надобно смело исполнять, не обращаясь ни вспять, ни по сторонам, и уже не думать, что в предпринятом не все обдумано с настоящим тщанием, то и то упущено или могло бы быть соображено иначе. Все эти колебания изобличают малодушие. Главное — в целости и цели предпринятого, а соглашению подробностей и умозаключениям о том, что было и могло быть, если бы... и проч., — этому нет конца.

22. Воскресенье. Если у русских находятся средства посылать значительные пособия воюющим славянам, то как

*

не найдется у нас таких же средств, когда настанет нужда помогать самим себе против врагов?

Надобно, однако, отдать справедливость англичанам; и они тоже посылают на театр войны санитарные пособия — туркам.

В Цюрих в половине 6-го, отель «Бельвю».

23. Понедельник. Цюрих. Поутру ботанический сад, довольно плохонький. Оттуда на террасу, откуда Цюрих и его окрестности видны очень хорошо.

Бог, происхождение мира, происхождение человека и его судьба — все это неразрешимые тайны. Философии и вообще науке никогда не удается в них проникнуть.

Может ли самый возвышенный ум устранить от себя религиозное чувство?

Одно религиозное чувство может ручаться за серьезное значение жизни. Иначе всё прах и суета.

Что ты мятешься и волнуешься, как пылинка, несомая ветром?

Хороший хозяин старается издерживать менее, чтобы приобретать больше. Не расточай своих мыслей на пустяки, на роскошь праздных умозрений и старайся так их направить и употребить, чтобы они что-нибудь могли прибавить к капиталу твоего внутреннего довольства.

Крайне безрассудно и малодушно не сносить небольших, постоянно нас осаждающих забот жизни единственно потому, что они не ведут к крупным последствиям. В жизни все или очень мелко, или очень крупно.

Швейцария поражает несоразмерностью состояний, несмотря на свой демократизм. В городах воздвигают дворцы, есть селения богатые, где в каждом почти шале видны изобилие и довольство. Но рабочие, не имеющие ни земли, ни своих шале, страдают тяжкою нищетою. Стоит взглянуть на их изможденные лица, на лохмотья, покрывающие их тело, на их беспрерывные работы под сильнейшим зноем, чтобы убедиться, что швейцарцы далеко не все благоденствуют. Вообще слышны жалобы, что достаточные люди обращаются жестокосердно с неимущим горьким бедняком — детищем поденного труда.

Сила, которою злоупотребляют, никогда не бывает надолго сильною.

24. Вторник. Есть умы, вечно колеблющиеся между верою и неверием.

Современная наука отвергает *веру*, вполне доверяя одному *знанию*. Но знание способно ли разрешить все наши недоумения относительно нашей судьбы и назначения?

Вера есть не иное что, как убеждение, что в общем ходе и плане мироустройства все разрешается так, как должно быть, — и не более и не менее, как должно быть, значит, разрешается удовлетворительно.

Как было бы утешительно и сладостно приобщиться божественной любви, если бы не эти бесчисленные страдания, которые осуждено терпеть все живущее и особенно человек. Страдания возмущают любящую душу, душу готовую излиться в страстной любви к виновнику всякой жизни. А между тем высшая мудрость в том и состоит, чтобы ничем не возмущаться. О, как это невыразимо тяжело!

Как согласить вечную благость со злом, господствующим в мире? Над этим тупеют самые могучие умы.

Самое глубокое чувство скорби, когда сознаешь свое бессилие облегчить страдание подобных себе существ. Каждое удовольствие, которое ты вкушаешь, кажется тебе воровством у нищеты и горя их.

Турки так же неповинны в своих злодействах, как неповинен тигр в своей кровожадности. Но вот что непонятно: каким образом нация, народившая Ньютона, Шекспира, может встать на путь такого мелкого самолюбия!

25. *Среда*. Из Цюриха в Шафгаузен, а потом в Констанс.

Цивилизация, усилившая до высокой степени наслаждение и удобства жизни, не сделала ли людей до того к ним чувствительными, что погасила или ослабила в их сердцах высшие чувства добра, правды и красоты? Отсутствие веры во все святое и великое слишком дает себя чувствовать посреди современной цивилизации.

В русском народе есть одно замечательное свойство — чувствительность. Оно вовлекает его в разные безрассудства, но оно же служит источником многих прекрасных и благородных поступков, доходящих до самоотвержения, чего в Европе нет.

«Русский мир» запрещен — за что? В решении министра, как обыкновенно, не говорится ничего о причинах. [345]

Трудная задача выпала на долю нынешнего государя нашего: сохранить европейский мир, не уронив достоинства своего народа.

Самое трудное в этой задаче — укротить Англию, которая, как бешеная собака, рвется на Россию. Ей хочется во что бы то ни стало втянуть в войну Россию, тем более что от нее самой, то есть от Англии, война эта не требует никаких жертв — ничего, кроме тайных подстрекательств и интриг. Англия хочет быть в стороне.

Шафгаузен, водопад. Мы близко, но быстро промчались мимо него, однако я довольно хорошо его видел.

26. Четверг. В Констансе.

То, что кажется для нас невозможным, возможно для высшего разума и всемогущества. Например, соглашение разных противоречий, обуревающих наш ум и сердце.

Из Констанса в $11^1/_2$ часов по Констанскому озеру на пароходе в Фридрихсгавен. Оттуда по железной дороге в Ульм. Во все мое путешествие не было скучнее переезда, как этот, от Констанса до Мюнхена.

Ульм. Бесконечные равнины, кое-где пересекаемые холмами, и чем ближе к Ульму, тем все становится однообразнее и скучнее.

27. Пятница. Ульм дрянной, хотя и довольно большой город. Дрянная гостиница. Дряннейшая погода с сильнейшим ветром. Приходится просидеть в дрянной комнате до 4 часов, чтобы ехать в Мюнхен.

Напрасно Европу считают политическим союзом великих государств и народов: это не иное что, как огромная мануфактура для производства разных изделий. Все умы заняты этим производством: капиталисты и рабочие — и между ними вечная борьба. Политика Запада занята единственно тем, чтобы побольше вырабатывать товаров и поболее сбывать их, — и поэтому Англия и занимает первое место в политике.

До 4 часов пополудни надобно было пробыть в этом гадком Ульме и его довольно гадком отеле. В половине 5-го с курьерским поездом отправились в Мюнхен. Только этот курьерский поезд оказался весьма не быстрым.

Выпал неприятнейший эпизод из всего нашего странствования. Уже от самого Констанса нас начала сопровождать скука. Почти непрерывное однообразие страны особенно утомило нас, избалованных Италией и Швейцарией; торфяные пространства, очень, конечно, полезные, но и очень безобразные. Скуку нашу довершил престарелый Ульм. Затем наступила пятница — гадчайшая из всех проведенных нами за границей дней. Дождь, ветер, чуть не до бури до-

ходящий, холод — все это родные братья нашей петербургской природы. Мы до половины 4-го просидели в нашем отеле, не высовывая, как говорится, носа из комнаты, вовсе не привлекательной. Одну справедливость, однако, надобно отдать нашему пристанищу — в нем оказались обед и услуги недурны. Наконец, в дождь мы перебрались на железную дорогу, и хотя сказано было, что курьерский поезд отправляется в половине 4-го, однако мы прождали его более часа. Наконец поезд тронулся, и мы, нельзя сказать, помчались, но по крайней мере поехали. Дождь с холодом ливмя лил, но мы уже были от него в безопасности. Вот, наконец, мы добрались и до Мюнхена, потонувшего перед нами во мраке. Был уже 9-й час вечера или ночи. Здесь-то и произошла настоящая *суть* наших бедствий. Выйдя из вагона, мы, разумеется, тотчас бросились к омнибусам, которых у дебаркадера стояло бесчисленное множество, — чтобы скорее добраться до отеля. Не тут-то было. Нас ни один из омнибусов не принял: все места в отелях разобраны по телеграммам, и омнибусы принимали только взявших эти места заранее. Пришлось при шуме ветра и дождя блуждать по дебаркадеру, пока отыскали извозчика с помощью услужливого полицейского. Но вот мы в коляске, а дождь делает свое дело, холод также. Не раз благословлял я мои бесценные калоши, не уязвимые никакою мокротою. Наша одиссея в полумраке была очень интересна. Куда ни подъедем к отелю, везде один и тот же ответ: нет мест. Так объехали мы пять или шесть отелей. Наконец нам указали так называемую приватную квартиру, где дают комнату и больше ничего. Мы рады были и этому, чтобы не ночевать на улице. Комната, нам отведенная чуть не на высоте мансарды, оказалась недурною. Тут мы кое-как и угнездились на ночь. Но тут же, вероятно для того, чтобы напомнить нам наше дорогое отечество, и хотели нас надуть. Мы спросили чаю. По уговору, хозяйка должна была послать за ним в ближайший отель, чего мы и ожидали. Но ей хотелось взять с нас для себя за чай, и она подала нам своего чаю, то есть какой-то гнуснейшей травы, настоенной в холодной воде. Мы потребовали, наконец, настоящего чаю, и нам принесли его уже из отеля, хотя тоже не бог знает какого достоинства, но все-таки похожего хоть несколько на настоящий чай. Слава богу, никаких последствий от вчерашнего шатания для моего здоровья не произошло. Я немного только устал.

28. Суббота. И сегодня ни одного места в отелях не оказалось. Завтра едем в Зальцбург.

Что нам всего нужнее?

О, многое, скажут нам: улучшение финансов, усиление промышленности и торговли, администрация, в которой как можно было бы менее изъятий из закона и злоупотреблений.

29. Воскресенье. Уезжаем в Зальцбург. Вчера и сегодня погода гнусная.

О Мюнхен, о Мюнхен! Как ты противен мне и твоя выставка с лицемерным чествованием искусства. А главное, что в тебе не нашлось места для скромного путешественника!

Дипломатия есть не иное что, как совесть политики — совесть, которую беспрестанно оскорбляют, хотя на нее и ссылаются, когда дело идет о каком-нибудь очень крупном зле.

Половина дороги от Мюнхена к Зальцбургу — скучная и однообразная равнина. Но подвигаясь ближе к Зальцбургу, встречаешь снова старых знакомых — горы. Это Тирольские Альпы.

Прибыли в Зальцбург. Гостиница «Европа». Дождь с ветром и холодом.

Я все стараюсь отыскать в русском народе элемент, который бы послужил стимулом к образованию его характера и способен бы был возвысить его нравственно и политически.

30. Понедельник. Приятная прогулка по городу и по чрезвычайно живописной долине в замок и парк Шварценберга.

Вершины снежных Тирольских Альп.

На скале замок Мирабель. Немного пониже женский монастырь.

Напротив, по другой стороне реки Зальцах, тоже на высокой скале, монастырь капуцинов.

Отсюда вдоль гор по их крутым скатам тянутся стены крепости.

Из окон моей комнаты видна на далекое пространство прекрасная долина.

31. Вторник. Инстинктивное непреодолимое чувство влечет нас к родине, несмотря на все ее неурядицы.

Что бы ни говорил опыт и рассудок, а мы часто любим то, что по их внушению не заслуживает любви.

Финансы, промышленность, торговля, словом все, что составляет богатство народов, достигается медленно.

Школы могут совершенствоваться тоже не иначе, как постепенно. Но надобно, чтобы они составляли главный предмет народных усилий.

Они не только важны для нас в отношении к развитию и общей образованности — в них должно созреть и вырасти наше национальное, нравственное и умственное могущество в тех своеобразных чертах, какие свойственны нашему духу и положению.

Наши школы не должны приготовлять ни материалистов, ни идеологов: они должны приготовлять людей, верных закону и долгу, людей, которые были бы способны стоять крепко под знаменем своего отечества.

Главное, что отличает современную цивилизацию, — это до крайности доведенное усиление принципа и н д и в и д у а л ь н о с т и.

Линц. Дорога сюда из Зальцбурга довольно скучная — почти вся в лесах.

Отель «Эрцгерцог Карл». Перед окнами Дунай, здесь уже довольно широкий.

Сентябрь 1. Среда. Погода нехорошая. Сильный ветер и, кажется, холодно.

Может быть, и потому еще не любит нас Европа, что она считает нас отсталыми в образованности и как бы незаконно насильственно вторгнувшимися в среду ее народов. Что касается до отсталости нашей, то мы этого вовсе не скрываем, а к тому и многое уже заимствовали у народов, нас опередивших на этом пути. Что же тут достойного неприязни? Мы, напротив, думаем, что Европе не совсем приятны успехи, которые в короткое время доказали, что мы в состоянии многое сделать и что эти успехи ручаются за высокую будущность. Может быть, Европе и было бы лучше, если бы мы оставались в прежней неподвижности и закоснелости. Ведь с варварами можно делать все, что угодно, можно производить у них революции, когда это кому нужно, навязывать смешные конституции, свергать с престолов одних государей и возводить других — словом, распоряжаться в варварской стране для своих выгод.

1-го, в среду, из Линца утром. Прелестные места, особенно при повороте Дуная. Незадолго до Вены прекрасные дачи по извилистой прекрасной долине. С одной стороны лес, называемый Венским.

3. Пятница. Вена.

У русских здравый природный смысл, делающий их способными ко всему человеческому. В них большая доля жизненности и теплоты сердца. В разуме России много еще неразвитого. Но он разовьется, ибо Россия уже идет путем развития. Теплота сердца при известных обстоятельствах способна в ней дойти до самоотвержения. Кажется, это хорошие залоги будущего.

10. Пятница. Петербург. После продолжительной и тяжкой болезни я, по совету врачей, 30 марта отправился за границу, чтобы там, на свободе, чистым южным и здоровым воздухом поправить свое здоровье. Всего провел я за границей пять месяцев и возвратился в Петербург 8 сентября в среду, по Варшавской железной дороге.

Что же мое здоровье? Оно не восстановилось вполне, но заметно улучшилось. Меня пугают влиянием здешнего климата — да ведь всю жизнь ладить надобно с ним.

Дорогой я вел краткие заметки. Но теперь возобновляю мой обычный дневник. Итак:

11. Суббота. Англия до такой степени завистлива и корыстолюбива, что она готова была бы, если бы могла, весь земной шар превратить в рынок, где никто не мог бы ничего продавать, кроме нее, и где бы даже не существовало другого рода людей, кроме торгашей и покупщиков.

12. Воскресенье. Поездка моя за границу не привела меня к полному восстановлению моего здоровья, она только несколько содействовала его улучшению. Впрочем, в последнее время я меньше чувствовал слабости и меньше усталости, а дыхание мое было совершенно свободно. Но вот дня два, как начался у меня кашель, а сегодня с утра часов до трех я претерпевал большую слабость.

В конце концов мне, кажется, предстоит борьба физическая, похожая на ту, какую вынес я до поездки за границу. Что же тут делать? Будем бороться. Надобно опять взывать к мужеству и бодрости духа.

Хуже всего, что я, по всей вероятности, не в состоянии буду продолжать моей службы в Римско-католической академии.

Нельзя не признать в человеке некоторой естественной наклонности к добру, к уважению нравственных начал. Это доказывается, между прочим, и на мне. Не имея ни малейшей возможности быть полезным людям в том, что они считают своею пользою и благом, будучи совершенно безвластным, да даже безгласным в обществе, живя, так ска-

зать, единственно по милости наших служебных и административных предрассудков, я тем не менее встречаю много сочувствия к себе и расположения от людей, которые решительно ничем от меня пользоваться не могут, и встречаю это единственно потому, что я честный человек и всегда был готов и словом и делом споспешествовать нравственному возвышению человека, хотя в том чрезвычайно мало успевал, отчасти по неспособности моей, а отчасти и по недостатку к тому средств.

16. Четверг. Если вы в искусстве даете мне ту же грязь, какую топчем мы в действительности и в жизни, то на что оно мне?

Искусство, говорят, украшает жизнь, смягчает нравы, развивает вкус к наслаждениям благородным, чуждым всего грубого и безобразного, — оно отличает человека цивилизованного от дикаря. Все это правда. Но все это касается более внешнего, чем внутреннего состояния человека, если искусство не хочет иметь никакого дела с идеалом. Идеал служит удостоверением, что человек может быть лучше, чем он есть или бывает. Стремление к идеалу есть путь к нравственному прогрессу.

17. Пятница. Слышен запах войны в воздухе.[346] У нас делаются и приготовления к ней. Англия умерила несколько свой энтузиазм к туркам и их зверству. Но она все-таки боится за Константинополь, чтобы он не достался России. Константинополь ей нужен как рынок: хлопок и фунты стерлингов составляют высший идеал ее в политике. Австрия допускает на Балканском полуострове одно status quo с небольшими изменениями в пользу славян. Она притворяется, что верит, будто Турция это сделает без понуждений с чьей бы то ни было стороны, и потому явно покровительствует туркам и враждебно смотрит на Россию. Россия не может отступиться от своих требований, сто раз всячески заявленных Европе, не желая воспользоваться ни пядью земли от разлагающейся Турции. Но ее усилия ни к чему не привели, кроме оскорблений со стороны Англии и Австрии. Итак, честь народа, кото[рый] теперь находится в сильнейшем возбуждении, требует защиты и оружия. Упрекают наше правительство, что оно и так долго слишком было уступчивым перед наглостью своих недоброжелателей.

Не все веселое бывает умно и не все умное весело.

19. Воскресенье. Что же это такое? Или я делаюсь совсем неспособным для жизни?

Какие нравственные основания поступков вы придумаете для людей, которые хлопок и фунты стерлингов считают высочайшею задачею жизни и цивилизации, а прогресс полагают в том, чтобы как можно более сбывать другим, разумеется с барышом, фабричные продукты хлопка? Итак, хлопок и фунты стерлингов — вот в чем вся мораль Англии. И это, впрочем, ничего бы. Но зачем это отвратительное лицемерие, эти митинги в пользу человеколюбия, эти религиозные провозглашения, весь этот вздор глубоко развращенного народа, который хочет казаться цивилизованным и христианским!

22. Среда. Какое-то неопределенное, но неудовлетворительное расположение духа. Причина этого, конечно, в плохо восстановляющемся здоровье. Это причина физическая, но влияние ее простирается без сомнения и на область нравственную. Как же тут быть? Надобно стараться в нравственной области вызвать силы, которые могли бы бороться и отстаивать себя от неопределенных физических влечений. Это необходимо, другого исхода нет.

23. Четверг. Лучше оставаться в сомнении, в нерешимости относительно некоторых вопросов высшего значения, нежели их игнорировать или отрицать их значение, важность и необходимость для человечества.

25. Суббота. Прогулка в экипаже. На кой же черт была эта поездка за границу, когда надобно продолжать те же церемонии с моим глупым здоровьем, как и до отъезда?

27. Понедельник. Какое-то серьезное недовольство на меня налегает. Надобно призвать в помощь все свои нравственные силы.

28. Вторник. С чем бы ни приходилось вам бороться, но главное условие всякой борьбы есть мужество и твердое намерение не поддаваться тягостным впечатлениям настоящего.

Если бы нужно было особенное доказательство нашей умственной незрелости, недостатка в нас основательного знания и вообще недостатка нашего образования, то его нашли бы в той ребяческой самоуверенности и заносчивости, с какими наши так называемые передовые умы решают самые трудные вопросы человечества.

Октябрь 3. Воскресенье. Все то же дурное состояние здоровья. Иной день меньше, другой больше слабости в теле, а она-то и составляет главную мою беду.

5. *Вторник*. В наше время доброкачественность и достоинство каждого человека измеряются не тем, умен ли он или нет, — умны все, — а тем, в какой мере каждый из нас способен отказаться от мысли, что он умнее всех на свете.

Я враг всего модного в науке, в искусстве, в мышлении, но это не значит, что я враг всего нового. Новое — это действительный шаг вперед, шаг прогресса. Модное — это мнимый шаг вперед, изменение существующего не потому, чтобы это изменение было нечто лучшее, но, напротив, без всякой гарантии улучшения.

6. *Среда*. На днях напечатан новый закон, требующий, чтобы всякий местный чиновник: губернатор, генерал-губернатор и градоначальник издавали свои собственные правила, касающиеся благочиния, благоустройства и безопасности.[347] Вот децентрализация, сущность которой состоит в том, что Россия отдается.

К чему привела нас мудрая внешняя наша политика? Россия оказывается ущемленною между крайним унижением и войною. Кажется, ни к чему не повели нас все нежности, расточенные нами в таком обилии перед Пруссией и славянами.

И Франция становится нашим врагом.

Человек довольно гадок и несчастлив, а материалисты стараются сделать его еще гаже и несчастнее.

7. *Четверг*. Знания не разъясняют и не в состоянии разъяснить всего, что нужно для нашего человеческого существования. Нужно прибегнуть к идеям.

Вечером, часов в 11, приключилось нечто такое, чего я не ожидал. Днем я чувствовал себя довольно порядочно, гулял в экипаже и даже с четверть часа прошелся по Летнему саду, заехав предварительно к президенту и записавшись там. Но вечером почувствовал во всем теле жар и озноб вместе с слабостью и вдобавок боль в груди. Приехавший Бессер (доктор) нашел во мне лихорадочное состояние.

Но этот внезапный шквал в груди с неприятным состоянием в теле меня огорчил. Неужели невозможно для меня прочное облегчение, если меня постигают так внезапно и так неожиданно пароксизмы? А еще хотел завтра ехать в заседание Академии. Как же я на будущее время могу устроить мои дела в обеих академиях![348] Это крайне меня беспокоит.

8. Пятница. Вечером был Краевский. Он рассказал мне о своем печальном положении вследствие воздвигнутых на него нападений со стороны всех журналистов наших. Поводом к этому, как он сам сознается, была ошибка его собственная. В одном из номеров «Голоса» было сказано, при начале еще войны, что Сербия не приготовлена к ней и что едва ли благоразумно, что вассальное государство восстает против своего сюзерена. При том возбуждении умов, которое охватило все наше общество и народ, это, конечно, была ошибка. Но все-таки ведь это было одно мнение, не более — и мнение притом такого органа, который постоянно стоял за славян и, еще важнее, всегда был на стороне лучших общественных интересов, несмотря на взыскания, которым он подвергался со стороны администрации. Как бы то ни было, а все в этом против «Голоса» и его редактора, а газета «Новое время» наповал начала ругать «Голос». Дошло, как это у нас часто бывает, до самых нелепых толков и слухов — что «Голос» подкуплен англичанами и даже турками. Но вот, что уже из рук вон, как говорится: Орест Миллер на лекции в университете так раздул в студентах ненависть против «Голоса», что, говорят, они хотят послать ему ругательный протест.

Я ни за кого не стою, тем более что невозможно добиться, где правда. Но мне жаль Краевского. Он своею газетою много содействовал к разъяснению наших нужд, а ему приписывают уже черт знает какие гадости. Но главная вина его в глазах его собратьев по ремеслу не в его газетной ошибке, а в том, что постоянным трудом, и трудом полезным для общества, в течение многих лет он приобрел порядочное состояние, и газета его в последнее время достигла до 17 000 подписчиков.

Война, кажется, решена окончательно.

Кто в настоящее время хотел бы у нас рассуждать, тот сделал бы непростительную ошибку: везде только гвалт, крики, шум. Всякое разумное слово будет задушено и пришиблено. Это род всеподавляющего террора.

10. Воскресенье. Когда опыт и лета разоблачают пред вами жизнь, вы чувствуете ее пустоту и ничтожество. Только в неопытности и незнании ее заключаются настоящие основы деятельности. Поэтому понятно, что молодость действует сильно и живо, и упрекать ее в этом было бы и несправедливо и глупо. Это значило бы упрекать ее в том, что она деятельна и жизненна.

11. Понедельник. Существует ли какое-нибудь ограничение для человеческих поступков, кроме внешних условий природы и существующего порядка вещей? Другими словами: существует ли закон внутренний, закон совести, нравственный закон, который бы ограничивал наши поползновения к таким или другим деяниям?

Были ошибки против правил благоразумия в моей жизни, были проступки, но преступлений или дурных дел не было. А все-таки приходится теперь отвечать за все сделанное даже в давно прошедшем.

Надобно же, по крайней мере теперь, избегнуть малодушного и тщетного сетования, зачем то было сделано так, а не иначе, или это не сделано. Хуже всего был бы упадок духа.

13. Среда. Каждый день начинается мыслью: борись и крепись!

14. Четверг. Едва ли настоящая минута не самая благоприятная для России, чтобы с честью выйти из своего затруднительного политического положения. Она может начать войну, не опасаясь навязать себе европейскую коалицию.

23. Суббота. Несколько предыдущих дней было недурно, а сегодня опять неудовлетворительно.

Терпение, терпение и терпение.

Цивилизация, служащая источником всякого прогресса, в самом деле производит великие вещи. Она делает человека умнее, знающее, увеличивает его внешнее благосостояние и проч. и проч., но взамен она делает его коварнее и безнравственнее. Он меньше делает открытого, грубого зла своему ближнему, но втайне подкапывает его благо, его честь. Строить ему всевозможные козни он считает для себя за ничто: это значит искусство жить. Главное, он убивает в себе веру во все высшее. Человек по количеству, а не по качеству способностей своих выше животного. Вот и все, чего добилась современная наука. Вероятно, она изменит со временем эту гипотезу, которая, однако, теперь составляет краеугольный камень всех дел и системы человеческих поступков. Цивилизация только усовершенствовала и, правду сказать, довела до высокой степени совершенства наши способности. Но далее куда же мы пойдем?

Когда нахал без всякого серьезного образования и знаний, с одними фразами фельетонного глумления, может

завладеть общественным мнением нашим, так чего же стоит это мнение.

30. Суббота. Был один чрезвычайно благоприятный момент для наших нынешних дел относительно славян и в Турции. Это когда Европа предоставила России начать в Турции военное экзекуционное движение. Мы могли предложить Турции свой ультиматум. Мы и предложили его с требованием ответа в 18 часов. Дело шло о перемирии и об условиях будущего мира, между которыми главное было — гарантия в исполнении условий договора со стороны турок при содействии нашей оккупации. Что же вышло? На перемирие турки согласились, сократив шестимесячный срок на двухмесячный. О прочем ни слова. Мы это и приняли. И вот опять открыты в течение двух месяцев двери для всевозможных дипломатических увертки и интриг. Между тем приготовления к войне делаются самые значительные. Почему же такая медленность и отсрочка? Общее неудовольствие по поводу наших колебаний и нерешимости. [349]

Ноябрь 2. Вторник. Скверно, гнусно. Если уж умирать, так зачем такие церемонии? То хуже, то лучше. В теле слабость... хоть не столь большая, чтобы мешать мне ходить по комнате. И все такое неладное, и в груди сидит враг, который хотя теперь (2 часа) молчит, но к ночи, вероятно, запустит в меня свои когти.

О, природа умеет мстить нам за наши ошибки.

Но не будем же малодушны и станем по возможности отстаивать свою жизнь, а когда природа нас захочет совсем прибрать к своим рукам, будем повиноваться ей без малодушия и ропота.

7. Воскресенье. Все гадко попрежнему. Что такое турки? Стая бешеных собак, ошалевших от сознания своего бессилия. А что такое англичане? Цивилизованный народ, извлекший из прогресса основание рыночной политики.

9. Вторник. «Голос» находится в страшной вражде с «Новым временем» с самого дня существования последнего. В сегодняшнем номере (310) «Голоса» помещена большая статья по поводу воинственного азарта «Нового времени», которое всячески клеймит его, «Голос», за наклонность будто бы его к миру во что бы то ни стало. [350]

Нет хуже деспотизма, как деспотизм толпы, особенно величающей себя либеральною.

«Вот я собирался к вам все навестить вас, да страшно был занят», — сказал один господин другому, хорошему своему знакомому. «Э, полноте, — отвечал этот: — довольно и того между приятелями, если они не подкапываются друг под друга».

10. Среда. Содействуя злодействам турок, Англия ставит себя у позорного столба истории.

24. Среда. Пока жив, будь мужем!

26. Пятница. Произошло нечто подобное избиению младенцев: разом запрещены или приостановлены четыре газеты: «Новое время», «Русский мир», «Биржевые ведомости» и «Биржевая газета». За что? Говорят, что-то болтали о водке и финансах наших. Это не последний, однако, промах администрации — давать знать Европе, что у нас действительно что-то неладное делается внутри. [351]

Природа и жизнь не иное что, как неустающая, бесконечная игра сил, ни значения, ни цели которой мы не знаем. Разум вносит в эту игру нечто похожее на цель и порядок, по крайней мере в том, что касается человечества. Кое-что делает в этом отношении и так называемая цивилизация. Но это кое-что подвергается беспрерывным колебаниям и извращению. И вот так-то человечество живет, и иначе оно и жить не может. А игра продолжается и будет продолжаться бесконечно.

30. Вторник. Императорский титул считается выше королевского, следовательно, английская королева, принявшая титул индийской императрицы, тем самым объявила себя мусульманской государыней и поставила Англию, как королевство, ниже новой империи. Великая честь для Англии!

Декабрь 1. Среда. Крепче и крепче держись за дух!

Я серьезно начинаю думать, что лучше умереть, чем жить так, как я живу вот уже год.

2. Четверг. Часто я борюсь с воспоминаниями о моем прошедшем. Сколько ошибок! Сколько нелепостей и заблуждений! Какие я сам своею глупостью воздвигал помехи и внешнему своему благосостоянию и духовному усовершенствованию. Эти воспоминания часто грызут меня, как какие-то злые насекомые, вылезающие из своих темных логовищ. И вот здесь-то нужно мужество, чтобы не поддаваться бесплодному горю. Это неисправимо в прошедшем, но надобно, чтобы его не было в настоящем и будущем. Великое малодушие предаваться сетованию о том, чего исправить

нельзя. Раскаяние ведет к смирению, но смирение не есть малодушие.

Терпение в настоящем, а в будущем решимость на все, даже на гибель.

Я теперь ничто для общественной деятельности и, должно быть, погружен исключительно в себя самого и для себя — пока и для себя и для других буду уже полное и совершенное ничто.

3. Пятница. Еще один банк опрокинулся — банк ‹Ф. П.› Баймакова, издателя «С.-Петербургских ведомостей». Потерпевших, говорят, тысяч до трех неповинных людей — нет, виноватых в том, что они доверились кредиту, не существующему в России. В Москве, говорят, страшное число банкротств. Благо есть на что ссылаться — на войну.

Невольно вспомнишь стихи покойного графа ‹А. К.› Толстого:

Зашаталася, голубушка моя,
Заворовалася, запилася.[352]

6. Понедельник. Произошла какая-то свалка у Казанского собора. Какие-то неизвестные революционеры задумали произвести демонстрацию. Разумеется, полиция их остановила, и, говорят, публика была заодно с ней. Что это такое — неизвестно. Только ходят по городу одни слухи, в которых, разумеется, никакого толку нельзя добиться. Остается ждать разъяснения.[353]

11. Суббота. С 15 ноября морозы от 10° до 15°, а пять или шесть дней тому назад постоянно доходили до 24 и 25. На Неве, говорят, до 30 и даже выше.

В газетах, сперва в «Правительственном вестнике», а потом в «Голосе», о происшествии на площади у Казанского собора. Началось в церкви во время богослужения разными непристойностями; потом на площади у собора раздавались слова: «И мы проведем день 6 декабря в воспоминании о несчастных каторжных (политических)», затем знамя с надписью «Воля и земля» и речь — впрочем, не конченная — в таком же вкусе одного из коноводов. Предполагалось идти к Зимнему дворцу и чего-то требовать. Полиция начала арестовывать виновников. Народ помогал полиции. Успели забрать более 30 человек, между которыми 11 женщин. Народу было множество. Словом, это была какая-то безумная попытка революционного свойства. Все это в выс-

шей степени бессмысленно, конечно, а теперь особенно, и вредно перед готовностью нашею к войне.

23. Четверг. О русская земля! Трудную и плачевную эпоху переживает Россия! Неужто придется смириться перед Англией?

А какая неурядица внутри! Европа все это знает, и как она нас ненавидит, то естественно и радуется, думая, что войны мы поднять на свои плечи не в состоянии, — а мир и позор для нас синоним.

О ‹А. И.› Михайловском-Данилевском, историке 1812 года, говорится, что он, конечно, неизмеримо уступает как баснописец Крылову, но превосходит его вымыслами.

Князь Чернышев был тогда министром военным, и этот историк представил его чуть не первым полководцем Европы и спасителем России.

Что человек? Отчасти животное, отчасти жертва.

27. Понедельник. Несколько дней занимался составлением обычного отчета по II отделению Академии наук за сей год, диктуя. Сегодня отправил совсем готовый к Гроту.

Вчера известил на повестке, что не могу быть на сегодняшнем молебне по болезни.

Мы до сих пор составляем какую-то странную посредственность. Мы держава не слабая, но и не сильная. Мы грозим, и постоянно уступаем. Мы играем в образованность и цивилизацию и прогрессируем во всем, что касается благоустройства и улучшения быта общественного и нравов.

Говорят, что наш народ одарен хорошими умственными способностями и добродушием, и в то же время, однако, он и образом жизни и нравами недалеко отходит от дикарей. Мы наделали у себя и свободу, и суды, а между тем улепетываем от них при всяком удобном случае. Черт знает что такое. Мы не европейская и не азиатская держава: у нас пороки европейцев и азиатцев, а своих добродетелей мы выработать не успели. Одним словом, повторяю, что черт знает что такое!

Говорят, что многие молодые женщины, приставшие к выходке у Казанского собора — иные только из любопытства замешавшиеся между другими, — избиты толпою чуть не до полусмерти. В этом видят патриотическое настроение массы! На знамени было написано: «Земля

и воля». В толпе это растолковали, что вот бунтовщики хотят у народа отнять землю и волю, которые уже даны им царем.

Бодрость духа! Бодрость духа!

29. Среда. Сегодня торжество юбилея в Академии. До меня собственно ничего нет касающегося. Я дома сражаюсь с моим недугом.

Что значит умереть? Умереть значит перестать существовать и большею частью перестать терпеть зло, которым исполнено существование.

1877

Январь 1. Суббота. Болен, болен и все болен. То я укрепляюсь в мысли, что пусть будет что будет, но не надобно ни в каком случае терять бодрости и присутствия духа, хотя бы пришлось погибнуть; то я унываю и падаю духом. Так идет день за днем.

Как бы то ни было, а я каждый день начинаю воззванием к б о д р о с т и д у х а, хотя действие этого воззвания не всегда продолжается целый день.

8. Суббота. Война или мир? Вот вопрос, с которым все обращаются друг к другу, и никто ничего не понимает. Константинопольские деяния — совершенный хаос. Одно только очевидно, что Европа гниет в своих материальных миросозерцаниях и ей никакого дела нет до общечеловеческих вопросов. И другое также очевидно — что она ненавидит Россию и ей хочется втянуть ее в войну, для нее не желанную и тяжелую, и взвалить на плечи все пагубные последствия этой войны. Как мы поступим — покрыто непроницаемым мраком.

Европа знает, с кем имеет дело, и потому обращается с нами то с насмешливым снисхождением, то с прямым невниманием, видя в нас ребяческую заносчивость и детское легкомыслие.

Самая скверная черта характера — слабосилие, соединенное с заносчивостью.

Мы смеемся над турецкой конституцией, а между тем это мастерское создание лукавого Альбиона, прямо направленное против России. И что вы скажете на это?

Запрещена новая газета: «Собеседник», — которой вышло всего 7 номеров, — по доносу ‹Н. В.› Мезенцова, начальника Третьего отделения. Я прочел место, подавшее к этому повод, в 1-м номере. Конечно, в нем нет ничего ужасного в цензурном смысле: можно упрекнуть издателей только в неловкости и в несколько неприличном шутливом тоне некоторых подробностей. Статья заимствована из «Revue des Deux Mondes». Редактору «Собеседника» велено подать в отставку. [354]

Жаль мне его несказанно: это один из достойных людей и вовсе не либерал в том смысле, какой придают этому слову Мезенцов, ныне знаменитый, и ему подобные. Напротив, он очень консервативного образа мыслей.

В Турции конституция. [355] Конечно, Турция немного смешна с этой конституцией. Однакоже это может колоть кое-кому глаза.

Ты не умел по закону житейской мудрости создать своего благосостояния, так не сетуй же ни на кого, кроме самого себя.

15. Суббота. Разве вы не понимаете, что общество не питает никакого доверия к власти, которая сама не понимает, кажется, ничего, кроме того, что она власть и что ей вечно хочется оставаться такою — у власти, которая сегодня учреждает одно, а завтра отменяет вчера данное.

Что было сперва мнением, то не должно превращаться в предрассудок.

16. Воскресенье. Успех часто зависит единственно от того, в какой мере мы угождаем современному веку, как бы он ни был нелеп, и требованиям известного круга людей.

Наши славянофилы более славяне, чем самые славяне. Славянам в Турции действительно до невыносимости дурно, и что, наконец, они восстали — это совершенно естественно. Но славянам австрийским живется недурно: ведь у них есть гражданская безопасность, и они, конечно, не выиграли бы ничего, перешед под владычество другой державы, а потеряли бы много. Что касается до национального единства, то его у славян никогда не будет — у них вечная рознь. Если бы не мадьяры, то им ничего лучшего не нужно было бы у Габсбурга. Мадьяры — одна больная сторона у австрийских славян; с этим, конечно, надобно бороться, но не в смысле отторжения о. Австрии.

27. Четверг. В 24-м номере газеты «Голос» обнародован юмористический циркуляр нашего канцлера о знаменитой Константинопольской конференции. Я называю его юмористическим, и в самом деле он заключает в себе скрытую, но ядовитую насмешку над европейскими кабинетами. Смысл циркуляра таков: «Ведь вы плуты — это всем известно. Сознайтесь же в этом». [356]

Между тем вот и визирь, провозгласивший в Турции конституцию, сменен султаном и сослан. Комедия, сущая комедия! Что-то скажет на это Джон Булль, сочинивший турецкую конституцию.

30. Воскресенье. Прекращена розничная продажа «Голоса» за статью Маркова в фельетоне о недоверчивости к земским училищам да за статью в том же номере о судебных следователях. [357]

Февраль 2. Среда. Сегодня весь день так дурно я себя чувствовал, такое истощение сил, что мысль о смерти показалась мне утешительною.

3. Четверг. И что тут необыкновенного или страшного? Особенно, когда привыкнешь к этой мысли, — а привыкнуть к ней вовсе не так трудно, как кажется с первого раза.

Есть две вещи, с которыми трудно примириться человеку, — это всероссийская администрация и медицина.

На днях было у меня заседание об издании сочинений князя Петра Андреевича Вяземского. На нем присутствовали граф С. Д. Шереметев, Грот, Бычков и ‹Н. П.› Барсуков. [358]

Вся история основана на умышленном или неумышленном обмане людей, стремившихся возвыситься над другими, на недостоверных преданиях, на недоразумениях и на теориях педантов, или на так называемых научных приемах объяснений необъяснимого.

Может ли народ, одаренный блестящими и даже гениальными способностями и снабженный всеми дарами цивилизации, сделаться грабителем? Может без сомнения, чему доказательством служит народ английский.

Другой цивилизованный, в высшей степени даровитый народ может ли пасть до того, чтобы повиноваться битому солдату и шайке интриганов? Может — примером служат французы.

Июнь 19. Воскресенье. Скука, тоска, дождь и холод,

холод и дождь, особенно последний. Лета в Петербурге нет. Медицина предполагала, что прогулки на даче помогут мне и хороший воздух; а вот я сижу в комнате безвыходно и страдаю, как страдал в городе.

А все же в этом положении надобно опираться на внутреннюю свою силу и мужественно бороться со всякими злами.

Несколько дней, как наши перешли Дунай.

26 мая, в четверг, переезд на дачу в Павловск, в дом Громовой. День был прелестный, жаркий.

Весь июнь в холодах. Пять дней только было теплых. Со вчерашнего дня опять холод, хотя погода ясная, — и мне воспрещено выходить на воздух.

27. Понедельник. Борьба и мужество. Интересы Англии становятся комическим выражением в устах первого ее министра. Эти интересы вот, видите, делают зависимыми от Англии все народы.

Июль 19. Вторник. Здоровье гнусное-прегнусное; лето гнусное-прегнусное; человечество гнусное-прегнусное, потому что попускает туркам резать и жечь людей, а Европа занимается дипломатией, Англия своими интересами. Трудно уберечься от глубокого презрения ко всему, что живет и мыслит. Но надобно по крайней мере беречься от страдания, насколько это возможно твердому и мужественному духу.

Ветер завывает как лютый зверь. Дождь, мрак.

20. Среда. Победы за победами при вторжении в Турцию: это был медовый месяц для нас войны. Теперь — неудача в Малой Азии и проигранное сражение при Плевне, и затем какое-то мрачное молчание в армии, лишающее нас сведений о ней.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первые же судебные процессы против печати, организованные правительством на основании закона 6 апреля 1865 г., закончились демонстративно мягкими приговорами. Провозглашенная судебной реформой «независимость» суда и относительный «либерализм» многих судебных деятелей «первого призыва» исключали на первых порах непосредственное вмешательство правительства в эти приговоры, заставляли прибегать к намекам и обходным маневрам. Так, еще 29 августа 1865 г. Валуев сообщал управляющему министерством юстиции Н. И. Стояновскому указание царя, чтобы цензурному ведомству «всегда оказывалось надлежащее содействие со стороны членов судебного управления» (Лемке, Очерки, стр. 414—417). Позднее правительство стало прибегать уже к прямому нажиму на суд, широко используя вместе с тем меры *административного* воздействия на печать, особенно повременную (предостережения, запрещение розничной продажи и т. д.). См. ниже, прим. 57.

[2] Как писал В. И. Ленин, «...земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством» (Сочинения, т. 5, стр. 32). На первых порах некоторые земства пытались отстаивать свою самостоятельность, независимость от действий местной администрации; отсюда — ряд столкновений с губернаторами, особенно по вопросу о денежных средствах и бюджете земских учреждений (см., например, ниже, записи 16—17 января 1867 г. и др.). Столкновениям этим сопутствовал ряд выступлений в прессе — о правах и возможностях земств, о взаимоотношениях земств с местной администрацией и правительством и пр.

[3] В сохранившемся тексте «Дневника» нет записи о первом предостережении «Русскому слову», 20 декабря 1865 г.; оно было дано на основании отзыва Гончарова об октябрьской книжке журнала («Русский вестник», 1906, № 10, стр. 579—583) и особенно о статье Д. И. Писарева «Новый тип» — по поводу романа Чернышевского «Что делать?», — исполненной «страстного увлечения и глубокого уважения и к автору и к его произведению». 6 января 1866 г. Гончаров представил Главному управлению по делам печати новое донесение — об очередной, ноябрьской книжке журнала; он обращал внимание на статьи Д. И. Писарева («Исторические идеи Огюста Конта»), Н. В. Шелгунова («Рабочие ассоциации») и на комедию (в постановлении ошибочно названную «рассказом») С. Н. Федорова «Удочка» («Голос минувшего», 1916, № 11, стр. 137—140). Гончаров настаивал на судебном преследовании «главного виновника» — Писарева, однако совет Главного управления признал «более удобным» объявить журналу предостережение. В предостережении о статье Писарева говорится, что в ней «отрицается божественное происхождение христианской религии, и она представляется лишь... одним из последовательных фазисов умственного развития человечества»; кроме того, «в этой же статье заключается возбуждение низших и неимущих классов против высших». Что касается статьи Шелгунова, то, по определению того же документа, автор ее «обнаруживает явное сочувствие не только к экономическим, но и вообще к социальным теориям Фурье, Оуэна и Сен-Симона и затем цитирует с одобрением постоянные выражения последнего о том, что «rentier» ‹рантье› и собственник суть бремя для общества» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 122—123).

[4] Речь А. Г. Строганова, произнесенная им в одном из заседаний Одесской городской думы, явилась своеобразной декларацией о преимущественных правах дворянства и аристократии на управление государством. Подкрепленное требованием дворянской конституции, аристократически-фрондерское выступление Строганова правительственные круги сочли «либеральным», и Строганову было предложено оставить службу (Л. М. де Рибас. Из прошлого Одессы. Сборник статей, Одесса, 1894, стр. 60).

[5] Предостережение «Вести», органу реакционной дворянско-крепостнической оппозиции реформам 60-х гг., было вызвано статьей (1866, № 3), в которой выражалась мысль «о необходимости учреждения центрального земского собрания для земства разных губерний», которое должно было явиться своеобразным земским (дворянским) парламентом. В вину газете было поставлено также напечатание речи А. Г. Строганова («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 123—124).

[6] А. А. Краевский был привлечен к суду за опубликование статьи И. А. Острикова «Остзейский край со стороны религиозной нетерпимости» («Голос», 1865, № 333), в которой вскрывался ряд фактов преследования раскольников «со стороны неразумных ревнителей православия». Цензурное ведомство усмотрело в статье «восстание против правительства» и потребовало на этом основании ссылки Краевского в каторжные работы. Так как судебная палата не согласилась с подобной квалификацией, дело по протесту прокурора было перенесено в сенат, который 27 мая 1866 г. определил подвергнуть Краевского двухмесячному аресту на военной гауптвахте, Острикова — трехдневному («Материалы о цензуре и печати», т. III, ч. 1, стр. 12—64).

[7] «Размолвка» царского правительства с папою Пием IX началась в 1863 г., когда папа, неоднократно выражавший сочувствие польской шляхте, отклонил предложение русского двора прислать в Петербург постоянного нунция (посланника). 12 апреля 1864 г. царское правительство отозвало своего посланника из Рима, оставив лишь поверенного в делах, барона Е. Ф. Мейендорфа. После столкновения с папой 15 декабря 1865 г., о котором рассказывает Никитенко, Мейендорф был отозван, и дипломатические отношения России с Ватиканом прерваны (С. С. Татищев, Император Александр II, т. I, СПб. 1911, стр. 494—496).

[8] Имеется в виду начатая по инициативе Наполеона III и при непосредственном участии французских войск так называемая «мексиканская экспедиция», имевшая целью свержение прогрессивного мексиканского правительства Б. Хуареса и превращение Мексики в зависимую от Франции «империю». В результате начавшейся освободительной войны интервенты были изгнаны из Мексики, а посаженный на мексиканский престол «император» Максимилиан (брат австрийского императора) — захвачен в плен и расстрелян (1867; см. ниже).

[9] В конце 1865 г. в придворных кругах возник проект организации Русского исторического общества. Общество ставило своей задачей собирать, обрабатывать и публиковать материалы и документы, «до отечественной истории относящиеся». Просуществовавшее до самой Великой Октябрьской социалистической революции Общество неизменно сохраняло замкнутый, придворный характер, являясь оплотом и цитаделью реакционно-дворянской историографии.

[10] Об этом случае упоминает «Летопись» Литературного фонда («XXV лет, 1859—1884. Сборник», СПб. 1884, стр. 58). Выступление Никитенко против выдачи пособий карикатуристу «Искры» А. Иевлеву объяснялось не только формальными причинами, о которых говорится в «Дневнике», но и враждой Никитенко к демократическому журналу.

[11] «Смерть Иоанна Грозного» была представлена в Академию наук на соискание Уваровской премии, но премию не получила, несмотря на очень положительный отзыв Никитенко; см. ниже, записи 1, 13, 14, 18 октября 1866 г.

[12] Имеются в виду книги Ю. Либиха «Будущность земледельческих государств» (СПб. 1861) и Г.-Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (СПб. 1865).

[13] *Грехи* В. П. Орлова-Давыдова — ближайшее участие в подготовке адреса московского дворянства царю в январе 1865 г. (см. т. II, прим. 380, 382).

[14] Трагедия А. Ф. Писемского «Екатерининские орлы» (в печати она названа «Самоуправцы» — «Всемирный труд», 1867, № 2, стр. 1—82) была представлена автором в Академию наук на Уваровскую премию. Никитенко, выступивший рецензентом драмы, отнесся к ней резко отрицательно. В переработанном виде его отзыв был в конце года опубликован в брошюре «Три литературно-критические очерка», СПб. 1866, стр. 1—16. Пьеса Писемского премии не получила.

[15] Великосветское общество для пособия бедным женщинам имело в своем ведении несколько воспитательных и благотворительных учреждений в Петербурге.

[16] Имеется в виду статья В. А. Соллогуба «О значении кн. Вяземского в русской словесности» («Беседы в Обществе любителей российской словесности», 1867, вып. 1, отд. II, стр. 17—32).

[17] Поэма В. А. Соллогуба «Нигилист» была напечатана в сборнике «Утро» (М. 1866), изданном М. П. Погодиным.

[18] Первое предостережение «Московским ведомостям», датированное 26 марта 1866 г., было продиктовано желанием Валуева обуздать влиятельную газету, подчинить ее своему курсу. «Нельзя допускать,— писал Валуев, — ad infinitum ‹до бесконечности›, чтобы издатели «Московских ведомостей» провозглашали себя изобретателями единства России и обвиняли в государственной измене всех тех, которые не разделяют вполне их воззрений по какому-либо вопросу. Дальнейшее снисхождение имело бы вид поставления этой газеты как бы вне общего закона» (ЦГИАЛ). О дальнейшем ходе этого дела Никитенко рассказывает в записях 4, 10, 26 апреля. Катков не принял предостережения и в очень резкой статье («Московские ведомости», 1866, № 69) довел об этом до всеобщего сведения, заявив, что предостережения не принимает и предпочитает прекратить вовсе издание газеты. Вместо административных репрессий Валуев неожиданно ответил Каткову уклончивой статьей («Северная почта», 1866, № 78), очевидно учитывая, что после каракозовского выстрела шансы «Московских ведомостей», как органа крайней реакции, высоко поднялись. Чувствуя

свою силу, Катков не пожелал оставить последнего слова за своим противником и ответил Валуеву новыми двумя очень резкими статьями в №№ 81 и 83 «Московских ведомостей». Валуев еще некоторое время пытался «обуздать» «Московские ведомости»; это проявилось вскоре во втором предостережении (см. об этом запись 8 мая 1866 г.).

[19] Цитата взята из отчета о публичной лекции Н. М. Якубовича в «С.-Петербургских ведомостях», 1866, № 86.

[20] В ближайшие дни после 4 апреля 1866 г. была выяснена личность покушавшегося, Д. В. Каракозова, а затем выявлен кружок ишутинцев, в который он входил, — кружок революционеров-террористов, веривших в возможность убийством царя и его приближенных вызвать революцию и изменение существующего строя. Выстрел 4 апреля явился сигналом для нового наступления черной реакции на прогрессивные, демократические силы в России, уже ослабленные ссылками таких деятелей, как Чернышевский, Михайлов, Серно-Соловьевич и многие другие, смертью Шевченко и Добролюбова, расстрелами революционеров, примкнувших к польскому восстанию. В мае 1866 г. Герцен констатировал, что «полицейское бешенство достигло чудовищных размеров. Как кость, брошенная рассвирепевшим сворам, выстрел вновь раззадорил злобу грызшихся и сдул слабый пепел, которым начало было заносить тлевший огонь; темные силы еще выше подняли голову, и испуганный кормчий ведет на всех парусах чинить Россию в такую черную гавань, что при одной мысли об ней цепенеет кровь и кружится голова» (Герцен, XVIII, 337, 391). Об общественной атмосфере после 4 апреля 1866 г. см. обширный материал, собранный Б. Бухштабом в статье «После выстрела Каракозова» («Каторга и ссылка», 1931, № 5, стр. 50—88).

[21] Кроме словесной *нотации* редактору «С.-Петербургских ведомостей» в III отделении, 13 апреля 1866 г. газете было объявлено второе предостережение за статью «По поводу народных заявлений» (1866, № 97). В статье этой, указывалось в предостережении, «заключается превратное и несогласное с законом истолкование значения земских учреждений... возбуждение недоверия к администрации вообще, равно бездоказательное обвинение оной в произволе и несочувствии к патриотическому настроению настоящего времени» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 127—128).

[22] Настоящая запись представляет выразительный пример одной из «комиссаровских легенд», в изобилии ширившихся реакционными кругами. Между тем, как указывает в своих воспоминаниях член следственной комиссии по делу Каракозова П. А. Черевин, ничто решительно не доказывало, что костромской мещанин О. И. Комиссаров действительно толкнул Каракозова и тем спас Александра II («Записки

П. А. Черевина. Новые материалы по делу «каракозовцев», Кострома 1918, стр. 3). Кому-то из придворных пришла в голову мысль выдать этого «простолюдина», случайно оказавшегося на месте покушения, за «спасителя» царя и при помощи этого подлога продемонстрировать мнимую любовь народа к царю-«освободителю». Комиссаров был сделан дворянином, в великосветском Петербурге установилась «мода» на Комиссарова — его возили по балам и театрам, заставляли показываться народу. Трафаретными восторгами пред «спасителем» продиктованы и записи Никитенко. Очень скоро он охладел к Комиссарову и его «подвигу»; ср. запись 14 апреля 1867 г.

[23] Слухи об аресте П. Л. Лаврова и Г. Е. Благосветлова опережали действительные события. У Лаврова обыск был произведен 24 апреля 1866 г.; через день он был арестован, а вслед за тем уволен со службы и выслан в Вологодскую губернию (В. С. Нечаева, Процесс П. Л. Лаврова 1866 г. — «Сборник материалов и статей редакции журнала «Исторический архив», вып. 1, 1921, стр. 45—72; Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки. «Academia», 1934, стр. 374, 379). Г. Е. Благосветлов был арестован в августе 1866 г. и провел в заключении около трех недель (Б. Козьмин, Г. Е. Благосветлов и «Русское слово» — «Современник», кн. 1, 1922, стр. 243; Н. В. Шелгунов, Г. Е. Благосветлов —«Сочинения Г. Е. Благосветлова», СПб. 1882, стр. XI).

[24] Иллюминация и бал во дворце (см. запись 18 апреля 1866 г.) были устроены по случаю дня рождения царя (17 апреля).

[25] В прежних изданиях «Дневника» эта запись ошибочно датировалась 28 апреля: очевидно С. А. Никитенко при переписке перепутала две записи — о заседаниях 28 и 30 апреля, пропустив первую и пристегнув ее дату ко второй; исправляем ошибку на основании протоколов Отделения русского языка и словесности за 1866 г. (Архив Академии наук СССР).

[26] 7 мая (25 апреля) 1866 г. студент Фердинанд Коген (а не Вульф, как пишет Никитенко) совершил покушение на О. Бисмарка, сделав пять выстрелов в него из револьвера (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, XXIII, 347, 348). Ф. Коген вскоре умер в тюрьме.

[27] Имеется в виду Н. И. Соловьев, бездарный критик, в ряде статей пытавшийся противопоставить передовой эстетической теории революционных демократов реакционную проповедь «чистого искусства», приправленную, по словам Писарева, «злокачественной инсинуацией» по адресу «нигилистов». Писарев писал, что статьи Соловьева — «жалкая помесь бессильной клеветы и самодовольного слабоумия» (Д. И. Писарев, Избранные сочинения, т. II, М. 1935, стр. 330).

[28] Запись Никитенко хорошо отражает атмосферу растерянности,

подозрительности, взаимного недоброжелательства, распространявшихся в правительственных кругах и дальше, за их пределами. В этой атмосфере подозрительным «демократом» оказывался, например, Н. А. Милютин, в действительности никаким демократизмом не грешивший и проводивший в Царстве Польском выразительно антинародную политику. Упоминая о Комитете для исследования положения России, Никитенко, повидимому, имеет в виду особую комиссию образованную вскоре после выстрела Каракозова для разработки конкретных мероприятий, связанных с новым правительственным курсом. В состав комиссии входили: Муравьев-Вешатель, шеф жандармов П. А. Шувалов, Д. А. Толстой и др.

[29] Материалы, доложенные П. П. Пекарским, вошли в составленное им «Жизнеописание В. К. Тредьяковского», составившее часть его большого труда «История Академии наук», т. II, СПб. 1873, стр. 1—258.

[30] Второе предостережение «Московским ведомостям» объявлено за утверждение (в передовой статье № 81 за 1866 г.), будто бы газета имеет право не публиковать о полученном ею предостережении, уплатив соответствующий штраф. «Голосу» предостережение объявлено, как говорится в официальном сообщении, за «оскорбительные отзывы, могущие возбудить недоверие к местному начальству», а также за «бездоказательные и неосновательные нарекания на правительство за непроизводительное будто бы употребление финансовых средств на создание или поддержку синекур и на смету наших высших учреждений» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 128—130).

[31] «Анекдот» о сожжении Гоголем своей пьесы (исторической трагедии из прошлого Запорожья) записан Никитенко не вполне точно. По просьбе первого биографа Гоголя П. А. Кулиша, Ф. В. Чижов сообщил ему следующий рассказ В. А. Жуковского: «Знаете ли, что он написал было трагедию?.. Читал он мне ее во Франкфурте ‹в 1841 г. — *И. А.*›. Сначала я слушал; сильно было скучно; потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю: «Ну, брат, Ник‹олай› Вас‹ильевич›, прости, мне сильно спать захотелось». — «А когда спать захотелось, тогда можно и сжечь ее», — отвечал он и тут же бросил в камин. Я говорю: «И хорошо, брат, сделал» (Николай М. ‹П. А. Кулиш›, Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I, СПб. 1856, стр. 330—331).

[32] Постановление о временном закрытии «Московских ведомостей» было последней попыткой Валуева поставить на своем в затянувшейся распре с Катковым (см. выше, прим. 18). В ответ на постановление Катков объявил о совершенном прекращении им издания газеты; это вызвало переполох в реакционных кругах, привыкших

видеть в московском публицисте своего преданного союзника. В роли «примирителя» выступил сам царь: приехав в Москву летом 1866 г., он встретился с Катковым и просил его возобновить издание «Московских ведомостей». Судебное преследование «С.-Петербургских ведомостей» не состоялось. Что же касается «Современника», то за статью «Вопрос молодого поколения» были привлечены к ответственности автор ее, Ю. Г. Жуковский, и ответственный редактор журнала, А. Н. Пыпин. Об этом процессе, проходившем 25 августа и 4 октября, см. ниже, запись 6 октября 1866 г. и прим. 52.

[33] Банкир А. Л. Штиглиц в 1860—1866 гг. был управляющим Государственным банком; его увольнение связывалось с нечистыми «банковыми проделками» — беспроигрышной, при его служебном положении, биржевой игрой.

[34] М. И. Владиславцев защищал в качестве магистерской диссертации исследование: «Современные направления в науке о душе», СПб. 1866.

[35] Н. А. Любимов оставил подробное изложение всей истории запрещения «Московских ведомостей» в 1866 г. (с позиций самой редакции газеты); см. его книгу «М. Н. Катков и его историческая заслуга», СПб. 1889, стр. 316—345.

[36] В рескрипте Александра II 13 мая 1866 г. на имя председателя комитета министров князя Гагарина излагались основы деятельности нового министра народного просвещения Д. А. Толстого. Деятельность эта, указывалось в рескрипте, должна была быть направлена на искоренение «стремлений и умствований, дерзновенно посягающих на... религиозные верования, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уважение к установленным властям». Рескрипт формулировал основы воинствующей реакционной политики самодержавия после выстрела Каракозова.

[37] Имеется в виду Царскосельский лицей. А. И. Галич был назначен в 1814 г. преподавателем лицея.

[38] Имеется в виду книга А. П. Чебышева-Дмитриева «Опыты по уголовному праву. I. О покушении», СПб. 1866.

[39] Речь идет об австро-прусской войне, начавшейся 14 июня 1866 г. и с первых же дней обнаружившей превосходство прусской армии над австрийской. Война, вызванная борьбой обоих государств за гегемонию среди германских государств, явилась предпосылкой последовавшего вскоре объединения Германии в империю, с Пруссией во главе.

[40] Говоря о прекращении «Современника» и «Русского слова» *помимо закона*, Никитенко имеет в виду то, что оба журнала были прекращены не решением правительства, но «особой комиссией» под председательством П. П. Гагарина, образованной вскоре после карако-

зовского покушения для борьбы с революционным движением и постановившей 23 мая 1866 г., что «из всех существующих журналов и повременных изданий «Современник» и «Русское слово» принадлежат бесспорно к числу таких, которые постоянно, с давнего времени, развивая на своих страницах учение социализма и нигилизма, более прочих способствовали развращению молодого поколения». «При доказанном постоянно вредном направлении сих журналов, — говорилось далее, — временное изменение тона и приостановление издания лишь на некоторое время — недостаточны, чтобы отвратить наносимое ими зло и остановить его и на будущее время». 28 мая состоялось «повеление» о закрытии обоих журналов («Северная почта», 1866, № 118); ср. В. Евгеньев-Максимов, Последние годы «Современника», 1863—1866, Л. 1939, стр. 173—177.

[41] Речь идет о распространенной автобиографии Никитенко, доведенной до 1824 г; см. А. В. Никитенко, Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник, т. 1, СПб. 1905, стр. 3—128.

[42] Имеется в виду стихотворение П. А. Вяземского «Хлестаков» (П. А. Вяземский, Избранные стихотворения, «Academia», 1935, стр. 466—468).

[43] С первых же недель своего министерства Д. А. Толстой принялся за подготовку новой школьной реформы, направленной на решительную борьбу с проникновением в школу материалистических и социалистических идей. В качестве одной из основных мер в этом отношении предлагалась замена «реального» образования (при котором основное место в обучении занимают практически полезные дисциплины — математика, физика, химия, естествознание и др.) «классическим», с преимущественным вниманием к древним языкам и пр. Оживленная газетная и журнальная полемика по этому поводу нашла отражение на страницах никитенковского «Дневника».

[44] В июле 1866 г. французский посол в Берлине граф Бенедетти потребовал от Бисмарка уступки в пользу Франции Майнца и части левого берега Рейна. Эти требования были отклонены.

[45] Речь идет о чрезвычайном посольстве Соединенных Штатов во главе с помощником морского министра Г. В. Фоксом, прибывшим 26 июля 1866 г. для поднесения Александру II адреса конгресса по случаю спасения «от угрожавшей опасности» (т. е. покушения Каракозова). Вместе с тем миссия Фокса дол была выразить благодарность США за благожелательную позицию России во время недавней гражданской войны; позиция России «сыграла немалую роль в общей международной ситуации и оказала несомненную помощь Соединенным Штатам» («История дипломатии», т. I, М. 1941, стр. 468).

[46] «Отрезанный ломоть», комедия в 4 действиях А. А. Потехина

(«Современник», 1865, № 10, и отдельно, СПб. 1865), была представлена на Уваровскую премию и вызвала отрицательный отзыв Никитенко, напечатанный им затем в книжке «Три литературно-критические очерка» (СПб. 1866, стр. 17—37). Как и драма Писемского (см. выше, прим. 14), эта пьеса дала Никитенко повод под предлогом провозглашения некоей «надпартийной» точки зрения выказать откровенную враждебность к прогрессивным течениям русской общественной мысли, русской литературы, «ниспровергавшим» устои и «истины» существующего строя.

[47] Заседания Верховного уголовного суда по делу Каракозова происходили 18, 20, 22, 24 и 31 августа 1866 г.

[48] Третье предостережение «С.-Петербургским ведомостям» и связанная с ним приостановка издания на три месяца объяснялись в постановлении ссылкой на ряд статей газеты. Указывалось, например, что «в передовой статье в № 211 выражается голословное утверждение о злоупотреблениях администрации, с указанием, что сенат указом своим закрепил эти злоупотребления, будто бы вопреки предоставленных земству прав»; что в передовой статье № 228 «заключается... враждебное сопоставление земства с администрациею» и т. д. («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 130—131).

[49] Имеется в виду статья Никитенко «О трагедии «Смерть Иоанна Грозного» («С.-Петербургские ведомости», 1866, №№ 271, 273; затем вошла в его книжку «Три литературно-критические очерка», СПб. 1866, стр. 39—81).

[50] Вся эта запись имеет в виду передовую статью «Московских ведомостей», 1866, № 205, 30 сентября.

[51] Воспоминания о казни ишутинцев (организация которых была разгромлена после ареста Каракозова) оставил один из осужденных, И. А. Худяков («Записки каракозовца», изд. «Молодая гвардия», 1930, стр. 165—167).

[52] Обвинительный акт по *делу* о статье Ю. Г. Жуковского «Вопросы молодого поколения», напечатанной в № 3 «Современника» за 1866 г. (см. выше, прим. 32), инкриминировал ее автору и А. Н. Пыпину именно оскорбление дворянства. Статья, говорилось в обвинительном акте, «может повредить чести и достоинству всего сословия дворян-землевладельцев, так как в ней землевладельческое дворянство изображается отличающимся пред другими сословиями преимущественно тунеядством и мотовством... стремящимся во что бы то ни стало сохранить... возможность жить на чужой счет и вести расточительный образ жизни» («Материалы о цензуре и печати», т. III, ч. 1, стр. 131). Рассмотрение «дела» в Петербургском окружном суде 25 августа 1866 г. закончилось оправданием обвиняемых, причем приговор был встречен аплодисментами публики (там же, стр. 159).

Вследствие апелляции прокурора дело слушалось снова 4 октября 1866 г. в Петербургской судебной палате, которая постановила Жуковского и Пыпина подвергнуть штрафу по сто рублей каждого и заключению на гауптвахте. Мягкость этого нового приговора, вынесенного после энергичного нажима Валуева (на это намекает и Никитенко) была справедливо расценена общественным мнением как моральное поражение Валуева.

[53] *Набросанные на бумагу* мысли А. К. Толстого — его статья «Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного» (СПб. 1866; А. К. Толстой, Драматическая трилогия, «Библиотека поэта», Л. 1939, стр. 445—478).

[54] Имеется в виду книга аббата В. Гэтэ «Опровержение на выдуманную жизнь Иисуса, сочинение Эрнеста Ренана», чч. 1—4, СПб. 1864—1866.

[55] *Вторая драма* А. К. Толстого — «царь Федор Иоаннович». Первое представление трагедии «Смерть Иоанна Грозного» состоялось 12 января 1867 г., см. А. А. Нильский, Закулисная хроника, 1856—1894, СПб. 1897, стр. 131—148.

[56] Имеется в виду речь Д. А. Толстого при посещении Саратовской гимназии «к ее педагогическому сословию», в начале сентября 1866 г. Катков приветствовал эту речь как свидетельство намерения министерства «зорко смотреть за тем, чтобы в наших школах, под видом педагогов, не было людей злонамеренных» («Московские ведомости», 1866, № 192).

[57] В октябре 1866 г. Валуев внес в Государственный совет проект дополнений к закону 6 апреля 1865 г.; по этому проекту значительная часть дел о нарушении законов о печати рассматривалась в судебной палате и в сенате, т. е. в таких инстанциях, где правительству всего легче было осуществлять свое воздействие; прокурор в затруднительных случаях должен был обращаться за содействием непосредственно к министру юстиции и т. д. («Материалы о цензуре и печати», т. I, стр. 587—642).

[58] Посылка книг в Прагу была связана с деятельностью Славянского комитета, который снабжал русскими книгами чешские культурно-просветительные учреждения. «История литературы» О. Ф. Миллера — «Опыт исторического обозрения русской словесности с хрестоматиею, расположенною по эпохам, ч. I, вып. 1 (От древнейших времен до татарщины)», СПб. 1865.

[59] Графское достоинство было присвоено Ф. П. Литке 28 октября 1866 г. «в изъявление признательности за долговременное, усердное и полезное служение, стяжавшее ему и в ученом мире европейскую известность».

[60] Имеется в виду статья Б. М — а «Из Петербурга» («Современная летопись», 1866, № 36). В следующем номере напечатана «Заметка» Я. К. Грота.

[61] Совет Главного управления по делам печати предложил сообщить министру народного просвещения, что «оба эти журнала во всяком случае не предназначены для учащегося юношества и что затем от министерства народного просвещения зависит принять соответственные меры, чтобы «Дело» и «Женский вестник» не проникали в учебные заведения». Валуев в своей резолюции указал, что «беллетристические сочинения, *не предназначенные* для юношества, *доступны* юношеству» и «нельзя предоставить министру народного просвещения принимать *соответствующие* меры против *доступности*» («Собственноручные отметки министра внутренних дел на журналах Совета Главного управления ‹по делам печати› », СПб. 1869, стр. 31).

[62] Имеются в виду полемические письма к Вольтеру Лорана Англивьеля Бомеля, изданные в 1754 г. и затем много раз перепечатывавшиеся и цитировавшиеся.

[63] В «Петербургской хронике» № 324 «Голоса» говорилось между прочим: «Жизнь такого государственного деятеля, как Н. А. Милютин, драгоценна для России, особенно в настоящую минуту». Ср. также А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни. Воспоминания, т. II, «Academia», 1930, стр. 314 и сл.

[64] Огромные полномочия, полученные Шуваловым при вступлении в должность шефа жандармов, вызывали резкие протесты в придворных кругах и дали повод прозвать его «Петром IV». Ф. И. Тютчев писал в эпиграмме:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой
Петр по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же *второй*.

(Ф. И. Тютчев, Полное собрание стихотворений. «Библиотека поэта», Л. 1939, стр. 178).

[65] О праздновании карамзинского юбилея см. брошюру «Торжественное собрание Академии наук 1 декабря 1866 г.», СПб. 1867, и публикацию К. Грота, «Дни Карамзинского юбилея 1866 года (отрывок «Дневника» Я. К. Грота)» («Исторический вестник», 1910, № 3, стр. 993—1003). Грот также констатирует, что «самые громкие и частые рукоплескания достались Погодину, или, лучше, по крайней мере большей частью, отрывкам, которые он догадался привести из письма Карамзина к императору Александру против восстановления Польши» (стр. 998—999). Эти рукоплескания выразительно характеризуют реакционные настроения «звездоносного» общества, собравшегося на юбилей.

66 О своих свиданиях (в сентябре 1865 г.) с Герценом в Монтрё Погодин рассказал в печати дважды («Дорожные записки» — «Русский», 1867, №№ 9, 10; «А. И. Герцен» — «Заря», 1870, № 2. стр. 75—95). В последней статье приведено и то письмо Погодина, о котором упоминает Никитенко, — с призывом к Герцену «раскаяться» и обратиться к царю с просьбой о прощении.

67 Третье предостережение «Голосу» и приостановка издания на два месяца были объявлены, по личному приказу Валуева, 5 декабря 1866 г. за статью по поводу преобразования петербургской полиции; в статье были усмотрены «неприличные наветы на высших чинов полицейского управления, хотя не поименованных... но тем не менее ясно обозначенных по присвоенным им мундирам» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 132).

68 Несмотря на это заявление, Валуев в течение всего дальнейшего своего пребывания на посту министра внутренних дел более не вступал в открытую борьбу с «Московскими ведомостями».

69 «Голос» был *прощен* на основании общего распоряжения царя снять к 1 января 1867 г. «с тех из повременных изданий, которые в настоящее время состоят под действием полученных ими в административном порядке предостережений, наложенные на них помянутые взыскания, со всеми их последствиями» («Магериалы о цензуре и печати», т. II, стр. 1).

70 Полученные Никитенко материалы для биографии Н. И. Греча использованы им в «Отчете Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1867 г.», СПб. 1867 (ср. Отчеты АН, 1866—1891, стр. 37—47).

71 Причиной разгрома петербургского земства явились длительные споры с Валуевым по вопросу о бюджете. Переданные в распоряжение земства сборы с населения не превышали 40—50 тысяч рублей, между тем как одно только содержание земского аппарата обходилось в 80—100 тысяч рублей. Для покрытия образовавшегося дефицита земство наметило дополнительное обложение фабрик, заводов и других промышленно-торговых заведений; против этого, защищая интересы промышленников, энергично восстал Валуев. Петербургская земская управа отказалась выполнить требование губернатора об изменении сметы и стала подготовлять жалобу на министра, который оставил без последствий двенадцать из двадцати шести ходатайств земства. В ответ на это последовали закрытие и роспуск земства. Поступок Валуева явной своей противозаконностью возмутил широкие общественные круги. 17 мая 1867 г. петербургское земство возобновило свою деятельность. В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» упоминает об этом эпизоде «трагикомической эпопеи»; «Земство ходатайствует о расширении прав, а у земства

неуклонно *отбирают* одно право за другим и на ходатайства отвечают «отеческими» поучениями» (Сочинения, т. 5, стр. 33).

[72] П. С. Билярский умер 2 января 1867 г. Никитенко упомянул о нем в «Отчете Отделения русского языка и словесности за 1867 г.» (Отчеты АН, 1866—1891, стр. 33—37).

[73] В сентябре 1865 г. на о. Крите (иначе — Кандии; отсюда — кандиоты, т. е. жители Крита) вспыхнуло восстание против турецкого ига. Повстанцы провозгласили «нерасторжимый союз Крита с его матерью Грецией». Из-за отсутствия солидарности между великими державами, особенно из-за уклончивой позиции Англии и Австрии, восстание было подавлено турецким правительством с большой жестокостью. Славянофильские круги организовали в Москве торжественную панихиду по жертвам турецких зверств, а И. С. Аксаков воспользовался этим поводом для того, чтобы в указанной статье поднять давний вопрос о судьбах христианского населения (славян, греков) Турецкой империи. Совет Главного управления по делам печати нашел, что «газета хотя и заслуживала бы за эту статью предостережения, но что такая мера, ввиду общественного настроения, в уважение тех побуждений и той цели, с которыми написана статья, была бы неудобна». Поэтому Совет предложил «принять означенную статью в соображение при дальнейшем наблюдении за газетою, с сообщением о сем Московскому цензурному комитету и московскому генерал-губернатору». Этим постановлением остался недоволен Валуев; в своей резолюции он отметил, что в статье «Москвы» «допущены неуместные суждения о сношениях и распоряжениях высших духовных и гражданских властей» («Собственноручные отметки министра внутренних дел на журналах Совета Главного управления ‹по делам печати› », СПб. 1868, стр. 35—36). После этого газете было сделано первое предостережение.

[74] М. Н. Любощинский был оставлен сенатором, так как, согласно закону, сенаторы могли быть уволены только по суду. Об этом эпизоде, исход которого оказался неожиданным для министра юстиции и даже для самого царя, рассказывает В. П. Мещерский («Мои воспоминания», ч. I, СПб. 1897, стр. 429—430).

[75] Спор о Карамзине был начат статьей Я. К. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка» («Журнал министерства народного просвещения», 1867, № 3, стр. 20—76). Патриотический замысел этой статьи раскрыт в «Отчете» о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1867 г.: «Известно, что некоторое время у нас было распространено мнение, будто бы Карамзин, образуя новые формы литературной речи, заимствовал для этого образцы из французского и английского языков... Академик Грот решился тщательно исследовать этот предмет по самым фактам и пришел к убе-

ждению, что Карамзин, движимый желанием, свойственным таланту, излагать мысли свои изящно... не мог довольствоваться тяжелыми оборотами тогдашней нашей литературной речи и принял за образец легкую и живую конструкцию русской разговорной речи; следовательно, тут вовсе не было подражания французскому и английскому синтаксису, а, напротив, господствовала настоящая русская логика языка» (Отчеты АН, 1866—1891, стр. 25).

[76] Имеется в виду закон о предельных ставках обложения торгов. Решения земских собраний Тамбовской губернии были составлены в таких верноподданнических тонах, что дали повод Каткову заметить, «как несправедливо было бы строгое суждение о земских учреждениях, основанное на неизбежных в первое время промахах... и как полезно для дела доброжелательное отношение между земством и губернскою администрацией» («Московские ведомости», 1867, № 15).

[77] В передовой статье № 18 «Москвы» И. С. Аксаков писал по поводу полученного предостережения: «Нам нет ни удовольствия, ни выгоды подвергаться административной каре. Но нам не может быть известно — когда и за что мы получим предостережение. Мы принуждены идти наугад. Мы преклоняемся перед законом; мы не осуждаем и не хвалим своего положения. Но мы не можем не спросить себя: благоприятно ли такое положение для *искренности* печатного слова?».

[78] Редакция «Народного голоса» перепечатала передовую статью «Москвы», 1867, № 18, и предпослала этой перепечатке «Несколько слов от редакции», заявив, что сделать это «заставила» редакцию «условность отношений прессы к правительству, условность, находящаяся в руках министерства внутренних дел, дающая неограниченную власть надзору и не определяющая прав журналиста».

[79] Трагедия А. Ф. Писемского «Поручик Гладков» была напечатана в журнале «Всемирный труд», 1867, № 3, стр. 1—95. Театральная цензура запретила ее к постановке на сцене, так как «представляется неудобным оживлять на нашей сцене слишком подробные приемы заговоров, совершавшихся у самого подножия престола, и прямое в них участие гвардейских преторианцев». Неудача постигла пьесу также на Уваровском конкурсе: Никитенко, вопреки дневниковой своей записи, нашел, что «произведение это не иное что, как неудавшееся покушение написать историческую драму». См.: А. Ф. Писемский, Письма, Л. 1936, стр. 674—678; Н. В. Дризен, Драматическая цензура двух эпох, Пгр. 1917, стр. 172—173, 211.

[80] О *восстании* профессоров в Московском университете Никитенко рассказывает неточно и предвзято. В действительности дело шло о вопиющем нарушении реакционным большинством университетского совета элементарных основ академической конституции. По университетскому уставу профессора, прослужившие двадцать пять

лет, должны были затем переизбираться советом университета через каждые пять лет, причем за их избрание должно было голосовать не менее двух третей членов совета. В январе 1866 г. подлежали переизбранию два реакционных и бездарных профессора, Лешков и Менщиков, из которых первый был также деканом юридического факультета. При баллотировке оказалось, что Менщиков не собрал даже простого большинства, а Лешкову было положено 25 белых шаров и 13 черных, то есть не хватило одного голоса до требуемых двух третей. Тогда же деканом юридического факультета вместо Лешкова был избран умеренный либерал Б. Н. Чичерин. Реакционные профессора добились отмены министерством избрания Чичерина и утверждения Лешкова на новое пятилетие. Протесты Чичерина и группы согласных с ним профессоров (Ф. М. Дмитриев, С. М. Соловьев, И. К. Бабст, С. А. Рачинский, М. П. Капустин) привели их к острому конфликту с большинством совета, а после того, как Толстой утвердил Лешкова, они демонстративно подали в отставку. Демонстрация, впрочем, не удалась: приехавший в Москву Александр II «просил» демонстрантов остаться в университете, и они позднее, уже поодиночке, вышли из него. См. Б. Н. Чичерин, Воспоминания, Московский университет, М. 1929, стр. 165—229.

[81] Никитенко присутствовал на одном из первых представлений пьесы А. К. Толстого.

[82] Второе предостережение «Москве» было объявлено 20 февраля 1867 г. за то, что в передовой статье № 35 газеты редакция, «обсуждая распоряжение местной полиции... о мерах взыскания с содержателей гостиниц за несоблюдение ими полицейских правил прописки паспортов, называет эти меры вредными и произвольными и, обращая свои нарекания на полицию, упускает из виду, что принятие означенных мер исходит от высшей власти» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 136). См. также запись 23 февраля 1867 г.

[83] Продажу Николаевской ж. д. (между Петербургом и Москвой) так называемому «главному обществу железных дорог» энергично поддерживали великий князь Константин Николаевич, граф С. Г. Строганов и министр финансов М. Х. Рейтерн; последний аргументировал продажу «необходимостью остаться в хороших отношениях с богатыми банкирами, имеющими много акций этого общества» (А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни. Воспоминания, т. II, «Academia», 1930. стр. 316). Несмотря на противодействие подавляющего числа членов Совета министров, по требованию самого царя эта продажа была осуществлена 8 июня 1868 г. Ср. запись 15 марта 1867 г.

[84] Первое предостережение «С.-Петербургским ведомостям» было объявлено за статью «Несколько слов по поводу нападок на земство

и земские учреждения» (1867, №№ 48, 49); по характеристике Главного управления по делам печати, статья «враждебно сопоставляет эти учреждения с правительственными властями и заключает в себе голословное обвинение этих властей в произволе или в несоблюдении закона» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 136—138).

85 Сводка печатных и архивных данных о продаже русских владений в Северной Америке дана в книге С. Б. Окуня «Российско-Американская компания», Л. 1939, стр. 219—259.

86 Третье предостережение «Москве» и приостановка издания на три месяца были объявлены «по личному усмотрению» Валуева. Расправа с Аксаковым и вообще непрестанные цензурные и административные преследования его литературных и издательских начинаний были одним из эпизодов борьбы царского правительства с дворянской оппозицией.

87 Чиновник департамента иностранных исповеданий Протопопов дал пощечину вице-директору департамента Кошкулю, считая его виновником того, что его, Протопопова, несправедливо обошли должностью, на которую он имел все права. Петербургский окружной суд на основании свидетельств экспертов признал Протопопова невменяемым и оправдал его. Суд над Протопоповым привлек внимание общества; в самом судебном заседании публика неоднократно выражала сочувствие подсудимому, за что председатель суда выгнал ее из зала. Эта демонстрация публики дала повод реакционной прессе кричать о «революционных стремлениях» Протопопова.

88 Д. Н. Замятнин был уволен от должности министра юстиции 16 апреля 1867 г.

89 Имеется в виду книга В. В. Макушева «Задунайские и адриатические славяне. Очерки статистические, этнографические и исторические», СПб. 1867.

90 «Повесть» И. С. Тургенева «Дым» была напечатана в «Русском вестнике», 1867, № 3, стр. 5—160, и появилась в свет в середине апреля (см. объявление в «Московских ведомостях», 1867, № 83, 14 апреля). «Дым» вызвал почти единодушное осуждение читателей и критиков. «В критической полемике, разгоревшейся вокруг «Дыма», зазвучали такие ноты, которые никогда не слышались в спорах о прежних романах Тургенева... Критики, писатели и читатели разных лагерей и направлений сошлись единодушно в том, что «Дым» — это вообще скорее роман антипатий, чем симпатий, и что привычного тургеневского героя, который выражал бы новые стремления новой России, в романе нет вовсе» (Г. А. Бялый, «Дым» в ряду романов Тургенева — «Вестник Ленинградского университета», 1947, № 9, стр. 88).

[91] Книга М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка», М. 1867, вызвала оживленную полемику (см., например, рецензию Ф. Ф. Сидонского в «Журнале министерства народного просвещения» 1867, № 6, стр. 925—946, и статьи: М. И. Владиславлева — Зависимость немецкой философии от английской — там же, № 7, стр. 174—208; № 8, стр. 499—539; Н. Н. Страхова — Английская психология — «Отечественные записки», 1867, № 17, стр. 35—53; № 24, стр. 709—733, и др.). 31 мая 1867 г. книга Троицкого была защищена в Петербургском университете как диссертация на степень доктора философии.

[92] В 1867 г. в Москве должна была открыться большая этнографическая выставка. В ходе подготовительных работ выяснилась возможность привлечения к участию в выставке представителей славянских народов, а в связи с этим — явилась мысль одновременно с выставкой организовать также Славянский съезд. Несмотря на ряд дипломатических осложнений (преимущественно со стороны Австро-Венгрии), съезд и выставка состоялись в мае 1867 г. и привлекли значительное число славянских гостей. См. «Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года», М. 1867; С. А. Никитин, Славянские съезды шестидесятых годов XIX века («Славянский сборник, Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 годах», М. 1948, стр. 16—104).

[93] В своих объяснениях с австрийским правительством русское правительство подчеркивало общественный характер созыва Славянского съезда и свою непричастность к его организации.

[94] Имеется в виду распоряжение Александра II 17 мая 1867 г., по которому следственно-судебные дела, связанные с польским восстанием и еще не оконченные производством, подлежали прекращению. Подлежали прекращению также новые дела, могущие возникнуть по обвинению в «мятеже». Высланным полякам разрешалось возвратиться на родину, «если они местным начальством в поведении одобрены».

[95] Покушение Антона Березовского на Александра II было произведено 25 мая (6 июня н. ст.) во время проезда царя через Булонский парк. В начале июля 1867 г. в Париже состоялся суд над Березовским (см. ниже, записи 10—14 июля); его защитник, адвокат Араго, настойчиво отстаивал политический характер покушения, что вызвало возмущение реакционной печати в России (см., например, «Московские ведомости», 1867, № 152 и др.). Впрочем, и либеральный «Голос», по замечанию Герцена, превзошел «Московские ведомости» «необыкновенной подлостью» и «ярым полицейским бешен-

ством» (Герцен, XIX, 386). Березовский был сослан в Новую Каледонию, где умер в 1869 г.

[96] Предостережение «Москве» мотивировалось тем, что в передовой статье № 71 газеты «по поводу выпуска ее после трехмесячного приостановления... оказано неуважение к этому распоряжению, а равно и к закону, в силу которого оно последовало» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 140—141). Предвзятая пристрастность этого предостережения возмутила даже Каткова (см. передовую статью «Московских ведомостей», 1867, № 151).

[97] Официальное сообщение о закрытии Товарищества приобретателей имений в западных губерниях было опубликовано в «Виленском вестнике» и перепечатано оттуда в «Московских ведомостях» (1867, № 138). «Товарищество» служило одною из основ руссификаторской политики в Польше; его закрытие было вызвано открывшимися злоупотреблениями, а также некоторым ослаблением жесткой политики правительства по отношению к польским помещикам в связи с «амнистией» (см. прим. 94).

[98] В литературных кругах 60-х гг. И. А. Арсеньев пользовался самой незавидной репутацией как едва ли не официальный агент III Отделения (С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь, т. I, СПб. 1889, стр. 778). В частности, «Искра» неизменно называла Арсеньева — «Арсеньев-III». Это дает основание расшифровать имя «патрона» Арсеньева — начальника III отделения П. А. Шувалова, скрытое в копии С. А. Никитенко рядом точек. «Гаденькая газета» Арсеньева — «Петербургская газета».

[99] Исследования проф. Д. А. Хвольсона над памятниками арабской письменности, сохранившими следы вавилонского своего происхождения, были начаты еще в конце 50-х гг. — см., например, «Новооткрытые памятники древне-вавилонской литературы» («Русский вестник», 1858, № 7); см. Григорьев, стр. 279—280.

[100] Отзыв Никитенко несколько лет спустя был им опубликован («Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов», СПб. 1874, стр. 431—453).

[101] Итальянское правительство под нажимом Франции всячески тормозило продвижение народной армии под командованием Гарибальди на Рим, взятие которого должно было завершить национальное объединение Италии. В середине сентября 1867 г. Гарибальди был арестован и сослан на остров Капреру. [Од]нако 28 сентября гарибальдийские отряды перешли в наступление и в несколько недель достигли почти самого Рима, а 22 октября Гарибальди бежал с Капреры и снова возглавил свои отряды.

[102] В передовой статье № 209 «Московских ведомостей» за 1867 г. Катков выступил с пространным изложением проекта такого учебного

заведения, «которое по своей организации давало бы полную возможность выработать на опыте все условия, необходимые для обеспечения правильного и плодотворного развития признанных нашим законодательством педагогических начал». Катковский лицей (официальное его наименование: «Лицей в память цесаревича Николая») был открыт с января 1868 г. и явился одним из основных рассадников так называемого «классического» образования, поставляя не столько образованных, сколько политически благонадежных гимназических преподавателей и чиновников.

[103] Чтение А. Н. Майковым перевода «Слова о полку Игореве» относится к начальному периоду его работы, продолжавшейся четыре года: перевод был напечатан в 1870 г. (А. Н. Майков, «Слово о полку Игореве», с предварительными замечаниями об этом памятнике и примечаниями,— «Заря», 1870, № 1).

[104] Первое предостережение «Голосу» было объявлено 21 октября 1867 г. за то, что в «передовых статьях газеты... уже неоднократно были нарушены все приличия при обсуждении вопросов современной политики»; в передовой же статье № 287 «это нарушение приличий выходит из последних пределов, в которых оно может быть терпимо». Возмущение Валуева было вызвано замечанием о том, что «узкий эгоизм Наполеона III и влияние на него супруги делают его неспособным к рыцарскому самоотвержению... и вот он, выказывая храбрость труса, рискует великими народными интересами ради своих личных интересов» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 142). Общественное мнение считало, что предостережение «Голосу» было дано «по настоянию французского посла и... вопреки единогласному мнению Совета по делам печати» («Московские ведомости», 1867, № 239). Ср. ниже, запись 5 ноября 1867 г.

[105] Второе предостережение «Голосу» было дано 1 ноября 1867 г. за передовую статью № 299, которая, по словам официального документа, «обнаруживает предосудительное направление... газеты» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 142—143).

[106] Статья «Московских ведомостей» посвящена опровержению «возмутительного» слуха, будто бы предостережение «Голосу» дано «непосредственно по настоянию французского посла».

[107] Имеется в виду статья Никитенко «Михаил Павлович Вронченко (биографический очерк)» («Журнал министерства народного просвещения», 1867, № 10, отд. II, стр. 1—58).

[108] Адвокат А. И. Урусов был удален из залы судебных заседаний («присутствия») за пререкания с председателем. Инцидент вскоре был исчерпан принесением взаимных извинений (Е. И. Козлинина, За полвека, 1862—1912. М. 1913, стр. 124—128).

[109] В. И. Кельсиев в 1859 г. эмигрировал за границу и в продолжение нескольких лет сотрудничал в изданиях Герцена, ведя пропаганду среди раскольников. В 1867 г. он заявил царскому правительству о своем «раскаянии» и получил разрешение возвратиться в Россию. Освобожденный 11 сентября 1867 г. из III отделения, Кельсиев на некоторое время сделался модною фигурой в Петербурге, вызывая презрительные насмешки прогрессивных кругов, любопытство высокопоставленных лиц. Говоря о своей «исповеди», Кельсиев имел в виду, очевидно, не «Исповедь», написанную в III отделении (см. «Литературное наследство», кн. 41—42, 1941, стр. 265—470), но ряд очерков, появившихся несколько позже отдельной книгой: «Пережитое и передуманное. Воспоминания Василия Кельсиева», СПб. 1868.

[110] М. Г. Черняев в 1863—1866 гг. командовал военной экспедицией в Среднюю Азию, где получил известность взятием Чимкента (1864) и Ташкента (1865). В июне 1866 г. он был отозван из Средней Азии и заменен генералом Романовским — повидимому, в связи с разнузданным грабежом завоеванного края, какой вели окружавшие Черняева «ташкентцы». Оказавшись не у дел, Черняев действительно предполагал открыть нотариальную контору, выдержал даже необходимый для этого экзамен, но должен был отказаться от своего намерения вследствие полученного от начальника III отделения Шувалова запрещения.

[111] «Мемуары Печерина», представляющие ряд писем к друзьям и родственникам, известны в позднейшем малоудачном издании (В. С. Печерин, Замогильные записки, М. 1932). Вступив вскоре после отъезда за границу в монашеский орден, Печерин в 1861 г. покинул его, принимал участие в революционно-пропагандистской работе Герцена и Огарева (переписывался с ними, собирал средства на издательскую деятельность, выступал в печати), мечтая о том, что «если вследствие какого-нибудь великого переворота врата отечества отверзнутся» перед ним, то он «присоединится не к старой России, а к молодой и теперь с пламенным участием простирает руку братства к молодому поколению, к любезному русскому юношеству, и хотел бы обнять их во имя будущего, во имя свободы совести и земского собора» (А. И. Герцен, Былое и думы. Л. 1946, стр. 880; ср. сообщенное Б. П. Козьминым письмо Герцена к Печерину — «Литературная газета», 1945, № 5; А. Сабуров, Из биографии В. С. Печерина — «Литературное наследство», кн. 41—42, 1941, стр. 471—482).

[112] В печатном тексте «Дневника» самим Никитенко, или, вероятнее, его дочерью, опущена запись о втором предостережении «Москве», объявленном 22 ноября 1867 г. за «систематическое осуждение действий правительства и возбуждение к нему недоверия и неува-

жения» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 143—144). Обвинение в таких «революционных» деяниях не могло не взволновать консерватора Аксакова, и он разразился (в № 188 «Москвы») новой передовицей, начинавшейся словами: «Дающая предостережения рука не оскудевает». За эту статью, в которой, по характеристике Главного управления по делам печати, автор «дозволяет себе обращаться в неприличных выражениях к распоряжениям правительственной власти», «Москва» получила третье предостережение, с приостановкой издания на четыре месяца («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 144—145). Слух о полном прекращении издания «Москвы» не соответствовал действительности: с 23 декабря 1867 г. по 14 февраля 1868 г. Аксаков издавал газету «Москвич», а затем возобновил издание «Москвы», которая выходила в течение всего 1868 года.

113 «Астрономические труды» В. Я. Струве в Дерпте — несколько каталогов двойных звезд — вышли в свет в 1822—1837 гг., участие в них О. В. Струве (род. 1819) и М. О. Врونченко, учившегося в Дерптском университете в 1824—1827 гг., маловероятно.

114 См. «Труды первого съезда русских естествоиспытателей» в С.-Петербурге, происходившего с 2 декабря 1867 г. по 4 января 1868 г.», СПб. 1863 г.

115 Беседа Н. М. Якубовича с Никитенко касалась ожесточенных споров как внутри Медико-хирургической академии, так и вокруг нее — о стоящих пред нею целях и задачах. В то время как военный министр Д. А. Милютин и вся прогрессивная профессура считали необходимым растить в академии кадры военных врачей, часть профессоров пыталась отстаивать за академией право на разработку сугубо теоретических вопросов. Споры эти распространялись далеко за пределы академии; о них, по разным поводам, неоднократно упоминается в «Дневнике» Никитенко.

116 «Выехал в Ростов» — обратившиеся в поговорку заключительные слова «Эпитафии», написанной И. И. Дмитриевым:

> Здесь бригадир лежит, умерший в поздних летах,
> Вот жребий наш каков!
> Живи, живи, умри — и только что в газетах
> Осталось: выехал в Ростов.

(Н. Карамзин. И. Дмитриев, Избранные стихотворения, «Библиотека поэта», Л. 1953, стр. 451).

117 А. Е. Тимашев после непродолжительного управления Казанским, Вятским и Пермским генерал-губернаторством в 1867 г. был назначен министром почт и телеграфов.

118 Эпиграмма П. В. Шумахера «К памятнику Крылова» была опубликована в «Искре» (1867, № 47), с незначительными вариан-

тами к тексту, записанному Никитенко, очевидно, по памяти; ср. П. В. Шумахер, Стихотворения и сатиры, «Библиотека поэта», Л. 1937, стр. 71.

119 Невозможность для Никитенко выступить на академическом чествовании памяти И. А. Крылова явилась результатом беспринципной академической склоки. См. подробный хроникальный отчет о заседании («Голос», 1868, № 35; «Северная пчела», 1868, № 29) и письмо Никитенко в редакцию «Голоса» (1868, № 37).

120 Имеется в виду речь Никитенко «О баснях Крылова в художественном отношении»; перепечатана в «Сборнике статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук», т. 6, СПб. 1869, стр. 49—64.

121 Неурожай 1867 г. вызвал во многих местностях голод, наличие которого упорно отрицало правительство, в частности Валуев. Голод принял такие размеры, что 19 января 1868 г. даже реакционнейшие «Московские ведомости» вынуждены были признать, что «во многих местностях северной и средней полосы нашего отечества... голод, последствие неурожая, достигает размеров народного бедствия» (№ 15). Общее недовольство Валуевым привело к его отставке; см. ниже, запись 4 марта 1868 г.

122 Издание «Москвича» было прекращено постановлением Комитета министров 13 февраля 1868 г. В предписании министерства внутренних дел московской полиции говорилось, что «Москвич» запрещался как «замаскированное» продолжение газеты «Москва». Повидимому, с этим разъяснением были связаны те многочисленные толки вокруг «Москвича», о которых записывает Никитенко. Против этих толков и вызвавшего их предписания Аксаков энергично протестовал в первом номере возобновленной «Москвы» (3 апреля 1868 г.); ср. И. С. Аксаков, Сочинения, т. VII, М. 1887, стр. 573—579.

123 Отчет о судебном процессе крестьян Данковского уезда, отказавшихся от выполнения повинностей своему бывшему помещику, см. «Москвич», 1868, №№ 19—21. Передовая газеты за 8 февраля 1868 г. также посвящена этому делу и содержит ряд выпадов против местной администрации и министерства внутренних дел.

124 Роман П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» печатался в журнале «Всемирный труд» (1868, №№ 1, 2, 4, 5, 7) и затем вышел отдельным изданием: СПб. 1868. В романе встречаются остро гротескные зарисовки некоторых лиц из кругов высшей аристократии, например, А. Д. Блудовой (Вениаминова), Б. М. Маркевича (Венцеслав Балдевич), но наряду с ними даны не менее гротескные карикатуры на «нигилистов», притом не только выдуманных автором, но также живых лиц (В. А. Слепцова и др.). Конфискация февральской книжки журнала была вызвана не столько пасквильным характером романа,

сколько рядом эпизодов, которые цензура сочла порнографическими. На общественный смысл того любования «клубницизмом», которое в изобилии встречается в романе Боборыкина, указал М. Е. Салтыков в статье «Новаторы особого рода» (Полное собрание сочинений, т. VIII, М. 1937, стр. 70—81): «На этот гнуснейший из всех современных общественных хламов он (т. е. Боборыкин. — *И. А.*) взглянул даже не как на материал, могущий, в связи с другими материалами, служить для характеристики общества в данный момент; нет, он увидел в нем нечто достолюбезное, обладающее способностью привлекать и притягивать своим собственным содержанием. Быть может, его попытка и будет иметь успех, но во всяком случае этот успех можно и должно назвать прискорбным» (стр. 80).

125 Над второй частью своей «Драматической трилогии», драмой «Царь Федор Иоаннович», А. К. Толстой работал долго и упорно, неоднократно ее переделывая (см. примечания И. Г. Ямпольского в книге А. К. Толстой, Драматическая трилогия, Л. 1939, стр. 542—547). В конце 1867 г. Толстой считал драму законченной: передал ее для напечатания в «Вестник Европы» (1868, № 5, стр. 5—149) и охотно читал на литературных вечерах.

126 Официальная отставка П. А. Валуева состоялась 9 марта 1868 г. и мотивировалась пошатнувшимся его здоровьем. В действительности, как указывалось выше, причиной увольнения Валуева было общественное возмущение в связи с упорным отрицанием им голода и нежеланием принять какие-либо меры для его смягчения.

127 В. С. Порошин умер в Париже 4(16) марта 1868 г. Как профессор Петербургского университета, он пользовался большой популярностью в среде прогрессивного студенчества (юноша-Чернышевский в письме к родителям называет его среди «лучших профессоров, то есть наиболее славящихся». Чернышевский, XIV, 56). Он систематически выступал в своих лекциях с резкой критикой крепостнической системы, сочувственно относился к утопическому социализму (см. В. И. Семевский, М. В. Буташевич-Петрашевский — «Голос минувшего», 1913, № 1, стр. 29—30; его же, Петрашевцы. Кружок Н. С. Кашкина, — там же, 1916, № 2, стр. 45—51). По поводу записей его лекций, обнаруженных при обыске у петрашевца А. В. Ханыкова, в докладе генерал-аудиториата говорилось, что они обнаруживают «вредное направление, даваемое учащимся, чрез занятие ума и воображения их подробным философским разбором теорий о социализме и коммунизме, и притом не в духе благонамеренном... но в выражениях соблазнительных, часто выставляя благодетельную цель систем, влекущих к ниспровержению всякого законного порядка» («Петрашевцы, Сборник материалов», т. III, ГИЗ, 1928, стр. 166; ср. «Голос минувшего», 1916, № 2, стр. 52).

[128] Повидимому, Никитенко имеет в виду подготовлявшееся М. О. Кояловичем к печати издание: «Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение великого княжества Литовского с королевством Польским» (СПб. 1869).

[129] Второе предостережение «Петербургскому листку» от имени нового министра внутренних дел А. Е. Тимашева было объявлено 24 марта 1868 г. и мотивировалось тем, что в ряде статей (в №№ 27, 28, 32, 34) газета высказывала «суждения, направленные к возбуждению общества или против правительственных распоряжений, или против действий должностных лиц», в частности подвергала «общему порицанию действия и состав московской полиции» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 145—146). Ирония Никитенко вызвана несоответствием серьезности этих обвинений мелочным нападкам бульварной газеты.

[130] Задуманный к пятидесятилетию Петербургского университета (1869) биографический словарь его профессоров и преподавателей не был осуществлен. Собранные материалы легли в основу «исторической записки» В. В. Григорьева «С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования», СПб. 1870 (о Никитенко — стр. 237—240 и др.).

[131] Имеется в виду попытка подпоручика В. Я. Мировича произвести в 1764 г. дворцовый переворот и возвести на престол содержавшегося в Шлиссельбургской крепости Ивана VI Антоновича.

[132] Настоящая запись отражает настойчивые хлопоты группы передовых женщин об открытии в Петербурге специального «женского университета». Еще в декабре 1867 г. съезду русских естествоиспытателей была подана горячая петиция по этому вопросу (Владимир Стасов, Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки, СПб. 1899, стр. 169), вызвавшая полное сочувствие съезда. В Петербургском университете была создана комиссия для выработки соответствующих предложений; председателем комиссии был избран известный ботаник А. Н. Бекетов, в состав ее вошло много популярных профессоров, в том числе Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов и другие (о работе комиссии см. в упомянутой книге В. В. Стасова, стр. 174—182). Комиссией было составлено ходатайство на имя министра народного просвещения о создании высшего учебного заведения для женщин. О дальнейшей судьбе ходатайства см. запись Никитенко 22 декабря 1868 г.

[133] Первое предостережение «Москве» после ее возобновления мотивировалось передовой статьей № 1, в которой, по мнению Главного управления по делам печати, «допущены превратные суждения о позволительности и уместности обходить закон чрез соблюдение лишь его формальной стороны». Статья эта, говорится далее, «открыто

оправдывает стремление к противодействию правительственным распоряжениям» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 146—148).

[134] Имеется в виду книга «Мессиада, поэма Клопштока. Перевел стихами С. И. Писарев», СПб. 1868.

[135] Второе предостережение аксаковской «Москве» было дано за передовую статью № 8, о которой Никитенко упоминал в записи 28 апреля 1868 г. В статье было усмотрено «резкое порицание правительственных мероприятий по важному предмету государственного правосудия, причем допущены выражения и суждения, выходящие из пределов приличия» («Материалы о печати и цензуре», т. II, стр. 149—150).

[136] Материалы Н. И. Цылова о польском восстании использованы в его «Дневнике» за 1863—1864 гг. («Щукинский сборник», кн. V, стр. 367—442) и в автобиографии: «Описание моей жизни» (там же, кн. VI, стр. 40—212).

[137] В первых числах мая петербургские и московские газеты поместили подробные сообщения о процессе тамбовского гимназиста Горского, убившего семью купца Жемарина, якобы с целью грабежа. Реакционная печать, возглавлявшаяся Катковым, настойчиво утверждала политический характер убийства, — в интересах «польской национальности» (см., например, передовую статью «Московских ведомостей», 1868, № 100 и др.).

[138] Возможно, Никитенко имеет в виду первый номер журнала «Народное дело», изданного в Женеве при участии Бакунина.

[139] Имеется в виду статья П. А. Вяземского «Воспоминания о 1812 г.» («Русский архив», 1869, кн. 1, стр. 181—216). Вяземский с позиций реакционно-дворянской историографии обрушился на роман Л. Н. Толстого, обвиняя его в «историческом вольнодумстве».

[140] Речь идет о книге: «Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Издание Ю. Самарина», вып. I, Прага, 1868; в ней Самарин резко выступал против онемечения населения прибалтийских губерний (Сочинения Ю. Ф. Самарина, т. VIII, М. 1890, стр. XIV). Ср. Я. Зутис, Очерки по историографии Латвии, ч. 1, Рига, 1949, стр. 162—164. О впечатлениях Никитенко от книги Самарина см. запись 28 октября 1868 г.

[141] Речь идет о стихотворении Вяземского «Поминки» («Дельвиг, Пушкин, Баратынский») («Русский», 1867, № 7—8, стр. 111) и его же статье «Поминки по Бородинской битве» («Русский архив», 1868, № 2, стр. 175—182). «Стихи Бибикову» — в печати не появлялись.

[142] Подобно статье П. А. Вяземского, книжка А. С. Норова «Война и мир. 1812 г. с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир», СПб. 1868 (отдельный оттиск из «Военного сбор-

ника», 1868, № 11) является выражением негодования дворянских реакционеров на роман Толстого. Норова, в частности, возмущало развенчание Толстым Александра I и придворной партии, изображение им войны 1812 г. как *народной* войны и т. д.

[143] Воинствующий реакционер В. Д. Скарятин 8 октября 1868 г. выступил в Смоленске на торжественном обеде по случаю открытия железной дороги между Витебском и Рославлем с речью, которая была прервана негодующими возгласами присутствовавших и заглушена звуками оркестра. Это происшествие дало повод к газетной полемике, причем некоторые буржуазно-либеральные органы вроде «С.-Петербургских ведомостей» и «Голоса» взяли Скарятина под защиту, находя, что, не дав ему возможности закончить свою наглую речь, присутствовавшие нарушили «свободу слова».

[144] Имеется в виду книга М. Я. Морошкина «Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени», т. I, СПб. 1867.

[145] Третье предостережение газете «Москва» и новая ее приостановка официально аргументировались тем, что газета «продолжает обнаруживать прежнее резкое и крайне неумеренное направление, которое неизбежно ведет к возбуждению вражды между населениями и раздражению против действий правительственных властей» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 153—154). Министр внутренних дел Тимашев решил воспользоваться этим случаем, чтобы вовсе прекратить издание «Москвы». Дело перешло в Государственный совет. Здесь большинство высказалось за прекращение издания, и Александр II 13 апреля 1869 г. это решение утвердил (см. ниже, записи 31 января и 13 апреля 1869 г.; «Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 7—105).

[146] После московского славянского съезда австрийское правительство стало преследовать Я. Ф. Головацкого за его выступления с призывами к объединению галичан с Россией. Эти преследования заставили Головацкого покинуть Львовский университет и переехать в Россию. 22 декабря 1867 г. он был назначен председателем Виленской комиссии для разбора древних актов. После дипломатического урегулирования вопроса с австрийским правительством Головацкий был принят в русское подданство (июль — сентябрь 1868 г.).

[147] Никитенко имеет в виду брошюру М. О. Кояловича «О почившем митрополите литовском Иосифе», СПб. 1869.

[148] В результате террористической обрусительской политики, проводившейся в польско-литовских губерниях Муравьевым-Вешателем и Кауфманом, экономическое положение страны было сильно подорвано. Назначением Потапова имелось в виду исправить создавшееся положение. С первых же шагов Потапов столкнулся с необходимостью изгнать многих чиновников, взяточников, стяжателей и казно-

крадов, устремившихся в «Западный край» в целях наживы и обогащения. В связи с массовыми увольнениями государственных служащих реакционная печать подняла вопль о том, что Потапов «действует в интересах поляков» и т. д.

[149] Официально предостережение газете «Новое время» было объявлено (27 ноября 1868 г.) за то, что в ней «неоднократно появлялись резкие и неприличные отзывы и суждения о действиях управления в Царстве Польском и западных губерниях», а также «постоянно перепечатываются из иностранных газет превратные и даже враждебные толки о высших правительственных лицах и положении дел в нашем отечестве» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 154). Из журнала Совета Главного управления по делам печати того же числа видно, что, предлагая министру объявить газете предостережение, Совет «имел в виду в особенности статью в № 232, заимствованную в газете «Süddeutsche Presse», в которой передаются толки о несостоятельности настоящей организации русской армии».

[150] Официальная правительственная газета «Правительственный вестник» должна была заменить ряд газет, издававшихся отдельными министерствами («Северная почта», «Русский инвалид» и т. д.). Кроме общегосударственных соображений, в данном вопросе большую роль играла борьба отдельных группировок внутри правительства, в частности желание Шувалова и Тимашева стать единственными и полновластными руководителями правительственного курса. См. А. В. Шабалов, Политическая печать и возникновение «Правительственного вестника» («Русское прошлое», кн. 3, 1923); Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы. Воспоминания. Л. 1929, стр. 349—351.

[151] Прием Д. А. Толстым делегации женщин, в которой принял участие также А. Н. Бекетов как представитель университета, состоялся 26 ноября 1868 г. «Разговор был довольно странный... — вспоминает об аудиенции одна из участниц, Н. В. Стасова. — Министр... много-много препирался и говорил, что это затея нашего кружка, что этого совсем не надо для женщины, что она выйдет замуж — и все науки в сторону, и что этого только малое число желает. Когда же мы указывали на массу подписей, заявлявших желание женщин, он ответил: «Да это все бараны. Вы запевалы, а им все равно, на что и куда идти, — новость, вот и все». Я едва держалась от досады. Потом я узнала, что и все мои товарищи испытывали то же негодование, особенно А. Н. Бекетов» (Владимир Стасов, Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб. 1899, стр. 182—183). В заключение Толстой, отвергнув идею о женском университете, обещал все же исхлопотать разрешение на «публичные лекции». Разрешение это было дано 21 декабря 1868 г. (там же,

стр. 184—187; ср. «С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878—1903. Очерки и материалы», СПб. 1903, стр. 29—32).

152 Конференция европейских держав в Париже (январь 1869 г.) была созвана для урегулирования турецко-греческого конфликта, вызванного поддержкой Греции национально-освободительного движения на Крите. Представители Греции были приглашены с правом совещательного голоса, и греческое правительство вовсе отказалось от участия в конференции. Представители Англии и Франции всецело поддерживали турецкие претензии к Греции, и только твердая позиция России предотвратила вооруженную интервенцию. По настоянию России Греция согласилась не допускать на своей территории враждебных действий против Турции.

153 Некролог А. С. Норова, составленный Никитенко, напечатан также в газете «Современный листок», 1869, № 91.

154 Описание юбилейных университетских торжеств см. в книге «Юбилейный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1869 года», СПб. 1869.

155 В речи В. В. Григорьева было сказано, что, по самому «свойству» университетов, «образование, сообщаемое ими воспитанникам своим, ставит последние... гораздо выше питомцев всяких других учебных заведений высшего разряда», так как «университет, давая студенту запас специальных знаний не меньший того, какой приобретается в специальных академиях, сообщает ему с тем вместе... огромную массу энциклопедических сведений, которая расширяет горизонт его воззрений и вселяет в него искреннее уважение к знанию вообще, а не только к тому отделу этого знания, которому посвятил он себя преимущественно» («Юбилейный акт», стр. 93).

156 Имеется в виду клеветническая «комедия» реакционера-мракобеса В. П. Мещерского, изданная анонимно: «Десять лет из жизни редактора журнала. Рассказ в диалогах. В 4 эпохах и 5 частях», СПб. 1869. О чтении и о самой пьесе присутствовавший на чтении М. М. Стасюлевич подробно рассказал в письме к С. И. Пономареву 27 января 1879 г. В пьесе, писал он, «была выставлена в глупой, но злой карикатуре редакция «Современника» с Некрасовым во главе, и в редакции, при поднятии занавеса, торжествуют апраксинский пожар и соболезнуют о том, что не сгорел Гостиный двор, и т. д. — на эту тему. Одним словом, редакция изображена в виде вертепа». («Письма... к С. И. Пономареву», М. 1915, стр. 21). Ср. также М. С‹тасюлевич›, Князь П. А. Вяземский (некролог) («Вестник Европы», 1879, № 1, стр. 438—439).

157 Подробно об этом рассказывает А. И. Дельвиг (Полвека русской жизни. Воспоминания, т. II, «Academia», стр. 487—489).

[158] Закрытие Медико-хирургической академии было связано с ростом революционных, противоправительственных настроений в среде студенчества. В первых числах марта произошло несколько столкновений студентов с администрацией из-за запрещения сходок и ареста студенческих старост и делегатов. Узнав о намерениях студентов провести широкую демонстрацию, правительство закрыло академию, уволило ее президента П. А. Нарановича, запретило появление студентов вообще в районе академии. Это повело к широким беспорядкам, охватившим ряд высших учебных заведений Петербурга. См. С. Г. Сватиков, Студенческое движение 1869 года («Наша страна. Исторический сборник», № 1, 1907, стр. 165—249).

[159] Беспорядки в Технологическом институте, считавшемся полувоенным учебным заведением, были особенно неожиданными для администрации, которая всячески старалась преуменьшить их размеры. Основываясь на официальных сообщениях, «С.-Петербургские ведомости» сообщали 21 марта, что в сходке приняли участие только 40 человек, а остальные 500 им не сочувствовали, что все лекции состоялись и т. д. Однако уже на следующий день газета признала, что в сходке участвовало более половины всех студентов и что состоялась только одна лекция. Столкновений студентов с вызванными жандармами не было.

[160] Запись Никитенко основана на грубо-тенденциозном искажении подлинных событий. Даже в официальных документах совета университета нет упоминаний о каких бы то ни было «бесчинствах» студентов. См. упомянутую статью С. Г. Сватикова, стр. 201—204.

[161] Прокламации, о которых говорит Никитенко, содержали требования, выставлявшиеся студентами всех учебных заведений. Кроме упомянутых в дневнике двух требований, студенты требовали также права организации кассы взаимопомощи и библиотеки, а также права выбора своих представителей («депутатов») и их участия в распределении стипендий и пособий.

[162] Запись Никитенко не позволяет с точностью установить, о каком замысле А. Н. Майкова идет речь. Предназначенные для детей и народа «Рассказы из русской истории» написаны прозой и не подходят под жанр «поэмы»; цикл стихотворений на темы русской истории, «Отзывы истории», не предназначался самим автором специально «для народного чтения».

[163] Иоганн Штраус в продолжение пятнадцати сезонов (1859—1874) выступал в Павловске со своим оркестром.

[164] В своей записи Никитенко, основываясь на слухах, свел воедино два эпизода, непосредственно между собою не связанных, из жизни книгоиздателя Ф. Ф. Павленкова, близкого к демократическому лагерю: судебный процесс за изданную им часть II «Сочинений Д. И. Пи-

сарева», СПб. 1866, и арест (3 сентября 1868 г.) за речь, произнесенную на могиле Писарева, а также за сбор средств для увековечения его памяти. Судебное преследование «Сочинений Д. И. Писарева» (за статьи «Русский Дон-Кихот» и «Бедная русская мысль») было начато вскоре после выхода книги, однако процесс состоялся 15 июня 1868 г. Ф. Ф. Павленков, не ограничиваясь процессуальной полемикой с прокурором, очень убедительно показал, что дело возникло совсем не по поводу инкриминированных ему «правонарушений», что после каракозовского выстрела цензурный комитет «стал... обращать свои преследования не столько на идеи, сколько на знамена этих идей, на известные имена» («Материалы о цензуре и печати», т. III, ч. 1, стр. 293). Это положение Павленков подтвердил совершенно неопровержимым образом. «Будучи вполне уверен, — заявил он, — что в статьях «Бедная русская мысль» и «Русский Дон-Кихот» преследуются не идеи, а вывеска над ними имени Писарева, я, по получении обвинительного акта, отправился в Москву... с целью, переменив заглавие преследуемых статей и имя автора, отпечатать их там вторично не только без всяких изменений, но даже с прибавлением второй половины «Бедной русской мысли», которая не вошла в мое конфискованное издание... Книжка прошла. Я ее сюда принес... Таким образом, палата может видеть, как последовательно наше цензурное ведомство» (там же, стр. 294). Под давлением таких доказательств судебная палата вынуждена была признать, что в обеих статьях «нет ничего противозаконного». Павленков был оправдан (там же, стр. 298—299), но по жалобе прокурора дело было передано в сенат и разбиралось там 14 мая 1869 г.; это разбирательство и имеет в виду Никитенко. Сенат подтвердил оправдательный приговор Павленкову, но одновременно определил «перепечатанную им статью Писарева «Бедная русская мысль» уничтожить (стр. 333). Подчинившись приговору, Павленков при каждом последующем издании сочинений Писарева перепечатывал, в виде особого приложения, стенографический отчет судебного разбирательства, в котором приводились значительные отрывки уничтоженной статьи. — Что касается второго дела, связанного с именем Писарева, — сбора средств для увековечения его памяти, — то, как сказано, Павленков принимал в этом предприятии непосредственное участие, вел переписку в связи с поступавшими к нему с разных концов России деньгами и запросами. Эта деятельность привлекла к себе внимание III отделения, которое арестовало Павленкова и еще нескольких лиц. 11 июня 1869 г. Павленков был выслан в Вятку. См. Б. Федоров. После похорон Д. И. Писарева («Голос минувшего», 1919, № 1—4, стр. 163—167); В. Д. Черкасов, Ф. Ф. Павленков. Отрывки из воспоминаний, СПб. 1907, стр. 10—18.

[165] Вопрос об открытии университета в Варшаве (точнее, о преобразовании в университет так называемой Варшавской главной школы) был поставлен еще в 1864 г. (в рескрипте Александра II 30 августа 1864 г.). Однако среди высших чинов управления Царством Польским эта мысль была встречена крайне враждебно — главным образом из опасения, что университет станет «центром политической пропаганды». Осенью 1868 г. Д. А. Толстой снова обратился к проекту организации университета, предполагая сделать его одним из центров обрусительской политики. Проект был утвержден 8 июня 1869 г.

[166] М. В. Юзефович — один из отвратительнейших и подлейших деятелей реакционной политики царизма в так называемом Юго-Западном крае. Будучи помощником попечителя Киевского учебного округа, он «покровительствовал» Н. И. Костомарову и П. А. Кулишу, особенно последнему (их переписка — в «Киевской старине», 1899, №№ 2, 3), что не помешало ему сыграть откровенно провокационную роль при аресте Костомарова в 1847 г. («Автобиография Н. И. Костомарова», М., 1922, стр. 197—198). Перед реформой 1861 г., в пору оживления националистических настроений среди украинского поместного дворянства, Юзефович намечался на пост войскового писаря (канцлера) предполагавшейся автономной дворянско-помещичьей Украины (см. Украинофил, Еще об украинофильстве — «Русское богатство», 1882, № 2). Польское восстание и правительственная реакция сделали его безоговорочным сторонником реакционной политики царского правительства. В течение многих лет он был негласным, хотя всем известным, консультантом правительства по украинскому вопросу, постоянным доносителем о малейших проявлениях «украинского сепаратизма». Особое и исключительное положение Юзефовича подчеркивал К. Победоносцев в письме к Александру III, рекомендуя Юзефовича как «самого старого и самого почтенного из киевских борцов за русское дело с полонизмом и украинофильством» («Письма Победоносцева к Александру III», т. II, М. 1926, стр. 83). О дружбе молодого Никитенко с Юзефовичем см. «Записки», т. I, стр. 98—100 и сл.; в архиве Никитенко сохранилась его переписка с Юзефовичем.

[167] Драма М. В. Юзефовича «Мазепа», художественно очень слабая, сохранилась в рукописи, в архиве Никитенко (Пушкинский дом, Ленинград).

[168] Тирада, посвященная В. Гюго, является перепевом тех клевет, сплетен и пошлых домыслов, которые, с ведома царского правительства и зачастую по его прямому наущению, не сходили со страниц реакционной русской печати. Эти сплетни, конечно, не могли повлиять на отношение широких читательских кругов к писателю, находивше-

муся в зените славы после появления романов «Отверженные» и «Труженики моря»; последний роман, повидимому, имеет в виду Никитенко, упоминая о «плохом романе» Гюго.

[169] Дело о дополнении и изменении ряда положений закона 6 апреля 1865 г. началось еще в апреле 1869 г. по представлению министра внутренних дел. Полный свод официальных материалов, относящихся к этой новой попытке еще более сузить рамки «свободы печати», см. в «Материалах о цензуре и печати», т. I, стр. 648—741.

[170] Указом 19 февраля 1864 г. крестьяне Царства Польского получили в собственность обрабатывавшуюся ими землю с прибавлением части помещичьих и государственных земель, за что должны были платить значительный поземельный налог. При отчуждении помещичьих земель допущены были крупные злоупотребления. В сентябре 1869 г. Потапов особым циркуляром приостановил было выкупную операцию, с целью тщательной ее проверки. Но в конце февраля 1869 г., приехав в Петербург, он был вынужден отменить свое циркулярное распоряжение.

[171] Об увольнении И. А. Шестакова и П. Н. Батюшкова за раздоры с Потаповым и проводившуюся ими неумеренно грубую руссификацию края см.: В. П. Мещерский, Мои воспоминания, ч. II, СПб. 1898, стр. 105—112; С. Неведенский, Катков и его время. СПб. 1888, стр. 273—275. Ср. также ниже, запись 1 ноября 1869 г.

[172] В. С. Норов был принят в Союз благоденствия в 1818 г., но деятельного участия в нем не принимал. В 1823 г., под Бобруйском, сблизился с некоторыми членами Южного общества и участвовал в обсуждении планов государственного переворота («Алфавит декабристов», Л. 1925, стр. 138). Осужденный по второму разряду, Норов был приговорен к каторжным работам на десять лет. Находился в Свеаборгской крепости, в 1829 г. был отправлен в Бобруйск, в так называемые крепостные арестанты, «без означения срока». В 1835 г. определен рядовым в один из черноморских батальонов, а в январе 1838 г. уволен от службы с дозволением жить в имении отца, под секретным надзором (там же, стр. 365; ср. «Былое», 1925, № 2(30), стр. 87—89). Письма В. С. Норова к родным, о которых упоминает Никитенко, опубликованы в «Русском архиве», 1900, № 2, стр. 273—304; *история 1812 и 1813 одов* — «Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя», СПб. 1834, чч. 1—2. Эпизод столкновения Норова с Николаем нашел отражение в мемуарной литературе, например в «Записках декабриста Д. И. Завалишина» (т. II, Мюнхен, 1904, стр. 43—44), «Записках» Д. Н. Свербеева (т. II, М. 1899, стр. 17) и др.

[173] Основанием этих слухов было появление в «Московских ведомостях» (1869. №№ 199, 206, 208, 215, 223) ряда статей с обвинениями «виленской администрации» (т. е. Потапова) в противодействии закону и царским приказам.

[174] Серия статей А. Д. Градовского, популярного профессора-либерала, «О свободе русской печати» была опубликована в «Судебном вестнике» и «Голосе» в связи с пересмотром закона 6 апреля 1865 г. Статьи эти вошли в книгу Градовского «Политика, история и администрация», т. I, СПб. 1871.

[175] Подробности *совещательного собрания* по поводу «Московских ведомостей» и действительные причины его созыва — неизвестны. Следует полагать, что с этим собранием связано объявленное 8 января 1870 г. предостережение Каткову (см.).

[176] Упоминаемые в дневнике события (прокламации, аресты, убийство студента) являются звеньями революционно-заговорщицкой деятельности С. Г. Нечаева. Последователь анархиста Бакунина («один из немногих агентов Бакунина в России», по определению К. Маркса — Сочинения, XXIV, 348), Нечаев создал в России к началу 1869 г. организацию «Народная расправа», ставившую целью подготовку ряда террористических актов, направленных против самодержавия. Нечаев напечатал за границей (куда он ездил весною 1869 г. и откуда возвратился в начале сентября) несколько листовок, в которых он пропагандировал иезуитски-двурушнические методы революционно-заговорщицкой деятельности. Листовки пересылались на имя члена «Народной расправы» А. А. Черкесова, владельца книжного магазина, арестованного в конце ноября 1869 г., после произведенного у него обыска. В это же время было обнаружено убийство слушателя Петровской академии И. И. Иванова, также члена «Народной расправы», убитого, как впоследствии было установлено, по приказанию Нечаева. Нечаевщину самым решительным образом осуждали Маркс и Энгельс. Они справедливо видели в ней крайнее выражение опасных и вредных тенденций, которые пытались привить революционному движению Бакунин и его сторонники. О процессе Нечаева см. ниже, прим. 229.

[177] 23 октября 1869 г. Отделение русского языка и словесности постановило представить кандидатуру Гильфердинга, состоявшего (с 1856 г.) членом-корреспондентом Академии наук, в качестве адъюнкта общему собранию. 5 декабря 1869 г. производилась баллотировка; Гильфердинг получил 15 избирательных и 18 неизбирательных голосов (Архив Академии наук СССР, Протоколы общих собраний, 1869, №№ 105, 118). Причиной забаллотирования были славянофильские симпатии кандидата, а также опасения ряда академиков, что его избрание усилит «русскую» партию в Академии наук. Эту мысль подчеркнул также Ф. И. Тютчев в своем стихотворении «А. Ф. Гиль-

фердингу» (Ф. И. Тютчев, Полное собрание стихотворений, «Библиотека поэта», Л. 1939, стр. 181—182).

[178] Речь Никитенко «Авраам Сергеевич Норов. Биографический очерк» приложена к Отчету Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1869 г., также составленному Никитенко (ср. Отчеты АН, 1866—1891, стр. 89—112).

[179] Совершенно иначе рисуется эта история в дневниковой записи Е. А. Штакеншнейдер: «У петергофского коменданта Евреинова, — записывает она 5 декабря 1869 г., — есть очень красивая дочь; за этой дочерью приволокнулся очень сильно в‹еликий› к‹нязь› Николай Николаевич. Отец молодой девушки был не прочь от ухаживаний великого князя... Одна ее подруга (С. В. Ковалевская. — *И. А.*)... учащаяся чему-то в Гейдельберге, — которой она писала о своем безвыходном положении, посоветовала ей, чем топиться, приехать лучше сюда...» (Е. А. Штакеншнейдер, Дневники и записки, «Academia», 1934, стр. 412). Ср. также С. Я. Штрайх, Сестры Корвин-Круковские, М., 1933, стр. 121—125.

[180] На причины конфискации намекает оповещение редакции «Судебного вестника», 1870, № 5, о том, что номер этот своевременно «не мог быть выпущен по обстоятельствам, от нее не зависящим».

[181] 8 января 1870 г. министр внутренних дел объявил первое предостережение «Московским ведомостям» за передовые статьи в №№ 2 и 3, которые «изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положение дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству» («Материалы о цензуре и печати», т. II, стр. 162).

[182] А. И. Герцен умер 9(21) января 1870 г. Некролог его, помещенный в «С.-Петербургских ведомостях», 1870, № 13, который Никитенко оценивает как «несколько недурных слов», на самом деле стремился всячески принизить и исказить взгляды Герцена, его деятельность. В достаточной мере характеризует некролог данная в нем пошло-благонамеренная оценка «Колокола» как газеты, «имевшей сначала значительный успех, но потерявшей свое значение с того времени, как русская печать получила некоторые льготы».

[183] Действительно, передовая статья № 8 «Московских ведомостей» написана в покаянных тонах и свидетельствует о том, что реальных расхождений между Катковым и правительством не было. После «покаяния» Каткова правительство рекомендовало Потапову существенно изменить установленный было им курс.

[184] Речь идет о книге Герберта Спенсера «Основания биологии. Перевод с английского под редакцией Ал. Герда», СПб. 1870, два

тома. О процессе по поводу книги см. «С.-Петербургские ведомости», 1870, № 173. Ср. ЦГИАЛ, Дела С.-Петербургского комитета духовной цензуры, №№ 1154, 1483, 1571.

185 В передовой статье № 19 за 1870 г. «Московские ведомости» выражали опасение, что осуществление проектируемой реформы поставит фактически всех министров в зависимость от министра внутренних дел.

186 О высылке доктора Венедикта Орлова, учредившего в Варшаве русскую гимназию, рассказывает Е. М. Феоктистов («За кулисами политики и литературы», Л. 1929, стр. 227—228).

187 Смысл этой записи, очевидно искаженной вмешательством С. А. Никитенко, в настоящее время не поддается расшифровке.

188 В первый раз в 1761 г., когда Петр III отозвал из Пруссии русские войска; во второй — в 1807 г., когда вмешательство России спасло Пруссию от поглощения ее Наполеоном.

189 Цитата из «Записки о древней и новой России» Карамзина.

190 Адресу остзейского дворянства были посвящены передовые статьи №№ 63—64 «Голоса», статья «Курляндские латыши (Письмо к редактору)» в № 65 и др. «Известная записка Карамзина» — «Записка о древней и новой России».

191 Речь идет об одном из изданий Киевской комиссии для разбора древних актов, председателем которой был М. В. Юзефович, — вероятно, о незадолго перед тем вышедшей книге: «Архив юго-западной России, ч. V, т. 1. Акты, относящиеся к истории городов и местечек в юго-западной России (1432—1798 гг.). Под редакцией В. Б. Антоновича», Киев, 1869.

192 Воспоминания М. В. Юзефовича о Пушкине были позднее записаны им («Памяти Пушкина» — «Русский архив», 1880, № 3, стр. 431—446; ср. «Пушкин в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1950, стр. 391—398; см. также письмо Юзефовича к П. И. Бартеневу — «Звезда», 1930, № 7, стр. 231—232).

193 Имеется в виду стихотворение Тютчева «Гус на костре»; см. Ф. И. Тютчев, Полное собрание стихотворений, «Библиотека поэта», Л. 1939, стр. 157—158.

194 Специальной статьи об университетских *беспорядках* (студенческих волнениях) 1861 г. у В. В. Григорьева нет; речь идет, повидимому, о его «исторической записке» «С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования», СПб. 1870, где этому эпизоду посвящены стр. 307—317. Реакционная предвзятость Григорьева в изложении событий вызвала резкие возражения и протесты в либеральной печати. Кроме упомянутой в «Дневнике» статьи в «Голосе», см. В. Д. Спасович, Пятидесятилетие Петербургского

университета («Вестник Европы», 1870, № 4, стр. 765—779; № 5, стр. 312—345); «С.-Петербургские ведомости», 1870, № 62.

[195] Речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 гг., явившейся следствием противоречий между Пруссией, возглавившей движение за политическое объединение Германии, и Наполеоном III, всеми силами поддерживавшим на протяжении многих лет феодальную раздробленность Германии. Война закончилась полным разгромом войск Наполеона, весьма чувствительными потерями Франции (захват Эльзаса и Лотарингии, контрибуция в размере 5 миллиардов франков и т. д.).

[196] В «Правительственном вестнике», 1870, 11 июля была опубликована декларация русского правительства о нейтралитете России во франко-прусском столкновении и готовности «оказать самое искреннее содействие всякому стремлению, имеющему целью ограничить размеры военных действий, сократить их продолжительность и возвратить Европе блага мира».

[197] 4 августа (н. с.) 1870 г. на дивизию генерала Абеля Дуэ, стоявшую в Вейсенбурге (Эльзас), врасплох напали одна баварская дивизия и два прусских корпуса. Французы понесли большие потери; потеряли всю артиллерию и 1000 пленных. 6 августа (н. ст.) потерпела жестокое поражение (у деревни Фрешвиллер) армия маршала Мак-Магона.

[198] 21 августа (2 сентября) 1870 г. в сражении под Седаном девяностотысячная французская армия под командованием маршала Мак-Магона была разгромлена и принуждена к сдаче. Вместе с армией попал в плен находившийся при ней Наполеон III.

[199] Тотчас по получении первых известий о седанском разгроме, 23 августа (4 сентября) 1870 г. в Париже была объявлена республика. В состав республиканского правительства «национальной обороны» вошли преимущественно умеренные буржуазные республиканцы, а частью — тайные монархисты.

[200] Франко-прусская война, как писал В. И. Ленин, поставила Россию в «необыкновенно выгодное международное положение» (Сочинения, т. 2, стр. 13). В связи с этим А. М. Горчаков добился от Бисмарка поддержки русской политики на Востоке, а затем отмены ограничений, наложенных на Россию Парижским трактатом 1856 г. (см. прим. 206).

[201] «Кровожадный карлик», по выражению В. И. Ленина (Сочинения, т. 17, стр. 114), «карлик-чудовище», который «в течение более чем полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что... представлял собою самое совершенное идейное выражение ее классовой испорченности» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. 2, стр. 296), Л. А. Тьер после военного поражения Наполеона III предпринял, в качестве уполномоченного временного правительства

Франции, объезд великих держав Европы, ходатайствуя о «заступничестве». Принятый в Петербурге Горчаковым и царем, Тьер, однако, добился только обещания помощи России в скорейшем заключении мира. Горчаков дал понять Тьеру, что считает приемлемыми те мирные условия, которые, по его сведениям, будут предложены Пруссией. «Надо иметь мужество заключить мир», — закончил беседу Горчаков. («История дипломатии», т. I, М. 1941, стр. 520—521).

[202] М. Р. Шидловский, бывший тульским губернатором, получил назначение начальником Главного управления по делам печати 24 сентября 1870 г. «Подтянуть печать» рекомендовал ему Александр II.

[203] *Раболепство перед Пруссией* было характерно для многих представителей реакционной придворной верхушки и прежде всего — для Александра II. Особенно разительно проявилось преклонение Александра перед Вильгельмом I во время визита последнего в Петербург; см. ниже, записи 26 марта 1873 г. и сл. Как правильно подметил Никитенко, это преклонение разительно противоречило настроениям широких общественных кругов: «Никогда еще наше правительство не находилось в таком разъединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами», — замечает Е. М. Феоктистов («За кулисами политики и литературы», Л. 1929, стр. 111—113).

[204] Свидание Александра II с Вильгельмом I состоялось в июне 1870 г. в Эмсе. Общественное мнение связывало с этим свиданием ряд последующих действий царского правительства, — вплоть до персональных перемещений в правительстве.

[205] Имеется в виду капитуляция осажденной в Меце группировки маршала Базена, принявшего на себя после пленения Наполеона III командование французской армией. Капитуляция Меца (27/15/октября 1870 г.) означала фактическое прекращение сопротивления французских имперских войск.

[206] Речь идет о циркулярной депеше А. М. Горчакова от 19 (31) октября 1870 г. к русским дипломатическим представителям в Западной Европе, опубликованной 3 ноября 1870 г. Депеша перечисляла случаи нарушения другими державами Парижского трактата 1856 г. и указывала, что ввиду подобных нарушений у России нет оснований считать обязательными для себя все пункты трактата, в частности те, которые ограничивали ее суверенные права на Черном море. Конференция держав (Лондон, январь — март 1871 г.) подтвердила требования России («История дипломатии», т. I, М. 1941, стр. 521—522).

[207] Речь идет собственно не о новом воинском уставе, опубликованном только 1 января 1874 г. (см. ниже, прим. 277, 299), но о предварительных «Общих основаниях» к нему, составленных военным ми-

нистром Д. А. Милютиным и утвержденных царем 20 декабря 1870 г. «Основания» эти намечали основные черты предстоящей военной реформы.

[208] Из числа задержанных журналов «Русский архив» был несколько позже благополучно пропущен цензурой, в «Вестнике Европы» (1870, № 12) — вырезаны стр. 692—701 (в работе А. Н. Пыпина, «Очерки общественного движения при Александре I»); об этом Никитенко упоминает ниже. В ноябрьской книжке «Отечественных записок» по требованию цензуры были перепечатаны несколько страниц в статье А. Скабичевского «Очерки умственного развития нашего общества» (упоминания о Чаадаеве и его «Письме») и в повести Марко Вовчка «Записки причетника».

[209] В либеральном *адресе*, представленном Александру II Московской городской думой, вслед за упоминанием о «реформах», уже произведенных, содержалось пожелание дальнейших «благих начинаний» — «и первее всего — простора мнению и печатному слову». Министр внутренних дел Тимашев отказался представить адрес царю; министр императорского двора нашел, что адрес составлен «в неуместной и неприличной форме» («Из памятных тетрадей С. М. Сухотина» — «Русский архив», 1894, № 6, стр. 248—250). Запись Никитенко выразительно подтверждается записью неопубликованного дневника Е. М. Феоктистова, 3 декабря 1870 г. Рассказав о посещении Тимашева Стасюлевичем, Феоктистов передает замечание министра о том, что «не было ничего предосудительного в статье Пыпина; при других обстоятельствах она прошла бы совершенно свободно, но что же делать — теперь такие времена... (это говорит министр внутренних дел!!) Государь очень недоволен печатью и нужно соображаться с его настроением...» (Пушкинский дом).

[210] Профессор сельскохозяйственной химии Петербургского земледельческого института А. Н. Энгельгардт был арестован в ночь на 1 декабря 1870 г. вместе с группой студентов. 5 декабря 1870 г. он был уволен от профессуры, а 10 января 1871 г. за «участие на сборищах в институте» и «внушение воспитанникам безнравственности и демократических идей» ему была воспрещена всякая педагогическая деятельность, и он был выслан из Петербурга в свое именье Батищево. Точные причины высылки оставались «публике» неизвестными, и ей оставалось довольствоваться маловразумительными разъяснениями, что «открыт заговор, или, вернее, *разговор*, но разговор очень скверный», «продолжение нечаевщины, хотя и без убийства» (Е. М. Феоктистов, Дневник, 1870, Рукопись. Пушкинский дом). В деревне А. Н. Энгельгардт в 1872—1887 гг. написал известные свои письма «Из деревни» (последнее издание — М. 1937). В. И. Ленин, устанавливая в работах Энгельгардта черты народничества, в то же время

считал, что его следует причислить к просветителям, что его народнические взгляды «являются как бы сторонней, случайной вставкой, навеянной извне и не вяжущейся с основным тоном книги» (Сочинения, т. 2, стр. 480). Ломоносовская премия была присуждена Энгельгардту в 1870 г. Академией наук за работу «Об изомерных крезолах».

[211] Настоящая запись чрезвычайно существенна для характеристики идейного облика Никитенко. После того как на многих страницах «Дневника» Катков изобличался во всевозможных темных делах, изображался врагом общества и государства, действующим в личных своих целях, оказывается, что существенных расхождений с ним у автора нет, что весь «обвинительный материал» подбирался едва ли не исключительно из-за уязвленного самолюбия, в отместку за ненапечатанную в «Московских ведомостях» статью Никитенко «К молодому поколению» (см. т. II настоящего издания).

[212] Речь идет о статье Н. Косицы (псевдоним Н. Н. Страхова) «Вздох на гробе Карамзина» («Заря», 1870, № 10, стр. 207—232), направленной против главы IV «Очерков общественного движения при Александре I» А. Н. Пыпина: «Карамзин, Записка «о древней и новой России» («Вестник Европы», 1870, № 9, стр. 170—248).

[213] Посмертное «Полное собрание сочинений Н. Ф. Щербины» (СПб. 1873) было составлено по плану, намеченному самим автором; таким образом, «приготовление к изданию» выразилось в просмотре материала с точки зрения цензурной его приемлемости.

[214] В ряде корреспонденций январских номеров «Московских ведомостей» за 1871 г. и в передовых статьях №№ 12, 13 много внимания было уделено материалам ревизии Пермской губернии, происходившей под руководством сенатора Клушина и раскрывшей «поразительное множество фактов, которых нельзя не принять в соображение при суждении о столь необходимых у нас преобразованиях в административных и полицейских порядках».

[215] Комедия А. А. Потехина «Рыцари нашего времени» была в 1868 г. представлена в цензуру. В пьесе главную роль играл выходец из Прибалтийского края немец Кукук, который в качестве управляющего втерся в доверие богатого помещика графа Телятнева и всякими несправедливостями довел крестьян до восстания. Помимо «либеральной» тенденции пьесы (губернатор заискивает у богатого землевладельца), Главное управление по делам печати усмотрело в пьесе «враждебные чувства к дружественной нам нации». Особенно поразил цензурное ведомство взгляд автора, что «только подобным людям и открывается у нас в России дорога». Совет Главного управления разрешил пьесу при условии, что все зазорные места будут радикально изменены (ЦГИАЛ, Журналы заседаний Главного управления

по делам печати, 1868 г.; Н. В. Дризен, Драматическая цензура двух эпох, стр. 178); в переработанном виде комедия была напечатана в «Отечественных записках», 1869, № 2, стр. 465—534.

[216] Изречение приписывается французскому королю Франсуа (Франциску) I, проигравшему сражение при Павии (1525) и взятому в плен войсками Карла I.

[217] Никитенко говорит о работе Д. А. Хвольсона «Характеристика семитических народов», М. 1872, написанной с буржуазно-националистической точки зрения. Содержание работы излагается в «Дневнике» очень неточно.

[218] Национальное собрание Франции, открывшееся 12 февраля 1871 г., уполномочило Тьера вести переговоры о мире в Версале, захваченном прусскими войсками. Никитенко в данной записи говорит о подписании предварительного мира; окончательный договор был подписан 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне.

[219] Настоящая запись является первым откликом в «Дневнике» на происшедшее 18(6) марта 1871 г. провозглашение Парижской коммуны. В оценке Коммуны Никитенко полностью солидаризировался с высказываниями о событиях реакционной прессы, представителей правящих классов и царской бюрократии. См. Ш. Басилая, К вопросу об отношении царского правительства к Парижской коммуне, Сухуми 1954.

[220] О католическом священнике Алоизии Пихлере, служившем в Публичной библиотеке и выкравшем оттуда громадное количество книг, см. в статьях А. Петрова «К истории о краже книг из Публичной библиотеки Пихлером» («Русский библиофил», 1911, № 3, стр. 17—18) и П. Столпянского, «Кража книг из Публичной библиотеки Алоизием Пихлером» (там же, № 4, стр. 61—67). Приговоренный судом к ссылке в Сибирь, Пихлер, по ходатайству прусского правительства, был выслан из России.

[221] Второе предостережение было объявлено «Московским ведомостям» за характеристику (в передовой статье 1871, № 50) «в превратном виде отношений Финляндии к остальной части государства и настойчивое проведение мысли, будто бы действия правительства по управлению западными и прибалтийскими губерниями направлены к возбуждению в них сепаратических стремлений, и осуждение в этом смысле мер правительства».

[222] Подробный рассказ об этой случайно неудавшейся спекуляции см. в воспоминаниях А. И. Дельвига «Полвека русской жизни», т. II, «Academia», 1930, стр. 388—393.

[223] *Одесское происшествие* — трехдневный еврейский погром в Одессе, происшедший в марте 1871 г. Погром был инспирирован местною администрацией и проходил с благословения полиции. Попу-

стительство и бездействие одесской администрации и полиции отмечал даже Катков («Московские ведомости», 1871, № 73).

[224] И. А. Чистович защищал диссертацию «Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека». СПб. 1871. Отчет о диспуте см. в «Голосе», 1871, № 101.

[225] Борьба между сторонниками классического и реального образования была связана со стремлением правительства предельно ограничить доступ к высшему университетскому образованию выходцам из недворянских кругов и общим реакционным правительственным курсом. Выработанный министром народного просвещения Толстым гимназический устав 1871 г. (см. прим. 43) признавал основой гимназического образования преимущественное изучение классических языков и математики; за счет этих предметов резко уменьшалось в гимназиях преподавание литературы, истории, а преподавание естественных наук почти вовсе упразднялось. Наряду с гимназиями учреждались реальные училища, которые должны были дать учащимся образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний»; здесь учащиеся должны были получать подготовку «к занятиям различными отраслями промышленности и торговли». Реалисты доступа в университеты не имели. В докладе Государственному совету Толстой «доказывал», что реальное образование — «если не единственная, то одна из важных причин так сильно охватившего наше учащееся юношество материализма, нигилизма и самого пагубного самомнения» (С. В. Рождественский, Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802—1902, СПб. 1902, стр. 520; ср. Ш. И. Ганелин, Очерки по истории средней школы в России, Л. 1950, стр. 38—64).

[226] Запись является наброском мыслей, использованных Никитенко в статье «Мысли о реализме в литературе» («Журнал министерства народного просвещения», 1872, № 1, стр. 53—54).

[227] 9(21) мая 1871 г. героическое сопротивление парижских коммунаров было сломлено контрреволюционными войсками Тьера. Коммуна подвергалась безудержной травле на страницах буржуазной печати всего мира. Царская цензура объявила предостережение «Вестнику Европы» за статью Е. И. Утина «Франция и французы после войны» (1871, № 12), в которой не упоминалось о «разрушительной деятельности» Коммуны; предназначавшаяся для журнала «Дело» рецензия на книгу Ланжеле и Каррье «История революции 18 марта» не была пропущена цензурой, нашедшей, что она «написана в сочувственном духе к деятелям Коммуны» (И. Айзеншток, Французские писатели в оценках царской цензуры — «Литературное наследство», кн. 33—34, 1939, стр. 845—848). Царское правительство настойчиво стремилось, при содействии печати, не допустить до широкого

читателя ничего такого, что могло бы исторически правдиво обрисовать Коммуну и ее великое революционное значение (ср. Лев Добровольский, Парижская Коммуна в русских запрещенных изданиях 70-х годов — «Книга о книге», вып. III, Л. 1932, стр. 279—294). Инспирированная правительственными органами реакционная печать не брезговала при этом самыми отвратительными, грубо клеветническими измышлениями.

[228] Сообщение Никитенко о результатах голосования по законопроекту в Государственном совете неверно. В заседании 15 мая 1871 г. 29 членов Государственного совета голосовали против законопроекта, а 19 — за него. 6(18) июня Александр II, как и предполагал Никитенко, утвердил мнение меньшинства (см. запись 11 июня 1871 г.).

[229] Никитенко неточно называет политический процесс, начавшийся 1 июля 1871 г., *процессом Нечаева.* На суде фигурировало 11 подсудимых (П. Г. Успенский, И. Г. Прыжов, Ф. В. Волховский, П. Н. Ткачев, А. Д. Дементьева и др.), среди которых, однако, не было самого Нечаева, бежавшего за границу. О Нечаеве см. прим. 176 и 267. Стенографический отчет о процессе публиковался в «Правительственном вестнике», 1871, №№ 156—168, 171—177, 179—180, 182—185, 187, 195—202, 205—206; ср. Б. Базилевский (В. Богучарский), Государственные преступления в России в XIX веке, т. I, СПб. 1906, стр. 160—227; «Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов», М. 1931.

[230] О *скандале* с избранием А. Н. Пыпина в адъюнкты Академии наук упоминается также в ряде дальнейших записей Никитенко. Причиной скандала явилась репутация Пыпина в глазах правительства и реакционных кругов как «красного» и «опасного либерала» (т. е. революционера). Репутация эта поддерживалась преимущественно близким родством Пыпина с Н. Г. Чернышевским и непрекращавшимися письмовыми связями с последним. Под давлением Д. А. Толстого Пыпину было предложено самому отказаться от избрания, что он и исполнил.

[231] М. Р. Шидловский был назначен вторым товарищем министра внутренних дел 15 ноября 1871 г. Тогда же на его место получил назначение М. Н. Лонгинов.

[232] Имеется в виду книга Н. Скворцова «Платон — о значении и борьбе с сенсуализмом и рассудочным эмпиризмом», М. 1871.

[233] Актовую речь Никитенко «Воспоминание о М. М. Сперанском» см.: «С.-Петербургские ведомости», 1872, № 3; Отчеты АН, 1866—1891, стр. 130—143.

[234] С. М. Соловьев был избран ординарным академиком 3 марта 1872 г., М. И. Сухомлинов — 3 ноября 1872 г. (Б. Л. Модзалев-

ский, Список членов Академии наук, 1725—1907, СПб. 1908, стр. 57). Ср. ниже, записи 4 февраля, 3 марта, 3 ноября 1872 г.

[235] Книга М. П. Погодина — «Древняя русская история до монгольского ига», М., 1872, три тома с атласом.

[236] Статья Н. И. Костомарова «Куликовская битва» была напечатана в 1864 г. («Приложение к Месяцеслову на 1864 год», изд. Академии наук, СПб. 1864, стр. 3—24); переписчик, очевидно, не разобрал почерка Никитенко (возможно, в оригинале было: «лет шесть тому назад»). Статья вызвала полемику между Костомаровым и Погодиным, в которую постепенно включились и некоторые другие издания (см. «День», 1864, № 4; «Голос», 1864, №№ 32, 62, 127; «Эпоха», 1864, № 4 и др.). Вторая из упоминаемых статей Костомарова — «Личности Смутного времени. Михаил Скопин-Шуйский, Пожарский, Минин, Сусанин» («Вестник Европы», 1871, № 6, стр. 497—527) — также вызвала протесты ряда историков (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, М. 1912, стр. 279).

[237] Запрещение и приостановка умеренно-либерального «Голоса» мотивировались появлением в газете резких («выходящих из всех пределов приличия») отзывов о правительственных мероприятиях в области народного просвещения.

[238] *Замкнутость* и *непомерная тоскливость* И. А. Гончарова связаны с развитием его нервного заболевания, первые проявления которого относятся еще к концу 50-х гг., к периоду его столкновений с Тургеневым. В неизданном письме Гончарова к С. А. Никитенко, 18 сентября 1870 г., читаем: «Я... всего боюсь, даже встреч с приятелями; гуляя в саду, в каждой встречной женщине подозреваю подосланную госпожу; не показываюсь никуда, потому что нервы не выдержат взглядов, шепота, этого положения» (Пушкинский дом, Ленинград). Ср. также письма А. К. Толстого к М. М. Стасюлевичу 12 ноября и 22 декабря 1869 г. («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. II, СПб. 1912, стр. 338, 344).

[239] «Новые временные правила цензуры» явились результатом «административного восторга» (М. Е. Салтыков-Щедрин) мракобеса Лонгинова и были утверждены 31 мая 1872 г. Правила эти вовсе отстраняли от дел печати судебные органы; все карательные функции в отношении печати предоставлялись административно-полицейским органам, причем для запрещения и последующего уничтожения книги достаточно было представления министра внутренних дел в Комитет министров. Почти совершенно нивелировались различия между предварительной и последующей цензурой, — таким образом по существу сводились на нет скромные «достижения» закона 6 апреля 1865 г. Попытки Головнина и некоторых других членов Государственного со-

вета хотя бы несколько смягчить жестокость «временных правил» — успеха не имели.

[240] Либеральная «экономическая, политическая и литературная» газета «Деятельность» в течение 1870—1872 гг. неоднократно подвергалась предостережениям за «вредное направление» и «настойчивое продолжение» его. Та же формулировка была и в постановлении о запрещении газеты: ей инкриминировалось «представление правительственных действий в совершенно превратном виде и вообще вредное направление».

[241] Братья Мясниковы обвинялись в присвоении чужого имения, в ряде подлогов и даже отравлений. Судом присяжных они были оправданы, — как утверждала молва, — благодаря «тайным проискам» темного афериста А. А. Бильбасова (А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни. Воспоминания, т. II, «Academia», 1930, стр. 287—288).

[242] Обед в честь А. Н. Островского был организован Обществом художников в Петербурге по случаю 25-летия литературной деятельности драматурга. Ср. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. IV, СПб. 1912, стр. 118—119.

[243] А. Д. Дементьева в связи с *Нечаевским делом* обвинялась в том, что «в марте месяце 1869 года напечатала в своей типографии воззвание «К обществу» и распространила таковое с целью возбудить к явному неповиновению власти верховной» («Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. М. 1931; стр. 17). 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой Дементьева была приговорена к четырем месяцам тюрьмы; в январе 1872 г. она была выслана под надзор полиции в Новгород. Впоследствии вышла замуж за П. Н. Ткачева, а в 1879 г., после бегства Ткачева за границу, получила разрешение также выехать за границу, без права возвращения в Россию.

[244] Запись Никитенко довольно точно передает содержание корреспонденции «С.-Петербургских ведомостей» (1872, № 110) из Харькова — о буйном возмущении народной массы против полиции, которая вздумала «усмирять» праздничное народное гулянье, причем пожарными лошадьми было помято несколько человек.

[245] Слух о том, что Катков для вящего подчинения себе Д. А. Толстого прибегает к шантажу, не соответствует действительности и основывался, повидимому, на полустершихся в памяти современников воспоминаниях о близости Толстого к отдельным петрашевцам (особенно к А. Н. Плещееву). «Толстой и Плещеев, — сообщает Е. М. Феоктистов, — были неразлучны... такая тесная связь существовала между ними, что когда Плещеев был посажен в крепость, то все, знавшие их, полагали, что та же участь постигнет и Толстого» (Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, Л. 1929, стр. 164). Феоктистов в другом месте свидетельствует, что

воздействие Каткова на Толстого осуществлялось не без сопротивления последнего: «Каткова едва ли он любил и нельзя сказать, чтобы подчинялся ему без ропота и неудовольствия» (цит. соч., стр. 177; ср. также: «Былое», 1917, № 4, стр. 23; «Дневник П. А. Валуева», Пгр. 1919, стр. 225).

[246] В Национальном собрании Франции монархисты обладали большинством, но распадались на несколько групп, из которых каждая отстаивала собственного кандидата на французский престол: с основным претендентом — графом Шамбором, внуком Карла X, потомком старшей королевской линии Бурбонов, «конкурировали» два претендента от младшей, Орлеанской линии. Упоминание Никитенко о конституции *наподобие испанской* станет понятным, если обратиться к сообщениям июньских газет 1872 г., сообщавших о новом министерском кризисе в Испании, «восьмом со времени вступления на престол Савойской династии» («Московские ведомости», 1872, № 142), т. е. с 1870 г., когда испанским королем был избран Амедей, сын итальянского короля Виктора-Эммануила.

[247] Имеется в виду восьмая сессия международного статистического конгресса, происходившая в Петербурге 8 августа 1872 г.

[248] Как указал М. Лемке (в примечании к изданию «Дневника» Никитенко), ссылаясь на устное сообщение П. А. Ефремова, Тимашев в свое время поместил несколько карикатур в «Искре», «которой и дал позже (в 1870 г.) право выхода без предварительной цензуры» (А. В. Никитенко, Записки и дневник, СПб. 1905, II, 461).

[249] О «странностях» Д. А. Толстого рассказывает также близко его знавший Е. М. Феоктистов, «За кулисами политики и литературы», Л. 1929, стр. 179—180 и др.

[250] *Петровский ботик* («Дедушка русского флота») был «с торжественной церемонией» отправлен весною 1872 г. в Москву на русскую промышленную выставку, организованную по случаю двухсотлетия рождения Петра Великого (А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни. Воспоминания, т. II, «Academia», 1930, стр. 489). Запись Никитенко отмечает «церемонию» возвращения ботика.

[251] Комедия А. Н. Островского «Не все коту масленица» напечатана в «Отечественных записках», 1872, № 9; «Не было ни гроша, да вдруг алтын» — там же, 1872, № 1; «Каширская старина» Д. В. Аверкиева — в «Русском вестнике», 1872, № 1. П. Базилевич — автор многочисленных повестей и драматических сочинений, выходивших отдельными книжками (в издании самого автора); на премию был представлен «Драматический сборник сочинений Петра Базилевича» (М. 1871).

[252] Уваровские премии за 1872 г. были присуждены следующим лицам и сочинениям: А. Павлову — «Исторический очерк секуляриза

ции церковных земель в России», ч. I; М. И. Богдановичу — «История царствования императора Александра I и Россия в его время», 6 томов; Н. И. Костомарову — «Последние годы Речи Посполитой»; Д. В. Поленову — «Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения»; М. Горчакову — «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. синода»; К. И. Невоструеву — «Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века, с исследованием о слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же».

253 По рассказу самого И. Н. Крамского, в 1863 г. совет Академии художеств издал новые правила для конкурса на первую золотую медаль. Правила эти единодушно были признаны слушателями «крайне стеснительными» и «в высшей степени несправедливыми» для конкурентов. Слушатели выделили депутацию (в ее состав вошел и Крамской), которая пыталась убедить совет академии в происходящей несправедливости, но ничего не добилась. После того как — через депутацию — слушателям была предложена тема, очевидно, для них не приемлемая, безмерно далекая от реалистических устремлений молодых художников, Крамской и его товарищи отказались от участия в конкурсе и вышли из Академии (В. В. Стасов, Статьи и заметки, не вошедшие в собрания сочинений, т. II. М. 1954, стр. 63—64).

254 Комедия А. Ф. Писемского «Подкопы» была, при посредстве Н. С. Лескова (см. «Новь», 1895, № 9, стр. 289—290), напечатана во втором сборнике «Гражданина», но вырезана по требованию цензуры и впоследствии, с переделками, опубликована в «Гражданине», 1873, №№ 7—10. О причинах цензурной кары Никитенко упоминает в дневниковой записи 6 декабря 1872 г. Ср. также «Новь», 1891, № 13—14, стр. 40—41; «Петербургская газета», 1885, № 264; А. Ф. Писемский, Письма, Л. 1936, стр. 694—699.

255 Аресту и сожжению подверглись две книги «Беседы» — июльская и сентябрьская; первая — за анонимную статью «Наши монастыри, их богатства и получаемые ими пособия», вторая — за статью И. Беллюстина «Нравственное значение монастырей». Обе книжки затем были перепечатаны заново, с исключением крамольных статей.

256 Запись Никитенко выразительно иллюстрирует общественное внимание, каким пользовался Незнакомец — псевдоним, под которым скрывался получивший впоследствии печа вую известность продажного журналиста редактор черносотенного «Нового времени» А. С. Суворин. В. И. Ленин очень ярко обрисовал в статье «Карьера» общественную эволюцию Суворина, объясняющую и тот его успех в начальную пору деятельности, который отметил Никитенко. «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути, — миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкаю-

щийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути» (Сочинения, т. 18, стр. 250). В конце 70-х гг. Суворин «повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу «найти себя» и найти свою дорожку лакея, награждаемого громадными доходами его газеты *«Чего изволите?»* (там же, стр. 251).

[257] Как явствует из дальнейших записей (12, 18 ноября), «Русский календарь на 1873 г.» (СПб. 1873) А. С. Суворина не был сожжен: издатель должен был лишь исключить некролог Д. Мадзини и статью о росписи государственных доходов и окладах, получаемых «высокопоставленными лицами».

[258] Любопытно, что сам Лонгинов в одной частной беседе настойчиво подчеркивал мнимый политический либерализм установленной им цензуры (Я. Березин-Ширяев, М. Н. Лонгинов. Из воспоминаний библиофила, СПб. 1892, стр. 9—10). В полной мере оценить эти утверждения можно, сопоставив их, например, с рассказом А. М. Скабичевского (в письме к Н. А. Некрасову 24 декабря 1872 г.) о безуспешной попытке спасти свою арестованную цензурой книгу «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе», СПб. 1872 («Литературное наследство», кн. 51—52, 1949, стр. 490—492).

[259] «Лирическая драма» А. Н. Майкова «Два мира» напечатана в «Сборнике «Гражданина», ч. II, СПб. 1872, стр. 1—56.

[260] Имеется в виду полемика в «Голосе», 1871, №№ 18, 38, 111. Ряд неодобрительных высказываний о Карамзине рассеян в публичных лекциях О. Ф. Миллера, «Русские писатели после Гоголя» (3 тома).

[261] Официальное сообщение о предостережении уточняет запись Никитенко. «Голосу» инкриминировалось «превратное истолкование в самых запальчивых и недозволенных выражениях отношений, в кои будто бы поставлены к высшему правительству некоторые классы населения в прибалтийских губерниях, и возбуждение тем общественного недоверия к правительственной власти». «То же направление» отмечено в другом номере газеты «по поводу бывших в Одессе в 1871 г. уличных столкновений» (см. выше, прим. 223). «Неоднократные заявления газеты, — указывается в сообщении, — по вопросам однородным с указанными подают по содержанию и по форме поводы к взаимному раздражению между разноплеменными подданными империи».

[262] Имеются в виду био-библиографические поминки названных лиц, вошедшие в Отчет Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1872 г., СПб. 1872 (Отчеты АН, 1866—1891, стр. 157—192).

263 П. А. Лавровский был ректором Варшавского университета в 1869—1872 гг. и оставил этот пост вследствие неладов с наместником Царства Польского Ф. Ф. Бергом и попечителем учебного округа Ф. Ф. Витте (К. Я. Грот, Братья Н. А. и П. А. Лавровские как деятели науки и просвещения, — «Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР», 1929, т. II, кн. 2, стр. 429—431).

264 «Реализм» — статья Никитенко «Мысли о реализме в литературе» («Журнал министерства народного просвещения», 1872, № 1, стр. 1—56). Говоря здесь о «многих из наших художественно-литературных произведений», в которых «предметы отрицательного свойства рисуются так, как будто в них выражается нормальное состояние человека и общества», Никитенко, в качестве примера, приводит «Дым» Тургенева, не называя прямо ни автора, ни произведение.

265 Наполеон III умер в Англии, 9 января 1873 г. (28 декабря 1872 г. ст. ст.).

266 Имеется в виду «Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым», кн. II, М. 1872.

267 Как указывалось выше (см. прим. 176 и 229), С. Г. Нечаев бежал в 1870 г. за границу, в Швейцарию. Под дипломатическим нажимом швейцарское правительство в августе 1872 г. выдало Нечаева как уголовного преступника, по обвинению в убийстве студента Иванова; 8 января 1873 г. состоялся суд над ним. Стенографический отчет о процессе опубликован в «Правительственном вестнике», 1873, № 10 (ср. Б. Базилевский ‹В. Богучарский›, Государственные преступления в России в XIX веке, т. I, СПб. 1906, стр. 229—252). В начале процесса Нечаев заявил: «Я эмигрант, подданным русского императора быть перестал, формальности вашего судопроизводства не имеют для меня никакого значения» (Б. Базилевский, стр. 229). После объявления приговора, «при выходе из залы подсудимый закричал: «Да здравствует земский собор! Долой деспотизм!» (там же, стр. 252). Приговором суда Нечаев был осужден к каторжным работам на 20 лет.

268 Имеются в виду слова экономиста Е. И. Ламанского на публичном диспуте в Пассаже 13 декабря 1859 г. по поводу деятельности Русского общества пароходства и торговли. Один из участников диспута попытался было расширить рамки обсуждения и коснуться не только финансовой стороны вопроса, но и общественной, однако председательствующий на диспуте Е. И. Ламанский прекратил прения фразой, получившей печальную известность, — заявил, что, по его убеждению, «мы еще не созрели» для публичного обсуждения общественных вопросов. См. об этом статью Н. А. Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словесности» (Добролюбов, IV, 158—173).

[269] М. А. Оболенский (а после него Ф. А. Бюлер) был начальником Московского главного архива министерства иностранных дел, а не Московского государственного архива, как указывает Никитенко.

[270] Амадей Савойский, сын итальянского короля Виктора-Эммануила, был приглашен конституционалистами на испанский престол в декабре 1870 г. Недолгое его царствование прошло в борьбе с парламентской оппозицией и в попытках справиться с гражданской войной. «9 февраля 1873 г. (28 января ст. ст. — *И. А.*), — писал Ф. Энгельс, — королю Амадео надоела его испанская корона; он — первый забастовавший король — отрекся от престола» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 107).

[271] Имеются в виду речи: А. Д. Градовского — «О современном направлении государственных наук», А. Н. Савича — «Коперник». Обе речи опубликованы в «Протоколах заседаний совета С.-Петербургского университета», 1873.

[272] В конце 1872 г. штабс-капитан Квитницкий вследствие решения общества офицеров был переведен из Петербурга в Варшаву. Считая главным виновником случившегося своего командира, полковника Хлебникова, Квитницкий ударил его обнаженной саблей. Преданный суду, Квитницкий был приговорен к ссылке в Сибирь с лишением всех прав; но одновременно суд отметил поведение группы офицеров, доведших Квитницкого до преступления. По ходатайству суда Александр II заменил Квитницкому ссылку разжалованием в рядовые и вместе с тем разослал в различные отдаленные части упоминавшихся на суде офицеров. См.: «Русский инвалид», 1873, №№ 33—39; «Дневник Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 86—87.

[273] Разбор Никитенко поэмы А. Н. Майкова «Два мира» напечатан в виде пространной рецензии на «Стихотворения А. Н. Майкова», т. III, СПб. 1872, в «Журнале министерства народного просвещения», 1874, № 4, стр. 389—409.

[274] В 1869 г. Российская Академия наук предложила ряду стран учредить международную организацию по вопросам, связанным с эталонами метрической системы мер. В течение нескольких лет при деятельном участии русских ученых О. В. Струве, Б. С. Якоби и др. была разработана и в 1875 г. подписана семнадцатью государствами международная метрическая конвенция.

[275] Пятидесятилетие литературной деятельности Никитенко исполнялось лишь в августе 1876 г., так как первая его статья появилась в «Сыне отечества», 1826, № 12. Повидимому, в связи с болезненным состоянием автора дневника, среди близких к нему людей возникла мысль приурочить чествование к пятидесятилетию первого его публичного выступления, 27 января 1824 г., в заседании Острогож-

ского библейского сотоварищества (см. Отчеты АН, 1866—1891, стр. 301—309).

[276] Посещение Петербурга германским императором Вильгельмом I состоялось по приглашению Александра II, о преклонении которого перед своим прусским родственником уже упоминалось выше (ср. также Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, Л. 1929, стр. 114). Раболепием придворно-аристократической верхушки перед Пруссией объясняются и те нововведения, о которых упоминает Никитенко.

[277] Деятельность военного министра Д. А. Милютина, государственного деятеля с широким кругозором,— в частности, осуществлявшиеся им реформы военного дела, — вызывала сильное противодействие сторонников крайней реакции. В своих «Записках» осведомленный генерал Н. Г. Залесов рассказывает о сложной «интриге», «душою» которой был сам шеф жандармов, Петр Шувалов, видевший в Милютине главного своего противника, и его брат Павел, генерал-адъютант, позднее посол в Берлине, «Шуваловы, — рассказывает Залесов, — находились тогда в самых дружеских отношениях и к германскому посланнику, принцу Рейссу, как известно, имевшему значительное влияние на государя и действовавшему именем императора Вильгельма. В сущности же говоря, вся эта партия, сама, может быть, того не сознавая, работала по дудке Бисмарка, боявшегося развития военных сил России» («Русская старина», 1905, № 6, стр. 517). Враждебно относившиеся к Милютину царедворцы (князь Барятинский, два брата Шуваловы, кое-кто из великих князей) нашли себе «общественную» поддержку в крайне реакционных газетах типа «Московских ведомостей» и «Русского мира», на столбцах которых велась систематическая травля Милютина. В марте 1873 г. по инициативе Милютина были созваны секретные совещания для обсуждения мероприятий по дальнейшему увеличению контингентов русской армии (создание резервных и запасных войск) и других вопросов военной организации. Князь Барятинский воспользовался этими совещаниями для выступления против Милютина; последнему с большим трудом удалось добиться сохранения существа своих начинаний. Неопределенная позиция царя в этих спорах давала повод к распространению всевозможных слухов — о предстоящей отставке Милютина и проч. («Дневник Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 40—42, 87—88, 92, 95, 102—103).

[278] М. И. Венюкову принадлежат содержательные и интересные мемуары, изданные за границей, «Из воспоминаний», кн. 1 (1832—1868). Амстердам — Париж 1895; кн. 2 (1867—1876), Амстердам — Париж 1896. Кроме того, ряд его статей мемуарного характера напечатан в журналах «Русская старина» и «Русский архив».

[279] О процессе Е. И. Утина см. В. Д. Спасович, Сочинения, т. V, СПб. 1898, стр. 224—247.

[280] *Хивинский поход* был осуществлен весною 1873 г. и закончился в августе того же года подписанием договора, по которому хивинский хан становился в вассальную зависимость к России. О пребывании В. В. Григорьева в Оренбургском крае см. Н. И. Веселовский, В. В. Григорьев, по его письмам и трудам, СПб. 1887, стр. 110—225.

[281] Некролог В. Г. Бенедиктова Никитенко включил в составленный им отчет Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1873 г. (Отчеты АН, 1866—1891, стр. 198—202).

[282] В начале 1873 г. Тимашев потребовал предоставить министру внутренних дел право устранять, временно или окончательно, редакторов, если они обнародуют какие-либо секретные сведения и откажутся сообщить фамилии лиц, доставивших эти сведения. Комитет министров, с разрешения Александра II, внес это предложение в Государственный совет, и 16 июня 1873 г. был утвержден закон (о нем упоминает Никитенко), действовавший вплоть до 1905 г. См. К. К. Арсеньев, Законодательство о печати, СПб. 1903, стр. 88—89.

[283] Дело, разбиравшееся в сенате, заключалось в следующем. Некий «титулярный советник» Анучин (повидимому, ростовщик) получил из судебной палаты исполнительный лист для взыскания с графа Граббе 15 000 рублей с процентами, а также добился разрешения подвергнуть его аресту до выплаты долга. Арест этот мог произойти лишь после увольнения Граббе от придворной службы, между тем министр двора Адлерберг этого увольнения, под разными предлогами, не производил. Несмотря на формальную законность претензий Анучина, сенат отказал ему в удовлетворении иска, откровенно приняв сторону несостоятельного должника-сановника.

[284] Шах персидский Наср-Эддин в 1873 г. посетил Россию, предприняв большое путешествие по Европе.

[285] Национальное собрание Франции 24(12) мая 1873 г. избрало президентом на место Тьера (отказавшегося уступить требованиям правых партий «сделать политику правительства строго консервативной») монархиста маршала Мак-Магона. Оценивая это событие, Ф. Энгельс писал Марксу 26 мая 1873 г.: «Итак, господина Тьера счастливо перехитрили, и он выброшен вон величайшим ослом Франции, Мак-Магоном. Да, реакция — наклонная плоскость, по которой катятся вниз, раз только вступили на нее» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 412).

[286] Хива была взята войсками генерала Кауфмана 29 мая 1873 г.

[287] «Матица» — название общественной просветительской организации в Чехии (а также в некоторых других славянских странах).

«Матицы» имели задачей содействие национально-культурному движению путем издания книг, создания школ, театров и других культурно-просветительных учреждений.

[288] Постановление о предостережении «Вестнику Европы» отмечало, что в работе А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов» высказывалась мысль, будто бы «осужденное в 1849 г. общество с преступными целями» (т. е. кружок петрашевцев) возникло «вследствие мер самого правительства». В статье «Переделки судебных уставов» обнаружено было «стремление к подрыву доверия к правительству и превратное толкование действий правительства».

[289] «Статья» Никитенко о Тютчеве — небольшая некрологическая заметка «Ф. И. Тютчев» («Русская старина», 1873, № 8, стр. I—IV). В отличие от большинства написанных Никитенко официальных некрологов, наполненных риторическими «красотами» и бесцветными общими рассуждениями, эта заметка содержит ряд живых черт, запечатлевающих облик Тютчева — поэта и человека. «Начиная с ним беседу, вы всегда могли быть уверены, что услышите или суждение правильное и верное о людях и событиях, интересующих общество, или тонкое замечание о каком-нибудь общем предмете, часто новое и оригинальное, или слово, метко обозначающее то, что в устах другого вращалось смутно и темно. Речь его отличалась своеобразным изяществом: говоря с некоторою расстановкою и медленностью, он поражал вас или неожиданным блестящим оборотом, счастливою какой-то находчивостью, или остроумною, тонкою заметкою на случаи, подлежащие осмеянию. Он обладал при этом тою редкою, если можно так сказать, любезностью сердца, которая состоит не в соблюдении светских приличий, хотя ему они очень хорошо были известны, но в деликатном человечественном внимании к личному достоинству каждого, к его праву участвовать в общем обмене мыслей, мнений и убеждений, к его незлоупотребляемой свободе».

[290] 22 июня 1873 г. в «С.-Петербургских ведомостях», в фельетоне Суворина-Незнакомца был рассказан эпизод с управляющим Орловско-Витебской железной дороги Голубевым, который приказал освободить от пассажиров лично для себя вагон первого класса. Голубев привлек к судебной ответственности за клевету Суворина и редактора газеты Э. Ватсона. Судебное разбирательство состоялось в сентябре 1874 г. и закончилось оправданием Суворина и Ватсона. Процесс дал повод реакционной прессе к нападкам на «излишнюю» «свободу печати» в России (см., например, «Московские ведомости», 1874, № 252).

[291] Ни одна из пьес на Уваровском конкурсе 1873 г. премии не получила.

[292] Имеется в виду книжка путевых писем. В. В. Григорьева «Султана Мендали Пиралиева девять хивинских писем в редакцию «Русского мира», СПб. 1873.

[293] 20(8) ноября 1873 г. Национальное собрание приняло постановление о продлении на семь лет полномочий Мак-Магона как президента республики; одновременно была избрана комиссия по пересмотру конституции.

[294] Имеется в виду «Стихотворения А. Майкова», изд. 3-е, кн. I—III, СПб. 1872.

[295] Запись Никитенко показывает, что роль Каткова как закулисного руководителя и вдохновителя реакционнейшей правительственной политики царизма отнюдь не была секретом для общественности. Об этой роли говорит также один из памфлетов начала 70-х гг.:

Кто всей Россией управляет?
Министров ставит и сменяет?
Кто нас берег от разных ков?
    Михал Никифорыч Катков.
Кто усмирил сепаратистов
И в грязь втоптал всех нигилистов,
Кто русских спас от поляков?
    Михал Никифорыч Катков.
Кто, убоясь естествознанья,
Как страшной гидры отрицанья,
Спас от него нас, дураков?
    Михал Никифорыч Катков.
Кто основал лицей, в котором,
Классическим питая вздором,
Готовит родине сынов?
    Михал Никифорыч Катков.
И кто вдруг стал из англоманов
На страже русского дурмана,
Плетей, доносов, кабаков?
    Михал Никифорыч Катков.
Но нам всего не перечесть,
Что делает Каткову честь.
Итак, не тратя лишних слов,
Кричите все: ура, Катков!

(«Голос минувшего», 1916, № 11, стр. 206). О роли Каткова в интригах вокруг закона о воинской повинности рассказывает в своем дневнике военный министр Д. А. Милютин («Дневник Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 108—110).

[296] «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии», СПб. 1874. На страницах сборника сошлись и революционные демократы (В. С. и Н. С. Курочкины, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. Д. Минаев, Н. А. Некрасов) и либералы (И. С. Тургенев,

А. Д. Градовский, П. В. Быков, П. И. Вейнберг), и консерваторы (А. К. Толстой, И. А. Гончаров, А. Н. Майков), и даже крайние реакционеры, вроде М. П. Погодина и В. П. Мещерского; последний даже входил в редакционный комитет «Складчины». Эта идейная пестрота сборника вызвала резкие отклики радикальной печати; см. о них ниже, записи 8 февраля и 8 июня 1874 г. Сборник разошелся в течение нескольких недель.

[297] Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1873 г., составленный Никитенко, см. в Отчетах АН, 1866—1891, стр. 193—220.

[298] Вследствие утраты одной или нескольких страниц копии С. А. Никитенко запись обрывается в самом начале; можно, однако, с полной уверенностью утверждать, что запись эта касается чтения журнала заседания Государственного совета 24 декабря 1873 г. по делу о введении всеобщей воинской повинности («Дневник Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 117—118).

[299] Манифест 1 января 1874 г. объявлял введение нового устава о «всеобщей» воинской повинности. Либеральная публицистика и историография умилялась «стройностью» и «прогрессивностью» устава (см., например, Гр. Джаншиев, Эпоха великих реформ. СПб. 1907, стр. 507—530). Реакционная сущность устава раскрыта В. И. Лениным в статье «Отдача в солдаты 183-х студентов» (1901). «...вот уже более четверти века, — писал В. И. Ленин, — как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время, как великая демократическая реформа...» Между тем «у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, — льготы и изъятия» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 390).

[300] Борьба между Д. А. Толстым и Д. А. Милютиным составляет один из эпизодов интриги, которая велась реакционно-придворными кругами против честного и умного Милютина (см. выше, запись 26 марта 1873 г.; ср. «Дневник Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 119—120). Проискам группы Шувалова-Толстого обязан своим возникновением и проект передать Медико-хирургическую академию в ведение министерства народного просвещения, с тем чтобы в военном министерстве был оставлен один только клинический госпиталь. Дело это тянулось в продолжение почти двух лет (см. «Дневник

Д. А. Милютина», т. I, стр. 133—134. 141, 144, 151, 155). О заключительном этапе этого дела см. ниже, запись 21 ноября 1875 г.

[301] 11 января 1874 г. дочь Александра II, Мария Александровна вышла замуж за английского принца Альфреда Эдинбургского.

[302] Речь идет о переделке А. Н. Майкова: «Кассандра. Сцены из Эсхиловой трагедии «Агамемнон» («Русский вестник», 1874, № 5, стр. 84—107). — «Соборяне. Старогородская хроника в пяти частях» Н. С. Лескова печаталась в «Русском вестнике» 1872, №№ 4, 5, 7, и тогда же вышла отдельной книгой: М. 1872.

[303] В 1874 г. вопрос об избрании И. М. Сеченова в члены Академии наук ставился уже вторично: впервые вопрос этот возник еще в самом начале 60-х гг. Сеченов был избран Отделением, но через несколько дней президент Академии наложил на его избрание вето, и он не был допущен до баллотировки в общем собрании («Автобиографические записки И. М. Сеченова», М. 1907, стр. 118—119, 165). Академиком (почетным) Сеченов был избран только 29 декабря 1904 г. См. Г. А. Князев, Научные связи И. М. Сеченова с Академией наук («Архив истории науки и техники», вып. 7, 1935). Причиной неизбрания Сеченова была ненависть к великому ученому-материалисту со стороны реакционных кругов во главе с обскурантом Д. А. Толстым, вызванная активно-прогрессивной общественной позицией Сеченова, в частности его выступлениями (вместе с Менделеевым, Чебышевым и Бутлеровым) против административно-полицейских преследований революционного студенчества, а также его деятельностью по распространению высшего женского образования в России, в частности по организации высших женских курсов в Петербурге, наконец, его пропагандой передовой материалистической науки, на что с осуждением указывает в своей записи и Никитенко; подробно об этом — в книге В. Каганова «Мировоззрение И. М. Сеченова», ОГИЗ, 1948, а также Х. С. Коштоянц, Сеченов, М. 1945.

[304] Имеется в виду выставка картин В. В. Верещагина. Для характеристики «бесконечных толков» о ней см., например: И. Н. Крамской, Письма, т. I, М. 1937, стр. 248—255; В. Стасов, Выставка картин В. В. Верещагина («С.-Петербургские ведомости», 1874, № 77) и др.

[305] Имеются в виду воспоминания А. Н. Струговщикова, «Михаил Иванович Глинка, 1839—1841 гг.» («Русская старина», 1874, № 4, стр. 697—725).

[306] Письмо П. А. Вяземского к Никитенко из Гамбурга от 14(26) апреля 1874 г. опубликовано в «Русской старине», 1892, № 12, стр. 672—673.

[307] Никитенко подразумевает, повидимому, анекдот, известный по рассказу П. А. Каратыгина, — о том, как Дубельт, призвав однажды

Булгарина, напечатавшего в «Северной пчеле» нечто неодобрительное о петербургском климате и погоде, сказал ему: «Ты, ты, у меня! вольнодумствовать вздумал?! О чем ты там накрюкал?.. Климат царской резиденции бранить?! Смотри!..» (П. Каратыгин, Бенкендорф и Дубельт — «Исторический вестник», 1887, № 10, стр. 168).

[303] Имеется в виду большая статья Н. Радюкина (псевдоним Н. В. Шелгунова) «Литературная благотворительность» («Дело», 1874, № 4, стр. 47—67; цензурное разрешение — 2 июня), посвященная «Складчине» и очень сурово оценивавшая материал сборника со стороны его литературных и общественных достоинств. «На общем собрании литераторов, заявивших свое сочувствие предприятию, — писал Шелгунов, — положено было, что все тенденциозное, полемическое, даже резко публицистическое должно быть изгнано из «Складчины»... Словом, почти все писатели должны были предстать не в своем обыкновенном, теперешнем виде, а возвратиться к пройденному уже, либо явиться, если позволено будет выразиться так, без соли. И все, что могло быть достигнуто при таких наложенных необходимостью условиях, действительно достигнуто. «Складчина» — идеал «бестенденциозного сборника». Очень резко отозвался Шелгунов о помещенной в «Складчине» статье Никитенко — разборе драмы А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

[309] Никитенко имеет в виду так называемый процесс народников-«долгушинцев», которые обвинялись «в составлении и распространении прокламаций преступного содержания», для чего кружком была организована собственная нелегальная типография. Прокламации распространялись участниками кружка среди крестьян во время «хождения в народ»; одновременно велась среди крестьянства пропаганда за уничтожение оброков, увеличение наделов, ликвидацию рекрутчины, организацию «хороших школ», уничтожение паспортов и др. Вместе с массой народников долгушинцы не понимали передовой роли рабочего класса, ошибочно считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство, что власть царя и помещиков можно свергнуть путем одних лишь крестьянских бунтов. Материалы процесса долгушинцев опубликовал Б. Базилевский (В. Богучарский), Государственные пр. пления в России в XIX веке, т. I. СПб. 1905, стр. 254—318.

[310] Маршал Базен во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. предательски сдал пруссакам крепость Мец с 173-тысячной армией и тем открыл врагам путь на Париж. В 1873 г. был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением; в следующем году бежал за границу.

[311] 16 марта 1873 г. А. Ф. Писемский уведомил Никитенко о том, что им представлена на Уваровскую премию комедия «Подкопы» (А. Ф. Писемский, Письма, Л. 1936, стр. 252) Одновременно с «Подкопами» Писемский представил и вторую пьесу, драму в четырех действиях «Ваал» («Русский вестник», 1873, № 4, стр. 482—567). «Из самого заглавия, — читаем о ней в том же письме к Никитенко, — вы уже, конечно, усматриваете, что в пиэсе этой затронут вряд ли не главнейший мотив в жизни современного общества: все ныне поклоняется Ваалу — этому богу денег и материальных преуспеваний и который, как некогда греческая Судьба, тяготеет над миром и все заранее предрекает!..» (там же, стр. 252). Кроме этих двух пьес Писемского, на конкурс были представлены еще четыре пьесы, в том числе «Снегурочка» А. Н. Островского и «Разоренное гнездо», комедия в четырех действиях Д. Д. Минаева, скрывшегося под девизом (напечатана под заглавием «Спетая песня» в «Вестнике Европы», 1874, № 5, стр. 119—231). Никитенко в своем отзыве высоко оценил «Ваала», однако обратил также внимание комиссии на пьесу «Разоренное гнездо», которая большинством голосов (пять против одного) и была признана достойной большой Уваровской премии в 1500 рублей (Архив Академии наук СССР. Дело конференции 1874 г. № 453; А. Ф. Писемский, Письма, Л. 1936, стр. 700—703).

[312] 11 сентября 1874 г., во время посещения катковского лицея представителями министерства народного просвещения, брат М. Н. Каткова Мефодий (два сына которого учились в лицее) неожиданно выстрелил в П. М. Леонтьева. Последний отделался испугом, но тяжело раненным оказался сторож. Инцидент этот привлек внимание газет (см., например: «Русские ведомости», 1874, № 197, 199; «Московские ведомости», 1874, № 230 и т. д.). Мефодий Катков был психически ненормален; возбужденное состояние было усилено убеждением, что Леонтьев является виновником слабых успехов его сыновей, что он «придирается» к ним. См. сборник «И. С. Тургенев» под редакцией Н. Л. Бродского (М. 1940, стр. 134—136).

[313] Подробное изложение позорного процесса игуменьи Митрофании (баронессы Розен) см. в книге Е. И. Козлининой, «За полвека. 1862—1912 гг.». М. 1913, стр. 184—207. Процесс этот, закончившийся ссылкой обвиняемой в Сибирь на поселение, вызвал к себе большой общественный интерес, причем в то время как прогрессивные круги бичевали служителей церкви за лицемерие и стремление к наживе, — по указу синода в московских церквах ежедневно служились молебны «о даровании игумении Митрофании силы перенести ниспосланные ей испытания» (там же, стр. 205).

[314] Прусский дипломат граф Генрих Арним, бывший в течение

ряда лет послом во Франции и сыгравший видную роль в заключении Версальского мира после франко-прусской войны, в сентябре 1874 г. был арестован по обвинению в сокрытии ряда документов чрезвычайной политической важности, компрометировавших многих лиц, в том числе самого Бисмарка. Боязнь разоблачений побудила прусское правительство дать Арниму возможность уехать за границу, после чего он заочно был приговорен к девяти месяцам тюрьмы.

315 И. Ф. Цион, заменивший в Медико-хирургической академии популярного И. М. Сеченова, с первых шагов поставил себя в оппозицию прогрессивной части профессуры и студенчества. Реакционер по политическим убеждениям, Цион неоднократно использовал академическую и университетскую кафедры для «изничтожения» нигилистов и нигилизма, вызывая энергичные протесты студенчества. Большое возмущение вызвал случай, когда, по словам Н. Н. Страхова (в письме к Л. Н. Толстому, 8 ноября 1874 г.), «Цион принес на свою первую лекцию... свою полемическую брошюру и стал раздавать ее студентам, прибавляя разные объяснения и величания». Студенты «разразились свистом и шиканьем и пошвыряли в профессора полученные от него брошюры» («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПб. 1914, стр. 54). К протестам слушателей Медико-хирургической академии присоединились студенты университета и других высших учебных заведений (см. запись Никитенко 3 ноября 1874 г.); в результате возникшей широкой волны общественного протеста Цион был вынужден уехать за границу. Как замечает советский исследователь, «крупные научные заслуги Циона не могли заслонить его от враждебности, которая была вызвана его реакционными общественными взглядами» (Х. С. Коштоянц, Очерки по истории физиологии в России, М. 1946, стр. 239; там же, стр. 236—239, — об обстоятельствах, непосредственно предшествовавших уходу Циона).

316 В конце 1874 г. «для коренного исследования вопроса о студенческих беспорядках» было создано особое совещание под председательством Валуева. Совещание (в состав его вошли министры: военный, внутренних дел, юстиции, народного просвещения, шеф жандармов и др.) признало причиной «беспорядков» сохранившиеся в университетах остатки студенческой и профессорской автономии. Поэтому в качестве мер для предотвращения «беспорядков» в будущем совещание предложило ограничение автономии профессорских коллегий, изъятие из их ведения всех и всяких административных обязанностей по отношению к студентам, назначение профессоров министерством вместо существовавшего избрания профессоров советами университетов, ограничение «излишнего притока мало приготовленных и материально необеспеченных слушателей» и т. д. 23 декабря 1874 г. Александр II утвердил решения этого совещания (А. Георгиевский, Краткий

исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков, СПб. 1890, стр. 7—11).

317 Речь идет о начале работ (от января 1875 г.) правительственной комиссии для пересмотра выработанных проектов законоположений о найме рабочих и прислуги.

318 Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. IV, явл. 4).

319 Имеется в виду статья Н. И. Костомарова «Царевич Алексей Петрович» («Древняя и новая Россия», 1875, №№ 1—2), написанная по поводу известной картины Н. Н. Ге «Петр и Алексей».

320 В. В. Григорьев фактически был назначен начальником Главного управления по делам печати еще в декабре 1874 г. в связи с безнадежной болезнью М. Н. Лонгинова. После смерти последнего (23 января 1875 г.) Григорьев был утвержден в этой должности с оставлением профессором университета. На университетском акте в 1875 г. была оглашена статья Григорьева «Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами» («Журнал министерства народного просвещения», 1875, № 3, стр. 1—27).

321 Скандальная история взяточничества Б. М. Маркевича, выразительно характеризующая этого великосветского пройдоху, во всех подробностях изложена А. И. Дельвигом, «Полвека русской жизни», Воспоминания, т. II, «Academia», 1930, стр. 544—549.

322 Запрещение розничной продажи «Голоса» было опубликовано в № 52 газеты без всякой мотивировки. Догадка Никитенко о причине запрещения вполне вероятна. Для характеристики фельетона, о котором упоминается в «Дневнике» («Листок» Гаммы — псевдоним Г. К. Градовского), достаточно привести небольшой отрывок. «Печать, стоящая... вне официальных отношений... — писал фельетонист, — не всегда может свободно высказываться насчет иных вопросов. Есть такие вопросы, которые обладают счастливым свойством свидетельствовать о благонамеренности говорящих о них, и потому поступают в исключительное ведение только немногих избранных».

323 Вдова ростовщика С. К. Седкова после смерти мужа составила, — по наущению нотариуса Лисенкова и при участии ряда темных личностей (в том числе нескольких гвардейских офицеров), — подложное завещание в свою пользу. Как говорит в своих воспоминаниях А. И. Дельвиг, «это дело... выказало всю грязную безнравственность многих семейств в среднем слое нашего общества» («Полвека русской жизни. Воспоминания», т. II, «Academia», 1930, стр. 543).

324 Крупный хлеботорговец Овсянников, владевший миллионными подрядами по военному ведомству, из опасения, что подряды эти могут перейти к его конкуренту, организовал (2 февраля 1875 г.) под-

жог принадлежавшей последнему паровой мельницы. 5 декабря 1875 г. состоялся суд над Овсянниковым, приговоривший его к ссылке в Сибирь на поселение (см. ниже, запись 12 декабря 1875 г.). Дело Овсянникова привлекло к себе общественный интерес, так как в руках следствия оказался список интендантских чиновников, получавших от приказчиков Овсянникова крупные взятки. Как отметил в своем дневнике военный министр Д. А. Милютин, «в этом списке оказались почти все смотрители магазинов и даже три чиновника окружного интендантства; им уже предложено подать в отставку; но сплетники и злые языки выдумали, будто в этом списке оказались имена «высокопоставленных лиц» (запись 24 апреля 1875 г.; «Дневник Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 193). Ср. А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, СПб. 1912, стр. 11—20.

325 Высказывания П. Н. Стремоухова, видного дипломата и признанного знатока «восточного вопроса», представляют особенный интерес в части, касающейся сербского князя Милана, который только недавно, достигнув совершеннолетия, начал управлять страной самостоятельно. Нелестные эпитеты, которыми Стремоухов награждал Милана, были вызваны политическим двурушничеством и наглой беспринципностью князя, безмерно обязанного России и тем не менее за ее спиною пытавшегося сговариваться и с Англией и с Австрией — со всеми, кто только мог и хотел его купить.

326 Имеется в виду статья Н. П. Вагнера «По поводу спиритизма. Письмо к редактору» («Вестник Европы», 1875, № 4, стр. 855—869).

327 Цитата из широко распространенного в рукописях в это время стихотворения «Федорушка», приписывавшегося А. К. Толстому (хотя последний несколько раз отрицал свое авторство); см. также запись 3 декабря 1876 г. Цитата Никитенко неточна; в наиболее авторитетных списках ей соответствуют строки:

Обнищала догола,
Пропилась, продралася,
Вся изворовалася!

(А. К. Толстой, Полное собрание стихотворений, «Библиотека поэта», Л. 1937, стр. 169, 787—788).

328 Специальная комиссия по пересмотру университетского устава 1863 г., казавшегося сторонникам правительственной реакции чересчур «либеральным», была создана под председательством Делянова; в нее вошли ставленники Каткова А. И. Георгиевский, Н. А. Любимов (они собственно и дали повод Никитенко заметить, что комиссия составлена из «врагов университета»). Комиссия работала в течение нескольких лет и, несмотря на противодействие представителей университетов, настаивавших на сохранении положений 1863 г., выработала

проект нового устава, ограничивавшего права университетского самоуправления. Проект этот в начале 1880 г. был внесен на рассмотрение Государственного совета, но отставка Толстого (апрель 1880 г.) отсрочила утверждение нового устава до 1884 г. (С. В. Рождественский, Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802—1902, СПб. 1902, стр. 502—504).

[329] О замечаниях Д. А. Оболенского на отчет министерства народного просвещения и о судьбе его «записки» см. «Дневник Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 133—134, 192.

[330] Описанию юбилея В. Я. Буняковского была посвящена брошюра «Описание празднования докторского юбилея академика, тайного советника В. Я. Буняковского, 19 мая 1875 г.», СПб. 1876. Речь А. В. Никитенко, кроме того, появилась в «Новом времени», 1875, № 129.

[331] За отсутствием оригинала «Дневника» невозможно исправить данную, явно ошибочную запись: Никитенко никогда не писал «биографии Муравьева», не появлялось в «министерском журнале» (т. е. «Журнале министерства народного просвещения») и подобной биографии, написанной кем-либо другим.

[332] Циркуляр министра народного просвещения попечителям учебных округов от 24 мая 1875 г. касался «преступной пропаганды, обнаруженной в некоторых местностях империи». Толстой отмечал в нем, что «революционеры избрали орудием своей гнусной пропаганды то, что для каждого честного и просвещенного человека составляет предмет особой заботливости и охраны, — юношество и школу». Он приказывал позаботиться организацией отпора «тлетворному» влиянию на юношество семьи, отцов и матерей, поручив «наставникам» надзор за этим влиянием. Циркуляр Толстого был не только «бестактным», как характеризует его Никитенко, но и явно провокационным, пытавшимся посеять рознь между семьей и школой, превратить последнюю в некий придаток полицейских учреждений.

[333] Дело о ведомственной принадлежности Медико-хирургической академии (см. выше, прим. 300) окончательно рассматривалось в Комитете министров 19 мая 1875 г. Подавляющим большинством голосов было решено оставить Академию в военном ведомстве, однако среди меньшинства оказался председатель Государственного совета, великий князь Константин Николаевич (подробности заседания — в «Дневнике Д. А. Милютина», т. I, М. 1947, стр. 197—203). Последнее обстоятельство давало повод предполагать, что Александр II может утвердить мнение меньшинства. «Всеобщее удовольствие», о котором упоминает Никитенко, связано с тем, что противоположное решение неминуемо должно было бы повлечь за собою отставку Милютина, весьма популярного в либерально-буржуазных кругах.

[334] Речь идет о политическом процессе группы рабочих, студентов, солдат (Дьяков, Сиряков, Герасимов, Александров, Зайцев, Янсон и др.), обвиняемых в чтении запрещенных книг, «возмутительных» разговорах и революционной пропаганде. Упоминаемый в дневнике Никитенко отчет опубликован в «Правительственном вестнике», 1875, №№ 158—160, 162; ср. Б. Базилевский (В. Богучарский), Государственные преступления в России в XIX веке, т. I, СПб. 1906, стр. 318—345.

[335] Речь идет о брошюре «Письмо министру народного просвещения графу Толстому от князя А. Васильчикова», Берлин, 1875.

[336] Имеется в виду статья О. Ф. Миллера «Н. В. Гоголь в своих письмах, 1820—1842 гг.» («Русская старина», 1875, № 9, стр. 99—113) и отклик на нее в статье Х. У. <В. В. Чуйко> «Очерки литературы» («Голос», 1875, № 258). Как отмечал автор последней статьи, Миллер из писем Гоголя «выбирает отдельные фразы, более других с невыгодной стороны рисующие характер писателя, группирует эти фразы, и таким образом является характеристика Гоголя как частного человека. Г. Миллер в своем исследовании не объяснил того умственного и психического процесса, вследствие которого Гоголь от точки зрения первой части «Мертвых душ» перешел к взглядам «Переписки с друзьями»; он только скучно сказал, что Гоголь был «скверный человек».

[337] Речь идет о литературном сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины», СПб. 1876, который предполагалось издать в пользу жертв народного восстания против феодального и национального гнета в Боснии и Герцеговине (так называемое «герцеговинское восстание», 1875—1876 гг.). Восстание, подавленное турецким правительством с громадной жестокостью, привлекло к себе симпатии широких общественных кругов многих стран. В редакционную комиссию сборника, кроме Никитенко, вошли А. Ф. Бычков, Н. В. Гербель, Ф. М. Достоевский, А. А. Краевский, В. И. Ламанский, А. Н. Майков, О. Ф. Миллер, Н. Н. Страхов, то есть преимущественно активные деятели позднего славянофильства. Из представителей других общественных группировок в сборнике приняли участие Н. А. Некрасов (стихотворение «Страшный год»), А. Н. Островский (первое действие комедии «Бо[illegible]я невеста»). Никитенко в сборнике не напечатал ничего, да и в редакционной работе, повидимому из-за болезни, принимал очень слабое участие.

[338] Д. А. Оболенский издал «Хронику недавней старины. Из архива князя Оболенского — Нелединского-Мелецкого» (СПб. 1876), в которой опубликованы записки А. П. Оболенского и много писем разных лиц к нему и к Ю. А. Нелединскому-Мелецкому.

[339] «История новой философии Куно Фишера», перевод Н. Страхова, тт. I—IV. Что именно из произведений Д. С. Милля имеет в виду Никитенко — определить невозможно.

[340] Неточная цитата (заключительные строки) поэмы Пушкина «Цыганы».

[341] О восточном кризисе 1875—1877 гг. и предательской роли в нем Англии см. «История дипломатии», т. II, ОГИЗ, 1945, стр. 22—39.

[342] В 1876 г. английская королева Виктория была провозглашена императрицей Индии, — этим имелось в виду подчеркнуть решающее место Индии в колониальной системе Англии.

[343] *Союз трех императоров* — неточное наименование расплывчатого и декларативного соглашения Александра II, Франца-Иосифа и Вильгельма от 6 июня — 23 октября 1873 г., по которому они обязывались взаимно договариваться между собою в случае возникновения разногласий по конкретным вопросам, чтобы эти разногласия «не возобладали над соображениями более высокого порядка». В случае угрозы нападения извне императоры обязывались уславливаться друг с другом «о совместной линии поведения». Русская дипломатия заключила этот договор, так как он давал некоторые гарантии безопасности западной границы («История дипломатии», т. II, ОГИЗ, 1945, стр. 10—15).

[344] В боях 20—24 августа (н. с.) 1876 г. под Алексинацем М. Г. Черняеву удалось задержать продвижение турецких войск, но 25—30 августа его позиции были обойдены, и положение сербской армии оказалось критическим. Понадобилось вмешательство русской дипломатии, настойчиво потребовавшей от турецкого правительства установления перемирия с Сербией.

[345] Временная приостановка «Русского мира» глухо мотивировалась «вредным направлением» газеты; это ничего не объясняло, так как реакционность газеты была достаточно общеизвестной. Подлинная причина заключалась в чрезмерно откровенной агрессивности руководителей «Русского мира» в области внешней политики, не отвечавшей более осторожной политике царской дипломатии.

[346] Ощущение *запаха войны в воздухе* вызвано, вероятно, опубликованной в газетах нотой сербского премьер-министра И. Ростича от 26(14) сентября 1876 г., в которой сербское правительство отказывалось от предложенного ей Турцией перемирия, означавшего на деле длительную оккупацию сербской территории турками и затяжку переговоров о мире.

[347] Настоящая запись, следует думать, подверглась редакционному усечению в руках С. А. Никитенко, в результате чего обессмыслилась заключительная фраза. Смысл ее, очевидно, тот, что Россия в резуль-

тате децентрализации, утвержденной новым законом, отдается на откуп местным сатрапам различных рангов и положений.

[348] *Обе академии* — т. е. Академия наук и Римско-католическая духовная академия.

[349] Никитенко излагает сущность русско-турецких отношений неточно. 31 октября русское правительство ультимативно поставило перед Турцией требование заключить с Сербией перемирие сроком на 4—6 недель. Для ответа был дан 48-часовой срок. Одновременно была проведена частичная мобилизация русских войск. Турецкое правительство поспешило принять предъявленные ему требования («История дипломатии», т. II, ОГИЗ, 1945, стр. 35—36).

[350] Имеется в виду полемическая редакционная статья газеты по поводу высказываний «Нового времени» относительно статьи «Приготовления России к войне» («Голос», 1876, № 306).

[351] Отмеченное Никитенко *избиение младенцев* — почти одновременное запрещение четырех газет — объясняется стремлением царского правительства прекратить всякие толки о затруднительном финансовом положении страны в перспективе надвигавшейся войны. Показательна дневниковая запись Д. А. Милютина (4 сентября 1876 г.) о том, что «министр финансов представил... записку, в которой изобразил в черных красках невыгодные для России последствия ожидаемой войны», и о том, как эта записка была принята царем и его ближайшим окружением («Дневник Д. А. Милютина», т. II, М. 1949, стр. 93—95).

[352] Неточная цитата из стихотворения «Федорушка»; см. прим. 327.

[353] *Свалка у Казанского собора* — массовая демонстрация в Петербурге, организованная народнической «Землей и Волей» 6 декабря 1876 г. и разогнанная полицией. О демонстрации этой см. Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении (Сочинения, т. III, стр. 150—157). «Казанская демонстрация, — писал Плеханов, — была первой попыткой практического применения наших (т. е. народнических в ту пору. — *И. А.*) понятий об агитации. Понятия эти были в то время еще слишком отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы будем всегда оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к «агитации», а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать» (стр. 156—157).

[354] Газета «Собеседник» была запрещена по личному распоряжению Александра II за опубликование переводной статьи А. Клячко о Бисмарке и кн. Горчакове, шедшей вразрез с политикой царского правительства в «восточном вопросе». Издание газеты возобновилось

25 марта, но вскоре (на № 38) она прекратилась вовсе, вследствие недостатка подписчиков. Редакторами-издателями «Собеседника» были В. П. Клюшников и Ю. М. Богушевич; Никитенко, вероятно, имеет в виду последнего.

[355] Обнародование турецкой конституции 23 декабря 1876 г. явилось англо-турецким дипломатическим трюком, который должен был изменить соотношение сил на Константинопольской конференции «великих держав», созванной для рассмотрения положения на Балканах. С благословения английского посла Эллиота турецкий министр иностранных дел Саффет-паша на заключительном заседании конференции объявил о «великом акте», который «изменил форму правления, существовавшую в течение 600 лет». Все труды конференции были объявлены Турцией излишними, поскольку конституция уже декларирует требовавшиеся великими державами реформы.

[356] Имеется в виду циркуляр Горчакова к дипломатическим представителям России при иностранных правительствах от 19 января 1877 г., в котором Горчаков указывал на неудачу Константинопольской конференции и намекал на дипломатическое коварство Англии. Последнее, очевидно, и вызвало у Никитенко ассоциации и комментарии, которые он и занес в дневник.

[357] Действительной причиной запрещения розничной продажи «Голоса» были корреспонденции (по официальной квалификации, «ложные известия») с театра военных действий на Балканах.

[358] Издание полного собрания сочинений П. А. Вяземского было задумано самим поэтом еще в 1874 г. Издателем явился граф С. Д. Шереметев, а непосредственная работа по собиранию материала, разбросанного по старым журналам и альманахам, легла на Н. П. Барсукова. Самому же поэту «угодно было учредить редакционную комиссию, состоявшую из академиков Бычкова, Грота и Никитенко, которой и поручил печатание его сочинений» (письмо Н. П. Барсукова 6 февраля 1876 г. — «Письма... к библиографу С. И. Пономареву», М. 1915, стр. 33).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

---

* В «Указатель» введены имена и названия журналов, встречающиеся в трех томах настоящего издания. Ссылки на текст «Дневника» даются прямым шрифтом, ссылки на вступительную статью и примечания набраны курсивом.

Кроме прямых указаний на лица, в «Указатель» введены также намеки на них, независимо от того, расшифровываются ли они в тексте или в примечаниях или нет.

Имена и названия журналов, упоминаемые только в статье и примечаниях, не раскрываются.

Справки, как правило, даются применительно ко времени, охватываемому «Дневником» Никитенко.

*

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор П. А. Сидоров
Художественный редактор
А. М. Гайденков

Технический редактор
Л. П. Крючкина

Корректор О. И. Ладышкина

Подписано к печати 25/I 1956 г.
М-11226. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$—36,5 печ. л.
= 29,93 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 35,05.
Тираж 30 000 экз. Заказ 532.
Цена 12 р.

Гослитиздат.
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности.
4-я типография им. Евг. Соколовой.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Том	*Стр.*	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
I	301	36	Даля	Деля
I	501	32	в «Литературных приложениях	в «Литературных прибавлениях
II	34	28	посетителю Делянову	попечителю Делянову
II	587	33	либерального фрондерства	либерального фритредерства